

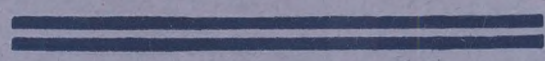
Н О В Ы Й
М И Р

4

Н О В Ы Й
М И Р

1958

4

1958

НОВОЫЙ МИР

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Год издания XXXIV

№ 4

Апрель, 1958 г.

ОРГАН СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ СССР

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
ОЧЕРКИ НАШИХ ДНЕЙ	
ЕЛЕНА МИКУЛИНА — ...Мы строим дом	3
ДМИТРИЙ СТОНОВ — Текля и ее друзья, повесть	16
КАРЛО КАЛАДЗЕ — Ленин в Тбилиси, стихи. Перевел с грузинского М. Максимов	72
ЛЕВ ОШАНИН — Раздумья, стихи	74
ИЛЬЯ ГУЩИН — Два стихотворения	76
ИЗ СТИХОВ СОВРЕМЕННЫХ ИТАЛЬЯНСКИХ ПОЭТОВ	
Сальваторе Квазимодо. Возвращенья. — Франческо Масала. Письмо из Саррабуса мужу-эмигранту. — Марио Сократе. Из книги «Рим в наши годы». — Умберто Саба. Мое достояние. — Иньяцио Буттитта. Чудеса. — Ромоло Ломбарди. Последняя мечта. — Альдо Северини. Каменщик. Закат над портом. Перевели Евгений Солонович, М. Исаковский, Леонид Мартынов, Н. Заболоцкий.	78
ЯРОСЛАВ ГАШЕК — Два рассказа. Перевел с чешского Юр. Молочковский	85
АЛЕКСИС ПАРНИС — Разговор со звездами, стихи. Перевел с греческого Н. Разговоров	90
ПОЛЬ РОБСОН — На том я стою. Перевели с английского В. Бакаев и А. Ульянов	96
НА ЗАРУБЕЖНЫЕ ТЕМЫ	
Ф. ЗАПОРОЖСКИЙ — Заметки о Японии	142
ПУБЛИЦИСТИКА	
Б. ЯКОВЛЕВ — Бессмертные страницы. Новые публикации литературно-го наследия В. И. Ленина в 1957 году	181
ДНЕВНИКИ. ВОСПОМИНАНИЯ. ДОКУМЕНТЫ	
В КАЗАНСКОМ КРУЖКЕ	189
ИЗ ЗАПИСНЫХ КНИЖЕК А. П. ДОВЖЕНКО. Заметки и материалы к «Поэме о море». Перевела с украинского Л. Михайлова	194

(См. на обороте)

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ИЗВЕСТИЯ СОВЕТОВ ДЕПУТАТОВ ТРУДЯЩИХСЯ СССР»
Москва

СОДЕРЖАНИЕ (продолжение)

	Стр.
ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА	
А. ГРОМОВА — Герои нашего времени	237
КНИЖНОЕ ОБОЗРЕНИЕ	
<i>Литература и искусство</i>	
В. Коротеев. Счастье, добытое трудом. — Л. Левицкий. Страницы советской поэзии. — Р. Мессер. Сказание о народном герое. — Л. Ерихонов. «Дедушка» болгарской литературы. — А. Таланов. Улыбка до боли в щеках.	247
<i>Политика и наука</i>	
Кандидат философских наук В. Ливенцов. В. И. Ленин об Украине. — Кандидат исторических наук Ю. Шарапов. Н. Крупская о библиотечном деле. — Кандидат исторических наук Л. Зак. Французский автор о русской революционерке. — Ю. Анненков. Книга о великом единстве. — Кандидат исторических наук М. Восленский. Путь в Германию. — Кандидат биологических наук И. Халифман. Русский предшественник Дарвина.	257
ОТГОЛОСКИ МИНУВШЕГО	
М. Кострова. Собрание книг с автографами	270
РЕПЛИКИ	
Павел Нилин, Лев Кассиль. Еще раз о разговорной речи	276
МЕЖДУ ПРОЧИМ...	
С. Лурье, Н. Ильина. Минин и Пожарский ли? И. К-ий, А. Иглицкий. Кое-что о переводах	279
КОРОТКО О КНИГАХ	282
КНИЖНЫЕ НОВИНКИ	285

ОЧЕРКИ НАШИХ ДНЕЙ

ЕЛЕНА МИКУЛИНА

★

...МЫ СТРОИМ ДОМ

Своими силами

Минувший год был отмечен бурным ростом жилищного строительства. По плану нынешнего года в городах и поселках страны будет построено домов общей площадью 61 миллион квадратных метров — на тринадцать миллионов больше, чем в прошлом.

Шестьдесят один миллион квадратных метров жилищ — это столько же жилой площади, сколько имеют сейчас Киев, Баку, Харьков, Горький, Ташкент, Куйбышев, Новосибирск, Свердловск, Тбилиси, Сталино, Челябинск, вместе взятые.

Шестьдесят один миллион квадратных метров жилищ за один год — это крупный шаг в решении исторической задачи: в ближайшие десять — двенадцать лет ликвидировать в стране недостаток в жилищах для трудящихся.

В постановлении Центрального Комитета КПСС и Совета Министров СССР «О развитии жилищного строительства в СССР» разработаны конкретные меры осуществления этой огромной программы, определены обязанности советских и хозяйственных, партийных и профсоюзных организаций, указаны пути улучшения проектирования, внедрения передовых индустриальных методов строительства, развития производства строительных материалов.

Особое внимание партия и правительство уделяют самодеятельному виду строительства. Начатое по инициативе рабочих Горьковского автомобильного завода, оно разлилось по стране, как весеннее половодье.

В один из мартовских дней минувшего года автор этих заметок побывал на Первомайской улице в Москве.

На строительной площадке возводилась первая стена нового дома, закладывались первые кирпичи. Вокруг высокого мужчины в белом фартуке, орудующего кельмой, толпились люди. И вдруг кто-то крикнул:

— Эй, Марченко! А ты не забыл положить двугривенный, чтоб углы крепче стояли?

Каменщик разогнулся и, поправляя тыльной стороной ладони сползавшую шапку, быстрым взглядом нашел шутника и успокаивающе махнул ему рукой.

— Не беспокойся, Сергей Иванович, дом получится на славу. Обижаться никто не будет.

Возле меня стоял прораб, и я спросила у него:

— Очевидно, мастер своего дела?

— Вовсе нет, — улыбнулся прораб. — По специальности Марченко — токарь. Каменщиком он стал совсем недавно, с тех пор, когда мы начали строить дома своими руками.

— И много у вас таких добровольцев?

— Поболее пятисот. Это вторая партия строителей. Первая уже поселилась в новых домах. Видите новые здания? Это все построено за

один лишь прошлый год работниками нашего завода — пятнадцать тысяч квадратных метров. А в этом году дадим людям еще восемнадцать тысяч!

...Минул год. Сейчас вся правая сторона Первомайской улицы застроена пятиэтажными зданиями. Но высокие стрелы башенных кранов говорят: стройка продолжается.

В нынешнем году здесь намечено возвести своими силами уже двадцать тысяч квадратных метров жилой площади. И не какой-нибудь, а вполне благоустроенной, с центральным отоплением, ванными, хорошо оборудованными дворами. Коллектив завода взял обязательство: решить для своих рабочих и служащих жилищную проблему в кратчайший срок — в течение пяти, от силы шести лет!..

Недавно мне довелось побывать во Львове. Старинный, строгий город с очень плотной застройкой узких, извилистых улиц в прошлом году пополнился ста двадцатью тысячами квадратных метров жилой площади. Из них одна четверть — за счет государственных капитальных вложений, а остальное построено методом народной стройки.

Восемьдесят шесть тысяч квадратных метров жилой площади — это результат строительства своими силами рабочих харьковских предприятий в 1957 году; в новые дома вселилось три тысячи семей. Площадь в сто двадцать тысяч квадратных метров построили себе в том же году донецкие шахтеры и металлурги. Двадцать пять тысяч квадратных метров — столько «сработали» днепропетровцы.

Вспомнилось мне и Высокое — молодежный поселок сормовичей, недавно родившийся на окраине Горького. Приветливые белые двухэтажные дома, широкие проезды. И очень трогательно выглядели тонюсенькие стволы молодых деревьев, посаженных будущими жильцами...

К сожалению, никто не ведет учета самодеятельному строительству, и поэтому трудно определить его истинные масштабы. Несколько месяцев назад «Строительная газета» сделала такую попытку. Редакция разослала запросы в сто городов. Удивительные данные сообщили городские Советы. Оказалось, что в 1957 году методом народных строек в этих городах возводилось столько жилых зданий, что площадь их составила половину того, что строилось по государственному плану. Это в среднем, а в отдельных городах еще больше.

Поистине массовым движением стало самодеятельное строительство в нашей стране. Дело это исключительной важности. Однако оно может быть более эффективным, если его правильно организовать, обобщить опыт, распространить прогрессивные методы строительства.

Родники местной инициативы неистощимы, надо только уметь направить их разрозненные струйки в одно русло.

Любопытен, например, опыт Челябинской области. Здесь инициатива производственников нашла действенную поддержку архитекторов, проектировщиков, работников научных учреждений. Нам кажется, что результаты этой совместной работы, во-первых, помогут многим строителям, а во-вторых, подскажут пути и для иных решений, продиктованных другими местными условиями.

Заманчивая идея

В прошлом году, летом, мне позвонил по телефону главный архитектор Челябинска.

— Вы не собираетесь приехать к нам? — спросил он. — Мы, кажется, нашли свой ключ к дешевому и быстрому возведению малоэтажных домов. Чертовски перспективное дело...

Вскоре Иван Еремеевич Чернядьев сам объявился в Москве; был он необычно оживленный, улыбчивый и словоохотливый. Однако сразу рассказать о своих новых замыслах не захотел.

— А может, мне хочется сначала помечтать,— шутил он.— Давайте представим на минутку, что мы с вами находимся в кабинете председателя горсовета. Какого города? Да любого, где имеется металлургическая или угольная промышленность... На большом совещании руководители предприятий обсуждают вопрос о строительстве своими силами. Все требуют «нажать» на кирпич, лес или в крайнем случае на шлакоблоки. Но выясняется, что в городе этих материалов не хватает даже для планового государственного строительства. Где же выход? Из чего строить? Все в растерянности. И тогда председатель горсовета спокойно говорит: «Никакой паники! Кирпич не потребуется. Возьмите у городского архитектора проект дома, чертежи, сделайте металлическую опалубку и отливайте стенки домов. Хотите — одноэтажных, хотите — двухэтажных. Кому как нравится...»

Видя, что я толком ничего не понимаю, Иван Еремеевич сделал хитрое лицо и продолжал:

— А теперь мы с вами перенесемся в некий районный центр, где нет ни шахт, ни заводов. К председателю исполкома заходит руководитель колхоза...

И Чернядьев начал изображать в лицах разговор:

— «Задумали мы в этом году перестроить наше село, а с материалами туго. Не поможет ли нам райисполком лесом да кирпичом?»

— «Увы, и рады бы,— разводит руками председатель,— да у самих мало.— И вдруг неожиданно спрашивает: — А у вас в колхозе глина есть?»

— «Как же».

— «А отходы соломы?»

— «И это есть, а что?» — недоумевает гость.

— «Прекрасно! Сколько домов собираетесь строить?»

— «Так это от материалов зависит. Можно пятьдесят, а то и побольше».

— «Хоть сто! Слышал про нашу прокатную станцию? Ах, нет? Ну вот записка, поезжай туда, бери комплект металлической опалубки, автокран, автопогрузчик и бетономешалку. Пришлем инструктора, и начинайте строительство. Через несколько дней приеду на новоселье».

— Заманчиво? — расплывается в широкой улыбке Иван Еремеевич и, подняв вверх руки, как бы защищаясь от неизбежных вопросов, говорит уже на полной серьезности: — Все то, о чем я сейчас говорил,— и металлическая опалубка, и прокатная станция, и «литые» дома,— все это вполне реальные вещи. Кое-что уже делается у нас в Челябинске, на заводе металлоконструкций. Приезжайте, посмотрите своими глазами...

«Неужто и впрямь челябинцы отыскивали чудодейственное средство для решения проблемы стеновых материалов?» — думала я, укладывая дорожные вещи в чемодан.

Для того чтобы возвести здание, нужны кирпич или дерево, шифер или черепица и множество самых разнообразных материалов, среди которых далеко не последнее место занимают дефицитные в народном хозяйстве цемент и известь.

Можно найти для строительства жилищ деньги. Нет нехватки и в кадрах строителей. Рабочие любых профессий — горняки, металлурги, машиностроители, текстильщики, кожевники — нашли время и приобрели сноровку для того, чтобы ловко орудовать пилой, топором, кельмой.

Самой сложной проблемой для народныхстроек и для индивидуальных застройщиков оказались материалы. Существующие мощности кирпичных, известковых, шиферных, деревообделочных предприятий пока

еще не рассчитаны на выпуск такого количества продукции, которое потребовало бурно развернувшееся самодеятельное строительство. Этим предприятиям сейчас впору удовлетворять нужды лишь государственного планового строительства, темпы которого также все возрастают. Вот почему на народных стройках видишь самые разнокалиберные конструкции и материалы. Сормовичи строят двухэтажные здания из силикатных блоков. В Павлодаре и Алма-Ате в ход пошли камышитовые плиты. Но больше всего возведено зданий шлаконабивных и из шлакоблоков, изготовленных своими силами на примитивных полигонах. Все это придает большинству народных строек кустарный характер, удлиняет сроки строительства, неизбежно снижает качество зданий, портит их архитектурный облик.

Таким образом, устранение трудностей со строительными материалами — важнейшее дело.

Совершенно очевидно, что у самодеятельного строительства есть все возможности обходиться без помощи предприятий строительной индустрии. Продукция кирпичных и других заводов должна идти прежде всего на сооружение больших, многоэтажных зданий средствами государства, а не на строительство одно- и двухэтажных домов, возводимых силами заводских коллективов.

Вот с этими мыслями я и поехала в Челябинск — посмотреть, как сказал Иван Еремеевич Чернядьев, своими глазами, что там делается, какая заманчивая идея родилась у челябинцев.

За сутки

Декабрь выдался на Южном Урале на редкость ласковый. Правда, мягкий снежок припушил кусты и деревья, лег во дворах и тихих тупиках, а на центральной площади Челябинска даже устроили ледяную горку, с которой непрерывной чередой скатывалась на санках детвора. И все же погода была такая, как будто у ворот города стоит март и, чуть-чуть заведая старуха зима, он украдкой вбежит на городские магистрали.

В один из таких погожих дней конца декабря мы с Бенем Акоповичем Абрамяном, начальником отдела капитального строительства Челябинского завода металлоконструкций имени Серго Орджоникидзе, поехали в новый поселок. Он появился перед нами неожиданно, из-за поворота. Двадцать два домика образовали каре. Все они были построены по одному проекту: белые стены, остроконечная шиферная крыша, широкие окна, на обоях торцах застекленные террасы, высокие крылечки. И, как по заказу, в этот утренний час над каждой печной трубой вился легкий прозрачный дымок.

На пороге одного из ближайших домов показался пожилой человек, собравшийся, видимо, на работу.

— Привет Бену Акоповичу! — закричал он, увидев Абрамяна. — Вы еще не были в моем доме, может, зайдете?

И вот мы в квартире Василия Игнатьевича Лукьянова. В большой, в два окна комнате удивительно чисто, тепло, а вот мебели маловато.

— Раньше не к чему было приобретать шкафы да диваны, — объясняет хозяин, — потому что в одной комнате жили. Но теперь у нас две, да еще кухня-столовая в придачу. И терраса.

Лукьянов широко раскрывает двери всех помещений, похлопывает стены, гладит подоконные доски, он весь светится довольством и счастьем.

— А знаете, как мы строили этот дом? — спрашивает он меня и вопросительно смотрит на начальника ОКСа.

— Уже рассказали, — кивает тот успокоительно. Но Василию Игнатьевичу мало такого ответа. Ему хочется самому объяснить, как

происходило столь важное в жизни его семьи событие, еще раз мысленно пережить те необыкновенные дни, когда он с товарищами впервые пришел на площадку, начал строить собственный дом.

— Вы понимаете, до того ходко дело шло — сердце радовалось, — рассказывал он. — Настал вечер. Пора шабашить. А мы с Михаилом Яковлевичем — сосед мой по квартире — решили: ночка теплая, светлая — давай поработаем. Так и проработали всю ночь. До чего короткой она показалась! Ну так вот. Закончили мы стены своего двухквартирного дома за двадцать четыре часа. Честное слово! И ровно в полдень сели на травку. Закурили и сами себе не верим: правда это или нет? Как в сказке! Уж не помню, — добродушно улыбнулся он, — кто принес поллитровку, но только выпили мы по стаканчику от чистого сердца и бутылку разбили... Так, что ли, жена? — подмигнул он вышедшей из кухни хозяйке.

— Так-то оно так, — степенно ответила женщина, — большое счастье для нас этот дом. Только зря ты, отец, про пол-литра вспомнил. Видишь, человек приезжий, записывает...

— Пусть записывает, — твердо сказал Лукьянов. — Что было, то было. Греха в том нет, чтобы праздник справить. А разве тот день для нас был не праздничный?..

За последние месяцы на заводе металлоконструкций побывали представители многих предприятий из различных городов страны — из Воронежа и Саратова, Омска и Кургана. Краешком уха, через вторых и третьих лиц, они прослышали об экспериментах челябинцев в области «скоростного» строительства и поспешили приехать сюда, позаимствовать опыт.

Дело в том, что Бен Акопович Абрамян, конструкторы Владимир Михайлович Краснов, Василий Алексеевич Суставов и директор завода металлоконструкций Михаил Афанасьевич Попов нашли хороший способ строить жилые дома без кирпича и шлакоблоков. Строить быстро (за сутки — стены двухквартирного дома), дешево, а главное — из материалов, которые в избытке имеются в черте города. Короче говоря, нашли способ соорудить литые дома, то есть сразу отливать всю коробку дома в металлическую опалубку.

Опалубка, сконструированная работниками завода, — это щиты, соединенные болтами и закрепленные на раме. В разобранном виде она напоминает театральные декорации. На одной стене видны оконные проемы, на другой оставлено место для будущей двери, а здесь лежит перегородка. Но все это сделано не из холста, не из картона, а из металла. В собранном виде опалубка напоминает дом, только без крыши. Металлические стены двойные, они закреплены на раме на некотором расстоянии друг от друга. Это пространство заполняется шлакобетоном. Его можно приготовить из доменных, котельных, феррохромовых или других шлаков (как это делается в Челябинске), либо из горелых пород угольных терриконов. В местностях, где нет ни того, ни другого, составной частью бетонов могут служить песок, гравий, опилки, камыш, хворост и даже солома. Все эти материалы, связанные раствором, создадут в опалубке прочную стену.

Применение опалубки — метод не новый, и существо дела в том, что появилась возможность и н д у с т р и а л и з а ц и и строительства небольших жилых домов, помещений для культурно-бытовых и хозяйственных нужд.

Какие же в этом преимущества?

Прежде всего — сроки. Как показала практика, на сборку металлической опалубки бригада из пяти человек при помощи автокрана затрачивала восемь часов. На бетонирование дома с использованием автопогрузчика, на котором установлен ковш, уходит шестнадцать

часов. Таким образом, на возведение стен и перегородок одного двухквартирного дома потребовалось только три смены — двадцать четыре часа, одни сутки!

Для того чтобы возвести такое здание в сборной деревянной опалубке, требуется по меньшей мере пятнадцать дней. Быстрее это сделать невозможно. Опалубка, изготовленная из досок, обычно делается высотой примерно в полметра. По мере того как стена наращивается, деревянные щиты надо передвигать, причем только тогда, когда шлакобетон, залитый в опалубку, «схватится», наберет необходимую прочность. Пока сооружается дом, деревянную опалубку приходится переставлять по меньшей мере двадцать раз. Произведите простое арифметическое действие 15 : 1, и вы увидите, что строительство шлаколитых домов в металлической опалубке сокращает сроки строительства в пятнадцать раз.

Это — одно преимущество. Обратимся теперь к финансовой стороне дела. Сейчас в Челябинске, да и во многих других городах, стоимость каждого квадратного метра колеблется от 1 400 до 1 900 рублей. В двадцати двух домах, построенных силами коллектива завода металлоконструкций по новому способу, в металлической опалубке, квадратный метр обошелся в тысячу рублей; это с учетом работ по благоустройству поселка и инженерного оборудования его территории. А по подсчетам Чернядьева, эта цифра легко может быть снижена до 900 рублей. За те же деньги два метра вместо одного. Две комнаты вместо одной. Четыре дома вместо двух. Разве не увлекательные перспективы?!

Убеждение примером

Войдя в кабинет главного архитектора, я увидела Чернядьева, потрясающего перед своим секретарем пачкой писем.

— Это новые запросы. Отправьте, пожалуйста, всем им наши проекты. — В голосе Ивана Еремеевича сквозило торжество.

Я поинтересовалась, о чем идет речь. Чернядьев развернул чертежи.

— Смотрите, что мы уже успели сделать. Вот проект двухквартирного дома с очень удобной планировкой, а это — двухэтажного восьмиквартирного. Для этих домов разработана и конструкция металлической опалубки. Все утверждено горсоветом еще в октябре. Оказывается, про наши литые домики узнали многие. Хотите знать, кому мы уже отправили проекты?

Иван Еремеевич вынул из стола лист бумаги и стал читать:

— Совнархозу Ивановского экономического района, Сумскому заводу, Куйбышевскому совнархозу, Брянскому горкому, Министерству строительства Таджикской республики... и так далее и так далее. Загуляют теперь наши домики по свету белому.

— А как у себя дома, в Челябинске?

— Решено начать массовое сооружение. Вот читайте, — и Чернядьев протянул мне довольно объемистый документ.

Пусть не посетует на меня читатель за цитирование этого сугубо делового документа, играющего видную роль в описываемых событиях.

«Решение № 292

Исполнительного комитета Челябинского городского
Совета депутатов трудящихся.

13 июля 1957 года.

О широком развитии строительства шлаколитых домов

В целях широкого развития строительства шлаколитых домов индустриальным методом, исполнительный комитет городского Совета депутатов трудящихся решает:

1. Одобрить инициативу коллектива рабочих и служащих завода металлоконструкций, положивших начало строительству жилых домов своими силами индустриальным методом с использованием местных строительных материалов.

2. Обязать Челябингорпроект... до 1 августа 1957 года разработать и представить на утверждение типовые проекты шлаколитых двухэтажных 8-ми и 10-квартирных жилых домов с разработанной на них металлической опалубкой...»

Далее следовал перечень предприятий, которые должны были изготовить пятьдесят комплектов металлической опалубки для строительства шлаковых домов. Были указаны и сроки выполнения. Документ венчали подписи председателя горисполкома товарища Конопасова и секретаря товарища Лобейко.

— Поздравляю с победой,— сказала я, откладывая бумагу в сторону.

Но Иван Еремеевич заставил меня еще прочитать положительное заключение Академии строительства и архитектуры СССР, ее указание Уральскому филиалу — включить тему о шлаколитых домах в план научно-исследовательской работы на 1958 год.

Далее последовали великолепный отзыв Института экономики строительства, рекомендация заместителя председателя Госстроя СССР товарища Гинзбурга... И за всем тем чувствовалось, что Чернядьев чего-то не договаривает, чем-то недоволен.

— Одних одобрений еще мало,— произнес он со вздохом, заметив мой недоуменный взгляд.— Необходимо и реальное обеспечение хороших замыслов, а главное — их популяризация. Мы ведь рассчитываем в 1958 году возвести с помощью металлической опалубки двести тысяч квадратных метров жилой площади. Это ровно в два раза больше того, что в нашем городе было построено силами заводских коллективов и индивидуальными застройщиками в минувшем году. Вы представляете себе, как должно быть развернуто все это дело, как важна здесь согласованность действий...

Просматривая список заводов, которым решением исполкома Челябинского горсовета вменялось в обязанность изготовить металлические опалубки, я заметила, что наибольшее количество ее должен сделать тракторный завод. Интересно, как идет жилищное строительство на этом предприятии?

Как-то я побывала в его рабочих поселках. Они многолики. Одни состоят из кварталов многоэтажных домов, другие расплозились покосившимися хибарками довоенной постройки. На узких кривых улочках не проехать двум встречным автомобилям, и странно выглядят в маленьких двориках нарядные «победы», приобретенные тракторостроителями в личную собственность. Была я и в новом поселке индивидуальных застройщиков, где в нынешнем году на широких, «под линейку» улицах поднялись домики из шлака, выстроенные в передвижной деревянной опалубке. Сколько же еще надо строить таких домов рабочим тракторного завода, чтобы все были обеспечены хорошим жильем?

И вот состоялась беседа с директором завода.

— Да, мы строим своими силами,— сказал товарищ Крицин.— У нас свой полигон для производства шлакоблоков. Почему мы не делаем литые дома в металлической опалубке? Нас этот метод не интересует. Новый опыт? А зачем он нам? У нас имеется свой, старый опыт.

— Но решение горисполкома... рекомендации главного архитектора...

— Послушайте, — сердито перебил меня директор, — зачем, собственно говоря, вы хотите, чтобы я строил «по-чернядьевски», когда я хочу строить «по-крицински»?..

Что означала эта фраза? Неужели руководитель этого крупнейшего предприятия был одним из тех, кто во что бы то ни стало хочет идти только «своей лыжней», хотя рядом уже проложена другая, более прямая?

Нет, дело, видимо, не в этом. В самодеятельном строительстве нет канонов. Почин горьковчан, моментально подхваченный повсюду, претворялся в жизнь по-разному, метод народных строек почти на каждом предприятии принял свои формы. Как правило, на первых порах все стремились использовать уже имеющиеся возможности. На Челябинском тракторном был небольшой цех по производству шлакоблоков. Его расширили, стали строить дома из шлакоблоков. Разумно ли продолжать строить так и дальше — это вопрос другой. Чтобы прийти к правильному выводу, надо прежде всего убедиться в том, что новое решение лучше старого, сопоставить и всесторонне обсудить экономические показатели. Вот это обсуждение в Челябинске, к сожалению, и не состоялось.

В то время как проекты металлической опалубки, фотографии уже отлитых в ней домов, расчеты эффективности такого метода пробивали себе путь в научных организациях, в то время как в Челябинском горсовете принималось решение о широкой подготовке к строительству в нынешнем году, виновница всех событий — опалубка — лежала разобранная на заводе металлоконструкций. Она честно отработала лето, и завод решил ее продать, а для себя изготовить новую, рассчитанную на отливку двухэтажного дома.

Никто не догадался проэкспонировать «малую индустриализацию», провести «семинар» хозяйственников с наглядными пособиями в виде металлической опалубки в действии. Ну, а когда человек чего-либо не знает, пока он не увидел своими глазами, не попробовал, как говорят, на зубок, ему трудно признать целесообразность того или иного нового решения.

Думается, что товарищ Крицин не будет в обиде за то, что разговор с ним послужил автору этих заметок поводом для агитации за внимательное и сочувственное отношение к любому новшеству, в том числе и к металлической опалубке. Сейчас стало возможным покончить с нуждой в жилищах. Нужно искать все способы для быстрого достижения этой цели.

Разумеется, в таком массовом начинании, каким является самодеятельное строительство, могут быть и прямые пути и путаные, неверные тропки. Наряду со скептиками нередко встречаются и горе-оптимисты. И, право, не знаю, кто опаснее для дела. Тот ли, кто не берется за осуществление нового почина, преувеличивая его «рискованность» и призывая к сугубой осторожности, или тот, кто, легко воспламенившись, размахивается «во всю ширь», не подсчитав даже своих экономических возможностей.

Многие хозяйственники все еще не могут отрешиться от привычки рассматривать жилищное строительство как монополию государства. Этому способствовала прежняя система ведомственного управления народным хозяйством. Министерства определяли заводам суммы капиталовложений, находили подрядчика. На обязанности руководителей предприятия оставались только контроль за сроками строительства и рекламации в случае неисполнительности строителей. У директора спрашивают: «Почему не хватает жилищ?» А он становится в позу обиженного: «Неповинен. Заказчик не выполняет обязательств, не укладывается в сроки, а я тут ни при чем».

Строительство «своими силами» в корне меняет положение вещей. Тут завод сам ответчик, начал строительство — доводи его до конца. Да и рабочие покоя не дадут.

Однако очевидно одно: прежде чем затевать это огромной важности дело, необходимо обеспечить себя строительными материалами, причем не только стеновыми, но и кровельными и отделочными. Вот здесь на помощь строителям снова должна прийти наука.

Лицом к жизни

— Нельзя стать архитектором, не будучи строителем. Нельзя создавать прекрасное, не зная свойств и качеств материала, из которого ты хочешь его создавать. Много лет назад я начал приобщение к архитектуре, работая на постройке каменщиком, затем изучил столярное дело, много времени отдал изучению строительных материалов...

Так сказал мне однажды Иван Владиславович Жолтовский, академик архитектуры, старейший русский зодчий.

Высокий, сухошавый, в черной стеганой шапочке, скрадывающей огромный лоб, Иван Владиславович с мягкой иронией очень много повидавшего на своем веку и умудренного опытом человека резко говорил о беспомощности архитектора, отрывающего свое творчество от практики, от жизни.

Академия строительства и архитектуры СССР — самая молодая из наших академий. Ей еще нет двух лет. До этого у нас долгие годы существовала Академия архитектуры. И не случайно после критики, которой партия подвергла деятельность некоторых зодчих, в официальном названии вновь созданного научного центра слово «строительство» заняло свое место рядом со словом «архитектура». Это определило характер задач не только самой академии, но и ее отпрыска — Уральского филиала, организованного недавно в Челябинске по просьбе местных партийных и советских организаций.

Пока что этот штаб строительно-архитектурной мысли Южного Урала живет полупроходной жизнью. Главное помещение, где работают руководитель филиала Николай Михайлович Дудин и конструкторское бюро, размещается в будущей «торговой точке», в первом этаже жилого дома.

Но все эти неудобства — временные. Уже строится на главной улице Челябинска специальное здание, ассигнованы средства для возведения обширных помещений. Всё для вас, товарищи ученые! Только творите, дерзайте, помогайте нам строить дешево и быстро!

И хотя этот призыв не произносится вслух, но коллектив Уральского филиала воспринимает его как должное и уже отвечает конкретными делами. Прямое тому подтверждение я нашла в совнархозе Челябинского экономического района. Один из показанных мне документов гласит: «Построить в Челябинске (в тресте «Челябметаллургстрой») опытный цех по производству ксилолитовых, прессованных плит для полов, мощностью 50 тысяч квадратных метров в год по проекту, разработанному Уральским филиалом Академии строительства и архитектуры СССР, с вводом его в действие во II квартале 1958 года».

Ксилолит. Что такое ксилолит?

Владимир Павлович Дмитриев, научный работник филиала, кладет на стол небольшие плитки. Одни из них своей фактурой напоминают навощенный паркет, другие — свежеекрашенное дерево. Ученый энергично стучит по ним молотком, пытается разрезать ножом, бросает с размаху на пол — плитки ведут себя стойко.

Затем Дмитриев убирает плитки, и вместо них на столе появляются стелы из паркета.

— Цвет можно сделать разный, это зависит от красителя,— поясняет он.— И знаете, сколько стоит квадратный метр ксилолитового паркета? Тридцать один рубль двадцать копеек. Такая же площадь деревянного паркета обходится в сто семь рублей семьдесят копеек. Существенная разница, не правда ли? А ведь это только отходы, пыль, осаждаемая из дымов Саткинского завода, древесные опилки и немного хлористого магния. Теперь будет строиться цех по выпуску таких плит.

Дмитриев старается говорить спокойно, даже небрежно, словно о чем-то само собой разумеющемся. Но глаза и улыбка выдают волнение. Ксилолит, конечно, не открытие, им занимаются многие научно-исследовательские учреждения. Но здесь, в Челябинске, ученым удалось найти производственное решение для массового выпуска дешевого заменителя дорогого паркета, составить удачную рецептуру массы, разработать простую технологию производства ксилолитовых плиток, сконструировать формовочную машину, гидравлические прессы и другое оборудование.

В Уральском филиале все молодо, все бурлит, ищет друг у друга товарищеской деловой поддержки и, конечно, находит. Молодежь, заполняющая лаборатории, проводящая дни и вечера за опытами, дает уверенность в том, что дело науки в надежных руках.

Александр Александрович Войцеховский, заместитель руководителя Уральского филиала, ведет нас из лаборатории в лабораторию, из отдела в отдел, знакомит с людьми.

В одной из комнат за письменным столом сидел сердитого вида человек.

— Наконец-то,— сказал он мрачно и тут же обрушился на Войцеховского с упреками: — Я жду вашего прихода сюда с утра. Конечно, наша лаборатория всегда на последнем месте. Вы не придаете должного значения нашим опытам... Знаете, что это такое? — Он показал на белые кубики.— Это будущие подоконные доски, облицовочные плитки для ванных комнат, лестничные проступи... Возьмите, пожалуйста, перочинный нож, строгайте, режьте эти кубики — они однородны и крепки, как мрамор. И все это шлак. находка! Понимаете, Александр Александрович, золотая жила...

Когда хозяин кабинета сделал небольшую передышку, Войцеховский представил его мне:

— Знакомьтесь, кандидат технических наук Александр Соломонович Фефер, заведует лабораторией шлаковых материалов. Он уверен, что со шлаками можно обращаться так же, как и с металлом,— прокатывать их на конвейерных станах, штамповать под прессом. Впрочем, Александр Соломонович сам гораздо лучше и яснее изложит свою идею...

Рассказ действительно был увлекательным. Ученый как бы открывал окно в очень близкое будущее, когда наша металлургия сможет полностью использовать отходы своего производства, стать поставщиком дешевых разнообразных материалов, необходимых всем строителям, а в первую очередь тем, кто возводит жилища.

По ходу этого рассказа сотрудница лаборатории демонстрировала уже полученные из огненно-жидких шлаков кислотоупорные изделия: кусок трубы, плитки, удивительно похожие на диабазовые.

— Производство их очень просто,— пояснил Фефер.— Шлаковый расплав заливается в форму и прессуется. Затем изделие обжигается в обычной муфельной печи. Таким образом можно получить продукцию любой формы... Огненно-жидкие шлаки — неизведанное богатство. Идея насыщать их паром и при быстром охлаждении за счет этого добиваться их вспучивания, а следовательно, и пористости открывает путь к получению легких стеновых материалов...

Только поздно вечером мне удалось поговорить с руководителем Уральского филиала Н. М. Дудиным.

— Задачи наши — сугубо практические: всячески помогать решать жилищную проблему, — сказал Николай Михайлович. — Есть у нас с Иваном Еремеевичем Чернядьевым одна мечта... Задумали мы с ним попробовать сделать дом целиком из местных материалов. Металлическая опалубка есть, стены, перегородки можно отливать в ней. Материал для полов — ксилолит. Теперь надо разработать технологию отливки потолков, найти замену облицовочной керамики и других дефицитных материалов. Очень возможно, что опыты Фефера с получением из пылевидных шлаков литого камня с качествами мрамора и штамповка деталей из шлаковых расплавов подскажут нам многое...

В один из дней Григорий Прокопьевич Клименко, ведающий в обкоме партии вопросами строительства, сказал мне:

— Завтра у нас в обкоме соберется несколько человек, так сказать, инициативная группа. Будем решать небольшой вопрос. Может быть, вам интересно послушать?

«Небольшим» вопросом оказалось задуманное в этом году строительство экспериментального квартала по проектам, рассчитанным на массовое применение в... седьмой пятилетке. Работники областного и городского комитетов партии, совнархоза вместе со строителями, архитекторами и руководством Уральского филиала Академии строительства и архитектуры деловито уточняли, как будут выглядеть помещения клуба, детских учреждений, школы, больницы, нужно ли возводить в этом квартале часть домов по нынешним типовым проектам или полностью застроить его только зданиями по новым... Словом, никто из собравшихся не рассматривал предстоящее как нечто необычное. А ведь, в сущности, такое затевалось впервые, пожалуй, не только в Челябинске, а во всей стране.

Каждый знает, что, прежде чем пустить в серию автомобиль, трактор или какую-либо другую машину, изготавливают ее опытный образец. Но кто слышал об опытных образцах кварталов с целым комплексом культурно-бытовых зданий?

Правда, в Москве в прошлом году был создан экспериментальный жилой квартал № 9 в Новых Черемушках. Но он в основном состоит только из жилых домов, и затем дело происходит все же в столице, где собраны большие архитектурные силы и материальные возможности. Здесь, на Южном Урале, ставится опыт, весьма широкий по содержанию и масштабу — отведенный участок занимает двадцать гектаров.

— А что же в том удивительного, — усмехнулся Григорий Прокопьевич Клименко в разговоре после совещания. — Мы очень заинтересованы в том, чтобы своими руками пощупать будущее. Построим опытный квартал, проверим на нем передовую организацию труда, новые конструкции, материалы, планировочные решения. Поселим людей — пусть они сами оценят, в каком доме удобнее жить, так ли спланированы магазины, всё ли предусмотрели проектировщики в школе, в больнице. Поживут и посоветуют: вот это хорошо, а это плохо. Послушаем их и сможем ориентироваться. Мы ведь этот квартал за два года построим...

Проблемы, решать которые нужно сегодня

Поставить самодеятельное сооружение жилищ «на поток», придать этому виду строительства индустриальный облик — вот задача, которую должны решать не только челябинцы, но и вся страна. Разве нельзя мечты Чернядьева воплотить в жизнь и в каждом городе, в каждом районе создать прокатные базы, где застройщик-завод мог бы на

арендных началах получить комплекты металлической опалубки и необходимые механизмы?! Разве не веришь Дудину в том, что наука поможет строить дома целиком из местных материалов?!

А как бы все это облегчило и упорядочило работу индивидуальных застройщиков! И тут в моей памяти встала северная окраина Тамбова, где находится участок, отведенный под застройку индивидуальных домов для рабочих шести предприятий.

От бывшего противотанкового рва начиналась огромная и необычно пестрая строительная площадка. Разномастные домики, словно испуганное стадо, бежали в степь. Достроенные и только начатые, с обнаженными стропилами крыш и с затейливыми коньками уже поставленных кровель, они являли собой картину неорганизованности и стихийности. «Ураганное строительство» — так метко назвали в Тамбове индивидуальную застройку 1957 года.

Мы подошли к одному из домиков. Навстречу вышел хозяин — Александр Иванович Комзин, рабочий деревообделочного цеха треста «Химпромстрой». И здесь, прямо на свежеструганном крылечке, завязалась грустная беседа. Выяснилось, что кирпич Александр Иванович покупал «из-под полы», на рынке, по семьсот рублей за тысячу, за каждую балку платил по двести рублей. Деревянный дом площадью тридцать пять метров обошелся в тридцать тысяч. Можно ли при таком положении рассчитывать на широкое строительство средствами трудящихся Тамбова?

В принятых городом обязательствах — к 1960 году в полтора раза увеличить жилищный фонд — индивидуальной застройке отведена большая доля: сорок процентов. Об этом с довольным видом говорили во всех руководящих организациях города. И тем не менее самым нерешенным из всех строительных вопросов в Тамбове остается индивидуальная застройка.

И не только в Тамбове.

В постановлении Центрального Комитета КПСС и Совета Министров СССР «О развитии жилищного строительства в СССР» индивидуальной застройке отведено значительное место. В нынешней пятилетке 113 миллионов квадратных метров жилищ должны быть возведены за счет личных сбережений трудящихся и государственного кредита.

Это — великое множество одноэтажных, одноквартирных домов. А так как возле каждого из них обязательно отводится приусадебный участок, то значит, что в городах должно быть освоено много гектаров новых, свободных от застройки территорий. Если пустить такое массовое строительство на самотек, возникнет угроза превращения некоторых городов в большие деревни.

Ответственность за организацию индивидуального жилищного строительства для рабочих и служащих сейчас возложена на руководителей соответствующих предприятий и учреждений. В постановлении ЦК партии и Совета Министров рекомендуется поощрять объединение сил и средств застройщиков для возведения многоквартирных жилых домов с сохранением прав личной собственности застройщика на его квартиру. С градостроительной точки зрения это очень важно. Если вместо одноквартирного дома будут сооружаться блочные — двух-, трех- и четырехквартирные, это резко уменьшит застраиваемую территорию, сократит расход строительных материалов и средств. По этому пути, очевидно, должно идти и строительство жилья силами коллективов предприятий.

Однако здесь уже не обойдешься пилой и топором. Чтобы построить двухэтажное здание, обязательно потребуются механизация, типовые проекты и многое другое.

Известно, что к услугам строителей многоэтажных зданий имеется целая сеть проектных и научных институтов, мощная база строительных механизмов и материалов. Установлена единая номенклатура индустриальных изделий, по которой работают тысячи предприятий строительной индустрии. Все это облегчает работу.

А что же имеют строители малоэтажных зданий? Тут уместно вспомнить эпизод, очень смахивающий на плохой анекдот.

Стремясь внести посильную лепту в общенародное дело, Академия строительства и архитектуры СССР подготовила к печати «Справочник индивидуального застройщика» объемом... 586 страниц на машинке. Труд этот весит около двух килограммов. Нетрудно представить, какую «практическую» помощь окажет это, так сказать, «пособие» тем, для кого оно предназначено.

Но шутки в сторону! Разговор идет об очень серьезных вещах. Фактически половина жилищного строительства остается без государственных фондов на материалы и без единой номенклатуры строительных деталей. Это и создает неорганизованность, разброд, еще имеющие место на площадках народных строек, на участках, отведенных под индивидуальную застройку.

Жизнь подсказывает необходимость создания такого научного центра, который занимался бы обобщением и распространением опыта заводских строек и индивидуальных застройщиков в использовании местных материалов, организации труда. Этот центр мог бы давать рекомендации промышленности по выпуску нужных для малоэтажного строительства механизмов и, наконец, решить столь насущный вопрос, как организация прокатных баз. В самом деле, почему коллектив небольшого завода, учреждения или группа людей, пожелавших с помощью государственного кредита построить себе дома, не могут взять напрокат, по сходной цене, опалубку, малометражную бетономешалку, простейший подъемник, необходимый инструмент?!

Сейчас передовой опыт в самодельном и индивидуальном строительстве передается преимущественно стихийно. Узнав из печати либо из уст очевидца о том, что где-то найдены удачные формы организации труда, новые методы, коллективы застройщиков посылают туда своих представителей. Люди едут, тратят время и средства...

Мы рассказали здесь об опыте по возведению домов в металлической опалубке из шлакобетона. Ну, а если еще более интересный и ценный почин возникнет в городе, где нет филиала Академии строительства и архитектуры и где городской архитектор окажется меньшим энтузиастом нового дела, чем Иван Еремеевич Чернядьев? Тогда этот опыт наверняка останется лишь в том месте, где возник. При наличии координирующего центра такая опасность, разумеется, исключена.

Все эти проблемы настолько важны, так жизненно необходимы, что заслуживают большого и принципиального разговора.

ДМИТРИЙ СТОНОВ

★

ТЕКЛЯ И ЕЕ ДРУЗЬЯ

Повесть

Глава первая

Затейщиком был машинист Микола Гречко — это он предложил устроить вечеринку.

— Повеселимся напоследок, — сказал Микола, золотой зуб, как лепесток подсолнуха, блеснул в его губах. — Сегодня играем, а завтра уезжаем, — добавил он, имея в виду переезд на новый объект.

И Ваня Исаченко, бригадир, сразу согласился с ним. «Очень кстати, — подумал Ваня и поклялся во время вечеринки объясниться с Лизой. — Одно из двух: да или нет». Но представить себе, что она скажет «нет», он никак не мог...

Матери Ваня Исаченко писал каждую неделю, половину воскресного дня он сидел над бумагой. Он писал о Пинских болотах, которые осушала Станция, рассказывал о западных колхозах — «большинство из них организовано семь-восемь лет назад, а есть такие, что и совсем недавно, можешь себе представить?» — рассказывал о директоре Станции, заместителе директора, о товарищах по работе. Слова «можешь себе представить» все чаще мелькали в его письмах. Так он в свое время сообщил, что у директора, у его заместителя по политчасти и у комсорга Станции возникла мысль организовать молодежную бригаду экскаваторщиков, «и бригадиром — можешь себе представить? — они решили назначить меня». Спустя восемь месяцев в очередном его письме впервые появилось имя Лизы Дидюк. «Ко мне в бригаду помощником машиниста прислали дивчину, она окончила в Пинске экскаваторные курсы, и когда в кепке и прозодежде явилась на объект, то мы все подумали, что это хлопчик — такая она, представь себе, маленькая и неказистенькая на вид». И он довольно подробно описал ее наружность, мальчишескую прическу, даже о родинке на верхней, забавно приподнятой губе упомянул.

Несколько недель он ничего о ней не писал. Ему приятно было с ней работать, следить за легкими ее движениями, и он ловил себя на том, что смотрит на нее с улыбкой, обнажающей его растущие вкривь и вкось зубы. Потом он вновь стал писать о Лизе Дидюк и с каждым разом все больше. Это выходило само собой, рассказывать о ней также было приятно. Он бы удивился, если б мать ответила: «Ваня, милый, ты влюблен!» — и, конечно, стал бы отрицать: «Вот еще, откуда ты взяла?» Но Манюся Исаченко ничего такого не писала. И он продолжал рассказывать — мать была единственным человеком, с которым он говорил о девушке. Из его писем мать узнала, что Лиза родом из райцентра Брестской области, отец ее — краснодеревщик и работает в артели, после войны она окончила десятилетку и очень любит читать. «Как я еду в район по

делу, так она заставляет меня брать на Станции книги для всей бригады и все их перечитывает; можно сказать, что она больше всех ими пользуется и все помнит, прямо удивительно...»

И только за последние полтора месяца имя Лизы исчезло из его писем. Да и самые письма стали суше, короче, будто писал он их теперь не по доброй воле, а по принуждению, с трудом подбирая слова...

Федор Зубелик был старше Вани Исаченко на пять с лишним лет. Он работал на одной из районных МТС, уволился, как говорил, «по собственному желанию» и месяца два назад с бумажкой директора прибыл в молодежную бригаду. Ваня принял его сердечно, хотя, как он уверял себя впоследствии, кое-что не понравилось ему в новичке с первого дня. Так, например, к Лизе Зубелик сразу же обратился с неприятной развязностью. Лиза крюком зацепляла слани — скрепленные звеньями бревна, она делала это очень ловко — раз, два! — а Ваня сидел на верхогуре и управлял экскаватором, стрела то и дело опускалась, поворачивалась и поднимала слани, переносила их с места на место. Так на болоте рос настил, и по настилу медленно двигался экскаватор. В это-то время и появился Зубелик. Это был рослый парень с франтовскими, в шпагатик, усиками; даже здесь, на болоте, он был в хорошем пиджаке, в цветной рубашке с галстуком. «Ну, как живешь, девушка?» — спросил он и стал смотреть на нее, мерить с головы до ног. Ваня придержал стрелу, он даже сверху заметил, что Лиза смутилась. Вдоволь насладившись ее смущением, Зубелик задал еще один вопрос: «А где начальство, где твой бригадир?» — «В чем суть? — отозвался тогда Ваня. — Бригадир, если интересуешься, я». — «Слезай, дело есть», — сказал Зубелик.

Да, с этого все и началось... Следует, однако, быть объективным и, судя о человеке, отбросить все личное. «В чем суть?» За последнее время Ваня не раз задавал этот вопрос, и не Зубелику — себе. Зубелик был парень дисциплинированный, исполнительный, работающий. Но когда Ваня пытался дать Зубелику более полную характеристику, он — невольно совсем — начинал думать о Лизе, думал и волновался. И вновь и вновь, все больше злясь и расстраиваясь, он спрашивал себя: «В чем суть?» Во-первых, Лиза человек свободный и вольна делать все, что ей заблагорассудится. Во-вторых, и это главное, в чем (конкретно!) можно ее упрекнуть? Да ни в чем! Она одинаково ровно относится ко всем, и вот доказательство: когда машинист Добродий заболел, Лиза все свободное время сидела у постели больного, кормила его с ложки, убирала комнату. Миколу Гречко Лиза сузила ковбойку, распоролла и вновь сшила, и в благодарность медведь Микола облапил ее и долго потом сверкал своим золотым зубом, а она хлопнула его по плечу, и оба они рассмеялись. Видя их возню, Ваня тоже посмеялся, хотя сам не мог и подумать о том, чтобы коснуться ее пальцем... Спрашивается: почему он вдруг и ни с того ни с сего стал обращать внимание на отношения Зубелика и Лизы? «Отношения»! Но в том-то и дело, что никаких отношений у них нет и не было! Зубелик неплохо играл на аккордеоне — для всех, и все слушали его. Он танцевал со всеми — с Лизой в том числе. Несколько раз он после работы гулял с нею... Что с того? Нет, со стороны Зубелика ничего такого как будто не было. Ну, а с ее стороны? И тут, вопреки всем суждениям, Ваня вновь начинал волноваться, догадки терзали его.

Надо смотреть правде в глаза: Зубелик Лизе, конечно, нравился... Она оживлялась, у нее блестели глаза, когда говорила с ним, — тут уж нечего себя обманывать! Она менялась. Да, в его присутствии она вся менялась, вся — до походки включительно, и неизвестно чему, без всяких как будто оснований, смеялась, запрокидывала голову и хохотала, хотя ничего смешного Зубелик не рассказывал. Однажды Ваня заговорил с нею об этом... Нетрудно себе представить, что говорить на эту тему было нелегко.

Но Ваня продумал каждое слово, при этом он улыбался во весь рот и голос у него был не только безразличный, но и насмешливый, он как бы смеялся и над собой, и над Лизой, и над Зубеликом; казалось, вся эта история доставляет ему удовольствие. Однако Лиза — пойми ее! — вдруг разозлилась, зрачки ее потемнели, стали колкими. «А тебе что?» — резко спросила она. Этим ее вопросом следовало воспользоваться, благо у экскаватора никого больше не было. К сожалению, Ваня продумал одни лишь свои слова, ее вопрос застал его врасплох. «Я ж просто так», — сказал он невозможным, непозволительным для взрослого и бригадира голосом. Он стоял боком к ней, она, спасибо, не видела его лица.

И все продолжалось в том же духе. В свободные часы играли в волейбол, время от времени устраивались танцульки, случалось, что Лиза и Зубелик по-прежнему гуляли вдвоем, так что ничего определенного нельзя было сказать, Ваня мог думать и так и этак. Иногда он говорил себе: «Чепуха все это!», иногда, наоборот: «Какая же это чепуха?!» На длительные мучения у него не было времени. Молодежная бригада держала переходящее знамя Станции и никому уступить его не собиралась, она то и дело переезжала с объекта на объект — месяц жила в одной деревне, недель пять-шесть — в другой, под началом Исаченко находилось четыре экскаватора, ребята работали в три смены, обо всем решительно ему следовало заботиться. Бывали дни, когда для личных дел не оставалось и секунды. Он вытянулся, похудел, загорел... А тут дней восемь тому назад получилось еще недоразумение с Софьей Павловной Яцукевич, парторгом Станции, — и откуда, по неделе и больше не связываясь с райцентром, не бывая там, он мог знать, что заместителя директора по полигчасти больше нет, его обязанности выполняет эта незнакомая женщина?..

Но сегодня, собираясь на вечеринку, Ваня дал себе слово не думать ни о Яцукевич, ни о бане, неожиданно устроенной ему позавчера на Станции комсоргом... Сегодня следовало наконец объясниться с Лизой. «Одно из двух: да или нет...»

Первыми пришли Тимофей Яромчик с женой Ольгой, единственная в молодежной бригаде супружеская пара. Вслед за ними явился Добродий со своим помощником, вид у них был самый праздничный, будто они решили сфотографироваться и заглянули не куда-нибудь, а в «Художественное ателье» — лучшую фотографию райцентра. Вот группа машинистов, помощников машинистов и нижников, их возглавляет Микола Гречко, затейщик вечеринки...

Ваня Исаченко хотел войти незаметно — не тут-то было! Торжественно настроенный, Добродий подошел к нему с протянутой рукой.

— А-а! — воскликнул он, точно не видел его целую вечность, и, здороваясь, произнес какую-то чепуху, вроде «наше вам с кисточкой».

Помощник Добродия повторил глупые слова машиниста.

В другое время Ваня придумал бы хлесткий ответ. Но сейчас он стоял смущенный и растерянный, на согнутой руке висел его пиджачок, галстук развевался, новые полуботинки жали ноги. Он рад был отделаться от неожиданных шутников и сел в угол, под хозяйскими образами. «Как жених», — подумал он и покраснел. Немного успокоившись, он стал оглядываться.

Дом постепенно заполнялся, и скоро Ваня легко мог подсчитать отсутствующих. Лиза все не шла. Не было и Зубелика. И Ване вдруг пришла на ум мысль, что Лиза и Зубелик вообще не придут — договорились встретиться в другом месте... Сумасшедшая мысль, решительно ни на чем не основанная: разве они не внесли свой пай? Потом он стал думать, что они придут одновременно, Зубелик зайдет за ней, и тотчас же Ваня

поблек, скис, глаза его смотрели тревожно — он не умел владеть собой, управлять своим настроением.

Должно быть, машинист Гречко заметил, что Исаченко заскучал. Он подсел к нему со своей четвертиночкой, сказал «семеро одного не ждут», ловко хлопнул по донышку бутылки — и, стрельнув, пробка вылетела.

— Давай по маленькой, — продолжал он, — пока то да се.

— Пока то да се, — повторил Ваня и неожиданно для себя добавил: — Ты знаешь, вообще-то я не пью, принципиально, но иногда, можешь себе представить, в жизни бывают моменты...

Он вовремя умолк. Понял ли его Гречко?

— Бывают, бывают моменты, согласен на все сто, — только произнес Гречко и налил две рюмки.

И вот, когда Ваня залпом выпил водку и держал пустую рюмку у лица, он сквозь стекло увидел Лизу, она пришла, она была одна и оглядывалась — быть может, искала его, Ваню?

— А в общем, замечательно, — сказал он и со стуком поставил рюмку на стол.

— Правда — мировая водочка? — спросил Гречко.

— И водка и вообще все, — неопределенно ответил Ваня, но вторую рюмку вытянул лишь после долгих уговоров товарища.

Итак, Лиза пришла, и пришла одна; он, Ваня, как говорится, выдумал сорок бочек арестантов. У девушек, уверяют, очень развита интуиция — возможно, она догадывается, что сегодня он заговорит с ней о самом главном, она улыбнется его смущению и с простотой, от которой может разорваться сердце, скажет: «Я давно это знала...» Она была в черной юбке-плиссе, и Ваня вспомнил, как эта ее юбка раздувается во время танцев. Вспомнил он и то, как Лиза кружится, ее мальчишеский чубик и движение мальчишеской узкой руки, когда она отбрасывает непокорную прядь...

Гречко продолжал что-то рассказывать — нельзя же было оборвать его на полуслове, уйти! К тому же Ольга Яромчик подседа к Лизе, заговорила с ней. Так или иначе, спешить, забегать вперед не следовало, и раз Ваня твердо решил объясниться с Лизой во время танцев, то на ходу менять план не имело смысла. И он сидел, слушал, ничего не понимал, настроение его менялось.

Ах, это настроение, эти догадки, будь они неладны! Вот явился наконец Зубелик. Еще в снях он заиграл на аккордеоне, и все головы повернулись по направлению к двери. Повернула голову и Лиза... Конечно, играл Зубелик — что верно, то верно — хорошо, всем было интересно его послушать... Но Ване и на этот раз показалось, что она вся преобразилась и глаза ее стали иными — засверкали они, что ли? «Чистейшая фантазия», — доказывал он себе. И через мгновение: «Нет, не фантазия, незачем себя обманывать...»

Тем временем Гречко нацедил по последней неполной рюмке.

— Нет, — решительно сказал Ваня, — ну ее к дьяволу, эту водку!

Гречко рассмеялся.

— Водка? Четвертинка на двоих — и это называется водка?!

— Нет и нет, — еще раз сказал Ваня и вдруг с маху схватил рюмку и поднял ее высоко над головой, на руку брызнуло несколько капель. — Давай по остатней, заьем горе.

Тут к ним подошла Лиза.

Она села рядом с Ваней, поправила юбку и положила тонкую руку на его рукав. Кто бы мог сказать, что этими почти детскими руками она — и как еще! — управляет экскаватором и, когда Исаченко уезжает в райцентр или обходит свою бригаду, всегда и без ущерба заменяет его?

— Значит, завтра отправляемся? — спросила она, чтобы хоть что-нибудь спросить.

— Точно, — ответил Ваня.

Слышала ли она его последний тост?

Оказывается, да.

— Это какое же горе ты запивал?

Она произнесла свой вопрос, занятно приподнятая губа ее еще больше поднялась, она рассмеялась. Она любила фантазировать и, верно, представила себе горе в виде пилюли, Ваня проглотил ее и тут же запил водочкой. «Ну как, прошло?» — продолжая смеяться, подумала она. Бывает же такое: вдруг, ни с того ни с сего, нападёт смех, и ты хохочешь по каждому поводу и даже без повода, просто так.

Вот когда надо было объясниться, сказать ей все, что решил, извиниться, если выдумал свои сомнения, — конечно же, выдумал! Но рядом сидел недогадливый Микола, он щерился, Лиза продолжала заливаться; глядя на них, рассмеялся и Ваня.

Нет, он не воспользовался моментом, вопрос ее остался без ответа. Как решено, так оно и будет — с Лизой он поговорит после ужина во время танцев. Да и с какого горя он пил? Решительно ни с какого! И вообще глупо искать время для объяснения, когда он бывает с Лизой по крайней мере восемь часов в сутки. «Проще, товарищ, проще!»

— Ну, давайте, — сказала Ольга Яромчик. Она была всего лишь и ж н и ц е й — последним человеком при экскаваторе — и, выше колен закатав штаны, возилась с лопатой или по болоту таскала на плечах бидоны с горючим. Но — жена машиниста, давнишний член бригады, — она чувствовала себя сейчас распорядительницей. — Давайте к столу.

И все задвигались, все пришло в движение, Ваня и не заметил (вот они — проклятые рюмочки!), как Лизы не стало рядом с ним.

Сидели так, что Исаченко не видел ее, только по выражению лица Зубелика он решил, что она сидит против франтоватого машиниста. Потом оказалось, что Ваня не ошибся...

Время порой летит довольно быстро, незаметно кончился ужин. Дело прежде всего, о своих обязанностях Ваня Исаченко никогда не забывал. И, не мешкая, не дожидаясь, пока все поднимутся, он направился к Зубелику.

Тот подвинулся, и Ваня сел рядом с ним.

— Так вот, — сказал он и полез в боковой карман пиджака. — Держи записочку от нашего директора. Завтра чуть свет смотаешься на Станцию и получишь трос. Тебе там дадут «козла», и ты привезешь трос в Вульки на новый объект.

Федор Зубелик посмотрел на бригадира с удивлением. Он знал, как обстоит дело с запчастями, и знал, что на добрый месяц бригада обеспечена тросом.

— Трос? — спросил он. — А разве нам полагается?

Ване понравилось, что Зубелик удивился, — записка на трос была неожиданностью и для самого бригадира, — и он сказал:

— Дают — бери, считай, что директор нас премировал, запас пить-есть не просит.

— Здорово, — только и произнес Зубелик.

— Значит, завтра чуть свет, — напомнил Ваня.

— Чуть свет, — повторил Зубелик и спрятал бумажку в кармашек пиджака.

С обязанностью бригадира было покончено. Сейчас следовало приступить к более деликатному делу... Исаченко ждал этого момента и одновременно боялся его; он не очень опечалился, когда к Лизе подкатил Микола и начал ее кружить, — ведь Ваня решил объясниться с ней во время вечеринки, а не во время первого танца. С растерянным видом он

стоял у стены и ждал. И так как по своему обыкновению он ничего не мог и не хотел от себя скрыть, то скоро не без надежды подумал: «Хорошо, если б Микола продолжал ее кружить и дальше, хотя бы еще минут двадцать...» Мысль до крайности разозлила, брови его сошлись и перекошились, и он стал похож на человека, который готов броситься в бой.

С таким-то лицом он и подошел к Лизе, когда, опустив левую руку, а правую сняв с ее талии, Микола наконец оставил девушку.

Она сидела, положив стриженный затылок на дугу венского стула, и, помахивая платочком, глубоко дышала. Рядом не было ни табурета, ни скамьи. Ваня стоял, молчал...

После небольшой передышки Зубелик заиграл бравый вальс, каждую минуту к Лизе мог подъехать любой машинист или помощник, и Ваня протянул ей обе руки. Он протянул их молча, точно молил о пощаде. Лиза встала, оправив юбочку, доверчиво положила руку на его плечо. Все решительно слова вылетели из его головы, он чувствовал себя ужасно глупым, неуклюжим — медведем.

Понимала ли она, что с ним происходит?

Неожиданно она спросила:

— Ты мне как-то рассказывал о своей матери... будто она не родная...

— Да, — танцуя, с трудом ответил Ваня. — Она подобрала меня пятнадцать лет назад, когда фашисты убили родителей.

— А ее муж?

— Он был партизаном, он погиб недалеко от нашего Витебска.

— И вы жили вдвоем?

— Да. Она растила и учила меня, и, кроме меня, у нее — представляешь себе? — никого больше нет... — «И у меня», — хотел было он продолжать, но умолк. Нет, у него была она, Лиза, и об этом он собирался сейчас сказать.

Ее рука сжала его пальцы. Беседа уклонилась в ненужную сторону, ее следовало повернуть. Между тем готовое и до подробностей обдуманное объяснение вылетело из головы... Превозмогая волнение и робость, чувствуя себя так, точно летит со скалы, Ваня спросил:

— Помнишь, я сегодня сказал — выпьем с горя?..

Лиза ни единым словом не поддержала его, он по-прежнему летел.

— Так у меня действительно есть горе... то есть не горе, нет, один вопрос к тебе...

Аккордеон захлебывался и пел, такое было ощущение, что они кружатся в пустоте. Но, кружась, Ваня продолжал лететь, он летел и летел, до дна было далеко.

Поняла ли она его? Она танцевала молча и только под самый конец взглянула на него.

Если б пришло на память объяснение, которое он не раз повторял про себя! Но он находился в полете — в полубормочном полете, и сам, как бы со стороны, услышал свой вопрос:

— Послушай-ка, Лиза... Почему бы нам не расписаться?

И точно для большей убедительности добавил:

— Ей-богу!

Она споткнулась, потеряла такт. Глаза ее по-прежнему были подняты, и в них он увидел страх, удивление, растерянность. Она продолжала танцевать, но с какой неловкостью, с каким трудом!

— Что ты, Ваня, ведь это... — сказала она и, не закончив, продолжала: — Нет, нет!

Что он мог ответить? Единственное, на что егохватило, это повторить последнее ее слово:

— Нет?

— Нет, нет, — торопливо сказала она и, чтобы смягчить отказ (какое уж тут смягчение!), пожала его холодные пальцы...

Ваня не был кавалером. Он принадлежал к тому многочисленному отряду парней, которых Лиза про себя называла ребятами. Ребята были в десятилетке, на курсах экскаваторщиков, в молодежной бригаде. С ними она чувствовала себя легко и просто, ей ничего не стоило любому из них сказать «отвернись на минутку», стянуть с себя одежду и броситься в воду Припяти или Днепроовско-Бугского канала.

Исаченко она побаивалась до встречи и знакомства с ним — только до встречи и знакомства. Как-никак это был бригадир молодежной бригады, прямое ее начальство, и Рая Ботвинко, комсорг Станции, серьезная девушка в очках, чертежница, говорила о нем весьма возвышенно и с деловитой строгостью. Слушая ее в первый раз, Лиза представила себе Ваню суровым и придирчивым, тоже в очках, с первых же слов он начнет фыркать и придираться — был такой учитель черчения в десятилетке, немало крови он ей испортил. Но оказалось, что бригадир принадлежал к отряду ребят, она долго потом смеялась над неистребимой своей привычкой давать волю фантазии. Он был как брат, как близкий, совсем-совсем свой, он любил рассказывать, она — слушать. Он полагал, что все люди его возраста, все молодые жители Белоруссии во время войны хлебнули горя; особенно, думал он, досталось населению Западной Белоруссии. «Меня лично война почти не коснулась», — сказала Лиза, когда он спросил ее об этом, и тут же добавила, что за все годы оккупации не видела ни одного фашиста: как только началась война, за несколько часов до прихода немцев, вдовый ее отец вместе с ней перебрался к своему брату в деревню, а в эту островную деревню немец и не заглянул — боялся. «Так ты и жила?» — смеясь, спросил он, ему было приятно, что лихолетье ее обошло. «Так я и жила и росла», — ответила Лиза.

Можно было вспомнить все беседы с ним, ни в одной он не казался ей кавалером...

Зубелик был первый кавалер в ее жизни, она поняла это сразу, как только он прибыл, поняла по той неловкости и связанности, которые она всегда ощущала в его присутствии.

Странное было состояние, неведомое, тягостное, но она не сомневалась, что и неловкость и связанность она чувствовала потому только, что Федор Зубелик — кавалер. Он держал ее в непрерывном напряжении, она никогда не представляла себе, какие слова он произнесет и что именно и как она ответит. Она никогда не спрашивала себя, нравится ли он ей, но всегда — какое впечатление она произвела или производит на него? Никто и никогда не позволял себе того, что однажды позволил себе Зубелик. Однажды он пригласил ее на кинокартину и во время сеанса, когда в стрекочущей и говорливой полумгле над их головами колдовал голубой, весь в движении и искрах, похожий на столб дыма свет, протянул борт своего плаща, накрыл им ее плечи, обнял и поцеловал сначала в щеку, потом в угол губ, в самый их край. Будь то другой, она нашлась бы что сказать, как поступить, ему бы здорово влетело. Но тут она оцепенела, обмерла, она слышала лишь, как стучит сердце.

Случайность? Неожиданный порыв? Нет. Это повторилось несколько раз, когда никого кругом не было и они гуляли. Он все настойчивее ее обнимал, настойчивее искал ее губы. О случившемся следовало подумать, во всем хорошенько разобраться. «Ты не маленькая, тебе скоро девятнадцать», — говорила она себе. Но подумать до конца, разобраться она была не в состоянии. «Почему, почему слова Зубелика были до ужаса обычны и будничны?» — часто спрашивала она себя. Они звучали совсем

не так, как в прочитанных романах, как в стихах, в них, казалось, не было ни чувств, ни красоты — ничего такого, что увлекало в книгах... Подобные мысли пугали ее. «Глупая, — тотчас же начинала она себя убеждать. — До чего ж ты глупа! В словах разве дело? Ты отлично знаешь, видишь, что ты ему нравишься и он влюблен... Влюблен? Ну да, конечно!»

В этой своей мысли она все больше утверждалась. И в то же время ощущение какой-то связанности, неловкости не оставляло ее, она сгорела бы со стыда, если б о зубеликовских поцелуях узнали ребята. Но в присутствии посторонних Зубелиж ничего решительно себе не позволял. Он только по-прежнему настойчиво на нее смотрел, и по-прежнему она смущалась.

Уже в последний момент, когда, собираясь на вечеринку, Лиза оделоном смочила чубик (а он, по своему обыкновению, все пружинился, все лез вверх), она подумала, что сегодня произойдет что-то необыкновенное. Было непонятно, откуда и почему возникла эта мысль, как утвердилась в сознании. Мысль скорее испугала, чем обрадовала, но испугала по-особому — настороженно, торжественно. Еще Лиза подумала, что страх этот — он и есть любовь, сродни ей...

«Но разве я люблю?» — не надеясь на ответ, допрашивала она себя.

Внезапное объяснение Вани Исаченко ошеломило, испугало ее. Добрый, бедный, милый Ваня, кто бы мог подумать?.. Не желая этого, она сделала ему больно, но что, что еще можно было ответить?

В любое мгновение она готова была заплакать и, прикусив нижнюю губу, едва сдерживала себя. Она видела, в каком состоянии Ваня покинул хату, — не глядели бы глаза... С трудом она заставила себя остаться. Что-то необыкновенное — в этом она не сомневалась — было впереди...

Раза два ее приглашали, и, не помня с кем, она танцевала. Потом музыка стала иной, аккордеон играл как попало и без подъема. Она не сразу подумала об этом, но, подумав, увидела рядом с собой Федора Зубелика. Он легонько отодвинул ее, занял половину стула, и ей стало душно, тесно, приятно...

Он спросил первое, что пришло на ум, кажется: «Ну как, гуляем, веселимся?» — и, когда она ответила одним кивком, добавил: «Порядок».

— Жарко, — пожаловалась она.

Под звуки кадрили (играл один из помощников машиниста, он, как слепой тропинку, нащупывал каждый звук) они вышли из хаты. Зубелик был широк и выше Лизы на полторы головы. Когда они оставались вдвоем, он называл ее маленькой. Назвал он ее так и сейчас, под чудесно дрожавшими звездами. После того случая в кино он, как только вблизи никого не было, обнимал ее, искал ее губы.

Они свернули в мягкий от молодой муравы переулочек.

— Завтра я еду в район, — сказал он.

— Так ведь мы завтра переезжаем, — напонила она.

— Ну вот, а я в район. Ванька посылает.

Ей не понравилось, что Зубелиж назвал бригадира Ванькой, было что-то насмешливое, обидное и в самом слове и в том, как он его произнес. Лиза вспомнила сегодняшнее объяснение и попыталась представить себе сейчас Исаченко. Что он — спит? Нет, конечно. Расстроенный, он шагает из угла в угол. Такие у него были глаза...

— Хороший он, наш бригадир, — сказала она.

— А я разве хаю?

Помолчали.

Зубелиж крепче прижал Лизу к себе.

— Такое дело, — сказал он. — Ты там, в Вульках, подыщи для нас добрую хатину, одну хатину на двоих, чтоб народ нам завидовал.

Они останьвились. Лиза боялась поднять голову, боялась сейчас, при свете дрожащих звезд, увидеть его лицо. Вот оно, не обькновенное, то, чего она смутно ждала, что должно было случиться.

— Поняла? — спросил он.

Она не ответила. Она могла зареветь и рассмеяться в одно и то же время. В школе у нее была подруга, в которую влюблялись чуть ли не с седьмого класса. С ней, как она рассказывала, объяснялись возвышенно, бог знает какие слова ей говорили, иные из них звучали, как стихи... Подруге делали предложения, и она слово в слово пересказывала Лизе все, что ей говорили. Тем не менее Лиза сейчас не сомневалась, что именно этим деловым поручением Зубелик как бы объяснился ей в любви.

Он подождал. Она продолжала молчать.

— Сундучок мой возьмешь, не забудь, сундучок и аккордеон, — сказал он и, нагнувшись, поцеловал ее.

Каждый раз, когда он будет ее целовать, ему придется нагибаться... Зубелик был спокоен и деловит — даже сегодня, даже сейчас... Он, вероятно, так же был связан, и стеснялся, и говорил не то, что хотел и думал, подбирая не те слова, какие следовало, как она, как бедный Ваня, который прямо ляпнул: «Давай распишемся!» Намного ли это лучше зубеликовской просьбы — найти хату, захватить с собой его сундучок?

Заставив себя улыбнуться, она сказала:

— А если я сундучок присвою? Заберу и не отдам?

(Она намекала на историю, которую он часто ей рассказывал. Зубелики жили на окраине деревни. Пришли фрицы — их было двое, на все время оккупации они остались в деревне, поселились у Зубеликов. Фрицы были «подходящие», то есть родителям Федора приходилось их кормить и поить, мать стирала солдатское белье, но зато они ни одного проходящего гитлеровца не пускали на порог, ни одной нитки никому не позволяли брать. У людей тащили — у кого живность, у кого одежду, а у Зубеликов все было в порядке, вся деревня им завидовала. Но вот немцы отступили, и, перед тем как уйти, постояльцы начисто обобрали Зубеликов, угнали единственную корову, забрали холсты, даже овец зарезали и прихватили с собой...)

— Присвоишь? — переспросил он. — Понятное дело. Раз меня присвоила, то и сундук бери в придачу... Идет?

Он сказал это с такой уверенностью, так твердо, в особенности последнее слово, что Лизе хотелось ответить вопросом же: «А если я не хочу?» — и не потому вовсе, что она действительно не хотела... Его руки коснулись ее щек, он притянул ее к себе, и она увидела его наклоненное к ней лицо. Ждал ли он ответа? Но ответить следовало. И после долгого молчания, глядя в его освещенные звездами глаза, она повторила:

— Идет...

Глава вторая

С грохотом, лязгом, дребезжанием, двигаясь по замечательному шоссе, молодежная бригада направляется в Вульки, на новый объект.

Мать приучила Ваню обо всем ей рассказывать, и, когда что-либо поражало его воображение, он думал: «Об этом ей интересно будет узнать». Так в первый день своего приезда на Станцию он собирался подробно и с восторгом описать выложенное шестигранниками шоссе, прорезающее всю Западную Белоруссию, и уже в уме придумал ряд фраз. Шоссе в самом деле было мировое. Представьте себе широкое и ровное полотнище, обсаженное с обеих сторон деревьями — и какими! Вот тянутся на

добрый километр липы, в дни цветения можно угореть от медового душистого запаха. За липами идут каштаны с их лапчатыми листьями со свечами в конце весны и колючими шариками в августе и сентябре, за каштанами — березы, за березами — рябины, — подождите осени, и вы увидите, как они запыхают! — и вновь липы, липы, километры лип.

А шестигранники, которыми выложено шоссе? Они из цемента и булыжников, но камни не выпирают и вместе с цементом образуют ровную и гладкую поверхность; шестигранники плотно, тесно примыкают друг к другу. За семь лет — с тридцать девятого по сорок пятый — по шоссе прошли миллионы танков, тяжелых орудий, бесконечное число автомашин, двигатели армии, скакали кони. В последующие одиннадцать лет мирной жизни дороге тоже немало досталось и достается — посмотрите, как взад и вперед снуют машины, едут подводы, идут пешеходы. Шоссе проложили задолго до войны, а оно, как двадцать пять и больше лет тому назад, в полном порядке; такое впечатление, что шестигранники только что уложены — так они прочны.

Хорошо, что хвала дороге не была произнесена: в первые дни пришлось поработать с большой нагрузкой, письмо все откладывалось. А потом жизнь преподавала Исаченко один из основных уроков: с выводами никогда не следует спешить.

Слов нет, шоссе (старожилы называли его «дорогой Пилсудского») было великолепно! Но вот со Станции, находившейся в райцентре, на магистрале, Исаченко поехал на первый же объект, и он точно попал даже не в девятнадцатый или восемнадцатый век, а в Турово-Пинское княжество... Проложенное панской Польшей шоссе являлось одной лишь декорацией, в стороне от шоссе, чуть подальше, шли невозможные, со страшными ухабами, проселочные дороги, тянулись миллионы гектаров гиблых болот, в этих трясиных жили люди, не расстававшиеся с лихорадкой, с колтунами, ставившие кресты вместо подписи... И уж если описывать, то описывать следовало и то и другое, и помимо всего этого рассказать о том, как Станция осушает болота, превращает их в плодороднейшую землю, дающую по двадцать с лишним центнеров зерна, по двести центнеров картофеля...

Лиза сообразила поехать не рядом с Ваней Исаченко, как делала это всегда. Она устроилась где-то сзади — и напрасно: не будет же она, помощница машиниста, работающая с ним на одном экскаваторе, все время его избегать! Ему, разумеется, больно и обидно — он не ждал отказа, — но из этого не следует, что им надо прятаться друг от друга, они не малые дети.

В минуты грусти и воспоминания набегают невеселые — отчего это? Дней десять тому назад на объект пришла женщина в золотистом шелковом платье и маленькой, покрывавшей лишь темя, шляпке. Места топкие — незнакомка была в резиновых сапогах, она все время укладывала, прятала под шляпку свои золотистые, под цвет платья, локоны. Она так близко подошла к экскаватору, что земля из ковша посыпалась на ее сапоги. Ваня разозлился — долго ли до беды? «Вы что? — крикнул он. — Слепли? — И добавил: — Посторонним здесь нечего делать!» Она подняла голову, внимательно посмотрела на него, потом задала вопрос таким спокойным тоном, будто спрашивала, как пройти в ближайшее село: «А нельзя ли, товарищ, повежливей?» Тут уж Ваня осерчал по-настоящему, он начал закипать и перешел на ты: «А ну, а ну, дуй отсюда, дуй!»

Недоразумение скоро выяснилось, оказалось, что женщина с золотистыми волосами совсем не посторонняя, она парторг Станции.

Конечно, немногословная стычка (если ее можно так назвать) вряд ли повлияла на отношение Софьи Павловны Яцукевич к молодежной бригаде и лично к Исаченко. Но, пребывая в бригаде три дня, Яцукевич обнару-

жила существенные недостатки, о которых не то что Ваня — ни один человек на Станции как бы и не подозревал.

Существенные недостатки? Значит, парторг зачеркнула все достижения бригады, не пожелала их признать? Ничего подобного! На общем собрании Яцукевич, как говорится, отдала должное молодым экскаваторщикам и их работе, даже о переходящем знамени Станции упомянула, заметила, что, мол, знамя как будто перестало быть переходящим, надолго, если не навсегда, остается в руках комсомольцев... Но, покончив со всем этим, она неожиданно задала довольно странный вопрос.

— Почему, — спросила она, — молодые мелиораторы делают из своей работы «тайну»?

Ребята решили, что Яцукевич собирается пошутить, дальше последует веселая история, и стали улыбаться. Кое-кому подмигнув, бригадир заинтересовался: «Именно?» И тут последовала вторая часть ее речи. Полтора месяца, сказала она, мелиораторы прожили в деревне. Они положили начало осушению болота, они осуществляют вековечную мечту Белоруссии. Года через два с лишним, когда мелиоративные работы будут здесь закончены, местные колхозники вдвое увеличат посевную площадь, получат полноценный трудодень, умножат поголовье скота, навсегда избавятся от трясушки. Но вот связалась ли бригада — молодежная, комсомольская! — с местным населением, все ли знают о ее работе, о ее задачах? Нет, бригада, как уже сказано, точно гостит в колхозе... Бывает ли бригадир в правлении колхоза? Да, один раз товарищ Исаченко заглянул туда, поговорил о расквартировке своих ребят...

После этих слов наступила неловкая пауза. Члены бригады не без смущения переглянулись. Вот так так! Но это было не все, далеко не все.

— Ну, а знает ли бригада, как живет местное население, какие изменения произошли в колхозе за последние годы? — продолжала допытываться Яцукевич. — Я беседовала с каждым из вас в отдельности и убедилась, что вы живете сами по себе, колхоз — сам по себе. Между тем скоро исполнится три года со времени сентябрьского Пленума Центрального Комитета. Подумать только — целых тридцать два месяца страна решает и уже отчасти решила поистине всенародную задачу, увеличила производство зерна, освоила и продолжает осваивать целинные земли. В меру своих сил по-новому работает и местный колхоз. А что вы знаете об этой его работе? Признайтесь — ничего или почти ничего... А почему бы не встретиться вам с местным населением, почему не побеседовать по душам? «Вот, товарищи колхозники, наш труд, наша вам помощь по осушке болота, а вы расскажите нам о том, что вами сделано». Ведь это так естественно, так просто! Вы же делаете одно с ними дело!.. В свое время вы, не сомневаюсь, читали постановление сентябрьского Пленума и, быть может, даже изучали его. Но вот, читая, вы даже не заметили, что один пункт постановления прямо относится к вам. Да, да, прямо и непосредственно. — И, быстро полистав брошюру, она прочла: — «... повысить роль комсомольских организаций в борьбе за дальнейшее развитие сельского хозяйства, обеспечить вовлечение сельской молодежи в социалистическое соревнование, всемерно развивать и поддерживать инициативу и ценные начинания молодежи...»

— Кстати, о молодежи, — отложив брошюру, произнесла она. — Связались ли вы хоть с местными ребятами? Нет и нет. А ведь добрая половина из вас окончила десятилетку, большинство родилось не на панской, а на нашей советской земле, и многое-многое вы могли бы им рассказать, во многом помочь. Вот мелочь, но мелочь весьма характерная. Мелиораторы имеют свою волейбольную площадку, в свободные часы ребята сеткой перегораживают переулок, отдают дань физкультуре. Молодцы, что и говорить! А вот почему бы к игре не привлечь местных ребят, не

общаться с ними? Но комсомольцы-мелиораторы и не подумали об этом, местная молодежь стоит в стороне и смотрит, а бригада играет, она, похоже, прибыла на состязание и выступает перед чужими зрителями... Наконец, «о работе над собой». Читают ребята обидно мало, ни один из окончивших десятилетку не продолжает заниматься, будто заочные институты существуют не для таких, как они...

Все это Софья Павловна высказала прямо, открыто, просто, без придинок и шпилек, в дружеском тоне. Но так как Ваня привык к вечным похвалам, то он немного растерялся, он даже начал оправдываться, хотя понимал и чувствовал, что товарищ Яцукевич «права на все сто», права, права, ничего не попишешь! В конце концов он обещал на новом месте «учесть все замечания и выправить свою линию». «Учтем», — сказал он, и ребята его поддержали: «Ясно!» А парторг? Она — по всему было видно — удовлетворилась его обещанием и напоследок открыто улыбнулась ему, Исаченко, и всем ребятам из бригады экскаваторщиков.

Как будто все, можно поставить точку и перейти к очередным, новым делам. Тем не менее глава молодежной бригады не без тревоги и смущения позавчера поехал на Станцию. Не без робости подошел он и к дверям директорского кабинета. Что скажет старик — Алексей Николаевич Кавко? «Будет, будет тебе выволочка, Ваня...» Офицер в отставке, участник Отечественной войны, товарищ Кавко любил аккуратность, четкость, выправку. Подтянувшись, Ваня перешагнул через порог и заставил себя внятно и молодцевато поздороваться.

Склонившись над бумагами, обволакиваясь дымом, Алексей Николаевич сосал свою трубку. Он поднял голову, глянул, и по его глазам Исаченко сразу понял, что Кавко, как обычно, относится к нему с покровительственным доброжелательством — прямо-таки по-отечески.

«А-а, — сказал директор, — молодой бригадир! Садись, друг, садись, докладывай!»

И Ваня ощутил хорошо знакомый ему подъем — он всегда ощущал подъем, когда Алексей Николаевич его хвалил. От тревоги, смущения, робости не осталось и следа. Ожив, Ваня многословно начал докладывать — мол, так и так, работа на объекте завтра будет закончена, вынута земли столько-то, сэкономлено горючего столько-то, производительность труда перевыполнена на столько-то процентов, бригада готова к переезду...

На этом месте он сделал небольшую паузу. Как ни был увлечен, он все же ждал выволочки, такое, можно сказать, событие не могло пройти мимо внимания директора... Вдруг Алексей Николаевич усмехнулся, он точно вспомнил забавную историю.

«Что это, братец, у тебя там с культработой получилось, какие упущения в твоей бригаде обнаружены? Смотри, друг, подтянись...»

На мгновение Ваня растерялся, нельзя было понять, как и что ответить. Было ясно: к недоразумению Кавко относится более чем снисходительно... А может, это и в самом деле пустяк, о котором и говорить серьезно не имеет смысла?

Не замечая недоумения молодежного бригадира, продолжая дымить, Алексей Николаевич сказал:

«Так, так, дорогой товарищ Исаченко, что ж, я вижу, все у тебя в порядке...»

«В порядке, Алексей Николаевич», — поспешно и с удовольствием повторил Ваня.

И тут у него возникла мысль попросить трос, и не прямо и просто попросить, а деловито, немного хвастливо и как бы со стороны подъехать к этому весьма щекотливому вопросу.

«На новом объекте... — начал он, точно читал принятую на общем собрании резолюцию. — На новом объекте мы сделаем все от себя зави-

сящее, чтобы еще больше повысить производительность труда и оправдать доверие...»

Он хотел рассказать о безостановочной экскавации грунта, но, вспомнив, что это — дело давно минувших дней и применяется теперь всеми бригадами, неожиданно для себя закончил свою речь просьбой.

«Алексей Николаевич, — сказал он, — вы бы нам тросик подкинули... (Уменьшительно — тросик, чтобы смягчить просьбу, чтобы не показалась она бесцеремонной, нахальной...) Ведь он, Алексей Николаевич, рвется, ведь от него какой простой может получиться, ведь его у нас в самый-самый обрез...»

Он вежливо умолк, опустил глаза. Неожиданно он услышал:

«Ладно. Так и быть».

И размашистым, начальническим своим почерком Кавко написал записку.

Вот как удачливо начался этот позавчерашний день! Опьяненный успехом, Ваня вышел в коридор. Он не мог сразу положить записку в карман и успокоиться, остыть. Он нуждался в восхищении, в удивлении, в том, чтобы ему завидовали, и направился к Купряшину, заведующему станционным складом.

Болезненный, едкий Купряшин долго читал записку и качал головой — сначала как бы утвердительно, сверху вниз, потом из стороны в сторону.

«Так, так, — сказал он, и Ваня Исаченко сразу не мог понять, то ли завскладом восхищается, то ли, наоборот, осуждает. — Так, так, — продолжал он. — Еще не начал, не переехал, ни одного кубометра земли не вынул, а троса уже не хватает».

«А вы знаете, как трос рвется? — запальчиво воскликнул Исаченко. — От Станции до Вулк — поинтересуйтесь — километров пятьдесят, не меньше, так мне что — простаивать?! — Запальчивость все же была в какой-то мере наигранная, и Ваня скоро выдохся. — Я прямо сказал старику...»

«Прямо ты сказал», — с неизменной своей язвительностью повторил завскладом и вновь — теперь с явным осуждением — покачал головой.

На этом закончить бы пребывание на Станции — ведь никаких больше дел у Исаченко не было! Но Ване все еще хотелось похвалы, поощрения, и ни с того ни с сего он зашел к комсоргу Рае Ботвинко. Неужто он забыл о том, что говорила ему товарищ Янукевич? Нет, не забыл. Но сейчас замечания парторга представлялись ему в виде самых обычных мимо-летных указаний, до того мимо-летных и в конце концов незначительных, что старик все обратил в шутку...

Вид у Раисы был такой, будто она с нетерпением его дождалась и вот наконец дождалась. Но Ваня Исаченко вначале ничего не понял — ничего! — он готов был и ей показать записку на трос и уже полез в карман. Тут-то она его ошеломила, да так, что добрую минуту он ничего не мог понять и только стоял с открытым ртом и мигал. Точно не было раньше ни косвенных, ни прямых похвал, точно в своих отчетах — письменных и устных — Рая не уделяла его бригаде главное внимание. Перед нею стоял никудышный — всегда никудышный — и проштрафившийся человек, и она пробирала его с тем азартом, с каким пробирают неисправимого лодыря, о пребывании которого в комсомоле давно пора поставить вопрос... Она орудовала теми же фактами, что и парторг, ясно — Софья Павловна все ей рассказала. Но как Раиса подавала эти факты, какие обвинения бросала в лицо!

«Безобразие, черт знает что! — с каждым словом повышая голос, кричала она. — Никакая решительно культработа в бригаде не ведется, одно очковтирательство, и больше ничего! Домино и волейбол, волейбол и домино — вот и вся культработа. Никто ничего не читает, никто ничем не зани-

мается! А местное население, молодежь, среди которой живет и работает комсомольская бригада? О ней Исаченко «и ему подобные» не хотят и подумать. Сколько в деревне комсомольцев, да и имеются ли они? Может ли бригадир ответить на такой вопрос? Нет, конечно. Не знает он и какую работу развернули среди сельской молодежи сектанты и церковники. Исаченко «и ему подобные» работают «от и до», остальное, видите ли, их не касается. Какие угодно безобразия могут происходить у них под носом, а им все нипочем!..

И пошла, и пошла! Она была заряжена минут на сорок, не меньше, и не могла остановиться. Впоследствии, выбравшись из ее комнаты и бродя по райцентру, Ваня мысленно и успешно объяснялся с нею, но какое значение это могло иметь?

«А кто все время хвалил бригаду? — мысленно спрашивал он ее. — Кто отмечал одни плюсы и ни разу не заикнулся о минусах? Кто (не так давно это было и не в первый раз!), приехав на объект, сам принимал непосредственное и активное участие в том же волейболе, а кругом стояли все те же местные ребята, стояли и смотрели, и Рая никакого внимания на них не обращала? Кто, будучи на объекте, порывлся в книгах Лизы Дидюк и сказал — буквально: «Смотри, пожалуйста, сколько книг ты набрала, неужто читаешь? А я ничего не успеваю, и если есть свободный час, то иду в кино».

Многое, многое можно было вспомнить, и, бродя по улицам райцентра, вернувшись на объект, Ваня находил все новые доводы, неплохо отбивал атаку и сам переходил в наступление, но опять-таки какое это имело значение? Никакого!

Но сейчас, направляясь на новое место работы, Исаченко не хотел думать о том, что Рая Ботвинко перегнула, и ругательски себя ругал.

Нет, он в самом деле никудышный бригадир и комсомолец, да и человечек он так себе, очень даже так себе, комсорг абсолютно права! И он стал подсчитывать свои недостатки — их было уйма. «Я болезненно честолюбив, я люблю, чтобы меня хвалили, чтобы замечали только хорошие стороны моей работы, и если признаться серьезному человеку во всех своих глупых мыслях (а их много, конца им нет), то человек этот ни за что не поверит, что на моем пути были ухабы — пятнадцать лет тому назад пятилетним пацаном я остался один... Мимолетное несчастье, оно тотчас же оборвалось, мама подобрала меня, и все кончилось... Может быть, было бы лучше, если б я в самом деле хлебнул горе полной мерой?..»

Тут он вздохнул, скривился и признал себя неблагодарной свиньей. «Вот ты какой! Сейчас ты готов маму Манюсю обвинить в том, что она тебя подобрала и спасла. Вот она, твоя благодарность! Что же удивительного, что Лиза тебе отказала? «Нет, нет», — сказала она и была права. Такому типу любая девушка, не то что Лиза, скажет «нет!».

Да, Лиза, безусловно, была права! Не так как он грыз себя весьма усиленно, и материала хватило всего лишь на час; так как ему было двадцать лет и жизнь без Лизы он не мог себе представить, то к концу пути боль стала таять, а действительность — преображаться, и у него вновь появилась надежда. Ну, кто же так объясняется в любви?! Когда-нибудь он расскажет об этом Манюсе — обязательно, обязательно расскажет, и в присутствии Лизы, и обе они будут над ним смеяться и от всей души назовут его шляпой! Он просто напугал девушку, и она сказала «нет!». Нечего нос вешать, это «нет» вырвалось случайно, как случайно вырвалось его нелепое «распишемся». Он ошеломил и смутил ее до того, что она, бедняжка, постеснялась поехать с ним на одной машине...

Так думал он к концу пути, когда, свернув с шоссе, бригада с еще большим грохотом и дребезжанием двигалась по проселочной дороге. Но вот они проехали мимо хуторов, мимо кладбища с множеством деревянных и, как водится, покосившихся крестов; медленно увеличиваясь, пока-

зались Вульки с хорошо разросшимися осинами, с огромными гнездами аистов на плюшевых от старости соломенных крышах. И тут, перед самым въездом в деревню, Ваня получил новый удар, еще одно — и уж точное, не оставляющее сомнений — доказательство, что Лиза обдумала свой ответ, он отнюдь не случаен.

«Нет» значило — нет...

Растерянность Вани, его убитый вид тронули Лизу, ей было и неловко и досадно, но она не принадлежала к тем людям, которые в решительную минуту уклоняются от объяснения и, подобно страусу, прячут голову. С двумя сундучками — своим и зубеликовским, — с аккордеоном и засунутым в мешок постельным бельем она вышла из хаты с твердым намерением сесть рядом с Исаченко. В это время проезжавшая мимо Ольга Яромчик крикнула ей: «Давай к нам, давай, давай!», и она изменила свой план, села рядом с Ольгой.

Неизвестно, догадывалась ли о чем-либо Яромчик, обратила ли внимание на то, что у Лизы два сундучка — свой и Зубелика — и аккордеон, и придала ли этому значение? Недолго помолчав (долго молчать она не умела), Ольга стала рассказывать о своей семейной жизни.

— Я тебе прямо скажу, — начала она тихо, чтобы сидевший впереди Тимофей ничего не мог услышать. — Прямо тебе скажу, что туриться с места на место мне не сахар. Есть у моей маточки и у моего таточки и хатина, и скотина, и огород, и выгон для скотины у нас замечательный, и свой садочек...

— Так чего же ты поехала, раз не нравится? — спросила Лиза.

Ольга посмотрела на нее с удивлением.

— Чего поехала? А разве можно их одних оставлять?

— Кого и их? — вновь спросила Лиза.

Тут Ольга рассказала историю своего дяди, по фамилии Шуляк. Поехал дядя Шуляк в Америку — при панах дело было, за куском хлеба многие ездили тогда в Америку — и как в воду бух. То есть вначале он письма слал, а потом молчок — ни тебе писем, ни тебе денег. А через год один человек написал, пишет: «Нашел ваш Шуляк бабу и с нею спутался, к о б е л и р у е т, одним словом»... Поняла?

Понимать тут было нечего.

— А ты при чем? — спросила Лиза.

— Как? — Ольга вновь удивилась — что-то индюшечье было в ее лице, когда она удивлялась, — потом повторила: — А разве можно их одних оставлять? Сразу начнут к о б е л и р о в а т ь.

Лиза не стала спорить. Вот так любовь, которую нужно охранять! То, что быстро разваливается, плохо, непрочно построено.

Слушать Ольгу было скучно. Лиза посмотрела на стоявшие рядом сундучки... Как все странно и быстро получается! Еще несколько месяцев тому назад она и понятия не имела о существовании Федора Зубелика, которого теперь будет называть Федей, Федечкой... «Федя», — произнесла она тихо, одними губами. Как странно звучит! Большой, коренастый человек с карими глазами и настойчивым, зовущим взглядом, и вдруг — Федя! Еще так недавно она даже не знала, что есть такая фамилия — Зубелик, есть такой человек. Когда он обратился к ней с необычным вопросом — «как живешь?» — она смутилась, покраснела...

Что было потом? Были неловкость и желание, чтобы он подошел и заговорил в своем необычном для других ребят тоне, и смутная догадка, и гордость — «смотрите-ка, меня он выделил из всех девчат деревни, и если он подходит, то ради меня, для меня...» Он волновал ее странным, неведомым ей волнением.

«Глупенькая, это-то и есть любовь», — доказывала она себе не раз. Вчера, собираясь на вечеринку, она решила, что там произойдет нечто

н е о б ы ч а й н о е, или ей только потом это казалось? Но, с другой стороны, если б она твердо знала, что Зубелик предложит ей быть его подружкой, разве б она заранее не написала отцу?

«Надо ему написать,— подумала она сейчас.— Как приеду на новый объект, так и напишу...»

И она представила себе свой райцентр, площадь, на которой останавливаются автобусы, сад. Если пройти по улице 17 сентября, потом свернуть на Кооперативную, то в глаза бросится вывеска с намалеванными на ней гардеробом, сундуком на колесиках и буфетом — «Столярная мастерская артели «Новая жизнь». Здесь-то и работает краснодеревщик Семен Михайлович Дидюк. Вот он стоит у станка, на нем расстегнутая на груди рубаха из дотоканины, рубаха, которую она не раз латала. Пахнет деревом, лаком, клеем и снохательным табаком — отцовскими запахами... Заглянул письмоносец (он знает, что в доме Дидюка никого сейчас нет), бросил на станок письмецо, сказал: «Получай от своей цурки» (письмоносец привык к польским словам и часто пускает их в ход). Что же она пишет в этом письме? «Поздравь меня, тато, я вышла замуж...» Нехорошо, очень все сразу, неуважительно! «Сообщаю тебе, что я расписалась с одним мелиоратором, по фамилии Зубелик...»

Тут она вспомнила Ваню Исаченко, его слова, то, как он выглядел, когда произносил их... Каждой девушке лестно, когда ей делают предложение, даже такое, которое она не примет. Но сейчас Лизе было тяжело, она так ясно видела его растерянность... «Но я ведь не виновата»,— сказала она себе.

— Так вот и турюсь с места на место, вот уже третий год, как я турюсь, — произнесла Ольга; круг ее истории замкнулся.

За хуторами показалась деревня — место назначения бригады. Сейчас Исаченко направится к председателю колхоза, попросит разместить людей, указать хаты, где мелиораторы могут квартировать.

— Погоди, — сказала Лиза и легко, по-мальчишески, спрыгнула на дорогу, побежала к головному экскаватору. Следовало сказать Ване, что ей и Зубелику понадобится одна хата...

Она так была занята этой мыслью, что даже не подумала, какое впечатление произведут на бригадира ее слова. К тому еще Ольга основательно задурила ее своим рассказом.

Лицо Вани показалось ей сосредоточенно-печальным. Треск и дребезжание стояли ужасные, Ваня смотрел куда-то вдаль, и Лизе пришлось несколько раз его окликнуть. Он повернул голову, глянул на нее и как будто не сразу узнал — не в первое мгновение. Потом лицо его озарилось страхом и счастьем...

— А-а, — протянул он. — Где ж ты была? Я уж думал...

Несколько минут они молчали. Ваня держал в губах стебелек, переоглянул его из одного угла рта в другой.

— Ты сейчас к председателю колхоза? — спросила она.

— Чочно, — ответил он: стебелек мешал ему четко выговаривать слова.

— Насчет расквартировки?

— Чочно.

Экскаватор дребезжал, стучал, звенел, и Лизе пришлось повисить голос.

— Так учти — мне и Зубелику одна хата нужна... Чуешь?

Ваня молчал. Вдруг, подняв голову и чуть повернувшись, она увидела лицо. Оно исказилось, как у ребенка, который вот-вот готов заплакать... Был такой случай в жизни Лизы, лет, может, двенадцать назад. На улицу выбежала соседская Дунечка, правая ее рука была зажата в кулачок. «А у меня что есть!» — крикнула Дунечка и разжала пальцы: на ладошке лежал десяток изюминок. И тут бес овладел Лизой. То ли (как

впоследствии думала она) соседская Дунечка была непозволительно счастлива, зазналась, загордилась, то ли по другой причине, только Лиза с маху ударила ее по протянутой руке, изюминки полетели на землю... Надо было видеть, как исказилось лицо Дунечки, как горько и неутешно она заплакала!..

Нет, нет, у Вани, разумеется, и в мыслях не было заплакать. Но лицо его, как некогда у Дунечки, изменилось до неузнаваемости, и вдруг удивившим ее, незнакомым голосом он сказал:

— Я не понимаю, почему вы ко мне пристааете со всеми вашими... вашими...

Фраза так и не была закончена. Но Лизу она поразила и опечалила, она соединила пальцы обеих рук на шее и сказала:

— Господи, я ж ничего...

Сколько мыслей, и все разные, противоречивые. Можно, конечно, сделать попытку развязаться с ними, сказать себе, к примеру: «Насильно мил не будешь», — но ведь это лишь слова, и к тому же пустые! Можно спросить... представить себе, что Лиза стоит перед ним, и спросить: «Что же ты со мной сделала?..» Нет, это похоже на жалобу, на просьбу, а разве любовь выпрашивают? Можно до боли сцепить зубы и сказать: «Нет — так нет», — но ведь и это пустое... Была бы рядом мать, он бы рассказал ей все — от начала и до конца и, как делал в самом раннем возрасте, положил бы голову на ее колени...

Воспоминания расстроили его, и он начал над собой издеваться: «Может, тебе сосочку дать?» Но и издевка не помогла. Одно было ясно: следовало хоть на время взять себя в руки. Бригада въезжала в Вульки, из хат выходили люди. Исаченко закурил (курил он в редких случаях), зашел в правление колхоза, бросил общее «здравствуйте» и заглянул в комнату председателя.

Теперь следовало думать лишь о том, как по-новому наладить деловые и дружеские отношения с колхозом. Но, помимо желания, думалось о том, что для расквартировки надо просить на одну хату меньше — отныне Лиза и Зубелик будут жить вместе...

Борисовский, председатель Вулькинского колхоза, был пожилой, с крупным лицом и седыми висками человек. Он сидел в накинутах на плечи полушубке — его лихорадило. Слушал он, наклонив над столом голову, ковшиком приставив ладонь к уху, — со слухом, видимо, было у него неважно, — потом отъехал от стола (скрипнуло самодельное кресло), открыл ящик и, порывшись в бумагах, достал составленный и подписанный еще в прошлом году договор со Станцией, план.

И вышло так, что не Ваня Исаченко, а он, Борисовский, стал рассказывать о том, какие именно работы Станция обязалась выполнить...

— Так, так, — говорил он, с каждым словом все больше оживляясь и листая план. — Значит так, ваша бригада должна прорыть магистральный канал, а потом приедет другая бригада — канавокопателей, затем срежут кустарник, выкорчуют и уберут пни. А дальше подъем целины, двойное дискование боронами...

Видно было, что план он листает для порядка, ему хорошо известны все виды работ, которые обязалась выполнить Станция. Но ему хотелось поговорить не только о плане и цифрах — приезд экскаваторщиков возбудил его. Да, наконец-то и Вульки выходят на большой и счастливый шлях! Знает ли дорогой товаришок, какое значение для наших хлеборобов имеет осушка? Это ж наша белорусская целина, это ж миллионы центнеров хлеба, конопля, картофеля! А сенокосы, а выпасы какие будут!

Ему показалось, что гость хочет его перебить, и он продолжал:

— Не думайте, что мы сидели, ждали — пускай другие на востоке целину поднимают, придет наш черед, и мы болото освоим. Нет, хлопцы наши даже горячие, на целине и наша часть есть! Пока, говорят, болото осушат, а мы за общее дело возьмемся! И что ж вы скажете? Шестнадцать вулькинских хлопцев и девчат в позапрошлом и прошлом годе в Казахстан и в Сибирь подались! Пишут: работаем, квалификацию получили — кто по тракторной части, кто стройкой занимается... Вот они, наши вулькинские!

Потом он умолк и, прищурившись, хитро и весело посмотрел на Ваню.

— Ну, а скажите, товаришок, ваши экскаваторщики не затянут, не нарушат срок? По договору твоя бригада должна прорыть канал к пятнадцатому сентября...

Что мог ответить Исаченко? Следовало ли сказать председателю колхоза, что в Вульки приехали ребята, которые держат переходящее красное знамя, что они не только выполняют обязательства Станции — это что! — но, как правило, завершают свою работу досрочно? Борисовский, пожалуй, решит, что перед ним бахвал... И Ваня только кивнул — да, договор ему хорошо известен, как же, и этим окончательно завоевал симпатию председателя колхоза.

— Соображаешь, какое это дело? — перейдя на ты, воскликнул Борисовский и положил руку на плечо бригадира. — Твои экскаваторщики в срок, и другие в срок, а там, глядишь, — больше тысячи га золотой земли в добавку получим. Вот, товаришок, когда заживем! Разбогатеем и первым делом с хуторами покончим, их у нас, понимаешь, большой процент. А то ведь что получается? Хуторяне в колхоз пошли, а живут по старинке, и пользы от них никакой.

И он стал рассказывать о том, как хутора «легли поперек дороги», не дают колхозу расти.

— Дашь, скажем, хуторянину задание выйти на работу, а он пока до этой работы доберется — полдня долой. Да и задания... Один за пять километров живет, другой и подале, один, как говорится, на песке, а другой на островке, совсем как медведь в берлогу забрался — индивидуал, да и только, доберись до него, попробуй. И неладно, товаришок, получается: коллективисты, а живут врозь. Вульки — одно, хуторяне — другое... А личный их скот? А птица? Вот, товаришок, где безобразия! Один хуторянин по недоглядке, а другой, может, и нарочно выпустит в поле свою корову, свой молодняк, овец, и пойдут они наш колхозный хлеб на корню портить, попробуй уследи!

Ваня слушал, не прерывал, ему нравилось, что Борисовский так подробно, по-товарищески, будто они в старой дружбе, беседует с ним. Он дождался конца рассказа и после небольшой паузы заговорил о контакте с колхозниками. Оказалось, что председатель умеет не только рассказывать и задавать вопросы, но и слушать.

— Хорошее дело, хорошее дело, — сказал он наконец. — Рассказать нашим людям о вашей работе — это хорошо. Каким образом устроить? Просто. Придем к вам на объект всей громадой, вы и расскажете и покажете.

Ваня приободрился.

— И вы нам расскажете о ваших делах, будем, одним словом, держать связь, — вспоминая указания Яцукевич, заметил он.

Борисовский и с этим согласился.

— Расскажу, расскажу... Правда, особенно хвастать мне нечем.

Слова председателя заставили Ваню вновь подумать о Лизе: лично ему, Исаченко, также нечем хвастать... И, перед тем как распрощаться, уйти, он упомянул о расквартировке.

Глава третья

Несколько месяцев тому назад Федор Зубелик не без опаски впервые вошел в кабинет директора Станции — Алексея Николаевича Кавко. Три записи в трудовой книжке Зубелика были, как близнецы, похожи друг на друга: «Уволен по собственному желанию». Да так, собственно, оно и было... Он все искал место получше и как будто находил, но через некоторое время ему начинало казаться, что худшую работу и представить себе невозможно... Но ведь директору Станции этого не объяснишь! А вдруг Кавко спросит, почему Зубелик так часто меняет работу? Что сказать ему? На всякий случай Федор приготовил ответ: «Надоело, товарищ директор, в эмтэсах работать, я на этом болоте вырос, мне его ликвидировать охота...» Ответ, чувствовал он, был жидковатым: мелиорацией в Западной Белоруссии занимались не первый год, а он, Зубелик, пришел только в пятьдесят шестом... На счастье, директор Станции никаких особых вопросов не стал задавать. «Хоть ты тридцать первого года рождения и все в бригаде тебя моложе, — сказал он, — но, раз ты комсомолец, езжай к товарищу Исаченко!»

И сейчас, приехав на Станцию за тросом, Федор решил заглянуть к директору. Дел никаких как будто не было, следовало получить трос, отвезти его на новый объект, и только. Все же, улучив момент, Зубелик вошел в кабинет Кавко: никогда не мешает лишний раз напомнить о себе.

Алексей Николаевич сразу его узнал, он с одобрением посмотрел на экскаваторщика.

— Ну как, товарищ Зубелик, сработался? Докладывай, докладывай, зачем прибыл?

Стоя, Зубелик стал докладывать.

— А ты садись. Садись, друг, садись.

Зубелик сел на краешек стула. Директор слушал, кивал.

— Молодцы, молодцы ребята. Ну, а с бытовой стороны как обстоит дело?

И с бытовой стороны дело обстояло благополучно.

— А бригадир наш молодежный как?

По тону и выражению лица директора было ясно, что он покровительствует Исаченко. И Зубелик ответил, что и у бригадира все в порядке — «полный порядок», добавил он.

Как будто все вопросы исчерпаны.

— Разрешите идти? — спросил Зубелик.

Директор встал, протянул и пожал ему руку.

Все, одним словом, получилось как нельзя лучше. Спешить некуда, и Федор долго бродил по райцентру. В киоске инвалидной артели он выпил кружку пива. От нечего делать заглянул в галантерейный магазин. Стоял, смотрел. Он хотел уже уйти, но тут на прилавке, под стеклом, заметил бусы — белые, красные, желтые, черные. Стоими они, по-видимому, не очень дорого, не мешало бы одну вязочку купить Лизе. Он не знал, не представлял себе, какой цвет ей подойдет, и обратился за советом к продавщице.

— Послушай, девушка, — сказал он. — Если у особы такие волосы, как у тебя... какие бусы ей подойдут?

— Таких, как у меня, волос ни у кого здесь нет, — гордо ответила девушка.

Только сейчас Зубелик заметил, что коса у продавщицы доходит чуть ли не до лодыжек.

— Я имею в виду цвет, — пояснил он.

Его поправку она приняла с удовлетворением.

— Купите желтые, — посоветовала она.

Спустя час «козел» мчал его по уже знакомому нам шоссе. На дне машины, у ног Зубелика, лежал трос; судя по знакомым картинкам, он походил на свернувшуюся змею. Было жарко. Еще жарче казалось на проселочной дороге, когда, замедлив ход, «козел» начал нырять по ухабам. Угарно пахнувшая клеенка сиденья накалилась, и часто Зубелику представлялось, что он сидит на жаровне. В луже напоили машину. Глядя, как шофер заливает воду, Федор ощутил жажду. Вот бы напиток! Но пить из лужи было противно.

Показались хутора. Одни из них стояли недалеко от дороги, другие, наоборот, уходили в глубь поля. Почти все они были загорожены заборами, их окружали густые, хорошо разросшиеся деревья. Один хутор — к нему вело узкое и извилистое полотно дороги — стоял в садочке, над низкими яблонями возвышалась, пламенела черепичная крыша. Что-то уютное и очень приятное ощущалось в островерхой крыше, в деревьях, закрывавших дом чуть выше оконной резьбы, — так, играя в прятки, ребенок торчит иногда на виду у всех: он спрятал туловище, а о голове не позаботился...

— Как думаешь, водичей нас тут напоят? — облизывая запекшиеся губы, спросил Зубелик у шофера.

— А чего ж, — сказал шофер и свернул на извилистую дорогу.

Еще через минуту, помимо дома с островерхой крышей, возникли надворные строения. Потянуло свежим навозом. Возле распахнутых ворот хлева стоял распряженный воз с чуть дымящимся на горячем солнце навозом. Услышав шум машины, из темного нутра хлева с вилами в руках вышел черноглазый человек с аккуратно подстриженной — лопаткой — бородой.

— Здравствуйте, товарищи, — сказал он и, приблизившись, положил свободную руку на борт машины. Был он в конопляной рубаше со стеклянными, синего цвета пуговками, в холщовых брюках, заправленных в разбитые, порыжевшие от времени сапоги. — Куда путь-дорогу держите? Мы тут, как видите, навозным делом занимаемся, — улыбаясь, добавил он. — На наши колхозные песчаные поля навоз везем, удобряем, значит.

Федор Зубелик ответил: едем в Вульки, где будем осушать болото, и под конец упомянул о воде.

— Видел я — проезжали тут ваши товарищи с машинами. — Хуторянин как бы запнулся, вспомнил о просьбе и, вновь улыбнувшись, добавил: — Вода у нас, прямо сказать, сахарная, колодец на водяной жиле стоит. Марья! — крикнул он, шея его надулась и покраснела. — Ма-арья!

Из хлева вышла сухопарая женщина — тоже в старых сапогах, подоткнутая, тоже с вилами в руках. У нее было длинное, в морщинах, недовольное лицо. Она внимательно, тяжело посмотрела на машину, на седоков и отвела глаза.

— Ну, чего ты? — наконец спросила она.

— Марья Ивановна, — сказал хозяин. — Дай товарищам напиток!

— Текля! — в свою очередь крикнула Марья Ивановна. — Текля-а-а!

И, обращаясь к мужу:

— Что ж ты меня, Осип Филиппович, кличешь, как я вся в навозе?

— И это правильно, — тотчас же согласился Осип Филиппович. — Что верно, то верно, твоя правда.

Он — по всему чувствовалось — хотел поговорить, но не успел. Из дома, согнувшись в дверях и сразу вновь выпрямившись, вышла девушка. Высокая, как ее родители, она была в просторном, без пояса, платье, материя как бы обливала ее стройное, крепкое тело. Солнце ударило ей в лицо, она щитком приставила руку ко лбу, наморщила нос, и сразу заулыбались ее губы, полуоткрытый рот, ряды сверкающих ровных зубов.

Станционный шофер, развязный, как почти все водители автомобилей, сказал:

— Принимай женихов, выбирай — хошь меня, хошь этого товарища.

Текля не ответила. Она лишь повела плечом, вновь по-кошачьи наморщив нос. И столько в этих ее движениях было снисходительно-превосходящей и одновременно добродушной насмешливости, что Зубелик залюбовался ею. Ему нравилось, что она не отозвалась на глупые слова шофера. Плавно, легко она пошла к колодцу и без напряжения, точно кланяясь кому-то, сгибаясь и выпрямляясь, стала качать воду, потом, для равновесия приподняв одно плечо и чуть колебля ведро, не спеша пошла к дому.

Зубелик и шофер пошли за нею.

Очень чисто и уютно было в доме. На выскобленном полу лежали домотканые дорожки. На выбеленных стенах в самодельных рамках висели картины: цыганка с картами в коричневой, почти черной руке; детишки — девочка и мальчик — с мячиком и обручем у глубокого обрыва, за их спиной стоял ангел-хранитель с серебряными крыльями и в голубой длинной одежде, чем-то напоминавшей свободное платье Текли... Висели и фотографии мужчин и женщин с одеревеневшими лицами. На высокой никелевой кровати пирамидой лежали подушки — штук десять, не меньше. Ходжки с разумной медлительностью отсчитывали время.

Текля четвертой налила воду в две кружки, легко села против гостей, положила руки на стол.

— Что же вы, извиняюсь, молчите? — спросил шофер.

Девушка шире открыла глаза (глаза у нее были кофейные, с искринкой), внимательно посмотрела на шофера и мельком на Зубелика.

— О, бачишь? — как бы обращаясь к третьему, незримо присутствующему в доме, произнесла она. — То выбирай жениха, то молчишь!

И вновь Зубелику понравилось, что девушка так ловко отбрила шофера. «Пристает и пристает, вот трепло!» Ему захотелось дать понять, что шофер никакого отношения к нему не имеет. Но как, как это сделать?

Тем временем вошли хозяева. Они успели переодеться, и хуторянин, будто сейчас только увидел приезжих, поздоровался с ними за руку, назвал себя — Ковалевич, Осип Филиппович. Он сел рядом с шофером и стал расспрашивать о предстоящей работе на вулькинской топи. «Очень это меня интересует», — добавил он. Что мог ответить Зубелик? Ничего, кроме общих и уже сказанных слов. Но тут, опередив Зубелика, заговорил шофер. Не мигнув, он стал подробно отвечать, и отвечал так, будто работал в бригаде одним из главных.

Зубелик слушал, морщился. Росла, все росла глухая неприязнь к шоферу. «Болтун, дурак, что он понимает? Нахватался у директора, с которым ездит, всяких слов и мелет почему зря. И ведь верят, верят ему!..» Прищурившись, он смотрел на шофера, на полосатую его тельняшку, на большие лошадиные зубы, которые тот, посмеиваясь, обнажал, — все не нравилось в нем. Не нравилось и то, как шофер нагло поглядывал на Теклю и несколько раз ей подмигнул.

Рассказу, казалось, не будет конца. Внезапно водитель умолк на полуслове. Он стукнул кружкой, широко отодвинул ее.

— Сухая ложка рот дерет, — произнес он и захохотал. Что хотел он сказать нелепым своим хохотом, этими словами? Он вызывающе посмотрел на хозяина, потянулся. Даже его потягивание показалось Зубелику дерзким, раздражало. — Сейчас я, дорогие, сейчас, — добавил он и направился к выходу.

— Вот трепло, — как только шофер закрыл за собой дверь, сказал Зубелик.

Ковалевич, видно, не понял его.

— А как же, — весело заметил он. — Молодец какой!

Зубелик не успел ответить — вернулся шофер с бутылкой водки.

— Гулять — не устать, — произнес он и вновь рассмеялся. — У меня в машине всегда запас найдется.

— И то правильно, — сказал Ковалевич. — А ну, дочка, — продолжал он. — Товарищи горилку, а ты закусочку. Угости, как полагается.

Той же плавной походкой, что и по воду, Текля несколько раз прошла по дому. На столе появились три стаканчика, тарелка с тонко нарезанным салом, тарелка с хлебом. Шофер оживился, потирал руки, болтал невесть что. Он аккуратно наполнил стаканчики и с нарочитым удивлением, мигая, посмотрел на Осипа Филипповича.

— А хозяйшке и красавице нашей, барышне то есть, по малюсенькой? — спросил он.

— Они у меня непьющие, — ответил хуторянин. — Или, может, выпьешь, дочка? — Он игриво, поддаваясь настроению шофера, посмотрел на Теклю.

Девушка из стороны в сторону покачала головой.

Она то поднималась, то вновь садилась. После второй бутылки (шофер вновь сбегал за нею) хозяин, расщедрившись, велел дочке сварганить яиченку. С обычной своей легкостью Текля подошла к кровати и сразу и бесшумно, животом вниз, легла на пол — корзина с яйцами стояла под кроватью. Правая ее нога — загорелая, длинная — обнажилась до колена, дергалась, шарила по полу: ею девушка как бы помогала себе дотянуться до корзины. Поднялась она одним движением, только щеки чуть порозовели.

Приготовив яичницу, она взяла сковородку двумя веточками и поставила ее на стол, на толстый и черный деревянный кружок.

— Кушайте на здоровье, — с подкупающей простотой и ласковостью сказала она.

Зубелик то и дело, но так, чтобы не очень бросалось в глаза, поглядывал на нее. У девушки была привычка часто морщить нос, и тогда лицо ее становилось удивленным и насмешливым, губы добродушно улыбались.

— А вам здесь весело, — не то спрашивая, не то утверждая, отважился он сказать.

— Какое тут веселье, — с досадой возразила она. — Летом — так-сяк, в двадцать минут добежишь до Вулк. А зимой? — Лицо ее погрустнело, кофейные глаза округлились, они, казалось, видели и зимнее небо и сугробы, завалившие дорогу... — Зимой не побежишь...

— И в деревне ничего хорошего нет, — отозвалась Марья Ивановна.

— А! — Текля раздраженно махнула рукой и умолкла.

— А вы часто в деревню ходите? — произнес Зубелик.

— Как передвижка приедет, как кино крутят, так я там, — ответила девушка.

Попойка продолжалась, по-прежнему шофер глупо острил, громко и самодовольно смеялся и все бегал к машине «за прибавкой», как он выражался. Водка показалась Зубелику теплой, противной, и скоро он перестал пить. Теперь каждый жест водителя, его смех и остроты раздражали. Следовало его поставить на место, высмеять. Ну, а если он ответит, нагрубит, чего доброго пустит в ход кулаки? Ничего как будто нельзя было сделать.

Но тут сам шофер ему помог.

Он пьянел и все развязней болтал. Осовелыми глазами, медленно поворачивая голову, он осмотрел комнату.

— Как папы живете, — вдруг сказал он.

Улыбнувшись, погладив бородку, Ковалевич хотел было ему ответить.

— Как настоящие помешки, — продолжал шофер. — А у нас, под Минском, их давно ликвидировали. Как класс, короче сказать. И тут, видать, хутора сведут.

Мгновенно — едва водитель машины произнес эти слова — старик преобразился. Он словно постарел, осунулся, лицо его покрылось морщинами. Злыми, ненавидящими глазами он посмотрел на шофера. Резко обозначились его побуревшие скулы — видно было, с каким трудом он сдерживает себя.

Это длилось не больше двух-трех секунд. И вдруг Осип Филиппович вновь заулыбался, закивал, добродушно и недоуменно развел руками.

— А ты помещиков видал? — спросил он.

— На черта они мне сдались, — пренебрежительно возразил шофер. — Не видал и видать не желаю. Их до меня ликвиднули.

— А несешь невесть что, оскорбляешь трудового колхозника, — осуждающе качая головой, произнес хуторянин. — Ты что у меня панского приметил? Что у меня сад, так он мне как колхознику причитается, в нем, учти, шестьдесят — как положено — соток. Ты закон, устав наш то есть, знаешь?

Шофер не ответил, и Ковалевич обратился к Зубелику:

— А ты, товарищ, что скажешь?

Вот когда Зубелик мог наконец отрешиться от спутника, показать, что ничего общего с ним не имеет! Согнув пальцы, он постучал по столу, потом по лбу: что, мол, с дурака спрашивать?

— Для него закон не писан, — сказал он. — Кто может у колхозника хутор свести? Да никто!

Надо было еще что-то добавить, и неожиданно для себя он произнес:

— Отец мой сам о хуторе мечтал и чуть не перебрался...

Он вовремя умолк. «А если спросит, почему не перебрался? Что ему сказать?»

Но хуторянин ничего не спросил, он лишь одобрительно кивнул.

Пошатываясь, шофер потянулся к стаканчику. Опередив его, Зубелик схватил баночку и выплеснул водку.

— Хватит, — повелительно сказал он. — Выпил — и хватит. Разболтался тут!

Он говорил, как старший: твердо, властно. Поднявшись, он поблагодарил за угощение, потом, почтительно кланяясь, за руку попрощался с Осипом Филипповичем, с его женой, протянул руку Текле. Девушка, как делала это и раньше, по-кошачьи наморщила нос... Насмешливо? Ничуть. Лицо ее скорее выражало добродушие, она смотрела с любопытством.

Если б не было пьяного шофера, который послушно брел за ним, он сказал бы: «До свидания, увидимся в кино, на картине».

Но он ничего не сказал. Он только пожал ее руку и молодцевато кивнул.

Ольга Яромчик ничего не поняла, на этот раз она сплошала, не обратила внимания на то, что сундучком Зубелика Лиза распоряжается, как своим собственным... Но слух о хате, в которой девушка будет жить с Зубеликом, скоро дошел до Ольги, и через час Яромчик прибежала к Лизе, уши ее горели от нетерпения.

— Какая ж ты, — произнесла она с упреком. — Вместе ехали, рядочком сидели, о чем хошь калякали, а мне не сказала ничего...

— О чем ты?

Яромчик покачала головой, оглянулась — сундучки стояли рядом, над ними, как бы завершая их, возвышался аккордеон...

— Ничего хатина, — сказала она. — Для двоих подходяща. А гулянку устройте?

Только сейчас Лиза поняла, о чем речь.

— Не знаю... А разве полагается?

— Мы три дня гуляли. Самогонки было выпито! — Ольга задумалась, вспомнила свою гулянку. — Меня Гречко пытал, мой Тимофей пытал: «Гулять у Дидюк с Зубеликом будем?» А я — дура дурой, ничего не знаю, хоть и ехала с тобой. Сунулась к бригадиру, а он — до чего злой, ужаси! И отвечать не стал.

Утомив Лизу, она наконец ушла.

Теперь можно было о многом подумать. Что должен парень говорить девушке, когда он хочет, чтобы она стала его подругой? И Лиза стала вспоминать любимые книги, подумала о героях, нежные слова которых ее всегда волновали... Базаров долго отмалчивался. «Вы не рассердитесь?» — спросил он Одинцову. А когда она ответила «нет», он сказал: «Так знайте же, что я люблю вас, глупо, безумно...» Ах, Одинцова играла, спокойствие, полагала она, — высшее благо. А Евгений? Он продолжал любить, он думал о ней до конца, думал и в свой смертный час... Лиза представила себе последнее свидание Одинцовой с Базаровым, и глаза ее повлажнели. «Прощайте, — дрожащими губами прошептала она слова Базарова. — Послушайте... ведь я вас не поцеловал тогда... Дуньте на умирающую лампаду, и пусть она погаснет...»

Чтобы окончательно не растрогаться, Лиза прикусила губу и заставила себя переключиться. Что отец сказал маме перед тем, как на ней жениться? Однажды Лиза спросила его об этом. Это случилось лет через десять после смерти мамы. Лиза все хотела знать о мамином девичестве, о маминой любви, о мамином замужестве. Отца, видно, утешали воспоминания, он подул в отверстие рубанка, отложил его. Получилось как полагается, объяснил он, сначала батьки и матери меж собой договорились, а договорившись, прислали сватов. «А ты маме сказал, что любишь ее?» — поинтересовалась Лиза. «Того и говорить нечего, все без нас оговорили», — заметил отец.

Рассказ в свое время разочаровал Лизу своей будничностью, а сейчас и вовсе не понравился. «Это было давным-давно, ведь папа женился при капитализме, — подумала она. — Совсем как Пушкин писал, как рассказывала нянюшка Татьяне»:

Так, видно, бог велел. Мой Ваня
Моложе был меня, мой свет,
А было мне тринадцать лет.
Недели две ходила сваха
К моей родне, и наконец
Благословил меня отец...

«Ну, а теперь? — продолжала она размышлять. — Бедный Ваня сказал: «Почему бы нам не расписаться?...» Он, должно быть, и сам не подумал о сказанном, взял и бухнул. Федя — другое, он повел себя, как кавалер, своими поцелуями он точно предупредил о предстоящем предложении. Предупредил, и все же произнес какие-то очень будничные слова. Возможно, что те особые слова он еще скажет, он оставил их напоследок...

«А у других как? — спросила себя Лиза. — «Три дня гуляли, самогонки было выпито...» Нет, мы без самогона обойдемся и без этих противных «горько!», когда при всех надо чмокаться, и без грубых намеков, от которых свет не мил... Но что-то нежное, особое должно быть сказано, оно запомнится на всю жизнь. Эти слова Федя скажет, как только придет — сегодня. Обязательно скажет, не отделается же он просьбой о сундучке и аккордеоне, одним намеком...»

Чтобы убить время (завтра начнется работа, не очень-то разгуляешься), она переделалась, натянула свою спецовку — штанцы и куртку — и стала мыть под. Она любила чистоту и представляла себе, что и Федору

понравится пахнувший чистотой и влажной свежестью пол. Пока, согнувшись и вода мокрой тряпкой по полу, она трудилась, заглянули несколько парней.

— Зубелик не прибыл?

— Нет еще.

— А вы того?.. — так и не закончив вопроса, спросил один из них, нижник.

Прежде чем ответить, Лиза сказала:

— Ай, вы всю мою работу испоганите, станьте в сторонку...

Потом выпрямилась, красная, как бурак, локтем поправила чубик, он, как всегда, лез в глаза.

— Чего ты? — спросила она нижника, спросила зря — она это сразу заметила по оживлению других парней.

— А вы того... — повторил нижник.

— А тебе что? — еще больше зардевшись, спросила Лиза. — Ну, поженитесь, дальше что скажешь?

Теперь смутился нижник, он переступил с ноги на ногу, за него ответил Полийчук, скромный, хороший парень, помощник машиниста:

— Мы ж ничего, мы ж поздравить хотим, как полагается.

— Успеете поздравить, пол, смотрите, как затоптали...

Работы хватало, и, когда ребята ушли, она продолжила уборку. Занавески у хозяев хаты не было, и Лиза повесила собственную — покойной мамы. Разобрала и разложила свои вещи. Подошла к зубеликовскому сундучку и остановилась, опустили руки. Станным, неловким, неудобным показалось ей рыться в чужих вещах. «Чужих? Но какие же они чужие?» Она заставила себя нагнуться, пальцы потянулись к крышке сундучка. И с облегчением и непонятной радостью вздохнула: замочек не просто висел, как у нее, для вида, — зубеликовский сундучок был заперт.

Она присела на край деревянного дивана, думала — обо всем и ни о чем. Да, надо переодеться. Сегодня ее день, он навеки останется в памяти. Надела плиссированную юбку, блузку, натянула чулки, туфли, сердито пригладила чуб — когда же он перестанет пружиниться? — даже колечко достала — медное с бирюзовым стеклышком. Теперь она с каждой минутой все с большим нетерпением ждала его.

И, как всегда, когда нетерпеливо ждешь, Зубелик пришел неожиданно. Лиза поднялась, зарделась, опустила глаза... Замирало, колотилось глупое сердце.

— Еле тебя нашел, — как бы с упреком сказал он. Лиза подняла глаза. Лицо у него было красное, недовольное, злое. — Ты зачем трепалась?

Лиза ничего не поняла, она так и сказала:

— Не понимаю...

— Кого ни встретил, все в один голос: «Поздравляю!» И зачем было трепаться?!

Он явно был расстроен, не в духе. Он прошелся по комнате и ничего не заметил — ничего: ни до костяной желтизны вымытого пола, ни маминной занавески на окне, ни бирюзового стеклышка на пальце. Она хотела было оправдаться, сказать, что никому ничего не говорила, ей самой неприятны неуместные вопросы и поздравления, и промолчала, произнесла совсем иное:

— Я и скрывать не собиралась... Не все ли равно?

Теперь она смотрела на него с удивлением. Он все больше расстраивался — это она заметила и по цвету лица и по выражению глаз. Ответил он какую-то ужасную ерунду, вроде «если б было все равно, лазили б в окно...» Потом сразу выпалил:

— Срамишь ты меня... Вот что!

Девичья гордость ударила ей в голову... Во всем теле ощутила она пустоту, губы дергались, и она почувствовала, что может сейчас сказать все, что угодно. С большим трудом сдерживая себя, она спросила:

— В чем дело, Зубелик?

Она назвала его по фамилии, как не называла во все последние дни, как не называла в мыслях и не думала назвать десять минут назад.

— Ни в чем, — ответил он, но так резко, как никто и никогда еще не говорил с нею.

Раздражение его росло, и уж он забыл, с чего началась их ссора. Сейчас его бесили и неустроенность, и постоянное невезение, и то, что он работает среди мальчишек, все они на много лет моложе его, даже непосредственный его начальник — юнец. Немного часов прошло с тех пор, как он, Зубелик, хвалил своего бригадира — и кому? Самому директору Станции! А что представляет собой Исаченко, что особенного, хорошего он сделал? Да ничего, ровным счетом ничего! «Поступил бы я к Кавко на год раньше, и Алексей Николаевич назначил бы меня бригадиром, — продолжал он думать. — Ясно: директор назначил бы меня. Но мне не везло и не везет».

Безрассудная злоба трясла его, весь мир был не мил.

— В чем дело? — повторила Лиза. Это сказали одни лишь ее губы — побелевшие, дергающиеся. И в то время как в сознании пронеслось «что я говорю?», губы продолжали: — Если тебе не нравится, ты можешь...

— Да, не нравится, не нравится! — крикнул он.

— Вот и все, — сказала она. Еще многое хотелось ей сказать. Но она только повторила: — Ты можешь... — и умолкла.

Самое страшное, то, чего она никогда бы себе не простила, были бы сейчас слезы. А они могли брызнуть, если б она произнесла хоть еще одно слово.

Сдержаться было трудно. Но сдерживаться не имело больше смысла, когда, забрав сундучок и аккордеон, Зубелик хлопнул дверью...

Глава четвертая

«Внимание к окружающим я должен проявлять везде и всюду...» Это было одно из правил, которое Ваня Исаченко извлек из указаний Софьи Павловны Яцукевич. Осуществить правило следовало и в отведенной ему хате, куда он внес свое барахлишко.

— Привет, товарищи, — сказал он, едва войдя в хату.

Хозяина звали Геннадием Семеновичем, хозяйку — Фросей.

— Зовите меня просто Фросей, — сказала она.

Настроение у Вани было не из важных. Несмотря на это, он пощекотал по шейке ползущего, старательно работающего всеми конечностями мальчонку — хозяйского наследника — и стал расспрашивать Геннадия Семеновича «как живем-можем?».

Жили так себе, без навоза песчаная земля давала плохой урожай.

— Так, — многозначительно заметил Ваня и без особого умения и уж, конечно, без блеска («Какой я оратор? Двух слов не свяжу!») стал рассказывать о работе, которую «Станция в лице молодежной бригады» проведет в Вульках. Чтобы помочь себе, он достал и развернул карту, водил пальцем: «Здесь пройдет канал, а вот перпендикулярно каналу — канавы...» Он приводил примеры — их было немало, говорил о колхозах, которые на осушенных землях получают небывалые урожаи.

В общем, для начала сообщение получилось удовлетворительное, хозяева склонились над картой, внимательно следили за его пальцем, слушали с интересом.

— Дай-то бог, — вздохнув, сказала Фрося.

— Эти болота надо понимать, — сказал Геннадий Семенович. — Кто их не понимает, тот провалится прямо с головой, засосет его болото. А кто понимает, тот отыщет стежку-дорожку, по крайюсти намочит ноги до колен, только всего.

И он стал рассказывать, «как мы в наших болотных краях партизанили, советскую владу держали, сунется немец, и ему каюк — если не болото засосет, так пуля уложит». Из дальнейших его слов выяснилось, что многие из Вулек партизанили под командой Борисовского.

— Это кого же — председателя вашего? — спросил Ваня.

— Он самый, — ответил хозяин.

Слушая его, Исаченко нет-нет, а вспоминал свое, личную свою беду... Интересно, приехал ли Зубелик? Может, сейчас он с Лизой справляет новоселье... И ясно, до боли в глазах, он представил себе их вдвоем, и ему стало нехорошо-нехорошо! Но разве Зубелик не знает, что, приехав, он должен немедленно прийти к бригадиру и доложить — так, мол, и так, трос получен и доставлен в полном порядке?! А еще как будто знает дисциплину! Стукнула дверь. «Ну вот, наконец-то явился, как будто раньше не мог прийти! Нет, товарищи, так работать не годится, никуда не годится!»

Но пришел не Зубелик, пришла Ольга Яромчик.

— Ну как, Ольга, устроилась, хатой довольна? — спросил Ваня.

Геннадий Семенович и Фрося тотчас же деликатно удалились, даже мальчонка, хозяйский сын, уполз.

Ольга не сразу ответила, она села на скамью и насухо вытерла губы — это на тот случай, если при быстрой речи (она была скороговоркой) начнет брызгать.

— Тебя, Исаченко, поздравить полагается, — начала она издалека. — Когда выпивать будем?

У Вани не прошел еще хмель со вчерашнего дня, до выпивки он не был охоч.

— У вас одни пьянки на уме, нет того... — произнес он, так и не закончив. — С чем это ты поздравляешь?

— Известно: с прибавлением семейства.

— Какого семейства?

— Какого, какого, известно какого. Зубелик-то на нашей Лизке оженился...

И тогда бригадир начал буреть, и не она, Ольга, — Ваня стал брызгать и кричать во весь голос.

— Чего вы лезете! — кричал он, все больше беснуясь. — Чего ты лезешь, куда тебе не следует? Что это за манера в самом деле?!

Ольга заморгала.

— Я ж ничего такого, а боже ж мой...

— Ничего такого?! — в сердцах воскликнул Исаченко и задохнулся. Чуть опомнившись, он крикнул: — Ну, иди, иди, иди, иди!

И так долго повторял это слово, что, продолжая мигать, Ольга попятилась и бомбой вылетела из хаты.

— Вот это да-а, — сидя за стенкой, сказал Геннадий Семенович своей Фросе. — На вид совсем смиренный, обходительный, а гляди, пожалуйста, строгости, фанаберии этой сколько!

— Так ведь старший, — шепотом ответила Фрося. — Сам сказывал — бригадир...

Сколько раз Исаченко выезжал на новый объект — сначала рядовым машинистом, а потом и бригадиром? Не сочтешь, право слово! Всегда, однако, он испытывал одно и то же волнение, подъем, ощущение необычного.

Все жители Вуллек высыпали провожать бригаду. Будет время, и Ваня расскажет им о работе, об экскаваторах. Знают ли они, к примеру, что один экскаватор заменяет полторы тысячи землекопов?! Нет, конечно.

Экскаваторы оставили деревню, свернули со шляха, а любопытные старухи и старики, все уменьшаясь в числе, отставая, продолжали за ними идти. Вот машины подошли к самому болоту, они точно решили погрузиться в трясину. И тут одна из старух замахала руками, поравнялась с машиной Исаченко.

— Стойте! — крикнула она. — Вы ж завязнете, тут глыбко!

Ваня был спокоен, в другое время он улыбнулся бы.

— А ну, — не глядя в сторону Лизы, командовал он. Личные отношения не должны влиять на работу; сейчас он начальник, а она его подчиненная. И Лиза сразу его поняла. К этому месту — к месту, где начинаются топи, — были подвезены слани. Стрела экскаватора повернулась, опустилась; в один миг, не больше, Лиза прицепила крюк к сланям, и вот они подняты, вот они висят, вот, проехав в воздухе полукруг, подчинившись воле машиниста, они лежат перед гусеницами экскаватора, становятся мостком. И по мосткам, как по земле, машина свободно движется. Несколько метров болота остаются позади, и вновь стрела поворачивается, зацепляет слани, вновь и вновь кладет их перед собой. Хорошо! Ну, а кто придумал перетаскивать звенья, состоящие не из двух бревен, как это практиковалось раньше, а из шести? А известно ли вам, товарищи колхозники, какую это дало экономию времени, горючего — всего? Сейчас надо делом заниматься, но придет свободный час, и на общем собрании членов Вулькинской артели Исаченко расскажет не только об этом — о многих интересных вещах...

Молодежный бригадир управляет экскаватором, машина движется по мосткам, останавливается, стрела опускает свою длинную и тонкую шею, Лиза зацепляет крюк, бревна повисают в воздухе. Мгновение — и слани лежат на болоте, образуют полотно, и по полотну движутся гусеницы, экскаватор приближается к месту назначения. На Лизу бригадир старается не смотреть...

«Лиза!

Слова душат меня, мне хочется спросить: «Что с тобой, что случилось?» Глаза твои помутнели, твои губы опухли и дрожат, мне все кажется, что вот-вот ты заплачешь, и я стараюсь на тебя не смотреть. Я не задаю никаких вопросов, но я и не поздравляю тебя, кривить душой я не умею, не хочу. Есть человек, который отныне будет тебя спрашивать и что с тобой и что случилось, пусть, пусть он спрашивает... Да и что, собственно, могло случиться? Ты вышла замуж или, как Ольга вчера сказала, «Зубелик на нашей Лизке оженился», вот и все...»

Дойдя до этой точки, Ваня начинает злиться, он хочет быть предельно грубым и говорит себе: «Может, у всех вышедших замуж такие губы, нацеловались, видно...» Ему больно и противно от грубости, и он заставляет себя переключиться, думает о том, что новый объект — один из труднейших, если не самый трудный: здесь большая переувлажненность торфяников. Необходимо, следовательно, усилить технический уход за машинами. После окончания работы, перед тем как передать экскаватор новой смене (и это надо внушить всем машинистам и их помощникам, а самому следить и следить!), надлежит проверить все крепления агрегата, произвести тщательную смазку трущихся деталей, очистить машину от грязи. Вот о чем следует беспрестанно думать, ни о чем другом!

Да, но что все-таки с Лизой?..

Слухи быстро возникают и распространяются, один Ваня Исаченко ничего не знает и не хочет знать, в чужие дела он не вмешивается. Уже

через час, после того как, поставив на одно плечо сундучок, а на другое повесив аккордеон, Зубелик покидает Лизу и находит себе каморку, — уже через час многим известно о случившемся.

Разумеется, первая обо всем этом узнает Ольга Яромчик. Как ушел?! То есть как это бросил?! Совсем недавно, можно сказать только-только, Ольга была у Лизы, дивчина готовилась к приезду Федора, ничего такого особенного Ольга не заметила. Яромчик набрасывает на голову платок, не успеваает даже завязать его как следует. Тяжело дыша, она врывается к Лизе. Боже праведный, что может произойти с человеком в какой-нибудь час! Девочку и узнать трудно, так она изменилась. Значит, любила, кохала подлеца — еще бы такого орла не любить! С чего начать беседу с ней? С примера, конечно, с примера из личного опыта, это может ее успокоить.

— Ты думаешь, у меня все гладко идет? — говорит Ольга. — Ошибаешься, дорогая. Я, как дура, у мамочки сижу, и в мыслях у меня такого нету. Сижу я, сижу, и думаю себе: дай, думаю, к Тимофею съезжу, он, как теперь, по машинной части на Станции работал. Приезжаю я, а он — смотри-ка! — с девчатами гуляет, совсем как холостяк!

— Перестань, перестань эти глупости! — кричит Лиза, слезы так и катятся по ее лицу.

Тогда Ольга поворачивает свое повествование, оно получает иную направленность.

— Очень надо за такого убиваться, — говорит она. — Такая дивчина, как ты...

Она не успеваает закончить.

— Иди, иди, иди, иди! — как давеча бригадир, кричит Лиза, и Ольга уходит, она с достоинством завязывает платок и уходит.

Но в тот же вечер многие члены бригады узнают о случившемся. Складывается общественное мнение в пользу Лизы. Всегда тихий, уравновешенный и совсем не драчливый, Микола Гречко говорит:

— Я бы ему, подлецу, определенно морду набил!

— А ты в курсе дела? — спрашивают его.

— Во всяком случае, морду я б ему набил.

Так, зло сверкая золотым зубом, говорит Микола Гречко, который в жизни и мухи не обидит. Но отрицательное отношение к Зубелику передается чуть ли не по воздуху, и вот что происходит на работе.

На следующий день Зубелик, его помощник Полеев и нижник Анищенко прибывают на свой пункт, занимают позицию и начинают приводить агрегат в порядок, готовить его к работе. По ходу дела Зубелик отдает Полееву очередное распоряжение — самое обычное, повседневное. И тут, возбужденный и настроенный против Зубелика, Полеев ворчит под нос:

— Можешь сам, не хворый.

— Что такое? — всплыв, спрашивает Зубелик. — Что ты сказал?

— А то, что слышал. Оглох, что ли?

Они произносят еще десяток фраз, потом Полеев хватает Зубелика за грудь. Зубелик не остается в долгу и тоже пускает в ход руки. Хорошо, что при схватке присутствует Анищенко. Вооруженный лопатой, он подбегает к сцепившимся, которые топчутся в своих резиновых сапогах и постепенно погружаются в болото.

— Вы что — с ума посходили? — спрашивает Анищенко и, как хозяйка драчливых петухов, разъединяет дерущихся.

Зубелик и Полеев отходят друг от друга на несколько шагов. Миротворец опускает лопату и качает головой. В данный момент он беспристрастен, но если говорить правду, то он тоже настроен против непосредственного своего начальника Зубелика, при случае он и сам дал бы ему в зубы...

Один Ваня-бригадир ничего не знает, он одет в броню своего горя, и броня эта защищает его от всех слухов и разговоров. К тому еще объект не из легких, здесь придется хорошенько потрудиться.

Наконец-то экскаватор приведен в порядок, пора наконец взяться за дело. Переезд занял добрых два дня, дни эти придется наверстать.

— Начнем, пожалуй, — говорит он себе.

Он сидит на командной вышке, ему хорошо видна его помощница с распухшими и красными губами и глазами, кепочку она надвинула на лоб.

— Начали, — предупредительно говорит он вслух и нажимает на рычаг. Стрела быстро, точно кто с маху опускает в реку гигантское удище, летит вниз. Ковш врывается в напитанное водой болото, черпает его, и вот уже он нагружен. Затем стрела идет вверх и относит в сторону, за бровку будущего канала, земляной груз.

— Пошло, пошло, пошло, — шепчет про себя Исаченко.

Как на многих трясинах с переувлажненными торфяниками, на вулькинском объекте тьма непуганой живности. Поднятые скрежетом железа, из низкорослых карликовых кустов вылетают дикие утки, даже по свисту крыльев можно судить, что они не столько встревожены, сколько удивлены. Разбуженная, ослепленная дневным светом, срывается откуда-то сова и летит, тяжело машет крыльями, несется куда попало, лишь бы найти место, где можно вновь заснуть. Скачут, улепетывают лягушки, их глаза выпучены больше обычного. Вот, блестя своим полированным тельцем, по болотной траве прополз уж. Боком, разбросав метровые крылья, отлетает бусель, или, как называют его приезжие, аист. А жуки, а мошкара! Их видимо-невидимо. Жуки также отползают — по мхам, по трилистникам, по сабельникам, по касатикам. Они взбираются на стебли тростника и камыша и смотрят: что же все-таки происходит?

Тем временем экскаватор делает свое дело, ковш следует за ковшом, и уж к котловану стекается коричневая, цвета ржаного хлеба, вода, уж она булькает и дает о себе знать, забирается в ковш: может, и ей надлежит убраться из этих мест? Но ковш процеживает ее, пропускает сквозь блестящие свои зубья, возвращает в будущий канал: тебе, воде, плыть и плыть, уходить все дальше, пока не попадешь в один из притоков Припяти, а уж оттуда в самую Припять...

Рядом с будущим каналом все увеличивается, растет земляной вал. Ковш не знает усталости, для него нет препятствий. Попадется на его пути полутораметровая ольха, он и ее подхватит, выроет с корнем и вместе с торфом и илом, вместе с камышом и водяными лилиями вывалит на все растущий вал...

— Пошло, пошло, пошло, — возбужденный работой, говорит Ваня. Когда гудок оглушит окрестность и явится вторая смена, он обойдет агрегаты, проверит, как работают все его ребята. Необходимо сразу набрать нужные темпы, по-прежнему держать первенство.

Он увлечен, он, вернее сказать, старается занять все свои мысли, все до единой, — это ему удается с трудом. Что с Лизой? Его это, конечно, не касается, но... что с нею? Она делает все, что полагается делать помощнику машиниста, но ведь не о работе сейчас речь. Он и со своего сиденья видит, что глаза ее все больше застилаются слезами, она украдкой их вытирает, все ниже надвигает козырек кепки. И он не поражен, когда, как только раздастся гудок и вторая смена готова приступить к работе, Лиза говорит:

— Послушай, Исаченко, отпусти меня на два дня... только на два...

— На два дня? — повторяет он. — Да, тебе, можешь себе представить, отгул полагается, у меня записано... — Потом он с большим трудом заставляет себя спросить: — А зачем тебе два дня?

На ненужный вопрос не сразу следует ответ. И уж когда, раскаявшись в своих словах, бригадир уверен, что ответа так и не дожидается, она говорит:

— Завтра отец... Ну, одним словом, он проездом будет в районе... в райцентре... То есть не проездом, а вообще. Одним словом...

— Понятно, — ничего не поняв, отвечает Исаченко. — Валяй, валяй в райцентр...

«...Чего же ты, глупенькая, плачешь и расстраиваешься? Жаль милого оставить? Или боишься, что отец разозлится, напомнит, что в восемнадцать лет можно не спешить, да и не мешает прежде всего написать родителю, посоветоваться с ним, хоть для видимости испросить разрешение? А может, ты и написала, может, у тебя все давно оговорено, только мне ты ничего не говорила? Но, с другой стороны, почему и с какой стати ты должна мне говорить? Что же ты, глупенькая, расстраиваешься? Может, кому еще больней, много больней, а он молчит, молчит и терпит... Твой краснодеревщик захочет, конечно, познакомиться со своим зятем и приедет в Вульки...»

— Валяй в райцентр, — повторяет Ваня. Он слез с машины, стоит рядом с Лизой. Она чуть поворачивается к нему спиной, он видит стриженный затылок и засученные до колен штанцы. Резиновые сапоги она сняла — жарко, без них ногам легче. — Валяй, валяй в райцентр!

Глава пятая

Когда Вульки остались позади, Лиза села на обочину дороги. Задумалась, уперлась ладонями в колючую траву. Что же все-таки случилось? Зубелик ходил к ней, явно ухаживал, водил в кино, целовал... «Подыши для нас добрую хатину, чтобы народ нам завидовал» — как понять эти его слова? Он же не маленький, Федор, он должен понимать и понимал, конечно, что все это значит... И вдруг, совсем неожиданно, ничего не объяснив... Нет, объяснить с нею он не счел нужным! До чего дошло — Ольга прибежала ее утешить! Какой позор — всем известно, что он бросил ее... Конечно, ребята будут притворяться, делать вид, что ничего не знают, но ведь это еще хуже, невыносимее! Вот Исаченко, он тоже притворяется — и весьма неумело. Он не смотрит на нее или смотрит украдкой. «Ладно, — сказал он, — езжай!»

Вновь навернулись слезы, самые обидные — слезы самолюбия. «Так тебе и надо, так и надо», — чтобы удержать их, сказала она себе и быстрее зашагала.

В движении легче думалось. Какой позор, какой стыд! Она не сможет больше смотреть в глаза ребятам из молодежной бригады, не сможет работать по-прежнему. Зубелик бросил ее... Так будут говорить, да так оно и есть — он бросил ее! Но почему, почему? Что случилось? Что произошло за последние сутки, во время его отсутствия, именно за те двадцать четыре часа, ибо расстались они, как друзья, как близкие, еще сейчас горит поцелуй на ее губах — е г о поцелуй... Так что же произошло? Ведь можно было открыто, по-товарищески объяснить, сказать... Но нет, он не счел нужным объясниться. «Ты срамишь меня...» И — все, точка, он забрал сундучок и аккордеон и хлопнул дверью...

«Ну, а ты? Ты любишь его? Любишь?..»

И только она так подумала, как злоба сдавило горло, стало трудно дышать. Вот они, вопросы, которые должны в одно мгновение снять всю тяжесть с ее плеч! Надо лишь себе доказать, что она и не думала о нем, все вышло случайно, его слова она приняла за шутку, она заранее знала, что между ними ничего нет и быть не может... Она, видите ли, захватила лишь его вещи, оказала ему товарищескую услугу... Или так: «была без радости

любовь, разлука будет без печали...» «У-ух, ненавижу, всю фальшь свою ненавижу! Да, я любила его, любила и люблю, а он, не объяснившись, бросил меня, от этого мне не отвертеться, уловки не помогут...»

Не чуя ног, она шла мимо отцветшей ржи с синими и лиловыми васильками, мимо полос розовой гречихи, мимо курчавого картофеля, который не успел еще разрастись. Вдоль дороги, то с одной, то с другой стороны, через каждые два-три километра стояли высокие кресты, обвешанные ручниками и передниками... Недовольство, презрение к себе начисто высушили глаза, лицо покраснело, пылало.

Через несколько часов она была на шоссе. А еще через час села в автобус, припала плечом к стеклу, смотрела, не отрываясь. Указатели, столбы с цифрами, большие, в стену, плакаты пролетали — так казалось, — со свистом поворачиваясь...

Рая Ботвинко, комсорг Станции, и представить себе не могла, чтобы молодежная бригада так ее подвела. В глубине души она была рада, когда знакомство с работой Станции Софья Павловна Яцукевич решила начать с бригады Ивана Исаченко. Раиса ждала похвалы, получилось же черт-те что! Исаченко подвел, подвели все члены бригады — все до единого. Как бы нарочно, молодежная бригада выставила напоказ свои недостатки, а о них, о недостатках этих, комсорг и не подозревала. С нетерпением Ботвинко ждала приезда Софьи Павловны и, дождавшись, забежала в ее кабинет, спросила — стыдно вспомнить! — «правда, хорошая бригада?» Спросила и сама же ответила в манере директора Станции: «Хорошие ребята, молодцы!» И тут пришлось ей услышать от нового парторга совсем иное. Софья Павловна спокойно перечислила замеченные ею недостатки и упущения, подробно рассказала о слабой политической и воспитательной работе. И еще спросила: «А вы часто там бываете, товарищ Ботвинко?» Оказалось — нет, не часто. И Софья Павловна сказала: «По-моему, вы не так загружены, чтобы не иметь возможности хоть раз в месяц съездить в бригаду Исаченко. Ведь у вас одна молодежная бригада, а здесь, на Станции, в мастерских, комсомольцев раз-два и обчелся». Рая краснела, бледнела, молчала. Нет, конечно, она не была загружена, ничуть. И не только раз в месяц — каждые десять дней она легко могла бывать в молодежной бригаде...

Все эти неприятности сразу вспомнились, когда она увидела входящую в чертежную Лизу Дидюк. Совсем невольно у Раи соединились брови, опустились углы губ, и, пальцами крепче сжав рейсфедер, она боком повернулась к Лизе. Вместо русой косы, смешно, как маятник, болтавшейся на спине комсорга во время игры в волейбол, Лиза увидела туго скрученные на затылке волосы, открытую шею и полные, под темным халатом, плечи.

— Здравствуй, — сказала Лиза.

Ей вспомнились день, вечер и ночь, проведенные Раей на объекте. Была ранняя весна, тогда еще ни один человек в молодежной бригаде не знал о существовании Федора Зубелика, легкость и радость — как всегда в первые дни весны — ощущались в воздухе, в наступившем тепле. Ребята играли в волейбол, и, раскрасневшись, сняв очки, Рая хватала и бросала мяч, русая коса скользила по ее спине. Потом комсорг пошла ночевать к Лизе, они легли в постель и не могли заснуть, — о чем только, прижавшись друг к другу, они не проговорили в ту ночь!

— Здравствуй, — еще раз сказала Лиза.

— Привет, — ответила наконец Рая, ответила так невнятно, будто держала в зубах карандаш. — Что скажешь хорошего?

Но ничего ни хорошего, ни плохого комсорг не дала Лизе сказать, она засыпала ее вопросами. Было похоже, что она залпом читает анкету:

— Сколько молодежи в Вульках? Комсомольцев? Комсомолок? Есть

ли клуб? Как часто бывает передвижка? Установила ли молодежная бригада контакт с правлением колхоза? С комсомолом?

— Я не знаю,— растерянно произнесла Лиза.

Казалось, более точного ответа Рая и не ждала.

— Вот-вот — «не знаю»! И откуда же можно знать? Зачем? Мы, видите ли, книжками интересуемся, в голове у нас романчики, мы гастролеры: сегодня — здесь, завтра — там, какое нам дело до остальных, до всего?.. А работа на селе? Но какое отношение она к нам имеет? Никакого, конечно!

Она говорила долго и все с тем же запалом, в том же духе, и говорила бы еще дольше, но тут Лиза начала тяжело дышать, и Рая услышала тихие, странные звуки. Комсорг повернулась. Лиза стояла, закрыв лицо руками, плечи ее тряслись.

— И еще, когда нас критикуют, мы, вместо того чтобы прямо и честно признавать свои ошибки, умеем играть комедию,— продолжала Ботвинко.— Оно и понятно: сначала романчики, потом комедия.

Странные звуки ненадолго оборвались, потом раздался сильный плач, и Рая увидела такое неподдельное страдание на мокром лице Лизы, что в одну секунду преобразилась. И следа не осталось от Раиноного тона, от выражения глаз. Она быстро отодвинула чертежную доску, поднялась и взяла Лизу за руки.

— Что случилось? Скажи мне как старшей подруге — что случилось?

Эти слова и голос, какими они были произнесены, окончательно расстроили Лизу.

— Я-а не могу,— всхлипывая, запинаясь, произнесла она.— Я-а никогда больше туда не верну-усь... Де-елай со мной, что хо-очешь... Он даже не объяснил, понимаешь? Это ху-уже смерти...

— Милая, — все еще держа ее за руки, сказала Рая, в голосе ее слышались слезы. — Милая моя, родная, давай посидим, посидим...

Присмирившие, они долго сидели молча.

— У меня то же самое, — сказала Рая. — Нет, во сто раз хуже. В общем, ты его не знаешь...

Опять они замолчали. Лиза слышала, как бьется сердце подруги. Или это ее собственное сердце колотилось?

— Я никогда не думала, что Исаченко способен на такую подлость, — сказала Рая.

— Это не он, что ты,— покраснев и продолжая всхлипывать, произнесла Лиза.— В общем, ты, кажется, его не знаешь...

Они шли рядом, и это напомнило Лизе давний вечер, проведенный комсоргом на объекте. Рая скоро взяла себя в руки. «Нечего поддаваться минутной слабости, тебе не восемнадцать лет, тебе пошел двадцать третий, ты комсорг».

Следовало решить важный вопрос, он имел принципиальный характер. Сверху вниз — Рая была выше на голову — она смотрела на усердно стучавшую каблучками помощницу машиниста. Была бы Яцукевич — вот бы с кем посоветоваться! Но парторг разъезжала по объектам, знакомилась с людьми, жила то в одной, то в другой бригаде, даже не каждое воскресенье проводила она в райцентре.

— Ты что же, совсем хочешь уйти со Станции? — спросила Рая и сама испугалась своего вопроса.

— Не знаю,— жалобно ответила Лиза и подняла голову. Она больше не плакала, но в глазах ее стояли слезы, только ресницы не давали им пролиться.— Не знаю,— повторила она.

— Вот видишь,— наставительно сказала Рая.— Даже такой кардинальный вопрос ты не решила.

Они прошли мимо продавщицы мороженого с тележкой, похожей на детскую коляску.

— Эскимо хочешь? — спросила Рая.

— Нет...

— «Нет, нет», — передразнила Рая. Лизе показалось, что Рая разозлилась. — Поскольку старший товарищ предлагает, ты не должна отказываться. И вообще хныкать, вешать нос нашему брату не полагается. Мало ли что в жизни бывает!

Ботвинко жила в узком зеленом переулке. Она толкнула калитку, и сразу из светлого, полного солнца дня девушки шагнули в сумерки — так густо росли здесь деревья и кустарник. Очень тесная тропка вела к деревянному дому. В этом доме Рая снимала комнату. Она отперла веранду, отперла дверь в коридор, из коридора они попали в комнату. Тотчас же Рая начала хозяйничать, переставила фотографии в рамочках на комод, распахнула окно — ветви мгновенно проникли в комнату, — приготовила ужин, заставила Лизу поесть — «ты ешь, ешь, есть надо при всех обстоятельствах», — вновь спросила:

— Так что же ты все-таки решила?

Этот же вопрос она задала и много позже. Вдвоем они спали на тахте. Окно Рая оставила открытым. По потолку молнией пронеслась тень. Лиза вздрогнула.

— Не бойся, — сказала Рая. — Это летучая мышь.

Несколько минут они молчали.

— Ты достаточно успокоилась? — спросила Рая. — Можешь все объективно рассказать?

И, так как Лиза продолжала молчать, добавила:

— Ты понимаешь — фамилия меня не интересует, хотя, если он комсомолец, его следует проверить и проработать по комсомольской линии... Ты расскажи обстоятельства.

Лиза попыталась рассказать — пятое через десятое. Упомянуть о поцелуях и то было неловко.

— И у него оказалась зарегистрированная жена, и она приехала и устроила ему жизнь с черной каемкой, — не то спросила, не то утвердительно сказала Рая. — Ему и тебе.

— Ах, что ты!

— Но у вас были отношения... ну, вы жили, как муж и жена?

— Что ты! — воскликнула Лиза и даже села. — Я ведь... Но все равно, — горячо продолжала она. — Он так поступил, так поступил...

Рая тоже приподнялась. В темноте не видно было ее лица, но, по словам судя, она говорила, поджав губы, официально.

— Все равно уходить из бригады ты не имеешь права. И если мы, комсомольцы, не будем дисциплинированы...

— Я отпросилась на два дня, но я больше туда не вернусь!

Они еще долго спорили, перебивали друг друга. Как быть? На этот вопрос Лиза ничего не могла ответить, один раз она вновь принялась плакать. «Распускаешь ты себя», — подумала она.

Выход наконец нашла Ботвинко.

— Ладно, — сказала она. — Ты знаешь, как Алексей Николаевич относится к молодежи... Я поставлю перед ним вопрос о переводе тебя в другую бригаду. А что ему сказать, как объяснить?

Лиза и этого не знала.

— Спи, не расстраивайся, — сказала Рая. — Я уж сама найду мотив для перевода.

И вновь несколько раз повторила:

— Спи, спи!

Заснула Лиза сразу и легко, как в детстве после тяжелой обиды. Проснулась поздно — даже сквозь густую зелень пробивался яркий свет, солнце заглядывало в комнату. Проснулась и не сразу могла сообразить, где она. По комнате вертелась Ботвинко, возилась с примусом. Лиза быстро стала одеваться.

Еще вчера она заметила, что одну из фотографий на комодке Рая повернула лицом к стене. Рамка была размером в открытку, из карельской березы. Сейчас Лизе очень хотелось взглянуть на вставленную в рамку фотографию. Она подошла к зеркалу — оно также стояло на комодке — и долго, дольше обычного, причесывалась. Но как ни старалась, как ни прижималась к комоду и вытягивала шею, увидеть фотографию не удалось. К счастью, Рая сказала: «Я на минутку» — и с кувшином (за водой, очевидно) вышла из комнаты. Не выдержав, Лиза быстро повернула рамку.

Это был портрет Кротова, главного инженера Станции, к которому, знала Лиза, недавно приехала жена из Гомеля...

Глава шестая

Зубелику часто представлялось, что до сих пор он разделяет судьбу отца, невезение преследует его. «Это что же — на всю жизнь?..» В детстве ребяташки обращались к нему не по имени, даже они дразнили его кличкой Игната Зубелика. «Послушай, «Без минутки», — говорили они, и, забывшись, Федя откликнулся. «Ага, попался, попался!» — хором кричали и смеялись товарищи. Сын Игната бесился от злобы и ненависти, кулаки его невольно сжимались, он тяжело сопел... Да разве бросишься один на ораву?

Всему виной был отец, его доверчивость, глупая его простота — это Федор стал понимать значительно позже, взрослым. Но мальчонкой он и сам зажегся и горел отцовской мечтой и, когда стряслась беда, плакал и печалился вместе с родителями.

Из дальних стран Игнат Зубелик вернулся, когда Феде было шесть лет. На всю жизнь запомнился день его приезда, и, думая об отце, Зубелик всегда видел высокого костистого человека в городской одежде. Вот сидит отец за столом и, выпивая, в который раз рассказывает сбежавшимся соседям о годах, проведенных на чужбине. Он копал уголь, копал какой-то медный колчедан, батрачил «у фермера», работал с рассвета и до вечерней зари, недоедал, недосыпал... Дойдя до этого места, отец неожиданно ударял себя в грудь и громко смеялся. «Зато теперь я с капиталом, теперь я заживу!» — восклицал он и начинал хвастать своим будущим. Мальчик смотрел на него с радостным удивлением; ему казалось, что отец у него особый и заживет он по-особому, совсем не так, как другие.

Через несколько дней Федя еще больше убедился в этом. Прихватив с собой сына, Игнат все в той же городской одежде стал заглядывать к хуторянам-осадникам, допытываться, не продаст ли кто свою усадьбу. Он бил себя по карману, вынимал и показывал бумажник, вновь и вновь рассказывал о работе на «ферме».

Да, отец был особый, и особой, необычной была его судьба. Скоро пан Тадеуш Левкович, длинноусый осадник с серьгой в ухе, согласился продать Зубелику свой хутор. Боже, как просторен, чист и светел был дом осадника, как прочны постройки, как широко разросся сад! Пока, выпивая и закусывая, отец беседовал с паном, Федя смотрел на панычей — крепких парнишек в каскетках с блестящими козырьками. Значит, и у него будет такая каскетка и он будет ходить по дорожкам сада и пощелкивать кнутиком! На обратном пути, пошатываясь, отец ладно

и многословно рассказывал о будущей жизни. Наконец-то и они, Зубелики, заживут по-пански! Часть денег осадник получит наличными, остальные Игнат малыми частями будет ему выплачивать из года в год.

— Считай, что я без минутки хуторянин, — говорил он сыну.

— Считайте, что Игнат Зубелик без минутки хуторянин, — говорил он соседям.

Несколько месяцев шел торг. Зубелик вновь и вновь осматривал каждое строение Левковича, выстукивал чуть ли не каждое бревно — а не заражено ли оно домовым грибок? — обходил, все обходил поле. Вслух он мечтал о будущем своем хозяйстве, и у Феди, когда он слушал отца, громче обычного колотилось сердце. Пан Тадеуш был благодушен, серьга блестела в правом его ухе, пушистые усы дымились — хуторянин курил трубку, — он хлопал Зубелика по плечу и за время торга не одну сотню золотых уступил. Голова осадника варила как следует — это должен был признать и сам Игнат. Так, хуторянин предложил купчую оформить у поветового адвоката, а не у нотариуса в воеводстве: зачем платить государству большие налоги? Вот и еще скидка, и немалая!

Теперь уж осадник ни гроша не хотел уступить, и в конце концов продавец и покупатель ударили по рукам. В повете написали бумагу, и, получив деньги, пан Левкович уехал.

Счастливые дни! Огньне Зубеликам осталось лишь перебраться на свой хутор, «минутке» как будто пришел конец. Но тут судьба нанесла Игнату Зубелику страшный удар. Оказалось, что свое поместье Тадеуш Левкович заранее продал банку, — банк, а не Зубелик со своей ничего не стоящей бумагой из повета был хозяином хутора!

«Без минутки» хуторянин так и остался ни с чем, одно лишь прозвище годами тянулось за Зубеликом...

В Вульки Федор прибыл в крайнем раздражении.

У проходившего мимо машиниста Зубелик спросил, где остановилась Лиза Дидюк. Спросил тусклым, невыразительным голосом. Машинист ответил без намеков и колкостей, парень был он простой и сказал просто: «Исаченко вам одну хату отвел — тебе и Дидюк». Потом поинтересовался: «Значит, вы теперь вместе?» Крепче выпитой водки вопрос товарища ударил Зубелика по голове, по сердцу, испарина покрыла лоб, и он ответил: «А это, друг, не твое собачье дело!»

Сейчас, все больше раздражаясь, чувствуя себя оскорбленным, он с неприязнью думал о Лизе. Прожужжала всем уши — мол, Зубелик просил одну хату снять, жить со мной будет... Погоди, рано расхвасталась! И как хорошо, что он не спутался с нею, так и не зажил с этой девчонкой! Какой толк от такой? «Будешь с нею бродяжить, валяться по чужим квартирам... А ей что? Ей бы только книжки читать...»

Глубоко оскорбленным чувствовал он себя и когда говорил с Лизой, и когда, хлопнув дверью, шел с тяжелым сундуком и аккордеоном по деревне. Не понравились Вульки, не понравилась хата, которую он сам снял («вам Станция заплатит, вы не беспокойтесь, как договоримся, так Станция и будет платить, нам квартира полагается на казенный счет»), не понравились хозяева. Нехороша была и собственная жизнь...

Он сел на лавку подле окошка и невольно стал перебирать былое. Он всегда и во всем старался, но ему не везло, — больше, чем когда бы то ни было, он сейчас не сомневался в этом. Он умел ладить с людьми, в работе не был последним, но в жизни — так уж получалось — плелся в хвосте, не знал взлетов.

Взять хоть бы работу на мелиоративной Станции. В первые дни и недели он твердо верил, что — наконец-то! — удача протянула и крепко пожала ему руку. Оплата на Станции была двойная — деньгами и зерном. Ни один машинист — и это сказал не только директор Кавко, но и бухгалтер, и счетовод, не говоря уже о ребятах из бригады, — ни один машинист не выработывал меньше сорока дневных норм в месяц. А сорок норм — это тысяча рублей и двадцать пять пудов зерна, поищи-ка такую зарплату! К этому следует прибавить, что за квартиру платит Станция, она же бесплатно снабжает мылом, предоставляет постельное белье, полотенца, прозодежду... Чем не жизнь? «Вот она, удача, теперь дела пойдут по другой линии!»

И действительно, с первых же дней его экскаватор начал выбрасывать достаточное количество кубометров. Он быстро перенял метод работы Вани Исаченко и заслужил похвалу бригадира. Значит, в том, что он выполнит сорок норм, можно не сомневаться? «Спрашиваешь, — ответил бригадир. — Даю гарантию». И Федор Зубелик был на седьмом небе, отныне Удача крепко держала его за руку и вела за собой, ему и помощник машиниста и нижник попались дельные, они как следует в к а л ы в а л и.

Все нравилось Зубелику, все ладилось. Окончился месяц, произвели подсчет. Оказалось, что Зубелик выполнил даже не сорок, а целых сорок восемь норм. Получай, друже, лишних двести рублей, лишних пять пудов зерна. Хорошо, не правда ли?

Но тут выяснилось, что Миккола Гречко, машинист, который выделяется одним лишь золотым зубом, ничем больше, выполнил шестьдесят три нормы! А сам Исаченко, бригадир, шестьдесят! А Тимофей Яромчик перскрыл всех, он выполнил шестьдесят пять норм! Значит, Яромчик получит... подсчитай-ка сколько, да еще приплюсуй полочку его жены, Ольги, — она, как нижница, тоже получает по двенадцать с полтиной и по пять кило зерна с нормы!

Светлый день поблек и потемнел в глазах Зубелика. Вот тебе и удача, как говорится — удача, но с другой стороны... Оказывается, он на последнем месте, на одном из последних, хотя бригадир Ванька и притворился (весма, впрочем, неудачно), что доволен работой Федора, и даже воскликнул: «А я что говорил? Даю гарантию...»

Сидя на скамье возле окошка, Зубелик вновь перебирал свои неудачи, по неделям и дням вспоминал прошлое. Хорош, хорош бы он был, если б сошелся с Лизой Дидюк! И он увидел ее в ином свете — маленькую, с этими ее книжками, от которых ее трудно оторвать, с ее несносной манерой — со всеми в дружбе, со всеми запанибрата... Что же он — не видел ее раньше? Нет, видел, но не замечал или, вернее, старался не замечать. Потянуло, и он, не думая, не рассуждая, пошел за нею... Вот уж, действительно, не было печали...

Вечерело, он продолжал сидеть. Следовало зайти к бригадиру, сказать, что трос получен и доставлен. Следовало пройтись по деревне, посмотреть ее хорошенько, кое-что узнать, узнать, например, где крутят картины и когда прибывает передвижка... Ничего не хотелось — не хотелось даже двигаться.

Слабей, хмель все еще кружил голову. Зубелик ясно представил себе Ковалевичей — Теклю, Осипа Филипповича, Марью Ивановну. Хорошие люди, простые, сердечные, да и живут они дай боже! Что им приезжий машинист, которого они раньше и не знали? Ан нет, пригласили к столу, поставили угощение, не пожалели сала. У иного и воды не допросишься, иные зимой снег пожалеют. А эти...

Он сидел до позднего вечера, совсем темно стало в доме — темно, неуютно, тяжело. Досадно, тяжело было и на сердце, и он несколько раз протяжно вздохнул. Встал, прошелся по хате. В углу, накрытая рядом,

стояла кровать. Как хорошо, как кстати! Он почувствовал усталость, стянул сапоги и, не раздеваясь, прилег.

Заснул он не скоро, с трудом — заставил себя ни о чем не думать. «Завтра на работу». И в последний раз вздохнул. «Эх, жизнь, жестянка...»

На другой день приехала передвижка.

Зубелик узнал об этом утром. Хорошо, что в шесть вечера его смена кончается! В оставшиеся до начала сеанса полтора часа он привел себя в порядок: начистил кирзовые сапоги так, что они блестели не хуже хромовых, помылся, и не хозяйственным мылом, как обычно, а туалетным, пахнущим земляникой. Он возился и каждые пять минут смотрел на часы — не опоздать бы. Сапоги блестели и поскрипывали. Влажные волосы крупными прядями падали на лоб. Из хаты он вышел молодцеватой походкой, чуть раскачиваясь.

Был тот час, когда едва ощущается наступление вечера. Еще светло, еще последние, почти горизонтальные лучи касаются деревни, освещают поднятую пыль, делают ее розовой. Но уже, как в сумерки, поет колесо колодца, уставшие анты в последний раз накормили свое прожорливое потомство, по-вечернему жалобно и призывно мычат телята: скоро с пастбища вернутся коровы...

Возле клуба — клуб находится рядом с правлением колхоза, в доме, крытом грифельно-серой дранкой, — стояло человек двадцать пять: билеты еще не продавали. Зубелик медленно прошел мимо собравшихся. Текля пока не явилась.

Вместе с другими стоять у клуба Зубелику не хотелось, и он несколько раз прошелся взад и вперед. Начали продавать билеты, молодежь выстроилась в очередь. Сколько билетов купить — один, два? Бог ее знает, Теклю, не обидится ли она, если он подойдет к ней с билетом? «Мы ведь и двадцати слов не сказали друг другу...» Вопрос он так и не решил. Но стоять возле кассы, как мальчишка, которому не хватило гривенника, было нехорошо, и он вновь стал прогуливаться, с каждым разом удлиняя путь. Около клуба осталась одна детвора. Вдруг он подумал, что, пока прогуливался, Текля могла прибежать и, не замеченная им, войти, и быстро зашагал к клубу.

Окна пока не занавесили, в синеватом от махорочного дыма воздухе можно было разглядеть лица всех зрителей. Текля еще не пришла. Зубелик занял место в последнем ряду: отсюда легче было наблюдать за входящими. Дверь все время скрипела, зрители продолжали входить. Постепенно поток людей стал уменьшаться и наконец совсем иссяк. Одеями завесили окна. Застрекотал аппарат.

Показывали журнал полугодичной давности. Зубелик прислушивался. Дверь не скрипела. Текля, возможно, вошла бесшумно. Он с нетерпением ждал окончания журнала. Наконец зажглась лампочка. Текля не пришла.

Итак, она не явилась. Почему? Неужто все дело в шофере, в этом нахальном и грубом дураке? «Принимай женихов, выбирай — хошь меня, хошь этого товарища». Они были вместе, он и шофер, Ковалевичи имели все основания думать, что перед ними одна компания. Рассудительный Осип Филиппович или жена его, а то и оба они сказали дочке: «Нечего тебе в Вульки бегать, там эта нахальная босатория, этот шофер и его дружок...» Правда, когда шофер лишний раз потянулся к водке, Зубелик решительно остановил его. Но когда, когда? После нескольких рюмок. Сидели же они рядом, прибыли на одной машине...

Давно уже он не смотрел картину, треск, мельканье раздражали, и он вышел из клуба. Что делать? Но что можно было делать? Решительно ничего. Пойти на хутор? Глупо, невозможно. Ковалевичи легли

спать. Но если и не спят, то они — очень просто — укажут ему на дверь. Нет, ничего нельзя было делать, ничего! И он курил папиросу за папирсой, шел, не оглядываясь, ничего не замечая.

Что же все-таки ее задержало? И неужто он никогда больше ее не увидит?

Она пришла через пять дней, когда в Вульках вновь показывали картину.

На этот раз Зубелик направился к клубу без всякой надежды и как бы помимо желания. В самом деле, чего ради он идет? Какая чепуха, какое мальчишество! О работе надо думать, о работе, и только. Учетчик на него дуется, учетчику ничего не стоит обмерить работу с уменьшением на пять-шесть норм. «И вообще, все на меня здесь дуются... Они недовольны, что Лиза выбыла из бригады. Но ведь любой мог на ней жениться, если уж так важно было удержать ее в бригаде», — чувствуя, что он несправедлив, и поэтому еще больше злясь и раздражаясь, думал он. Но то, что товарищи по работе отвернулись от него, сильно огорчало. С людьми, в особенности же с теми, которые вместе с ним работали, он любил жить в мире, и это удавалось ему в других местах, до последних дней удавалось и в молодежной бригаде.

«Ну, а Текля? — размышлял он между делом. — Бог с нею! Пускай Ковалевици держат ее хоть на привязи, пускай выдадут за паныча... Но в том-то и дело, что панычи кончились, их время прошло...» И в минуты раздражения (а раздражался он в эти дни часто) ему доставляло терпкое удовольствие думать, что «их время» кончилось, нет теперь ни панычей, ни осадников, которые только и делают, что жульничают. Ковалевицам придется выдать дочь за обычного парня...

Раздражен он был и направляясь к клубу. Сапоги он почистил сухой щеткой, руки помыл кое-как... Разумеется, теперь он не будет ходить взад и вперед, топтаться, стоять у кассы — себе дороже!

Недалеко от клуба стояли девчата, и среди них Зубелик сразу увидел Теклю — она была выше своих подруг. О чем-то, видно очень веселом, она рассказывала и первая, с трудом себя сдерживая, смеялась. Она и к нему обратила смеющееся лицо и наморщила нос, блеснула влажными зубами.

Он козырнул и с наигранной легкостью подошел к девчатам.

— Значит, картину будем смотреть? — чтобы хоть что-нибудь сказать, спросил он. И так как, дичась, девчата молчали, сам же и ответил: — Посмотрим, посмотрим.

В руке Текли он заметил билет и поспешил к кассе.

Теперь следовало ухитриться и сесть рядом с нею — благо билеты были нумерованные. Но у входа Текля сама подошла к нему.

— А где ваш товарищ? — спросила она.

Вопрос задел его.

— Какой он мне товарищ!

— Веселый, — сказала она, морща нос, и он так и не понял, шутит она или в самом деле считает шофера веселым.

Они сидели рядом. Даже в полумгле видны были ее кофейные, с искоркой, глаза. Шелковое, в больших цветах, платье шло ей, как и то, домашнее, широкое.

— А почему вы в тот раз не пришли? — спросил он.

Она смотрела картину и в то же время слушала его. На мгновение она повернула к нему оживленное лицо.

— Хорошая была?

— А я все ждал, — рискнул он сказать.

Она улыбнулась... Его словам? Или тому, что происходило на экране? Так или иначе, улыбка ободрила его, и он плечом коснулся ее плеча.

Продолжая смотреть картину, она чуть отодвинулась.

Это понравилось ему, как в свое время нравилось то, что Лиза, наоборот, не возражала ни против того, что они сидели, прижавшись друг к другу, ни против его поцелуев.

Он не хотел ей мешать и тоже пытался смотреть, догадаться, что было в пропущенных им кадрах.

Из клуба они вышли, оживленно разговаривая. Кино она, видно, очень любила и передавала содержание многих картин, передавала, как живые истории, которые произошли на ее глазах.

— Чего же вы в тот раз не пришли? — вновь спросил он.

Ее ответ несколько охладил его.

— Уж не помню. Не пришла и не пришла, и все тут.

— А я в тот вечер хотел к вам прийти, — произнес он.

Они шли быстро, Вульки остались позади.

— И пришли бы, — сказала она.

Это походило на игру, она то отталкивала, то приближала его к себе. Вдруг она остановилась.

— Ну, я побегу, — сказала она. — Кому гулять, а кому пора до дому.

И тотчас же, едва кивнув, бросилась к хутору.

— Так я приду! — крикнул он ей вслед.

В ответ он услышал лишь удаляющийся топот ее быстрых ног.

Глава седьмая

Убитую гитлеровцами мать Ваня Исаченко помнил, как сквозь сон, он точно разглядывал выцветший снимок. Вот склонилась она над его койкой, глаза ее вопросительно-тревожны. «Что с тобой, Ванечка?» Мальчик разметался, отбросил одеяльце, сучит ножками, он надул губы — вот-вот заплачет. Впервые он испытывает муки слова. Как рассказать, что минуту назад он летел, сначала вверх, потом с сумасшедшей быстротой вниз, все дальше, все стремительнее. Ах, он упадет, разобьется! Дернувшись всем телом, обессиленный, вспотевший, перепуганный, он проснулся, и тут, над койкой — мать, ее вопросительно-тревожные глаза. «Что с тобой, Ванечка?» Мальчику нехорошо — он летел, и так было страшно, еще и сейчас он чувствует, как дернулись ноги, как неловко телу и как от этой неловкости хочется плакать. С трудом находя слова, капризная, жалуясь, он наконец кое-как рассказывает: он летел, он упал, ему больно... А мать? Она улыбается, радостью, сиянием полны ее глаза. «Мальчик, милый, это ничего, это со всеми бывает, ты растешь».

Так Ваня с четырехлетнего возраста узнал, что рост связан с болью. Была боль и через год, когда маму угнали (соседская старуха в очках, неестественно увеличивавших ее глаза, объяснила потом: «Расстреляли и в ров бросили, не будет больше у тебя мамки»), и он брел по городу, и ему становилось все страшнее и страшнее, и он плакал.

Тревожился, плакал он и впоследствии — год или два, и Манюся Исаченко, ставшая его матерью, точь-в-точь как та, убитая, уверяла, что он растет, отсюда и слезы и воспоминания. «Ничего, родной, ничего, мой мальчик, спокойно!»

С Манюсей был он откровенен, писал ей часто и о многом. Но, видно, откровенность имеет границу, наступил момент, когда он перестал упоминать о Лизе. Не мог, не мог он из себя слова выдавить и когда стряслось несчастье и девушка сказала: «Нет!» За отказом шла путаница, неразбериха, неожиданности, он, как в детстве, с сумасшедшей быстротой летел вниз... Может быть, лучше, что Лиза переехала в другую бригаду, скрылась с глаз? Нет, несколько не лучше, не легче...

Но как ни сильна была боль, он вскоре почувствовал, что постигшее его горе — тоже рост.

Точно после болезни, поднялся он на рассвете через некоторое время. Бодрое, деятельное солнце смотрело в окно... Неужто ему удалось забыть, вычеркнуть Лизу (как в подобных случаях пишут в книгах) из головы и сердца? Нет, конечно. Боль сжалась, потеснилась, и в голову проникли иные мысли. А может, иные мысли потому только и проникли, что им следовало потеснить горе?

Сразу обступили дела. В тот день он работал во второй смене, с утра в его распоряжении было восемь свободных часов. Наскоро позавтракав, он отправился на объект. Глаз у него острый, внимательный, еще издали он заметил, что третий по порядку экскаватор бездействует, ковш сиротливо висит над каналом. Болото стало отдавать свою влагу (когда придут и включатся в работу другие бригады, одна из них выкопает продольные канавы, другие пустят в ход кусторезы и корчеватели, болотные плуги, дисковые бороны, — болото совсем исчезнет...), во всяком случае, пробраться теперь к объекту много легче. Кто в первой смене работает сегодня на третьем экскаваторе? Исаченко думает не больше двух-трех секунд. Микола Гречко, вот кто. И, приблизившись к Миколу, который вместе со своим помощником осматривает машину, Ваня спрашивает:

— Что случилось, Гречко?

— Забарахлил, дьявол, — отвечает Микола.

Еще минута, и уже трое — Микола, Ваня и помощник машиниста Соловей — осматривают экскаватор и начинают его «приводить в чувство», даже нижник пособляет — то поднесет гаечный ключ, то достанет домкрат. Еще десять минут, и — «заливай, поехали» — экскаватор вновь работает, вновь ковш спущен, нагружен, вновь он поднимается. Значит, бригадирские руки кое для чего пригодились? Значит, простой машины сокращен?

Но не только для этого Исаченко подошел к Гречко. Машиниста заменяет Соловей, и тогда Ваня говорит Миколу:

— Есть у меня для тебя комсомольское поручение.

Беседуя, они следят за работой экскаватора, это не мешает им слушать друг друга.

— А ну, что за поручение? — спрашивает Гречко.

— Небольшое. Но прежде всего я хочу узнать, почему мы перестали играть в волейбол? Как приехали в Вульки, так и не играем.

— Не пришлось как-то... — Гречко не говорит, что некоторым образом виноват в этом отъезд Лизы, она была одной из активисток игры. — Не пришлось... Может, сегодня вечером сыграем.

— Я к тому и говорю. Среди местных ребят немало волейболистов. Вот ты после работы установи с ними контакт и пригласи их играть. Это будет начало, а там свяжемся еще теснее и по более важным вопросам... Идет?

— А чего ж, — отвечает Микола. — Ну да, ты будешь на работе. Выполню, не беспокойся.

И Ваня прощается с Гречко.

Можно идти направо — там, на втором экскаваторе, работает Тимофей Яромчик, — можно повернуть налево, к четвертому экскаватору, — на нем трудится Федор Зубелик... Ваня идет направо, делает несколько шагов и останавливается. Ему хочется поговорить с самим собой на высокопринципиальной основе.

«С каких это пор личные отношения превалируют у тебя над работой? — спрашивает он себя. — Да и о каких личных отношениях можно говорить в данном конкретном случае? Что сделал тебе Федор Зубелик? Разве виноват он в том, что Лиза его полюбила? Ну хорошо, допустим,

что она его полюбила или, вернее, они полюбили друг друга. Но в таком случае, почему она бежала из молодежной бригады?..»

Нет, разобраться во всем этом невозможно, болтовня Ольги Яромчик его не интересует, он не хочет ее слушать! И, топнув ногой, Ваня поворачивает налево. Если ты бригадир, то изволь выполнять свои бригадирские обязанности!

Все это, конечно, верно, обязанности свои он должен выполнять и выполняет, хоть и сам отлично чувствует, что к зубеликовскому экскаватору подошел иной совсем человек. Отяжелели, стали чугунными ноги, отяжелел весь он, Исаченко, даже язык с трудом поворачивается, даже глаза нашли для себя одну лишь точку на блестящей гусенице экскаватора.

— Как дела? — не поднимая головы, спрашивает он. Нет уверенности, что машинист услышал его вопрос.— Как дела-делишки?

Зубелик, наоборот, никакого стеснения не ощущает, больше того, он не видит и смущения бригадира. Машинист весел, настроение у него хорошее, отвечает он пространно:

— Дела идут, контора пишет, а в остальном, прекрасная маркиза, все хорошо, все хорошо.

Немного помолчав, Зубелик интересуется, как работает поммашиниста, прибывший вместо Лизы Дидюк...

«Ну, знаешь ты...» — начиная злиться, думает Исаченко.

Он не спешит с ответом, потом ворчит:

— Как все! Не хуже других! Что за вопрос, не понимаю!

Теперь можно уйти. Пора уйти. Надо уйти.

Приближалось горячее время уборки, и, прежде чем застать председателя колхоза, Исаченко три раза заходил в правление. В четвертый раз в комнате Борисовского сидело человек десять мужчин и женщин. И уж, поспешно извинившись, Ваня хотел закрыть дверь, как услышал знакомый голос председателя:

— Заходи, заходи, товарищ осушитель!

Ване понравилось, что его сразу узнали. Он поздоровался с людьми — с каждым в отдельности, за руку — и опустился на табурет.

Говорили о предстоящей страде. Болото клиньями подходило к пахотной земле, с каждым годом занимало все большее пространство. Сеяли, как и при единоличии, на небольших участках; они были разбросаны, комбайнами убирали меньше половины, лобогрейками — процентов пятнадцать, всю остальную площадь — вручную. Борисовский распределял людей — по одному, по два выдергивал из животноводческих бригад. Заведующие фермами отбивались.

— Сам ты жалуешься — удой падает, — простуженным голосом хрипел небольшой, весь обросший жестким седым волосом старик.— А кто обеспечит подкормку?

— Сами доярки.

— Много они накосят!

— А тебе что? Косилку дать?

— Косилки я не требую, ты мне Лукашука оставь.

— После поговорим,— недовольно, озабоченно сказал Борисовский. Ему, по всему видно, не хотелось спорить при постороннем. Потом он поднял голову, и лицо его сразу изменилось: подобтели глаза, исчезли морщины. Признательность звучала в его голосе, когда, глядя на Ваню, улыбаясь, он спросил:

— Что хорошего, товарищ?

С напускной вольностью, словами, позаимствованными у хватких бригадиров, ловких экскаваторщиков и бульдозеристов (так обычно говорили они на станционных совещаниях), Исаченко бойко ответил:

— Обижаемся на вас, дорогие товарищи...

И председатель колхоза сразу угадал тон — так он и сам говорил с секретарем райкома, когда беседа носила неофициальный, дружеский характер и заканчивалась просьбой — разрешить, к примеру, колхозу вместо ржи сдать по установленной норме гречиху.

— Послушаем,— по-прежнему улыбаясь и хитро поглядывая на своих людей, перебил мелиоратора Борисовский.— Послушаем, какая там обида наклевалась?

Вопрос был задан правильно — в плане знакомой Исаченко игры. И он ответил:

— А как же? Как не обижаться! Мы ведь тут кое-что для вас делаем, так — кое-что, и сами вы говорили, что осушка болота — это вроде как ваша целина... А вы будто и не интересуетесь, ни разу не пришли на объект, не интересуетесь...— Он вспомнил, что последние слова были уже сказаны, и неумело умолк.

Председателя прорвало, и он перешел на ты.

— Пойми ты, друг,— сказал он.— Товаришок! До того я зашил, до того захопотаюсь, до того...— Он чиркнул себя ногтем по горлу.— Но это не оправдание, знаю я — не оправдание.— Потом он посмотрел на своих правленцев, заведующих, бригадиров.— Как вы думаете, господари? Может, сегодня сходим, а? Выкроим годину и всем обществом махнем, а? Ведь это ж какое дело делается! Сотни и сотни гектаров земли получим, и какой! — Тут он вспомнил, что все это всем собравшимся известно, и стал закругляться: — Так что ж, господари? Может, какую годину выкроим и сходим, а?

Господари закивали, один лишь обросший седым жестким волосом старик воздержался: ему все еще не сказали, оставят ли Лукашука, подкормка пока что не была обеспечена.

— Значит так,— заключил председатель.— Придем, будем, и не считай за обиду!

И вот господари стоят у экскаватора номер один, у экскаватора, на котором сейчас работает бригадир со своей сменой. Они пришли всей честной компанией да еще кое-кого из стариков прихватили. Они все перебулись, все в лаптях — известно, даже в засушливый год по этим местам ни пройти, ни проехать. Есть о чем подумать, стоя на вулькинском болоте, на этом х о д у н е, как называют его многие, и пришедших преодолевать воспоминания.

— Ты Мисюлю помнишь? — спрашивает председателя зеленоволо- сый, совсем ветхий старик и сам же отвечает: — Куды тебе, ты еще, может, тогда на белом свете не жил. Игнат Мисюля лет за двадцать до панов — при царе Николае — пропал. А пропал он почему? — Теперь старик обращается ко всем, в особенности же к машинистам.— Пропал он, если хотите знать, от своей нетели. Отбилась его нетель, трясца ее матери, от стада. Заявляется пастух — Нестором звали — к Игнату. «Так и так, ваша нетель сбегла». А уж смеркло. Ну, Игнат добре его облаял — шкода, клюкой малость не огрел,— берет веревку, берет ту самую клюку, берет шапку, идет шукать. Шукал-шукал, шукал-шукал и тем часом сам потерялся. Утром всем селом идем его самого шукать. А лето было мокрое, к о с о х л е с т, одним словом. Да. Шукаем, туда- сюда — нету, уж мы чуем: беда. К болоту кинулись, а он, Игнат, и вот он — явственно видать — засосало его, небогу, одна голова над боло- том осталась, и веревка возле, и шапка его на болоте. Сунулись мы, а какой к нему доступ? Сунулись раз, другой — куды там, шагнешь, и до колена готов, еще шагнешь, и — «ратуйте, хлопцы!» А наш Игнатко все опускается и опускается, бороду — верьте слову — и ту засосало...

— Вам бы доски положить и по доскам до утопшего добраться,— деловито говорит член правления Наталья Млынчик. Она пожимает плечами, ее удивляет непонятливость рассказчика.— Видишь, дед, машину, и она на бревнах стоит, ничего ей не делается.

Неожиданно старик злится.

— Тебя, жалко, не спросили,— в сердцах говорит он и прерывает рассказ.

— Километров восемь отсюда кочкарник имеется,— обращаясь больше к Исаченко и его помощнику, говорит Борисовский: односельчане и сами знают о кочкарнике.— Так мы по этому кочкарнику в лес перебрались — это когда война шла, а из леса на партизанские дела шли: к железной дороге, к фольварку — немцы в фольварке стояли. А зимой... — Тут, вдохновившись воспоминаниями, он кладет руку на плечо Вани и уж не снимает ее.— А зимой, когда болото замерзло, к нам, товаришок, наши бабы на побывку ездили. В Вульках немца не было — остерегался,— а весной, как он из фольварка сунулся, болото и кочкарник хотел прочесать, так полегло его порядком, мы из пулеметов по нем косили. Может, в нашем болоте и теперь ихние кости гниют...

Так стоят они, беседуют — для того и пришли, чтобы постоять, ближе познакомиться, поговорить. Не остается в долгу и молодежный бригадир. Он начинает издалека, рассказывает о том, что Полесская низменность занимает около двенадцати миллионов гектаров, огромное количество этой площади можно не считать, вычеркнуть из общей суммы,— в одной лишь Белоруссии болот и заболоченной земли три с половиной миллиона гектаров. Подсчитайте, друзья, какое богатство веками пропало, и не только пропало — сеяло болезни, ползло все дальше, увеличивало свои гибельные владения. С этой бедой ни короли, ни цари, ни паны не могли справиться. И только наша влада взялась за дело, в Восточной Белоруссии десятки тысяч гектаров давно уже осушены, превращены в пахоту и дают богатейшие урожаи... А теперь, друзья, взялись мы и за Западную Белоруссию.

Дойдя до этого пункта, Ваня вспоминает давно знакомый стих Янки Купалы и произносит его несколько срывающимся, но все же ясным и громким голосом:

Где стояли над трясиной
Тростники да лозы,
Появились, зашумели
Нивы, сенокосы.
Поле ровное такое,
Словно стол огромный.
А на нем хлеба бушуют
Силой неумной.

— Вот самое правильное,— замечает Наталья Млынчик. Неизвестно, относится ли ее поощрение к рассказу мелиоратора или к стиху Купалы.

Но поощрение, если оно и относится к бригадиру, не запутывает Ваню. Пока что был лишь запев.

И он занимает свое место на экскаваторе и продолжает докладывать сверху.

— В чем состоит процесс экскавации грунта? — спрашивает он тоном опытного учителя.— Процесс состоит из ряда элементов, а именно: спуск ковша (пальцем он указывает на висящий ковш), загрузка (палец опускается), подъем (палец медленно идет вверх), поворот стрелы (палец описывает полукруг), разгрузка (жест в сторону насыпи). Теперь, товарищи, слушайте внимательно. Раньше между каждым процессом экскаваторщик допускал разрыв, и вы, конечно, сами понимаете, как это

снижало производительность труда. С полгода тому назад один человек придумал вот что... — Он приводит экскаватор в движение, с рычанием опускается ковш, вгрызается в болото, потом с лязгом опорожняется и вновь готов опуститься в болото. Но тут Ваня останавливает машину; опять наступает тишина, можно продолжать объяснение. — Что я сделал? Я, товарищи, все операции произвел без разрывов. Ковш наполнен, и я одной рукой берусь за подъемный рычаг, а другой хватаюсь за рычаг поворота. Подъем ковша и поворот идут одновременно. Как только ковш отходит в сторону на нужное расстояние, я нажимаю ногой на педаль и разгружаю. Заметьте: обратный поворот стрелы и спуск ковша также производятся одновременно... Теперь подсчитайте, какое это дает повышение производительности труда...

— Здорово скумекано! — говорит Борисовский.

А член правления Млынчик спрашивает:

— А кто это придумал? Кто тот человек, что придумал?

— Так, один человек, — после недолгого замешательства отвечает Ваня. — С нашей Станции человек...

Вот он — рост... Еще совсем недавно Исаченко сказал бы: «Это, товарищи, мое рационализаторское предложение». Не только нижник — помощник машиниста, заменивший Лизу, знает, кто этот «с нашей Станции человек»: рационализаторское предложение Исаченко применяют во всех бригадах, оно послано в министерство мелиорации, и нет сомнения, что его будут применять во всей Белоруссии, а там, быть может, и в других республиках... Нижник и помощник машиниста с недоумением смотрят на бригадира. Но Исаченко на этом месте ставит точку и переходит к другим вопросам.

Вот он — рост... То ли он идет вместе с болью и потрясением, то ли приходит вслед за ними, чуть позже. Никакая напасть, никакая беда не могут остановить и задержать человеческий рост. Человек растет, несмотря ни на что, вопреки всему, даже потрясения толкают его вперед...

Глава восьмая

Наступили дни, когда Зубелик мог думать о Ковалевичах с добрым чувством. Нет, Осип Филиппович и Марья Ивановна ничего такого не говорили дочери, не предостерегали ее, не задерживали, уже не раз Текля ходила смотреть картины, гуляла с Федором. Была ли она горда, давала ли чувствовать свое превосходство? Нисколько. Она повялялась с рублем, завязанным в носовой платок, и, если предупреждая ее, Зубелик покупал билеты, настойчиво возвращала деньги.

Как-то, сидя рядом с Зубеликом в клубе, она нетерпеливо коснулась его руки, быстрым шепотом попросила:

— Читайте... Что написано — читайте...

Шли первые кадры фильма — его название, имена действующих лиц, фамилии актеров.

Он стал читать. Не поворачиваясь, чуть склонив голову, она внимательно слушала, кивала.

— Швидко вы читаете, — сказала она, когда они возвращались из клуба, и Зубелик не мог понять — в похвалу или в насмешку произнесла она эти слова?

— А вы... разве вы не так? — только спросил он.

Было за десять, но, как всегда в это время года, вечер казался прозрачным, только деревья чернели огромными своими кронами, густой листвой. Не мигая, Текля долго и внимательно смотрела на Зубелика, она земедлила шаг, потом остановилась.

— Я? — удивленно переспросила она. — Так я ж неграмотна!

И быстро заговорила:

— Счастье ваше, что ваш батько на хутор не переехал, а то б и вы не читали, не писали. У нас кто на хуторе живет, тот неграмотный...— Она осеклась, недолго шла молча.— Как пришла Советская влада, как понаехали учителя и школу открыли, так я стала проситься...— Голос ее дрогнул, но она сразу одолела волнение и твердо, как бы споря, продолжала: — «Маты, прошу, пусти меня до школы». Куда там!

— Не пустила?

— Куда-а! — безнадежно повторила она.— И пропадешь, говорит, и заблукаться, и выюга и снег тебя настигнут, замерзнешь. А тато — тот: «Что ты, дочка, и нас осрамишь, и сама осрамишься!»

— Осрамишься?

— Ну да! — Она вспомнила слова отца и повторила их иным тоном, подражая его голосу: — «Тебе, говорит, двенадцатый рок пошел, уж ты, можно сказать, дивчина. А тебе «а» покажут, «б» покажут, с дитухнами посадят — кому из них шесть, кому семь... Срамота! Погоди, говорит, я малость знаю — при Николае учил,— сам тебя расписать научу».

— Научил?

— А! — Текля досадливо махнула рукой. Она шла скорым шагом, твердо ставила ноги, как бы отталкивалась, отрывалась от своего рассказа. Горько усмехнувшись, она подняла палец и стала чертить им в синеве.— Вот,— сказала она.— Это я свое имя по-печатному написала... «А фамилию, говорит... (она снова изменила голос, стала подражать отцу)... фамилию, говорит, не треба, она у тебя сменится».

Чем-то (Зубелик и сам не знал чем) признание Текли неожиданно сблизило ее с ним. И он поспешил ее утешить.

— Вам и так живется...— начал Зубелик.

Он не знал, каким словом закончить фразу: хорошо, вольготно, счастливо?

— Тю! Люди как люди — и в Вульках теперь есть такие, что семичку кончили и дальше пошли — кто в техникум, кто куда... Одни мы, хуторские...— Она осеклась, голос ее дрогнул. Деревня осталась позади, перед глазами, на густой синеве неба, тяжело чернел большой крест.— Одни хуторские,— повторила она,— как этот крыж — от всех в стороне, будто и Советской влады нету, как были дикие да темные, так и остались.

— Ничего плохого нет,— убеждал он ее.— Я вам правильно говорю: ничего тут плохого нет.

— А! — И вновь она досадливо махнула рукой.

Сблизил Зубелика с нею и ее расспросы о его жизни. Вот когда, незаметно для себя приукрашая, преувеличивая, он мог рассказать о своем былом, о своем месте в бригаде! Бригадир молод, неопытен, назначили его еще до того, как Зубелик поступил на Станцию, и Исаченко по каждому вопросу, даже самому пустячному, приходится советоваться с ним, с Федором...

Мелко перебирая ногами, Текля внимательно слушала. Частые переезды — то, что экскаваторщики все время находятся в движении и больше месяца, двух, двух с половиной не сидят на одном месте,— очень ей понравились.

— Хорошо-то как,— прерывающимся голосом сказала она однажды.

— А что хорошего?

Текля не ответила. Вдруг она поинтересовалась, бывал ли он в городах.

— Ну, конечно, и не в одном! — И он начал рассказывать.

Она вытянула шею, даже дышать, как ему казалось, перестала.

— Вот,— сказала она.— А я и в нашем районе не была...

Зубелик удивился.

— То есть как? — спросил он.

— А так! Батяко с мамой поедут — то чего продать, то чего купить. А я? — Опять она изменила голос, заговорила тоном отца: — «А кому дома доглядеть? За утятами, за поросятами?» И выходит — утята дочки дороже.

Они остановились у разветвления шляха. По своему обыкновению Текля быстро подняла и опустила ногу — одну, другую, — стянула тапочки и, кивнув, бросилась по узкой дороге, ведущей к хутору. Темнота скоро поглотила ее, несколько мгновений слышен был все удаляющийся шорох ее ног.

Возвращался Зубелик медленно. Одни и те же мысли одолевали его за последнее время. Вот уже несколько раз он говорил ей: «Приду к вам в гости», а однажды, дольше обычного задержав ее руку и как бы по забывчивости перейдя на ты, сказал: «Жди гостя, завтра приду...» Что-то, однако, мешало ему собраться на хутор... Что именно? До сих пор помнил он богатых хуторян, к которым заходил вместе с отцом. На хуторах все было иное, казалось, что и деревья росли иначе, что и стекла окон — большие стекла больших окон — блестели ярче, веселей. А кусты, осыпанные висюльками красной и белой смородины! А жужжащая молилка, которая то задыхалась, то зло и долго ворчала! Но с каким презрением многие хуторяне смотрели на мальчика, шагавшего рядом с Игнатом Зубеликом. Они следили за тем, чтобы непрошеные гости — покупатели — не задерживались у кустов со смородиной, под деревьями с кислыми яблоками, и шестилетний Федя чувствовал себя жалким, пришибленным, ненужным... А что, если и Ковалевичи отнесутся к нему с тем же памятным пренебрежением? Он вспоминал свой первый заезд на хутор, то, как его приняли... Уж не поразила ли Осипа Филипповича машина и он решил, что к нему заглянуло начальство?

Следовало пойти на хутор, но каждый раз Зубелик откладывал свое посещение на следующий день. «Чем я в конце концов рискую?» — мысленно допытывался он. И верно: риска не было. Но в те минуты, когда он представлял себе, что при встрече Ковалевичи дадут ему понять, что он им не ровня, чего доброго, захотят унижить, злоба окатывала его, и он думал о них с ненавистью и злорадством: хорошо, что их приструнили, что вот заставила же их жизнь пойти в колхоз!..

«Но я ведь ничем не рискую!» Эта мысль в конце концов взяла верх. В первый раз его хорошо угостили. Было бы неплохо, если бы и он их одарил, — пусть не думают, что имеют дело с голяком, который, как давнишний его спутник-шофер, обрадовался нескольким ломтям сала, яичнице! В своем сундучке Зубелик нашел нитку желтых бус — ту самую, что недавно собирался подарить Лизе Дидюк... Не преподнести ли ее Текле? Нет, нельзя, преждевременно! И, собравшись на хутор, он купил две поллитровки, мешочек пряников, мешочек прозрачных конфет. Ковалевичи должны знать, что он хорошо зарабатывает и умеет обходиться с порядочными людьми.

Уже в первые минуты он понял, что опасения его напрасны. Осип Филиппович встретил его радушно, как старого знакомого. Он недавно вернулся с сенокоса и порядком устал — отдуваясь, то и дело вытирал шею и лысину, сидел на скамье возле дома. Но, несмотря на усталость, он тотчас же взялся показать гостю свои постройки, сад. Было, было чем козырнуть, и Зубелик от всей души похвалил хутор и умелые и старательные руки Ковалевича. Они обошли яблоневый сад, пустую конюшню с тремя денниками, пустую, пахнущую затхлым клуню, просторный и полутемный хлев, где, сверкая сливовыми глазами, стояли корова и телка. Из этого-то хлева, когда Зубелик впервые подъехал к хутору и шофер почему-то дал длинный резкий гудок, Ковалевичи вывозили навоз... Как давно, казалось, это было!

На одной из построек — на толстых ее бревнах янтарно светились капли смолы — Зубелик увидел надпись черной краской и, не думая, прочел ее вслух:

— Тридцать восьмой рок...

— Тридцать восьмой, — повторил Ковалевич и усмехнулся. — Можно сказать — перед самой завихухой... Чуете? И все, думал я, мало, все мне чего-то не хватало, а чего, спрошу я вас? Овчарню хотел построить — штук на пятьдесят овец, свинарник перебрать — уж я и лес сторговал и кирпич... Да ведь как иначе? Свиной, видите, на Станции покупали и отсылали куда-то — надо, значит, и Ковалевичу их поставлять... — И он вновь усмехнулся.

Нельзя было понять, смеется ли Осип Филиппович над прежними своими стараниями или с едкой горечью, сожалея, вспоминает о былом? Зубелик слушал молча.

— Наши партизаны десять лет назад — в сорок шестом — колхоз объявили, — продолжал рассказывать Осип Филиппович. — Так я что? Еще, может, один процент записался, а я, вот я, спозаранку коней в фургон — а и добрые же у меня были кони! — коров к задку фургона привязал, моя Марья Ивановна и Текля свиной, овец гонят... Заявляюсь к Борисовскому — зачислйя, прошу, меня в колхоз... Семнадцатым номером прошел... Понятно вам?

— Как это — семнадцатым номером? — спросил Зубелик.

— По порядку номеров. Первый — сам Борисовский, за ним — партизаны, за партизанами — я, семнадцатый! Я и записать потребовал. Пиши, требую, в книгах, чтобы все знали — семнадцатый я... Ну, а ваш там как отец? — вдруг спросил он.

Федор стал рассказывать. Живут, как все, тоже в колхозе, тоже незадолго до войны построились... Он вспомнил отцовскую хату и подробно описал дом пана Левковича: крыт черепицей, кафельные печи, ягодник, своя пасека... Он говорил и как бы со стороны прислушивался к своим словам. Выходило просто, естественно, правдиво...

Очень хотелось затеять беседу о себе, упомянуть о своих заработках... Это удалось несколько позже, во время выпивки, когда Осип Филиппович заговорил о том, что жить надо по времени.

— Вот я машинному делу обучился, — осторожно начал Зубелик. Было порядком выпито, и он следил за каждым своим словом — не сказать бы лишнего.

— Самое правильное дело, — поддержал его Ковалевич, и Федор заговорил свободнее, легче, подробно рассказал и о своей работе и о зарботке.

Все чаще чокались. Как и в первый раз, женщины сидели в стороне — Текля возле матери.

— А вы за здоровье Осипа Филипповича не выпьете? — спросил Зубелик.

Ответила Текля. Она прищурилась — одни зрачки озорно блеснули. — А чего ж, — сказала она. — Мамо не будет, а я — чего ж!

Она взяла бутылку из рук Федора и, сияя улыбкой, как бы забавляясь, малость плеснула в стаканчик отца, выпила.

Водка разбирала Зубелика. Как будто ничего лишнего не было сказано, да и выпил он, собственно, в меру, но на всякий случай уйти следовало немедленно... Он протянул руку Осипу Филипповичу и с радостью услышал его слова:

— Так вы заходите.

А Текля? Она тоже встала и пошла его провожать.

Они прошли темные сени и задержались на крыльце. Текля прикрыла за собой дверь и, не зная, что дальше делать, смутившись, подала ему руку.

Не отпуская ее руки, Зубелик направился к калитке. Ему хотелось ее обнять, губами найти ее губы... Нельзя, нельзя, тут, понимал он, нужна сдержанность, и вести себя следовало не так, как раньше, как привык. И Федор только крепче сжал ее пальцы своей шершавой и сильной рукой.

— Пустите, — едва слышно сказала она. Ее голос был тих, нежен.

Вздыхнув, оглянувшись, он выпустил ее руку. Да, с дочерью Ковалевича следовало вести себя совсем не так, как с другими девушками.

— Так вы ж приходите, завтра картину покажут, — напомнил он.

Она кивнула и быстро побежала к дому.

Глава девятая

Не легко и совсем не просто ликвидировать недостатки, на которые указала Софья Павловна, и не раз, вспоминая крикливые слова Раи Ботвинко, Ваня Исаченко начинал злиться: «Сама бы попробовала!» Вот волейбол. Разумеется, Микола Гречко выполнил поручение, поговорил с вулькинскими ребятами. Они обещали участвовать в игре, но явились лишь трое... Да и свои скисли, разленились — хоть палкой их выгоняй, — игра не ладилась, вулькинские ушли ни с чем. Нечего говорить, хорош контакт...

Одно утешало и радовало — частые встречи с Борисовским. Ваню так и тянуло к председателю колхоза. Улучив свободную минуту, бригадир шел в правление и чувствовал себя счастливым, когда заставлял Борисовского и им удавалось побеседовать.

— Трудно нам, товаришок, — простуженным своим голосом говорил Борисовский. — Что ни шаг, то помеха, что ни шаг — колдобина. А ведь нам догнать надо весь колхозный строй, а на востоке он — сколько? — двадцать восемь лет живет. Бери, к примеру, нашу артель. Хуторов, считай, восемнадцать процентов, это если отбросить единоличные, а этих, единоличных, тоже хватает. Пойдут хуторяне на работу — час туда, час обратно, а бывает, что и по два часа плетутся, смотря на какой участок требуется, а участки разбросаны — там полоска, тут полоска, — расставляй силу, учитывай, команду! Или взять религию. В горячую пору ждешь людей, а тут, погоди, свято, праздник, значит. Праздников у нас... — Он не нашел подходящего слова и покачал головой. — И храмовые, и престольные, и, как говорится, Трифона-гуслиста, и Харлампия-бандуриста, и матери их Хныхны... Всё? Погоди, не всё. У баптистов, у староверов, у евангелистов — свои, сект ихних — не перечтешь... Мы, конечно, разъясняем по силе возможности, ведем борьбу, ну и ихние разъясняют...

Борисовский усмехнулся, глубже сел в кресло.

— Есть тут один толкователь... «Будьте, — учит он, — просты, как голуби». Ладно, чего лучше? Только, объясняю, голубь что ни день, то клюет, как-никак в трудах, а ты праздники выдумываешь — «сиди, не работай», а хлеб тем часом осыпается, и будет его у нас меньше. Разве ж это по-божески? Так вот схватимся при народе, иногда наше возьмет, иногда — ихнее, голубиное...

Борисовский вновь усмехнулся.

Ваня молчал, слушал.

— А в войне? — спросил он, когда Борисовский перестал улыбаться. — Они как — с немцами были?

Председатель колхоза посмотрел на Исаченко с удивлением.

— Зачем? Им немец не товарищ. Которые баптисты разъясняли: «Нам, — разъясняли они, — оружие брать никак невозможно, то не закон». А другие им: «Не закон, верно. А только, говорят, против захват-

чика закон силу теряет...» И что ты, товаришок, думаешь? Скостили этот закон свой, взяли оружие и вместе с нами фашистов били. «Раз, говорят, захватчики...» И воевали, как полагается, и отличия имеют. А кончилось — опять они святкуют, когда не след. Вот как у нас тут получается!

— А вы что делаете?

— Я-то? — переспросил Борисовский. — Не один я, — есть у нас подходящие ребята: и старики, и партизаны, и молодые... Разъясняем, на свою сторону гнем, глядишь, один поддался, другой... Опять же не сразу — не думай. Живет у нас один — Зосич фамилия, звать Николай. Я с ним в Каргуз-Березе сидел: он по своей линии — паны баптистов не жаловали, я по своей. А теперь хватаемся, да еще как! Тоже он насчет божественного спец!

О Березе Исаченко читал и слышал немало. Впервые он видел человека, который выбрался оттуда, дрался не только с немцами — таких немало было и дома, — но и с панами. Но подробно поговорить об этом не удавалось. Уборка вот-вот должна была начаться, и Борисовский то заседал со своими вратенцами, бригадирами, звеньевыми, то уезжал с утра и возвращался поздно вечером.

Связь с вулькинской молодежью не налаживалась, мешало то одно, то другое, и часто у Исаченко опускались руки, и он расстраивался. Но вот наступил канун жатвы, и его осенила простая мысль, простая и счастливая. Почему бы молодежной бригаде не помочь колхозникам в эти страдные дни? Он прикинул в уме: двенадцать человек — целая смена, — меняясь каждые восемь часов, могли бы круглые сутки работать на колхозных полях, это бы нисколько не помешало экскавации... «Едут же ребята — и студенты, и рабочие — за тысячи километров на целину, участвуют в уборке, а мы тут рядом...»

Счастливая мысль, она возбудила Исаченко. Надо собрать ребят, потолковать с ними, а до собрания не мешало бы кое с кем посоветоваться.

Он был на объекте и направился к ближайшему экскаватору — на нем как раз работала смена Зубелика. Что ж, Зубелик так Зубелик, Ваня вовсе не собирается его обходить. И бригадир поднял голову и заставил себя открыто посмотреть на товарища. Следовало признать, что вид у Зубелика был молодецкий, представительный: ладный, сшитый по фигуре комбинезон, фуражка сдвинута набок, резиновые сапоги блестят, будто он и не на болоте работает. Такого парня кто не полюбит?..

Помешкав, стараясь говорить как можно спокойнее и не выдвигая себя на первый план, бригадир начал рассказывать. Мера, разумеется, временная, но раз артель испытывает затруднения, а мы, комсомольцы, находимся под боком... И так далее и тому подобное... Интересно, будет ли Зубелик возражать? Нет, конечно же, нет!

— Целиком и полностью, — говорит Зубелик. — Раз затруднения. Действуй, одним словом.

И Исаченко действует. Вечером бригадир собирает две смены — с третьей он поговорил перед тем, как она отправилась на работу. Ребята согласны, за исключением Ольги Яромчик никто не собирается спорить. Ольга говорит:

— И так восемь часов втыкаешь, рученьки натрудишь, не то что серп — ложку держать не под силу.

— Молчи, — ворчит Тимофей Яромчик. Всегда она вылезает наперед, всегда — надо не надо — готова выступить. И слово-то какое — «втыкаешь»!

— А что мне молчать, — возражает Ольга. — Разве не правда?

— Так ты что предлагаешь? — злится бригадир. — Не хочешь — не ходи, без тебя обойдемся.

Ольга также начинает злиться.

— Это как так — «не ходи»? Как все, так и я!

— Все согласны, — гудит добрый десяток голосов.

— Раз все, так и я, — громко кричит Ольга. — Ишь, «обойдемся»!

Наступает наконец первый страдный день. Еще накануне по бригадам и звеньям распределена рабочая сила — мелиораторы в том числе.

— Дякую, — говорит бригадиру Борисовский. — Дякую за подмогу.

— Чего там, — отвечает Исаченко, но в душе он доволен: неплохо придумано и, главное, без подсказки, Рая тут ни при чем...

Геннадий Семенович и Фрося — домохозяин и домохозяйка Исаченко — собираются в поле.

Это всегда праздник — канун жатвы, и, как все село, супруги хлопчут с утра до вечера. Геннадий Семенович налаживает косу — отбивает ее молоточком, точит бруском и лопаткой. Веселый стук и звон стоит в селе, стук и звон плывет над Вульками. Вжикая лопаткой, Геннадий Семенович не может не вспомнить беседы с постояльцем-осушителем, рука его замирает.

— Фрося! — зовет он. А когда жена подходит, медленно, с трудом находя слова для своей мысли, продолжает: — Выходит, как наш товарищ Исаченко объясняет, что кончается это дело — вручную косить и жать. Раз болоту конец, раз на том месте посеют, а место... — слыхала, какое будет? — ровное, как стол, так на черта наши косы и наши серпы? Одним комбайном в два счета справятся...

— А на песке?

— И на песке. Комбайн, он только чересполосицу не уважает, песок ему нипочем. А песок, он как раз к болоту подходит. Так что получается, мы косы в последние разы налаживаем.

Они стоят, слушают звон — он доносится справа и слева, — мысли их далеко, они думают о будущем. Потом они молча расходятся.

У Фроси — свои заботы, и главная из них — сын, Никифор, ползун. Было время — Фрося хорошо его помнит, — когда детей брали на жнитво. На полосках выстраивались палатки, каждая мать за своей спиной слышала голос ребенка. Теперь не то: начнут ребята сообща писать, сообрази тут — чей? Да и не дело таскать их по жаре, держать на пекле — вот и докторша не советует. Остается одно — отнести Никифора к свекрови. А свекровь... Разве она по-культурному понимает? Нет, конечно. Нажует хлеба в грязную тряпицу и сунет Никифору в рот. А Никифор... Ему что!

За этими размышлениями Фросю застает постоялец Иван Исаченко. А так как осушитель оказался свойский, то женщина делится с ним своими сомнениями.

Исаченко ненадолго задумывается — мысль его с каждым днем работает все острее, все шире охват.

— Что же это такое? — рассуждает он вслух. — О чем только Борисовский думает? Разве на время уборки нельзя организовать детясли? Самое пустышное дело — ничего нет легче. Я ему завтра поставлю на вид!

Тут он понимает, что хватил через край, и поправляется:

— Я товарищу Борисовскому завтра подскажу, как увижу его, так и подскажу... Хозяйство у него нешуточное — за всем не уследишь, всего не упомнишь. Обязательно ему подскажу!

...На рассвете пустеют Вульки — разве какая древняя бабка, вроде Фросиной свекрови, остается с внучатами. Погода выдалась на славу, вот только солнце жжет с самой рани. Вьют, вьют свои звучные нити жаворонки, они падают из глубокой синевы до налитых, опустивших головы колосьев, потом вновь взмывают ввысь. Носятся бабочки — белые,

пестрые. Ползают насекомые и по земле и по травинкам, сухо потрескивая, прыгают кузнечики — серые, как эта земля, и большие зеленые, со стеклянными выпученными глазами.

На восемь часов Ваня Исаченко перестает быть бригадиром и машинистом. Впереди, согнувшись, движутся пятнадцать женщин, они жнут и вяжут снопы, и все с такой плавностью, будто и не работают вовсе, а так — забавляются. На поле остаются снопы, они лежат в отдалении друг от друга — одни здесь, другие там, — известно, как мало родит песчаная земля Белоруссии. Обязанность Вани — подбирать снопы и по две штуки тащить к одному месту, складывать в кучи по шестьдесят снопов. Копны ставит девушка с веснушками на носу и полными губами — только нос и губы видит Исаченко из белого, надвинутого на лицо платка.

Зовут ее Дуся.

— Эй, Дуся! — то и дело кричат озорницы. — А как твой кавалер? Жалоб нету? — И хочут.

Девушка молчит. Она складывает копны так аккуратно и красиво, точно делала это всю жизнь. Из снопов получается нечто вроде теремка с крышей на нем. Пока Дуся все это делает, Ваня к новому месту тащит снопы. Сложив копну, Дуся садится отдыхать, а Ваня все тащит и тащит. И вот, когда все шестьдесят снопов снесены, какая-то девушка с открытой головой и венком из васильков приближается к Ване. Исаченко смотрит на нее с удивлением, мигает: это кто ж такая? Да ведь это та самая Дуся — вот наказание, не узнал! Ваня продолжает смотреть и удивляться, рот его, по обыкновению, немного раскрыт.

— Эй, Дуся! — надрывается жница и наперед хохочет. — Ну, как твой кавалер?

Дуся по-прежнему не отвечает. Ваня молчит, молчит до тех пор, пока не догадывается, что все время молчать не совсем удобно. Тогда он задает ей вопрос, первый вопрос, который приходит на ум:

— А ты здешняя?

И девушка отвечает, она как бы виновато выдыхает свой ответ:

— Здешняя...

В конце концов беседа легко и свободно налаживается, с Дусей Ваня чувствует себя совсем просто, даже восклицания и намеки озорниц на него не действуют — пусть надрываются на здоровье! Глаза у Дуси такие же синие, как и васильки на ее голове. Венок делает ее чуть выше, она смотрит с каким-то особым доверием... Один лишь день совместной работы, а такое впечатление, что они давно знакомы. Она работает и рассказывает о себе, о подругах, о телочке от Фрины — до чего хорошая, до чего послушная! — о телочке от Эльзы, о бычке от Чернявой — бычка-то, конечно, подержат малость, подкормят, а потом сдадут на мясопоставки, жалость-то какая!

— Постой,— с непривычной для себя простотой спрашивает Ваня.— Сколько же у тебя телят?

— Восемнадцать.

— И ты справляешься? — удивленно спрашивает он.

— А чего ж? У Фени Пригодич двадцать пять, она и то справляется. Теремок закончен, и, как другу, как близкому, Дуся говорит:

— Давай снедать.

Оказывается, она захватила с собой узелок, переносила его от копны к копне. В узелке — темно-зеленая бутылка с молоком, краюха хлеба, блины из гречи. Она разламывает хлеб и большой кусок протягивает Ване. И Ваня садится рядом с нею, он не испытывает привычного стеснения.

Они жуют хлеб и запивают его молоком, бутылка переходит из рук в руки. Они разрывают блины, сначала один, потом другой, их пальцы встречаются, веселые их губы в масле. Потом они умолкают, несколько минут

сидят неподвижно. И, как тайну, которую никто не должен слышать, Дуся спрашивает особым своим голосом, с придыханием:

— Может, пора? Они уже порядком нажали...

— Погоди,— отвечает он, завороченный ее васильковыми глазами, витыми песнями жаворонков, неутомимым звоном кузнечиков.— Погоди,— повторяет он и берет ее за палец. И тут — совсем неожиданно — он вспоминает маленькую, неказистую на вид Лизу с родинкой на верхней губе и выпускает Дусин палец из рук... Должно быть, и Дуся чувствует перемену, она отстраняется и уж не спрашивает — утвердительно говорит:

— Пора.

Они сразу поднимаются. Беспощадное, слепящее солнце стоит над головой. Громче, точно очнувшись, поют жаворонки. Лежат тяжелые снопы, их в самом деле немало нажали.

И Ваня берется за работу. «Что же это такое? — спрашивает он себя между делом и все больше расстраивается.— Одна, только одна и есть на всем свете, и она сказала «нет!» «Нет, нет», — сказала она...»

Глава десятая

Свою прозодежду Федор Зубелик оставил дома, на колхозную работу он пришел в сандалиях, в брюках со штрипками и в косоворотке навыпуск. По одежде Борисовский признал в нем бывалого парня и решил дать ему работу поважней.

— Косой владеете? — спросил он деликатно.

— Так, чуть-чуть,— ответил Зубелик, но по тому, как он произнес эти слова, председатель колхоза сразу понял, что имеет дело с работягой.

— Добро́,— сказал Борисовский, это слово он привез из райцентра.— Добро́!

И вместе с двумя колхозными парнями послал Зубелика на дальний и неровный участок. Этот участок то горбился, карабкался вверх, то катился вниз, и рожь на нем косили на крюк.

Поле примыкало к заросшей муравой проселочной дороге. Еще на травинках блестела, сверкала роса, в каждой капле отражалось большое многоцветное солнце. Зубелик лопаткой прошелся по косе, и звоном, знакомыми с детства звуками, коса отозвалась на призыв к работе. Федор привычно взмахнул ею, на мураве возникла полукруглая плешь, озерцо, лежащее среди зелени, казавшейся сейчас высокой.

— Начали,— сказал он скорее себе, чем колхозным парням — товарищам по работе. И, не оглядываясь, раскачиваясь справа налево и слева направо, легко пошел махать косой, махать и отбрасывать накошенное. Сзади себя он слышал густой свист — это работали, махали косами вулькинские ребята.

После пятого захода Зубелик остановился на дороге. Остановились и другие косари.

— Похоже, хуторяне наши только-только собрались на работу,— сказал один из парней.— Вот народ, что ты скажешь!

Зубелик взгляделся и скоро узнал Осипа Филипповича и Марию Ивановну. Ковалевичи шли гуськом.

«Значит, Текля уже на работе»,— подумал он.

Было досадно, что он ее не видел. Ведь могло случиться, чтобы он работал с нею на одном участке... Но ему не везло, не везло!

Косари вновь взялись за работу. Опустив крюк, Зубелик ждал. Наконец Ковалевичи поравнялись с ним.

— Здравствуйте,— громко сказал он.

И на этот раз, хоть Зубелик был в иной одежде, Ковалевичи тотчас же

узнали его и ответили на приветствие. Ему представилось, что они смотрят на него с удивлением, и он подробно объяснил, почему очутился здесь с косой.

— Помогните, помогите,— косясь на спины далеко ушедших косарей, сказал Осип Филиппович.— Нам без помощи — никак.

Зубелику показалось, что в словах Ковалевича сквозит насмешка. Старика, как и раньше, нельзя было понять до конца... Но в следующую секунду, точно поправляясь, он заметил:

— Отход людей большой. В городах фабрики, заводы пооткрывались, при панах того не было. И на целину которые хлопцы псехали.

Ковалевичи ушли, и Зубелик стал догонять косарей.

Он все еще ощущал досаду, что не встретил Теклю,— была же она на рассвете в Вульках, да и сейчас, быть может, работает недалеко отсюда... Вдруг он остановился и громко выругался. Откуда он взял, что Текля на работе? Не может быть, чтобы Ковалевичи бросили хозяйство, живность и на весь день ушли. Один человек обязательно должен находиться на хуторе, и человек этот — Текля...

Теперь он работал без охоты, и несколько раз коса его врезалась в песок. Следовало немедленно найти предлог и уйти. Но, с другой стороны, должен ли он кому-либо сказать, объяснить свой уход? Он работает добровольно, по собственному желанию, ни один человек ничего ему не скажет, если он отлучится на часок.

Все же, перед тем как уйти, он заметил:

— Надо мне к экскаватору сбегать... Вы тут работайте, я скоро вернусь.

Текля была во дворе, недалеко от дома. Она сидела на земле, ее колени натягивали платье. У ее ног, путаясь в траве, падая и вновь поднимаясь, с неумолчным писком копошились желтые, в пуху, цыплята. Одной рукой она рассыпала пшено, в другой, приблизив к лицу, держала цыпленка. Губы ее шевелились — из-за писка не слышно было слов. Вблизи, охраняя свой выводок, описывала круги, крыльями царапала землю и строго и отрывисто кудахтала клушка.

Девушка подняла голову, рассеянно глянула и, как бы не заметив Зубелика, приблизив губы к цыпленку, продолжала шептать.

Зубелик опустился рядом и передал привет от родителей.

— А-а, — безразлично протянула она и, приоткрыв губы, коснулась клюва цыпленка.

Ее шея была рядом с ним. Не очень ли она обидится, разозлится, если он ее обнимет? Чему-то она усмехнулась, не его ли приходу?

Он легко, одной рукой, обнял ее.

Не отнимая цыпленка от губ, она скосила глаза в его сторону.

— Чего, — не то спросила, не то просто сказала она.

Он крепче обнял ее.

Опустив цыпленка, она плавно и быстро поднялась.

— Ну чего? — на этот раз твердо и, как показалось ему, сурово вновь спросила она.

— А разве нельзя? — не зная, что сказать, произнес он.

— А вы что думали? — Вдруг она прыснула: он все еще сидел на корточках, и клушка, нацелившись, клюнула в блестящую пряжку его обуви.

Осторожно, чтобы не задеть цыплят, он поднялся. Неужто никто ее не обнимал, не целовал? Суровый ее тон, то, что она была строга и ничего лишнего не позволяла, было ему сейчас по душе.

— Ничего плохого я не думал, — только сказал он.

— А хорошее что думали?

Он ответил неуверенно — а вдруг она разозлится?

— Думал я — вот хорошая дивчина...

— Тю! А хорошую дивчину разве хорошо лапать?

— Так я ж так...

— И так не полагается.

Эти слова также понравились ему. Он украдкой поглядывал на нее и все спрашивал себя, не сердится ли она на него, не обиделась ли, не закрыл ли он своим поведением дорогу на хутор? Она не была похожа ни на одну девушку, с которой он когда-либо встречался.

Они шли по направлению к дому.

— А вы сегодня гуляете? — спросила она.

Он объяснил.

— Во-от! — Она досадливо покачала головой. — И я хотела пойти, просилась, до чего ж я просилась! А мамо: «Сиди!» Всегда она так — сиди, дом, хозяйство стереги, цыплят корми, без тебя в колхозе обойдутся!.. — Голос ее дрогнул, она остановилась. — А у вас на машинах одни хлопцы?

— Есть один женатый, жена его тоже у нас работает, с нами ездит.

Она помолчала.

— А вы не женатые?

— Да что вы! Разве можно? — растерянно спросил он.

— А почему нельзя?

Он хотел объяснить. Разве позволил бы он себе, будучи женатым, ходить сюда, на хутор, встречаться с нею? Но сказал он иное:

— Я не к тому. Нет, холостой я.

Она кивнула. Значит, ей было не безразлично!

Когда они подошли к крыльцу, она неожиданно протянула ему руку.

— Ну, до свиданья.

Он опешил.

— Вы куда торопитесь?

— Так ведь вам косить.

— Нет, нет, — поспешно ответил он. — Я могу и позже, могу и совсем не идти.

— Тогда давайте смородину собирать, мне мамо наказала.

Быстро — через ступеньку — она поднялась на крыльцо, скрипнула дверью и скоро вернулась с двумя плетенками.

Только сейчас, идя рядом с Теклей по узкой дорожке за домом, Зубелик заметил, как старательно и любовно возделан сад. Деревья побелены, вокруг них чернеет земля, видны следы грабель. Ягодник отделен низкой, в одну жердь, изгородью. Не забыты и цветы — на полукруглых, как серпы, клумбах розовеют маргаритки, густо растут желто-красные трубы настурции, высоко над ними поднялись георгины с совсем еще маленькими и твердыми бутонами... Отдельный, полный достатка неповторимый мир, и весь он принадлежит Ковалевичам, Текле... В ее возрасте сельские девушки выходят замуж. А она? Думает ли она о своем будущем? Но может ли она сама что-либо решить? Нет, конечно. О ней позаботятся или уже позаботились родители. Есть, видно, парень, сын хуторянина, он, быть может, живет рядом... Не о нем ли она так часто задумывается? Вот, поставив плетенку, она перестала обирать смородину, руки ее застыли.

— А вы не собираете, — как бы в укор, сказал он.

— Хватит ее. — Она махнула рукой, потом добавила: — Вы ешьте, нам ее не жалко.

— Я знаю, о ком вы думали, — опасаясь ее ответа, произнес он.

— А ну, а ну? — оживленно спросила она.

— Ясно.

— Вы скажите!

— О вашем дружке.

— Ну-у, — протянула она. — Нет у меня дружка.

— Честное слово?

Вопрос был задан поспешно, — он первый почувствовал это.

— А вам что? — резко спросила она. И, как бы желая смягчить свой вопрос, вновь напомнила: — Вы ешьте, тут смородины хватает.

Нет, ее резкость его не задела. Стало как-то легче, свободнее с ней говорить.

— Взаправду. Что вы думаете о своей жизни? Как будете жить?

Лукаво, озорно блеснули ее глаза. Без нужды заляпьем поправила волосы, — пальцы были в смородинном соку.

— Я-то? В монастырь запишусь... Тут один сказывал, будто в Киеве монашенки живут и старуха — дюже строгая — у них командует. Вот я к ней подамся.

— Нет, без шуток. Скажите!

Удивительно менялось ее лицо. На мгновение она сморщила нос, задумалась. У нее был покаты́й лоб, — Зубелик впервые это заметил.

— Что мне думать? — произнесла она. — Тут думай не думай. НайдетсЯ справный человек — меня за него замуж отдадут, вот и вся думка.

— Кто отдаст?

— Есть у нас в Вульках Фенька-дурочка, повстречалась она вам чи нет? Еще ее Фенька-колтун прозывают. Она вот и отдаст. — Текля рас-смеялась, но как-то отрывисто, однозвучно и сразу умолкла, стала серьезной. — Ну, кто отдаст? — повторила она вопрос. — Батько-маты отдадут, вот кто! — И задумалась и грустно, как бы беседуя с собой, закончила: — Хоть бы хороший человек попался, честный.

Зубелику понравился ее ответ. Это был порядок, знакомый ему с чужих слов. Разумеется, люди, подобные Ковалевичам, не сходятся случайно... Как хорошо, что он, Зубелик, снял отдельную комнату, не связался с Лизой Дидюк! Но вот отдаст ли Осип Филиппович за него Теклю? Нет, ни за что. Правда, ничего плохого никто о нем сказать не может. Человек работает машинистом, неплохо зарабатывает... Но разве это главное? Кто он, Федор Зубелик? Чужак, ни один человек не замолвит за него доброго слова...

— Так вы много не соберете, — услышал он голос девушки. — И в кошелке пусто, и есть не едите. Опять меня батько выругает, скажет — по-чсму не угостила? А как вас угостить? Не хотите?

Вытянув шею, она смотрела на него. Внимательно? Сочувственно? Ее губы были измазаны смородинным соком и казались большими, темными. Плетенка ее как будто также была пустовата.

— Знаете что? — поборов невеселые мысли, улыбаясь, сказал он. — Я вам одного хлопца посватаю.

Она чуть смутилась, но скоро овладела собой и бойко и в тон ему ответила:

— Холостого сватать не посылают!

И во второй раз за это утро спросила:

— Чи вы, может, женатые?

Спросила — он тотчас же заметил — на этот раз зря, озорства ради.

— Хоть и холостой, а все же посватаю, — сказал он.

— Будет вам.

— Ей-богу, посватаю.

Она в раздумье покачала головой и поспешно, не своим голосом, сказала:

— Ешьте смородину, ешьте, ешьте...

(Окончание следует)

КАРЛО КАЛАДЗЕ

★

ЛЕНИН В ТБИЛИСИ

Есть приземистый дом над Курюю-рекой,
Где встречал я далекого детства зарю.
Но его не за это я скромной строкой,
Горной песней своей, как венком, одарю.

Здесь впервые узрел я священный огонь,
Нет, не только звезду, и не только очаг,
И не свечку, что прячет себя за ладонь,
Чуть присвистнет в открытые окна сквозняк.

В ту тревожную ночь мокрый ветер и мгла
Из распахнутой двери обдали меня
И багровая морда жандарма вплыла
Прямо в блики того боевого огня:

Жег отец мой бумаги. Горящий листок
С этой ночи мой путь озарил через тьму.
Как жандарм каблуками топтал и не мог
Затоптать тот огонь, не подвластный ему!

Ничего, что, когда зарумянился день,
Черным трауром пепел лежал на окне,
Ничего, что я к матери жался, как тень,—
Тот огонь навсегда поселился во мне.

Хлопнув дверью, жандарм поутру ускакал,
Пол завален был рваными книгами весь.
И спросил я, как взрослый: — Кого он искал?
Мать ответила: — Ленина!
— Ленин был здесь?

Да, тогда уже Ленин был с нами, тогда
Жил незримо в Тбилиси, в отцовском доме,
И, не зная еще букваря в те года,
Знал я Ленина имя и верил ему!

Породнил меня с ним дым пожаров густой.
В революции кровное было родство:
Девять братьев-рабочих спят в могиле святой,
И один из них, братья, брат отца моего!

Наше мужество память веков сохранит,
Не смогли нас сломить никакие враги.
Ленин в центре Тбилиси взошел на гранит
И народа грузинского слышит шаги.

Ленин сердца грузинского слушает ритм,
Через годы в грядущее вскинув ладонь,
И над бронзой немеркнущим светом горит
Тот знакомый мне с детства бессмертный огонь.

Перевел с грузинского М. Максимов.

ЛЕВ ОШАНИН

★

РАЗДУМЬЯ

ДУША

Пророки выдумали слово,
Чтоб на земле ввести в права
Существованье неземного,
Неведомого божества.
Я не хочу винить пророков —
Быть может, вера их честна,—
Но как от истины далеко
Красивые их письма...

Огню, воде, ветрам послушен,
Был темен человек-отец.
Ему земную дали душу
Топор, мотыга и резец...
Душа — не божье откровенье,
А беспокойных сил полет,
Из поколенья в поколенья
Стремленье вечное вперед.
Моя душа, меня покинув,
Не улетит на небеса.
Она пойдет с душою сына
Вершить и строить чудеса.

ДРУГ

Есть друг у меня. Чудак человек.
Он часто неуловим.
За тридевять гор и тридевять рек
Мы вечно бываем с ним.
Мы разное делаем на земле
Под солнцем и под огнем,
И редко стоят на одном столе
Наши стаканы с вином.
Пришлет телеграмму он раз в году —
Писать не доходит рука.
Но если он скажет: «Приди»,—
приду

Из тридевять далека.
Пространству сердца не удержать,
Снегам не засыпать путь!
Что нам надо? Руку пожать,

В глаза друг другу взглянуть.
 И если ошибка в судьбе твоей —
 За пять минут по часам,
 Даже не рассказав о ней,
 Ты догадаешься сам.
 Дружить — это слышать сердца стук.
 Он совесть моя, мой друг,
 Хоть разное делаем мы на земле
 Под солнцем и под огнем
 И редко стоят на одном столе
 Наши стаканы с вином.

* * *

Три года не видеть и ждать три года,
 Ни с кем не деля ни постель, ни душу.
 И вырваться на день в метель, в непогоду —
 В глаза посмотреть и сердце послушать.

Встреча за пять минут до прощанья.
 Но можно и за пять секунд лучистых
 Все то, что солдату снится ночами,
 Прочсть в глазах, любимых и чистых,

И эти глаза увезти, прощаясь,
 В разлуку, в ночь на машине попутной.

Не стоят ласки любых красавиц
 Вот этой встречи пятиминутной.

1944 г.

* * *

В огне войны иль в мирной тишине,
 Среди друзей, чья дружба нерушима,
 Мы все равно, как с ласками любимой,
 Со смертью встретимся наедине.
 Но если ждать, когда, с какого края
 Тебе столкнуться с нею суждено, —
 Нельзя ни есть, ни спать, ни пить вино...
 Так лучше жить, опасность презирая,
 И, вдруг упав на снег или в траву,
 Слабея, задыхаясь, умирая,
 Шептать упрямо:
 — Я еще живу.

* * *

Хочешь — вприкуску, хочешь — внакладку,
 С сахаром будет по-всякому сладко.
 Но жидкая сладость — от разных причин.
 А вдруг там не сахар, а сахарин?

Все в жизни бывает и ярко и тускло.
 Дочка-сластена — моя беда!
 Советую, девочка, — пей вприкуску!
 Откусишь — не спутаешь никогда.

ИЛЬЯ ГУЩИН

★

ДВА СТИХОТВОРЕНИЯ

* * *

Ты хочешь розу —
будет роза,
цветок бессмертной красоты.
Мимозу хочешь —
есть мимоза.
Я эти выточу цветы.

Ты хочешь море —
будет море.
Я кисть беру. И вот оно.
С его волнением поспорив,
ложится кисть на полотно.

Ты хочешь счастья —
будет счастье.
Не поспешишь, не огорчу.
Я без волшебного участия
за ним на солнце полечу.

Я сделаю еще немало
и там, в орбите неземной.
Лишь только б сердце не сдавало
да ты всегда была со мной.

ТОКАРЬ ДЕЛАЕТ ЗВЕЗДЫ...

Когда на просторе широком
мерцают огни Козерога,
выходит из комнаты токарь
и смотрит на звезды с порога.

Еще не тепло в Подмоскowie,
стоит холодок над лугами.
Но небо плывет такое —
созвездья гребни ворохами.

Летят, осыпаются, тают
на ясном весеннем рассвете.
Иные их с неба хватают,
расставили бредни и сети.

А токарь, мечта молодая,
берется за звезды земные.
Приходит пора золотая,
он слышит ее позывные.

В рабочей своей телогрейке
становится. Ключ под рукою.
И суппорт тяжелый на рейке
как будто корма над рекою.

Зеленые, желтые стружки
мелькают, как радуги краски.
И масло по тоненькой дужке
стекает на теплые фаски.

А токарь все точит и точит,
заказ выполняет отменный.
Быть может, он выточить хочет
редчайшие звезды вселенной.

Блистают деталей скаты
зеркальными плоскостями...
Я слышу ракет раскаты
с грядущими сверхскоростями.

Большую судьбой озабочен,
он скоро окончит заданье.
Деталь завершает рабочий,
которой лететь в мирозданье.

ИЗ СТИХОВ СОВРЕМЕННЫХ ИТАЛЬЯНСКИХ ПОЭТОВ

В октябре прошлого года в Риме состоялась встреча итальянских и советских поэтов. Встреча эта, несомненно, будет способствовать тому, чтобы советские и итальянские читатели систематически знакомились с поэзией Италии и Советского Союза. Ниже мы публикуем стихи современных итальянских поэтов разных поколений.

Сальваторе Квазимодо

ВОЗВРАЩЕНИЯ

На площади Навона, на скамейке,
лежал я часто в поисках покоя,
соединяя пятна бесчисленных созвездий
многообразьем линий.
За ними я следил еще ребенком,
когда лежал на гладкой гальке Платани,
в ночи молитвы по складам читая.

Под голову скрещивал я руки
и возвращенья вспоминал:
висящий над плетнями знакомый с детства запах
желтофиоли, имбиря, лаванды.
И мне хотелось прочесть негромко
(с тобою, мама, рядом сидел я в полумраке)
о тяге к вечным странствиям,
которая в тиши за мной ходила,
как ритм, рождающийся с каждым шагом,
с движеньем каждым.

Но тем, кто умер, не дано вернуться.
Для матери у сына свободной нег минуты,
когда зовет дорога,
и уходил я под покровом ночи,
как будто все боялся, что не уйду с рассветом.

Дорога мне подсказывала песни,
в которых набухают колючие колосья,
цветами улыбаются оливы
над желтизной жонкиля и синевою льна.
Хрустят шаги над пыльными тропинками,
прохожий напевает, возы скрипят устало,
и за возами темными мерцают,
как светлячки над полем, фонари.

Перевел Евгений Солонович.

Франческо Масала

**ПИСЬМО ИЗ САРРАБУСА
МУЖУ-ЭМИГРАНТУ**

Дни жатвы пришли. Но не в поле,
А в море ты сеял.
И в серых колосьях тумана —
Одни лишь истлевшие зерна.
Одни муравьиные гнезда
На нашем току запустевшем.
В лихую годину повесил
Ты серп свой над дверью.
Где ты отдыхал — на циновке
Из жестких стеблей кукурузы, —
Пустой лишь початок нашла я.
Когда ты вернешься (вернешься ль?),
Кольца моего не ищи ты:
На хлеб променяла для сына..
Мой милый, мой милый, любимый,
Пишу я на волнах моря,
Пишу на порывах ветра,
И если услышишь мой голос,
То вспомни меня на чужбине.
Вернись, о ручей мой далекий, —
Я жажда твоя!
Вернись, золотистый мой парус, —
Волна я твоя!
Вернись, о мой муж!.. За окошком —
Луна, как печали цветок.

Перевел М. Исаковский.

Марио Сократе

ИЗ КНИГИ «РИМ В НАШИ ГОДЫ»

* * *

Девушка, прелестное создание.
Режиссер, на корточки присевший,
ей кричит, чтоб начинала снова,
и она проделывает это
перед оком киноаппарата,
и ее зигзаги серебрятся,
каждый шаг уходит в трепет света,
с уст отверзтых бьет ключом немая
повесть страсти (поезд прибывает,
останавливается у перрона).
И тогда весь тусклый ряд статисток,
вдавлен в бутафорию вокзала,
в возбужденье подымает взоры;
падает, не получив опоры,
прибауточка о пышной плюшке,
не доставшейся мужьям на завтрак;
не выходит ни единой шутки
о деньжатах, льющихся в окошки,
за семь дней торчания на солнце.

И на облик, молодой и легкий,
 смотрят женщины из Сан-Лоренцо,
 и, как рефлектирующий отблеск,
 перескакивает с него улыбка
 на запущенные годами —
 этими годами! — эти лица,
 и на них видна уже не ревность,
 а растроганность и даже гордость:
 вот так женщина, вот это — прелесть!
 Это и соперница и дочь их,
 пробуждающая в них, увядших,
 смутное стремление к реваншу.
 Жить! Бороться! Взять бы и рвануться,
 как за знаменем, за ней, идущей
 одиноко по иному полю!

Перевел Леонид Мартынов.

Умберто Саба **МОЕ ДОСТОЯНИЕ**

Причалив после яростного шторма
 К приветливому дружескому дому,
 Я подхожу, теперь уже свободный,
 К раскрытому окну и наблюдаю,
 Как в облаках белеет рог луны.

Передо мной Палаццо Питти. Лезут
 Мне в голову бесплодные вопросы:
 Зачем живу? И что теперь мне делать,
 Когда я стар, а в мире обновленье,
 Когда в руинах прошлых дней стремленье,
 А сам я на поверку оказался
 Слабее ужасающих событий?
 Я верил в смерть, что все она развяжет,
 Теперь и в смерть не слишком верю я.

Был у меня огромный мир, и в мире —
 Места, где я спасался. В них я видел
 Так много света, что и сам порою
 Вдруг становился светом. Друг мой юный,
 Любимейший из всех моих друзей,
 Почти мой сын! Вседь я не знаю даже,
 Где ты теперь. И жив ли ты? Как часто
 Я думаю, что ты в плену могилы,
 Что ты в руках фашистов! И тогда я
 Стыжусь себя. Зачем мне эта пища
 И этот кров, понстене любимый?
 Все отнял у меня фашист неумолимый
 И гитлеровец — враг.

Был у меня очаг, семья, подруга —
 Любимая приветливая Лина.
 Она жива еще и неповинна
 В том, что желает отдыха, хотя ей

Как будто рано думать о покое.
 И как мне страшно видеть, что она
 Скитается по чуждым семьям, кормит
 Сухими щепками чужие очаги!
 От угрызений совести, от горя
 Я содрогаюсь в скорби нестерпимой...
 Все отнял у меня фашист неумолимый
 И гитлеровец — враг.

Имел я дочь. Теперь она большая.
 Я дал ей сердца лучшую частицу,
 Но и ее, любовь мою, царицу,
 Похитили несчастья у меня.
 Теперь она во мне одном находит
 Причину всех своих грехов, не смотрит
 В глаза мои и ходит нелюдимой...
 Все отнял у меня фашист неумолимый
 И гитлеровец — враг.

Я жил в прекрасном городе, который
 Лежит у моря возле гор скалистых.
 То был мой город, ибо я родился
 В его стенах. Мой — больше всех других!
 Еще когда-то, будучи мальчишкой,
 Я чтил его, а сделавшись поэтом,
 Его в стихах с Италией венчал.
 А жить-то нужно! Вот я и избрал
 Зло наименьшее: и стал я антикваром
 По части книг, несчастный и гонимый...
 Все отнял у меня фашист неумолимый
 И гитлеровец — враг.

И кладбище имел я, на котором
 Спит мать моя с своими стариками.
 О, сколько раз, преодолев сомненья,
 Искал я там себе успокоенья!
 Но дни изгнания, лишения и утрат
 Закрыли путь к земле моей родимой...
 Все отнял у меня фашист неумолимый
 И гитлеровец — враг.
 Все! Даже и могилу.

1944 г.

Перевел Н. Заболоцкий.

Иньяцио Буттитта

ЧУДЕСА

Я видел
 излеченных богом:
 хромяе у паперти сделали
 по десять шагов,
 слепые клялись, что увидели
 не бельма свои,
 а щедрые краски природы.

Мне даже казалось естественным
их исцеленье,
естественным, как падение
созревших плодов,
к которым
притронулся ветер,
естественным,
как сияние
солнца в солнечный день.

Зато я читал
с удивлением
книги о древних людях,
вышедших из пещер,
о том, как они, обнаженные,
храмы и арки воздвигли,
моря переплыли,
далекие земли открыв.
Они объяснялись
при помощи жестов
и пели
на тростниковых свирелях
поэмы любви,
они понимали
мелодию ветра,
и птиц щебетанье,
и рокот воды,
бегущей с вершин каменистых.

Меня восхищает
сегодняшний труд человека:
бескрайнее небо,
покрытое сетью дорог,
уже не далекие
звезды,
слепым возвращенное зрение,
спасенные жизни
и человек,
кромсающий
траурный саван
былых предрассудков,
который
был соткан веками страданий.

Высокие падают горы,
сдаются лихие ветры,
и реки меняют русла,
а дно океанов
становится сказочным садом.

Лишь в эти чудеса я верю,
когда глазами устремляюсь в небо,
когда другие вижу чудеса
чудесных современников моих.

Перевел Евгений Солонович.

Ромоло Ломбарди
ПОСЛЕДНЯЯ МЕЧТА

Об этом он мечтает полстолетия:
на старости ему бы
иметь лачугу тесную,
сколоченную грубо,
где можно спать, не просыпаясь, ночью,
когда мятежней ветры,
когда сверчки картавые стрекочут.

Ему б лачугу скромную,
чтоб бедность приютила,
вином смочила губы в час последний
и сытно накормила.

Без окон, без дверей,
она ему как трон для королей.

Бедняга, проработавши полвека,
он стал калекой,
но умрет бездомным.

И вот он умирает на соломе
под ветхой крышей своего тряпья.
Я б отдал все, чтоб в новом светлом доме
хотя бы день он прожил.
Но, как и он, последний нищий я.

Перевел Евгений Солонович.

Альдо Северини

КАМЕНЩИК

Руки
краснеют
от солнца
и ветра,
веющего над арматурой.

Камень на камень —
рождается зданье,
будто
живое
созданье.

В воздухе алом,
как изваянье
над пьедесталом,
встал он
всей
мощной своею
фигурой.

ЗАКАТ НАД ПОРТОМ

Лебедки
к небу красному
взывают.
Глядится
в зеркало воды
меланхолично
баржа-старуха.
На рельсах
монолог
вагонов одиноких.
Маяк
поет
сиянием в пространство.

Перевел Леонид Мартынов.

ЯРОСЛАВ ГАШЕК

★

ДВА РАССКАЗА

Тридцатого апреля исполняется 75 лет со дня рождения замечательного чешского сатирика Ярослава Гашека (1883—1923), автора широко известных «Похождений бравого солдата Швейка».

В начале первой мировой войны Гашек был мобилизован в австро-венгерскую армию и после недолгого пребывания на фронте попал в русский плен.

Когда в России произошла Великая Октябрьская социалистическая революция, завсегдатаи пражских кафе не уставали передавать друг другу сенсацию о «дилом шутнике и повесе Гашеке», который якобы где-то на Кавказе убит «пьяным матросом за публичное высмеивание большевиков». А Гашек в это время находился в Омске и работал в политотделе Красной Армии. Он оказался одним из тех иностранцев, кого война и революция крепко спаяли с народом России и большевиками. Гашек без колебаний перешел на сторону Советской власти и нашел в себе мужество решительно порвать с теми из своих соотечественников, которые сыграли столь незавидную роль в известном сибирском мятеже чехословаков.

Гашек вступил в РКП(б); верно служа делу пролетариата, он стал энергичным и мужественным деятелем молодой Советской республики. В нашей стране он пробыл до 1921 года.

Вернувшись в буржуазную Чехословакию, Гашек целиком отдался литературной деятельности, до конца своих дней он работал над «Бравым солдатом Швейком».

Ярослав Гашек оставил значительное литературное наследство — сотни острых сатирических и юмористических рассказов. Два из них, еще не известных нашему читателю, мы публикуем ниже.

ПОЧЕТНЫЙ ДИПЛОМ

Войтех Релих, судейский чиновник в отставке, получил почетный диплом от Министерства общественных работ. Релих был страшно удивлен: он не мог припомнить за собой никаких заслуг перед этим министерством. Вот уже пять лет как он удалился на покой, но и в бытность свою письмоводителем местного суда не проявил себя ничем особенным: переписывал приговоры, вел списки, подшивал бумаги в папки судебных дел, выписывал счета — вот и все.

На службу Релих приходил в половине девятого, в двенадцать отправлялся обедать в ресторацию Голуба, в половине третьего снова заглядывал в канцелярию, а в шестом часу отправлялся на прогулку. Выдавалось у него и еще немало приятных минут роздыха, когда он мирно покуривал трубку или, высунувшись в окно, поглядывал на то, что делается внизу, на оживленной базарной площади.

Перед концом рабочего дня Релих забегал в распивочную выпить рюмку вина и потолковать о куропатках и охотничьих собаках.

Такой образ жизни очень нравился Релиху, и, перейдя на пенсию, он не раз с удовольствием вспоминал свое прежнее житье-бытье. И вдруг, ни с того ни с сего, на него свалился почетный диплом из Министерства общественных работ! Сам градоначальник вызвал Релиха к себе, вручил ему это отличие и, как полагается, поздравил, с улыбкой отведа возраже-

ния старика, уверявшего, что он не заслужил такого внимания со стороны Министерства общественных работ.

И вот Релих принес диплом домой, выпроводил из комнаты старую служанку, заперся, закурил трубку и принялся размышлять о превратностях судьбы.

Почетный диплом, безусловно, предназначался другому Войтеху Релиху, но что поделаешь? Градоначальник всучил диплом ему, не слушая никаких возражений.

А что, собственно, означали слова градоначальника о том, что некое влиятельное лицо способствовало награждению Релиха? И за что ему такая награда? Ведь он и гулял в положенное для занятий время, и курил трубку, и работал спустя рукава; в общем, если строго рассудить, то, пожалуй, выйдет, что он, собственно говоря, обкрадывал казну. Да он делал это и в прямом смысле: свои личные письма посылал в конвертах со штемпелем «Службное. Без оплаты».

Релих лег на диван, но и тут не нашел себе покоя и все ворочался с боку на бок. В пять часов к нему явился советник юстиции Гейданек. Релих в халате пошел отворять и от изумления чуть не прищемил советнику нос дверью.

— Пришел поздравить вас с наградой,— приветливо начал советник.— Сейчас я уже могу вам открыться: это я ходатайствовал в Вене о вашем награждении. Это вам за прилежную службу, за ваше трудолюбие! Ведь я не забыл, что вы были моим усерднейшим подчиненным. На вас, на ваших плечах лежали все хозяйственные дела нашего суда, вы, можно сказать, держали в руках все нити. Вы совершенно бескорыстно изыскивали источники дешевого снабжения тюремной кухни...

Релих вздохнул.

— Вы старались беречь казенные средства! — продолжал советник юстиции.— Вы делали все, что должен делать примерный чиновник. Книги вы вели образцово. Все это происходило под моим наблюдением, я был вашим начальником, мои предначертания, мои благие намерения претворялись в жизнь благодаря вашему усердию и старанию. Вы были примером для всех остальных. Присутственные часы вы соблюдали с точностью, которая делает честь всей вашей служебной деятельности.

Релих снова вздохнул.

— Жму вашу руку,— закончил советник,— и радуюсь, от души радуюсь, что благодаря моему представлению вам наконец воздано должное. Вы заслужили этот диплом своей скромностью, своими добродетелями, своим высокопохвальным стремлением всегда выполнять свой служебный долг. Все это не могло остаться без поощрения, и я счастлив, что именно я ходатайствовал где следует о том, чтобы ваши заслуги не остались без награды.

В дверь постучали, и в комнату вошли старые сослуживцы Релиха — столоначальник Бултерин и письмоводитель Кутельвассер.

Столоначальник заговорил вкрадчивым голосом, обращаясь к Релиху на ты и называя его «милый старый друг».

— Мы узнали в управе о награде, которой тебя удостоило Министерство общественных работ, старый друг! А помнишь, как мы сиживали в одной канцелярии, ты, я и Кутельвассер, и радовались, что работа идет у нас так дружно. Помнишь, как господин советник заходил, бывало, и говорил нам, чтобы мы пожалели себя, но мы с еще большим рвением отдавались работе. Да, мой дорогой старый друг, это были незабываемые минуты. Мы и понятия не имели, что такое безделье! А сколько раз мы, бывало, засиживались в присутствии, лишь бы знать, что все дела у нас в ажуре. Случалось, мы даже не уходили на обед, а все корпели над бумагами, тешились работой, не правда ли, милый старый друг? Так мы и жили, ты, я и Кутельвассер, жили дружной семьей. Поэтому

нас особенно радует, что твои заслуги не забыты. Я догадываюсь, что не кто другой, как наш уважаемый господин советник, замолвил за тебя словечко перед высшим начальством, что он... м-м... не забудет и нас, своих верных сотрудников, которые для него... впрочем, воздержимся от изъяснения чувств. Твои заслуги признаны, милый старый друг, твоя скромность вознаграждена. Покажи же нам этот почетный диплом.

Релих взял со стола скатанный в трубку лист, развернул и передал друзьям.

— Вот. Я его даже еще не разворачивал.

Все подошли ближе и прочли затейливо выведенный крупными буквами немецкий заголовок:

«Господину Войтеху Рейлиху
за его заслуги...»

А ниже среди росчерков, завитушек и стилизованных двуглавых австрийских орлов терялись мелкие строчки:

«...по устройству на международной охотничьей выставке в Вене специальной экспозиции, способствовавшей привлечению иностранных туристов в Буковину».

— Вот видите, — уныло сказал Релих опешившим поздравителям. — Так я и знал, что эта чепуховина предназначена не мне... Не мне... — повторил он через минуту, не замечая, что советник и сослуживцы потихоньку улизнули.

Несколько дней спустя Релих и советник сидели за одним столиком в трактире Голуба. Оба долго молчали, и только часа через два советник наклонился к Релиху и сказал отечески:

— А знаете, я сразу подумал, что этот почетный диплом попал к вам по ошибке. Помните, как я однажды застал вас с Кутельвассером, когда вы в присутственные часы резались в карты?..

ТРУС

Исполнилось заветное желание булочника Лепаржа, мечта его жизни — его сын Бильгельм приехал в отпуск после окончания кадетского корпуса. Мы надеемся, что каждый чешский папаша оценит радость добрейшего пана Лепаржа. Увидеть сына юнкером, будущим офицером австрийской армии! Если вы булочник в маленьком городке, эта радость покажется вам еще большей. В столице такие события как-то приуменьшаются, но в небольшом городке, где мало подлинно культурных людей, столь образованная личность, как выпускник венского кадетского корпуса, является для семьи чем-то возвышающим и облагораживающим весь род. В самом деле: отец пана Лепаржа, тоже пекарь, дотянул на войне лишь до ефрейтора, сам Лепарж — до капрала, а его сын — уже до юнкера. Нет никаких сомнений, что в свое время кто-нибудь из Лепаржей станет генералом и при имени Лепарж будет дрожать вся Европа...

Смелые мечты воодушевляют. Гордый отец решительным шагом вошел в свою пекарню и поглядел на подручного Пефика. Пефик, не имея ни малейшего представления о том, что когда-нибудь при имени Лепарж будет дрожать вся Европа, спокойно резал лимонную корку и крошил ее в тесто.

— Как ты ее крошишь, остолоп? — закричал предок грядущих генералов. — Крошишь так, точно хочешь сгнуть от безделья!

Пинок пониже спины отвратил от Пефика страшную опасность сгнуть живьем над лимонной коркой, и вместо корки Пефик хватил ножом себе по пальцу.

— Ах, вот как! Ты вместо корки хочешь резать пальцы! — загремел хозяин, хватая Пефика за ухо. — Такие шуточки не пройдут тебе даром!

— Это не шуточки, хозяин! — всхлипнул Пепик.

— Когда я тебя наказываю, не смей реветь! Сколько раз я тебе говорил!

— Я-я-а... не... ре-е-е-в-ву! — вопил Пепик.

Благородный папаша наконец успокоился. Он отпустил ученика и спросил его:

— Видел ты моего сына Вильгельма?

— Видел, пан хозяин.

— Ну и что на это скажешь? Ничего не заметил?

— Ничего, пан хозяин.

— А длинную саблю видел, дуралей?

— Нет, пан хозяин.

— А звездочку на погоне?

— Не видел, пан хозяин.

— Ты не видел молодого юнкера, хулиган? — Хозяин снова схватил Пепика за ухо.

— Я не знаю, что такое юнкер, — плакался Пепик.

— Юнкер! — загремел счастливый отец. — Это и есть мой сын Вильгельм. И с сегодняшнего дня ты будешь называть его только пан юнкер. А если забудешь, я тебе уши оборву, бездельник.

И Лепарж величественно вышел из пекарни.

Булочник Лепарж имел все основания гордиться восемнадцатилетним Вильгельмом, ибо известно, что из кадетского корпуса выходят просвещенные люди, много образованнее, чем из университета. Вильгельм Лепарж явно был самой выдающейся личностью в городе. Правда, там жили отцы юристов, историков, медиков и техников. Но спросите-ка любого шпака о чем-нибудь из замечательной офицерской науки. Что сможет ответить несчастный штатский студент на вопросы взыскательного ротмистра? Ничего!

И вот, представьте себе, на какую гнусность по отношению к Вильгельму отбился студент политехникума Клучка, человек, не имеющий и понятия о том, что такое честь офицерского мундира.

Происшествие было так ужасно, что папаша юнкера лично отправился к технику Клучке и осведомился, каким способом тот собирается дать удовлетворение его сыну за оскорбление юнкерского достоинства. Все, кто побывал на службе его императорского величества, прочтя эти строки, без сомнения, поймут гнев почтенного отца.

— Сударь, — обратился Лепарж к технику, усевшись на диван, — мой сын, выпускник императорского кадетского корпуса, ныне зачисленный в юнкерское училище, поручил мне узнать у вас, какое удовлетворение вы намерены дать за грубое оскорбление, нанесенное ему вчера в загородном ресторане.

— Никакого, почтенный сосед, — спокойно ответил Клучка. — Знаете ли вы, что выкинул этот юнец?

— Какой юнец, сударь? — закричал булочник.

— Во-первых, не кричите, я не ваш подмастерье. А во-вторых, когда придете домой, возьмите хорошую трость и проучите как следует вашего сына, чтобы впредь он пристойно держал себя с женщинами и с незнакомыми людьми.

— Ка-ак? Что вы говорите?

— Не пересбивайте, пожалуйста. Вчера я со здешним учителем и его невестой, моей кузиной, были на пикнике за городом. В ресторане мы увидели вашего сына. Он сидел один за столиком и пел песни, ибо был пьян.

— Кто? Юнкер?..

— Подождите, пан Лепарж. Итак, он был пьян. Мы, разумеется, сели к другому столику, а он, увидев нас, подошел и стал кричать, что это

обида, когда земляки не садятся вместе. Под конец он пересел к нам, что было довольно противно.

— Думайте, что говорите, пан Клучка!

— Усевшись возле невесты учителя, он начал плевать через стол и через наши кружки. Я предложил ему прекратить такие шуточки.

— Позвольте, пап Клучка, как же вы осмелились...

— Но это еще не все. После моих слов он, правда, перестал плевать, но задрал ноги на стол и пытался ушипнуть невесту учителя. Тогда я дал ему затрещину. Ваш уважаемый сын свалился со стула...

— Пан Клучка! — грозно возгласил булочник. — Вы понимаете, что это неслыханное оскорбление?

— Минуточку терпения, пан Лепарж. Упав на песок, ваш сын не смог встать, потому что сабля запуталась у него в ногах, и он остался лежать и плакать. Вот и все. Если он хочет удовлетворения, я готов его дать в виде пары еще таких же подзатыльников в награду за его мальчишеские выходки. Так-то, уважаемый пан Лепарж.

Уничтоженный Лепарж выскочил за дверь.

— Итак, этот осел не желает дать мне удовлетворения? — спросил Вильгельм отца, когда тот вернулся домой.

— Нет. Он предлагает дать тебе еще пару подзатыльников, сын мой.

— Этаким трус! — проворчал молодой юнкер. — Вот что, папа, пошли-ка за солеными огурцами, что-то мне сегодня нехорошо...

*Перевел с чешского
Юр. Молочковский.*

АЛЕКСИС ПАРНИС

★

РАЗГОВОР СО ЗВЕЗДАМИ

ЗЕМНОЙ МЕССИЯ

Я слышу, как Земля
бросает небу клич:
— Где чудотворец тот,
что ты мне обещало?
Уже давным-давно б он мог меня достичь,
Прошли века веков — ты слова не сдержало.
Так слушай, я скажу сегодня
в свой черед,
Что я тебе пришлю Мессию-чудотворца,
И это не обман.
Нет, он уже идет,
И шаг его в ушах вселенной раздается.
Он — человек
и потому всемогущ.
Шагнув с моих пяти материков,
С земною правдою
придет к тебе Мессия,
Дойдет до самых дальних уголков.
Пусть каждая звезда
ждет от него сигнала
И смотрит вдаль,
ища следы его огней,
Отныне я — Земля — волшебным небом стала
Для всех твоих планет,
для всех твоих детей.
И, может быть, уже,
в свое писанье вперясь,
Жрецы Невежества
в космической дали,
Там, на других мирах,
преследуют как ересь
Учение
предтеч
посланника Земли.
И жгут их на огне,
от солнца запаленном,
И в ярости глаза
выкалывают им,
Но кто-то говорит,
мешая речь со стоном,
Но кто-то говорит,
глотя горький дым:
«Жрецы Невежества!
На вас падет проклятье.

Пусть далека Земля,
 но скоро сын ее
 Придет!
 И ради нас
 смерть примет на распятье
 И грудь свою за нас
 подставит
 под копьё».

Но только — нет!
 Иным
 земной
 посланник будет,

Он не придет,
 одет в смирения хитон,
 Нет, не за тем
 его
 пошлют посланцем люди,
 Чтоб крест покорности
 взвалил на плечи он!

Нет,
 он придет
 веселый,
 сильный,
 мудрый.

Жнец, пожинающий плоды своих трудов,
 Веками
 к этому
 готовился он штурму —

И говорит теперь
 вселенной:
 — Я готов!

О, сколько раз он слеп,
 чтоб научиться видеть,
 И падал сколько раз,
 чтобы уметь ходить,
 И сколько раз он глух,
 чтоб научиться слышать,
 И сколько —
 умирал,
 чтоб научиться жить!

Да, скоро он придет!
 Жди моего Мессию.

Ему не надо жертв,
 молитв,
 елея...

 Нет,
 Он не захочет, чтобы лбом месили
 Грязь там,
 где он прошел,
 его целуя след.

Пред ним
 не надо
 растекаться в гимне,
 Он правды человеческой гонец,
 И он войдет в твои края,
 как в Зимний

Вошли матросы,
 штурмом взяв дворец.
 И скажет тайнам,
 захватившим власть
 В его великой солнечной системе:
 «Которые здесь временные?
 Слазь!
 Кончилось
 ваше
 время!»

НАПУТСТВИЕ

Есть в России обычай такой:
 перед дальней дорогой
 Полагается сесть
 тем, кто едет
 и кто остается,
 И с минуту сидеть
 в неподвижности строгой
 И молчать...
 Есть обычай такой.
 С давних пор так ведется.
 Этот древний обычай
 нарушить придется,
 как видно,
 Когда к звездам Земля будет нас провожать.
 Вся в движенье она
 и не сможет стоять неподвижно,
 Ни секунды не сможет на месте стоять.
 Что же скажет Земля,
 провожая нас к звездам?
 В этот час
 ее реки,
 озера,
 моря
 От волненья и радости
 будут как слезы
 На щеках материнских...
 Молчат человек и Земля.
 Что ты скажешь, планета?
 Что скажешь ты,
 пряча тревогу,
 В этот час,
 когда станут мечты твои былью?..
 — Вот и вышел
 мой сын
 на большую дорогу,
 Мной поставленный на ноги,
 Сам себе сделал он крылья,
 Сам поставил себя на ракеты...
 Сколько лет
 я его поднимала,
 кормила
 одна.

Вырос он,
 и такие пришли времена,
 Чтоб внесли свою лепту
 другие планеты.
 Встань,
 иди
 и воюй
 за межзвездное братство,
 Как веками сражался
 за братство людей.
 Строй мосты!
 Пусть в содружество соединятся
 Дети солнца,
 миллионы разрозненных ныне детей.
 Так скажи,
 став на почву
 далеких планет:
 — Сын Земли, от нее я принес вам привет.

Если спросят тебя:
 — А у нашей сестры
 есть ли горы
 большой высоты?
 Есть, скажи им в ответ,
 но добавь, что нет
 выше горы,
 чем ты.

Если спросят тебя:
 — А у нашей сестры
 много есть
 глубоких морей?
 Много, молви в ответ,
 но добавь, что нет,
 моря глубже
 мысли твоей.

Если спросят тебя:
 — А у нашей сестры
 плодоносные есть ли сады?
 Есть, скажи им в ответ,
 но добавь, что нет,
 плодоноснее сада,
 чем ты.

Будут спрашивать,
 как же тебя зовут.
 Будут спрашивать,
 кто ж ты таков.
 Не гора ли ты гор,
 или море морей,
 или, может быть,
 сад садов?

Человеком, скажи,
 вы должны меня звать.
 Человеком я матерью был наречен.
 Но Земля мне давала,
 как всякая мать,
 И ласкательных много имен.

Называла
 Гомером,
 Шекспиром,
 Рембрандтом
 и Галилеем,
 Называла меня:
 мой Бетховен,
 мой Маркс,
 называла: мой Пушкин,
 мой Ленин...

Так иди же!
 Счастливой дороги,
 мой сын!
 Я полна в тебя веры!

Человек, покоритель земных и небесных просторов,
 В первый раз
 покидаешь ты
 прочные стены
 моей атмосферы

И отважно идешь
 в перекрестный огонь
 метеоров.

Но я знаю,
 что ты
 не согнешься,
 тоскою объятый,
 Когда станет чуть видной
 Большая Земля,
 И ее позывных не уловят
 твои аппараты,
 И молчанье ответит
 на зов твоего корабля.

Да, я верю в тебя,
 моего межпланетного асса;
 С горькой болью,
 но с мужеством твердым в груди
 Ты нагнешься за горстью Луны или Марса,
 Чтобы
 бросить
 ее
 на могилы
 погибших в пути.

Гордый рыцарь вселенной!
 Науки и знания рыцарь!
 В мирозданье войди укротителем звезд,
 Пристегни их к упряжке своей колесницы,
 Стань над ними
 во весь Человеческий рост!

Гордый рыцарь вселенной!
 Ты отважен и молод,

Так иди
 и прославь
 свой земной
 человеческий герб,
 На котором
 движение вечное — молот
 И вечная жатва — серп!

ЗАКОН

Я верю, что когда-нибудь и я
Еще смогу такого дня дожидаться:
Взойду на борт земного корабля,
Чтобы на нем к далеким звездам мчаться.

И там, в бездонной глубине небес,
Я сам и все, что я возьму с собою,
Все потеряет свой обычный вес,
Утратив связь с далекою землею.

И лишь на сердце будет тяжело:
Моя любовь не станет невесомой,
Как далеко б ее ни занесло
От той любви, что ждать осталась дома.

Вокруг не будет воздуха земли,
Но сквозь немислимые расстоянья,
За звездами, в космической дали,
Я буду чувствовать твоё дыханье.

Земному притяженью есть конец,
Но что сравнится с силой неизменной
Закона притяжения сердец?
Он будет справедлив для всей вселенной.

Его признают дальние миры
И расцветут, его теплом согреты...
Таков закон, что мне открыла ты,
Простая женщина с моей родной планеты.

Перевел с греческого Н. Разговоров.

ПОЛЬ РОБСОН

★

НА ТОМ Я СТОЮ

Предисловие автора

Я — негр. Дом, в котором я живу, находится в Гарлеме — этом «городе в городе», негритянской столице Америки. Сейчас, когда я пишу о том, что переполняет мой разум и сердце, все мне кажется особенно значительным здесь, в моем доме, среди моего народа.

Неподалеку находится дом моего брата Бена — преподобного Бенджамина С. Робсона, который на протяжении многих лет возглавляет приход церкви Пресвятой богоматери. Глубокая любовь ко мне брата — драгоценное живое звено, связывающее меня с человеком, который умер сорок лет назад и который, как никто другой, оказал влияние на мою жизнь, — с моим отцом, преподобным Вильямом Дрю Робсоном. И дело не только в том, что Бен — мой старший брат, а и в том, что он очень напоминает мне моего отца. в доме его словно витает дух того, другого преподобного Робсона — всег замечательного, моего любимого отца.

Рядом с домом Бена стоит церковь, где каждое воскресное утро я вместе с тысячами моих собратьев-негров пою песни моего народа, чувствую тепло их рукопожатий и улыбок. Это еще одно звено, связывающее меня с далеким прошлым и с людьми, среди которых я провел все детство, когда жил в Принстоне, Вестфилде и Соммервилле.

И сама церковь Пресвятой богоматери — тоже звено, которое связывает меня с долгой и трудной историей моего народа в Америке. Возникновение этой церкви стносится к 1796 году. Она была основана тогда свободными неграми, которые не хотели принять учение христианской церкви рабовладельцев. Одной из первых прихожанок церкви Пресвятой богоматери была герония нашей освободительной борьбы Соджорнер Трут. Наш национальный герой и учитель Фредерик Дуглас и организатор «подпольной железной дороги»¹ Гарриета Табмэн, которая, подобно Моисею, выводила своих соплеменников из темницы рабства, также сыграли свою роль в славной истории нашей церкви.

Да, здесь мой дом, здесь моя твердыня!

По улицам движутся толпы негров... Я слышу их размеренные шаги, их веселый смех, их приветствия. Не так давно всего лишь в нескольких милях отсюда, в Пикскилле, я слышал вой своры линчсвателей. Их лица были искажены ненавистью. Они требовали моей смерти. А здесь я окружен заботой и любовью.

— Здравствуй, Поль! Рад тебя видеть! Как хорошо, что ты вернулся!

Как приятно было вернуться сюда! Ведь это мой город! Каждая улица, каждый камень здесь напоминают мне о счастливых днях и юношеских мечтах... Гарлем после первой мировой войны. Здесь я встретился с Эсси, и мы поженились; здесь я обрел

Печатается с сокращениями по рукописи, присланной автором. В феврале этого года книга Робсона вышла в США отдельным изданием — „Here I stand“ by Paul Robeson, published by the Othe!lo Associates. New York. 1958. Автор посвящает ее Эсланде Робсон.

¹ Подпольная железная дорога — система тайной переброски негров-рабов из районов Юга на север страны. (Здесь и далее — примечания переводчика.)

друзей, друзей на всю жизнь, и здесь же я начал свою артистическую деятельность. Всего лишь в нескольких кварталах от моего дома находится здание Христианской ассоциации молодых женщин, где я впервые выступил на сцене в одной из пьес; здесь же, в Гарлеме, я ради собственного удовольствия пел в ночных клубах и кабаре. Здесь я «болею» на больших бейсбольных матчах, танцевал, принимал участие в общественной жизни... Да, мой дом здесь, здесь и повсюду, в любом уголке Америки, где живут негры.

Я — американец. Из моего окна я вижу особняк времен войны за независимость, который бережно охраняется как исторический памятник. Он напоминает мне о том, как глубоко пустил корни в эту землю мой народ. В этом особняке в 1776 году, во время кровопролитных боев с наступающими англичанами за Нью-Йорк, находился главный штаб генерала Джорджа Вашингтона. Зима следующего года застала Вашингтона и остатки его одетых в лохмотья войск в Вэли Фордж. Среди тех, кто пришел им на помощь в тот отчаянно трудный час, был мой прапрадед. Его звали Сайрус Бастилл. Он родился рабом в штате Нью-Джерси, но ему удалось выкупить себя, и он обрел свободу. Сайрус Бастилл стал пекарем, и, как известно, Джордж Вашингтон выразил ему благодарность за хлеб, присланный для голодающей революционной армии.

Да, уже более трех столетий история моего народа неотделима от истории Америки. Полвека прошло с тех пор, как Уильям Дюбуа¹ в своей классической работе «Душа черного народа» обратился к белым американцам со своим словом, исполненным поэзии и правды.

«Ваша страна? Почему она стала вашей? Мы уже были здесь, когда на берег высадились первые пилигримы². Сюда мы принесли три наших дара и соединили их с вашими. Этой лишенной гармонии и музыкальности стране мы дали рассказ и песню, полную мягкой волнующей мелодии. Мы своими руками возделывали пустыню и, орошая ее своим потом, закладывали основы великой экономической империи за два столетия до того, как ваши слабые руки взялись за это. И наш третий дар — жизнерадостность... Наша песня, наш труд, наша бодрость... Разве была бы Америка Америкой без ее негритянского населения?»

Я спрашиваю сегодня: какое будущее суждено Америке, если она откажется от нашего труда — труда шестнадцати миллионов освобожденных от оков негров? Смогут ли наша страна занять достойное место в новом, рождающемся мире, если она будет по-прежнему отрицать наше наследие?

Я говорю как американский негр, чья жизнь прежде всего посвящена завоеванию полной свободы, именно полной свободы, для моего народа в Америке. Я хочу в своей книге рассмотреть вопрос о том, что означает борьба за свободу негров в условиях того кризиса, который переживает сейчас наша страна, вопрос о том, почему эта борьба занимает решающее место в движении за демократию в нашей стране, какую роль она играет в деле защиты мира и в освободительном движении на всей земле. Излагая свои взгляды по вопросам, которые в той или иной степени обсуждает вся Америка и большая часть остального мира, я хотел объяснить, как я пришел к своим убеждениям и занял те позиции, которые отстаиваю. Как и у других, мои взгляды, мой труд, моя жизнь составляют единое целое. Потому что, как мудро сказал Фредерик Дуглас, «человек формируется под влиянием той работы, которую он выполняет. Он создает обстоятельства, но эти обстоятельства, в свою очередь, создают его самого».

Мне совершенно безразлично, даже более чем безразлично, что думают обо мне и моих взглядах хозяева страны — белые господа. Более десяти лет они всячески преследуют меня. Они клеветают на меня, они угрожают мне самосудом, они лишают меня, профессионального артиста, права выступать перед публикой, они отказывают мне в выезде за границу. Этим людям, этим действительным антиамериканцам, я просто говорю:

— Ну что ж, я тоже не люблю вас!

¹ Уильям Дюбуа (р. 1868). Выдающийся негритянский историк, писатель; один из основоположников негритянской литературы в США. Крупный общественный деятель, лауреат Международной премии мира.

² Пилигримами называли первых английских переселенцев, высадившихся на территории нынешних США в 1620 году.

Но меня волнует, глубоко волнует то, что думают обо мне простые американцы, с которыми я встречаюсь повсюду, что думает обо мне трудящийся люд: мужчины и женщины, с которыми я стоял в пикетах, рабочие автомобильных заводов, моряки, повара и официанты, меховщики, горняки и сталелитейщики, иммигранты различных национальностей, евреи, с которыми я был особенно близок, прогрессивные круги интеллигенции, люди искусства и науки, студенты — вся та Америка, о которой я пел в «Балладе для американцев»: «все те прочие и другие, которые трудятся».

Однако больше всего я думаю о негритянском народе и о тех вопросах, которые негры задают мне, встречаясь со мною в гарлемах Америки. Поскольку в последние годы я был в центре ожесточенных споров, то большинство вопросов неизбежно касалось моих взглядов и деятельности. Я вспоминаю репортера газеты «Питтсбург куриер», который честно попытался ответить на вопросы, поставленные в заголовке его статьи «Кто такой Поль Робсон, что и почему он отстаивает?». «Дело в некоторой степени усложнено тем,— писал он,— что в представлении многих американцев мистер Робсон воплощает в себе две четко выраженные личности. Он воинствующий защитник расового равенства и человеческих прав, он же и верный апостол советского коммунизма». Был еще один автор подобного же исследования в журнале «Афро-Америкэн», который заканчивал свою статью следующими словами: «Если в Поле Робсоне и есть что-либо непонятное, то оно состоит в следующем: исполняя «спиричуалс»¹, он может стать популярным и богатым; борясь за интересы своей расы, он становится человеком, которого презирают и для которого закрыты все двери. Чтобы ответить на то, почему он выбрал этот второй путь, вам нужно проникнуть в глубокие тайники его души».

В течение многих лет в бесчисленных статьях и интервью я всячески старался дать объяснения различным сторонам своей деятельности и своего мировоззрения. Но, видно, отрывочных, на ходу сделанных заявлений недостаточно, и я хочу поэтому рассказать теперь обо всем более подробно. Мне помог в этом мой друг, талантливый негритянский писатель Ллойд Л. Браун, которому я глубоко признателен за его теплую отзывчивость и понимание, за его творческое сотрудничество со мной.

Нью-Йорк.
Ноябрь, 1957 г.

Поль Робсон.

Глава 1

Я ИЗБИРАЮ ПУТЬ

В последние годы мои политические взгляды, или, вернее, те политические взгляды, которые мне приписывают, были предметом широкого обсуждения и споров не только среди американской общественности в целом, но и среди негров в частности. Обо мне высказывалось столь много людей, что, мне кажется, будет только справедливо, если я воспользуюсь случаем и сам расскажу о себе. Я не собираюсь вести спор ради спора, я стремлюсь лишь установить истину. Я постараюсь как можно яснее изложить свои взгляды и объяснить, как я пришел к ним.

Споры вокруг моих взглядов и действий были начаты вовсе не негритянской общественностью, а белыми, стоящими у власти, которые обрушили на меня ураган яростного недовольства. Правда, порой раздавались и голоса отдельных негров, присоединявшихся к злобным обвинениям, которые исходили от правящей верхушки белых. Но было совершенно очевидно, что негритянская общественность имеет свое собственное мнение по этому вопросу.

Так, в частности, широкие круги негров от крайних консерваторов до крайних радикалов выражали резкое недовольство по поводу некоторых высказываний белых критиков в мой адрес. Когда эти белые говорили (а говорили они так не раз), что Поль Робсон показал себя неблагодарным по отношению к добрым белым американцам, которые дали ему богатство и славу, что ему вовсе не на что жаловаться,— это делалось только для того, чтобы вызвать раздражение против меня среди негров. Но негры знают, что никто ничего нам не давал. Они знают также, что человеческое

¹ Спиричуалс — негритянские народные песни, преимущественно на библейские темы.

достоинство не может измеряться долларами. Покойный Уолтер Уайт¹ выразил это в статье, опубликованной в журнале «Эбони». Он писал: «Ни один честный американец, будь то белый или негр, не может осуждать такого человека, как Робсон, до тех пор, пока сам не отдаст свое время, талант, деньги и популярность борьбе за выкорчевывание расового и экономического зла, приводящего в ярость людей, подобных Робсону».

Правда, были негры, которые отнеслись ко всему иначе: они не могли понять, почему я говорю и делаю что-то такое, чем я только усложняю свою жизнь. Более того, они считали, что огонь, направленный на меня, обрушится и на других негров. Меня часто спрашивают: «Поль, прав ли ты, выступая столь откровенно в наше сумасшедшее время?» Или: «Может быть, ты принес бы большую пользу своему народу, если бы оставался только артистом, а не выступал с речами, которые так раздражают белых?» Или: «Старина, что ты наговорил там, в Париже? Почему они так переполошились?»

Я рад ответить на все эти вопросы на страницах моей книги, и я думаю, что сегодня люди поймут меня лучше, чем несколько лет тому назад. Недавно, когда Луис Армстронг² выступил со своей сейчас широко известной речью, в которой было гораздо больше резких выражений, чем я когда-либо употреблял, другие негры (в том числе и Джеки Робинсон³, чем я был очень доволен) ответили ему своим горячим одобрением. Похоже было, что Ноев ковчег тронулся!

Многие забыли, а может быть, большинству молодых людей и вовсе не известно, что мои взгляды по международным вопросам не представляют ничего нового. Прошло более двадцати лет с тех пор, как я впервые посетил Советский Союз и высказал свои дружеские чувства к людям этой страны. Столь же давно я проявлял особый интерес к жизни и культуре африканских народов, меня глубоко волновал вопрос их освобождения. До того, как «холодная война» породила иную атмосферу, многие негры целиком одобряли эти мои интересы и цели. В 1944 году я был награжден медалью Национальной ассоциации защиты прав цветного населения⁴, причем было отмечено, что я «внес свой вклад в дело освобождения всего человечества». То же было в 1943 году, когда меня избрали почетным членом колледжа Морхауз в Атланте, и никого ничуть не беспокоило, когда я в речи, произнесенной по поводу этого события, сказал: «Огромные достижения всех народов Советского Союза являются неоспоримым доказательством их талантов, находившихся ранее под спудом. Не только крестьяне, которых считали неспособными к овладению сложной индустриальной техникой, но и так называемые отсталые народности доказали, что они не хуже других».

Мы знаем, конечно, как резко изменился в нашей стране политический климат в послевоенные годы. Но даже в самый худший период маккартизма, — который, к счастью, в настоящее время, кажется, идет на убыль, — я не понимал, почему мои взгляды должны изменяться вместе с погодой. Я не пошел по этому пути, и ни посулы, ни угрозы не сдвинули меня с моих позиций. Я вспоминаю, что, когда в 1936 году я был в Лондоне, меня посетил Джон Гамильтон, бывший тогда национальным председателем республиканской партии. Он предложил мне вернуться в Америку, чтобы вести среди негров кампанию за Альфа Лэндона⁵ — против президента Рузвельта. В награду за это он пообещал мне, актеру, право диктовать условия будущих контрактов с Голливудом на фильмы-боевики, поскольку крупнейшие магнаты кино были приверженцами республиканской партии и ненавидели президента-демократа. Я отверг это предложение, и сейчас я улыбаюсь при мысли, что кто-то мог подумать, будто я стану разъезжать по стране и уговаривать негров пойти против «нового курса», чтобы вернуть к власти партию Герберта Гувера. Раньше, почти в самом начале своей карьеры,

¹ Уолтер Уайт — исполнительный секретарь Национальной ассоциации содействия прогрессу цветного населения, негритянский писатель и журналист.

² Луис Армстронг — один из популярнейших руководителей негритянского джаза в США.

³ Джеки Робинсон — негритянский профессиональный бейсболист и спортивный комментатор.

⁴ Национальная ассоциация содействия прогрессу цветного населения — крупнейшая негритянская организация в США. Основана в 1909 году.

⁵ Альфред Лэндон — губернатор штата Канзас (1932—1937). Кандидат в президенты от республиканской партии в период избирательной кампании 1936 года.

я отклонил предложение одного знаменитого импрессарно, который уговаривал меня подписать очень выгодный десятилетний контракт при условии, что он возьмет на себя руководство моей общественной деятельностью. В то время я был еще не так тверд в своих взглядах, но в одном я был непреклонно убежден, а именно в том, что руководить мною будет моя собственная совесть, и я не позволю никому водить меня ни на золотой, ни на какой другой цепи.

В ранние годы моей артистической деятельности я разделял преобладавшее тогда среди негритянских артистов мнение, что для нас не имеет никакого значения ни содержание, ни форма пьесы или фильма, в которых мы играем. Единственное, что имеет значение, — это возможность, так редко выпадающая нам на долю, получить какую-нибудь роль, любую роль в пьесе или в кино. Если же негритянскому актеру предлагали ведущую роль — о! — это была поистине необычайная удача! Позднее я понял, что негритянский артист не должен относиться к искусству, руководствуясь только собственными, эгоистическими интересами, и что он несет ответственность перед своим народом, который справедливо негодует по поводу традиционного и примитивного изображения негров на сцене и на экране. И тогда я решил: если продюсеры Голливуда и Бродвея не предложат мне настоящих ролей, я вообще откажусь от их предложений. Когда в годы войны мне представился случай выступить перед американскими зрителями в одной из пьес Шекспира (пятнадцать лет спустя после моего первого выступления в ней в Лондоне), я был глубоко удовлетворен мнением моего народа по поводу этого выступления. Оно было, в частности, выражено доктором Бенджаминем Мейсом, который заявил, что я «оказал большую услугу негритянскому народу и всему миру, сыграв Отелло и тем самым доказав, что негры способны создавать большие и значительные роли в театре, а не только участвовать в обычных дешевых представлениях, которые чм столь часто навязывают Голливуд и Бродвей».

Начало было положено, и теперь у негритянских артистов появились более широкие возможности. Однако им предстоит еще тяжелая борьба за равноправное положение в театре, кино, на радио и в телевидении. Я радуюсь и горжусь, наблюдая, как многие из наших молодых актеров, певцов и танцоров борются за настоящие сценарии, за роли, соответствующие их талантам.

Несколько лет назад, когда я отказался петь перед сторонниками сегрегации, это вызвало сенсацию. Сегодня я счастлив, что многие другие артисты занимают такую же позицию. И если порой какой-нибудь видный негритянский артист соглашается выступать на унижительных условиях, для моего народа это тоже становится сенсацией, только сенсацией неприятной. Мы имеем полное право гордиться новым подрастающим поколением наших артистов, и мы обязаны поддерживать их в борьбе против дискриминации в театре. Они стремятся правдиво изображать наш народ в искусстве. И мы обязаны оказать им поддержку.

Мои взгляды по вопросам международной политики сложились в Лондоне в те годы, когда я жил среди англичан и время от времени путешествовал по другим странам. Поэтому у меня есть некоторые расхождения со многими другими неграми моего поколения по ряду вопросов.

Начав свою артистическую деятельность в качестве концертного певца и актера в Соединенных Штатах, я, как и многие другие негритянские артисты, отправился за границу прежде всего для того, чтобы работать там по своей профессии. Если в настоящее время в Соединенных Штатах возможности работы для негритянских артистов все еще весьма ограничены, то тридцать лет назад дело обстояло во много раз хуже. После нескольких поездок за границу я решил остаться в Европе и поселился в Лондоне. Причина была та же самая, которая в течение многих лет побуждала миллионы негров переселяться с юга США в другие районы страны. Только мне в Лондоне жилось несравненно лучше, чем неграм с Миссисипи в Чикаго.

О моем успехе в Лондоне уже писалось. Я достиг его благодаря тому, что в Англии у меня были для этого все возможности. Но речь пойдет не о том. Конечно, мне было приятно, что я смог занять заметное место в театре, кино и стать популярным концертным певцом, пластинки которого пользуются успехом. Еще большее удовлетворение я испытывал от дружественного приема, который я встречал в английском обществе. Вначале это было преимущественно «высшее общество» —

люди, которые покровительствовали искусству и составляли основную часть публики в концертных залах. Так я оказался среди самых аристократических кругов. Здесь я был «принят», выражаясь старомодным языком, который в Англии все еще в обычае, как джентльмен и как «ученый муж». Образование, полученное мною в университете Ратджерса, и моя склонность к исследовательской работе придавали мне в Англии больший вес, чем в Америке, где чековая книжка ценится выше, чем ум, и где людей науки часто не принимают всерьез, а то и подозревают в «подрывной деятельности». И так, в Лондоне я очутился в обстановке сердечности и творческого подъема; я чувствовал себя там как дома. Американскому негру было особенно приятно то подчеркнутое уважение к закону и порядку, которое столь характерно для людей всех классов Великобритании. Они бы никогда не потерпели у себя Фобусов¹.

Если бы в те счастливые дни мне кто-нибудь предложил «снова вернуться» в расистскую Америку, я бы сказал, что он сошел с ума. Ехать обратно? Господи боже, чего ради?

Позднее, когда я изменил свой образ жизни в Англии и сдружился с простыми людьми, эта страна понравилась мне еще больше. Мне захотелось обосноваться здесь навсегда и лишь изредка посещать Соединенные Штаты.

Но Лондон был центром Британской империи, и именно здесь я «открыл» Африку. Это открытие оказало большое влияние на всю мою жизнь. Мне стало ясно, что я не смогу остаться в Англии и превратиться в англичанина. Я понял, что я африканец.

Как большинство детей Африки, живущих в Америке, я очень мало знал о стране своих отцов, но в Англии мне пришлось познакомиться со многими африканцами. Имена некоторых из них известны сейчас всему миру: Нкрума², Азикие и Кеньятта³, который находится в заключении в Кении. Многие из африканцев были студентами, и я долгими часами беседовал с ними и принимал участие в деятельности студенческого Союза Западной Африки. Понемногу они стали смотреть на меня, как на своего: они гордились моими успехами и избрали мою жену и меня в почетные члены этого Союза. Большинство студентов было знатного происхождения, но, кроме них, я познакомился с представителями других классов Африки — с моряками портов Лондона, Ливерпуля и Кардиффа. У них тоже были свои организации. Я много узнал об их жизни и о жизни народов Африки.

Как артист, я, естественно, прежде всего заинтересовался культурой Африки. Культурой? Иностранные правители этого континента утверждали, что в Африке нет никакой культуры, достойной упоминания. И это в то время, когда музыканты и скульпторы Европы были потрясены открытием ими искусством Африки. Я с захватывающим интересом погрузился в изучение Африки в лондонском Институте восточных языков и понял, что африканская культура — это поистине мировая сокровищница.

Людам, с презрением относящимся к африканским языкам как «варварским диалектам», никогда не понять богатства этих языков, глубины философии и поэтичности эпоса, дошедшего до нас из глубины веков. Я изучал и продолжаю изучать африканские языки: йоруба, эфик, беник, ашанти и другие.

Я чувствовал, что в культуре Африки было что-то важное не только для меня, изучающего эти языки, но и для моего народа. Я высказал эту мысль в своей статье «Негритянская культура», опубликованной в журнале «Спектейтор» (15 июня 1934 г.), откуда и цитирую нижеследующие строки:

«Меня поразили и пленили гибкость и тонкость такого языка, как суахили, на котором вполне можно передать, например, учение Конфуция⁴.

Я мечтаю выявить все таланты, свойственные негритянскому народу, и повести его к более высокой степени совершенства по пути его естественного исторического развития. Хотя эти качества и богатства негритянских языков хорошо известны антрополо-

¹ Фобус — губернатор штата Арканзас. Выступил с поддержкой расистов во время событий в Литтл-Роке осенью 1957 года.

² Квам Нкрума — нынешний премьер-министр республики Гаана.

³ Бенджамен Ннамда Азикие и Джомо Кеньятта — деятели освободительного движения африканских народов.

⁴ Конфуций (Кун-цзы) — древнейший китайский философ, широко известный как создатель этно-политического учения.

гам, широкая общественность западного мира и, как это ни странно, сами негры ничего об этом не знают.

В Соединенных Штатах я знал негров, которые искренне верили, что африканские негры передают свои мысли посредством жестов, то есть что они фактически не умеют говорить и общаются друг с другом при помощи ручной речи!

Первое, что я должен сделать,— это рассеять обидное глубокое невежество внутри самой негритянской расы относительно ценности своего собственного наследия...»

Я чувствовал себя своим среди африканских друзей. Моя душа была полна огромной гордости за народ, создавший культуру, богатства которой впервые раскрывались передо мной.

Я узнал, что наряду с высокоразвитыми цивилизациями Древней Греции и Китая существовала и культура Африки, которую империалистические грабители «не замечали» и отрицали, одновременно расхищая материальные богатства Африки.

Я познал истоки культуры моего народа, особенно в области нашей музыки, которая и по сей день является самой богатой и самой здоровой в Америке. Ученые проследили влияние африканской музыки на Европу, на Испанию (через мавров), на Персию, на Индию и Китай, а также на Северную Америку. Я пришел к поразительному выводу, обнаружив сходство между африканской и китайской культурой (о чем я еще надеюсь когда-нибудь написать).

Я гордился Африкой, и моя гордость росла вместе с моими знаниями, она побудила меня выступить против тех, кто презирал ее. Я писал статьи в «Нью стейтсмен энд Нейшн», в «Спектейтор» и в другие газеты и журналы, добиваясь, чтобы существующие, но неизвестные сокровища африканской культуры стали достоянием всего мира. Я спорил и дискутировал по этому вопросу с такими людьми, как Герберт Уэллс, Ласки и Неру, со студентами и учеными.

В той борьбе, которую я вел, был определенный смысл, и официальные власти поняли это раньше меня. И настал день, когда Британская разведывательная служба обвинила меня в том, что деятельность моя приобрела политический характер. Дело в том, что вопрос, которым я стал заниматься, перерос себя. Если африканская культура была такой, как я говорил и доказывал, то как же тогда надо было поступить с заявлением о том, что народам Африки понадобится еще тысяча лет развития для того, чтобы они могли управлять своими государствами?

Мой интерес к Африке принял другое направление после того, как мне рассказал о своей поездке в Советский Союз один африканец. Он путешествовал по востоку этой страны и видел якутов — народность, которая при царизме считалась отсталой. Он был поражен сходством ушедшего в прошлое родового строя якутов с жизнью его собственного народа в Восточной Африке. Что произошло бы с народностями, подобными якутам, если бы они были освобождены от колониального рабства и стали бы частью строителей социалистического общества?

Да и сам я, впервые приехав в Советский Союз в 1934 году, увидел якутов и узбеков. Эти народы, которые в прошлом подвергались угнетению, теперь совершили прыжок от первобытно-общинного строя к современной промышленной экономике, от безграмотности к вершинам знаний. Их древняя культура расцветает и обогащается. Их молодежь овладевает наукой и искусством. Разве они совершили это за тысячу лет? Нет, им понадобилось для этого даже менее двадцати!

Так, интересуясь Африкой, я заинтересовался Советским Союзом и поехал туда, чтобы посмотреть, что там делается. Я много раз говорил о том, как доволен я был, когда убедился, что людям с цветной кожей там ничто не угрожает, что они свободны и равноправны. Об этом не раз говорили и в этом не раз убеждались и иностранцы. Совсем недавно я прочел в «Афро-Америкэн» доклад доктора Вилльяма Е. Рнда, декана сельскохозяйственного факультета Технического и сельскохозяйственного колледжа штата Северная Каролина, о его недавней поездке в Советский Союз. Он сообщает в нем: «Я не увидел там признаков расовой дискриминации. Я думаю, что будет справедливо сказать, что расовой дискриминации в Советском Союзе нет. Я не заметил разницы между жизнью белых и цветных людей в СССР. Они ни в чем не изолированы друг от друга, верующие, цветные и белые, посещают общие церкви, учатся в общих школах».

Вот как обстоят там дела. Я не думаю, чтобы это могло не понравиться какому-нибудь негру. Во всяком случае мне все это пришлось по душе. И я решил, что будет очень хорошо послать сына учиться в Советский Союз, и он учился там в школе в течение двух лет. Я знаю, что многие сделали из этого факта далеко идущие выводы. Но Поль-младший, который затем поступил в среднюю школу в Спрингфилде, в штате Массачусетс, и закончил колледж Корнелла в Нью-Йорке, рассказывал, что время, проведенное в московской школе, было незабываемым, что у него были хорошие учителя и хорошие товарищи, что он хорошо выучил язык. Почему же все это должно беспокоить кого-нибудь? (Вероятно, это обеспокоило государственный департамент, потому что этот факт выдвигался в качестве одной из причин, по которой я был лишен паспорта!)

Я пришел к выводу, что опыт многих национальностей и рас в Советском Союзе, в обширной стране, занимающей одну шестую часть земного шара, очень ценен для людей других национальностей на Востоке; он поможет им построить новое общество. Сейчас, когда многие народы Азии и Африки завоевывают себе свободу, среди них есть немало людей, включая и их вождей, которые говорят, что они находят много ценного для себя в достижениях Советского Союза и нового Китая. В такой стране, как Индия, например, широко распространено мнение, что их проблемы в той или иной форме, вероятно, сможет разрешить социализм.

Я чувствовал, что все возрастающий авторитет Советского Союза на международной арене сыграет важную роль и в освободительном движении колониальных стран. Правильность этого взгляда полностью подтвердилась, когда совсем недавно мир увидел, как быстро и эффективно Советский Союз блокировал западный империализм при его попытке отнять у свободного Египта Суэцкий канал. Здесь, в Нью-Йорке, где находится Организация Объединенных Наций, мы имели возможность видеть своими собственными глазами, как представители Советского Союза и других социалистических государств голосовали за поддержку цветных людей мира. Некоторые говорят, что это всего лишь политическое заигрывание. Но разве для цветных людей всего мира было бы плохо, если бы делегаты Соединенных Штатов в ООН так же «заигрывали» с ними, голосуя за интересы цветных?

Азия и Африка следят за развитием мировых событий широко открытыми глазами и видят все. Влиятельная газета «Вест-Африкэн пайлот» 30 июня 1953 года писала в своей передовице:

«Мы ничего не знаем о коммунизме, кроме того, что нам сообщает лживая пропаганда Америки и Британии... Судя по тому, что мы видим и переживаем изо дня в день, мы чувствуем, что все эти разговоры о так называемом «свободном мире» и «железном занавесе» — маскировка, чтобы одурачить и мистифицировать колониальные народы. Эти разговоры — сущая находка для сторонников «политики силы», в которую мы не хотим быть вовлеченными до тех пор, пока сами свободно не разберемся, какая идеология нам больше подходит.

Пока же мы будем о каждой нации судить только по тому, как она относится к нашим национальным устремлениям. У нас много причин быть благодарными коммунистам за их активный интерес к судьбе колониальных народов и за их постоянное избобличение зол империализма. Пусть так называемые свободные нации убеждают нас, что они лучше знают наши чаяния, чем коммунисты, мы верим действиям больше, нежели словам».

В Библии говорится: «ты познаешь их по делам». Колониальные народы не ошибутся в выборе пути, если будут следовать этому древнему и правдивому изречению.

Официальные круги Вашингтона изобразили мои взгляды на Советский Союз и теплые чувства дружбы по отношению к людям этой страны и их дружеские чувства ко мне как сугубо греховные. Мне приписывалось, что я являюсь участником какого-то «международного заговора».

Хотите знать правду? Я не участвую и никогда не участвовал ни в каком международном заговоре, и я не знаю никого, кто был в такой заговор вовлечен. Это ясно каждому, особенно негру. Если бы у правительственных чиновников имелись хоть малейшие доказательства моего участия в заговоре — можете прозакладывать ваш

последний доллар, — они сделали бы все возможное, чтобы посадить меня за решетку! Но таких доказательств у них нет, потому что это обвинение — ложь!..

В 1946 году в Калифорнии при разборе дела в суде я дал присягу, что не являюсь членом коммунистической партии, но с тех пор я отказывался давать какие-либо устные или письменные показания по этому вопросу. В этом отказе нет ничего таинственного. По мере того как усиливалась «охота за ведьмами», стало ясно, что постановка подобных вопросов говорит о нарушении основных принципов конституции. Когда сценаристы и режиссеры Голливуда, известные под именем «Десяти голливудцев», выступили против нарушения современными инквизиторами основного положения конституции, гарантирующего свободу слова и совести, суд лишил их свободы, и они были посажены в тюрьму. (Правда, с тех пор Верховный суд стал более либерально относиться к подобным вещам.) Однако незаконное еще существует. Поэтому для меня, как и для многих других, стало делом принципа не подчиняться требованиям Комиссии по расследованию или чиновников госдепартамента, которые нарушают конституционные права всех американцев.

Много раз я публично выражал свою веру в принципы научного социализма. Я глубоко убежден в том, что социалистическое общество обеспечивает всему человечеству переход на более высокую ступень развития, что это форма общественной жизни, которая в области экономики, эстетики, общественной и культурной жизни стоит выше системы, основанной на частной собственности.

История показывает, что социальные перемены не происходят путем «заговоров» и «конспирации»: процесс развития человеческого общества от родового строя к феодальному, затем к капиталистическому и, наконец, к социалистическому порождается необходимостью, которая движет человечество к лучшей жизни.

Сегодня сотни миллионов людей, большая часть населения мира, живут при социализме или идут к нему. Вновь освобожденные народы Азии и Африки серьезно решают вопрос, какую экономическую систему им следует принять и какая система будет более эффективной в их условиях. Некоторые из выдающихся деятелей этих народов настаивают, что наилучшим путем является путь социалистического развития, и указывают на Советский Союз, Китайскую Народную Республику и другие страны социализма как на доказательство своей правоты.

Я не намереваюсь отстаивать здесь свои политические взгляды. Невозможно раз решить словесными доводами вопрос о том, какой общественный строй лучше для человечества.

Вкус пудинга, как говорит пословица, узнаешь во время еды. Пусть разные социальные системы соревнуются друг с другом в условиях мирного сосуществования, и тогда люди сами смогут решить, какая система лучше. Я не настаиваю на том, что кто-то должен согласиться с моими взглядами, но не могу также признать за кем-нибудь право навязать мне свои взгляды. Разве это несправедливо?

В течение многих лет моей жизни я знакомился с различными людьми и никогда не боялся встать на сторону тех, кто был не согласен с существующим положением или придерживался радикальных взглядов. Так было с ранних времен, когда я работал в американском театре, где впервые встретил людей, восставших против традиционных порядков. И сегодня Бенджамин Дэвис¹ является моим дорогим другом, и я всегда с радостью говорю об этом. Бен Дэвис был лидером коммунистической партии нашей страны в течение многих лет. Я знаю Бена Дэвиса уже давно; я восхищался им, когда он, тогда еще молодой адвокат в городе Атланте, смело защищал от судебного крючкотворства юношу-негра и в конечном счете выиграл процесс, я восхищался им и тогда, когда он, член городского муниципального совета в Нью-Йорке, защищал права нашего народа, и я был вновь восхищен им, когда он, еще находясь в тюрьме, начал открытую борьбу против «джимкрузизма»² в Федеральном суде... Разве могу я не считать своим другом такого человека?

¹ Бенджамин Ю. Дэвис — член Национального комитета Компартии США, секретарь по работе среди негров Национального административного комитета Компартии США.

² «Джимкрузизм» происходит от имени плантатора-рабовладельца расиста Джима Кроу. Означает систему расистских шовинистических мер, проводимых правящими кругами США против негритянского населения.

Я твердо убежден, что Бен Дэвис и его коллеги были несправедливо осуждены, как это утверждали в своем особом мнении судьи Блэк и Дуглас. Я думаю, что их «особое мнение» поддержит сама история, как это случилось с особым мнением судьи Гарлана в деле 1896 года «Плесси против Фергюсона»¹. В 1954 году суд единогласно отменил предыдущие решения, признав позорную доктрину «раздельно, но с равными правами» неконституционной, и поэтому существование раздельных школ незаконным. Действительно, уже в ряде других дел лица, осужденные по закону Смита, были реабилитированы решениями вышестоящих судов.

Приятно отметить, что если вначале, когда апелляция по одному из первых дел рассматривалась в Федеральном суде, только судья Вильям Г. Гейсти выступил против обвинительного заключения, то позднее, в другом апелляционном деле, рассматривавшемся тем же судом, в защиту гражданских свобод выступило уже большинство судей, и жертвы закона Смита были полностью реабилитированы.

Главное обвинение против меня было основано на моих выступлениях на Всемирном конгрессе сторонников мира, состоявшемся в Париже в 1949 году. То, что я сказал там, было искажено и неправильно процитировано, чтобы подвергнуть сомнению мою лояльность как американского гражданина. Я приехал в Париж из Англии, где за день до отъезда вместе с президентом Южноафриканского конгресса индийцев доктором Я. М. Даду присутствовал на митинге лондонского Комитета по координации деятельности колониальных народов. То, что происходило на митинге, и то, о чем я говорил в Париже, содержится в показаниях, данных мною во время заслушивания моего дела 12 июня 1956 года в Комиссии палаты представителей по расследованию антиамериканской деятельности (точнее было бы ее назвать «Антиамериканской комиссией»!). Прошло семь лет, и на заседание Комиссии вызвали какого-то человека, который не был в Париже и не знал, о чем я говорил там, и он изложил свои взгляды относительно того, что якобы я сказал тогда.

Что касается лондонского митинга и моего выступления на следующий день в Париже, то я дал следующие показания:

«На митинге присутствовало две тысячи студентов, представлявших различные колониальные страны с населением от шести- до семисот миллионов человек, а не просто пятнадцать миллионов негров Америки. Участники митинга просили меня выступить на Парижской конференции и заявить от их имени, что они не хотят войны. Именно это я и сказал. В речи, произнесенной в Париже, я ни разу не говорил, что пятнадцать миллионов негров готовы на все. Но сегодня стало ясно: девятьсот миллионов других цветных народов заявляют, что они не будут воевать с Советским Союзом. Разве это не так? Четырехсотмиллионный народ Индии и миллионы цветных людей в других странах мира заявили, что они не намерены умирать за кого бы то ни было, что полны решимости до конца отстаивать свою независимость. Речь идет уже не о пятнадцати миллионах цветного населения, а о сотнях миллионов. Вместе с тем, джентльмены, я заявил тогда, что не могу себе представить, что какой-либо народ мог бы взять в свои руки оружие и во имя интересов сенатора Истлэнда² начать войну. Я и сейчас, джентльмены, утверждаю это. Я считал, что белым американцам полезно будет подумать: стоит или не стоит неграм воевать за людей, которые их третируют...

...Что следует сделать американскому правительству? Оно должно прийти на Миссисипи и защитить мой народ. Вот что ему следует сделать».

Председателю Комиссии Уолтеру, соавтору расистского закона об иммиграции Маккаррена — Уолтера, на котором я остановлюсь в другой главе, не нравилось то, что я говорил, и он начал стучать своим молоточком, чтобы я замолчал. Но я продолжал говорить:

«Я нахожусь здесь, чтобы защитить мой народ, чтобы отстоять право негров быть полноправными гражданами Соединенных Штатов. Этих прав нет у негров штата Миссисипи. Их нет у негров города Монтгомери. Вот почему я сегодня здесь. А вы пытаетесь заткнуть рот всем цветным людям, которые хотят бороться за права своих народов!»

¹ Процесс «Плесси против Фергюсона» (1896 г.) — громкое судебное дело. В решении по этому делу Верховный суд США впервые провозгласил расистскую доктрину «раздельно, но с равными правами».

² Сенатор Истлэнд — ярый поборник сегрегации и расизма.

Меня взволновали и глубоко тронули многие отклики на мое дело, появившиеся в негритянской прессе,— в них выражалось сочувствие ко мне и понимание той позиции, которую я занял в Вашингтоне. В белых газетах США о позиции негритянской прессы в этом вопросе не появилось ни одной строчки. Но они никогда не упускали случая опорочить мое имя и процитировать выступление любого негра, которого им удавалось подговорить. Поэтому позвольте мне здесь привести несколько выдержек из некоторых негритянских газет относительно моих показаний.

«Афро-Америкэн» от 23 июня 1956 года (Валтимор)

Робсон прав

Если он, выступая перед Комиссией палаты представителей, повторяет его членам то, что говорит все цветное население о сегрегации, дискриминации и лишении избирательных прав из-за цвета кожи, то он делает в Вашингтоне то же самое, что делают мужественные американцы, белые и цветные, повсюду в Соединенных Штатах.

Мы согласны с Робсоном, что члены Комиссии могли бы целесообразнее использовать свое время, вызвав для допроса таких антиамериканцев, какими являются белые расисты и лица, подписавшие манифест, в котором они торжественно взяли на себя обязательство игнорировать и обходить ту самую конституцию, которую раньше они клялись поддерживать и соблюдать».

«Сан Рипортер» от 23 июня 1956 года (Сан Франциско)

Робсон, поскольку это касается положения большинства негров, занимает исключительное место в США и в мире. Белые просто боятся и ненавидят его за то, что он является совестью США в вопросах расовых взаимоотношений. Он — кумир негров, в поте лица зарабатывающих себе на жизнь физическим трудом, и некоторой части негритянской интеллигенции. То, что каждый из них хотел бы сам сказать о расовых взаимоотношениях, он говорит во всеулышание, а его манера говорить привлекает внимание всей мировой прессы».

«Шарлоттевилл-Албемарл трибюн» от 22 июня 1956 года (штат Виргиния)

**Поражение Комиссии палаты представителей по расследованию
антиамериканской деятельности**

Поль Робсон — выдающийся артист и исключительно симпатичный человек. Его собственный успех не закрыл ему глаза на несправедливости, которым подвергается его народ. Любое критическое выступление Робсона в адрес США, которое он когда-либо делал, наносит американскому престижу значительно меньший ущерб, чем то, что его лишили права выезжать за границу, петь и говорить по своему желанию и выставили на посмешище Комиссии палаты представителей, позволяя невежественным людям издеваться над ним».

«Питтсбург курьер» от 7 июля 1956 года (штат Пенсильвания)

Опасаются, что Робсон поставит США в затруднительное положение за границей в связи с негритянским вопросом. Но это глупые опасения. Миру отлично известно, как Америка относится к своему негритянскому населению. Иностранная пресса уделяет этим событиям гораздо больше внимания, чем американская. Дело Тилла, дело Отерин Люси¹ и другие подобные события известны всему миру. Об этих печальных делах было уже много сказано, и Робсон вряд ли мог еще что-либо добавить.

Отказ в выдаче паспорта означает, что в течение нескольких лет Робсон не сможет полностью проявлять свой талант».

«Калифорния войс» от 22 июня 1956 года (Окленд)

В Робсоне воплощается неукротимый и справедливый гнев народа, порвавшего свои оковы. Он олицетворяет собой неистовый дух, утомленный бесплодной игрой, продолжающейся почти сто лет, игрой, целью которой является завоевание прав, гарантированных еще сто лет назад.

¹ Эммет Тилл — негритянский юноша, подвергшийся суду Линча в штате Миссисипи. Отерин Фостер Люси — негритянская девушка, которая в течение трех лет (1952—1955) вела мужественную борьбу за право учиться в университете штата Алабама.

Робсон стоит за то, чтобы справедливость, счастье и свобода были в США уже сейчас, в наши дни, а не когда-нибудь в отдаленном будущем. Именно он, его голос, отвергает успокоительные обещания и гремит:

— Нет! Сейчас!

Восприимчивая, измученная душа, он является тем вторым я, тем *alter ego*¹, от которого миллионы негров из соображений самозащиты стараются отказаться. Его протест — это подлинный протест негра... И когда Поль Робсон говорит: «Я не думаю, что негр будет воевать за сенатора Истлэнда», — Робсон прав».

Ни одна из этих газет не является левой, и, публикуя свои отклики, которые я привел здесь, некоторые из них заявили об этом вполне определенно. «Мы не коммунисты, — писала газета «Афро-Америкэн», — и не следуем коммунистической линии. Более того, мы не одобряем некоторые стороны деятельности и заявления, приписываемые Робсону».

По-моему, это довольно честно. Выражая мою сердечную благодарность негритянской прессе за проявленное ею понимание моих основных позиций, я хотел бы также сказать следующее: насколько демократичнее газеты моего народа по сравнению с ведущими газетами моей страны! Это пример высокого духа, которым в большой степени обладает негритянский народ и который столь редко проявляется в американской действительности. Кампания за свободу, в которой они заинтересованы, развертывается именно здесь, дома. Американцы, которые хотят мира между народами, — а я верю, что подавляющее большинство их хочет этого, — могут присоединиться к моему народу и вместе с ним спеть нашу старую песню:

Я меч на землю положил,
И щит мой отдых заслужил.
Не говорите о войне,
Войной я сыт, и сыт вполне.

В 1949 году в Париже я понял, а время еще более укрепило меня в этом мнении, что каждый здравомыслящий человек считает подготовку войны бессмысленным и роковым делом. Большинство цветных народов земного шара твердо заявило, что они хотят мира, и на своей конференции в Бандунге (Индонезия, 1955 год), которая имела международное значение, они объединились на основе программы, способствующей делу мира. Резолюция, принятая в Бандунге, объясняет, почему война неприемлема для народов Азии и Африки.

Конференция считает, что разоружение и запрещение производства, испытания и применения ядерного и термоядерного оружия крайне необходимы для избавления человечества и цивилизации от страха и перспектив полного уничтожения.

Конференция считает, что долг собравшихся здесь представителей стран Азии и Африки по отношению к человечеству и цивилизации заключается в том, чтобы заявить о своей поддержке запрещения этих видов оружия и обратиться к странам, которых это касается в первую очередь, и к мировому общественному мнению с призывом осуществить такое разоружение и запрещение.

Мне очень хотелось поехать на это историческое собрание в качестве наблюдателя, но так как мне отказали в паспорте, пришлось ограничиться приветственным посланием. (Впоследствии госдепартамент указывал на это послание как на еще одну причину, по которой мне следует отказать в поездке за границу.) В своем приветствии Бандунгской конференции и в моей речи в Париже я подчеркивал настоятельную необходимость предотвращения новой войны и указывал на непосредственную заинтересованность цветных народов в сохранении мира.

Я писал: «Переговоры и взаимное уважение—основные условия установления мира между народами. Если другие народы мира последуют примеру народов Азии и Африки, то найден противовес политике с позиции силы и будет положен конец угрозе водородной войны. Народы Азии и Африки кровно заинтересованы в таком решении, так как общеизвестно, что атомное оружие было использовано только против народов

¹ *Alter ego* (лат). — крылатое выражение, означающее: двойник, второе я.

Азии. В настоящее время существует угроза, что оно будет применено еще раз против азиатских народов.

Я полностью присоединяюсь к стремлению конференции предотвратить катастрофу, которая неизбежно принесла бы страдания и смерть всем народам мира. Все честные люди должны приветствовать цели конференции, которая призвана внести максимальный вклад стран Азии и Африки в дело международного мира».

Я также указывал, что конференция цветных народов Востока имеет огромное значение и для цветных народов Запада:

«Для негритянского народа Соединенных Штатов и островов Карибского моря было исключительно важно узнать, что Бандунгская конференция была созвана «для рассмотрения проблем, представляющих особый интерес, проблем, связанных с уничтожением расизма и колониализма». Общее мнение негритянского народа отразила в следующих словах одна из наших ведущих газет («Нью-Йорк Амстердам ньюз»):

«Американские негры должны интересоваться ходом работы Бандунгской конференции. Мы вели борьбу за уничтожение расизма и колониализма в течение более трехсот лет».

Не приходится сомневаться, что наш интерес к этой борьбе действительно законный интерес и что мы должны любыми возможными путями стремиться к укреплению наших связей с поднимающимся большинством мира. Что касается меня, то когда меня спрашивают сейчас, на какой точке зрения в международных делах я стою, я указываю на десять принципов Бандунга:

1. Уважение основных прав человека, а также целей и принципов Устава Организации Объединенных Наций.
2. Уважение суверенитета и территориальной целостности всех стран.
3. Признание равенства всех рас и равенства всех наций, больших и малых.
4. Воздержание от интервенции и вмешательства во внутренние дела другой страны.
5. Уважение права каждой страны на индивидуальную или коллективную оборону, в соответствии с Уставом Организации Объединенных Наций.
6. а) Воздержание от использования соглашений о коллективной обороне в частных интересах какой-либо из великих держав.
- б) Воздержание любой страны от оказания нажима на другие страны.
7. Воздержание от актов или угроз агрессии или применения силы против территориальной целостности или политической независимости любой страны.
8. Урегулирование всех международных споров мирными средствами — такими, как переговоры, примирение, арбитраж или юридическое урегулирование, так же как другими мирными средствами по выбору сторон, в соответствии с Уставом Организации Объединенных Наций.
9. Содействие взаимным интересам и сотрудничеству.
10. Уважение справедливости и международных обязательств.

Эти принципы я поддерживаю от всей души.

Такова программа, которую я отстаиваю.

Глава 2

«ЛЮБОВЬ НАЙДЕТ ДОРОГУ»

За время своего пребывания за границей, где в течение двенадцати лет (1927—1939) моим домом был Лондон, я понял, что где бы я ни путешествовал, моей родиной остается Америка. К этому заключению я пришел окончательно, когда мое дело слушалось в Комиссии палаты представителей и когда после моего заявления, что «в России я впервые почувствовал себя по-настоящему человеком — там нет никаких расовых предрассудков, как на Миссисипи или в Вашингтоне», один из членов Комиссии сердито спросил: «Почему вы не остались в России?»

«Потому что мой отец был здесь рабом,— отвечал я,— и мой народ умирал, чтобы построить эту страну, и я хочу остаться именно в ней и быть частицей этой страны, как и вы. И никакие профашистские элементы не выгонят меня отсюда. Это ясно?»

Позвольте мне объяснить, как я пришел к такому убеждению. В Великобритании, среди англичан, шотландцев, уэльсцев и ирландцев — жителей этой страны, я понял, что самая сущность характера нации определяется не высшими классами, а простыми людьми и что простые люди всех наций — подлинные братья в великой семье человечества. Если в Великобритании были люди, которые жили грабежом колониальных народов, то там были также и миллионы других, которые зарабатывали свой хлеб честным трудом. И даже несмотря на то, что я все больше и больше чувствовал себя негром по духу или африканцем, как я тогда выражался, я все же почувствовал и осознал необходимость единства с белыми трудящимися, которых я понял и полюбил.

Это убеждение в единстве человечества, о котором я часто говорил, выступая в концертных залах и других местах, существовало в моем сознании наряду с глубокой преданностью делу моего народа. Некоторым людям эта двойственность кажется противоречивой. Белые, которые видели во мне «гражданина мира», исполняющего песни многих стран на языках их народов, удивлялись иногда, как я могу быть таким приверженцем цветных народов, а негры, с другой стороны, удивлялись, почему я так часто выражаю теплые симпатии к народам, которые кажутся им далекими и чуждыми. Но я не считаю эти чувства противоречивыми. В Англии я узнал, что между всеми нами действительно есть родство, есть основа не только для взаимного уважения, но и для братской любви.

Впервые я пришел к этой мысли благодаря песне. В этом нет ничего странного, ибо песни, живущие в течение долгого времени, всегда были самым чистым выражением человеческого сердца. В начале моей профессиональной музыкальной деятельности мне повезло познакомиться с исключительно одаренным негритянским композитором и музыкантом Лоуренсом Брауном, а с годами это знакомство выросло в успешное сотрудничество и личную дружбу. Именно он помог мне понять мое инстинктивное чувство, что в основу моих концертов должны лечь простые красивые песни моего детства, которые я слышал каждое воскресенье в церкви и каждый день у себя дома и на улице, — эти торжественно-поэтические песни-проповеди негритянского священника, эти трудовые песни и блюзы друзей моего отца с плантаций Северной Каролины.

Лоуренс Браун, который также знал и исполнял произведения народной музыки других стран наряду с песнями великих классиков Запада (многие из которых основаны на народных темах), был твердо убежден, что наша музыка — негритянская музыка африканского и американского происхождения — продолжает традиции лучших образцов мировой народной музыки. Таким образом, мой репертуар в течение первых пяти лет моей артистической деятельности состоял полностью из негритянских народных песен.

Затем я начал изучать песни других народов. В Англии я имел возможность познакомиться с сокровищницей английских, уэльских и гэльских¹ народных песен. И когда я исполнял эти чудесные мелодии, я чувствовал, что они так же близки моему сердцу и выражают ту же задушевность, которая столь характерна для негритянской музыки. Это родство отмечалось и до меня. В своей автобиографии Фредерик Дуглас, вспоминая «как веселые, так и печальные» песни, которые он слышал будучи еще рабом на плантации, писал: «Хотя я был еще ребенком, эти незатейливые мелодии приводили мой дух в уныние. Нигде за пределами дорогой старой Ирландии в эти дни голода и нужды я не слышал звуков столь печальных» (Дуглас посетил Ирландию в 1847 году). В Шотландии известная современная исследовательница гэльских народных песен Марджори Кеннеди-Фрейзер сделала предположение, что негритянские песни — это непосредственный продукт культуры ее народа. Не вступая здесь в дискуссию по поводу этого притязания, интересно отметить это предположение, выраженное ею в предисловии к одному из ее сборников «Песни Гебридских островов».

¹ Гэльский язык — одна из разновидностей кельтских языков, к которой относятся доныне сохранившиеся ирландский и шотландский языки.

«Сейчас, когда я пишу это, временно находясь на Среднем Западе США, мне вспоминается использование Дворжаком негритянских мелодий в его симфонии «Из Нового Света». Как шотландские, так и ирландские кельты претендуют на значительный вклад в лучшие произведения так называемой песенной культуры негров Америки. Два века назад молодые переселенцы с Гебридских островов становились плантаторами на юге США, куда они привезли с собой ирландок-нянек с их гэльскими напевами.

Негры выучили не только напевы, но также и язык ирландцев. Рассказывают, что одна женщина, приехав с островов на юг США, страшно испугалась: она решила, что черный цвет кожи человека, говорящего на гэльском языке, был последствием загара одного из ее соплеменников!»

Тем не менее высокая оценка искусства другого народа не может сама по себе устранить те различия, которые отличают народы друг от друга. Можно любить африканскую скульптуру и быть совершенно безразличным к людям, создавшим эти шедевры. В Америке было очень много людей, которые высоко оценивали и считали своей негритянскую музыку, не обращая в то же время никакого внимания на ее создателей.

Меня же мягкая красота народных песен Европы духовно сблизила с ее простыми людьми, а зловещий барабанный бой, сопровождавший события того времени, дал возможность и физически стать рядом с ними.

В годы моей жизни за границей я был свидетелем наступления фашизма; грохот маршевой музыки и топот ног марширующих солдат заглушили песни мира и братства. В 1933 году Гитлер пришел к власти в Германии, и хриплый голос «высшей расы» возвестил о наступающих ужасах. В Италии самозванный Цезарь, облаченный в черную рубашку вместо тоги, приступил к завоеванию империи. В 1935 году фашистские легионы Муссолини начали поход против Эфиопии — бомбардировщик и танк одержали победу над мушкетом и копьем. В Женеве Лига Наций была глуха к отчаянным мольбам Хайле Селассие¹ применить санкции против агрессора, так же как она была глуха к предостережениям Литвинова о роковых последствиях насильственного раздела мира.

Затем на следующий год наступила очередь Испании. Фашистский предатель Франко при поддержке вооруженных сил Гитлера и Муссолини напал на Испанскую республику. Это была генеральная репетиция второй мировой войны: испанское селение Герника, которое сравняли с землей воздушной бомбардировкой, предвещало судьбу Роттердама и Варшавы, Ковентри и Сталинграда и, наконец, Берлина.

Западные державы равнодушно наблюдали за агонией Эфиопии и Испании. Правительств, которые отказались голосовать за применение санкций против фашистской Италии, наложили эмбарго на ввоз оружия в республиканскую Испанию. Они были безучастны к нацистскому террору, начавшемуся в Германии против социал-демократов и коммунистов, против либералов и членов профсоюзов, против евреев и людей других «низших рас».

В Англии, в роскошных загородных виллах, где меня часто принимали как гостя, угощали чаем, и где со мной обменивались улыбками леди и лорды, господствовала полная безмятежность. Гитлер и Муссолини? Да, они, конечно, «грубияны», неотесанные люди, совершенно непримлемые в обществе, но высший класс Англии был вполне удовлетворен тем, что творили эти невежественные диктаторы. Разве нацистско-фашистское содружество не было основано на «антикоминтерновском пакте», и разве они не намеревались спасти все знатные семейства Европы от «угрозы большевизма»? В Германии и Италии не было больше никаких «глупостей» со стороны рабочего класса, а бизнес процветал гораздо лучше без профсоюзов. Что касается войны, то об этом хорошо позаботились на Мюнхенской конференции, где Чехословакия была принесена в жертву Гитлеру. Ну, а если нацисты действительно выступают, то они, без сомнений, пойдут на Восток, и это будет совсем не плохо, не правда ли?

Но «зонтик умиротворения»² Чемберлена не мог скрыть от простых людей Англии грозных предзнаменований, и они повсюду организовывали антифашистское движе-

¹ Хайле Селассие I — император Эфиопии с 1930 года.

² Зонтик, с которым обычно появлялся Чемберлен в те годы, стал его неотъемлемым атрибутом в карикатуре.

ние. Душой этого движения был рабочий класс (профсоюзы, кооперативы, левые политические партии). В борьбу были вовлечены также и другие круги населения, включая многих представителей среднего класса, людей искусств, науки и других профессий.

Таким образом, и я как артист был вовлечен в это движение и понял, что борьба с фашизмом должна стать нашим основным и самым важным делом.

В радиопередаче с континента, обращаясь к большому митингу, организованному в Лондоне в защиту Испании, я так объяснял свою позицию:

«Каждый артист, каждый ученый должен сейчас решить, на чьей стороне он стоит. У него нет другого выхода. Нельзя стоять в стороне от конфликта, взирая на него с олимпийских высот. Больше не может быть безучастных наблюдателей. Артистам, ученым и писателям брошен вызов, ибо сейчас в некоторых странах величайшее литературное наследие человечества обречено на уничтожение, там насаждаются порочные идеи расового и национального превосходства. Борьба врывается в душные аудитории наших университетов и других учебных заведений. Фронт борьбы повсюду. Нигде нет убежища».

Я понял также, что борьба за права негров — это неотъемлемая часть борьбы с фашизмом, и в том же выступлении я говорил:

«Артист должен сделать выбор между борьбой за свободу и рабством. Я сделал свой выбор. Иного пути для меня нет. История нашей эпохи характеризуется упадком моего народа — его лишили земли, его культура уничтожается, ему отказывают в праве на равную защиту закона, он лишен возможности занять достойное положение в обществе».

Не по слепой вере или принуждению, а полностью отдавая себе отчет в этом, я присоединяюсь к вам. Вместе с вами я безоговорочно поддерживаю законное правительство Испании, своевременно и должным образом избранное своими сынами и дочерьми».

В 1938 году я поехал в Испанию, и эта поездка стала поворотным пунктом в моей жизни. Там я увидел, что трудящиеся Испании, мужчины и женщины, героически отдавали свою жизнь до последнего вздоха за дело демократии в этом кровавом конфликте, а высшие классы — землевладельцы, банкиры и промышленники — натравили фашистского зверя на свой собственный народ. Рабочие других стран приехали в Испанию добровольно, чтобы оказать помощь в эпической обороне Мадрида. В Испании я пел от всего сердца, пел мужественным бойцам Интернациональной бригады. Новое теплое чувство к моей стране поднялось во мне, когда я встретился с бойцами батальона Авраама Линкольна — с тысячами отважных молодых американцев, приехавших из-за океана сражаться и, если нужно, умереть за то, чтобы «народное правительство, избранное народом и защищающее интересы народа, не исчезло с лица земли». Мое сердце преисполнилось восхищением и любовью к этим белым американцам, а когда я увидел негров в рядах батальона Линкольна в Испании, — то и чувством великой гордости за свой народ. Некоторым из них, как, например, Оливеру Лоузу и Милтону Герндону, суждено было погибнуть вместе с другими добровольцами и быть погребенными со своими белыми товарищами в испанской земле далеко от родины. От родины? Да, от Америки, от моей родины, и в душе я сознавал, что обязательно вернусь туда когда-нибудь.

Испания — борьба с фашизмом и все, что я понял в ходе этой борьбы, — ускорила мое возвращение в Америку. Еще один год я прожил в Великобритании, и чем активнее я участвовал в рабочем движении, тем острее сознавал, что моим домом должна быть Америка. Я вспоминал, как один из моих друзей в Манчестере помог мне еще глубже понять единство человечества. Он объяснил мне, насколько крепко мы оба связаны историей, страданиями и мечтами всего человечества. Он рассказал мне о своем отце и дедушке. Они познали жизнь, полную нужды и тяжелого труда на фабриках Манчестера — центра текстильной промышленности Англии. И хлопок, который пряли его предки, связал их с другими тружениками в далекой Америке, чьим непосильным трудом этот хлопок был выращен, — с неграми-рабами, с моим народом, с моим собственным отцом. Во время гражданской войны в Америке рабочие Манчестера вста-

ли на сторону аболиционистов, хотя блокада Юга привела к прекращению поставок хлопка. А это принесло рабочим еще большие лишения. И в то же время фабриканты и их правительство стояли на стороне рабовладельцев. Это помогло мне еще глубже все понять и яснее увидеть те силы в мире, которые борются за общие интересы и воплощают в жизнь идеи международного братства.

Горняки Уэльса, оказавшие большую поддержку антифашистскому движению, радушно встретили меня, когда я приехал к ним дать концерт в фонд помощи Испании, и пригласили меня посетить здание их профсоюза и их дома. Уэльские горняки и другие рабочие, с которыми я встречался в Англии и Шотландии, говорили о том, что между нами существует более тесная связь, чем только общая борьба за демократию против фашизма. Борьбу эту породили классовые различия, говорили они, а я хоть и знаменит и богат, но вышел из трудовой среды, как и они, и потому мое место среди них, в рядах рабочего движения. Так они говорили.

И в Америке ведь тоже живут не одни только боссы, размышлял я, там тоже есть рабочие. Если мне здесь протянули руку братства рабочие Англии, то наверняка рабочие протянут ее мне и в Америке. В период наступающего величайшего кризиса я должен быть прежде всего среди негритянского народа, я должен принять участие в его борьбе за новый грядущий мир, к которому он стремится.

Я расскажу американским неграм об Африке, думал я, и постараюсь установить союз между ними и их борющимися братьями в колониях. Как артисту и гражданину, как негру и другу трудящихся для меня найдется немало дел на родине. И в 1939 году я возвратился в США...

За последние семь лет, в течение которых я был лишен личного общения с моими друзьями в других странах, я часто задумывался над словами песни, которую я много раз исполнял в концертах, — «Любовь найдет дорогу». Как это верно. По почте, телефону и телеграфу, через друзей, побывавших за границей, я получил много теплых посланий дружбы и добрых пожеланий от людей из всех концов мира. Посылая письма, грампластинки, записи песен и выступлений, давая киноинтервью, я старался поддерживать связь с моими иностранными слушателями и зрителями, но я не имел возможности принять многочисленные приглашения участвовать в концертах, играть на сцене и сниматься в кино.

В то время, когда мне не разрешались даже поездки в Канаду (для чего не требуется никакого паспорта), для меня были огромной радостью концерты, организованные Союзом металлистов и горняков Канады на границе США. В 1952 году я был приглашен на конференцию их союза «Майн, Милл энд Смелтер Уоркерс». И когда госдепартамент не разрешил мне поехать к ним, то горняки организовали концерт, который должен был состояться в парке «Пис арч» («Арка мира»), на границе между штатом Вашингтон и провинцией Британская Колумбия. Я навсегда запомню этот концерт 18 мая 1952 года, когда тридцать тысяч канадцев съехались издалека, чтобы услышать меня, продемонстрировать свои дружеские чувства и выразить свой протест против всех барьеров на пути культурного обмена.

Более трех лет на этой границе проводились концерты, пока наконец госдепартамент не был вынужден отступить от своего произвольного и незаконного постановления, запрещающего мне путешествовать даже по тем местам, для поездки в которые не требовался паспорт. Рука братства? Да, я нашел это братство и в Канаде.

Всего несколько недель тому назад — осенью 1957 года — мне представилась еще одна замечательная возможность: петь для горняков Уэльса. Они проводили свой традиционный фестиваль «Эйстеддфод», для которого организовали мой концерт по телефону. Трудно выразить словами, как глубоко я был тронут. Ведь эта аудитория приняла меня как родного. И, хотя я не видел тех, кто меня слушал, я никогда не был ближе к ним, чем в тот раз. Несколько дней спустя я получил письмо от Национального союза горнорабочих Южного Уэльса, в котором говорилось:

«Трансатлантическая передача имела огромный успех не только потому, что прием был хорошим, она имела успех главным образом потому, что ваши песни вдохновляли более пяти тысяч людей, собравшихся на нашем «Эйстеддфоде». Если бы Вы только могли видеть это бесчисленное множество людей, внимательно прислушивающихся к

каждой нотке и каждому вашему слову, Вы бы поняли, как относятся в Уэльсе к Вам и к устранению той изоляции, которой Вы подвергнуты в настоящее время.

В. Пейнтер, председатель».

Первый из таких концертов по телефону был организован несколько раньше, 26 мая того же года, когда я пел для тысячной аудитории в Лондоне. Этот концерт состоялся в связи с конференцией, созванной Национальным комитетом в защиту Поля Робсона. Эту конференцию организовали несколько уважаемых в Англии людей, выступления и деятельность которых, к сожалению, совершенно неизвестны в нашей стране. Нам очень хотелось бы увидеть хоть одну строчку о деятельности этого комитета в «свободной прессе» нашей страны, включая и газету «Нью-Йорк таймс», которая хвастается тем, что благодаря широкой корреспондентской сети она предлагает вниманию своих читателей «все новости, достойные опубликования». По-видимому, сообщения о том, что больше десяти членов английского парламента поддерживают деятельность этого комитета и что многие другие выдающиеся деятели — писатели, ученые, актеры, юристы, лидеры профсоюзов, титулованные особы и т. д. — также принимают участие в движении в мою защиту, считаются недостойными внимания американцев и поэтому полностью изымаются из печати.

За последние семь лет немало людей в Англии, так же как и во многих других странах, выступило лично или через свои организации в защиту моего права ездить в их страны, и в марте 1956 года на конференции в Манчестере было положено начало национальному движению. В своей речи по этому случаю президент Союза литейщиков Р. В. Касасола заявил: «Мы собрались здесь в 1956 году, и мы требуем, чтобы одному человеку была вручена маленькая книжечка с его фотографией и указанием, что он по рождению является американцем. Здесь, где собирались чартисты, впервые разрабатывали планы борьбы за право голоса, мы начинаем борьбу за право всех людей в любое время выезжать из своей страны и возвращаться обратно. Пока на Америку еще не пало презрение всего мира, она должна вернуться снова к идеям, которые исповедовали полигритмы, в поисках свободы покинувшие Англию на корабле «Мейфлауэр».

Я направил конференции письмо, в котором попытался выразить то, что вообще едва ли можно выразить словами, — сердечную благодарность за все, что англичане делают для меня.

«Я глубоко тронут, — писал я, — что вы, как и многие другие люди в Англии, высказываетесь в пользу моего права на свободу передвижения, моего права на возобновление моей деятельности в качестве международного артиста, которую я начал около тридцати лет назад. Я вынужден обращаться к вам с этими словами издалека, но я хочу сказать, что никогда не чувствовал себя ближе к вам, чем сегодня. Через барьеры, временно разделяющие нас, до меня доходит тепло вашей дружбы. И оно снова вызывает в памяти воспоминания о счастливом времени, проведенном среди вас»

В этом письме я вспоминал о моей последней поездке в Манчестер, где я присутствовал на митинге, созванном в защиту прав моего народа в Америке:

«Я отлично помню мое последнее посещение Манчестера в 1949 году, ваши теплые, искренние приветствия, приветствия тысяч людей, собравшихся на митинг, чтобы поддержать борьбу в Америке за спасение «трентонской шестерки»¹. Эта борьба, как вы знаете, увенчалась успехом. Негритянские юноши, приговоренные к смерти на электрическом стуле, были освобождены. Большая доля успеха в этой победе принадлежала жителям Манчестера и других английских городов, а также народам многих стран».

Весной 1957 года я был счастлив узнать, что Ассоциация английских актеров на своем ежегодном собрании в Лондоне приняла резолюцию, настаивающую на моем приезде в Англию. Привожу здесь несколько строк из отчета об этом решении, опубликованном в лондонском «Таймсе».

«...Гай Верней предложил принять резолюцию, согласно которой Совет должен настаивать на том, чтобы Полю Робсону позволили выступить с концертами в Англии.

¹ «Трентонская шестерка» — шесть негров, приговоренных в 1948 году к казни на электрическом стуле судом города Трентона на основании ложного обвинения в убийстве лавочника. «Дело» было основано на «признаниях», полученных в результате избиваний и угроз.

Ни английский театр, ни мировая общественность не могут позволить себе, чтобы талант, подобный таланту Поля Робсона, пропадал понапрасну «по независящим от него причинам...» Верней заявил, что, насколько ему известно, нет никакого широкого международного подпольного движения в пользу этой резолюции. Артисты всего лишь изъявляли желание слушать большого международного певца и работать вместе с ним... Общая резолюция была принята. Лишь один из членов Ассоциации недовольно заметил, что раньше много времени уделялось обсуждению того, как воспрепятствовать выступлениям иностранных артистов в Англии, теперь же члены Ассоциации стараются пригласить одного из них».

Эта братская поддержка со стороны Ассоциации актеров вызвала благоприятные отклики среди читателей английской прессы. Я приведу еще одну только выдержку с целью довести эту «новость» до американских читателей. 4 мая 1957 года газета «Манчестер гардиан» опубликовала следующее сообщение:

«В письме, подписанном двадцатью семью членами парламента, говорится, что кооперативная партия и Ассоциация английских актеров внесли свой вклад в кампанию за приглашение Робсона петь в Англии. Они также подписали обращение к правительству США с просьбой разрешить Робсону приехать сюда.

В письме указывается, что из-за политических взглядов Робсона, по нашему мнению не имеющих никакого отношения к вопросу о свободе передвижения и свободе искусства, правительство страны, где живет Робсон, нашло возможным отказать в праве слушать его миллионам англичан, которые хотели этого. Однако желание англичан слушать Робсона отнюдь не означало их согласия со взглядами Робсона. В сущности, Робсону запрещено заниматься своей профессией, поскольку его имя занесено в «черные списки» у него на родине. Лица, подписавшие письмо, считают, что «никогда еще не было столь жизненно необходимым» для свободных стран придерживаться своих обязательств относительно свободы передвижения, которые они торжественно взяли на себя в Декларации прав человека Организации Объединенных Наций. В заключение письма говорится: «Вопрос о свободе передвижения приобретает особую важность, когда речь идет о таком выдающемся артисте, как Робсон, по праву принадлежащем всему человечеству».

Недавно я получил письмо, датированное 16 октября 1957 года, от директора театра Шекспира Глена Байэма Шоу, кавалера Ордена Британской империи, в котором он приглашает меня принять участие в их театральном сезоне 1958 года, в Стратфорде-на-Эвоне. Такое приглашение — поистине большая честь для любого актера. Конечно, я еще раз подам прошение относительно паспорта, как я это делал неоднократно, когда получал приглашения не только из Англии, но и из других стран, когда меня просили принять участие в концертах в Европе, сыграть роль в советском фильме и т. д. Но разрешит ли мне поехать госдепартамент?

В следующей главе я более подробно остановлюсь на вопросе о моем паспорте, а сейчас мне хотелось бы рассказать еще об одной моей попытке добиться выступления перед широкой аудиторией.

Друзья в Европе работали над очень важным проектом — при поддержке Всемирной федерации профсоюзов они создавали фильм и хотели записать для него песню в моем исполнении. В этом была суть письма, которое я получил летом 1954 года. Письмо было кратким, с немногими подробностями. Слова и музыка песни прилагались, но имена поэта и композитора не были указаны. Песня была на немецком языке, а исполнить ее нужно было на английском. Исполнение песни строго ограничивалось определенным количеством секунд, и к тому же я должен был петь без аккомпанемента (видимо, оркестровое сопровождение должны были «подложить» под мой голос позднее).

Это была песня мира и свободы, песня братства трудящихся всех стран. Конечно, я хотел исполнить ее. Но как это осуществить?

Я вспоминал Лондон и Голливуд, где я пел для кино: тщательно оборудованные, звуконепропускаемые студии с прекрасной акустикой, режиссер, помощник режиссера, звукооператоры, дирижер в наушниках, оркестр в полном составе, техники, электрики, рабочие, уйма дорогого оборудования. Мне оставалось только петь! Вероятно, на этот

раз все будет несколько иначе. Здесь, в Нью-Йорке, я должен был стать чем-то вроде помощника режиссера в фильме, снимаемом где-то в Европе. Ну что ж, хорошо...

Первая задача Робсона-режиссера была несложна: он дал распоряжение Робсону-певцу выучить песню. Времени было в обрез, к тому же певец репетировал на немецком языке, пока Робсон-режиссер подыскивал кого-нибудь, чтобы написать английский вариант. Так как у меня в то время не было своего дома, то «студией» мне служил дом моего брата в Гарлеме — дом при церкви, в которой он был пастором. И скоро из его кабинета стали доноситься слова песни, которую я репетировал:

Old man Mississippi wütet,
Schleppt uns unser Vieh weg
und das Land sogar...

Это была волнующая песня о шести великих реках — Миссисипи, Ганге, Ниле, Янцзы, Волге, Амазонке — и о людях, которые трудятся в их плодородных долинах. Это были звучные и страстные стихи, но нужен был их английский перевод.

И когда однажды во время репетиции ко мне заглянул мой друг писатель Ллойд Браун, я рассказал ему о стоящей передо мной задаче и спросил, не поможет ли он мне перевести стихи на английский язык. Он согласился, и скоро у меня в руках уже был английский текст:

Старик Миссисипи злится,
Топит наш скот,
Опустошает поля...

Прекрасно... У певца уже готовы слова и музыка. Ну, а как насчет записи песни, господин режиссер? Вы сказали, что времени у нас в обрез. Тогда возникла новая проблема. Крупные компании звукозаписи принадлежат «большому бизнесу», они наверняка отказались бы предоставить свои студии для такой работы, а маленькие компании не осмелились бы со мной работать. К тому же незадолго до этого я получил отказ от директоров нескольких компаний звукозаписи. Их уши, прекрасно настроенные на окрики Маккарти, были глухи к певцу мира.

Задачу решил мой сын. Поль-младший работает инженером-электриком и за последние годы стал настоящим мастером звукозаписи. Ему пришлось стать звукооператором и установить портативное оборудование для записи песни в доме пастора.

Когда мы приступили к записи, условия были далеко не идеальными.

Маленьких детей в доме еще можно было как-то утихомирить («Тише! Дядя Поль записывается на пластинку!»). Мы отсоединили телефон, чтобы он не звонил. Но кто мог поручиться, что на оживленной улице не засигналил такси и не испортит нам запись?

При такой обстановке режиссеру было бы простительно волноваться. Но он был слишком занят, исполняя роль певца, и не спускал глаз со своего сына, который стоял в противоположном углу комнаты, напряженно хмурясь, с секундомером в руке. Другую руку он поднял над головой, чтобы в нужный момент подать знак, предупреждая о конце строки. Такси сигналили, малыши кричали и самолеты ревели над крышей — и шесть рек песни превратились в шестьдесят после новых и новых переделок, но, наконец, работа была окончена. Великие реки теперь текли своей дорогой по тонкой магнитной ленте, упакованной в небольшую коробочку и отосланной за океан...

Несколько месяцев спустя мы с восторгом прочитали вырезки из европейской прессы. В газетах рассказывалось о новом документальном фильме под названием «Песня рек», снятом выдающимся голландским режиссером Йоресом Ивенсом. Этот фильм, писали критики, «шедевр», «монументальная работа», «гимн человеку», «фильм, прославляющий труд и разоблачающий колониализм».

Обозреватели называли величественной музыку, написанную для фильма композитором Шостаковичем! А «неизвестным» поэтом оказался знаменитый немецкий писатель Бертольт Брехт. Сопроводительный текст к фильму был написан известным французским публицистом Владимиром Познером, эскиз для рекламного плаката фильма сделал Пикассо.

Мастера культуры, сторонники мира — оказывается, вот с какими замечательными людьми я работал! Я преисполнился теплым чувством благодарности за то, что меня пригласили участвовать в фильме, дав мне, американскому негру, возможность объединиться с голландцем, русским, немцем, французом и со всеми остальными создателями фильма в творческом труде во имя мира и свободы.

Я был очень счастлив, когда год спустя, используя возможность побывать в Канаде, увидел в одном профсоюзном кинотеатре фильм, с помощью которого песня из домика в Гарлеме прозвучала перед зрителями всего мира. Миллионы людей во многих странах видели «Песню рек». Сопроводительный текст звучал на арабском, японском, персидском, китайском, чешском, английском, испанском, французском и многих других языках. Но народ Соединенных Штатов лишили возможности увидеть этот фильм.

Мы уверены, придет время, когда такие фильмы, зовущие к миру, будут снова приветствовать в нашей стране, а певцам мира будут давать паспорта для заграничных поездок. Никакие барьеры не смогут устоять перед волей народов к миру и свободе — самой могучей из рек, бурные волны которой катятся сейчас по всему земному шару.

Глава 3

НАШЕ ПРАВО НА СВОБОДУ ПЕРЕДВИЖЕНИЯ

Дело о моем паспорте — лишь одно из многих дел, вынесенных за последние несколько лет на рассмотрение Федерального суда. В этих делах мы оспаривали полномочия бюро паспортов госдепартамента запрещать тому или иному просителю выезд за границу. Всякий раз, когда чиновники Вашингтона по своему усмотрению решали, что такая поездка «противоречит высшим интересам Соединенных Штатов», паспорта не выдавались. Конституционные вопросы, затронутые в этих судебных делах, включая и мое дело, может быть, скоро будут урегулированы Верховным судом. В мои намерения не входит обсуждение юридической стороны дела. Я не собираюсь также говорить об этом деле с точки зрения личного ущерба, нанесенного мне отказом в паспорте. Достаточно сказать, что, хотя мне не было предъявлено ни одного обвинения в нарушении какого-либо закона, я вынужден был понести потерю в несколько тысяч долларов. Я получил бы их как гонорар, предложенный мне как артисту по контрактам, которые я не имел возможности принять. Да и судебные расходы по делу о моем паспорте составили за последние семь лет значительную сумму.

Но меня интересует другое — я хочу рассмотреть вопрос о праве негров на свободу передвижения постольку, поскольку он связан с вопросом о правах негритянского народа вообще. Госдепартамент будет утверждать, что мои выступления в защиту прав негров не имеют ничего общего с делом о моем паспорте. Быть может, кому-нибудь это покажется правдой, поскольку в разгар «холодной войны» белым отказывали в паспортах так же, как и неграм. Тем не менее есть неопровержимые факты, которые свидетельствуют о том, что именно моя деятельность в защиту прав негров служит основной причиной отказа мне в паспорте.

Когда в 1950 году у меня отобрали паспорт (который я имел с 1922 года), я обратился в суд. С самого начала было очевидно, что все упирается в «негритянский вопрос».

Краткое изложение дела, представленное госдепартаментом на слушание апелляционного суда в феврале 1952 года, содержало следующее заявление, которым они выдали себя с головой.

«...Кроме всего прочего, — сообщал госдепартамент, — даже если бы в жалобе говорилось, — чего на самом деле нет, — что паспорт был аннулирован потому, что проситель является представителем широких кругов американских негров, мы утверждаем, что отказ просителю в паспорте не может рассматриваться как ущемление свободы передвижения, поскольку сам проситель откровенно признал, что он в течение ряда лет проявлял исключительную политическую активность в интересах независимости колониальных народов Африки».

Такая позиция госдепартамента должна оскорбить всякого честного американца, потому что по традиции в нашей стране (которая возникла в результате великого восстания колоний против чужеземного правления) всегда считалось, что правомочно только то правительство, которое поддерживается народом. Для негров же точка зрения госдепартамента имела особенно важное значение. Если я, американский негр, могу быть ограничен в правах и обвинен в действиях, направленных против «высших интересов Соединенных Штатов», из-за того, что я выступаю за освобождение Африки, то возникает несколько существенных вопросов.

Каковы высшие интересы американских негров в деле освобождения народов Африки? Можем ли мы выступать против привилегий белых в Южной Каролине и не выступать против той же самой порочной системы в Южной Африке?

Да, в течение многих лет я активно участвовал в борьбе за свободу Африки, и я никогда не прекращу этой деятельности, что бы ни думал об этом госдепартамент или кто-либо другой. Это мое право — право негра, право американца, право человека!

Но я решительно отрицаю, что, борясь за свободу Африки, я становлюсь врагом Америки. Более того, я заявляю:

— Действительные враги Америки — те, кто выступает против независимости колониальных народов Африки!

Какие бы «решения» ни принимали чиновники из Вашингтона, приговор истории — мы читаем его в бурных событиях наших дней — гласит: «Те силы, которые противостоят свободе народов, обречены на полное поражение и позор!» Наша страна — одна из самых могущественных стран мира, но у Америки нет будущего, если она будет отстаивать распадающуюся систему империализма. Колониальные народы — цветные народы всего мира — хотят быть равными и свободными, независимо от того, чьи «высшие интересы» стоят на их пути.

Было бы ошибкой считать, что подлинным интересам нашей страны противоречит независимость колоний, и большинство американцев, белых и негров, понимает это. Именно поэтому люди, управляющие нашей страной, считают необходимым прикрывать свою поддержку империализма словами о защите «свободного мира». Это лишний раз доказывает, что американский народ в большинстве своем придерживается демократических взглядов и отстаивает независимость народов.

Многие американцы убеждены, что наш государственный секретарь Джон Фостер Даллес сам сделал много заявлений и совершил много поступков, которые противоречат высшим интересам Соединенных Штатов (не говоря уже о том, что это мнение разделяет весь остальной мир). Как же может такой человек, которого метко называли «американским неуправляемым снарядом», человек, политика которого «на грани войны» привела в ужас человечество, как может он высокомерно навязывать всем свое мнение о другом гражданине и решать вопрос, служит ли «высшим интересам Соединенных Штатов» поездка этого гражданина за границу? Кто дал ему это право? Если же речь идет о негре, как может белый, хороший или плохой, высоко или низко поставленный, самовластно решать, что отвечает высшим интересам негритянского народа, а что — нет!

Позднее, в 1955 году, при слушании дела о моем паспорте в Федеральном суде, прокурор США Лео А. Ровер, излагая позицию госдепартамента, заявил, что Поль Робсон «во время своих концертных поездок за границу неоднократно критиковал положение негров в Соединенных Штатах...»

— Ну и что же? — спрашиваю я. — Я критиковал эти условия за границей так же, как я это делал у себя на родине, и я буду продолжать это делать до тех пор, пока эти условия не будут изменены. Что же делать негритянскому путешественнику — молчать или лгать о том, что происходит с его народом на родине? Я лгать не намерен!

От других американцев не требуют, чтобы они молчали или лгали об условиях их жизни. И я утверждаю поэтому, что навязывать такие ограничения неграм несправедливо, дискриминационно и нетерпимо!

Пусть наше правительство инструктирует своих служащих относительно того, что им позволено говорить за границей, но люди, которые едут туда как частные лица, не являются слугами госдепартамента. Наоборот, госдепартамент должен быть слугой

народа. Следовательно, ни один государственный служащий в Вашингтоне не имеет ни юридического, ни морального права требовать, чтобы каждый американец, отправляясь путешествовать, выражал точку зрения этого официального лица ради того, чтобы получить паспорт. Патриотизм — любовь к своей стране и преданность интересам своего народа — нельзя приравнивать к взглядам юриста уолл-стритовской корпорации, назначенного государственным секретарем, или к взглядам некоего политического карьериста, которому поручено выдавать паспорта. Истинный патриот тот, кто следует принципам Декларации независимости и Билля о правах не только у себя дома, но и за границей. А если его поведение кое-кому на родине покажется «шокирующим», то тем хуже для них!

Не говоря уже об общих принципах, суть также и в том, что, когда за границей говорилось только правда о жизни негров в Америке, и это оказывало огромную услугу в их борьбе за свои права. В наших высших интересах всегда было говорить правду. Но прежде чем остановиться на этом подробнее, я скажу несколько слов о праве на свободу передвижения в связи с общей борьбой нашего народа за свободу.

С самого начала истории негров в Америке они отстаивали свое право на свободу передвижения. Десятки тысяч негров-рабов, подобно моему отцу, стремились к свободе, использовали «подпольную железную дорогу». Они перебирались при ее помощи не только в северную часть Соединенных Штатов, но и дальше — в Канаду. Многие из этих искателей свободы беспокоились о своих собратьях, оставшихся в рабстве, поэтому они объединялись с честными белыми американцами, своими друзьями-аболиционистами, чтобы по таким же «подпольным дорогам» выволить из рабских оков сотни других негров. Со времен существования системы рабского труда до сегодняшнего дня понятие свободы передвижения неразрывно связано в сознании нашего народа с понятием общей свободы. Вот почему поезд железной дороги стал символическим образом и часто встречается в нашем фольклоре — в религиозных песнях и проповедях, в блюзах и балладах. Поезд обычно «движется к счастью», «мчится к земле обетованной». Так же поется и о судах — о «старом корабле Сиона» и «древнем ковчеге», которые понесут нас по волнам к свободе и спасению.

Некоторые из беглых рабов уехали в другие страны не ради собственной свободы — они хотели добиться освобождения своих сородичей, находящихся в цепях рабства. Доброе дело, которое они совершили за границей, живет и по наши дни, ибо та моральная поддержка, которую оказывает нам сегодня Европа, — это ценное наследие деятельности тех негров — искателей свободы, которые пересекли океан, чтобы отстаивать права цветного народа Америки. Были также и свободные негры, которые ездили за границу, чтобы рассказать правду и заручиться поддержкой в своем благородном деле. Так, в Англию группой негритянских эмигрантов в Канаде был направлен пастор Африканского баптистского общества г. Олбани (штат Нью-Йорк) преподобный Натаниэль Поль. Он должен был содействовать движению против рабства и собрать средства в пользу этого движения. В 1833 году в американской аболиционистской прессе Натаниэль Поль писал о своей деятельности в Англии:

«В течение последних месяцев я разъезжал по стране и читал лекции о системе рабского труда, существующей в Соединенных Штатах, о положении свободного цветного населения этой страны и о важности распространения образования и религии среди всего цветного населения. Каждый раз меня приходило слушать от двух до трех тысяч человек; залы и церкви были переполнены, и сотни людей не могли попасть на лекцию. Я не упускал случая воздать должное Сэму за его два миллиона рабов. Я разоблачал жестокие предрассудки американцев в отношении цветной расы... Это вызвало удивление англичан. И это, говорят они, республиканская свобода? Боже, упаси нас от нее!»

В те годы борьба за право негров посещать школы была сосредоточена на Севере, где жило большинство свободных негров. Пока преподобный Натаниэль Поль находился в Англии, в Америке, в штате Коннектикут, возникло дело, похожее на нынешнее «дело Отерин Люси». Пруденс Крэнделл, женщина из квакерской секты, была заключена в тюрьму, потому что разрешила негритянским девочкам посещать ее школу. Преподобный Поль написал судье, осудившему Крэнделл, что он использует этот

случай как «отличную возможность» разоблачить преследования негров в Соединенных Штатах. Он, в частности, писал:

«Да, сэр, англичане узнают, что в Америке есть люди (и даже население целых городов), не лишенные подлинной доблести, которые, однако, способны наброситься на беззащитную женщину, окружить ночью ее дом, разбить окна и кинуть ее в тюрьму за «предательский» акт обучения цветных девочек!!!»

Негр-аболиционист Чарльз Л. Ремонд, выехавший за границу в 1840 году, сообщал английским читателям об исключении негров из школ и о других дискриминационных действиях. Он писал в газете «Либереитор»:

«Если вы хотите вызвать искреннее негодование мыслящего англичанина, расскажите ему, кого исключают из наших школ и академий. Если вы хотите привлечь верующего на свою сторону, сообщите ему о специальных скамьях для негров в церквах. А когда вы расскажете ему еще об особых вагонах для негров, о крыше омнибуса и верхней палубе парохода как о единственных местах, где дозволено ехать негру, то он, сначала побледнев, затем покраснев, спросит, в этом ли заключается американский республиканизм и неужели это варварство — плод наших многочисленных религиозных обществ».

Другой поборник негритянской свободы, Вильям Уэлс Браун, писал в 1849 году Уэнделлу Филлипсу из Лондона:

«Итак, вы видите, мой друг, что мы лишены гражданства в Америке и на родине нам отказывают в паспортах, когда мы хотим поехать за границу. Но они не осмеливаются отказать нам в паспорте, когда мы обращаемся за ним в Старой Англии. И как ни бесчувственны американцы, они, видимо, боятся английского общественного мнения. Когда же поймут американцы, что если они хотят поощрять свободу в других странах, то они должны установить ее в первую очередь на родине?»

Этот вопрос сегодня, столетие спустя, гремит, как гром, во всем мире: Когда же американцы наконец поймут, что если они хотят поощрять свободу в других странах, то они должны установить ее в первую очередь у себя на родине? И пусть все честные люди, которые были введены в заблуждение проповедниками «градуализма»¹, задумаются над тем, что даже целое столетие не смягчило в нашей стране «жестокосердных» ненавистников негритянского народа.

Еще одно замечание по этому поводу. Неграм отказывали в выдаче паспортов для поездок за границу, но в те дни, согласно закону, для таких путешествий вообще не требовалось паспорта. Таким образом, негры имели право вынести свое дело на суд мирового общественного мнения, а фанатичные чиновники, несмотря на свое возмущение, не смогли бы воспрепятствовать этому. Очевидно, в отношении свобод наша страна в 1957 году оказалась еще менее демократичной, чем в 1847 году.

И все же негров, говоривших правду за границей в годы аболиционистской борьбы, жестоко поносили на родине «белые господа». Так, когда Фредерик Дуглас совершал поездки по Европе, выражая в своих речах возмущение рабовладельческими порядками, американские газеты называли его «бойким на язык негодяем» и обвиняли Дугласа в том, что он «выступает против общественных учреждений и народа Америки».

«Я отвергаю обвинение,— негодуяще возражал Дуглас,— что я выступаю против общественных учреждений или народа Америки. То, что я говорю, направлено против рабства рабовладельцев. Я хочу, чтобы рабовладелец чувствовал, что у него нет друзей ни в Англии, ни в Шотландии, ни в Ирландии, что его ненавидят и в Канаде и в Мексике, что против него идут бедные дикие индейцы, что голос цивилизованного и нецивилизованного мира всегда против него. (Брат Дуглас и впрямь хотел донести правду до всех! — П. Р.) Я хочу, чтобы осуждение преследовало рабовладельца повсюду до тех пор, пока оглушенный и подавленный стыдом и позором он не разожмет

¹ «Градуализм» — течение, сторонники которого утверждают, что равные права неграм следует предоставлять не сразу, а постепенно.

лапу, которой душит свои жертвы. И пусть наконец рабовладелец восстановит людям те права, которых они были лишены в прошлом».

Дугласу, в прошлом беглому рабу и крупнейшему из негритянских руководителей аболиционистского движения, предлагали поселиться в Англии, ему обещали земельный участок и средства, обеспечивающие всей его семье хорошую жизнь. Но он с благодарностью отклонил это предложение. В своей прощальной речи, обращенной к английскому народу, Дуглас объяснил, почему он возвращается в Америку:

«Я еду в Америку не для того, чтобы сидеть сложа руки, молчать и наслаждаться праздностью и комфортом... Я горжусь своей борьбой и обрету спокойствие только после победы. Я уверен в победе. Я возвращаюсь домой, отказываясь от покоя, комфорта и почета, которые мог бы иметь и здесь... Я возвращаюсь ради моих собратьев. Я еду страдать вместе с ними; трудиться вместе с ними; переносить оскорбления вместе с ними; подвергаться насилиям вместе с ними; поднять свой голос в их защиту; говорить и писать, защищая их права; бороться в их рядах за освобождение, которое еще предстоит завоевать». Воинственный дух Дугласа живет и сейчас в моем народе.

Но потом появились и такие негритянские деятели, которые сочли возможным ездить за границу и рассказывать там, что их народу хорошо живется на родине. Одним из первых негритянских поборников «американского образа жизни» был Букер Т. Вашингтон, который пытался служить и своему народу и его угнетателям. Но в 1910 году, когда Вашингтон отправился в Англию, чтобы превозносить положение негров в Америке, группа видных негритянских преподавателей, врачей, юристов, священников и редакторов подписала открытое послание к народам Европы, которое разоблачало вымыслы Букера Т. Вашингтона и раскрыло горькую правду о продолжающихся преследованиях негров на родине.

«Против этой господствующей политики борются, — писали они, — мужественные и энергичные американцы, белые и черные, но в этой борьбе за признание их человеческих прав им нужна, очень нужна моральная поддержка Англии и Европы. Иметь в своих рядах человека, который, ежедневно страдая от оскорблений и унижений в Америке, тем не менее пытается внушить, что все идет хорошо, — настоящая пощечина».

Среди лиц, подписавших этот исторический документ, были Вильям Дюбуа, Вильям Монро Троттер, епископ Александр Уолтерс, Макс Барбер и Арчибальд Гримке, а также мой дядя Фрэнсис Н. Ф. Моссель, доктор медицины и директор госпиталя Дугласа в Филадельфии.

Покойный доктор Моссель, мой добрый и верный друг, был мужем Гертруды, сестры моей матери.

«Моральная поддержка Англии и Европы» имела исключительно большое значение как для негритянского артиста, так и для деятеля негритянского движения. Право на свободу передвижения было действительно необходимо негритяскому артисту. Сто лет назад негритянский артист не имел возможности появиться на американской сцене в какой бы то ни было роли — даже в роли шута. (В те дни пользовались успехом музыкальные представления, в которых зачастую высмеивались негры. Но в них даже роль шута поручалась только белым. И лишь в конце прошлого столетия был достигнут «прогресс». В этих — к счастью, теперь исчезнувших — традиционных спектаклях неграм наконец было разрешено выступать в шутовских ролях, но... с натертым жженой пробкой лицом.)

Поэтому на нашей сцене не нашлось места для такого величайшего в истории театра негритянского актера, как Айра Олдридж. И по сей день американцам неизвестно, что он добился большого успеха в Англии и прославился в Европе как выдающийся исполнитель шекспировских ролей. Олдридж родился примерно в 1807 году, он был сыном пресвитерианского священника. Образование свое Олдридж получил в университете Глазго. В лондонском Королевском театре, где в 1930 году я исполнил роль Отелло, сто лет назад, в 1830 году, он с триумфом выступал в этой же роли. Вместе с великим актером Эдмундом Кином, игравшим роль Яго, Олдриджа

с энтузиазмом приветствовали по всей Европе — во Франции, Пруссии, Швеции, России и Польше. Умер Олдридж в Польше в 1867 году.

Если перечислять здесь многих других негритянских певцов, актеров и танцовщиков, кто, используя право на свободу передвижения, завоевал свое место в искусстве, то это составит огромный список.

Некоторые из этих артистов, поскольку это было их правом, так и остались за границей. Жозефина Беккер, например, — во Франции, Вейланд Родд — в Советском Союзе, а Тернер Лейтон — в Англии.

Каждому честному американцу должно быть ясно, что на всем протяжении истории нашей страны, так же как и в настоящее время, право на свободу передвижения имело исключительное значение для негритянского артиста. Справедливо ли требовать, чтобы он, ради возможности заниматься искусством и зарабатывать себе на жизнь, умалчивал об условиях жизни своего народа?

Испытав искреннее негодование, вызванное событиями в Литл-Роке, Луис Армстронг, этот выдающийся музыкант, который намечал поездку в Советский Союз, сказал:

— Если меня там спросят, что происходит в моей стране, то как я должен им ответить?

Вот что я скажу тебе:

— Говори правду своего сердца, брат Армстронг, ту самую правду, которую ты говоришь здесь, на улицах Гарлема.

И все негры должны сказать ему:

— Если тебя будут преследовать за правду, мы встанем на твою защиту. Мы вызовем такую бурю, что ни один узколобый и злонамеренный бюрократ в Вашингтоне не осмелится отнять у тебя паспорт!

Позорно и грешно, что мы не ответили энергичными протестами на отказ в паспорте Уильяму Дюбуа. Значение жизни и деятельности доктора Дюбуа трудно переоценить. Он самый ученый и мудрый среди нас. Он отец нашего современного освободительного движения. По широте ума, цельности характера и самоотверженной преданности человечеству наш доктор Дюбуа — выдающийся деятель не только в жизни негритянского народа, он один из подлинно великих американцев нашего века.

Разве это не чудовищно, если мелкие людишки на высоких постах осмеливаются утверждать, что такой человек не имеет права получить паспорт и не может ехать за границу, где его знают, где его почитают! Тем не менее это так. Лишь несколько лет тому назад невежественные и беспринципные белые люди, правящие Соединенными Штатами, привлекли Дюбуа к суду и обвинили его в том, что он является «иностранным агентом», так как он осмелился выступать в защиту мира между народами. Эту преднамеренную выдумку разоблачили, и Дюбуа был освобожден. Но ему запрещен выезд за границу.

Доктор Дюбуа был приглашен на празднование независимости Ганы. Госдепартамент не разрешил ему выехать, хотя из всех американцев, посетивших торжества в Гане, не было ни одного человека, заслужившего эту поездку больше, чем Дюбуа. Свыше сорока лет он выступает за свободу народов Африки, а его книги первыми раскрыли правду о взаимоотношениях Африки с современным миром. Он был основателем и вдохновителем panaфриканского движения, и под его руководством в 1919 году в Париже был созван первый Panaфриканский конгресс. В 1945 году Дюбуа председательствовал на пятом Panaфриканском конгрессе в Манчестере (Англия), на котором присутствовали Квам Нкрума, ставший позднее первым премьер-министром свободной Ганы, Джомо Кеньятта и двести других лидеров из всех частей Африки, Вест-Индских островов, Британской Гвианы, Британского Гондураса, Бразилии и Соединенных Штатов.

Поистине, поездки Дюбуа отвечали высшим интересам не только народов Соединенных Штатов, но и высшим интересам народов всего мира. Как мы можем молчать, как мы можем бездействовать, пока этот выдающийся гуманист, наставник и руководитель лишен права на передвижение?!

Чтобы достичь равных гражданских прав — а это наше справедливое требование, — мы должны всегда выступать и действовать, как свободные люди. Когда мы

критикуем положение негров в Америке и говорим нашим согражданам на родине и народам за границей, что в действительности происходит в нашей стране, каждый из нас может сказать вместе с Фредериком Дугласом: «Поступая так, я чувствую, что выполняю долг подлинного патриота, ибо тот любит свою родину, кто отвергает и не прощает ее недостатки».

Глава 4

ВРЕМЯ НАСТАЛО

Мне кажется, что нынешнее положение негритянского населения в Соединенных Штатах позволяет нам сделать следующий вывод:

1. Мы можем уже сейчас завоевать свободу в США, в настоящее время можно добиться осуществления долгожданной цели — равных гражданских прав в соответствии с конституцией.

2. У нас есть силы, чтобы добиться этой цели: то, что мы сделаем сами, будет решающим.

В нашей стране многие категорически отрицают либо подвергают большому сомнению эти две идеи. В нынешний переломный период нашей жизни отрицание и сомнение проявляются как в действительности, так и в бездействии.

Наши открытые враги — ярые сторонники мифа о превосходстве белых — утверждают: нет, дискриминация никогда не будет уничтожена.

— Позвольте мне внести в этот вопрос ясность, — заявил виднейший представитель этой группы Истлэнд в своей речи в сенате через десять дней после того, как Верховный суд запретил сегрегацию в школах, — Юг сохранит сегрегацию.

Сила тех, кто придерживается этой точки зрения, была продемонстрирована, когда сто сенаторов и депутатов палаты представителей Юга подписали манифест, в котором отвергали решение Верховного суда и торжественно взяли на себя обязательство противодействовать его осуществлению. Весь мир был свидетелем того, как за этими вызывающими словами последовали столь же вызывающие действия.

Сторонники другой идеи, которые выдают себя за наших друзей, утверждают, что в настоящее время невозможно добиться осуществления наших законных прав. Вы должны ждать, говорят они, пока сердца ваших гонителей не смягчатся, пока дискриминация сама не умрет от старости. Эта концепция называется «градуализмом»! Многие считают, что это практический и конструктивный путь. Им следует идти, чтобы достичь благ демократии для цветных американцев. Но эта идея сама по себе не что иное, как форма расовой дискриминации: ни в какой другой области жизни нашего общества нарушителям закона не предоставляют неопределенного времени, чтобы они приспособились к требованиям закона. В 14-й и 15-й поправках, служащих юридической гарантией наших полных гражданских прав, ничего не говорится о том, что в отношении негров конституция должна вступать в силу постепенно. «Градуализм» прошел уже слишком долгий путь. Уже минуло сто утомительных лет его существования, а конца этого пути так и не видно. Еще задолго до освобождения от рабства наш народ понял, что обещаниям свободы в будущем верить нельзя. Народная мудрость с горьким юмором говорила в песне времен рабства:

Мой хозяин обещал мне,
 Что, когда он умрет, он освободит меня.
 Он жил так долго,
 Что голова его стала лысой,
 И он совсем отбросил мысль о смерти.

Рабский труд в конце концов был отменен — не постепенно, а сразу. Рабовладельцы уступили не под влиянием либеральной философии. Они были сокрушены мощным ударом, нанесенным по их насквозь прогнившей системе. Их не просили по пенни отдать те миллиардные ценности, которыми они владели, владея людьми. 13-я поправка лишила их сразу всего!

Некоторые из наших «лучших друзей» — в действительности наши враги, а «градуализм» — это лишь маска, прикрывающая лицемеров. Но есть также немало благонамеренных белых либералов и различных негритянских деятелей, которые искренне верят, что прогресс негритянского населения может быть только постепенным, что он не может быть насильственным, что на реакционеров нельзя оказывать слишком сильного давления, что пять, десять или даже сто лет должно пройти, прежде чем на смену нашему гражданскому бесправию придут гражданские права. И есть еще немало негров, которые, глядя на такие места, как штат Миссисипи, печально качают головами и говорят, что должно пройти много времени, прежде чем наступят действительные перемены. Чем они отличаются от белых боссов? Это те же консерваторы, прогневившие до мозга костей. Те, кто считает, что процесс должен быть постепенным, основываются на убеждении, что демократические права для негров не столь обязательны и неотъемлемы, как для белых американцев. Крохотные улучшения положения «второразрядных» граждан они рассматривают как милость и свидетельство терпимости. Негр должен полагаться на добрую волю тех, кто стоит у власти, и надеяться, что в один прекрасный день своими увещеваниями они откроют глаза людям, ослепленным предрассудками.

Эта точка зрения является господствующей в высших кругах правительства и во всей стране. Тем, кто наверху, нетрудно предаваться философским раздумьям, советуя угнетенным: «Будьте терпеливыми, подождите — когда-нибудь наступит справедливость». Видит бог, мой народ долго терпел и долго страдал. Мой народ добр, чуток и великодушен. Он обладает качествами, присущими немногим другим. Вот что писала газета «Нью-Йорк таймс»: «Когда изучаешь жестокую историю расовых и национальных движений в других странах, то понимаешь, как мы должны быть благодарны неграм Соединенных Штатов за их удивительную мягкость и добродушие».

Но всякому терпению приходит конец. И если терпение некоторых из нас иссякло раньше, чем терпение других, это не так уж важно сейчас. Важно то, что значительное большинство негров мыслит ныне понятиями сегодняшнего дня. Я утверждаю и приложу все силы для доказательства этого, что уже сейчас можно добиться предоставления неграм равных прав.

Раньше говорили, хотя многие уже забыли об этом, что к 1963 году, когда исполнится сто лет со дня отмены рабства негров, будет достигнута полная свобода. Что ж, я еще верю в это! Может быть, в 1963 году и на самом деле гражданские права полностью восторжествуют не только на бумаге, но и в действительности, права для каждого негра в каждом городе, графстве и штате этой страны. Быть может, в 1963 году негритянский государственный деятель из штата Миссисипи займет в сенате место, ныне опозоренное Истглэндом, точно так же, как некогда негритянский сенатор Ревелз заменил предателя Джеффа Дэвиса на этом высоком посту. Я утверждаю, что «джимкрузизм», а вместе с ним и «градуализм» надо надежно похоронить, да так, чтобы он никогда снова не поднялся. И это можно сделать уже сейчас, в наше время!

Но, может быть, это неосуществимая мечта и фантазия? Чтобы понять это, давайте взглянем широко открытыми глазами на окружающий нас мир. Давайте вдумчиво приглядимся к нашей действительности, осознаем изменившуюся обстановку, а она ясно говорит: час пробил, все в наших руках!

События, происходящие у нас и за рубежом, настоятельно требуют немедленного предоставления демократических прав негритянскому народу. Прошло сто лет с тех пор, как Фредерик Дуглас заявил: «Взаимоотношения, существующие между белыми и цветными народами в нашей стране, являются центральным вопросом нашей эпохи». А полстолетия спустя доктор Дюбуа сказал, что «проблемой двадцатого века будет проблема цветного барьера». Теперь мы видим: эти слова были пророческими; теперь мы знаем: пришло время, когда этот вопрос эпохи, эта проблема столетия должна быть решена.

Ныне совершенно очевидно, что вопрос о правах негров стоит в центре нашей национальной жизни. Весьма показательно в этой связи заявление редакторов журнала «Лук», которые видят в негритянской проблеме «величайший правовой, политический и духовный кризис Америки со времен гражданской войны». Показательно

также мнение газеты «Нью-Йорк таймс», что «Америка в настоящее время чревата социальной революцией, которая может оказать огромное влияние как на внутреннюю обстановку в стране, так и на положение США на международной арене».

Однако при рассмотрении вопроса о положении негров в прессе, в радиопередачах, в выступлениях на митингах, в церковных проповедях, в дискуссиях за круглыми столами конференций мало внимания уделяется основным факторам, характеризующим это положение.

Наш национальный кризис — это не просто вопрос «внутренних разногласий». Нельзя сохранить конституционное правительство в Соединенных Штатах, если негры останутся на положении граждан второго разряда. Президент Эйзенхауэр, вопреки своей воле и желанию, был вынужден признать, что вызывающие действия губернатора Фобуса ставят под угрозу самое наше государственное устройство. И впервые со времен «Реконструкции Юга» федеральные войска были двинуты на защиту конституции. Однако эти события не заставили правительство и господствующую верхушку, которую оно представляет, признать еще более важную истину: в расистской Америке не может существовать демократия. Когда представитель правительства обращается к белым расистам с призывом «помнить не только о своих предрассудках, но и об Америке», он повторяет ошибку тех, кто все еще наивно надеется, что и волки будут сыты и овцы целы.

Было бы крайне ошибочно утверждать, как это делают некоторые, что суть проблемы — в личных предрассудках многих белых американцев. В игре в бейсбол решение судьи может основываться на каком-либо предрассудке в его сознании, но закон штата, который объявляет преступлением, если негры играют в бейсбол с белыми, — это уже не предрассудок, а государственное законодательство. Законы и практика «джимкромизма», лишаящие миллионы негров на Юге — и не только на Юге! — равных прав с белыми, отнюдь не чувства, не личные ощущения отдельных людей. Это система юридического — и не только юридического — насилия, которая нарушает и подрывает конституцию Соединенных Штатов.

Мы знаем, что подобные условия существовали в продолжение многих лет. Видимо, найдутся люди, которые спросят нас: почему же так не может продолжаться и впредь? Есть ли в нашей национальной жизни нечто непреодолимое, побуждающее в настоящее время к переменам?

Ответ может быть один: интересы подавляющего большинства американского народа требуют, чтобы негритянский вопрос был решен. Дело не только в проявлении справедливости к меньшинству. Решение этого вопроса одинаково необходимо для всех. Подобно тому, как во времена Линкольна основные интересы большинства американцев сделали неизбежным уничтожение рабства негров, так и сейчас эти интересы требуют ликвидации системы, при которой на негров смотрят как на второсортных граждан.

Сейчас становится все яснее, что главным препятствием на пути социального прогресса в нашей стране — в области труда, образования, народного здравоохранения и благосостояния — является та самая группа, которая упрямо противится предоставлению равных прав неграм. Сто членов конгресса, подписавших манифест южан против отмены сегрегации, не только враги негритянского меньшинства, — это мощная реакционная сила, противостоящая всему американскому народу в целом. Они занимают свои места в конгрессе только благодаря отсутствию избирательных прав у негров. Их избирает каждый раз лишь небольшая кучка белых. И эти-то незаконно избранные диксикраты¹ издают законы для всей нации. «Высшая белая раса», за которую они ратуют, не включает белых рабочих — бедняков. Эти расисты способствовали развитию того экономического процесса, который в значительной степени истощил богатейшие природные ресурсы Юга и превратил этот район страны в самый бедный.

Будучи сторонниками «прав штатов», направленных против негров, они в то же время поддерживают так называемые «законы о труде», которые направлены против профсоюзов. Все реакционные законы, подрывающие завоевания рузвельтовской «новой

¹ Диксикраты — представители Южных штатов в конгрессе.

политики», — антирабочий закон Тафта—Хартли, закон Маккаррена—Уолтера против иммигрантов, закон Смита о контроле над мыслями,— находили надежную поддержку в конгрессе прежде всего со стороны диксикратов. До тех пор, пока их не лишат политической власти, не может быть никакого экономического или социального прогресса для простых людей ни на Юге, ни на Севере. Более того, очевидно, что если эту злокачественную политическую опухоль не удалят из общественной жизни, не только не будет прогресса, но будет продолжаться движение вспять.

Внимание всей нации сосредоточено сейчас на словах и делах тех, кто выступает против решения Верховного суда о незаконности сегрегации в школах. Американский народ, который в продолжение столь длительного времени проявлял терпимость к сегрегации как к «местному обычаю», не может позволить и не позволит защитникам «джимкродуизма» подменить конституционное управление самоуправством и анархией толпы. Конфликт в настоящее время ограничивается главным образом школами. Однако конгрессмены, подписавшие «южный манифест», не ошибались, когда усмотрели в решении суда угрозу «привычкам, обычаям, традициям и образу жизни высшей белой расы». Если порочная доктрина «с равными правами, но раздельно», потерпит крах в отношении общественных школ, как сможет она оставаться законной в других областях общественной жизни?

Жребий брошен: с сегрегацией нужно покончить. «Советы белых граждан» могут подстрекать толпу к сопротивлению, южные сенаторы и губернаторы могут сколько угодно нествовать против новой «реконструкции», президент может попытаться найти другой путь, но громадное большинство американцев, от самых прогрессивных до равнодушных и пассивных, не намерено отречься от демократических традиций своей страны и отказывать в демократии соотечественникам, имеющим другой цвет кожи.

Мы сознаем, конечно, что демократическое большинство тяжело на подъем и что яд расовых предрассудков глубоко проник в нашу национальную жизнь. Федеральное правительство мало чем отличается от правительств Южных штатов: это тоже правительство белых. Ни одного негра нет среди членов всемогущего сената, и только трое значатся среди 435 членов палаты представителей. Законодательство о гражданских правах не могло бы быть провалено или выхолощено одними диксикратами без поддержки конгрессменов из других частей страны. Далее я попытаюсь рассмотреть положение негров в других районах страны, кроме Юга, здесь же достаточно сказать, что лицемерное отношение к правам негров было распространено по всей стране еще со времен провозглашения Декларации независимости, подтвердившей истину, что «все люди рождаются равными». Итак, следует признать, что если бы в дополнение к внутренним факторам не существовало никакого другого, то изменений, о которых я говорю, могло бы и не произойти.

Этот другой фактор — неумолимый, властный и непреодолимый — давление международного общественного мнения, осуждающего расизм в Соединенных Штатах. Это давление явственно ощущается в нашей национальной жизни, и как самое давление, так и осознание его неуклонно нарастают. Случай с Эмметом Тиллом, линчеванным в штате Миссисипи, и с Отерин Люси, исключенной из университета в штате Алабама, вызвали бурю негодования за рубежом. А события в Литл-Роке, о которых писалось в бесчисленных статьях, снабженных фотографиями, потрясли мир. Мировое общественное мнение сыграло важную роль в решении Верховного суда, которое встретило противодействие и неповиновение со стороны губернатора штата Арканзас. Выступая за отмену сегрегации в школах, министр юстиции Соединенных Штатов напомнил Верховному суду о том, что «существование расовой дискриминации в отношении национальных меньшинств в Соединенных Штатах оказывает вредное влияние на наши взаимоотношения с другими странами».

Есть, однако, американцы, которые недостаточно понимают, почему возникает давление. Они рассматривают его как враждебную силу, которая угрожает положению США как мирового руководителя, которое они, кстати, сами себе присвоили. Источник этого давления они усматривают в «коммунистической пропаганде» среди цветных народов, составляющих большинство населения мира. А поскольку-де давление мирового общественного мнения возникло благодаря распространению «лжи» и «клеветы»,

с ним можно покончить, лишь организовав «поход правды», который покажет, что положению американских негров следует завидовать, нежели оплакивать его.

Для большинства негров было очевидно, что это давление извне могло способствовать и действительно способствовало борьбе за наши права (о чем убедительно свидетельствует быстрая отмена сегрегации в школах, ресторанах и гостиницах Вашингтона). Но, несмотря на это, кое-кто из негритянских лидеров предложил свои услуги для «великой кампании» борьбы с этим давлением.

С довольно-таки нелестными комментариями об этих личностях недавно выступил один очеркист из газеты «Нью-Йорк Амстердам ньюз». Он писал: «Наше правительство использует в продолжение многих лет в качестве своих «послов» негритянскую интеллигенцию, артистов, проповедников и многих других негров, заставляя их по-прежнему играть роль дядюшек Томов¹. Они призваны демонстрировать за «железным занавесом» свои хорошо упитанные и прилизанные физиономии, как живое свидетельство того, что все свободны и равноправны в Соединенных Штатах и что цветной барьер — это миф».

Я не намерен здесь кого-нибудь критиковать, и я знаю, что ряд артистов, которые отправлялись в эти организуемые правительством турне, поступали так, потому что нуждались в работе. Кроме того, они хотели показать миру, что американский негр обладает талантами и достоинствами, заслуживающими уважения. Однако следует сказать, что негритянские представители, которые отправлялись за рубеж, чтобы успокоить международную общественность, громко протестующую против расизма в Америке, оказали медвежью услугу своему народу и своей стране. Провозгласить за границей, что «в США только что произошла мирная революция» и что «быть негром в Соединенных Штатах — это большая честь», — а такие слова были произнесены одним видным негритянским проповедником перед азиатской аудиторией. — значит не добиться ничего, а лишь дискредитировать себя.

Сейчас все должны признать, что всемирная пропагандистская кампания, построенная на отрицании очевидной истины, не достигла своей цели. Факты по-прежнему сильнее слов. Обвинения в том, что протесты за границей против этих заявлений провозируются «коммунистической пропагандой», говорят лишь о том, что их авторы не уважают разум и чувства не только цветных народов, но и демократически настроенных граждан всех верований и рас. Разумеется, коммунисты всего мира выступают против расизма: в этом нет ничего нового, и глупо говорить о том, что это какое-то новое оружие в «холодной войне». Каждый может пойти в библиотеку и прочитать высказывание Карла Маркса о том, что не может быть свободным белый рабочий, пока черный закабален. Утверждая, что международная общественность резко осуждает расистские зверства в Америке лишь в результате коммунистического подстрекательства, — можно только оскорбить мировое общественное мнение. Точно так же оскорбило американское общественное мнение обвинение, брошенное Истлэндом Верховному суду, что тот «оказался под влиянием доктрин левых групп».

В таком случае, чем же порождено настойчивое и неуклонно возрастающее давление в этом вопросе, идущее из всех частей света? Одна из причин его — жестокий опыт второй мировой войны, чудовищные опустошения и зверства, совершенные нацистами в их стремлении добиться мирового господства для их так называемой «избранной расы». Миллионы людей погибли, и многие миллионы испытали тяжелые бедствия. Гитлер преподавал миру жестокий урок. Мир понял, что расизм, поддержанный неограниченной властью и техникой современного промышленного государства, — это лютое чудовище, которое нельзя спускать с цепи. Но чем же отличается гитлеровская «раса господ» от истлэндской «высшей белой расы»? Кто сможет убедить европейские народы в том, что крест, поджигаемый кукуклуксклановцами в белых балахонах, чем-то отличается от свастики коричневорубашечников? Америка¹ безусловно, не фашистская страна, но укоренившийся здесь расизм и его неистовые взрывы вызывают самые худшие опасения у тех, кто пережил гитлеризм.

¹ Дядя Том — персонаж из романа Г. Бичер-Стоу «Хижина дяди Тома», имя которого стало нарицательным для обозначения покорного раба.

Те, кто говорит миру, что расизм в американской жизни — это всего лишь переходящий пережиток прошлого и что он ограничивается лишь одним районом страны, не смогут ничем объяснить позорный закон Маккаррена—Уолтера об иммиграции, принятый конгрессом после войны. Ни один из декретов нацистской Германии не был столь отвратительно расистским, как этот американский закон, который, по словам сенатора Лемана, «основан на тех же дискредитированных расистских теориях, которые легли в основу позорных «нюрнбергских законов» Адольфа Гитлера». Посмотрите, как распределены иммиграционные квоты. Из трехмиллионного населения Ирландии ежегодно к нам могут въезжать 17 тысяч; а для Индии с ее 400 миллионами квота — 100 человек! Обычно мы, негры, не задумываемся об иммиграционных законах, потому что живем здесь в течение многих веков, но среди нас есть много выходцев из Вест-Индии, и их талант, их жизнеспособность имели для наших негритянских общин большое значение. По закону Маккаррена — Уолтера — со всеми его положениями о снижении «ненормальной» иммиграции — количество негров, которые могут переехать к нам из района Караибского моря или же из других мест, резко сокращается.

После поражения гитлеризма государства объединились в международной организации, и наша страна, не входившая в старую Лигу Наций, стала ведущей силой в Организации Объединенных Наций. Основанная в Сан-Франциско, Организация Объединенных Наций разместила свою штаб-квартиру в Нью-Йорке и тем самым привлекла к Соединенным Штатам внимание всего мира. С самого начала дальновидные негритянские деятели увидели в этой организации новую возможность получить поддержку демократическим требованиям негров. Незадолго до отстранения доктора Дюбуа с руководящего поста в Национальной ассоциации содействия прогрессу цветного населения, в создании которой он принимал участие, Дюбуа обратился к ООН с призывом защитить права негров. В этом историческом документе он указывал, что расизм в Америке превратился в международную проблему. Дюбуа писал:

«Дискриминация, практикуемая в Соединенных Штатах в отношении собственных граждан, и нарушение ими собственных законов не может далее продолжаться, не нанося ущерба правам всех народов мира... Следовательно, этот вопрос, который вне всякого сомнения является в первую очередь внутренним и национальным вопросом, неизбежно становится международным вопросом, а в дальнейшем, по мере сближения народов, его международное значение будет все более и более возрастать».

Именно это и происходит сейчас. И те из нас, кто был слишком слеп, чтобы понять эту истину десять лет назад, могут прочесть ее сегодня в заголовках мировой прессы. Сама Организация Объединенных Наций отражает великие перемены, наступившие в результате сближения народов. В настоящее время в Азиатско-Африканском блоке в ООН насчитывается двадцать девять государств, и во время переключки в Генеральной Ассамблее мы слышим имена все новых и новых государств, вступающих в члены ООН. Среди них и такие африканские государства, как Гана, Судан и прочие. Подобно громадному барометру, ООН регистрирует изменяющийся климат мира по мере того, как волна колониального освобождения катится вперед.

Значит, именно здесь, в изменившейся расстановке международных сил, и находится основной источник того давления, которое побуждает нас к переменам. Эра «белого господства» — империалистического господства горстки западных держав на Востоке — быстро подходит к концу. Рождается новая эра.

Мы, негры Соединенных Штатов, так же как и негры Караибского района, — только часть поднимающихся цветных народов мира. Дело не только в расовом родстве и общих чаяниях: нас объединило самое развитие истории. Ограбление Африки европейскими государствами, в результате которого наши предки оказались на этом континенте в положении рабов, было началом эры установления белого господства над значительной частью Азии. Сейчас же, когда приходит конец этой эры, должна решиться и наша судьба.

Свобода дается дорого, а миллионы людей все еще в цепях, но они тоже тянутся к приближающемуся рассвету. В колонии Кения, например, африканские патриоты — так называемые мау-мау — преследуются, как дикие звери, а их вождь Джомо Кеньятта заключен в тюрьму. Я хорошо знал этого мужественного человека, когда жил в Лондоне. Подобно Неру в Индии и многим другим деятелям колониальных стран,

с которыми я подружился в Англии, он мечтал о свободе для своего народа. Неру был заключен в тюрьму в Индии, на долю многих тысяч других выпала такая же судьба. Но через эти тюремные стены пролегла дорога к независимости и власти, и Кенъятта еще продолжит свой путь.

Появился новый Китай — молодой по силе и древний по культуре, — мировая держава с полумиллиардным населением. Китай представляет собой слишком величественный факт, чтобы не признавать его. Однако есть некоторые упрямые государственные деятели в Вашингтоне, которые продолжают утверждать, что Китай — это лишь тот захолустный островок, где Чан Кай-ши и его стоящая вне закона банда проживают деньги американских налогоплательщиков. А вот соседи подлинного Китая в Азии — народы Индии, Пакистана, Бирмы, Цейлона, Кореи, Вьетнама, Индонезии — видят в нем могучего друга. Так, премьер-министр Индии счастлив пожать руку председателю Мао Цзэ-дуну, а премьер-министр Бирмы У Ну говорит о ведущей державе на Востоке следующее: «Хотя мы и не сторонники коммунизма у себя в стране, мы не вмешиваемся в дела Китая, который соответственно своим особым условиям предпочитает коммунизм. Коммунистические руководители в Китае ликвидировали иностранную экономическую эксплуатацию, покончили с коррупцией и взяточничеством и тем самым завоевали восхищение своих азиатских собратьев. Они строят новый мир для своего народа».

(Мы, негры, ежедневно читая в газетах нападки на новые государства, такие, как Китай, должны помнить, что то, что говорится в газетах, «совсем не непременно так»¹. Нам следует почаще вспоминать, что в свое время сказал Дуглас, защищая освободившееся Гаити от обвинений в том, что «это государство головорезов и разбойников». Он сказал также, что «белым американцам очень трудно говорить правду о цветных народах. Они смотрят на нас сквозь призму доллара».)

Вашингтон может продолжать не признавать Китайскую Народную Республику — Китай действительно очень изменился с тех «добрых старых времен», когда европейцы вывешивали в парках Шанхая таблички с надписью: «Китайцам и собакам вход воспрещен», — но свободные азиатские и африканские государства, собравшиеся на конференцию в Бандунге, пригласили новый Китай занять ведущее место в их рядах.

Давно пора руководителям негритянского движения по-новому взглянуть на события за рубежом. Нечего, подобно попугаям, вторить испуганным причитаниям вашингтонских чиновников, что Азия и Африка будут «потеряны для свободного мира». Конечно, когда колониальные народы возьмут в свои руки свою землю, свои богатства, некоторым действительно предстоит немалые потери, но что потеряют от этого американские негры? Наша задача — добиться той свободы и того уважения, которых добиваются в эти дни другие цветные народы. Мы должны думать о том, что мы сможем получить, а не сокрушаться по поводу потерь, которые могут понести белые господа!

Негритянские руководители должны хорошенько поразмыслить над недавними событиями, имевшими место в Организации Объединенных Наций. 19 сентября 1957 года господин Даллес произнес в ООН речь, и, хотя он не сказал в ней ничего нового, а по-прежнему твердил лишь о том, что в Азии и Африке коммунисты «разжигают национализм, чтобы порвать все связи с Западом», речь его широко печаталась в газетах и передавалась по радио. Зато газеты и радио замолчали выступление следующего оратора, хотя его замечания, по моему мнению, имеют историческое значение. А вслед за Даллесом ведь выступил министр юстиции Ганы — Аю Аджей (Гана расположена на западном побережье Африки, откуда родом многие из наших предков), голос этого государства — члена ООН — впервые прозвучал на Генеральной Ассамблее.

«Наш премьер-министр всегда утверждал, — заявил он, — что мы будем считать нашу независимость бессмысленной до тех пор, пока не добьются свободы и окончательного освобождения наши братья и сестры в других частях африканского континента, которые еще до сих пор борются за освобождение от колониального господства иностранных держав».

¹ Слова из песенки в опере Гершвина «Порги и Бесс».

И затем он провозгласил рождение нового дня, который наступает для всех нас.

«Мы считаем,— сказал Аджей,— что на Гане лежит особая ответственность и особые обязательства в отношении всех африканских народов и народов африканского происхождения во всем мире, которые борются за освобождение от иностранного господства и которым только из-за цвета их кожи отказывают даже в самых элементарных гражданских и политических правах, гарантируемых конституциями их государств. Я прошу всех членов Организации Объединенных Наций принять к сведению, что новое государство Гана заинтересовано в предоставлении свободы всем африканским народам и озабочено тем, что народы африканского происхождения во многих странах подвергаются жестокой дискриминации. Мы взываем к совести наций, великих и малых, и просим их присоединиться к нам в походе за соблюдение основных человеческих прав и свобод, которые закреплены в Уставе Объединенных Наций».

Будь благословен, брат мой! Я уверен, что твои слова согреют сердца сынов Африки и в нашей стране.

Да, свободные народы из семьи цветных наций — наши подлинные друзья, и их крепнущая сила — наша сила.

Когда посла Индии подвергают дискриминации в штате Техас, а в штате Делавэр подвергают дискриминации министра финансов Ганы, то они и их народы реагируют на это так же, как и мы. Конечно, им тут же приносят дипломатические извинения. Но они знают, что президент и государственный секретарь не станут приносить извинений и выражать сожалений ни тем шестнадцати миллионам негров, которые ежедневно подвергаются позорной расовой дискриминации, ни тем миллионам других граждан — американских индейцев, мексиканских американцев, пуорториканцев и народов азиатского происхождения, которые также подвергаются оскорблениям и насилию в этой «стране свободы». Именно поэтому цветные народы — две трети всего человечества — призывают к разрушению иерихонских стен¹ дискриминации.

В нашей стране существуют расисты столь твердолобые, что сама мысль о необходимости считаться с международным общественным мнением претит им. Губернатор Тиммерман из штата Южная Каролина заявил в прессе, что «Индию не волнует ни положение негров, ни положение белых... Смешно думать,— сказал он,— что индейцев беспокоят события, происходящие в Америке». И затем порекомендовал дипломатам, представляющим цветные народы, путешествуя по югу США, останавливаться «в лучших негритянских гостиницах».

Но, к счастью для нас и к еще большему счастью для всей страны в целом, правящие круги Соединенных Штатов не столь невежественны. Каковы бы ни были их личные предрассудки, люди, руководящие нашей внешней политикой, знают, что Соединенные Штаты не могут пренебречь общественным мнением за рубежом. Расовая дискриминация может стоить нам не только нашего национального престижа, она может серьезно подорвать нашу экономику. Люди, ведающие нашей внешней торговлей, зарубежными капиталовложениями и закупками сырья для нашей промышленности в других странах, придерживаются более реалистических взглядов и они более могущественны, чем такие мракобесы, как Истлэнд, Тиммерман и Фобус. По-иному наша страна должна сосуществовать с вновь появившимися нациями, если она вообще хочет существовать, и можно не сомневаться в том, что власти предрержащие будут вынуждены приспособиться к новой обстановке.

* * *

Точка зрения, которую я высказал выше, сложилась не в результате слишком поспешной оценки всех перемен и текущих событий: она основана на мировоззрении, которого я придерживался в продолжение многих лет. Задолго до того, как началась «холодная война», еще во время второй мировой войны, когда наша страна была союзником СССР в борьбе против гитлеризма, я указывал на некоторые новые моменты, которые должны были привести к изменению положения моего народа.

¹ Иерихонские стены — выражение из библейского мифа; означает могучие, неприступные стены. Иерихонские стены пали от звука священных труб.

В интервью, опубликованном в газете «Нью-Йорк таймс» 12 апреля 1944 года, я говорил:

«Негритянская проблема в нашей стране — это очень серьезная проблема. Мы, американцы, критикуем многие нации. Мы знаем, что международное общественное мнение имеет громадное значение, несмотря на войну. Одним из важнейших условий решения негритянской проблемы у нас будет давление на Америку извне. Сейчас в армии на английском театре военных действий служит сто тысяч негров. Американцы хотели и в Европе ввести для них сегрегацию. Однако англичане настояли на том, чтобы солдаты-негры находились вместе с белыми солдатами, они не захотели сегрегации. Это свидетельствует о том, что негритянский народ может надеяться на поддержку со стороны англо-саксонского народа. Это также свидетельствует о силе международного общественного мнения».

Говоря о давлении извне, я был убежден и в том, что с точкой зрения самого негритянского народа также нельзя не считаться. Я говорил следующее:

«Совершенно очевидно, что речь идет не о войне наций, а лишь о том, что до сих пор люди делятся на свободных и несвободных. Характер американского негра изменился. Сейчас он хочет свободы. Улыбается ли он вам или нет, он думает о свободе. Старые времена эксплуатации народов прошли».

Такова была моя точка зрения более десяти лет назад, это же я утверждаю и сейчас.

Я остановился в этой главе на тех факторах, которые, по моему убеждению, дают неграм возможность добиться гражданских прав уже сейчас. Но, как мы все хорошо знаем, одной возможности еще недостаточно. Никакая ситуация, сколь бы она ни была благоприятной, сама по себе не разрешает проблемы. «Если нет борьбы, — учил нас Дуглас, — то нет и прогресса. Власть имущие ничего не уступают без боя. Так было и будет всегда».

А теперь я хочу перейти к рассмотрению задач предстоящей борьбы и выяснить, обладает ли негритянский народ достаточной силой для того, чтобы добиться удовлетворения своих требований.

Глава 5

ИСТОЧНИКИ СИЛЫ НЕГРИТЯНСКОГО НАРОДА

«Доколе же, господь, доколе же?» — этот древний вопль угнетенных часто звучит в наши дни в передовицах негритянских газет, страницы которых заполнены фоторепортажами об издевательствах, чинимых над нашим народом.

Вот, например, фотография, на которой белый расист избивает негра, и каждый его удар — это словно удар по тебе самому. Публикуются и другие ужасные фотографии: горящий крест, избитый проповедник, взорванная школа, запуганные дети, изуродованный мужчина, мать в тюрьме, семья, забаррикадировавшаяся от погромщиков, — все они рассказывают о том, что творится в нашей стране.

Доколе же? Ответ один: до тех пор, пока мы будем терпеть это. Я утверждаю, что главное зависит от нас самих. Я утверждаю, что мы сами достаточно сильны, чтобы покончить с террором и добиться для себя спокойного существования и безопасности по всей стране. Сознание этого придаст нам всем еще больше силы, смелости и решительности при разработке программы действий и воодушевит нас на претворение ее в жизнь.

Категорическое отрицание этой очевидной истины, сомнения в справедливости этого утверждения — вот еще одно препятствие на нашем пути. Твердолобые расисты, которые кричат: «Никогда!», — совершенно уверены, что сами негры не в состоянии ничего добиться. К сожалению, большинство негров действительно не осознает еще своей собственной силы и не видит, как можно добиться того, чего они так страстно жаждут. Почему возникло это широко распространенное мнение, понять нетрудно. Мы являемся меньшинством, одной десятой частью населения страны. В экономике США, в политической жизни и в социальной иерархии — то есть в тех сферах, которые американцы особенно почитают и высокое положение в которых считают признаком силы, —

в этих сферах мы находимся на положении слабых. Поэтому и делается вывод, что сами негры либо вовсе ничего не смогут изменить, либо добьются лишь очень незначительных перемен.

Однако следует помнить, что в данном случае речь идет не о меньшинстве, которое противопоставляет себя большинству. Если бы это было так, если мы хотели бы что-то захватить у этого более могущественного большинства, борьба была бы безнадежна. Но мы хотим совсем другого. Когда мы утверждаем, что действительно рождены равными, мы стремимся к получению равных и законных прав. Удовлетворение наших требований не уменьшит демократических прав белых людей, — наоборот, оно неизмеримо укрепит основы демократии для всех американцев. Мы не просим более того, что нам полагается по праву. В этом-то и заключается огромная моральная сила наших требований. Именно общепризнанная справедливость наших требований позволила нам заручиться моральной поддержкой большинства белых американцев.

Удовлетворение нашего требования гражданских прав, равных гражданским правам других американцев, само по себе еще не обеспечит нам полного равенства. Угнетение удерживало нас на самых нижних ступенях лестницы, и даже после устранения всех барьеров нам еще предстоит долгий путь вверх, чтобы достигнуть общего уровня жизни. Но равное положение, к которому мы стремимся, не может быть достигнуто без равных прав, которых мы требуем. Таким образом, завоевание этих прав не максимальная цель, а лишь минимальная необходимость. С меньшим мы не примиримся. И такого же мнения по этому вопросу придерживается отнюдь не меньшинство в нашей стране. Хотя самые ярые поборники «превосходства белых» не склонны провешивать свои убеждения путем предоставления неграм равных возможностей, но я уверен, что большинство белых американцев достаточно справедливо, чтобы не отказывать нам в этом.

Моральная поддержка американского большинства пока еще слишком слаба, но надо признать — и тогда станет ясна решающая роль самих негров, — что если негритянский народ будет решительно, со всей серьезностью и достоинством требовать предоставления ему его законных прав, то он всегда и всюду получит активную моральную поддержку американского народа.

Самым важным в событиях Литл-Рока были не действия губернатора Фобуса и жителей города и даже не распоряжения президента Эйзенхауэра. Главным было то, что девять негритянских школьников, поддержанных своими родителями, негритянской общиной и ее руководителями, решились отстаивать свое право посещать Центральную среднюю школу. Огромное мужество и достоинство этих детей, проявленные ими в защите своего требования, вызвали восхищение американского общества. Этим поступком они завоевали гораздо больше симпатии и поддержки со стороны демократически настроенных белых людей, нежели все речи о «терпимости», которые когда-либо произносились.

Литл-Рок был лишь первой стычкой в борьбе за уничтожение сегрегации в школах. Впереди нас ждут еще более серьезные испытания. Отмена сегрегации в системе школьного образования по-прежнему находится на начальной стадии, и сопротивление расистов еще не сломлено. Но пути назад нет. Поэтому наша насущная задача — подготовиться к грядущим боям.

Я говорил о тех силах, которые стоят на нашей стороне на родине и за рубежом. В чем же наша собственная сила? Нас много, мы организованны, и дух наш бодр — вот источники нашей мощи. Я объясню, что имею в виду.

Шестнадцать миллионов человек — это сила, с которой следует считаться. В самом деле, в Организации Объединенных Наций состоит много государств, население которых значительно меньше, чем численность негритянского народа. Ныне нельзя уже говорить, что негритянский вопрос касается лишь одного района США: постоянное и массовое переселение с Юга распространило негритянскую общину по всей их территории и сконцентрировало значительное количество негров в районах, которые в экономическом и политическом отношении являются наиболее важными районами страны. В последние годы много писалось о том, что большое число негритянских избирателей

в таких центральных штатах, как Нью-Йорк, Огайо, Пенсильвания, Мичиган, Иллинойс и Калифорния, имеет серьезное стратегическое значение. Однако в целом можно сказать, что мы ни в каких действиях не проявляем той силы, которую придает нам наша численность.

В последнее время в газетах и журналах часто печатают фотографии негритянской семьи — мужа, жену, их детей, столпившихся около только что купленного или же снятого в аренду нового дома. Эту семью уже окружили сотни тех, кто ненавидит негров. Они собрались, чтобы бросать камни, выкрикивать грязные ругательства и угрожать убийством и поджогом. Иногда при такой сцене присутствует и полицейский. Но здесь нет кого-то, кому следовало бы быть и чье отсутствие заставляет с тревогой спрашивать: где же другие негры? Где те сотни и тысячи других негров этого города, которые обязаны защитить своих собратьев? В таких сценах не видно, что нас, негров, много. А как бы наше присутствие, да еще если бы нас собралось много, изменило бы всю ситуацию! Легко терроризировать несколько беззащитных людей, когда соотношение сил тысяча к одному в пользу бесстыдно свистящих и вопящих расистов. При другом соотношении сил они ведут себя совсем иначе.

Конечно, я не предлагаю, чтобы негритянский народ вводил законы насильственным путем. Но у нас есть право и, более того, обязанность мобилизовать силы и поддержку всей нашей общины для защиты жизни и собственности каждой семьи. В самом деле, закон будет действовать во сто крат быстрее, если на его защиту встанет весь негритянский народ. Для крупных негритянских общин, разбросанных по всей стране — в Чикаго, Детройте, Нью-Йорке, Бирмингеме и в других районах, — настало время доказать, что они не потерпят больше самоуправства толпы против одного из них.

Перечисляя неотъемлемые права человека, Томас Джефферсон поставил слово «жизнь» на первое место перед словами «свобода» и «стремление к счастью». Для американских негров сегодня должно быть ясно: первым должен быть разрешен вопрос личной безопасности. Когда негру говорят: «Знай свое место», — в этом всегда скрыта угроза, и не последуй он такому совету, против него используют насилие толпы. Я считаю, что теперь необходимо внушить и доказать всем, что мы больше не потерпим насилия толпы. И если негритянское население хотя бы одного города сплоченно ответит на бандитские выходы массовыми демонстрациями, забастовкой, бойкотами — этот смелый отпор послужит уроком расистам всей страны.

Блестящей идеей была организация Крестового похода за свободу в Вашингтон 17 мая 1957 года в связи с третьей годовщиной решения Верховного суда. Тысячи людей, которые собрались там, были воодушевлены чувством солидарности. Их глубоко тронули произносившиеся речи. Можно гордиться тем, с каким достоинством и в каком образцовом порядке было проведено это собрание. Однако же число собравшихся никак не отражало нашу действительную силу, и это вызвало серьезное разочарование. Впоследствии в прессе выдвигались, а потом столь же горячо отвергались обвинения, что ответственные руководители «пальца о палец не ударили» в подготовке этого похода. Но нет никакой пользы разбирать здесь все эти споры. Надо отметить только одно: когда мы снова созовем людей в такой поход, — а это необходимо сделать в ближайшие три года, — то надо приложить усилия и собрать на демонстрацию не десятки тысяч, но сотни тысяч людей. Тогда всем станет ясно, что шутить мы не намерены. И нельзя только выслушивать речи, а затем спокойно расходиться по домам. Наши представители должны обратиться в Белый дом и в конгресс и, опираясь на поддержку нашего многомиллионного народа, решительно потребовать принятия действенных мер. После этого они должны вернуться к собравшимся и передать, что обещали те, кто «наверху». Тогда народ решит, удовлетворен он или нет и какие шаги следует предпринять дальше.

Времена нерешительных действий прошли. Если кто-либо опасается, что при встрече с такой делегацией какой-нибудь политикан будет «озадачен» или же озабочен тем, как бы такие действия не показались чрезмерно смелыми, — что ж, пусть эта робкая душонка отойдет в сторону. В наших рядах есть много людей, которые с готовностью пойдут «поговорить о делах» с любым или даже со всеми руководящими деятелями правительства. Мы должны осознать сами и убедить в этом всех лидеров, что мы не просим «милостей», когда требуем: пусть исполнительная власть защищает избиратель-

ные права негров в Южных штатах. И когда мы решительно выдвинем такое требование, ответом может быть только «да».

Наша сила не только в нашей численности, но и в нашей организованности. В Америке нет более крепкой организации, чем негритянская община. Некоторые говорят, что у нас слишком много организаций, слишком много церквей и вероисповеданий, слишком много братств, обществ, клубов и ассоциаций. Да, все это у нас есть в избытке, и не к чему сожалеть об этом. Особенно важно отметить столь часто отрицаемый факт, что негры могут объединяться и, сплотившись, совершать совместно замечательные дела. «Вся беда нашего народа,— как вы, наверное, часто слышали, а может быть, и сами так говорили, — в том, что мы никак не можем собраться». Но истина заключается в том, что мы собираемся и объединяемся в общества гораздо больше, чем кто-либо другой. «Наш народ еще не склонен приносить финансовые жертвы ради доброго дела», — слышим мы. И все же мы видим, что в стране многие религиозные общества, состоящие из нескольких сот бедных людей, собирают и вносят из года в год тысячи долларов на цели, которые их вдохновляют.

Негритянские общины сплочены по-настоящему. Это сильные организации. И сила их несколько не умалется от того, что их у нас множество,— они все служат удовлетворению нужд и чаяний нашего народа. В такие организации, как Национальная ассоциация содействия прогрессу цветного населения, которые не раз одерживали блестящие победы в судах, отстаивая наши права, и вообще делали много полезного, должны вступать все новые и новые члены. Они должны получать большую финансовую поддержку, чем в настоящее время. И совершенно очевидно одно: чтобы проявить нашу организованность, мы должны сплотить между собой для совместных действий все наши организации, куда входит многомиллионное негритянское население. Успешная борьба против сегрегации в автобусах в Монтгомери (штат Алабама) со всей наглядностью доказала, что для достижения общей цели можно объединить различные организации негритянской общины. Конечно, большое значение имеет руководство. Но я хотел бы подчеркнуть, что для успешной борьбы во всех других общинах существует организационная база не меньшая, нежели в Монтгомери. И кто же, видя перед собой пример того, как прекрасно была организована, продумана и осуществлена борьба за отмену сегрегации в Монтгомери, посмеет утверждать, что негры неспособны к энергичным совместным действиям? Какое другое массовое движение в нашей стране было лучше подготовлено и осуществлено?

А та роль, которую сыграли в Монтгомери церковь и ее пасторы, ярко свидетельствует о том, что негритянская церковь, занимающая видное место в нашей истории, все еще служит прочной основой для нашего сплочения. И это происходит не только потому, что ее религиозные общества очень многочисленны, но и потому, что в основном наши церкви представляют собой независимые негритянские ассоциации. Церкви и другие объединения негров — братства, женские клубы и тому подобное — будут принимать все более активное участие в руководстве движением, поскольку они стоят ближе к широким массам негритянского населения, лучше знают их нужды и слабее контролируются органами, находящимися вне негритянской общины.

Я хочу указать также на большую группу рядовых негров, которая представляет собой наиболее мощную и действенную силу в нашей общине. Это два миллиона негритянских трудящихся, участвующих в организованном рабочем движении. Мы — трудовой народ, и зарплата негритянского рабочего также служит мерилем нашего общего благосостояния и прогресса. Правительственная статистика о средних заработках показывает, что на каждый доллар, зарабатываемый белым рабочим, негритянский рабочий получает лишь 53 цента. А средняя негритянская семья имеет годовой доход в 2410 долларов по сравнению с 4339 долларами белой семьи. Борьба за равенство — это прежде всего борьба за равную оплату труда. Негры члены профсоюза должны быть основной силой, которая возглавит это движение.

Надо помнить, что в нашей общей борьбе за гражданские права негры члены профсоюзов занимают ведущее место. Составляя значительную часть общинных организаций, они вместе с тем являются самой многочисленной группой нашего народа, входящей в смешанные межрасовые организации. Следовательно, негры члены профсоюзов служат стратегическим звеном, живой связью с широкими массами простых людей Аме-

рики, которые являются нашими настоящими союзниками в борьбе за демократию. В нынешнее критическое время мы должны заручиться их активной поддержкой.

Неграм, которые участвуют в организованном рабочем движении, я бы сказал: перед вами стоит двойная задача. Негры, состоящие в профсоюзах, должны постоянно усиливать свое влияние на жизнь негритянской общины. Знания и опыт, которые вы приобрели благодаря участию в великом движении американского рабочего класса, должны стать достоянием всех церковных, братских, гражданских и общественных организаций. Вы призваны внести воодушевление, решимость, организационное мастерство и негибаемую, как сталь, воинственность в вековую борьбу нашего народа за равенство и свободу.

На ваших плечах лежит ответственность за объединение сил всего профсоюзного движения белых и черных на борьбу за освобождение нашего народа. Хотя вы все еще в основном не представлены в руководстве рабочим движением, вы должны использовать силу вашей численности для того, чтобы руководство АФТ-КПП, проявившее столько озабоченности по поводу Крестового похода за свободу за границей, не отделялось молчанием и не оставалось безразличным к Крестовому походу за свободу у нас в стране. Вы должны сплотить вокруг себя ваших белых собратьев в защиту полного равенства негритянских рабочих. Необходимо добиться равной оплаты за равный труд, бороться за искоренение «джимкромизма» в профсоюзах. Вы должны добиваться избрания из нашей среды людей, наиболее подготовленных, на руководящие посты в профсоюзах, требовать справедливого найма на работу во всех отраслях промышленности, осуществления программы образования, с тем чтобы уничтожить самое понятие «белос превосходство». Наниматели используют эту порочную идею, чтобы затуманивать умы белых рабочих и натравливать их на вас.

Я пристально следил за вашей мужественной борьбой и старался участвовать в ней повсюду. Я был вместе с работниками упаковочных предприятий Чикаго, с рабочими автомобильных заводов Детройта, с моряками и портовыми грузчиками Западного побережья, с рабочими табачных плантаций Северной Каролины, с горняками Питтсбурга и Западной Виргинии, со сталелитейщиками Иллинойса, Пенсильвании, Индианы и Огайо, с меховщиками, клерками и работниками швейных предприятий Нью-Йорка и Филадельфии, с рабочими многих других районов нашей страны. И я убежден, что вы справитесь с задачей, стоящей перед вами сегодня.

Все группы населения, сочувствующие негритянской общественности, должны понять, что лишь согласованность действий даст нам возможность полностью использовать силу наших организаций.

Мы хорошо знаем, что осуществить это нелегко. Нас разделяет многое — политические взгляды, религиозные верования, принадлежность к разным экономическим и социальным группам. Кроме этих разногласий, существуют и другие препятствия на пути объединения. В их числе — личные честолюбивые стремления и соперничество различных лидеров. Но в последнее время по всей стране — от Нью-Йорка до Калифорнии — я замечаю растущее недовольство масс мелким тщеславием и крохоборством этих людей. Я вижу, как растет негодование по поводу контроля над нашими делами со стороны белых, независимо от того, выражается ли он в грубых приказах политических боссов или же завуалированно — в форме «советов» белых либералов, которые должны приниматься во внимание. Быстро растет и сознание того, что, вопреки всем нашим разногласиям, нам необходимо объединиться, и я полагаю, что сила этой идеи преодолет все барьеры. Согласованные действия, безусловно, не придут сразу: они будут возникать в «низах» и распространяться вширь от общины к общине. Достичь такого единства — это задача, в решении которой может принимать участие каждый из нас, где бы мы ни находились.

Объединенный народ нуждается в объединенном руководстве. Сейчас я поясню, что я имею в виду. Недавно видный негритянский журналист Карл Роуэн, опубликовавший в журнале «Эбони» интервью со мной, был сам проинтервьюирован по этому вопросу по радио, и он сказал: «Робсон утверждает, что негры не обретут свободы в нашей стране до тех пор, пока они не заговорят в один голос, и, совершенно очевидно, Робсон считает, что этот голос должен быть чем-то близким к его голосу».

В действительности это не то, что я думаю, и я бы не хотел, чтобы господин Роуэн или кто-либо другой неправильно истолковал мою точку зрения по этому вопросу. Толос, которым нам следует говорить, должен выражать мнение всего нашего народа об основной, первостепенной проблеме — о нашем праве быть свободными и равными. По многим другим вопросам среди нас существуют большие разногласия, а следовательно, будет неверным, если кто-нибудь один или даже группа людей осмелится говорить за всех нас.

Совсем не претендуя на подобную роль, я защищаю противоположную идею! Я выступаю в защиту единства, основанного на общих взглядах, связывающих нас как негров; единства не по партийной принадлежности; единства, которому мы подчиним все, что нас разделяет; единства, которое не исключает никого; единства, в котором ни одной части, ни одной группе не будет позволено навязывать другим свои взгляды. Объединенное руководство объединенным движением означает, что представители всех политических взглядов — консерваторы, либералы и радикалы — должны быть в нем представлены. Пусть будет только одно требование, не терпящее исключений: чтобы негритянское руководство и каждый мужчина и каждая женщина в руководстве ставили интересы своего народа и борьбу за эти интересы превыше всего.

В настоящее время ощущается настоятельная необходимость в созыве национальной конференции негритянских руководителей — не горстки людей, а широкого представительного собрания руководителей от всех частей страны, от всех слоев населения, представителей всех взглядов для выработки общей программы действий американских негров в современных условиях. Такой программы у нас пока нет, а без нее мы подобны кораблю без руля, мы можем лишь барахтаться в наших повседневных заботах, довольствуясь удовлетворением крохоборческих требований. Мы должны наметить курс, которого нам следует придерживаться в эти штормовые дни и в грядущие бури, курс, который приведет нас к свободе.

В различных редакционных статьях в прессе и в другой форме часто высказывались пожелания создать центральный фонд не только для юридической защиты прав, но и для всех других, служащих консолидации и согласованности действий негров. И национальная конференция, о которой я говорю, могла бы решить эту насущную проблему. Центральный фонд мог бы стать «копилкой общины» для оказания помощи в борьбе негров во всех частях страны. Не принадлежа к какой-либо партии, не состоя под контролем какой-либо одной организации, этот фонд стал бы национальным учреждением всего нашего народа, и хорошо организованная кампания по его созданию нашла бы самый широкий отклик у негритянской Америки. Более того, такой фонд, без сомнения, получил бы значительную поддержку со стороны белых, сочувствующих нашей борьбе.

Если в нашей борьбе мы должны смело опираться на силу нашей численности, то нам следует так же широко и смело опираться на силу нашей организованности.

Сила духа, которой располагает наш народ, неосвязаема, но это великая сила, которую нужно использовать до конца в нынешних битвах. Дух непреклонной решимости, внутренний подъем перед лицом испытаний, — это свойство нашего народа, его душа. Она формировалась и крепла в долгие и трудные годы нашего движения к свободе. Это бессмертный дух наших героев — Дугласа, Табмена и других, которые в прошлом вели вперед наш народ. Это также дух миллионов людей, которые упорно, «дойдем за дюймом», двигались к заветной цели. Этот дух живет в песнях нашего народа — в возвышенной мелодии «Глубокой реки», в мобилизующей силе «Лестницы Иакова»¹, в воинственности «Иисус готов к битве под Иерихоном»², в волнующей красоте наших религиозных песен.

¹ В основе песни «Лестница Иакова» лежит библейское сказание о сневидении Иакова, которому привиделась лестница, стоящая на земле и достигающая неба. Образ этот стал поэтическим символом будущего.

² «Иисус готов к битве под Иерихоном» — в песне имеется в виду библейский миф о воинстве Иисуса Навина, осаждавшем стены Иерихона. Эта религиозная песня стала песней борьбы американских негров, воспринимающих образ иерихонских стен как символ рабства.

Он живет в каждой негритянской матери, которая мечтает, чтобы ее ребенок «вырос и стал человеком», он живет в наших простых людях, со спокойным мужеством и оптимизмом встречающих ежедневные оскорбления и надругательства. Он воодушевляет наших атлетов, артистов и всех тех, кто принимает участие в общественных выступлениях. Он живет в маленьком Джеймсе Гордоне из города Клей в штате Кентукки, который на вопрос корреспондента, почему он хочет учиться вместе с белыми детьми, ответил: «А, почему бы и нет?» Этот дух живет и во всех других школьниках Юга, которые, под стать отважным героям, пробивались к своей школе сквозь угрожающую им толпу. Этот дух живет и в пожилой женщине из города Монтгомери, которая так объяснила свое участие в бойкоте автобусов: «Когда я ехала в сегрегационном автобусе, душа моя шла пешком, а сейчас я хожу пешком, но душа моя летит вперед!»

Да, сила духа — это гордость и слава моего народа! И во всей Америке вряд ли найдется другая такая человеческая сила, которая сломала бы ее. Это сила добра, в ней нет места для ненависти. Сила духа облагораживает, она утверждает справедливость, равноправие, человеческое достоинство и ведет к осуществлению вековых наших чаяний. Она имеет глубокие корни и достигает высочайших вершин самых благородных устремлений человечества. Сейчас пришла пора призвать эту силу и использовать ее во всей нашей деятельности, ибо эта сила могущественнее всех наших врагов, и она восторжествует над их злыми делами.

Чтобы действия негров стали более решительными, надо, кроме благоприятных условий и тех источников силы, о которых я говорил выше, еще располагать также деятельным руководством.

Нет нужды уделять внимание отдельным личностям — хвалить или ругать людей, которые в настоящее время занимают руководящее положение в наших рядах. Критическую оценку своим руководителям должен дать сам негритянский народ. Я же хотел бы рассмотреть не ту или иную личность, а скорее принципиальную постановку вопроса. Я хотел бы сказать о том, какими мерками следует измерять характер руководителей, в которых мы нуждаемся в настоящее время.

Термин «руководство» используется для выражения множества различных концепций, и многие из его значений не имеют ничего общего с тем, что имею в виду я. Люди достигают известности в силу различных причин, и часто личности, поднявшиеся по общественной лестнице выше других, называются лидерами, хотя их поведение показывает, что главное для них заключается лишь в личном продвижении, и чем выше они поднимаются над всеми остальными неграми, тем больше им это нравится. Кроме того, у господствующей группы белых стало традицией назначать определенных людей в качестве «негритянских лидеров» как в местных общинах, так и в общенациональном масштабе, независимо от того, как сами негры относятся к этому. Тем самым они пытаются внушить нашему народу, что негритянские руководители — это то, чем могут одарить негров белые люди в порядке милости или что могут отобрать у них в наказание.

Моя же концепция не имеет ничего общего ни с широкой популярностью, ни с личными заслугами, ни с доверием у властей предрержащих. Меня больше интересует вопрос о негритянском руководстве в борьбе за права негров. Этот вопрос касается и тех, кто непосредственно ведает организациями, созданными для такой борьбы, и многих других — руководителей негритянских церквей, братских и гражданских организаций, негритянских представителей в правительстве, профсоюзных работников, а также лиц, чья деятельность или же бездеятельность непосредственно сказывается на нашем общем деле.

Всецело посвятить себя борьбе за благосостояние своего народа — вот к чему должны стремиться негритянские деятели. У каждого негра могут быть самые различные интересы в жизни, однако для подлинного руководителя все должно быть подчинено интересам тех, кем он руководит. Если сегодня негритянский народ Соединенных Штатов в своем развитии отстает от прогресса, достигнутого цветными народами в других странах, то одна из основных причин этого заключается в том, что слишком часто наши негритянские деятели не отдавали себя беззаветно борьбе за благосостояние своего народа, как это делали лидеры движения за освобожденные колоний. Не одобряя того, что некоторые из наших руководителей не только не готовы идти на

жертвы, но прежде всего ищут выгоды для себя во всем, что они делают, мы все же часто миримся с этим. Жалкие крохи, добытые для небольшой группы, часто превозносятся как «прогресс расы». Чтобы быть свободным, нужно не бояться жертвовать жизнью ради свободы. Может быть, лишь от немногих требуется эта высшая жертва, а может быть, она не потребуется ни от кого из нас, но надо всегда помнить, что в жестокой борьбе люди, стоящие впереди, часто принимают на себя всю тяжесть первого удара. Тот, кто не готов встретить испытания битв, никогда не сможет повести к победе. Как я уже говорил, неграм присущ дух служения народу, но завоевать себе права не легко до тех пор, пока эта преданность интересам народа не найдет более яркого выражения в нашем руководстве.

Готовность посвятить себя борьбе на благо негритянского народа — лишь одна сторона медали. Независимость руководителя — вот ее другая сторона. Подлинное руководство должно опираться на волю своего народа и отвечать перед ним за свои действия. У нас есть союзники, верные союзники среди наших белых сограждан, и наша задача побудить их активно участвовать в нашей борьбе. Мы должны привлекать на свою сторону новых и новых союзников. Но во главе движения негритянского народа должны — и не только на словах — стоять негры. Хороший совет нужен, откуда бы он ни исходил, и помощь необходима и будет оценена, кто бы ее ни предлагал, но негритяские действия не могут быть решительными, если упряжкой правят «советники» и «помощники». И как бы они ни были доброжелательны, совершенно очевидно, что наши интересы для них даже в лучшем случае будут стоять на втором плане.

В настоящее время такой постоянный контроль подрывает независимость негритянского руководства, его способность к успешным действиям. Я не имею в виду все уменьшающуюся группу современных дядюшек Томов, которые бесстыдно служат даже Ислэнду. К счастью, они уже не имеют большого значения. Я имею в виду скорее тех негритянских руководителей, которые считают, что полагаться следует лишь на белых, а не на негров. Эта концепция стала традиционной со времен Букера Т. Вашингтона, и она нашла много сторонников среди тех, кто в общем отвергает идею «белого превосходства». Даже Маркус Гарвей¹, ставший лидером массового национального движения 1920-х годов и призывавший к тому, чтобы негритянские народы мира «шли вперед навстречу своей судьбе, творцами которой являются они сами», одновременно верил, что белые должны все возглавлять. В самом деле, никому не удалось ярче Гарвея выразить эту мысль. В своей статье «Место негров в мировой реорганизации» он писал:

«Белый американец стал во главе мира. Он в силу своего высокого положения призван содействовать всем человеческим стремлениям. Целые народы и отдельные люди взывают к нему о помощи во всех делах своих. Только с его благословения могут решаться судьбы мира».

Многое изменилось с того времени, когда были написаны эти слова, и у меня нет никаких сомнений, что, если бы Гарвей был сейчас жив, он бы признал, что «белый американец» уже более не всемогущ и что цветные народы мира устраивают свою жизнь независимо от «его благословения».

Во времена Букера Т. Вашингтона считалось, что без сочувствия белых правителей Юга нельзя обойтись; сейчас же полагают, что надеждой негритянского прогресса может быть только добрая воля либеральной части господ Севера. Многие негритянские руководители действуют или же уклоняются от действия, руководствуясь именно этим принципом. Отвергая точку зрения «белый всегда прав», они по существу признают ее в форме «сильный всегда прав». А так как этот взгляд господствует среди негритянских руководителей, им и недостает главного — самостоятельности действий, без чего руководство не может быть эффективным.

Самоотверженность и независимость — вот что нам сейчас действительно необходимо!

От руководителей требуются и многие другие качества, присущие нашему народу. У нас много высококвалифицированных специалистов в области юриспруденции, во внутренней политике и в гражданских делах; у нас есть замечательные ораторы,

¹ Маркус Гарвей — инициатор движения негров за возвращение в Африку.

талантливые организаторы и опытные посредники в переговорах с представителями власти. Выделяя самоотверженность и независимость как качества, особенно необходимые для блага негритянского народа, я нисколько не хотел умалять значение других качеств, ему присущих. Есть много беззаветных и независимых руководителей в местных общинах. Победа негров (их численности, их организованности, их духа) в городе Монтгомери — результат того, что негров здесь возглавляли настоящие руководители.

Вся страна была свидетелем героической самоотверженности многих руководителей Юга, которые, рискуя жизнью и всем своим достоинством, руководили борьбой негритянского народа. В наших рядах есть много людей, которых следовало бы выдвинуть в руководство национальным движением негров, ибо своей деятельностью они завоевали право на это.

Мы должны расширить самое понятие «руководства» и добиться того, чтобы все слои негритянского народа были представлены в высших руководящих органах. Наверху должно быть место и людям из низов. Я имею в виду большинство наших граждан, которые трудятся на заводах и на полях. Они выражают взгляды народа, его чаяния, мысли, мудрость. Эти люди могут проявить свои способности не только за молотом и плугом. Они нам нужны и в руководящих органах, нужны срочно.

Нам нужны также и активные женщины. Кто лучше потомков Гарриетты Табмен, Соджорнер Трут и Мэри Черч Террел знает, что и наши женщины часто возглавляли борьбу. Негритянские женщины дают нам много вдохновляющих примеров непреклонной самоотверженности и хладнокровного мужества, они не сгибаются и под прямым огнем противника и отлично руководят борьбой нашего народа. В этом также заключается важный источник новых сил и боевой активности негритянского руководства.

Но если в наших рядах есть люди, достойные выдвижения на руководящие посты, то есть и такие, которых следовало бы отстранить от руководства. Я уже говорил ранее в другой связи, что негритянский народ терпелив и способен долго нести бремя невзгод, иной раз непростительно долго. Часто недостойные лидеры уходят от ответственности, что бы они ни натворили. Получается так, словно высокий пост руководящего деятеля снимает с него всякую ответственность перед своим народом. Вероятно, эта дурная традиция сложилась в годы политического предательства, когда стало обычным, что обещания нарушаются сразу же по окончании выборов.

Но в наши дни мы должны стать менее терпимыми и более требовательными ко всем негритянским руководителям, чтобы они делали то, что нужно. Мне вспоминается, в частности, случай с одним видным негритянским лидером из большого города на севере США, который, в то время как толпы преграждали путь негритянским детям в школу в Литл-Роке и избивали негритянских корреспондентов, встал перед своими согражданами и сказал: «Мы не можем применять силу против силы. Ни при каких обстоятельствах нельзя пускать в ход федеральные войска. Это было бы признанием нашего морального упадка, это низвергло бы США в пучину второй гражданской войны, это подорвало бы основы демократии и лишило бы ее благ наше, а возможно, и все грядущие поколения». И едва лишь были произнесены эти слова, столь лишенные какой-либо заботы о своем народе и всякого уважения к правде, как президент направил туда федеральные войска! И что же? Гражданская война не началась, демократия получила новое право на жизнь, толпы расистов были рассеяны, негритянских детей солдаты сопровождали в школу. Так впервые с 1867 года законная сила федерального правительства была использована против преступных действий белых расистов Юга.

Когда негритянский руководитель в подобных случаях решительно выступает против того, что ему следовало бы защищать, и дает понять, что у него есть иные интересы, помимо интересов его народа, — что же, так называемые искушенные в политике люди могут сказать: «Но это же политика, забудем об этом!» Но так называемые неискушенные в политике не разделяют подобной точки зрения. Как могут руководить нами люди, которым с нами не по пути?

Есть и другие, несомненно, честные люди, которые искренне заботятся о благе своего народа, но которые, однако, считают, что долг руководителя — отговаривать негров от массовых выступлений. Они полагают, что самых лучших результатов можно

добиться путем ведения переговоров. И когда происходит событие, возбуждающее народные массы, и народ в справедливом гневe требует начала боевых действий, такие руководители считают своим долгом охладить их пыл.

Нечто подобное случилось совсем недавно, когда в ответ на зверское линчевание молодого негра Эмметта Тилла по всей стране от побережья до побережья прокатилась волна народного гнева. На одном из массовых митингов протеста, которые проходили в то время, я услышал, как один из наших самых выдающихся лидеров обратился к собравшимся со следующими словами: «Вы сегодня разгневаны, но вы ничего не предпримете. Я знаю, что вы ничего не предпримете. Вы призываете к походу в Вашингтон, но никто из вас не примет в нем участия. А поэтому давайте прекратим разговоры о походе. Внесите лучше доллар в фонд нашей организации и положитесь на ваших лидеров. А если вы хотите сделать что-нибудь сами, пусть каждый из вас пойдет к лидеру демократической партии своего округа и поговорит с ним».

Что подумают прихожане о своем пасторе, если он не найдет ничего лучшего, как сказать: «Все вы — стадо грешников, и ничто вас не исправит. В вас нет ничего хорошего, и я это знаю. Так что, братья и сестры, положите-ка лучше ваши пожертвования на тарелку, идите домой и предоставьте мне все заботы о спасении ваших душ».

Нет, руководитель должен вдохновлять народ, а не расхолаживать; он должен плачивать его, а не разгонять. Трус не может нести знамя свободы.

Переговоры в защиту наших прав, конечно, надо вести, но если люди, ведущие переговоры, не имеют поддержки со стороны поднявшегося на борьбу народа, их самые убедительные требования будут бесполезны. Чтобы действия негритянского народа были эффективными — а они могут быть такими, — они должны быть массовыми. И избирательное право может принести пользу только в том случае, если широкие массы избирателей объединены на основе общей программы. Совершенно очевидно, что если одна половина негров голосует «за», а другая «против», то этим вряд ли чего достигнешь. Отдельные голоса подаются и подсчитываются, а сила коллектива пропадает впустую. Массовые выступления в политической жизни и в любых других областях — это сила негров в действии, и это путь к победе.

Сегодня перед нами стоит важная и неотложная задача — все как один мы должны встать на защиту своих прав. Мы должны пресечь попытки белых расистов уничтожить Национальную ассоциацию содействия прогрессу цветного населения на Юге. В Южной Африке пресловутый «Закон о подавлении коммунизма» используется для борьбы с освободительным движением. Подобно этому, враги свободы негров в нашей стране обвиняют Национальную ассоциацию в «подрывной, заговорщической деятельности». Эта организация была запрещена законом в штатах Луизиана, Техас и Алабама. Деятельность ее юридически ограничена в штатах Джорджия, Виргиния, Южная Каролина и Миссисипи. С целью пресечения ее деятельности, как и в Литл-Роке, используются постановления городских властей.

Равнодушие, с которым различные негритянские организации отнеслись к закрытию в 1955 году Совета по африканским делам, ложно обвиненного в участии в «коммунистическом фронте», не должно быть проявлено в отношении судьбы Национальной ассоциации. Обвинения в «прокоммунистической» деятельности, выдвинутые против этой организации, — чистейшая выдумка. Это хорошо известно их авторам. Те же представители негритянского руководства, которые в прошлом прибегали к взаимным обвинениям в «прокоммунистической деятельности» как к «мудрой» тактике, должны осознать, что подобные методы служат прежде всего интересам самых злейших врагов нашего народа.

По всему Югу — в Литл-Роке, Монтгомери и в других районах — руководители отделений Национальной ассоциации содействия прогрессу цветного населения в столицах штатов и в других городах своей героической работой вдохновляют всех негритянских деятелей. Всем нам, всему негритянскому народу США нужно сейчас объединиться, чтобы поддержать их борьбу и защитить их.

* * *

Мои мысли о силе негритянского народа, об источниках этой силы и о том, как надо им руководить, я предлагаю на рассмотрение и обсуждение. Это надо сделать немедленно, потому что быстрое развитие событий требует ясности перспектив и единства действий. Безусловно, один человек не может ответить на все вопросы, а поэтому разработка нашей программы действий должна осуществляться коллективно. Она должна проходить в духе готовности к взаимным уступкам, в духе примирения острых разногласий. Каждый из нас должен подчинить узкогрупповые интересы интересам негритянского движения в целом. Мы, негры, должны найти в себе силы отбросить все, что нас разделяет, и сплотиться. Наше единство укрепит позиции наших друзей и позволит нам привлечь на нашу сторону много новых союзников. Наше единство ослабит наших врагов, которые уже сознают свою обреченность.

Быть свободными, чувствовать себя равноправными гражданами на прекрасной американской земле, жить без страха, наслаждаться плодами своего труда, открыть перед нашими детьми все дороги — все это не только мечты, которые мы так долго вынашивали в своих сердцах, это наш завтрашний день, дело наших рук.

Э п и л о г

НАШИ ДЕТИ, НАШ МИР

В свете настольной лампы я с радостной улыбкой рассматриваю газетные фотографии наших героев — школьников Литл-Рока. В их ясных торжественных лицах я вижу чудесное знамение времени — знамение, вселяющее светлые мечты и надежды... Вот их имена — имена героев: Элизабет Экфорд, Карлотта Уоллз, Минни Джин Браун, Глория Рэй, Тельма Мазершед, Мельба Пэтिलло, Джефферсон Томас, Терренс Робертс и Эрнст Грин. К этому списку можно было бы добавить имена всех других негритянских детей Юга, которые вписали новые страницы в великую эпопею мужества и борьбы за человеческое достоинство. Топот ног негритянских ребятишек, которые уверенно шагают в школу, преодолевая все барьеры дискриминации, слышится все явственней и явственней, он сливается с победным маршем воинства Иисуса Навина¹, и поступь их сотрясает мир.

Дорогие дети из Литл-Рока! Вы, ваши родители и негры вашей общины наполнили сердца всего негритянского народа радостью и возродили нашу уверенность в том, что мы обречем свободу. Вы — гордость и слава нашего народа, и сердце мое поет от теплой и нежной любви к вам. Наша страна не станет действительно великой и прекрасной до тех пор, пока вам и всей молодежи не дадут возможности свободно расти и развиваться, чтобы принести свои силы и талант на алтарь отечества.

Вы — наши дети, но весь мир справедливо считает вас своими детьми. Во всем мире люди смотрят на ваши лица и лица тех, кто преследует вас, и они на вашей стороне. Каждый отец, каждая мать хотят, чтобы их дети были такими, как вы, школьники Литл-Рока. Вас благословляют все добрые люди на земле.

Это и твои дети, Америка, и ты должна гордиться ими. Мечта Америки — мечта Джефферсона и Линкольна, Эмерсона и Твена, — благодаря им обрела новую жизнь. Этим детей нужно заботливо растить, ибо в них не только воплотились надежды и чаяния моего народа, с ними связана судьба демократии в Америке.

...Я отрываю взгляд от стола, смотрю через высокие окна своей комнаты на небо над Гарлемом и задумываюсь еще над одним чудесным знаменем нашего времени. Там, высоко в небе, мерцают звезды, с удивлением рассматривая двух новорожденных младенцев Матери-Земли — две маленькие луны, сделанные руками человека, которые весело летают вокруг Земли. И я снова улыбаюсь от сознания того, что где-то высоко над головой проносятся спутники, утверждающие великую истину: нет таких высот, которых не достигло бы человечество! Я думаю о своих

¹ Воинство Иисуса Навина — распространенный образ из песни американских негров, связанной с легендой об осаде Иерихона воинством Иисуса Навина.

друзьях, о людях Советского Союза, руки и мозг которых сотворили это чудо, открывающее человеку безграничные просторы космоса.

Когда было сделано первое колесо, когда была напечатана первая книга, нашлись люди, которые усмотрели в новых изобретениях опасность. И в наше время в нашей стране есть такие зловещие пророки, которые утверждают, что спутники представляют угрозу для Соединенных Штатов. Какая чепуха! Спутники Земли — это триумф всего человечества, новый огромный скачок науки и техники. Они призваны улучшить жизнь всех народов. Может быть, некоторым сторонникам политики «на грани войны», генералам-джингоистам¹ показалось, что сигналы спутника говорят: «Мелкие людишки, забудьте о ваших безумных планах войны!» Что ж, если они поняли сигналы спутника именно так, — это только к лучшему.

И умные люди и глупцы не могут не видеть, что на Востоке поднялась новая звезда мира: спутник говорит нам, что войны не должно быть и что народы должны найти путь к мирному сосуществованию, говорит о том, что Соединенные Штаты и Союз Советских Социалистических Республик должны установить дружественные отношения и обеспечить мир во всем мире.

В негритянских газетах, которые лежат на моем столе, я читаю об этих знамениях нашего времени — о маленьком Литл-Роке и маленской луне. В передовицах и в письмах в редакцию негры пишут о серьезной угрозе миру и человечеству: о расизме. Они клеймят расизм, ибо расизм — враг прогресса человечества. Создание спутника стало возможно благодаря такой системе образования, которая открывает двери учебных заведений для всех национальностей. Негры обвиняют свою страну в том, что она позволила расизму закрыть перед негритянскими детьми дорогу к равному образованию. Это стало препятствием на пути Америки к новым научным достижениям.

Привет тебе, маленький спутник! Миллион благодарностей за то послание, которое получил от тебя мой народ! Я уверен, что ты принесешь нам еще много хорошего.

Мир! Да, это самое главное. Если будет обеспечен мир, расцветут все народы и расы. Когда Человек отправится в путешествие по дорогам, освещаемым сиянием этих маленьких лун, он взглянет вниз на Мать-Землю и с великой любовью и гордостью за все человечество скажет то, что сказал Шекспир о своей родине: «Это счастливое племя людей, этот маленький мир...»

Думы мои обращаются к выдающемуся поэту нашего времени, чилийскому поэту Пабло Неруде, который в заключительных строках своей эпической поэмы «Пусть проснется лесоруб» обращается также и ко мне:

...О всей земле будем думать
и гневно стучать кулаком.
Я не хочу, чтоб кровь пропитала
музыку, хлеб и бобы,
а хочу, чтоб со мною в кино
пошел бы простой горняк,
девушка, адвокат и матрос,
и кукольный мастер.
Вместе с ними я выйти хочу —
красного выпить вина...
Я пришел сюда, чтобы петь
и чтоб ты пел со мною вместе².

*Перевели с английского
В. Бакаев и А. Ульянов.*

¹ Джингоизм (англ.) — воинствующий шовинизм.

² Перевел С. Кирсанов.

НА ЗАРУБЕЖНЫЕ ТЕМЫ

Ф. ЗАПОРОЖСКИЙ

★

ЗАМЕТКИ О ЯПОНИИ

НЕМНОГО ГЕОГРАФИИ, ИСТОРИИ И ПОЛИТИКИ

Япония — близкий сосед Советского Союза. Шестнадцать километров — пролив Немуро, узкая полоска воды, — вот что отделяет японскую землю острова Хоккайдо от советской земли Курильского архипелага. Соседям должно жить в мире и дружбе. Но в течение одиннадцати лет после окончания второй мировой войны Япония, находясь в иностранной зависимости, была искусственно изолирована от соседних государств, с которыми она прежде поддерживала традиционные, исторически сложившиеся экономические и культурные связи. Вокруг Японии создавалась глухая стена, отделявшая страну от международной жизни. Это ненормальное положение, разумеется, не могло долго продолжаться, оно противоречило национальным интересам японского народа, не соответствовало развивающимся международным отношениям, не отвечало духу времени. Естественное развитие сильного и экономически высокоразвитого государства не могло не вызвать стремления его здоровых сил найти выход из той насильственной изоляции, в которой его старались держать определенные иностранные круги.

Советским людям памятно пребывание в Москве японской правительственной делегации во главе с видным деятелем, бывшим премьер-министром Японии Ициро Хатояма. Выступая в Кремле на приеме по случаю подписания Совместной декларации, Хатояма отметил, в частности, что «теперь Япония полностью вернется в международную семью и сможет еще больше способствовать укреплению мира, что я и весь японский народ приветствуем с большим удовлетворением. Я уверен в том, что весь мир также присоединится к этому».

* * *

Взаимоотношения Советского государства и Японии в прошлом развивались, к сожалению, не всегда нормально.

Японские империалистические силы в течение многих десятилетий настойчиво осуществляли политику экспансионизма и агрессии. Тяжелый след оставило в памяти русского народа неожиданное нападение Японии на Россию в 1904 году. Своими вероломными действиями Япония нарушила договоры, заключенные ею с Россией в 1855 и 1875 годах. Япония отторгла от России половину острова Сахалин и навязала ей ряд тяжелых и несправедливых условий, которые были записаны в Портсмутском мирном договоре.

И после Великой Октябрьской революции агрессивные круги Японии, продолжая ту же политику, стремились расширить свою территорию за счет земель Советского Союза и Китая. Япония вместе с другими державами приняла участие в интервенции против Советского Союза, нарушила договор 1905 года, незаконно оккупировала Северный Сахалин и советский Дальний Восток. Провал этой оккупации ничему не научил японских милитаристов. Они и в последующие годы не унимались и продолжали создавать пограничные конфликты, дважды развязав вооруженные действия — сначала в районе озера Хасан, а затем в районе реки Халхин-Гол. Все эти попытки неизменно кончались поражением.

Такая же участь постигла и те планы японской вооруженной агрессии, которые были направлены против ее великого соседа — Китая. Бывший премьер Танака в меморандуме японскому императору так сформулировал этот чудовищный захватнический план: «Ради самозащиты и ради защиты других Япония не сможет устранить затруднения в Восточной Азии, если не будет проводить политики «крови и железа»... Чтобы завоевать мир, мы должны сначала завоевать Китай. Если мы сумеем завоевать Китай, все остальные азиатские страны и страны Южного моря будут нас бояться и капитулируют перед нами... Имея в своем распоряжении все ресурсы Китая, мы перейдем к завоеванию Индии, Архипелага, Малой Азии, Центральной Азии и даже Европы. Но захват в свои руки контроля над Манчжурией и Монголией является первым шагом, если раса Ямато желает отличиться в континентальной Азии»¹.

Разумеется, этим бредовым планам не суждено было сбыться. Народ Китая отстоял свою независимость в борьбе с внешним врагом, сокрушил силы внутренней реакции, совершил революцию, создал могучую Китайскую Народную Республику.

Военные авантюры японских империалистических агрессоров причинили колоссальный ущерб и горе миролюбивым народам, подвергшимся нападению. Но и народ самой Японии тоже жестоко пострадал. Даже по официальным данным, за время войны свыше полутора миллионов японцев было убито и более трехсот тысяч искалечено и пропало без вести, не говоря уже о неисчислимых материальных жертвах. Японцам пришлось испытать то, чего не знали народы других стран. Взрывы американских атомных бомб над городами Хиросима и Нагасаки принесли Японии чудовищные муки, страшные, кровавые бедствия. И хотя зримые следы всего этого уже почти невидимы, горе войны не забыто, и атомное проклятие еще тяготее над японской землей.

Японский милитаризм, взращенный крупным монополистическим капиталом, рвался к мировому господству. Он вовлек Японию во вторую мировую войну на стороне держав фашистской «оси». На их победу возлагал он свои главные надежды и вместе с ними потерпел жестокое поражение.

История недавнего прошлого Японии — красноречивое свидетельство того, что путь вооруженной интервенции и агрессивных войн ведет к роковым последствиям для самого агрессора.

Мы напомнили о некоторых исторических фактах только для того, чтобы показать, как важен такой подход, который, учитывая опыт прошлого при решении актуальных международных вопросов, основывается прежде всего не на прошлом, а на настоящем и будущем. Печальное прошлое явилось хорошим уроком. Народы многое познали, многому научились. Настоящее и будущее требуют установления дружеских, добрососедских отношений между Советским Союзом и Японией. При этом советские люди отнюдь не желают, чтобы эти отношения развивались в ущерб отношениям Японии с другими странами мира, были направлены против какого-либо другого государства, с которым Япония поддерживает дружественные отношения.

После окончания второй мировой войны Япония в соответствии с Потсдамской декларацией 1945 года должна была получить полную национальную независимость, создать в стране демократические институты, развивать свою самостоятельную мирную экономику и современную национальную культуру. Однако в действительности этого не произошло. Потсдамские решения были грубо нарушены главной оккупирующей державой в Японии — Соединенными Штатами Америки, — на которой лежала основная ответственность за их осуществление. Бесцеремонно попирая интересы японского народа, США навязали Японии так называемый Сан-Францисский мирный договор, Договор безопасности между США и Японией и Административное соглашение, существо и принципы которых грубо противоречат Потсдамской декларации великих держав.

Прошло двенадцать лет после окончания войны, а Япония, имеющая все права на независимое, суверенное существование, не получила этой независимости и продолжает оставаться полуоккупированной. Территория Японии покрыта густой сетью аме-

¹ Из меморандума Танака. «Коммунистический Интернационал», 1931, № 33—34, стр. 48—49.

риканских военных баз. Их более семисот, и созданы они в целях, не имеющих ничего общего ни с поддержанием мира, ни с обеспечением безопасности и независимости страны. Кто может поверить демагогическим декларациям американских органов пропаганды, что военные базы в Японии существуют как «оборонительный заслон» против мифической угрозы советской агрессии? Американские военные базы в Японии, находящиеся на расстоянии нескольких тысяч километров от США, служат отнюдь не миру и безопасности, а преследуют планы вооруженной агрессии, служат тому, чтобы сохранить позиции американского колониализма, держать в страхе и повиновении народы Азии, борющиеся за свою свободу и национальную независимость. Это ясно каждому!

Все это, разумеется, не может не оскорблять национальных чувств японского народа, воля и стремление которого направлены к тому, чтобы освободиться от унижительного иностранного ярма. В Совместной декларации правительства СССР и правительства Китайской Народной Республики от 12 октября 1954 года указывалось, что «народы Советского Союза и Китайской Народной Республики выражают глубокое сочувствие Японии и японскому народу, оказавшемуся в гяжелом положении в результате указанных «договора» (Сан-Францисский «мирный» договор. — Ф. 3.) и соглашений, продиктованных иностранными интересами. Они верят, что японский народ найдет в себе достаточно сил, чтобы стать на путь освобождения от иностранной зависимости и возрождения своей родины, на путь установления нормальных отношений, широкого экономического сотрудничества и культурных связей с другими государствами, и в первую очередь со своими соседями».

Существующее положение, при котором американские господствующие круги, опираясь на монополистический капитал и силы японской реакции, стремятся возродить агрессивную, реваншистскую Японию для осуществления своих империалистических планов, вызывает законную тревогу у народов Азии.

В нынешней, коренным образом изменившейся обстановке на Дальнем Востоке, когда китайский народ построил свое великое государство, когда братский союз народов СССР и Китая стал важнейшим фактором международной обстановки и когда «дух Бандунга» торжествует в отношениях между большинством стран Азии и Африки, Япония не может оставаться в стороне от столбовой дороги истории. Трезво мыслящие люди в Японии хорошо понимают, что их стране следует идти не назад, а вперед — по пути мира и международного сотрудничества.

Два государства с их высокоразвитой экономикой — Советский Союз и Япония — расположены по соседству друг с другом. Они обладают крупными товарными ресурсами и значительными возможностями для широких экономических отношений, для взаимного обмена научными знаниями, техническим опытом и культурными достижениями. Япония не всегда располагает необходимым для нее сырьем, хотя имеет высококоразвитую промышленность. Советский Союз заинтересован в размещении соответствующих заказов в Японии и может предоставить Японии различное сырье в значительных масштабах.

Каждая новая фабрика или завод, построенные в Японии, рассматриваются иностранными и прежде всего американскими монополиями как помеха в их конкурентной борьбе на мировом рынке. Советский Союз смотрит на это иначе. Чем успешнее будет развиваться экономика Японии, тем больше оснований для нормального развития советско-японских торговых связей.

Советский народ с глубоким удовлетворением встретил нормализацию отношений между СССР и Японией. Весть о результатах этих переговоров с радостью была встречена и японским народом, для которого эта нормализация и добрососедские отношения со своим северным соседом являются жизненно важным делом. Об этом говорили многие видные политические деятели, писали многие газеты.

...Япония — страна древней культуры, старинных традиций. Это касается не узкого общественного круга, не одних верхов японского общества. В народных обычаях, в фольклоре, в особенностях быта, в будничной жизни простых людей этой страны проявляются культивируемые веками своеобразный духовный склад и вкусы японцев. Есть, конечно, в жизни Японии еще много пережитков феодализма. Много антинародного и реакционного коренится в современном японском обществе. В этом нет ничего

необъяснимого. Такова сама природа буржуазного, капиталистического строя с его чудовищными формами порабощения человека человеком, унижительной эксплуатацией, цинизмом, господством чистогана. И сложность социальной борьбы в Японии в том, что здоровым силам общества приходится одновременно вести борьбу и против отживших свой век традиций, уродливых пережитков антинародного режима и против влияния заморской «цивилизации», чуждого простому японскому народу печально известного «американского образа жизни».

Война изменила многое. Поражение Японии нанесло существенный удар по реакционным идеологическим канонам японского милитаризма, развеян миф о непобедимости японского оружия, об исключительности самурайского духа, подорвана вера в «божественное» начало императорской власти, вера в «священное» назначение племени ямато. Это способствовало распространению и развитию демократических идей в обществе, активизировало социальные процессы и борьбу японских трудящихся в защиту своих экономических интересов и политических прав, против милитаризации и американской оккупации.

Добрососедским отношениям и дружественным связям с японским народом в большой степени благоприятствует отсутствие у советских людей какой-либо вражды, недоброжелательности, предубежденности. Советский народ, свободный от всякого рода национальных и расовых предрассудков, чуждой его природе дискриминации в отношении других народов, умеет по достоинству оценить чужую культуру и национальные традиции, духовные идеалы и нравственные особенности других народов.

* *
* *

Обо всем этом мы думали, отправляясь в поездку по Японии. Жизнь Японии — сложная и самобытная — еще мало известна за ее рубежами. И в записках, предлагаемых читателю, мы ставили себе цель рассказать о некоторых глубоко своеобразных сторонах жизни Японии, о причудливом переплетении старинных традиций и современности, зная, как интересуется это советских читателей, стремящихся как можно лучше узнать и понять своих соседей.

Но, разумеется, наблюдая различные стороны японского быта, вглядываясь в произведение японского искусства, мы не могли забывать о главной проблеме жизни современной Японии — о борьбе ее здоровых сил за самостоятельную и миролюбивую политику и о стремлении реакционных кругов подчинить страну заокеанскому диктату.

Именно поэтому нашим заметкам предшествует эта краткая вступительная глава.

ТОКИО. — ЯПОНЦЫ

Токио вонстину ослепителен в вечерние часы, особенно если смотреть на город с самолета. Маяк Ханэдаского аэродрома огненным мечом рассекает густую мглу. Тонкая вытянутая нитка фонарей, точно светящийся пунктир, бежит от аэропорта к городу. Здесь мерцающие бусинки вливаются в бескрайнее море огней японской столицы. Ярким заревом газосветных ламп пламенеют кварталы центра.

Не успевают погаснуть последние лучи солнца, как здесь начинают вспыхивать огни кричащей рекламы на японском и английском языках.

Гигантский город поражает своими великолепными отелями, громадными универсальными магазинами, равных которым нет, пожалуй, во всей Азии, роскошными ресторанами, пышными особняками, учащенным биением транспортных артерий, бесконечным потоком современных автомашин. Однако Токио не только самый богатый, но одновременно и самый бедный город Японии. Рядом с террасами, уходящими вверх, в темноту ночи, близ роскошных центральных улиц, мы видели мрачные кварталы токийских трущоб, вместилище бедствий и нищеты. По сведениям японских газет, в Токио насчитывается свыше 214 тысяч человек, получающих пособие на поддержание жизни, и в десять раз больше семей, ожидающих пособия. Это означает, что каждый четвертый токиец живет в нужде и голоде. Не надо обладать особой наблюдательностью, чтобы заметить на улицах бездомных бродяг; днем они роятся в мусорных

ящиках в поисках пищи, а с наступлением темноты ютятся в тоннелях или под мостами. Общеизвестно, например, что в районе парка Уэно сотни людей живут на улице, под открытым небом. И самое поразительное: на каждую сотню этих людей, по данным официального обследования 1956 года, приходится два человека с высшим и шесть со специальным образованием.

В Токио нет постепенного перехода от богатых кварталов к бедным. Достаточно свернуть с главной магистрали, чтобы тотчас очутиться в совершенно ином мире. Узкие, извилистые улочки, хилые дощатые домишки, тесно прижавшиеся друг к другу, кажется, только для того, чтобы не развалиться. Тут люди живут старой, нетронутой жизнью, такой, какой она была, быть может, не одно столетие тому назад. Грязь на улицах, нищенский вид жителей, голодные, изможденные дети, едва прикрытые лохмотьями.

В этих трущобах забывается все, что вы видели в богатых кварталах и в резидентском районе — районе особняков и элегантных вилл токийских миллионеров. Перед вами узкие грязные переулки, пользующиеся самой дурной славой.

Японский народ, простые люди Японии не могут, разумеется, не думать о той огромной пропасти, которая лежит между двумя этими социальными мирами. Недаром известная японская поэтесса Есано Акико писала:

Город, где солдат не увидишь на улице,
Где ни ростовщиков, ни церквей, ни сыщиков,
Где свободна женщина и уважаема,
Где расцвет культуры, где каждый трудится,
О, как ты не похож на хваленый наш Токио!¹

Токио начал свое стремительное развитие с конца XVI века. Ранее центрами политической и культурной жизни Японии были древние города Нара, Камакура и Киото, имеющие теперь лишь историческое значение: там сохранились многочисленные буддийские храмы и памятники старины.

Возник Токио в XII веке. Сначала это была маленькая рыбацкая деревушка, и лишь в конце века здесь, на морском побережье, было положено начало поселению, названному «Эдо» (это название стало и именем его основателя — японского феодала Титибу). В середине XV века Эдо стал центром небольшого феодального владения. Именно тогда князь Ота Докан воздвиг на том месте, где ныне стоит императорский дворец, знаменитый замок. Его крепостные башни и стены, окруженные земляным валом и обводным каналом, сохранились до сих пор.

Политическое и военно-стратегическое значение Эдо быстро возрастало. В конце XVI века в результате междоусобной войны город сделался столицей династии сёгунов. Глава этой династии, Токугава Иэясу (1542—1616), объявил себя сёгуном — верховным правителем страны. Фактически ему подчинились не только князья, но и сам император — микадо: в своем дворце в Киото он оказался под надзором верноподданных Токугава. В конце 1869 года сёгуны из династии Токугава вынуждены были отказаться от власти, и она осталась за императорским домом. Тогда-то Эдо, став столицей империи, был назван Токио, что в переводе с японского означает «Восточная столица». С тех пор постоянным местопребыванием японского императора сделался дворец в Токио.

Данные исторической науки утверждают, что предки японцев — маньчжуро-тунгусские племена из Восточной Азии и малайцы из Индонезии — начали заселять Японский архипелаг еще в доисторический период. Образование основного японского племени ямато относится к первому-второму векам нашей эры.

Такова история. Однако официальная религия Японии (синтоизм) изображает происхождение нации и императорской власти несколько иначе. Она утверждает, будто древнее племя ямато происходит от Аматаэрасу, богини солнца, а японский император — прямой наследник Аматаэрасу на земле — олицетворяет священную мудрость солнца.

Мифическая версия божественного происхождения императорской фамилии проповедуется не только в синтоистских храмах, но и в храмах науки и просвещения. Вот, например, как изложена эта легенда в школьном учебнике истории военного времени:

¹ Перевод В. Н. Марковой.

«Вначале был только пар. Бог Идзанаги и богиня Идзанами стояли в клубящемся тумане посреди неба. Идзанаги погрузил свое копье в туман. Влага, сгустившаяся на копье, превратилась в капли, которые упали и образовали первую землю. Это был остров Онокоросима.

Увидев этот остров и восхитившись им, боги Идзанаги и Идзанами побежали с разных сторон вокруг «небесного столба», возвышавшегося над островом; когда они встретились, Идзанами сказала: «Ах, какой прекрасный мужчина!» Однако не подобает женщине высказывать свои чувства первой, поэтому Идзанаги настоял на том, что им следует разойтись в разные стороны и снова обежать «небесный столб». Когда они встретились вновь, Идзанаги сказал: «Ах, какая прекрасная женщина!..»

Далее подробно повествуется о жизни и деяниях Идзанаги и Идзанами. Оказывается, ими были созданы все японские острова, долгое время остававшиеся единственными клочками суши среди океана. И будто только впоследствии из пены и грязи, которая образовалась вокруг этих островов, появились и прочие земли нашей планеты.

В своем учебнике истории японские школьники читают гакже, что Идзанаги и Идзанами породили восемь миллионов других богов, среди которых главнейшие: яростный Сусано и богиня солнца Аматэрасу.

Рисуя образ Сусано, авторы учебника дали полный простор своей фантазии. Они изобразили его бесприммерно мужественным и бесстрашным героем. Сусано, как и подобает легендарному рыцарю, расправился с огнедышащим драконом, изyleк из хвоста этого страшного чудища меч, ставший впоследствии символом японского самурайства, и прославил себя сказочными подвигами... Далее рассказывалось, что Аматэрасу послала на землю своего внука Ниниги и поручила ему управлять планетой. Потомок Ниниги, Дзимму, который успешно одолел своих недругов, и был наречен первым императором Японии.

В учебнике говорится, что произошло это в 660 году до н. э. С тех пор каждый год день 11 февраля отмечается в Японии как «день основания империи», и, если верить соответствующей записи в старой конституции, страна «находится под управлением династии императоров, царствующей непрерывно и извечно».

Невольно возникает вопрос, для какой цели столь настойчиво пропагандировалась подобного рода мифология. И на этот вопрос в том же школьном учебнике дан ответ:

«Если бы не было императора, не было бы и нации. Без него не было бы подданных и наша территория перестала бы существовать... Он — бог света, он — зримый бог. Его власть — единственная во вселенной. Он неограниченный правитель, поставленный над нами божественным предком...»

«...Каким бы преступником, каким бы порочным человеком ни был в прошлом японский подданный, но раз заняв свое место на поле боя, он искупает свои прошлые грехи, и они считаются небывшими. Войны, которые ведет Япония, ведутся во имя императора, и потому они священны. Все солдаты — представители императора. Все, кто с кличем «Тэнно хэйка банзай!» («Многие лета императору!») трагически погиб в бою, были ли они плохими или хорошими, приобщаются к лику святых...»

Лишь совсем недавно, в 1946 году, нынешний император Японии Хирохито официально отказался от своего «божественного происхождения». Нынешняя роль японского императора, по утверждению японской печати, подобна «символу нации»...

Сейчас в школьных учебниках древняя история Японии и вообще вопрос о происхождении японского государства освещается, конечно, иначе. В общем, процесс излагается так, как он представлен в известном издании «Цудзуриката фудоки» — многотомной серии, содержащей описание страны в форме сочинений школьников с добавлениями их учителей:

«Предки японцев жили группами — по родам. Они сообща занимались охотой и рыбной ловлей. То, что они добывали, принадлежало им всем вместе, и вели они свое хозяйство — мужчины и женщины — совместно, по уговору. Но когда производительные силы выросли, у них появились богатство и бедность, возникли классовые различия. Главы сильных родов заводили у себя многочисленных рабов и становились царями. Образовавшиеся таким путем царства вступали в борьбу друг с другом, одно царство покоряло другое, и так в конце концов образовалось царство Ямато».

Императорский дворец занимает громадную территорию, где, помимо официальной резиденции императора, расположены госпиталь, кладбище, теннисные корты, манеж для верховой езды, особняки членов императорской фамилии, помещения для свиты, прислуги и т. п. Дворец находится в центре Токио; от него по всему городу расходятся транспортные магистрали. Дворец окружен глубоким рвом и фактически представляет собой сильно укрепленную средневековую крепость, возвышающуюся на острове.

И здесь же, чуть ли не стена к стене, сооружены многочисленные современные казармы американских вооруженных сил. В Токио они занимают целые кварталы центральных районов столицы. Огороженные высокими заборами с колючей проволокой, по которой проходит электрический ток высокого напряжения, окруженные усиленными нарядами круглосуточной охраны, полные войск, эти громадные территории по сути дела являются государствами в государстве. Это — призрак войны и атомной бомбы.

В различных слоях японского общества и на страницах печати все чаще слышится гневный голос протеста против планов ремилитаризации, против чужестранных военных баз в Японии. Империалистические круги США, возлагающие большие надежды на Японию как на плацдарм агрессии, создали на ее территории сотни военных баз; ввозится туда и атомное оружие. И все это делается с потрясающей обыденностью: без каких-либо процедур и церемоний, с наглостью и цинизмом, присущими зарвавшимся авантюристам.

Развязно ведут себя американские солдаты на улицах Токио и в других городах. Их безудержное хулиганство, акты насилия над ни в чем не повинными японскими гражданами, безнаказанные убийства приобрели характер каждодневных явлений. Хорошо известно, однако, к чему приводит подобного рода разнузданность. Достаточно вспомнить майские события 1957 года на Тайване, когда в этом «непрístupном американском бастионе» вспыхнули открытые массовые выступления против американских колонизаторов и было разгромлено американское посольство в Тайбэе. Эти события — грозное предупреждение приверженцам авантюристической политики «с позиции силы» и «на грани войны».

Ненависть испытывает японский народ и к тем из японцев, кто предает свободу своего отечества, изменяет национальной независимости своей родины, кто угоднически гнет спину перед заморскими колонизаторами.

* *

Токио, в котором насчитывается свыше восьми миллионов жителей, занимает третье место в мире по количеству населения. Значительную часть токийцев составляют трудящиеся: рабочие многочисленных промышленных предприятий, служащие различных фирм и учреждений, интеллигенция, занятая в учебных заведениях и научных организациях.

Несчастья и лишения, выпадающие на долю токийцев, особенно тяжким бременем ложатся на плечи трудового люда. Исторические материалы свидетельствуют, что в 1623 году в Токио разразилась свирепая эпидемия чумы, в результате которой население города сократилось почти в двадцать раз. В течение последующих столетий население вновь умножилось, но в сентябре 1923 года город пережил одно из самых разрушительных в истории страны землетрясений; три четверти Токио и почти вся Иокогама были превращены в руины. Тогда погибло 44 тысячи человек.

Двадцать шестого августа 1925 года над Токио пронесся тайфун, затопивший около 45 тысяч домов, разрушивший набережные, железнодорожные пути, мосты и т. д. И все же к 1928 году Токио вновь занял одно из первых мест в мире по числу населения. В 1945 году Токио перенес воздушную бомбардировку американской авиации: город, как отмечалось в японской прессе, был превращен в «рваный камень». Однако вскоре после окончания войны население города вновь достигло уровня предвоенных лет — 8 050 тысяч человек. Стремительный рост населения Токио, таким образом, никогда не прекращался, невзирая на страшные стихийные и военные бедствия, связанные с кровопролитием и массовой гибелью людей.

Гигантский город с многомиллионным населением вызвал к жизни сильно раз-

витые коммуникации, породил многообразие транспортных средств. Здесь и электропоезда, движущиеся обычно со скоростью до ста километров в час, и громадные автобусы, и автомашины различного назначения, в том числе чрезвычайно распространенные трехколесные автомобили, и масса «педикэбов», велорикш, а нередко и просто рикш. Здешний транспорт поистине представляет собой смешение эпох. Рядом с современным автомобилем здесь часто можно увидеть примитивные двуколки, запряженные людьми или животными, медленно тянущими тяжелый груз.

Естественно, что это порождает трудности в уличном движении, приводит к многочисленным происшествиям, несчастным случаям. Городские власти принимают различные меры предосторожности. Например, в центре Токио, неподалеку от императорского дворца, на специально приспособленном щите ежедневно вывешивается сводка происшествий на автомобильном транспорте. Это своего рода «memento mori!» — «помни о смерти!». 22 декабря 1956 года мы увидели на щите такую надпись: «За 21 декабря в Токио во время автомобильных катастроф было убито 5 и ранено 45 человек». Возможно, что это еще не полные данные.

Нетрезвый водитель, однако, — явление среди японцев редчайшее.

Вообще за время пребывания в Японии нам не приходилось ни разу видеть пьяного или хулигана, дебоширящего в общественном месте. В этой стране, кроме чая, являющегося национальным напитком, конечно, пьют и спиртное, может быть даже не в меньшем количестве, чем в других странах. Но пьют в меру, с соблюдением приличия.

* *

Токио — крупный индустриальный центр. Он органически связан со своими «городами-спутниками» и образует гигантскую индустриальную зону Приморья.

Токио — Иокогама. Между ними, на тридцатикилометровом расстоянии, в непосредственной близости друг от друга, возникли новые города: Цуруми, Кавасаки, Омори и некоторые другие. Они выросли вокруг громадных электротехнических комбинатов, станкостроительных заводов, крупнейших тепловых электростанций, металлургических предприятий, судоверфей, авиационных центров. Этому индустриальному району, несомненно, принадлежит роль одного из главнейших в Японии «подрядчиков военной промышленности США».

И вместе с тем в Токио поражает обилие мелких и мельчайших фабрик, предприятий, мастерских, которые чрезвычайно быстро и, что очень примечательно, на высоком уровне выполняют самые многообразные заказы. От рабочих здесь требуется универсальность, ловкость и умение, а от инженеров — большая техническая подготовка.

Нам приходилось наблюдать работу японских металлостроителей и деревообделочников, гончаров и текстильщиков, строителей и железнодорожников. Ловкость и быстрота движений, внимательность, тщательность и аккуратность, с которыми рабочие относятся к своему труду, вызывают искреннее восхищение.

К культуре труда в Японии приучают со школьной скамьи. Олицетворением трудолюбия и стремления к знаниям, своего рода образцом идеального японского гражданина, служит крупнейший ученый, по фамилии Ниномия, по имени Киндзиро (что буквально означает «Второй золотой сын») ¹. Он вырос в семье простого крестьянина и благодаря усердию в труде и неустанному самообразованию стал прославленным ученым Японии. В каждой японской школе вы увидите портрет Ниномии. Он изображается подростком; с вязанкой хвороста на плечах и раскрытой книгой в руках, которую он читает на ходу, шагая по дороге. Образ японского юноши, воспитанного для мирного созидательного труда, успешно вытесняет в сегодняшней Японии идеи военной муштры и «рыцарской доблести». Характерно, что теперь слово «самурай» произносится в Японии с ироническим оттенком.

Путешествуя по стране, мы сталкивались с людьми разных возрастов и профессий, наблюдали их труд и их отдых. Две особенности японцев бросаются в глаза: сдержанность и тактичность.

¹ Ниномия Сонтоку (1787—1856) — один из крупнейших экономистов последней фазы японского феодализма. Киндзиро — его детское имя.

Вежливость — характерная черта японского народа, простых людей. Поклоны, иногда движением головы, а иногда и всего корпуса,— это традиционные знаки взаимного уважения. Чувство уважения к другому, особенно к старшему, воспитывается с детства в школе и семье.

До недавнего времени в японской школе детей специально учили тому, как они должны относиться к старшим, как обращаться с равными, с младшими, с родными и т. д. Это был своеобразный кодекс морали, чести, хотя одновременно это была и тупая самурайская муштра.

Вежливость характерна для взаимоотношений людей, исполняющих служебный долг или общественное поручение. Особенно наглядно это видно на примере работы персонала железных дорог, авиалиний, пароходного сообщения. Слова благодарности за внимание или малейшую услугу не сходят с уст простого японца.

«Вежливость открывает все двери», «вежливость — залог успеха», «вежливость обязательна даже среди близких», — говорят японцы. Но, к сожалению, это бывает не всегда, далеко не во всем и, конечно, не со всеми.

Культ и традиция вежливости нашли свое выражение в японской лексике. Существуют специальные сборники и словари вежливых оборотов речи. Ни в одном языке, кроме разве китайского, нет стольких степеней вежливости, как в японском.

Современный японский язык содержит в себе сложнейшую систему дифференцированного построения речи, именуемую «вежливая речь». Умение быстро и правильно пользоваться такой речью едва ли не самое трудное требование японского языка. Иностранцы, хорошо владеющие японским языком, обычно употребляют примитивные формы «вежливой речи», так как полностью овладеть всей системой «возвеличивания собеседника и унижения себя» удается лишь после длительной практики и постоянного общения с японцами. Разумеется, иностранцам японцы прощают многие ошибки и упущения, но они весьма строги, когда сурово соблюдаемый «кодекс учтивости» нарушает собеседник-японец. Известный японский профессор Маруяма Римпэй пишет: «Вежливые обороты речи и специальные выражения учтивости или унижения можно найти почти во всех языках мира, однако японский язык в этом отношении стоит на первом месте». И далее: «По одному только умению употреблять вежливые обороты речи японец легко определяет культурный уровень собеседника». Конечно, условности, составляющие так называемую «вежливую речь», с течением времени упрощаются, однако ими все еще полон лексикон японца.

«Вежливая речь» бывает трех планов. Во-первых, разговор с вышестоящим собеседником, старшим по службе или по возрасту, занимающим более высокое социальное положение, во-вторых, разговор с равным и, в-третьих, с нижестоящим. Если иметь в виду диалог, то можно сказать, что в японском языке нет ни одной фразы, которая не несла бы на себе следов одного из указанных планов речи. «Забота о том, чтобы себя в речи унижить, а собеседника возвысить, не покидает говорящего японца», — так охарактеризовал отношение японцев к вежливой речи один из японских грамматиков.

«Вежливая речь» создается подбором специальных слов и выражений и особыми морфологическими образованиями. Вот несколько примеров. Чтобы выразить обыкновенное понятие: «нет, не имеется», нужно знать три степени этого отрицания: «най», «аримасэн» и «годзаймасэн»; каждое применяется в зависимости от того, кто говорит и с кем говорит.

Существуют глаголы, употребляемые только применительно к действиям первого лица. Существуют также глаголы, относящиеся исключительно ко второму лицу. Нарушить это строгое правило или отступить от него — значит, в японском представлении, попасть по меньшей мере в смешное положение. Одних только местоимений первого лица (то есть простого «я») существует в устной речи не менее шести («ватакуси», «боку», «корэ», «васи», «дзibun», «тэмаэ»). Разумеется, каждое местоимение употребляется в соответствующей среде, в зависимости от собеседника и т. д. То же самое можно сказать о местоимении второго лица («ты», «вы»).

Несмотря на многие неудобства и осложнения, вызываемые условностями «вежливой речи», японцы до сих пор соблюдают сложившиеся веками нормы, вне которых им трудно представить себе какой бы то ни было диалог.

ФУДЗИЯМА

На Японских островах двести девятнадцать вулканов, причем пятьдесят из них — действующие.

Фудзи — это действующий вулкан, но японцы часто называют его «потухшим» или «мертвым» вулканом. Последнее извержение произошло в 1707—1708 годах. Именно тогда на вершине Фудзи образовался добавочный конус. Во время действия вулкана, извергавшего огнежидкую расплавленную массу, огромная территория, расположенная вокруг, была покрыта пеплом — сгоревшей магмой. Токио, который находится в шестидесяти милях от Фудзи, оказался под слоем пепла толщиной в пятнадцать сантиметров.

На расстоянии около ста километров от Токио, на острове Осима, возвышается другая гора, Михара, высотой в 755 метров. Это действующий вулкан.

В отдаленном прошлом Осима и шесть островов той же гряды служили местом ссылки преступников. Впоследствии остров Осима привлек внимание туристов, особенно заокеанских, своей экзотичностью. Сюда стали приезжать, чтобы полюбоваться действующим вулканом. Случалось, что безнадежно влюбленные или попросту душевно неуравновешенные люди бросались в кратер. Так этот остров прославился как остров самоубийств. Власти приняли меры предосторожности: вывесили предупредительные надписи и установили специальную сетку, которая задерживала тех, кто пытался покончить с собой. Местная полиция извлекала упавших из сети. Тем не менее меры предосторожности полной гарантии не дают. Здесь по-прежнему в течение года происходят сотни самоубийств.

Фудзи (или Фудзияма, как называют ее европейцы) — самая высокая гора в Японии. Ее высота 3 776 метров. Она тоже привлекает многочисленных любителей туризма, которые стремятся взойти на вершину и совершить прогулку по краю кратера: окружность его более пяти километров. Дорога к вершине нелегка, но третью часть пути можно совершить на фуникулере. Затем приходится пересаживаться на лошадей. Однако лошади тоже доходят всего лишь до пункта, лежащего на полпути к вершине. Это место так и называется «Возвращение лошадей». Далее нужно подниматься пешком. Восхождение начинают обычно вечером, чтобы к утру можно было достичь вершины и полюбоваться восходом солнца. 1956 год — рекордный в истории Японии по числу туристов, поднявшихся на вершину Фудзи. Количество «покорителей Фудзи» достигло в 1956 году более ста тысяч человек.

Эта гора играет большую роль в жизни и быту японцев. Именем Фудзи называют детей, красивые места, предметы. Рисунки, изображающие вершину Фудзи, служат украшением, широко используются в качестве рекламы и т. д. и т. п.

Японцы утверждают, что Фудзи — самая «фотогеничная вершина» и что она совершенно симметрична, с какой стороны на нее ни смотри. Фудзи иногда называют гигантским веером: силуэт горы удивительно похож на раскрытый и опрокинутый веер. Природа и в самом деле весьма искусно выточила конус правильной формы с небольшим усечением на вершине.

У японцев особое отношение к горам: горы для верующих — сверхъестественные существа. Многочисленные буддийские и синтоистские храмы расположены на вершинах и склонах гор в наиболее живописных местах.

Длинные вереницы паломников устремляются, особенно летом, на вершину священной Фудзи. Соблюдая древний обряд, они надевают большие широкополые соломенные шляпы белого цвета с красным клеймом того синтоистского храма, который выдал им эти шляпы напрокат. Поднимаясь на гору, паломники возвещают о себе звоном колокола и монотонным песнопением: «Пусть наши чувства будут чистыми и погода на уважаемой горе — ясной...» Легенда гласит, что богиня Фудзи, Сэнгэн, обитающая на вершине горы, повелела своим незримым слугам не допускать к святой вершине грешников, беспощадно сбрасывать вниз паломников с нечистой душой. Страх людей перед загадочными силами стихии породил древний обычай мистических заклинаний.

В японских литературных источниках содержатся многочисленные легенды об этой почитаемой горной вершине.

Одно из народных преданий говорит о том, будто сказочная красавица, по имени Драгоценный Бамбук Осеннего Поля, перед тем как покинуть землю и улететь на Лунный остров, приказала доставить эликсир жизни на вершину самой высокой горы в стране Суруга и сжечь его в кратере. С тех пор вершина стала именоваться Фудзи или Фудзи-но яма; сложная игра слов позволяет истолковать это название, как «Никогда не умирающая гора».

Не только старинные мифы и легенды, но и многие произведения современной японской поэзии говорят, что, попадая в чудодейственную орбиту Фудзи, люди забывают о бренности лет и о смерти.

«Жемчужно-серебристая Фудзи» — постоянный предмет любования, вечный источник творческого вдохновения японских живописцев. Изображения Фудзи в самых различных видах и вариантах больше всего распространены в Японии, их можно встретить повсеместно, буквально в каждом доме, в каждой семье.

Прекрасная Фудзи воспета в японской поэзии всех времен, в произведениях поэтов древних и современных. Еще крупнейший поэт японской древности Ямабэ Акахито создал «Оду, воспевающую гору Фудзи»:

...Лишь только небо и земля
Разверзлись, — в тот же миг,
Как отраженье божества,
Величественна, велика,
В стране Суруга поднялась
Высокая вершина Фудзи!

И вот, когда я поднял взор
К далеким небесам, —
Она, сверкая белизной,
Предстала в вышине.
И солнца полуденный луч
Вдруг потерял свой блеск,
И ночью яркий свет луны
Снять нам перестал.
И только плыли облака
В великой тишине,
И, забывая счет времен,
Снег падал с вышины.
Из уст в уста пойдет рассказ
О красоте твоей,
Из уст в уста, из века в век...
Высокая вершина Фудзи!

Когда из бухты Таго на простор
Я выйду и взгляну перед собой, —
Сверкая белизной,
Предстанет в вышине
Вершина Фудзи в ослепительном снегу¹.

Но не только лирики посвящали свои поэтические строки прекрасной Фудзи. В последние годы о знаменитой горе создано немало суровых стихов, выражающих народный гнев. Глубокое возмущение японского народа вызвало строительство у подножия священной горы американской военной базы. Хозяиничанье заокеанских оккупантов, создающих на чужой земле, вдали от своей территории, плацдармы для осуществления агрессивных замыслов, глубоко потрясло все японское общество. Эти чувства нашли свое выражение в стихотворении современного поэта Ямагиси Гайси «Фудзи, гневом гори!»:

Фудзи, гневом гори, —
Ты, что в небе паря крылато,
Так прекрасна утром, в лучах зари,
Так прекрасна вечером, в час заката,

¹ Перевод А. Е. Глускиной.

И всегда, когда ни смотри!
 Наши предки чтили тебя,
 Как святыню,
 И славили в песнях тебя певцы!
 Гордится тобой наш народ доньше,
 Как гордились тобою наши отцы!
 Что ж ты глядишь в высоту, онемев?
 Или забыла ты,
 Что такое гнев?

Фудзи, гневом гори!
 Наглые толпы чужого сброда
 Топчут подножье священной горы!
 До какой же ты будешь терпеть поры
 Свой позор,
 Униженье всего народа!

Фудзи, гневом гори
 С народом родной Японии вместе
 И навеки со склонов своих сотри
 Всех, кто нагло тебя бесчестит!
 Фудзи, гневом гори!¹

КИОТО. — ЕГО ПАРКИ И ХРАМЫ

Киото насчитывает свыше 1 200 тысяч жителей и считается третьим по величине городом Японии. Он живописно раскинулся на плоской возвышенности, у северного окончания котловины Ямасиро, среди холмов и горных вершин.

В японской литературе Киото часто называют «городом поэтического настроения». В лабиринтах узких улиц и переулков, в кустарных мастерских, где вы точно переноситесь на многие столетия назад, веками изготавливаются предметы прикладного искусства тончайшей ручной работы. Мы наблюдали, как на крошечных примитивных верстаках или с помощью других приспособлений замечательные японские умельцы постепенно, деталь за деталью, из слитков золота и серебра создают произведения высокого мастерства. Руке мастера послушен и резец и благородный металл: искусно вплетаются узор за узором в многосложную вязь исторического или легендарного сюжета.

Здесь создаются также изделия из лака, миниатюры из фарфора, изящные изделия серебряной чеканки, тончайшие ажурные фигурки и целые архитектурные ансамбли из яшмы. Из куска массивного слоновьего бивня тут возникают воздушное, подобное кружеву, украшение, шары, целые картины древней и современной жизни. На ваших глазах мастер выточит затейливый рисунок из перламутра, украсив его причудливыми иероглифами, означающими «счастье» или «долголетие». Он может также изумить вас столь же стремительным созданием прекрасного орнамента «интарсии» — деревянной отполированной мозаикой, составленной из разноцветных кусочков дерева различных пород. Прекрасны изделия из бамбука и шелка. Вы покидаете темную мастерскую с сознанием того, что живо бессмертное народное искусство, которое в эстафете веков непрерывно передается от отцов к детям.

Город Киото — колыбель японского могущества. Киото был столицей Японии в течение более десяти столетий, с 794 по 1868 год. Грандиозные храмы и древние дворцы с изумительными садами и пышными парками свидетельствуют о величии и славе города в минувшие дни.

Киото, как и город Нара, — исторический центр развития буддизма в Японии. Эти города оказывали и все еще продолжают оказывать значительное воздействие на духовную жизнь японского народа. Здесь около полутора тысяч буддийских и свыше двухсот синтоистских храмов; при этом тридцать буддийских храмов представляют собой главные центры различных буддийских сект в Японии. Древние храмы Киото красноречиво свидетельствуют о былом расцвете японского зодчества.

Из ста двадцати четырех императоров Японии, правивших государством в течение

¹ Перевод В. Н. Марковой.

многих веков, семьдесят семь постоянно жили в этой древней столице и отсюда управляли страной. Они были окружены, кроме придворных, и прославленными мастерами: тут были художники, каллиграфы, поэты и музыканты.

В Киото до наших дней сохранился один из древнейших императорских дворцов, построенный при императоре Камму в 794 году и неоднократно восстанавливавшийся после пожаров. Последние реставрационные работы были произведены в 1855 году. Лишь дважды в год открываются для обозрения двери этого дворца. Здесь среди других достопримечательностей вам покажут «Палату покоя и прохлады», где во время церемониала на покрытом циновками помосте под великолепным шелковым балдахинном восседал император. Два деревянных зверя — по одному с каждой стороны лестницы, ведущей к помосту, — охраняли императора от происков злых духов: когда посетитель при входе в «палату» наступал на доску пола, это тотчас вызывало «тревогу деревянных стражей».

Среди буддийских храмов Киото большой известностью пользуется храм Рэнго-ин («Монастырь царя священного лотоса»), обычно называемый «Сандзюсангэндо», то есть «Палата в тридцать три кэна». Это узкая, вытянутая в длину постройка. Длина ее — тридцать три кэна — и обусловила ее название. Помещение состоит из тридцати трех секторов, или отсеков, образованных опорными колоннами. Выстроен этот старинный храм впервые в 1164 году, но он пострадал от пожара и был восстановлен лишь в 1251 году. Храм славится огромной деревянной статуей тысячерукой богини милосердия Каннон, восседающей со сложенными руками на колоссальном цветке лотоса. Справа и слева от статуи богини Каннон, окрашенной в золотистый цвет, установлено 1001 изображение этой же богини размером почти в человеческий рост, а также двадцати восьми ее преданных последователей. Это ценнейшие образцы искусства знаменитых японских резчиков по дереву и скульпторов, в частности прославленных Инкэй и Танкэй, живших в так называемый период Камакуры.

Небезынтересно упомянуть, что «Палата в тридцать три кэна» приобрела широкую известность не только благодаря редчайшей коллекции фигур богини, но также и благодаря спортивным состязаниям, проходившим у ее стен. Эти состязания назывались «Оякадзу», то есть «Стрельба из лука». Соперники, стоя у стены снаружи, пускали стрелы вдоль всего храма, стремясь попасть в мишень на противоположной стене. Необычная длина постройки и разделение ее колоннами на тридцать три кэна сделали удобным измерение расстояния полета стрелы. Впервые состязания начали проводиться в 1566 году, и, согласно имеющимся в храме записям, стрелок из лука Дайхати Васа в 1687 году установил рекорд, выпустив в течение суток 8 133 стрелы. В вечерние часы игры проводились при свете больших костров и, наверное, представляли собой весьма красочное зрелище.

Нам показали также буддийский храм, называющийся Киомидзу. Он был построен из дерева в 805 году в духе китайского храмового зодчества и реконструирован в 1633-м. Храм Киомидзу расположен на возвышенности, и отсюда, особенно со стороны фронтальной платформы, открывается прекрасный вид на всю древнюю столицу Японии. Своеобразным украшением храма Киомидзу служит взметнувшаяся ввысь трехъярусная пагода, архитектурные достоинства которой особенно видны утром или в час заката, когда ажурные резные украшения как бы покрываются солнечной позолотой. Вокруг храма — большой парк с прекрасными аллеями, посаженными японской декоративной сакурой и кленом. Неизгладимое впечатление оставляет аллея цветущих вишен.

Интересен и храм Хэйан, расположенный в прекрасном парке японского стиля. Храм был построен в 1895 году в связи с 1100-летней годовщиной создания Киото, в древности называвшегося Хэйан, и в честь японского императора Камму (737—806), считающегося основателем этой древней столицы.

Из храма Хэйан мы направились в огромный парк Киото, находящийся у подножия холма Кинугасаяма в юго-западной части города. Мы оказались среди могучих деревьев в девственном лесу, среди буйной субтропической растительности.

Но рядом с вековыми гигантами, возвышающимися на десятки метров, и густыми естественными зарослями кустарников рукой человека созданы многочисленные искус-

ственные аллеи и сооружения. Почти каждый японский парк создается по одному и тому же образцу. В нем обычно устраивают множество водоемов, в которых разводят специальные породы рыб, напоминающие наших аквариумных. Берега водоемов нередко украшают нагромождением камней, искусственными насыпями и скалами. Посередине озера устраивают небольшой остров или каменную гору. В парке непременно сооружают несколько мостов или настилов, деревянных или каменных, оригинальной формы.

Японский парк — это всегда огромная коллекция флоры. Здесь обязательно выращивают низкорослые карликовые сосны с причудливо искривленными ветвями, разнообразные пальмы, многочисленные разновидности сливы и вишни, стройные криптомерии, напоминающие наш пирамидальный тополь, кипарисы, бамбук, громадные кактусовые растения и т. д.

Классический японский парк немыслим без старинных храмов, пагод или кумирен. И здесь, у подножия Кинугасаямы, мы долго любовались двумя «архитектурными жемчужинами» — Кинкакудзи («Золотой павильон») и Гинкакудзи («Серебряный павильон»). «Золотой павильон», или храм Рокуондзи, — ажурное трехъярусное сооружение. Он был построен в своем первоначальном виде в 1397 году. Однако в 1950 году Рокуондзи сгорел и восстановлен лишь в октябре 1955 года.

Пожары — бич деревянных сооружений Японии. Нет, кажется, ни одного храма, который не пострадал бы от этого бедствия. Недаром в Японии широко распространена поговорка: «Пожар, землетрясение и наводнение — три беды народа».

Утонченность линий, особенно слегка приподнятых краев шатровой кровли, поразительная соразмерность отдельных частей архитектурного ансамбля и удачно найденная планировка придают Рокуондзи необыкновенную легкость, почти невесомость. Храм этот считается высшим образцом японской национальной архитектуры.

НАРА. — БУДДА ДАЙБУЦУ. — БУДДИЙСКАЯ РЕЛИГИЯ

Из Киото наш путь лежал в Нара, город, расположенный всего в 26 милях от Киото. Это первая, древнейшая столица Японии (710—784).

Дорога в Нара проходит среди рисовых полей. И мы нередко задерживались, чтобы поговорить с крестьянами.

Технический уровень промышленности Японии очень высок, тем сильнее поражает техническая отсталость ее сельского хозяйства. Размеры земельных участков по большей части таковы, что не позволяют пользоваться сельскохозяйственными машинами. Иначе как самыми простыми орудиями почти невозможно возделывать крохотные поля, искусственно созданные на срезах горных склонов, а таких полей в Японии множество. Чуть ли не единственными орудиями обработки земли, как и многие столетия назад, остаются деревянная соха и мотыга — мотыга, которой человечество научилось пользоваться еще на заре цивилизации.

Японские литературные источники свидетельствуют о том, что Нара в годы своей славы занимала площадь значительно большую, чем теперь. Пожары испепелили многие из городских построек, не меньше было разрушено и неумолимым временем. Но некоторые старинные сооружения вместе с содержащимися в них сокровищами сохранились до наших дней почти такими же, какими они были в глубокой древности. Эти величественные памятники свидетельствуют о том, что город Нара сыграл важную роль в истории развития японской литературы, искусства, ремесла.

Город принадлежит к числу «святых мест» Японии, куда тысячами стекаются паломники. До сих пор его посещает ежегодно свыше трех миллионов странствующих богомольцев. Буддийские и синтоистские храмы и кумирни, имеющие многовековую историю, — главная достопримечательность города.

Нара по праву считается городом-музеем.

«Чудо» города-музея — бронзовый будда Дайбуцу в храме Годайзи. Это самый крупный памятник подобного рода в Японии и, пожалуй, один из крупнейших в мире. Изображенный здесь Вайрочана будда олицетворяет буддийское «благословение, всемогущество и вездесущность». Будда восседает, поджав под себя обе ноги, на троне,

а трон — это колоссальный бронзовый цветок распустившегося лотоса, «символ душевного целомудрия, непорочности и чистоты», которые необходимы для погружения в нирвану: только тот обретает блаженство, кто «преодолеет страсти и жажду жизни».

Заметим попутно, что в одном из буддийских храмов Пекина мы видели такую скульптуру: цветок лотоса, раскрывающийся на глазах у изумленных паломников, и там, внутри бутона, множество миниатюрных статуэток, изображающих будд и бодисатв¹. Согласно буддийской религии из цветка лотоса возникают все божества царства нирваны.

Грандиозная статуя будды в храме Тодайдзи была отлита в 749 году. Для нее потребовалось: 437 тонн бронзы, 288 фунтов золота, 7 тонн воска, 165 фунтов ртути и несколько тысяч тонн древесного угля. Работа продолжалась в течение двух лет. Однако технологический секрет изготовления этого уникального памятника окутан тайной. Большую сложность при тогдашнем уровне технического развития представлял не только самый процесс литья, но также и работа, связанная с установкой гиганта на постамент. Не следует забывать, что эта феноменальная бронзовая статуя была отлита на семь веков раньше, чем Колумб открыл Америку; к тому же бронзовый будда почти в два раза массивнее статуи Свободы, которая весит 225 тонн. Согласно японским источникам, работы по изготовлению статуи были завершены лишь после семи безуспешных попыток. Голова и шея будды были отлиты в одной опалке, корпус и лotosовая основа изготовлены в отдельных изложницах, а затем спаяны вместе и позолочены. Не только весь памятник в целом, но и каждая деталь его огромна. Высота статуи вместе с пьедесталом — около 22 метров, высота без пьедестала — более 16 метров, длина лица — около пяти метров. Каждый завиток волос на голове у будды — с человеческую голову. Волосы у будды синие: это свидетельствует о том, что обитает он в заоблачном, небесном мире. Таких завитков насчитывается 966. На лбу бронзового будды огромная шишка — символ величия и недосыгаемости. Трон, на котором восседает будда, состоит из 56 лепестков цветка лотоса. Диаметр лotosового трона равен более чем 20 метрам. Высота каждого лепестка более трех метров. Через глаз будды, длина которого больше метра, может свободно пролезть взрослый человек. На ладони протянутой руки могли бы танцевать несколько пар. Статуя полая. Внутри создана сложная система деревянных креплений, прочно поддерживающих всю фигуру.

Кто-то подсчитал, что если бы статуя будды могла двигаться, то, ступая своими гигантскими ногами, она покрыла бы расстояние в 430 километров — из Нары в Токио — приблизительно за семь часов, то есть со скоростью современного экспресса.

Сопровождавший нас служитель буддийского храма Мория Рюэй сообщил, что бронзового будду чистят раз в год и при этом снимают более 30 ведер пыли...

Мория Рюэй поделился с нами своим личным горем: у него умерли родители, и он пришел сюда в надежде, что его служение будде «поможет им благоденствовать на небесах». Небезынтересно, что родной брат этого служителя храма принимает активное участие в общественной жизни, был делегатом на Международном конгрессе и фестивале молодежи, посетил Москву в 1955 году.

Глядя на этот грандиозный памятник старины, думаешь не о будде и не о религиозных канонах, — думаешь о неисчерпаемой фантазии и энергии Человека, о высоком искусстве древних японских мастеров.

Лишь по специальному разрешению настоятеля храма нам позволили подойти к подножию будды, чтобы полюбоваться работой чеканщиков. И мы увидели, что вся поверхность бронзовых лепестков лотоса испещрена изображениями религиозного и фантастического характера, а также иероглифическими письменами буддийского канона — бесконечное множество чеканных знаков покрывало всю поверхность лotosового постамент. Знаки рельефны, почерк, все особенности каллиграфического письма, причудливый рисунок иероглифической вязи видны вполне отчетливо.

За спиной гигантской статуи установлено еще шестнадцать фигур будды размером приблизительно в рост человека, укрепленных на большом позолоченном дере-

¹ Бодисатва — по религиозному догмату буддизма божество, обладающее якобы способностью воплощаться в ребенка и содействовать верующим в достижении высшего счастья — нирваны.

вянном щите. Рядом с главной статуей две фигуры бодисатв; каждая вдвое ниже бронзового будды.

Спустя год после того, как воздвигли бронзовую статую, был сооружен огромный храм, который сгорел в XII столетии во время гражданской войны. Пострадала и бронзовая статуя. Пришлось заменить поврежденную голову новой, которая, однако, оказалась более темного цвета, чем корпус.

В 1567 году, через 370 лет после восстановления, храм вновь был уничтожен пожаром, и бронзовая статуя будды простояла под открытым небом свыше ста лет. Лишь в 1699 году были начаты восстановительные работы, продолжавшиеся три года. Более чем наполовину храм был построен заново. Но, простояв около двухсот лет, он обветшал. В 1903 году были начаты реставрационные работы, которые завершились лишь в 1913 году. Храм был восстановлен полностью, без каких-либо изменений. По утверждению японских ученых, храм Тодайдзи — «наиболее древний и самый большой деревянный храм на земле».

Тодайдзи — храм действующий. Мы были свидетелями богослужения и воскурения фимиама. Перед статуями будд неугасимо горит огонь, а рядом тлеют благовонные сандаловые свечи. Согласно буддийской мудрости «свет приносит человеческому разуму мудрость».

Здесь, под оболочкой храма, продолжает теплиться жизнь древнего мира, мира страха, предрассудков и суеверий. Однако туманность идей, мистические абстракции и совершенно чуждые жизни философские концепции буддийского вероучения в наше время непонятны многим последователям буддизма и вызывают все больше сомнений даже у фанатичных приверженцев этой религии, хотя они с колыбели находятся в плену ее догм. Непонятен текст канона, непостижим смысл написанного. И все же под сенью этих многовековых памятников истории, как и в седую старину, упорно произносятся проповеди и молитвы, выполняются обряды.

Бег времени здесь будто приостановился. Шум внешней жизни сюда не доносится. Звук шагов поглощен мягкими циновками. Появление посетителей, в том числе иностранцев, не нарушает покоя паломника, читающего канон: он погружен в религиозное созерцание, а созерцание это требует полной внутренней сосредоточенности и отрешения от всего внешнего.

Буддизм как религия возник в VI веке до н. э. в Индии и получил название по имени своего основателя — Будды. Достоверность исторического существования Будды оспаривается.

Буддизм, считая реально существующий мир скоропроходящим, эфемерным, мимолетным, проповедует негативное отношение к действительности, «отречение от жизни», непротивление злу, смирение перед насилием, покорность судьбе. Буддийская религия вселяет в сознание человека убежденность в собственном бессилии, в тщете всех устремлений и всякой творческой деятельности. Однако буддийские жрецы, неустанно внушая людям идею бренности земного существования человека, создали на японской земле неисчислимо множество монастырей, владеющих огромными богатствами и охраняемых вооруженной стражей. Монастырские вооруженные стражи держали окрестное население в страхе и повиновении, готовые по приказу буддийских жрецов карать огнем и мечом «еретических бунтовщиков», осмелившихся угрожать их господству в этом «ничтожном мире».

Буддизм, его многочисленные направления и секты широко распространились и все еще господствуют во многих странах Юго-Восточной Азии, однако редко где эта религия создала такое множество грандиозных храмов и памятников, как в Японии.

Возвращаясь из храма, вы невольно испытываете такое ощущение, будто очнулись от сна, выбрались из омута давно ушедших веков и вновь с наслаждением вдыхаете свежий воздух.

Среди других исторических памятников города Нара большой известностью пользуется буддийский храм Сангацу-до («Мартовский зал»). Храм, построенный из криптамерии 1200 лет назад, славится огромным изваянием будды, считающимся одним из крупнейших в стране. Статуя представляет большую историческую и художествен-

ную ценность благодаря чрезвычайно тонкой, филигранной работе. Будда украшен драгоценными камнями — их насчитывается свыше двадцати тысяч.

Неподалеку от храма Сангацу-до установлен громадный бронзовый колокол — своего рода японский царь-колокол, весящий 48 тонн. Он был оглит около 1200 лет тому назад. Издаваемый колоколом звук длится около двух минут.

* * *

Религиозные идеи, стремящиеся вытравить в человеке деятельное отношение к жизни, лишить его веры в свое творчество, неизменно вызывали протест японского народа, будили в нем силы сопротивления и борьбы. Струя протеста ощутима, в частности, в литературе, особенно в фольклоре.

«Однажды, — рассказывается в одной антибуддийской сказке, — настоятель буддийского храма, странствующий монах-ямабуси и крестьянин отправились втроем на поклонение в храмы Исэ. С утра они бодро шагали по дороге, но когда взошло солнце, их начал томить летний зной.

Вот монах-ямабуси и говорит:

— Ну и жара сегодня! Далеко мы так не уйдем. Давайте сделаем вот что: пусть каждый сочинит песню. Кто сочинит хуже всех, тот пусть и несет поклажу!

Сказал он так, а сам подмигивает настоятелю.

Настоятель согласился:

— Ловко ты придумал! Так и сделаем.

А сам думает: «Придется нести нашу поклажу крестьянину! Разве может он сочинить хорошо?»

Первым должен был сложить песню настоятель. Он запел:

Когда бы голова моя стала,
Как Япония, велика,
Я мог бы надеть, пожалуй,
Весь мир вместо шляпы моей...
И то не закрыл бы ушей!

Следом за ним стал слагать песню монах-ямабуси. Он решил тоже воспеть что-нибудь огромное, чтобы не уступить настоятелю.

Когда бы эта слива стала,
Как Япония, велика,
Тогда б на весь мир, пожалуй,
На все чужие края,
Прозвучала бы песнь соловья.

Переглянулись оба с ухмылкой и говорят:

— Ну-ка, крестьянин, теперь твоя очередь!

— Что ж, раз так, я тоже сложу песню, — сказал крестьянин. И, посмеиваясь, пропел:

Когда бы Японию нашу
Одним проглотил я глотком,
То бонзы, жрецы и монашки,
Столь гордые силой ума,
Все вышли бы кучей дерьма»¹.

НИККО, «СОЛНЕЧНОЕ СИЯНИЕ». — ХРАМ ТОСЭГУ. — У ВОДОПАДА КЭГОН

За окном экспресса, который мчит нас в Никкё, мелькают залитые водой рисовые поля, раздробленные на мелкие участки. Временами мы видим буйвола; он медленно передвигается, будто плывет в тине распаханного поля, а позади него — погонщик, до пояса погруженный в густую, вязкую грязь.

Нескончаемо тянутся ряды низеньких деревенских хижин. И вдруг за окном — корпуса заводов с высокими трубами из красного кирпича. Цитрусовые сады, чайные

¹ Перевод В. Н. Марковой.

плантации, рисовые поля то и дело сменяются заводскими трубами, фабричными корпусами.

Слева из тумана в ранних солнечных лучах вырастает стройная вершина Фудзиямы.

Вид на город Никкó — один из самых красивых по своему расположению городов Японии — очень характерен для величавой природы этой островной страны. Никкó японски означает «Солнечное сияние». Недаром среди японцев распространено выражение: «Не повидав Никкó, не говори кэккó (хорошо)». Мы любовались в Никкó отвесными скалами, уходящими ввысь, к самому небу. Кажется, что их едва видимые пики касаются стремительно летящих облаков.

Никко — одно из «священных мест» и достопримечательностей Японии — привлекает массу паломников и туристов. Здесь их ежегодно бывает огромное множество — и японцев и иностранцев. Это вызвало к жизни своеобразный промысел, и тут японские предприниматели проявили себя как незаурядные психологи и предприимчивые коммерсанты. Они давно уже поняли, что живописные озера и вулканические горы можно с большим толком эксплуатировать для извлечения иностранной валюты, а валюту, в свою очередь, использовать для приобретения за границей необходимого Японии сырья, машин, недостающих продуктов и т. п. Отсюда возникла хорошо налаженная система обслуживания иностранных туристов.

Днем и ночью, в любой час суток, агенты туристских контор и отелей подстерегают иностранных туристов, предлагая им машины, гостиницы, рестораны, любой «сервис». Тонко действует и изощренная реклама с зазывными и броскими названиями.

Во всех отелях и гостиницах, на вокзалах и в аэропортах, возле храмов и возле музеев — всюду киоски с самыми разнообразными сувенирами: цветные альбомы с фотоснимками и открытками, статуэтки, художественные вышивки, резные фигурки и множество безделушек, которые выполнены с мастерством и вызывают интерес приезжих. Изготовлением сувениров заняты целые отрасли кустарной промышленности Японии.

Подобно многим храмовым городам (в частности, таким, как прославленные Киото и Нара), в городе Никкó старинные храмы и кумирни являются едва ли не основной достопримечательностью. Здесь находится уникальный синтоистский храм, называемый Тосёгу, что в переводе с японского означает «Храм восточного сияния». Храм стоит у подножия высоких гор, покрытых снегом почти до самой подошвы. Вокруг густые заросли вековых криптомерий. Многим из этих лесных гигантов более трехсот лет. Лес криптомерий, занимающий площадь в 25 квадратных миль и насчитывающий 17 тысяч деревьев, составляет богатство храма: каждый ствол оценивается в несколько сотен тысяч иен.

Храм был воздвигнут Хидэгада, вторым сёгуном из династии Токугава, в память его отца Иэясу Токугава (1542—1616), основателя этой последней в истории Японии сильнейшей династии сёгунов. При Иэясу Токугава междоусобная борьба феодалов прекратилась, закончившись победой Иэясу, что и дало ему возможность объединить под своей властью всю до этого феодально раздробленную страну и добиться известного экономического и культурного подъема. Храм построен в 1635—1636 годах. В выполнении строительных работ, как утверждают японские источники, было занято в общей сложности 4541 230 человек; израсходовано денежных средств, серебра и риса в перечислении на современные цены свыше 8 миллиардов японских иен. Лучшие японские архитекторы, скульпторы, резчики, художники были собраны со всей страны, чтобы выполнить «строжайшее повеление», создав «величайший на всей земле мавзолей». Было израсходовано «шесть акров листового золота» и «330 миль бревен». Храм постоянно реставрируется. Для одних только текущих реставрационных работ ежегодно требуется три тонны лака, пять килограммов золота, большое количество эмали и многое другое.

Храм Тосёгу состоит из двадцати трех основных сооружений и занимает площадь в восемьдесят тысяч квадратных метров.

Мы поднялись по широкой каменной лестнице и оказались у главных ворот, построенных в виде двенадцатиколонного двухъярусного сооружения. У ворот два названия: Йомэймон — «Ворота солнечного света» — и Хигураимон, что буквально означает: «Зачарованные этим прекрасным зрелищем не заметят даже заката солнца». Ворота украшены множеством резных фигур. Здесь и мифические животные (среди них — грозные разъяренные драконы), и диковинные птицы, и редкостные цветы, и играющие дети, и китайские старцы, олицетворяющие мудрость и бессмертие. Весь этот разнообразный мир, созданный искусным резцом безвестных мастеров, помещен под шатровой крышей традиционной архитектуры, с тяжелыми перекрытиями и бронзовыми листами, выгнутыми в виде черепицы.

Тонкая вязь покрывает поверхность фронтальных колонн, и ворота и колонны сохраняются в первоначальном виде. Каждая колонна увенчана резной фигурой мифического животного, обращенного к посетителям страшной оскаленной пастью. Эти мифические существа — символы неусыпных стражей: они охраняют синтоистских духов. Между колоннами, под сводом, по обеим сторонам восседают монументальные фигуры жрецов в древних одеяниях. В проходе под аркой колонны окрашены в красный цвет. С двух сторон установлены громадные фигуры царя гуманности — тоже красного цвета. Все сооружение покоится на огромных каменных плитах, соединенных между собой не цементом, так как его не знали в пору сёгуната Токугава, а толстыми свинцовыми прокладками.

Архитектурный стиль грандиозного сооружения — дальневосточное барокко — несет в себе следы влияния китайского зодчества эпохи Тан (618—906), эпохи, считающейся золотым веком в развитии феодальной культуры Китая. Вообще следует сказать, что в Японии всегда высоко ценили китайскую архитектуру, искусство, литературу и в прошлом часто отправляли молодежь учиться в культурные центры Китая, например в Чанъань (древнее название современного города Сиань), Пекин, Лоян. Китайские танцы танской эпохи продолжают исполняться в Японии и теперь, спустя более тысячи лет. В древней японской дворцовой музыке сохранились многие произведения танского периода: «Весеннее пение соловья», «Песня о победе Циньского вана», «Князь Лань Лин», «Баотсу» и другие.

В одном из помещений храма Тосёгу мы увидели едва не самый большой в мире паланкин — нарядные крытые носилки. Служитель пояснил нам, что паланкин этот выносят из храма лишь в особо торжественных случаях, когда нужно переместить «живущую здесь душу Токугава». «Царственный паланкин» переносит восемьдесят человек, а в торжественной процессии обычно участвует около тысячи двухсот человек.

Ежегодно 17 и 18 мая, а также 17 октября в храме устраивается грандиозный праздник. Приверженцы синтоизма совершают благодарственные молебны, специальные патетические богослужения; тысячи людей шествуют вокруг храма в нарядных одеждах, с зажженными факелами.

На одной из внешних стен храма мы увидели три разрисованные яркими красками фигурки. Это прославленные обезьяны: одна лапами закрыла себе глаза, что означает «не видеть зла», вторая заткнула уши, чтобы «не слышать зла», а третья зажала себе рот, чтобы «не говорить о зле». В другом месте храма мы видели резное изображение кота, спящего среди пионов.

По приглашению настоятеля храма мы оказались у алтаря. Это святая святых синтоистского храма. Еще совсем недавно сюда вовсе не допускались посторонние, тем более иностранцы, о чем нас весьма учтиво уведомил служитель. Прежде сюда входили лишь сёгуны и приближенные императора, лица, имеющие высокие звания. Но меняются времена, а с ними отпадают и условности. Мы подошли к алтарю — месту жертвоприношений. На обыкновенном столе стоят простые чаши и сосуды с жертвоприношениями: рисом, овощами, сушеной рыбой, фруктами, водой и японским вином саке. «Синтоистские духи, — разъяснил нам служитель храма, — нуждаются в жилище и еде».

Весь потолок главного зала храма расписан красочными изображениями драконов в ста фазах перевоплощения. Каждая фигура, выполненная с необыкновенным мастерством, выражает определенную мистическую идею.

Мы переходили из одной части храма в другую и не уставали дивиться трудолюбию и художественному воображению японских мастеров, создавших этот неповторимый памятник зодчества.

В одной из небольших комнаток (в храме их множество) мы долго не могли оторвать глаз от редчайшего орнамента. В центре орнамента — фигуры сказочных фениксов.

Золотом сверкает храм Тосёгу, а за оградой, совсем рядом, крестьянин, вооруженный допотопной мотыгой, одиноко разрыхляет просяхший грунт на своем крохотном рисовом поле, таком же крохотном, как в далекие времена, и с помощью такой же мотыги, какой обрабатывали землю его предки много столетий назад.

Дорога из Никкё к знаменитому водопаду Кэгон вгрызается в зубчатые скалы. Медленно, с предельным напряжением движется машина по крутым извилинам, пока наконец ей удастся вырваться на ровный прогон где-то близ вершины горы.

Через час мы уже у водопада Кэгон, к которому нас привела не только дорога, но и специально сооруженный электрический лифт. Шахта для лифта, опускающего и поднимающего туристов на высоту ста метров, прорублена в сплошном каменном массиве.

Возле водопада на каменной скале высечены два крупных иероглифа — название «Кэгон» и краткие сведения о водопаде: высота — 97 метров, ширина — 10 метров, глубина котловины — 20 метров, водное зеркало внизу — 1 134 квадратных метра.

Бинокль приближает к глазам грозную громаду каскада, срывающегося с отвесных скалистых утесов. Временами сквозь молочную пелену облаков пробиваются солнечные лучи, образующие многоцветную радугу в брызгах бурных вод. Студеный, порывистый ветер резко бросает в лицо мириады невидимых водяных пылинок.

И в памяти возникают строки из стихов великого китайского поэта Ли Бо:

За сизой дымкой
Высится бамбук,
И водопад
Повис среди вершин.

Кэгон выливается из довольно большого горного озера, называемого Тюдзэндзи. На берегу озера разбросаны деревянные строения, миниатюрные особняки и дачи. Криптомери и кипарисы плотным кольцом окружают гладь горного озера. Прекрасный горный воздух и необыкновенно красочная природа привлекают сюда множество отдыхающих и туристов. Но и здесь не обходится без одержимых. Сюда, как и на огнедышащий вулкан Михара (остров Осима), взбираются фанатики, чтобы, бросившись со стометровой высоты, покончить с собой. Недаром в популярной японской песенке поется:

Ежели с тобою вместе,
Так куда угодно!
Хоть в самую пучину
Водопада Кэгон.

На берегу озера Тюдзэндзи нас ознакомили с небольшим рыбным хозяйством. Здесь в бассейнах, соединенных с озером, разводят ценные породы рыб, в том числе и форель — красноперую или радужную. В больших деревянных корытах мы увидели икру и выращенных из нее мальков. Мальки выкармливаются коровьей или лошадиной печенью. Их выращивают в течение двух-трех лет. Тщательно продуманная технология позволяет сохранить около 90 процентов мальков, тогда как в естественных условиях выживают лишь 10 процентов. Ежегодно рыбное хозяйство получает около пяти миллионов красноперой форели, 700 тысяч речной, а также свыше 600 тысяч мальков лососевых пород.

ХРАМ НАЙГУ. — «МОРСКИЕ ДЕВЫ». — НАТУРАЛЬНЫЙ ЖЕМЧУГ. — ГИГАНТСКИЙ АКВАРИУМ

По хорошей шоссейной дороге мы совершили поездку на автомобиле в селение Татокү префектуры Миэ.

Нам советовали осмотреть здесь главный синтоистский храм Найгу. Расположен он на берегу реки Исудзугава, у подножия горы Камидзи. Нас встретил жрец в длинном шелковом халате — от плеч до пояса фиолетовом, а от пояса кремовом. Он рассказал нам о синтоистском вероучении.

Синто по-японски означает «путь духов» или «учение божества». Синтоисты верят в бессмертие человеческой души, в неуничтожаемость духов, в потусторонний мир, в загробную жизнь. После физической смерти человека, утверждает синтоизм, душа его, покидая остывшее тело, продолжает существовать, и люди не должны порывать связь с этими душами, с духами предков. Синтоистские храмы призваны поддерживать спиритуальные отношения между миром живых и миром усопших.

Синтоизм признает существование различных божественных сил природы, духов гор, рек, морей, лесов, ветра, огня и т. д.

В Японии чрезвычайно широко распространены суеверия. Говорят, что суеверий в стране столько, сколько духов в религии синтоизма. Синтоизм насчитывает восемь миллионов духов и богов. Видный японский журналист Минобэ как-то не без иронии заметил, что синтоизм позволяет даже селедочной головке превратиться в божество, особенно если окружить ее советниками, государственным аппаратом и вооруженными силами.

Главное божество синтоистов — Аматэрасу (богиня солнца). Синтоизм — официальная религия Японии. Среди синтоистов всегда были воинствующие секты шовинистического направления. Есть они, несомненно, и теперь.

Небезынтересно отметить, что, хотя суеверно-мистические основы синтоизма по своей природе имеют мало общего с буддизмом, многие японцы, исповедующие синтоизм, посещают и буддийские храмы, выполняют и обряды буддийского вероучения.

Синтоизм — наиболее распространенная религия в стране, ее исповедует около двух третей населения страны. По официальным данным, в Японии свыше 81 700 синтоистских храмов. Второе место занимает буддизм. Имеются в стране и христиане — их 500 тысяч.

Минут десять мы шли по прекрасной, посыпанной мелкой галькой и морским песком дороге, по обе стороны которой возвышались гигантские криптомерии. Некоторым из этих великанов более тысячи лет.

Это место овеяно древними мифами, историческими преданиями, неразрывно сплетено с историей, со всем древним бытом японцев... Даже парк здесь именуется «Синъ-эн» — «Священный парк»; даже галька, которой усыпана дорожка, не просто галька, а «яшмовая галька», то есть самая драгоценная, царственная.

Храм окружен изумительным естественным парком, раскинувшимся на берегах Исудзугава. Воздух насыщен запахом хвои, а сомкнувшиеся кроны деревьев образуют сплошной зеленый шатер, не пропускающий лучей палящего солнца. Древесина криптомерии ценится буквально на вес золота. Эти гигантские деревья считаются священными и используются главным образом для строительства синтоистских храмов. По существующему обычаю главный синтоистский храм должен возводиться заново каждые двенадцать лет поблизости от старого храма, который затем разрушают. Духи предков императорской фамилии, витающие будто бы вокруг этого храма, не терпят старых строений, любят новые, где живет еще запах свежей древесины. Мы видели, как неподалеку из свежераспиленных досок недавно срубленных криптомерий начинают возводить новый храм. Последний, двадцать девятый, был заново построен в октябре 1953 года.

Ценнейшая древесина криптомерии пользуется огромным спросом на внутреннем рынке страны. Более всего в Японии ценят широкие доски, получаемые при распиловке ствола по диаметру. Иногда они достигают нескольких метров ширины. Помещение, в

котором потолок сделан из цельной доски криптомерии, ценится особенно высоко, считается изысканным.

Торговля древесиной криптомерии — серьезный источник дохода. Однако рубить живое дерево, священное, «ниспосланное с неба», не разрешается никому. Использовать можно лишь те деревья, которые были свалены бурей или грозой. Поэтому материальные доходы синтоистских храмов в немалой степени зависят от разгула стихии и ненастья. Синтоистские жрецы не перестают уповать на грозные тайфуны, которые достигают здесь страшной разрушительной силы.

По ритуалу, перед тем как подойти к главному входу в храм, необходимо ополоснуть рот и омыть руки в протекающей неподалеку кристально чистой горной речке Исудзугава.

Сопровождавший нас жрец пояснил, что это главное и чуть ли не единственное ритуальное требование синтоизма. Оно связано с учением об очищении от «скверны»: первоначально просто от нечистоты, в дальнейшем — от греха.

Когда посетитель приближается к входу, он должен сделать несколько хлопков в ладоши. Предполагается, что издаваемый звук опозещает духов о приближении живого человека. Любопытство побуждало нас пройти во внутренние помещения и своими глазами увидеть святая святых синтоистского храма. Однако в главный храм мы допущены не были. Видимо, чужестранцам вход в святилище императорского божества воспрещен. С разрешения жреца мной был сделан, и то лишь с почтительной дистанции, фотографический снимок храма Найгу.

Следует, однако, отметить, что «великие императорские храмы» в действительности вовсе не являются сооружениями грандиозными. Это, в сущности, самые простые небольшие постройки из неокрашенного дерева, с шатровой крышей, без всяких украшений. Лишь кое-где тускло поблескивают медные крепления. И внутри храма, как нам рассказали, нет ничего, кроме завернутого в материю металлического зеркала, эмблемы богини солнца — Аматэрасу. Никакой утвари, никаких украшений. Именно в этом резкое отличие синтоистских храмов от буддийских. И эта простота синтоистских храмов, несомненно, воздействовала на общий вид и отделку японского жилья.

Жрец рассказал нам, что храм построен в духе самого древнего японского национального зодчества из цельных досок «японского кипарисового дерева». Во время больших служб в зале храма исполняются синтоистская музыка и танцы — старинные произведения восточной классики.

Еще находясь под свежим впечатлением от только что виденного, мы не могли не восхититься красотой новой картины, возникшей перед нашими глазами. Как-то внезапно, в непосредственной близости, мы увидели морскую гавань, окаймленную цепью невысоких гор. Здесь, в бухте Агован, на островке Татокудзима, находится ферма японского короля жемчуга Микимото Кокити. А неподалеку — небольшой, но очень уютный отель смешанной японо-европейской архитектуры.

С веранды отеля, похожей на бревенчатый сруб с нарочито грубо обтесанными стропилами и корявыми балками, открывается изумительный вид на зеркальную гладь почти круглой бухты и вечнозеленую тропическую растительность.

В памяти невольно промелькнули слышанные когда-то легенды о сказочном подводном мире, о волшебном происхождении жемчуга. Вспомнилась легенда о том, будто свыше четырех тысяч лет тому назад морские пираты силой вырвали из объятий супруга прекрасную индийскую принцессу и увезли в заморскую страну. Сохраняя верность возлюбленному, принцесса в разлуке была неутешна, и слезы ее, падая в бирюзовую морскую воду, превращались в жемчужины...

Запись этой сказочной истории содержится в древнейшем словаре китайских изречений «Эр-я», составленном, согласно преданию, одним из мудрецов древнего Китая, знаменитым Чжоу-гуном, жившим в одиннадцатом столетии до нашей эры. Но и теперь в китайском языке вместе с образным выражением «плакать жемчугом» бытует множество слов и понятий, связанных с природой и загадочными свойствами жемчужин. В китайских старинных письменах сохранилось предание о том, будто жемчуг таится в подбородке мифического существа — дракона, олицетворяющего дух морей и рек, во рту змеи, в коже акулы, в ногах черепахи. Древние китайцы утверждали

также, будто проглоченная человеком жемчужина дарует ему долголетие, будто жемчуг избавляет от пожаров. В одной из старинных китайских легенд говорится о чудесной жемчужине, которая исполняла любое желание своего обладателя и охраняла его от всех несчастий. В представлении китайцев жемчуг служит символом совершенства, проницательности, блеска ума. О человеке большого дарования говорят, что он владеет жемчужиной ума. Желая похвалить художественное произведение, говорят, что округлость его формы подобна жемчужине, а гладкость — нефриту. Эти понятия хорошо известны японцам: ведь у китайской и у японской иероглифической письменности один и тот же источник.

До жемчужной фермы мы добрались на моторной лодке, которая за пятнадцать минут доставила нас к причалу небольшого островка Татокудзима.

Впервые мы увидели работу искателей жемчуга. Три молодые коренастые японки одна за другой прыгнули в воду с плота. Вокруг забурлили пузыри воздуха. Солнечные лучи пронизывали зеленоватую морскую воду почти до самого дна, и сквозь волнистую прозрачную толщу мы могли наблюдать, как девушки стремительно опускались на несколько метров вниз, а затем, исчезнув на мгновение в глубине, быстро выплывали на поверхность и сбрасывали в плавающую бадью двустворчатые жемчужные раковины.

Нам рассказали, что ныряльщицы, или по-японски «ама» («морские девы»), обучаются своему искусству с самого раннего детства.

Слово «ама» встречается в древних японских памятниках. «Ама» иногда значит «рыбак», но для современного языка это слово глубоко архаично; употребляют его, в сущности, только в районе Сима. И означает теперь это слово не «рыбак», а «ныряльщица за раковинами» — жемчужными и съедобными.

Ама долгие годы обучаются своему нелегкому ремеслу. Работать они начинают приблизительно с шестнадцати — двадцати лет. Занятие это требует необыкновенной выносливости и мужества. «Золотые годы» ама — от сорока до пятидесяти восьми лет. Профессия ама — традиционная на полуострове Сима. Именно женщины занимаются этим ремеслом. Местные девушки и женщины могут находиться под водой более продолжительное время, чем мужчины. Они не так быстро мерзнут.

Японские женщины особенно деятельно начали заниматься морским промыслом потому, что на полуострове Сима ощущается большой недостаток пахотной земли. Мало земли — и люди вынуждены пробовать свои силы в море. В селении Сюкудасо, например, жителей немного более семи тысяч человек, пахотной земли — 644 тана¹, из них «заливных» полей — 151 тан, «сухих» — 493 тана, то есть немногим более шести гектаров!

Вот почему это селение поставляет наибольшее число ныряльщиц...

В 1950 году в районе Сима насчитывалось 6 819 ама. «Морские девы» разделяются на две категории. Первая категория ама работает на небольшой глубине — до десяти метров. Они вооружены привязанной к поясу бадьей. Бадья служит им и поплавком и посудой для складывания раковин. Ама, работающие в мелких водах, могут держаться под водой около двух минут. Вторая категория работает только на большой глубине. Эти ама берут с собой грузило из чугуна весом около пятнадцати килограммов. Оно помогает им быстро опуститься на нужную глубину — от двадцати до тридцати пяти, а иногда и до сорока метров. Когда ама достигает дна, она отпускает грузило, и его вытягивают наверх с помощью шнура. Ама, работающая на большой глубине, обычно трудится в паре с мужем. Она обвязывает себя «веревкой жизни» — так называют спасательную веревку. Конец каната прикреплен к барабану лебедки, установленной на борту лодки или баржи. По сигналу ама ее напарник с помощью лебедки помогает ей быстро подняться на поверхность. Отдыхает ама недолго, отдыхает в воде, держась рукой за борт лодки. После короткого отдыха ныряет вновь.

Работа на больших глубинах — весьма тяжкий труд. После девяти-десяти нырков на глубину тридцать — сорок метров ама даже в самую знойную летнюю пору спешит к огню — греться. Потом вновь продолжает работу. Ама работает с восхода до захода

¹ Тан — 0,099 гектара.

солнца, то есть двенадцать часов в день, работает ежедневно, включая и воскресенье. Эти женщины, ныряющие на большую глубину, могут держаться под водой до четырех минут. Дыхательным аппаратом они не вооружены; надевают лишь очки или большое зрительное стекло для защиты глаз.

Между апрелем и октябрем ама выходит в море на промысел около сотни раз, и стоимость ее дневного улова составляет приблизительно тысячу иен.

Одега ама во время ныряния в тонкую сорочку и трусы из белой хлопчатобумажной ткани. Голова повязана платком, чтобы закрыть уши. Ама вооружена специальным инструментом, который по-японски называется «тэноми», — это долото, помогающее отдрать раковины от водорослей и камней.

За один сезон ама теряет в весе не менее пятнадцати килограммов, хотя ест она пять-шесть раз в день. В одной из статей мы прочли, что ама съедает ежедневно около двух килограммов риса и более десятка яиц. Ныряльщицы обычно обладают хорошим здоровьем и отличаются долголетием. Специальное обследование показывает, что по числу долголетних людей уезд Сима занимает первое место в префектуре Миэ. На полуострове Сима живут и семидесятилетние ныряльщицы, продолжающие заниматься морским промыслом.

«Морские девы» суеверны. Они, например, делают специальные отметки на ручке долота в виде пятиконечной звездочки или сеточки, веруя, что эти знаки могут уберечь от несчастья в море и принести удачу. Прежде чем ама нырнет, ее напарник должен зачерпнуть ковшом морскую воду, пригубить и пролить на борт лодки или баржи. Ама, в свою очередь, долотом берет немного морской воды, подносит к языку, прикасается долотом ко лбу и громко причмокивает. Нередко ама привязывает к своим волосам заклинательные письмена в виде иероглифических знаков синтонстского или буддийского содержания — таков бесхитростный обряд, совершаемый ныряльщицами перед спуском в подводное царство...

Постепенно плавающие бадьи наполнились только что извлеченными с морского дна двустворчатыми раковинами серых жемчужниц. Ловцы жемчуга в течение многих веков занимаются своим мучительно трудным промыслом, совершая смелые рейды в подводный мир в надежде обрести неуловимое сокровище. Но поймать жемчужницу еще не означает найти жемчуг. Из сотен, а быть может, и тысяч добытых на дне моря или реки моллюсков очень немногие содержат жемчуг. Зарождение жемчуга в раковине до недавнего времени было случайным, и найти жемчужину считалось большой удачей. Ведь жемчужина не естественное порождение моллюска, а результат его ненормального развития. Ничтожная, едва заметная песчинка или крохотный паразит, проникнувшие в ракушку, могут стать причиной, раздражающей организм моллюска, и он слой за слоем обволакивает попавшее в его ткань постороннее тело особым «перламутровым» веществом.

Добыча жемчуга носила случайный характер, тяжкий труд ловцов был сопряжен с риском для жизни. Все это не могло не заставлять пытливых людей искать иных возможностей для получения жемчуга. Впереди всех оказались китайцы. Вместе с добычей натурального жемчуга они в течение столетий научились получать культивированный жемчуг. Этот промысел особенно развит в приморской провинции Чжэцзян в Южном Китае. Установлено, что если в жемчужницу ввести небольшое постороннее тело, то через некоторое время его можно извлечь оттуда уже покрытым перламутром.

Это открытие китайцев было заимствовано другими, в частности японскими жемчужными промышленниками. Особенно широко производство культивированного жемчуга поставлено именно здесь, на ферме японского короля жемчуга Микимото.

Нам показали здесь технологический процесс обработки жемчужниц. Производственные помещения фермы состоят из нескольких одноэтажных и двухэтажных деревянных строений. Мы вошли в первое, которое можно назвать «хирургической лабораторией». В просторном, залитом светом помещении стояло несколько небольших столиков, за которыми сидели девушки-операторы в белых халатах. На столиках — плетеные корзинки с только что пойманными раковинами жемчужниц.

Ловким движением руки девушка-оператор слегка раскрывает створки раковины, соединенные между собой единственным замыкающим мускулом, вставляет между створками небольшой предмет (чтобы они не закрылись) и через образовавшееся отверстие извлекает узкую полоску живой ткани морской устрицы. Эта полоска кладется на стекло, обрабатывается специальным раствором, а затем режется на мелкие части и вводится в организм других оперируемых устриц. Одновременно в мантию жемчужницы вводится два небольших шарика правильной формы, изготовленных из перламутровой раковины пресноводной жемчужницы. Если шарик удастся вложить правильно, то через определенное время он покрывается тончайшими слоями выделяемого моллюском перламутра, и жемчужина приобретает совершенную форму.

Так удалось совершить переход от случайной ловли жемчужных раковин к искусственному образованию жемчуга в морской жемчужнице. Так примитивный организм моллюска, одного из наиболее простых существ, человек стал использовать для получения баснословных сокровищ.

Операция длится несколько минут. Морская жемчужница способна жить без воды всего два-три часа. В течение этого времени должны быть выполнены все необходимые процедуры. О каждой оперируемой жемчужнице ведется соответствующая запись — это ее паспорт. Дата операции, имя и фамилия оператора записываются на специальных кирпичных плитках; их привязывают к раковине и вместе с нею в особой металлической сетке помещают в воду. Установлено, что оперируемой жемчужнице должно быть три года. После операции жемчужница живет еще три года. Затем ракушки вновь попадают на операционный стол и из них извлекают созревший жемчуг. Жизнь моллюска окончена.

Операция извлечения жемчужин производилась раньше ручным способом. Теперь она выполняется с помощью специального механизма. Нам показали оба способа.

Морская жемчужница — лакомое блюдо для многих морских хищников. Спруты, угри, скаты, каракатицы постоянно охотятся за моллюском. Жемчужницы крайне чувствительны к температурным колебаниям воды. Но настоящий бич для жемчужниц — красный планктон: появляясь в огромных количествах, он губит их.

Чтобы уберечь жемчужниц от хищников, их помещают в специальные проволочные сетки на нужной глубине и переносят в безопасное место. Такие сетки около метра в длину и полуметра в ширину прикрепляются к бамбуковому плоту. Не случайно о жемчужинах говорят, что их урожай, подобно урожаю вина, зависит от температуры, облачности и осадков. Благоприятные условия — умеренная температура, питательная среда в сочетании с местными течениями вод в заливе Исэ — позволяют выращивать наиболее ценный культивированный жемчуг.

Из операционного зала мы попали в технологический — более светлое помещение с множеством сверлильных станков. Здесь мы увидели россыпи тысяч жемчужин, мерцающих в солнечных лучах нежной серебристо-серой поверхностью.

Десятки людей заняты механической обработкой: сверлят отверстия, сортируют жемчужины, подбирают их по размеру и цвету, нанизывают на нить. Нам рассказали, что совершенных жемчужин, имеющих правильную форму и ровную, одинаковую окраску, не очень-то много. На каждый симметрически правильный, круглый, ровно блестящий перл приходится десятки кривых, перекошенных. Лишь 0,3 процента обработанных раковин дают жемчуг, имеющий товарную ценность. Многие жемчужины оказываются в пятнах, с трещинами, царапинами, вмятинами или затмненного цвета. Поэтому необходима тщательная проверка каждой жемчужины: проверка размера, формы, цвета. Перлы бывают определенных оттенков: серебристого, золотого, кремового, розового, коричневого или черного. Самым ценным считается жемчуг розоватого оттенка, затем желтоватого, кремового, за которыми следуют темные цвета. Чем крупнее жемчуг, тем дороже он оценивается. Лучшим считается жемчуг величиной в пять-шесть миллиметров в диаметре. Мягкий блеск жемчужин со временем видоизменяется, тускнеет. Тем не менее при правильном обращении с жемчугом он может сохранять свои качества в течение нескольких сот лет: нужно лишь аккуратно протирать каждую жемчужину сперва лоскутом мягкой ткани, увлажненной спиртом, а затем другим лоскутом, смоченным в воде. Считается недопустимым чистить жемчуг какой-либо

мазью или порошком, поскольку «лунное свечение образуется не на поверхности жемчужины, а исходит из самой ее сердцевины».

По производству культивированного жемчуга Японии принадлежит первое место. Здесь вырабатывается около восьми тонн жемчуга ежегодно. Ферма Микимото, где занято около трехсот пятидесяти человек, добывает свыше тонны жемчуга в год. Почти весь жемчуг идет на экспорт, за границу. В самой Японии он не находит сбыта: населению не на что его покупать. Японский жемчужный король Микимото не только заполнил своим товаром весь внутренний рынок Японии, но вызвал переполох среди торговцев жемчугом Европы и Америки. Культивированный жемчуг оказалось невозможным отличить от натурального. Известно, что в течение последних двухсот лет цена на жемчуг на мировом рынке непрерывно поднималась. Но с появлением японского культивированного жемчуга цена резко упала. Японские торговцы стали предлагать свой жемчуг по стоимости в четыре раза ниже мировых цен. Это вызвало кризис в торговле жемчугом на мировом рынке. По официальным данным, в настоящее время в Японии насчитывается свыше 1 600 компаний, занимающихся добычей культивированного жемчуга, — Японии в этой области принадлежит абсолютная монополия на мировом рынке.

Возвращаясь с жемчужной фермы на станцию Исэ, мы посетили гигантский аквариум в городе Тоба. Аквариум устроен на берегу залива Исэ и отделен узкой полоской воды от острова Синдзюго — острова «Натурального жемчуга». Бассейны аквариума сообщаются с водой залива — таким образом для морских обитателей созданы естественные условия. В аквариуме представлены образцы многочисленных рыб и морских животных, встречающихся в водах, омывающих Японские острова.

Рыболовный промысел Японии достиг высокого развития и играет важнейшую роль в народном хозяйстве страны. В области рыболовства Японии принадлежит ведущее место среди всех стран мира. На долю Японии ежегодно приходится до одной трети всего мирового улова. Рыба для японского населения — основная пища после риса. Свыше четырехсот различных сортов рыбы идет в пищу японца или имеет иное полезное применение. Столь интенсивному развитию рыболовства и морского промысла благоприятствуют естественные условия: Япония — островная страна, она располагает морской береговой линией огромной протяженности. Известно, например, что в Японии на один километр берега приходится всего 12 квадратных километров суши, тогда как даже в Англии на один километр — 45 квадратных километров суши. К тому же Япония находится в непосредственной близости к многочисленным богатейшим рыболовным зонам в морских просторах, где соединяются теплые и холодные течения и, таким образом, создаются благоприятные условия для развития морской фауны.

В аквариуме мы увидели многочисленные виды рыб, которые в изобилии водятся в холодных и субтропических морях: лососи, треска, палтус, морская форель, тунец, фрегаты, макрель, меч-рыба и другие. Здесь представлены также породы хищных рыб и морских животных, такие, как придонные морские рыбы с широким плоским телом, скаты с узким, как игла, хвостом, осьминоги, акулы, каракатицы, электрический угорь и т. д. Здесь собраны гигантские морские раки, многообразные породы морских крабов, омаров (высоко ценится их вкусное мясо), креветок, чилимсов, являющихся излюбленным блюдом в Японии и Китае, и т. п. В морских водах, омывающих Японские острова (от Хоккайдо до Кюсю, насчитывается свыше 17 тысяч различных ракушек и улиток (спиральных, одностворчатых, двустворчатых, перламутровых, жемчужных и т. д.). Большую ценность для японцев представляют также морские животные — трепанги (в них содержатся йодистые вещества и фосфор), морская капуста и различные водоросли, используемые для производства пищевых продуктов и для технических целей.

ЯПОНСКАЯ КУХНЯ. — ЧАЙНАЯ ЦЕРЕМОНИЯ. — ДАРЫ МОРЯ

По древнему обычаю, соблюдаемому и теперь, при входе в японский дом, чайную или ресторан принято не только снимать верхнюю одежду, но и оставлять у порога свою обувь. На мягкие и всегда чистые циновки — татами — не полагается ступать теми же ботинками, в которых вы шли по грязной и пыльной улице. В хорошем япон-

ском доме или ресторане, где царит чистота, все ходят в специальных легких тапочках или просто в носках.

Другая особенность японского ресторана: посетители сидят не на стульях, а на полу, поджав под себя ноги. Просидеть так час или два непривычному человеку нелегко. К концу обеда ноги немеют, встать и удержаться на них трудно. Зато японцы, привычные к такой позе, чувствуют себя за обедом вполне естественно, не испытывают никаких неудобств. Однако, кроме чинной позы, которая обычно соблюдается на официальных обедах, есть еще свободная манера сидеть, то есть скрестив ноги перед собой. Правда, она допустима, так сказать, лишь в мужском обиходе. Обычно при близком знакомстве хозяин не преминет сказать гостю: «Пожалуйста, сядьте свободнее!», приглашая его к «агура-о каку» — скрестить ноги.

Перед тем как приступить к обеду, в японском ресторане каждому гостю непременно подают в небольшой плетеной корзиночке полотенце или махровую салфетку, горячую и влажную. чтобы вытереть руки и лицо. Это особенно необходимо в изнурительно жаркие дни, когда лицо и руки покрываются липкой раздражающей испариной. Обтирание горячим полотенцем — лучшее освежающее средство, распространенное в странах Юго-Восточной Азии и Дальнего Востока, особенно в Китае и Японии.

Внутреннее устройство и убранство японского национального ресторана представляется на первый взгляд простым — кажется, будто убранства не существует вовсе.

Это небольшая комнатка с легкими раздвигающимися стенами, сделанными из светлого дерева и бамбука. Деревянные доски и брусья, как правило, не покрываются масляной или иной краской — тут принято сохранять первоначальный, естественный цвет дерева, оставлять натуральный рисунок. Иногда дерево чем-то слегка протравляют или покрывают светлым лаком, который делает древесный узор, его фактуру, рельефнее.

Комнатка ресторана с геометрически точными линиями производит впечатление легкости, изящества. В ней нет ничего лишнего. Ничто не мешает вам, не раздражает вас. Все просто, удобно. Нет даже тени излишества и безвкусного украшения.

Пол устлан свежими циновками из гибкой и упругой рисовой соломы. Преобладает единый желтоватый цвет. На этом спокойном фоне — контрастирующий со всем окружающим — низкий удлиненный столик темно-красного, вишневого цвета, массивный, устойчивый. Он лишь подчеркивает мягкость общего тона комнатки. Низкие столики, продолговатые или круглые, на четырех или более изогнутых резных ножках — сами по себе произведения высокого мастерства. В Японии и Китае их изготавливают из красного или другого твердого дерева и покрывают специальным лаком, который, помимо прочих свойств, не боится тепла. Крутой кипяток из опрокинутого стакана не оставляет ни малейшего следа на зеркальной лаковой поверхности.

Стены комнаты украшены одной лишь небольшой картиной, исполненной акварелью. Часто это ветка цветущей вишни на фоне горы Фудзи. На другой стене — свиток иероглифической каллиграфии, написанный сильным, выразительным почерком, всего два знака — «исполнение желаний». Панно и свитки иероглифической каллиграфии или каллиграфической живописи с определенным философским значением или поэтическими посвящениями нередко ценятся в Японии много выше произведений живописи.

Каллиграфическое искусство Китая и Японии, неведомое в странах Европы, имеет свою долгую историю, свои древние традиции, своих выдающихся мастеров.

Этим, однако, не исчерпывается декоративное оформление японской ресторанной комнаты. Непременный атрибут ее — антикварные вещи. Нередко рядом с цветами или возле панно иероглифической каллиграфии можно увидеть резную шкатулку, фигурку какого-либо божества, безделушку.

В торжественных случаях в ресторане ставятся изящные ширмы — тоже произведения искусства. Часто рисунки на них выполнены на исторический или легендарный сюжет. Иногда ширмы бывают без рисунка и без орнамента, однотонные, например золотого или серебряного цвета. Выполняют они и вспомогательную роль: с их помощью от глаз посетителя скрывают выход на кухню, стряпню и прочее.

Вокруг столика, стоящего приблизительно посередине комнаты, расположены плоские подушки для сидения. Они, к сожалению, вовсе не спасают и даже не облегчают ваших страданий, когда за официальным обедом вам часами приходится сидеть со скрюченными, поджатыми под себя ногами.

* * *

По цвету, по терпковатому, вяжущему вкусу японский зеленый чай нелегко отличить от китайского. Как и в Китае, зеленый чай в Японии — любимый напиток. Считается, что в зеленом чае лучше, чем в других сортах, в частности лучше, чем в черном или в красном байховых чаях, сохраняются витамины, танин, кофеин, теин, эфирные масла и другие вещества, полезные для человеческого организма. Зеленый чай хорошо утоляет жажду, особенно во время тропической жары. После чашки зеленого чая человек чувствует себя бодрее, усталость исчезает. Мне нередко приходилось слышать, что употребление зеленого чая способствует правильному кровообращению, играет роль тонического средства, повышающего деятельность всего организма, и в какой-то мере предупреждает склеротические и гипертонические заболевания. Говорят также, что употребление зеленого чая способствует правильному обмену веществ. Зеленый чай, несомненно, полезный и, более того, в какой-то мере целебный напиток.

Японцы заваривают чай по-своему. Они кладут щепотку зеленого чая прямо в чашку, а не в чайник, заваривают его крутым кипятком, а не кипятят на огне, и накрывают чашку крышкой. Заваривается, а не кипятится чай потому, что слишком высокая температура приводит к уничтожению теина и кофеина, содержащихся в чайном листе. Заваривание же горячей водой способствует растворению ароматических масел и придает напитку пряный вкус. Через несколько минут хорошо распаренные листочки чая как бы распускаются вновь и вода приобретает желтовато-зеленоватый оттенок.

Кроме зеленого чая, в Японии культивируются и другие сорта, в том числе черные и красные — байховые, но они не пользуются такой любовью в народе, как зеленый чай. Правда, пьют здесь нередко и цейлонский чай, отличающийся густым красно-бурым оттенком и своеобразным ароматом. Иногда пьют его с молоком и сахаром. Зеленый же чай в Японии, как и в Китае, пьют без сахара и молока, считая, что сахар, молоко или лимон портят настоящий вкус.

Из листьев чайных кустов одного и того же вида в Китае и Японии научились готовить свыше пятисот различных сортов черного и зеленого чая. При этом у каждого сорта свои характерные вкусовые особенности. Каждый сорт чая имеет свое название, нередко весьма поэтическое. В частности, название сорта «Билочунь» в переводе означает «Весна лазоревой раковины», «Шифын» — «Львиный пик», «Лунцзин» — «Драконовый колодец», «Тьегуаньинь» — «Железная бодисатва Гуаньинь», «Чжэньмэй» — «Прелестные брови» и т. п.

Зеленый чай — это засушенные, но не прошедшие ферментации листья чайного куста. Сушат их при довольно высокой температуре. Сушка требует особой тщательности, осторожности. Чайные листья сушат обычно в специальных решетках над медленным огнем, а иногда на металлических жаровнях. В зависимости от формы и особенностей жаровен, от приемов сушки получается тот или иной сорт чая. Но все сорта зеленого чая при заварке дают желто-зеленый настой, горьковато-терпкий, вяжущий вкус, тонкий, приятный аромат. По свидетельству ученых, витамин «С», который содержится в зеленом чае в большем количестве, чем в черном или красном, не разрушается при температуре до двухсот градусов.

Так называемый черный чай, распространенный за пределами Китая, — это те же листья чайного куста, но в отличие от зеленого чая они подвергнуты обработке: это листья перебродившие.

Помимо зеленого и черного чая, существует еще красный чай. Этот сорт отличается крупным размером листьев, славится своим особым цветом и ароматом.

В странах Дальнего Востока, особенно в Китае и Японии, производят также цветочный чай «Сянпянь» — «Душистые лепестки», — который обладает, помимо вкусовых и других качеств, душистым запахом, особым букетом. Среди цветочных сортов широкой известностью пользуется жасминный чай. Для аромата в зеленый чай подмешивают лепестки жасмина, магнолии, дикой и садовой розы. Специалисты по душистым чаям, комбинируя лепестки, создают своеобразный цветочный аромат, букет запахов.

Цветочный чай обычно подается к столу в торжественных случаях. Наибольшее распространение цветочный чай получил на севере Китая, особенно среди пекинского населения, которое употребляет его каждодневно. Наблюдения показывают: чем ближе

к тропическому поясу, тем больше распространен зеленый чай; в районах же, прилегающих к холодному поясу, распространен чай черный и красный.

Русское слово «чай» происходит от китайского слова «ча» или «чае» — в северном, пекинском произношении; английское «ти» (чай), как и соответственно французское, итальянское, немецкое, датское и другие, происходит от китайского же слова, но уже не в северном, пекинском, а в южном, фуцзяньском, произношении — «тэ».

В течение многих столетий Китай ревниво оберегал секрет выращивания и изготовления чая. Вывоз саженцев чайного куста не только за пределы страны, но даже в некоторые внутренние провинции был запрещен. Известно также, что торговля Китая с Японией, начало которой уходит в седую древность, была преимущественно чайной торговлей.

У европейцев чаепитие — занятие, ничем не примечательное. Иное дело в Японии и Китае — это своего рода священнодействие. Благоговейное отношение японцев к чайному напитку имеет свои глубокие корни. В «чайном действе» обычно участвуют: мастер чая — тот, кто заваривает чай и разливает его, и те, кто присутствует при этом и затем пьет. Первый — это жрец, свершающий действие, вторые — участники действия, приобщающиеся к нему, и нередко безжалостные критики.

Чай заваривается особый, в порошок, конечно, зеленый. Сначала кипятят воду в особом котелке — чайнике — на углях вишневого дерева; потом заваривают; тут и особенный чайник, и руки движутся по особым правилам; затем заваренный чай взбалтывают в специальной чашке так, чтобы напиток получился густой и пенистый.

Что это такое? Как все это назвать: ритуал, церемониал, обряд?.. Скорее всего особая духовная процедура. В конфуцианском учении есть такая этическая категория — «дао». В свою очередь «дао» связано с понятием «чань» в устах китайцев и «дзэн» — в устах японцев.

Как объяснить читателю эти самобытные понятия? Может быть, с помощью выписки из китайского словаря? «Чань — созерцание, сон чувств и мыслей, лестница экстазов». Приведем объяснение из ординарнейшего японского толкового словаря: «Дзэн значит: овладеть всеми своими духовными силами и вступить в пределы «не-я», т. е. погрузиться в созерцание». Понятие «дзэн» берет свое начало из учения буддийской секты Дзэн.

Если вы долгие часы просидите неподвижно, уставившись в одну точку, ничего при этом не думая, это будет «дзэн».

Если вы не пошевельнетесь при встрече с самой большой неожиданностью, это будет «дзэн».

Если вы освободитесь от всяких волнений, тревог, беспокойств, восторгов и т. д. — освободитесь не в том смысле, что все это для вас не существует, а в том, что ничто не может смутить ваше спокойствие, нарушить ясность вашего ума, это будет «дзэн».

Если вы совершенно спокойно, с абсолютной легкостью, с полной душевной ясностью и свободой пойдете на смерть, это тоже будет «дзэн».

Вот это и многое-многое другое именуется «дзэн».

«Путь чая» — «Дао чая» — создан сторонниками секты Дзэн. Этот «путь» — один из способов осуществить религиозные требования древней секты.

Так было... А потом «чайная церемония» стала предметом светского обихода, составным элементом образования благовоспитанной барышни из буржуазной семьи. Она должна уметь «проводить чайную церемонию», то есть определенным образом кипятить воду, заваривать чай, взбалтывать, а перед этим обтирать чайную посуду; подавать, кланяться, говорить заученные, ритуальные фразы... Приглашенные гости, большей частью подруги, должны тоже — на другой манер — кланяться, произносить другие заученные фразы, брать чашки и пить чай... старательно наблюдая, не совершит ли хозяйка какой-нибудь промах (они ведь сами умеют проводить чайную церемонию!), чтобы потом можно было ехидно рассказывать об этом промахе подружкам.

Японский чайный домик или китайская чайная — это место отдыха и место раздумий. Беспокойство и суета токийских улиц тотчас останутся позади вас, едва вы переступите порог чайного домика — обители покоя и тишины. Обычно домик расположен

в саду или парке, на берегу моря, среди живописной природы. Цветы и карликовые растения помогают создать обстановку покоя.

При входе в чайный домик гости обычно совершают традиционный поклон перед цветами, находящимися в комнате у токонома (нечто вроде ниши, алькова), и усаживаются на циновки, поджав под себя ноги. Навстречу выходит хозяин и в свою очередь приветствует гостей низким поклоном. Слышится бурление воды в кипятильнике. Даже в этих рокочущих звуках японцы находят своеобразную поэзию; песнь воды и металла, рокот волн, раскаты грома, треск бамбука в буреломе. Гости не спеша пьют чай, который им более всего по душе, погружаясь в раздумье.

Чайный домик, уединенный, тихий, — излюбленное место для встречи друзей, для душевных откровений. Здесь бываю люди разных сословий и социальной принадлежности. Разумеется, тут не только беседуют: тут совершаются различные сделки, сюда приходят политические деятели для неофициального обсуждения интересующих их проблем. Часто в таких местах рождаются и вынашиваются всякого рода политические планы, партийные и фракционные заговоры. Само собой разумеется, что чайные домики — место неофициальных встреч иностранных корреспондентов, наблюдателей, дипломатов. Здесь нередко осуществляется обмен всякого рода информацией. Чаепитие — по определенному ритуалу — для этой категории посетителей, разумеется, всего лишь предлог, игра, прикрывающая «дело».

Известно, что родина чая — Китай, его южные провинции. Чайный отвар рассматривался древними китайцами как лекарство. Считалось, например, что чайный напиток оказывает благотворное действие при глазных заболеваниях, при общем переутомлении, помогает быстрее восстанавливать силы. Его применяли как общеукрепляющее средство, а также как лекарство от ревматических заболеваний. Чай — лекарственный препарат — приготавливался в древности и в виде мази.

В древние времена чай приготавливали не так, как сейчас. Тогда в чайный отвар добавляли имбирь, соль и даже лук. Так продолжалось до тех пор, пока знаменитый китаец Лу Юй, живший в эпоху династии Тан (618—906), не предложил свой способ приготовления чайного напитка, близкий тому, которым китайцы пользуются теперь.

Лу Юй принадлежит известный труд — «Чацзин», что в переводе с китайского означает «Чайный канон». Там дано подробное описание природы чайного растения, его культивирования, даны правила сбора чайного листа, технология его обработки. Лу Юй изложил в этой книге способы приготовления чая различных сортов, дал впервые подробное описание важнейших из них, рассказал о принадлежностях и о посуде для приготовления чая, отметив, в частности, что зеленый чай следует пить из голубых фарфоровых чашек.

И теперь фарфоровая посуда считается лучшей для чайного напитка, особенно чашки белого фарфора, так как в них отчетливее оттеняется цвет.

Немалое значение для «чайной церемонии» имеет форма чайника и материал, из которого он изготовлен. Обычно ценятся чайники, изготовленные по древним образцам в старинном стиле. Часто чайник украшен изображениями дракона, бамбука, вековой сосны с пышной кроной. Имеет значение и печка, где кипятят воду для чая. Существуют специальные печи, в которых жгут древесный уголь, раздувая огонь небольшими мехами.

Лу Юй подчеркивал важное значение воды. Он указывал на необходимость готовить чай из чистой родниковой воды. Знатки считают, что для приготовления чая наилучшая вода — горная, родниковая, хуже — речная, на третьем месте — колодезная. Каждый китаец знает чайную, где он может выпить свой любимый чай, приготовленный наилучшим образом, либо умеет сам выбрать нужный сорт чая и приготовить его у себя дома по своему вкусу или по вкусу друзей — любителей и почитателей чайного напитка.

При этом важное значение придается чистоте чая. Необходимо, чтобы посуда, вода и все прочее не содержали ни малейшего постороннего запаха: это может испортить натуральный вкус любимого напитка.

На Востоке чай пьют горячим не только в зимнюю стужу, но и в летний зной. Считается доказанным, что в сильную жару лучше всего утоляет жажду именно горячий чай. Существует два способа употребления: одни пьют чай большими глотками, дру-

гне — малыми и в небольшом количестве, как бы дегустируя напиток, или, как говорят китайцы, «оценивая чай». Именно об этом рассказывается в знаменитом китайском романе «Сон в красной башне» — в главе «Цзя Баю-юй оценивает чай в кумирне Лунцуйянь». Прекрасная девушка говорит возлюбленному: «Разве ты не слышал, что одну чашку выпивают, чтобы оценить достоинство чая, две чашки — чтобы утолить жажду, выпить же три чашки — значит уподобиться пьющему воду ослу?»

История проникновения китайского чая в Японию во многих литературных источниках связывается с буддизмом, в частности с миссией буддийского проповедника Дэнгё дайси, и относится к 805 году. Буддийские проповедники одной из распространенных в Японии сект первоначально пили чай из простого кубка перед изображением Бодидармы (Дарума). Это было нечто вроде причастия или клятвы. Так объясняют зарождение японского чайного церемониала.

* * *

Японским национальным ужином нас угостили в ресторане Канкобэкон, расположенном на берегу острова Касикодзима, у бухты Агован. Обилие морских продуктов в этом местечке определило характер трапезы. Ресторан специализированный, такие в Японии очень распространены. Весьма популярны «касивая» — рестораны, где все блюда приготовлены из курицы; «сёбая» — закусовые, где все приготовлено из гречневой лапши «соба», и т. д.

После зеленого чая нам подали холодные закуски: ломтики полусырого мяса морской каракатицы с острой приправой, кусочки копченой соленой семги, мелко нарезанный молодой огурец, кусочки коричневой морской капусты, свежий мясистый сельдьрей, вяленые чилимсы (креветки).

Одновременно на нашем столе появилось японское национальное вино сакэ, приготовленное из риса. Этот самый распространенный в Японии алкогольный напиток, имеющий около шестнадцати градусов крепости, подается обычно в подогретом виде. Сакэ — белого или желтоватого цвета — пьют из миниатюрных фарфоровых чашечек.

Своеобразие ужина состояло в том, что он был приготовлен преимущественно из свежих, только что добытых морских продуктов. Некоторые из них за рубежом Японии считаются несъедобными.

Нас угостили морской ракушкой — по-японски «садзаэ», скорлупа которой имеет спиральную форму. Это крупная раковина величиной с кулак. Мясо ракушки извлекают из скорлупы, режут на мелкие части, жарят или варят его с соответствующими специями и приправами. Приготовленным таким образом фаршем вновь наполняют раковину и подают ее к столу. Мясо жесткое, но обладает весьма тонким вкусом, который трудно с чем-либо сравнить.

Японцы, как и китайцы, пользуются за столом палочками — палочки заменяют им вилки и ложки. Палочки бывают из слоновой кости, серебряные, деревянные. В Японии наиболее распространены палочки из бамбука, а теперь и из пластмассы. Изготовить их просто, они дешевы, гигиеничны. После того как бамбуковыми палочками поедят один раз, их выбрасывают.

Вслед за ракушкой садзаэ нам подали так называемое икидзукури — сырое мясо морского рака. Особенность этого блюда в том, что громадный зеленый рак еще жив и продолжает шевелить своими многочисленными конечностями. Его лишь слегка отделили от панциря и залили соусом или острым японским хреном. Это блюдо считается изысканным и очень полезным не только потому, что оно вкусное, но и потому, что в сыром мясе морского рака полностью сохраняются йодистые вещества и фосфор. За живым раком последовал фаршированный морской рак под майонезом.

Не менее своеобразным было и другое блюдо — хамагури-сиояки (морская двустворчатая ракушка, поджаренная с солью в собственном соку). Хамагури-сиояки довольно крупна, открывать створки следует с осторожностью, чтобы не расплескать бульонообразный сок, который считается у японских гурманов самой изысканной едой.

Одно из наиболее известных блюд в Японии — тэмпура (шейки морских креветок). Тэмпура готовится с приправой сои, в которой растворяется мелко натертая японская редька.

В качестве гарнира на стол подается так называемый адзи-но мото — вкусовой порошок («основа вкуса») из глутаминовой кислоты с натрием, свежие корни лотоса, нарезанные ломтиками, душистая трава — трехлистная мицуба. Иногда для большего разнообразия вместе с креветками в тесте зажариваются также и небольшие рыбки, свежие овощи или съедобные травы.

Рис, приготовленный на пару, клейкий, легко ухватываемый палочками и ароматный, подается для завершения трапезы. На торжественных обедах со множеством блюд и обилием угощений появление на столе риса означает конец обеда. Таков обычай.

В Японии многие морские продукты принято употреблять в сыром виде. Так, например, морской трепанг, по-японски «намако», подается на стол сырым и употребляется с укусом и тертой редькой. Сырой трепанг питательнее вареного: в нем сохраняется йод и фосфор. Обычно в сыром виде употребляются такие сорта рыбы, как тунец (магура), семга и другие. Сырой тунец, несомненно, первоклассный продукт.

Некоторые из морских рыб, например, шаровидные — диодон, тетраодон и другие, — содержат яд; они требуют особой осторожности во время приготовления.

Японцы едят также медузу, мясо осьминога, акулы и других морских животных. Особенно ценятся акулы плавники — изысканное блюдо.

Излюбленная еда японцев — скияки. Это блюдо готовится из лучшего сорта говядины — вырезки с жировой прослойкой. Особенно славится говядина из районов Мацудзака и Кобэ, где для скияки специально откармливают животных определенных пород. Тонкие полоски мяса жарятся в соевом соусе с сахаром, со сладким рисовым вином сакэ, различными овощами — луком, побегами бамбука грибами, бобовыми побегами, специальной травой коньяку. Приготовленное в таком виде мясо подается с сырым куриным яйцом. Часто скияки готовится на глазах у гостей, в специальных кастрюлях вроде самовара. Японские гурманы предпочитают именно такой способ приготовления: он вызывает «неправдоподобный аппетит».

На международном конкурсе кулинарного искусства в Женеве в 1955 году таким японским блюдам, как скияки, суси (ассорти из сырой рыбы и свежих овощей) и сасими (кусочки свежей сырой рыбы с соевым соусом и японским хреном), были присуждены золотые медали.

КУЛЬТ ЦВЕТОВ. — КАРЛИКОВЫЕ САДЫ. — УКРАШЕНИЕ ЖИЛИЩ

В японском быту существуют три эстетических культа: цветов, луны, снега. Они отражены в поэзии и в живом языке народа.

Сама природа японских островов говорит сердцам людей: прекрасны цветы, луна, снег. Жизнь повелела любоваться цветами — в их смене, в нескончаемом чередовании соответственно временам года; любоваться луной — в ночи полнолуния, особенно осенью, когда в Японии «ниппонбарэ» — «японская ясность», то есть ровное, однотонное, чистое небо; любоваться снегом, покрывающим землю». Образовались специальные термины: «ханами» — «созерцание цветов», «цукими» — «созерцание луны», «юкими» — «созерцание снега».

Отношение японского народа к цветам прекрасно выражено прославленным народным певцом Японии первой половины VIII века Ямабэ Акахито:

Я в весеннее поле пошел за цветами,
Мне хотелось собрать там фиалок душистых,
И поля
Показались так дороги сердцу,
Что всю ночь там провел средь цветов до
рассвета!¹

Другой поэт японской древности, Аривару Нарихира, пишет:

Я красотой цветов пленяться не устал,
И слишком грустно потерять их сразу...
Всегда жалею их,
Но так их жаль,
Как этой ночью, — не было ни разу!²

¹ Перевод А. Е. Глускиной.

² То же.

Мягкий морской климат, обилие влаги и солнечного тепла, благодатная почва позволяют японцам почти в течение всего года выращивать множество самых разнообразных цветов и декоративных растений. Даже в крупных городах, в том числе и в гигантском Токио, используется малейший клочок земли для разведения цветов и декоративных растений. При каждом японском доме есть непременно «о-нива́» — садик.

Представьте себе пригород промышленного и торгового гиганта — Осака. В этом пригороде люди живут в жилищах, называемых «нагай». Нагай — это дом-цепочка: под одну крышу подведены маленькие отдельные домики-квартиры. В каждом таком домике — одна-две комнатки, крошечная кухонька и, конечно, такая же крохотная «ванная комната» — помещение, способное вместить только сосуд с горячей водой да одного человека. Но одна из комнаток выходит в «о-нива» — садик, размером в письменный стол. Тут растут цветы — либо прямо в земле, либо в горшках.

В буквальном переводе «нива» — это сад, двор. Но японцы говорят не «нива», а «о-нива». Что такое это «о»? Грамматика отвечает: «о» — префикс почтительности, ласкательности, уменьшительности». Значит, это не «сад», а «садик», «садочек» — что-то милое сердцу.

Японские цветоводы стремятся к тому, чтобы цветы росли и цвели непрерывно в течение всех четырех времен года и чтобы при этом не нарушался определенный рисунок, ковер, сотканный самой природой из цветов наиболее красивых расцветок.

Прежде всего надо сказать о хризантеме: летней, осенней, зимней, о хризантеме мелкой и пышной, махровой. Хризантема украшает государственную эмблему Японии. Хризантема воспета в японской поэзии. Вот небольшое стихотворение Томонори, поэта японской древности:

Как тает иней, павший на цветы
Той хризантемы, что растет у дома,
Где я живу,
Так, жизнь, растаешь ты,
Исполненная нежною любовью¹.

Прекрасно стихотворение Сугавара, писавшего в далекие дни японской старины:

Те хризантемы белые, что там
Колеблемы вдали приморским ветерком,
Все кажутся глазам
В осенний день
Прибрежною волной, а не цветком!²

В больших городах японцы устраивают выставки хризантем. А в императорском дворце, на обширных пространствах дворцового «о-нива», осенью, в разгар цветения хризантем, бывают пышные приемы — для избранных, разумеется.

В сентябре в Японии расцветают десятки и сотни видов хризантем самых разных расцветок. Медленно разгорается огонь цветения и так же медленно гаснет. Уже задули северные ветры, уже окрестные леса стали желто-красными, потом бледно-серыми и темными, а на клумбах все еще негасимо рдеет пламя хризантем.

Поражает разнообразие форм и оттенков хризантем, растущих в японских садах, — темно-вишневые, белые с золотой сердцевиной, светло-голубые, терракотовые, бело-розовые с висячими трубчатыми, вогнутыми, игольчатыми лепестками. А ведь нынешняя хризантема — результат многовековой работы японских и китайских садоводов — была когда-то простой ромашкой.

Китайцы считают Ханчжоу и Пекин родиной хризантем. По китайским данным, хризантемы были вывезены в Европу в период Цинской династии (1644—1911), а в Японию — в период Танской династии (618—906). Нам показали экземпляры хризантем, являющиеся своего рода драгоценной реликвией местных цветоводов. Нам открыли секрет выращивания так называемых плакучих хризантем, или каскадного цветка, который действительно создает впечатление потока, обрушивающегося вниз каскадом. Не скрою, мы были потрясены тем, что люди, занятые тысячей больших и малых дел, на-

¹ Перевод А. Е. Глускиной.

² То же.

ходили время поддерживать и улучшать культуру древнего цветка. В этом небольшом, казалось бы, факте мы почувствовали стремление народа взять от природы ее прекрасные дары, приумножить их, сделать свою жизнь радостнее, краше.

* * *

Пионы — самые популярные декоративные цветы в Японии. Яркая расцветка и благоухание выделяют этот цветок среди многих других. Вьюнок неизменно служит в поэзии и живописи олицетворением женского образа, а пион — всегда мужское начало, обозначение характера мужественного. Пион часто называют «мужем» или «царем». В Японии и Китае, где культивировать пионы начали около 1400 лет тому назад, насчитывается несколько сот разновидностей этого изумительного цветка. Неповторимы их оттенки: нежно-белые, нефритовые, соломенно-желтые, зеленоватые, черные. В результате длительных прививок и селекции японским цветоводам удалось получить совершенно новые виды роскошных махровых пионов. Нередко встречаются пионы громадных размеров — более тридцати сантиметров в диаметре. Они цветут в начале лета, но период их цветения непродолжителен, всего около десяти дней. «За цветами ухаживают год, а любятся ими десять дней», — говорят в народе.

Климатические условия Китая и Японии позволяют выращивать почти в течение всего года нарциссы. Нарциссами украшается жилище и с наступлением весны и зимой.

Первый снег в саду!
Он едва-едва нарцисса
Листики пригнул! —

говорит Басё, один из выдающихся японских поэтов прошлого (1644—1694).

Кому доводилось бывать в китайских или японских парках, тому должны быть хорошо знакомы заросли водяных растений с громадными темно-зелеными листьями и прозрачными белыми или розовыми цветами лотоса. Но немногие, пожалуй, знают, что растение это появилось в Китае едва ли не в самые отдаленные времена истории земли. Китайские источники утверждают, что развитие лотоса можно проследить на протяжении многих миллионов лет. Лотос поразительно жизнестойчив. Семена можно хранить очень долго, и это не мешает им при благоприятных условиях прорасти. В 1925 году японскому ученому удалось вырастить цветы лотоса из семян, которые пролежали в недрах высохшего торфяного болота в Китае около двухсот лет.

Цветы лотоса издавна привлекали внимание художников и поэтов. О них говорится в «Книге песен» — самом раннем памятнике китайской поэзии, книге, составление которой приписывается китайскому мудрецу Конфуцию. Упоминание о лотосе встречается в народных песнях и стихах.

Цветок лотоса, олицетворяющий в сознании народа моральную чистоту и целомудрие, был использован буддизмом и превращен в один из религиозных символов. В буддийской живописи и храмовой скульптуре, получивших необыкновенное развитие в Японии и старом Китае, Будда и его сподвижники нередко изображены восседающими на троне из гигантских цветов лотоса.

Многообразно применение лотоса и его семян. Молодые и нежные корни употребляются в пищу в сыром виде. Крахмал, приготовленный из корней, широко используется в диетическом питании. В большом цветоложе, остающемся после опадания лепестков, содержится около дюжины зубчатых зерен. Молодые и зеленые зерна едят сырыми или варят с сахаром и жасминовым цветом. Спелые зерна засахариваются или идут на приготовление сладостей наподобие халвы. Круглые листья, достигающие в диаметре более полуметра, высушивают и заворачивают в них продукты. Мясо, обернутое в свежие листья лотоса и сваренное на пару, приобретает особый аромат. Корни, цветы, тычинки, зерна и листья находят применение также и в китайской медицине.

* * *

Большой любовью пользуются в Японии и цветущие деревья. Здесь прежде всего надо назвать знаменитую японскую вишню «сакуру», воспетую японскими и китайскими

* Перевод В. Н. Марновой.

поэтами, изображенную художниками разных поколений. Цветы сакуры появляются на голых изогнутых ветвях вишни весной, простые и махровые, разной окраски, разных оттенков, в том числе розового, кремового, желтого. В пору цветения сакуры каждый японский дом украшается этими прекрасными ветвями; их ставят обычно в фарфоровые вазы или в особые цветочницы.

Распускающимися вишнями японцы могут любоваться часами. Этот народный обычай воспет в многочисленных творениях японской поэзии. В миниатюрном стихотворении поэта Исса (1763—1827) говорится:

Как вишни расцвели!
Они с коня согнали
И князя-гордеца¹.

В другом стихотворении Исса говорит о вишнях в цвету, воспевая дружбу:

Чужих меж нами нет!
Мы все друг другу братья
Под вишнями в цвету².

В солнечные дни ранней весной можно видеть толпы людей: они стоят и часами любуются цветущей сакурой. Это поклонение цветам отозвалось в японском языке, запечатлено в иероглифическом письме в виде особого понятия: «каисё» — «взирать», «всматриваться», «наблюдать», «не сводить глаз». Не сводить глаз и видеть прекрасное!

Нигде, вероятно, не существует столь своеобразного и едва ли не всенародного культа (кроме, конечно, Китая), как культ цветов сакуры в Японии. Цветущая ветка сакуры, символ богатого и своеобразного растительного мира этой островной страны, полное всего, пожалуй, отражает эстетический вкус японского народа.

Известный японский поэт прошлого Мотоори Норинага писал в одном из своих стихотворений:

Коль спросят у тебя о духе,
Что в истинных сынах
Японии живет,—
То укажи на цвет дерев вишневых,
Что блещет белизной, благоухая
В лучах веселых утреннего солнца.

Мы долго любовались в красивейших местах Японии — Нара и Никко — работами японских художников, с изумительным мастерством запечатлевших на простой бумаге нежнейшие цветы сакуры и дикой сливы. И в моей памяти невольно возникали картины глубинного Китая. Ранней весной, когда зацветают дикая слива «мэйхуа» и вишня «инхуа», в далекой китайской провинции Сычуань и стар и млад стремится в горы Хуаншань на южном берегу Янцзы. Нет, кажется, зрелища прекраснее, чем долина этой могучей реки в такую пору.

Мне вспомнилась поездка с прославленным китайским художником Сюй Бэй-хунем в горную деревушку Хуангоя, неподалеку от Чунцина. Будто смоляной корой одеты были стволы деревьев — черные, уродливо вывихнутые. Оттого, что черны были горы и стволы деревьев, необыкновенно прекрасными казались розовато-белые крошечные кроны мэйхуа. В них было что-то праздничное, свадебное. Сюй Бэй-хун отломил ветвь, щедро усыпанную цветами, и бережно передал мне:

— Взгляните, какая тонкая ветвь, будто проволока. Только цветок, маленький, бледно-голубой или розовый, способен оживить ее...

Мы уже готовились спуститься с горы, когда Сюй Бэй-хун показал на выступ скалы, повисшей над долиной.

— Взгляните внимательнее. Видите?

Я увидел крестьян, глядевших на горы.

— Они что-то увидели в горах? — спросил я. — Что же?

¹ Перевод В. Н. Марковой.

² То же.

— Как что? — удивился Сюй Бэй-хун. — Они увидели то же, что и мы... мэйхуа.

— Они здесь работали?

— Нет, они приехали или пришли сюда, чтобы полюбоваться мэйхуа.

Уступом ниже тоже стояли крестьяне.

— И они?

— Да, конечно...

И выше и ниже стояли люди, приехавшие сюда целыми семьями.

— У вас сегодня праздник?

— Праздник? Ах, да... праздник, ведь цветёт мэйхуа...

Прошли годы, и случай привел меня в дом-музей Сюй Бэй-хуна в Пекине. С глубоким чувством признательности я осматривал произведения этого самобытного мастера. Прежде чем покинуть музей, я еще раз оглянулся вокруг. На дальней стене, почти от потолка до пола, был развернут широкий свиток — чудесная акварель: цветет мэйхуа обильным и ярким цветением, как там, за Чунцином, на утесах могучей китайской реки Янцзыцзян...

Прекрасны ветви цветущей японской сливы. На дворе еще лежит снег, а на приземистых деревьях умэ — сливы с черными узловатыми, перекрученными, точно проволока, ветвями — распустились цветы. Среди снежных хлопьев виднеются нежнейшие лепестки слегка розовеющих цветов.

Замечательно сказано об этом в стихотворении Ямабэ Акахито (поэта первой половины VIII века):

Я не могу найти цветов расцветшей сливы,
Что другу показать хотела я;
Здесь выпал снег —
И я узнать не в силах,
Где сливы цвет, где снега близина?¹

Цветение сливы для японца — примета времени. Так начинается год, разумеется, по лунному, природному, а не по астрономическому календарю. Вообще все сезоны (а их японцы насчитывают двадцать четыре в году) связаны в Японии с каким-нибудь цветом. Предвестие весны — слива, весна в разгаре — вишня, один из сезонов осени — хризантема и т. д.

Японская умэ напоминает наше сливовое дерево, но, как и сакура, часто не дает плодов. Для нас слово «вишня», «слива» означает прежде всего плод, для японцев — цветок.

Между прочим отсюда пошло выражение, весьма распространенное среди европейцев: «В Японии деревья не дают плодов, цветы не пахнут». Последнее довольно верно: японские цветы в подавляющем большинстве действительно не пахнут. Поэтому у японцев даже нет выражения «нюхать цветы». Цветы не нюхают, на них смотрят.

* * *

Карликовые деревья и многолетние растения в Японии весьма распространены. Они примечательны тем, что ветви у них кривые и скрюченные. Таковы они от природы, но чаще человек сам искусственно заставляет эти деревья принимать причудливые очертания. Люди неизменно стремятся подчинить растительный мир своей воле и фантазии. И мы видим то растение-решетку, то правильный плоский круг или квадрат, то витой шар и т. д.

Это — особое искусство, имеющее свое специальное наименование: «уэки». Дословный перевод — «древонасаждение» — совершенно не передает особенности этого понятия. Разумеется, японцы знают и древонасаждение, то есть искусственное разведение леса, но оно называется иначе — «сёкуруи», собственно «лесонасаждение». Слово же «уэки» означает нечто другое.

Дерево растет само. Если же его растит человек, это дерево не естественное: оно сделано человеком. А то, что делает человек, есть искусство или, во всяком случае, может стать искусством. Вдохновляется художник-растениевод действительностью — его творческий труд создает «двухсотлетнюю соену» точно такую, какой она бывает в

¹ Перевод А. Е. Глускиной.

лесу: со скрюченными от старости ветками, с искривленным, сторбленным стволом, всю замшелую, седую, но только в горшке, миниатюрную. Вдохновляется художник-растениевод фантазией — и вот в горшке появляется сосна с самыми причудливыми очертаниями, каких в лесу не увидишь. Тоже миниатюрная. Словом, и в этом искусстве, как и во всяком другом, есть «реализм», «романтизм», «импрессионизм», «конструктивизм», «экспрессионизм» вплоть до «супрематизма»... Карликовые деревья содержатся в закрытом помещении в специальных кадках, в нарядных керамических разноцветных цветочницах, форма и очертания которых соответствуют рисунку растения, гармонируя с ним, образуя вместе законченную композицию, своего рода единый ансамбль.

Цветы и декоративные растения — составная часть японского быта, непрменный элемент художественного наслаждения. Существует давний обычай преподносить друзьям цветы по различным поводам и случаям. Яркие цветы служат выражением радостных чувств. Желтый цвет в Японии, как и в Китае, всегда считался самым изысканным, аристократическим, он был традиционным цветом императорского двора. Белый цвет означает печаль, траур. И только в последние годы в Японии под влиянием европейской традиции в знак траура стали носить черный костюм, черное кимоно.

Цветы и декоративные растения служат украшением не только жилых домов, но и учреждений, улиц, скверов, площадей. Цветы часто можно увидеть в вагонах поездов, самолетах, автомобилях.

Для понятия: «искусство расставлять цветы» в японском языке есть даже особое слово: «икэбана». Элементарный толковый словарь дает следующее пояснение «икэбана — искусство ставить цветы и ветки в сосуды для цветов». Особое умение состоит в том, чтобы найти верное место, подобрать неповторяющееся сочетание оттенков, выбрать соответствующую вазу или цветочницу. Это скорее не вазы и цветочницы, а в самом деле «сосуды для цветов». Таким сосудом может быть бронзовая чаша, вся орнаментированная, на резной, фигурной деревянной подставке; медный, различной формы кувшин или треножный сосуд; срезанное коленце бамбука, полое внутри, но с перемычкой, что дает возможность наливать в него воду; плетенка, корзиночка из тонких пластинок бамбука, из пропитанных темным составом лент дерева. И реже всего — стеклянная ваза... Впрочем, теперь в Японии можно встретить иногда и вазы из пластмассы...

Как не без горечи замечают японцы, падению вкуса вообще предела не бывает.

Цветы располагают в определенном обрамлении. Чаще всего в вазу ставят один-два цветка, а не букет. Редко встречаются букеты цветов на столе или в залах. Японцы считают, что один или два живых цветка в соответствующей обстановке могут выразить больше, чем целый букет цветов. Вообще эти соединения цветов и веток, а нередко только веток, не похожи на наши букеты. Каждый цветок или веточка имеют определенное значение. Высокая веточка означает небосвод, средняя — человека, а самая низкая — землю. Такое соединение трех веток или одну ветку с особо расположенными отростками именуют «триадой»: «небо, земля, человек»; триада эта имеет свои глубокие корни в духовной жизни народа, в его философии. Эта знаменитая триада восходит к древнейшей сокровищнице китайской мудрости «И-цзин» — «Книге перемен», самому удивительному трактату древности, в XI—VII веках до н. э. созданному гением китайского народа. «Книга перемен» утверждает принцип изменчивости всего существующего, всех вещей и явлений, первоисточниками которых выступают земля и небо. Процесс непрерывно происходящих изменений объясняется как вечная коллизия, столкновение и взаимодействие противоположных космических сил: ян — света и инь — тьмы.

«Книга перемен» породила огромную литературу со множеством различных точек зрения на этот памятник, пленяющий своей мудростью и загадочностью. В трактате неизвестных авторов под названием «Си цы чжуань», относящемся к V—III векам до н. э., знаменитая триада получает свое толкование: «Небо — сверху, земля — внизу, между ними — человек». Три начала бытия, три его ипостаси, три мира, три сферы жизни — равноценные, равнозначные. Они в вечном единстве, и в то же время каждый из них сам по себе. Они нераздельны и в то же время неслиянны... Вот о чем подчас говорит незатейливая ветка, если отростки на ней расположены осмысленно. Здесь и философия и эстетика.

Пусть современный простой человек и ничего не знает о «Книге перемен» или трактате «Си цы чжуань», кроме названия, все равно смутная идея триады бытия, жизни живет в нем, вмещена в его сознание веками.

Иногда цветы выставляют на изящной подставке на фоне стены определенного цвета. Нередко можно увидеть цветы и декоративные растения рядом с предметами старины, произведениями искусства и ремесла, каллиграфическими свитками или художественными панно, расписными экранами. Характерно, что эти предметы, которые высоко ценятся и почитаются в Японии, бывают обыкновенно небольших размеров и отличаются филигранной тонкостью, художественностью рисунка. Миниатюрность — характерная черта эстетического вкуса японцев. Собственно, не столько, быть может, миниатюрность сама по себе, а стремление к предельной экономии формы при полноте образа и всех его деталей.

Разумеется, у японцев своя эстетика, свое ощущение прекрасного, свои взгляды на законы красоты и на их проявления в жизни и искусстве. По мнению японцев, например, симметрия, понимаемая обычно как гармония и соразмерность, когда одна половина является как бы зеркальным отражением другой, способна вызывать эстетический интерес лишь в том случае, если найдена она не в ординарном и простом, а в необычном порядке вещей и явлений. Такое понимание симметрии сказывается во многом: в расстановке и подборе цветов, в декоративном оформлении жилища и т. д.

У европейцев, как правило, принято подавать на стол сервиз, где существует определенное единообразие в подборе блюд, тарелок, чашек и т. п. На японском столе нередко такого единообразия не увидишь. Напротив, на стол часто подают блюда различной расцветки и выработки, тарелки неодинаковых очертаний и сортов. Такое смешение и разнородность не только не претят вкусу японцев, но ощущаются ими как проявление гармонии форм и линий, создающих своеобразный художественный порядок, свои особые соразмерности, необыкновенные пропорции. Материал, форма, расцветка посуды — все должно отвечать характеру пищи, которая на этой посуде подается, а также формам, в которых эта пища размещена на посудине.

Приверженность японцев к иррегулярности и асимметрии, к «неправильным пропорциям» или «неправильности форм» порождена, как утверждают японские источники, «привязанностью к живой природе, особой близостью к ней». Сторонники этой точки зрения объясняют некоторые особенности эстетических взглядов японцев своеобразием внешней окружающей обстановки, самобытностью условий естественной живой природы. Повсеместные горные образования, долины и предгорья, бесконечная береговая линия: изгибы, повороты, изломы, извивающиеся ленты горных рек — все это создает большое многообразие в мире живой природы, многосложную самобытную флору. Японские авторы отмечают, что в узких долинах или на степных местах, где для растений нет безопасных условий, где они постоянно подвержены свирепым морским ветрам — тайфунам, грозovým ливням и т. п., деревья растут не прямыми и стройными, а низкими, приземистыми, изогнутыми и ветви у них скрюченные, как запутанная проволока. Подобные очертания непривычному глазу кажутся неприятными, уродливыми, неестественными, но тем, кто здесь вырос, самим японцам, такая необычность форм, неправильность линий, иррегулярность представляется красивой. И, напротив, растение правильных форм и линий считается простой ординарностью и интереса не вызывает.

Было бы, однако, серьезной ошибкой утверждать, будто эстетическими принципами японского декоративного искусства вообще и начисто отрицается красота симметрии, правильных форм, пропорции. В действительности художественные вкусы японцев многообразны. Однако японские источники отмечают, что формы правильной симметрии и пропорции играли в японском декоративном искусстве ведущую роль лишь в дни далекого прошлого, приблизительно в период между 1400 и 1600 годами. Что касается современного японского «искусства цветочного украшения», то среди многочисленных направлений и школ преобладают в основном два: одно предпочитает красоту неправильных форм, другое занимает промежуточное положение между искусством правильных и неправильных пропорций.

В каждом японском доме, в одной из комнат, где обычно принимают гостей, устраивают так называемую токонома́. Токонома считается самым почетным местом в доме. Тем не менее она бывает расположена не во фронтальной части комнаты, обращенной во двор или сад, а где-либо в углу. Токонома — зрительный фокус комнаты. Сюда помещают картину, или вазу, или свиток каллиграфической живописи, или цветы. Сюда должно быть обращено внимание всех — гостей и хозяев. Стены японской комнаты в отличие от европейской, как правило, лишены украшений, цвет стен не бывает ярким, в комнате нет мебели, которая могла бы отвлекать внимание от главного зрительного центра — от токонома, воплощающей эстетический вкус хозяина дома, мир его духовных идеалов. Японские источники отмечают, что первоначально токонома предназначалась не для художественно-эстетических целей, а для отправления религиозного обряда.

В декоративном искусстве, помимо живых цветов, часто применяются просто ветви деревьев, ветки с плодами, но без цветов, или даже сухие ветви, дикие и сорные травы. Причина этого, как утверждают японские искусствоведы, например, Иссотэн Нисигава, в том, что в Японии больше ценят форму растения, чем цвет и окраску. Быть может, объясняется это тем, что в Японии не так много ярких и красочных цветов, как, например, в странах знойного тропического пояса. Но даже заморские цветы, розы и лилии, японцы предпочитают видеть в их натуральном обрамлении — с листьями и длинными стеблями, а не коротко обрезанными и всего лишь с немногими листочками, как принято в европейских странах.

Иссотэн Нисигава объясняет происхождение «искусства живых цветов» особой приверженностью японского народа к природе, к растительности. Отношение японцев к природе он сравнивает с их отношением к близким. Естественная красота волнует и трогает их не менее, чем благородные поступки людей.

Любить красоту — поясняет автор — учит японцев сама изумительная природа японских островов.

* * *

Для того чтобы жить в добром соседстве, надо хорошо знать друг друга. Такое знание не приходит сразу. Нам хотелось своими записками хотя бы в малой степени раскрыть перед читателем своеобразие японской жизни, некоторые черты искусства, быта, обычаев и передать то ощущение, которое возникло и у нас, что за этой своеобразной формой скрывается близкое и понятное нам содержание: стремление здоровых сил Японии, ее простых людей к созидательному труду, к сохранению и приумножению ценностей, созданных многовековой культурой страны, и, значит, раньше всего — к миру.

ПУБЛИЦИСТИКА

Б. ЯКОВЛЕВ

★

БЕССМЕРТНЫЕ СТРАНИЦЫ

Новые публикации литературного наследия В. И. Ленина в 1957 году

Лениниана... Так называется в библиографии литература, связанная с именем Ленина. За один лишь прошлый год ее пополнило множество новых книг. Вышли два дополнительных тома к четвертому изданию Сочинений, более шестидесяти книг биографов и мемуаристов, несколько иконографических альбомов и путеводителей по ленинским местам. Около тридцати фундаментальных сборников содержат высказывания В. И. Ленина о Великой Октябрьской социалистической революции и коммунистическом воспитании, о партийном и советском строительстве, народном образовании и профессиональных союзах, военном деле и экономике, литературе и искусстве...

Каждое из этих изданий по-своему освещает какую-либо из составных частей ленинского литературного наследия, отражает те или иные черты личности Владимира Ильича, дает новые примеры его революционной, государственной, научной, литературной деятельности.

Ко всем этим книгам следует добавить еще более двухсот впервые опубликованных или впервые переведенных на русский язык работ Ленина — его статьи и речи, письма, записки и телеграммы, планы и конспекты, пометки и замечания на книгах, журналах, газетах, листовках, подписанные, а нередко и отредактированные Лениным государственные бумаги. Напечатанные примерно в пятидесяти источниках, эти ленинские документы в 1957 году впервые публиковались в 36-м и 37-м томах Сочинений, в сборниках «Декреты Советской власти», «Документы внешней политики СССР», «Ленин в Украине», «Ленин о Средней Азии и Узбекистане», «Революция 1905—1907 годов в России» и в других историко-документальных изданиях. Они печатались в новогодних, апрельских, ноябрьских номерах «Правды», «Советской России», «Красной звезды» и «Литературной газеты», в журналах «Коммунист» и «Вопросы истории КПСС», «Партийная жизнь» и «Исторический архив», «Дружба народов» и «Иностранная литература», «Вопросы истории» и «Новая и новейшая история», «Нева» и «Юность», «Огонек» и «Советское фото», «Социалистический труд» и «Новая Болгария», «Дон» и «Литературная Вологда».

Трудно сколько-нибудь полно перечислить даже самые основные темы, поднятые и развитые в ленинских работах, опубликованных впервые в 1957 году, — так они многогранны. Весьма значительны их исторические и географические масштабы. Эти рукописи обращают читателей к истории Парижской коммуны и Великого Октября, революции 1905 года и гражданской войны. Они переносят нас в начальную пору социалистического строительства. Они связаны с народно-освободительной борьбой в Турции, Индии, Афганистане, Средней Азии. Они дополняют известные ранее высказывания Ленина о Соединенных Штатах Америки и Англии, Франции и Германии, Бельгии и Италии, Венгрии и Японии, Польше, Румынии, Финляндии, Швеции... Ленинские идеи охватывают века и континенты.

1

Наш обзор, не претендующий на полный охват всех новых публикаций, мы начнем с законченных произведений В. И. Ленина — его статей и речей.

Новые архивные данные о подготовительных материалах, всесторонний анализ содержания и литературного стиля позволили безошибочно установить авторство Ленина, и 1957 год внес в состав его сочинений еще две статьи. В декабре 1913 года они были напечатаны без подписи в газетах «За Правду» и «Пролетарская Правда», а ныне, сорок четыре года спустя, воспроизведены в № 2 журнала «Исторический архив» уже с указанием автора.

Обе статьи связаны с подготовкой к Всероссийскому съезду по народному образованию, намечавшемуся на декабрь 1913 года. Ленин поднимает здесь «старый, но вечно новый вопрос о нищете народных учителей» в царской России. Анализируя «казенно-выхолощенные и казенно-прикрашенные» цифры школьной переписи, проведенной в январе 1911 года, Ленин показывает отчаянную нищету подавляющей массы народных учителей в, казалось бы, самом «благополучном» по материальному уровню жизни довоенном 1913 году. Статью, озаглавленную «Нищета народных учителей», он заканчивает так: «Российское государство тратит сотни миллионов на содержание чиновничества, полицию, военные расходы и т. д., а учителей в народных школах оно осуждает на голодание».

«Жалкое, нищенское положение» церковно-приходских школ обличает Ленин и во второй статье, видимо, из-за цензурных соображений внешне бесстрастно названной «О наших школах».

Установив принадлежность В. И. Ленину еще двух статей, Институт марксизма-ленинизма при ЦК КПСС пополнил фонд ленинского публицистического творчества.

Дополнительной иллюстрацией пропагандистской деятельности Ленина являются опубликованные в прошлом году на страницах № 5 журнала «Коммунист» записи речей, произнесенных Владимиром Ильичем в июле 1918 и в феврале 1919 годов на митинге в Пресненском районе Москвы и на Четвертой конференции губернских чрезвычайных комиссий.

В первой речи Ленин называет Советы высшей формой народоправства. Он разъясняет, что все конституции буржуазных стран стоят на страже интересов господствующих классов, в то время как Советская Конституция служит и будет постоянно служить трудящимся, являясь могучим орудием в борьбе за социализм.

Выступая перед чекистами, Ленин говорил: «История показала, что без революционного насилия невозможно достигнуть победы. Без революционного насилия, направленного на прямых врагов рабочих и крестьян, невозможно сломить сопротивление этих эксплуататоров. А с другой стороны, революционное насилие не может не проявляться и по отношению к шатким, невыдержанным элементам самой трудящейся массы».

Органы советской государственной безопасности, учил еще в те годы чекистов Ленин, «должны опираться на коммунистические ячейки, на профсоюзы — объединить свою работу с пропагандой и агитацией...». Общеизвестно, к каким последствиям привело отступление от этих ленинских норм в органах советской разведки, когда туда пробрались Берия и его ставленники. Разгромив предателей, партия за последние годы восстановила ленинские традиции и в этой области.

В этой речи, опубликованной по лишь недавно обнаруженной в одном из архивов стенографической записи, В. И. Ленин особенно обстоятельно говорил об опасности шаткости, невыдержанности, паникерства, мелкобуржуазной расхлябанности. В этой связи глубоко поучительно его письмо Лутовинову — одному из участников так называемой «рабочей оппозиции» 1920 года. Полный текст документа публикуется в XXXVI Ленинском сборнике, к сожалению все еще не вышедшем в свет. Большую выдержку из письма привел А. А. Стручков в статье, напечатанной в № 2 журнала «Вопросы истории КПСС».

Лутовинов не видел в советской действительности тех лет ничего, кроме недостатков. Владимир Ильич писал ему: «Размагниченный мелкобуржуазный интеллигент хныкает, плачется, терзается перед любым проявлением безобразия и зла, лишается самообладания, повторяет любую сплетню, пыжится говорить нечто несвязное о «системе».

Пролетарий (не по бывшей своей профессии, а по действительной своей классовой роли), видя зло, берется деловым образом за борьбу: поддерживает открыто и официально кандидатуру хорошего работника Ивана, предлагает сменить плохого Петра, возбуждает дело — и ведет его энергично, твердо, до конца — против проходимца Сидора, против протекционистской выходки Тита, против преступнейшей сделки Мирона...»

«Хороший работник Иван», которого должен всячески поддерживать настоящий борец-коммунист, — это, так сказать, общественно-политический синоним положительного героя. Именно его — вслед за жизнью — и призвана литература открыто противопоставить отрицательным типам действительности... Трудно среди не связанных непосредственно с литературой высказываний Ленина найти другое, так перекликающееся с проблемами современного литературного развития.

Седьмого ноября 1920 года В. И. Ленин выступил с речью на торжественном заседании пленума Сокольнического Совета. В № 1 журнала «Вопросы истории КПСС» за 1957 год впервые опубликована протокольная запись этой речи, в которой Владимир Ильич, анализируя новые задачи мирного хозяйственного развития, призвал решительно «вести борьбу с бюрократизмом и чиновничеством», всячески развивая сознательность и самодеятельность трудящихся. О хозяйственной самодеятельности рабочего класса Ленин пишет вскоре и в опубликованном там же плане проекта резолюции X Всероссийской конференции РКП(б) по вопросам новой экономической политики. Ленин особо выделяет ответственность центральных организаций за недостаточную поддержку инициативы мест, требует внимательно и всесторонне освещать и изучать практический опыт.

В плане речи на I съезде Советов народного хозяйства, опубликованном в том же номере журнала, Ленин отмечает их «высочайшую роль» в экономическом строительстве, в использовании кадров специалистов, воспитании новой, сознательной коммунистической дисциплины. Опыт последнего времени показал действительную роль совнархозов и в новых условиях коммунистического строительства, полностью оправдав принятую партией перестройку руководства промышленностью.

2

В 1957 году впервые опубликовано — полностью или частично — свыше семидесяти писем, записок и телеграмм Ленина самым разнообразным адресатам.

В этом эпистолярном материале выделяются двенадцать впервые воспроизведенных писем и записок к родным, где необыкновенно живо раскрывается личность Ленина во всем ее человеческом обаянии. Новые публикации, включенные в 37-й том Сочинений, еще и еще раз показывают, как бережно и заботливо относился Владимир Ильич к близким, как неустанно, самоотверженно трудился, как горячо любил Родину.

Первого июля 1912 года Ленин пишет матери: «Из Парижа я нынешним летом забрался очень далеко — в Краков. Почти Россия! ...и граница русская в 8 верстах (поездом от Границы часа два, от Варшавы 9 часов), бабы босоногие в пестрых платьях — совсем как Россия».

«Почти Россия!» — за этим восклицанием угадывается грусть о родине, с которой разлучили ее великого сына царские жандармы.

Пять впервые опубликованных в 1957 году ленинских писем к родным относятся к послеоктябрьскому периоду. За их скупыми строками встает во весь свой богатырский рост фигура Ленина — государственного деятеля, неутомимого труженика, мудрого полководца революции.

Характерна его записка М. И. Ульяновой и Н. К. Крупской, написанная, видимо, в один из особенно напряженных дней гражданской войны.

Уже утро. Ленин пишет: «Прошу меня разбудить не позже 10 ч. с. утра. Сейчас 4¼, я спать не могу; вполне здоров. Иначе потеряю зря и завтрашний день и останусь без налаженного режима».

В этой записочке мы живо ощущаем особую, ленинскую собранность, организованность, целеустремленность, все то, что в свое время И. В. Сталин называл ленинским стилем в партийной и государственной работе.

В № 1 журнала «Юность» за 1957 год впервые опубликована ленинская записка, адресованная Анне Ильиничне. Ее воспитанник Георгий Лозгачев просил Владимира Ильича достать необходимые для учебной книги. По поводу одной из них Ленин писал сестре: «Оказалось, что книга эта из «Соц. Академии», откуда книги запрещено давать на дом.

Для меня сделали исключение!

Вышло неловко, — по вине моей, конечно. Надо теперь особенно строго присмотреть за тем, чтобы Гора быстро и дома книгу прочел и вернул.

Если надо, я могу поручить поискать в другом месте, — чтобы книгу эту мне достали в собственность».

Для Ленина существовала только одна дисциплина, одинаково обязательная для всех советских людей, какими бы значительными или малыми ни были их посты. Вспомним другую его записку, адресованную двумя годами раньше в библиотеку Румянцевского музея. В ней Владимир Ильич, запрашивая «для справок на 1 день» ряд книг, писал: «Если, по правилам, справочные издания не выдаются на дом, то нельзя ли получить на вечер, на ночь, когда библиотека закрыта. Верну к утру».

3

Хочется особо остановиться на включенных в состав XXXVI Ленинского сборника и уже опубликованных предварительно на страницах № 18 журнала «Коммунист» за 1957 год двух записок Ленина о поэме Маяковского «150 000 000».

Шестого мая 1921 года Ленин писал Луначарскому: «Как не стыдно голосовать за издание «150 000 000» Маяковского в 5 000 экз?.. По-моему, печатать такие вещи лишь 1 из 10 и не более 1 500 экз. для библиотек и для чудачков».

В другой записке, адресованной тогдашнему заместителю Луначарского по Наркомпросу М. Н. Покровскому, Ленин просил его «помочь в борьбе с футуризмом», ибо Луначарский «провел в коллегии (увы!) печатание «150 000 000» Маяковского».

«Нельзя-ли это пресечь! — писал тогда Ленин. — Надо это пресечь. Условимся, чтобы не больше 2-х раз в год печатать этих футуристов и не более 1 500 экз.

...Нельзя ли найти надежных анти-футуристов».

Записки о поэме «150 000 000», написанные тотчас же вслед за ее выходом из печати, особенно важны для советского литературоведения. Конечно, в поэме, как и почти во всем созданном гениальным поэтом, есть строки виртуозного мастерства, образы высокой выразительности. Однако в целом произведение не могло не вызвать у Ленина самого решительного протеста прежде всего по его идейной направленности.

«Вздор, глупо, махровая глупость и претенциозность», — так сурово охарактеризовал Ленин поэму в записке А. В. Луначарскому. С такой резкостью Владимир Ильич отзывался о литературных произведениях, лишь идейно ему чуждых.

В письме «О пролеткультах» партия охарактеризовала футуризм как проявление «нелепых, извращенных вкусов» эстетов, а самих футуристов рассматривала наряду с декадентами как сторонников враждебной марксизму идеалистической философии. Маяковский, отвергая партийную оценку, противопоставлял футуристов декадентам, зачислял «футуристов железные строки» в художественный арсенал пролетарской революции.

Ленин незадолго до опубликования поэмы разъяснил молодежи, что настоящим коммунистом можно стать, лишь обогатив память знанием всех богатств, выработанных человечеством. А Маяковский вслед за «пролеткультистами», крикливо призывавшими «во имя нашего Завтра» сжечь Рафаэля, растоптать цветы старого искусства, заявлял с претенциозной гордостью, что именно футуристы

прошлое разгромили,
пустив по ветру культуришки конфетти ..

В своей поэме Маяковский не только призывает вообще «издинамить старое», начисто смыть его «в диком разгроме» — он то и дело восклицает: «жарь, жги, режь, рушь!» в то самое время, когда партия призывала народ бережно сохранять все материальные и духовные ценности старого мира, учила не «рушить», а строить,

Он, наконец, провозглашает такой «лозунг» тех якобы «революционеров», у которых «вместо вер — в душе электричество, пар»:

Стар — убивать.
На пепельницы черепа!

Конечно, посылая свою поэму Владимиру Ильичу, Маяковский, в то время настойчиво искавший каких-то новых, еще никому не ведомых путей в художественном творчестве, с волнением ожидал оценки от такого авторитетнейшего для него человека, как Ленин. Суровая ленинская критика поставила перед поэтом дилемму: продолжать идти с футуристами, с теми, кто утверждал, что искусство и народность — вещи несоместимые, или же коренным образом пересмотреть свои позиции. Маяковский пошел за Лениным. Позднее, в 1925 году, вспоминая посылку поэмы Ленину и его высказанный впоследствии положительный отзыв о стихотворении «Прозаседавшиеся», Маяковский говорил: «Какой я тогда мог быть коммунист? Я принимал Октябрьскую революцию как интеллигент-анархист, с отрыжкой старья, но вот если Ильич уже признает, что мое политическое направление правильно, выходит, что я делаю успехи в коммунизме. Это для нашего брата самое насущное, самое главное!»

Отрицательное отношение Ленина к поэме Маяковского, изданной без подписи автора, как бы от имени всех ста пятидесяти миллионов советских людей, давно известно. Еще в 1924 году А. В. Луначарский сообщил в статье «Ленин и искусство», что «Сто пятьдесят миллионов Маяковского Владимиру Ильичу определено не понравились. Он нашел эту книгу вычурной».

Публикация записок Ленина о поэме показывает, что Луначарский заметно смягчил ленинскую оценку. Не только вычурность, но и идейную ошибочность поэмы осудил Ленин, и его высказывания обязывают литературоведов пересмотреть ложные характеристики этого произведения. Недаром сам поэт, отойдя от футуризма, ответил на него семь лет спустя новой «октябрьской поэмой» — «Хорошо!», ставшей одной из вершин поэзии социалистического реализма.

4

В недавней беседе с редактором иностранного отдела газеты «Таймс» А. Макдональдом Н. С. Хрущев сослался на ленинскую оценку знаменитой книги Джона Рида: «Замечательный представитель американской прессы Джон Рид в 1917 году проложил дорогу к объективному восприятию и освещению нашей жизни на Западе, и его широко распространенная теперь книга «10 дней, которые потрясли мир» была высоко оценена В. И. Лениным. Эта книга будет жить в веках».

В наши дни книга Рида переиздана массовым тиражом. В 1957 году опубликован ряд новых документов, характеризующих отношение В. И. Ленина к выдающемуся американскому писателю-коммунисту.

По воспоминаниям работника Военно-революционного комитета И. Духвинского-Осипова, напечатанным в № 1 журнала «Нева» за прошлый год, Ленин в самые горячие октябрьские дни лично позаботился о пропуске Джону Риду в здание Смольного. «...Джон Рид — наш товарищ, левый интернационалист, американец. Прошу выдать ему пропуск», — писал тогда Владимир Ильич.

В конце 1919 года Джон Рид составил для Ленина записку «Коммунистическое движение в Америке». Текст ее первых глав вместе с пометками Владимира Ильича опубликован в № 11 журнала «Иностранная литература». На беседу с Ридом, состоявшуюся, видимо, 17 августа 1920 года, Ленин сослался в напечатанном там же письме другому американскому коммунисту — Эдварду Мартину.

В том же номере журнала «Иностранная литература» впервые опубликованы три ленинских документа о Луизе Брайант и среди них собственноручно написанное Лениным «Удостоверение», в котором он просил «партийные и советские учреждения оказывать всяческое содействие товарищу Луизе Брайант», вдове Джона Рида, члена Исполнительного комитета Коммунистического Интернационала.

Зимой 1921 года В. И. Ленин беседовал с американской писательницей Бесси Битти (1886—1947), автором книги «Красное сердце России», и написал два письма

Г. Б. Краснощековой, участвовавшей в беседе с писательницей в качестве переводчицы. Ленин ознакомился с книгой Бесси Битти, до сих пор, к сожалению, не переведенной на русский язык. Отредактировал он и направленную ему Битти запись их беседы.

Беседы Владимира Ильича с зарубежными журналистами исключительно содержательны и актуальны в современной международной обстановке. Взяты хотя бы состоявшаяся в феврале 1920 года беседа Ленина с корреспондентом американской газеты «Мир» Линкольном Эйром.

Под заголовком «Соединенные Штаты преследуют социалистов» Линкольн Эйр воспроизводит записанные им высказывания Владимира Ильича на эту тему: «Ваши банкиры, кажется, боятся нас больше чем когда-либо. Во всяком случае, ваше правительство применяет чрезвычайно жестокие репрессии не только против социалистов, но и против всего рабочего класса в целом, по сравнению с любым другим правительством, даже по сравнению с реакционным французским правительством...

Однако некоторые американские предприниматели как будто начинают понимать, что более разумно вести выгодные дела в России, чем вести войну с Россией, а это хороший признак».

В той же беседе Ленин развил свои мысли о мирном сосуществовании социалистического государства с капиталистическими странами: «Я не вижу никаких причин, почему такое социалистическое государство, как наше, не может иметь неограниченные деловые отношения с капиталистическими странами. Мы не против того, чтобы пользоваться капиталистическими локомотивами и сельскохозяйственными машинами, так почему же они должны возражать против того, чтобы пользоваться нашей социалистической пшеницей, льном и платиной? Ведь социалистическое зерно имеет такой же вкус, как и любое другое зерно, не так ли?»

Эта беседа впервые напечатана на русском языке в № 15 журнала «Коммунист».

5

В июне 1921 года Бернард Шоу отправил Ленину из Лондона свою новую книгу — драматическую пенталогию «Назад к Мафусаилу» — с дарственной надписью, в которой писатель называл Ленина единственным государственным деятелем Европы, обладающим «дарованиями, характером и знаниями, необходимыми человеку на столь ответственном посту». Эта надпись не была опубликована, и писатель предположил, что его книга не дошла в Россию, отделенную в то время от западного мира англо-французской блокадой.

Книга, посланная Ленину Бернардом Шоу, сохранилась. Пометки Владимира Ильича на ее предисловии опубликованы тридцать шесть лет спустя в № 4 журнала «Иностранная литература».

В пенталогии «Назад к Мафусаилу» Шоу выступает против милитаризма, империалистических войн, продажных буржуазных политиков. Устами своих героев — людей будущего — он высмеивает поджигателей войны, которые думали, что они «послали на смерть десять миллионов простых смертных», но при этом «сами вместе со своими домами и семьями были в пух и прах разнесены взрывом» нового смертоносного оружия.

Владимир Ильич внимательно ознакомился с предисловием к книге, в котором Шоу высказывает свои общественно-политические взгляды. «Bien dit» — «хорошо сказано!» — пишет Ленин на полях возле подчеркнутых им в тексте слов Шоу о том, что буржуазная школа внушает детям ветхозаветную «феодалную мораль с глетворной примесью торгашеского духа». Семью вертикальными чертами на полях и пометкой «NB» выражает Ленин солидарность с высказываниями Шоу о природе капиталистического «основанного на наживе общества», о буржуазном воспитании, внушающем «почтение к праздности, роскоши и паразитизму». Столь же энергично Ленин отмечает данные сатириком уничтожающие характеристики «столпов» буржуазного общества, всех этих «милитаристов и империалистов», «напыщенных кретинов, помешанных на титулах, коммерческих авантюристов», «финансовых паразитов на денежном рынке», а равно и тех буржуазных интеллигентов, которые простигают «свои дарования на службе спекулянтам».

В. И. Ленин отмечает и ошибочные высказывания Шоу, который, не будучи марксистом, считал воплощением политической мудрости Сиднея и Беатрису Вебб, так и оставшихся вопреки искренним симпатиям к Советскому Союзу на идейных позициях социал-реформизма. Уничжительные ленинские «ха-ха!» сопровождают подобные высказывания писателя.

Однако идейные заблуждения того или иного зарубежного художника не должны заслонять от советских людей прогрессивные, демократические и социалистические элементы его творчества и мировоззрения. Об этом свидетельствуют и воспроизведенные в № 11 журнала «Иностранная литература» многочисленные пометки Ленина на книге Герберта Уэллса «Россия во мгле» — одной из первых книг зарубежных писателей о Советской России. Владимир Ильич отмечает все места книги Уэллса, столь же задорно, сколь и бесосновательно направленные «против марксизма» и особенно против его великого основоположника — автора «Капитала». Наряду с этим Ленин выделяет все высказывания Уэллса о политических злодеяниях империалистов, вознамерившихся задушить блокадой и разорить интервенцией молодое Советское государство.

Четырьмя вертикальными чертами на полях подчеркивает Ленин мужественное по тем временам заявление писателя, вызвавшее яростное негодование организатора антисоветской интервенции Уинстона Черчилля, о том, что вовсе не коммунизм вверг «огромную, трещащую по швам, обанкротившуюся империю в изурительную шестилетнюю войну», ибо это — «дело рук европейского империализма».

Зарубежного литератора, весьма близкого по своим идейным позициям Уэллсу, да во многом и Шоу, Ленин увидел в английском публицисте Дж. А. Гобсоне — авторе книги «Проблемы нового мира», вышедшей в 1921 году. Прочитав книгу, видимо зимой 1922 года, Ленин посоветовал редакции журнала «Красная новь» «перевести и перепечатать» сорок две отмеченные им страницы, содержавшие характеристику Советского государства и Коммунистической партии.

На указанных Лениным страницах Гобсон называет русский большевизм «единственным созидательным продуктом войны». Особенно интересны и злободневны в наши дни высказывания Гобсона об антисоветских происках и провокациях империалистов. Он так формулирует сущность политической позиции англо-французских организаторов блокады и интервенции: «Ценой людей и достояния, жертвой принципов простоты целесообразности, идея Советов должна быть убита в России, Венгрии и всюду, где она найдет себе приют, чтобы они только не распространялись на Запад».

С историей Венгрии связаны и еще два ленинских документа, впервые воспроизведенных на русском языке в 36-м томе Сочинений. 13 мая 1919 года Ленин в телеграмме руководителю Венгерской Советской Республики Бела Куну высказывает твердую уверенность в том, что «несмотря на громадные трудности пролетарии Венгрии удержат власть и укрепят ее». 18 июня 1919 года в другой телеграмме тому же адресату Ленин советует обязательно использовать «всякую возможность хотя бы для временного перемирия или мира... чтобы дать отдых народу», но при этом «ни на минуту» не верить империалистам, ибо они стремятся только выиграть время, «чтобы лучше душисть» новый общественный строй в этой стране, расположенной в самом сердце Европы. История полностью оправдала и эти ленинские пророчества. Трудящиеся Венгрии в конечном счете удержали и укрепили свою народно-демократическую власть, а пытавшиеся удушить ее современные империалисты жестоко просчитались.

6

«Советская Россия предоставляет автономию всем народам на ее территории и поддерживает образование ими местных республик, согласно принципу права каждого народа на самоопределение. Только этот принцип позволяет установить братские отношения, основанные на взаимопонимании и взаимном доверии, которые существуют между всеми нациями, входящими в Советскую Россию».

Так в декабре 1920 года Ленин телеграфировал Мустафе Кемалю (Ататюрку) — председателю Великого национального собрания Турции. Текст телеграммы впервые опубликован в № 15 журнала «Коммунист» за 1957 год.

Подборка ленинских документов в № 11 журнала «Дружба народов» показывает ленинскую национальную политику Коммунистической партии в действии.

Большое принципиальное значение имеет приведенный здесь полностью текст письма В. И. Ленина народному комиссару просвещения А. В. Луначарскому с предложением немедленно выдать представителям мусульманской общественности их национальную реликвию — так называемый «коран Османа». Этот древнейший список корана был вывезен в 1869 году из Самарканда по распоряжению генерал-губернатора Туркестана и до 1917 года находился в Петроградской публичной библиотеке. Возвращением «корана Османа» — единственной рукописи, сохранившейся из погибшей в огне бесчисленных войн и междоусобиц коллекции библиотеки Тимура (Тамерлана), — Советская власть подчеркнула, что она с уважением относится к национальным реликвиям и традициям народов Востока.

Ряд впервые опубликованных ленинских документов связан с именами героев гражданской войны в национальных республиках: соратника Амангельды Иманова Алибея Джангильдина, назначенного временным комиссаром Тургайской области, на территории которой выросла ныне Казахская республика; Магомета Яндарова — чрезвычайного временного комиссара Терской области; Мудла Нура Вахитова — комиссара по мусульманским делам и других.

Удостоверения, мандаты, верительные грамоты, полномочия — и в этих документах, овеянных жарким дыханием революционной эпохи, отражены отличительные черты ленинской национальной политики, с ее пролетарским интернационализмом, глубоким уважением ко всем народам, как бы они ни были малочисленны.

Верительная грамота полномочному представителю РСФСР в Центральной Азии Я. Э. Сурицу возлагает на него дипломатические отношения «с народами независимого Афганистана, независимыми племенами Белуджистана, Хивы и Бухары и с борющимися за свое освобождение народами Индии, Кашмира и Тибета». В другой верительной грамоте — полномочному представителю РСФСР при правительстве Хорезмийской Народной Республики И. М. Быку — Ленин передает «от имени русских рабочих и крестьян искренние пожелания благоденствия и преуспевания братскому и союзному Хорезмийскому народу». В удостоверении М. Яндарову его ближайшей задачей объявляется «...закрепление за русскими крестьянами, Чеченцами, Осетинами, Ингушами, Кабардинцами, Кумыками, Ногайцами... их неотъемлемых прав на устройство своей национальной жизни».

В этих документах практически развивается и конкретизируется одно из важных теоретических положений Ленина, считавшего, что от вовлечения в политическую жизнь трудящихся масс Востока «зависит теперь в громадной степени судьба всей западной цивилизации». Приведенная формулировка этой мысли Ленина содержится в его письме Совету пропаганды и действия народов Востока, впервые напечатанном 22 апреля 1957 года на страницах «Правды».

Особенно большую группу впервые опубликованных государственных бумаг В. И. Ленина содержит и первый том сборника «Декреты Советской власти», изданный в 1957 году Институтом марксизма-ленинизма при ЦК КПСС и Институтом истории Академии наук СССР. Отметим среди них обращение Совета Народных Комиссаров «К земледельческому населению», подписанное Лениным в конце 1917 — начале 1918 года — еще до наступления немецких войск. В этом обращении Владимир Ильич сообщал крестьянству, что Советская власть решила пустить в ход семьсот заводов сельскохозяйственных машин и орудий, приостановленных во время войны, и перевести на выпуск мирной продукции восемьсот заводов, работавших ранее на оборону. Опубликованный впервые ленинский документ показывает, как широко были уже в то время мирные хозяйственные планы Советского правительства.

Ленин-мыслитель. Ленин-публицист. Ленин-оратор. Ленин — партийный и государственный деятель... В опубликованных впервые за 1957 год сотнях документов из ленинского литературного наследия отражены самые разнообразие стороны многогранной творческой личности Великого Коммуниста.

В КАЗАНСКОМ КРУЖКЕ

А. И. Елизарова-Ульянова пишет о Владимире Ильиче: «годы жизни в Самаре, и еще ранее год в Казани, являлись лишь подготовительными для его работы, разлившейся затем так широко. Но эти годы были вместе с тем самыми важными, пожалуй, годами в жизни Владимира Ильича: в это время складывалась и оформилась окончательно его революционная физиономия».

Ниже мы помещаем ряд новых, не опубликованных ранее материалов, позволяющих расширить представление о деятельности и составе революционного кружка в Казани, участником которого был осенью 1887 года В. И. Ленин. Эти документы, в большинстве своем хранящиеся в Центральном государственном историческом архиве СССР (Москва), выявлены и прокомментированы Г. Е. Хаит.

В конце 1886 года из Петербурга в Казань была выслана группа студентов, участвовавших в политической демонстрации в связи с двадцатипятилетней годовщиной смерти Н. А. Добролюбова. Здесь ими был создан революционный кружок, возглавляемый бывшей слушательницей Бестужевских высших женских курсов Софьей Галкиной. Его участники не прерывали связи с петербургскими кружками, в первую очередь с кружком Александра Ульянова и Пахомия Андреюшкина, одного из тех, кто покушался на царя Александра III. В январе 1887 года полиция завела специальное дело о связях Александра Ульянова с высланными из Петербурга участниками Добролюбовской демонстрации.

В своем донесении в департамент полиции начальник Казанского жандармского управления указывал, что С. Галкина была близко знакома:

«...с студентом СПб[етербургского] Университета Кронидом Малиновским, из крестьян, первоначальное образование получил в Симбирской гимназии, затем был в Казанском Университете... знакомые его составляют: студенты СПб[етербургского] Университета: Петр Тимофеев Зорин, Александр Ильин Ульянов...»¹

Архивные документы дают возможность установить, что в числе участников кружка С. Галкиной были: высланная из Петербурга Ольга Сахарова, подруга Софьи Перовской, казненной в 1881 году за участие в убийстве царя Александра II, Петр Зорин, студент первого курса Казанского ветеринарного института, Константин Выгорницкий, близкий друг Пахомия Андреюшкина, с которым до приезда в Казань он участвовал в революционном кружке в городе Екатеринодаре (ныне Краснодар).

Из полицейских материалов того времени видно, что Андреюшкин впервые привлек к себе внимание полиции благодаря переписке с К. Выгорницким.

Удалось выявить следующее, не известное доселе письмо Андреюшкина, посланное в Казань Выгорницкому осенью 1886 года и рассказывающее о студенческом движении в Петербурге:

«Здесь всевидящее начальство в лице попечителя распорядилось выразить свое неудовольствие по поводу готовившегося на Бестужевских курсах... протеста в такой форме: «если хоть одна курсистка зайкнется, на другой же день ни одной не останется!» Интересно знать, что бы с ними сделали? Съели бы что ли? Прошел слух, что на днях открыли типографию и были аресты; насколько это верно не знаю. Среди нас процветают землячества и теперь идет речь об их объединении. Но дело в том, что Директор Департамента Полиции Дурново проведаль об этих землячествах и думает их искоренить. Вообще атмосфера у нас не особенно хороша, дышать нечем».²

Благодаря этой переписке казанские народовольцы были осведомлены о развивающихся в Петербурге событиях.

Начальник Казанского жандармского управления 7 марта 1887 года доносил департаменту полиции, что «...в среде неблагонадежных лиц г. Казани сделалось из-

¹ ЦГИАМ. Фонд департамента полиции. 3-е делопроизводство. 1887 г. Дело № 70, лист 5,5 (оборот).

² Там же. 3-е делопроизводство. 1892 г. Дело № 989, л. 1 (оборот) — 2.

вестным о покушении... 1 марта 1887 г. посредством телеграммы из Петербурга следующего содержания: «покупка ржи не удалась».³

После покушения на Александра III, в мае 1887 года многие члены кружка Софьи Галкиной были высланы из Казани. В сентябре 1887 года начальник Казанского жандармского управления писал, что «наиболее вредные элементы отсутствуют, кружки потеряли своих инициаторов и новой группировки надо ждать не ранее января»⁴. Но это предположение не оправдалось, кружки начали свою деятельность гораздо раньше.

В 1887 году В. И. Ульянов поступил в Казанский университет. Он познакомился с некоторыми студентами Ветеринарного института, в частности с К. Выгорницким и П. Дахно. В том же году из Таганрога в Казань приехал Лазарь Богораз, исключенный из гимназии «за чтение недозволенных книг» и находившийся под негласным надзором полиции за участие в деятельности подпольной типографии народолюбцев в Таганроге. Богораз решил продолжать образование в Казанском ветеринарном институте, в который принимали и без аттестата зрелости. Однако в просьбе о зачислении в институт ему было отказано. Богораз остался жить в Казани и вместе с Александром Скворцовым, также прибывшим из Таганрога, организовали кружок.

К этому кружку примкнули и Николай Подбельский, брат Папия Подбельского, сосланного в Сибирь за то, что в 1881 году на торжественном акте в Петербургском университете дал пощечину министру просвещения Сабурову; Вадим Калинин, друг и земляк Василия Осипанова, бывшего студента Казанского университета, казенного вместе с Александром Ульяновым; Константин Выгорницкий, Пантелеймон Дахно и Николай Мотовилов, пользовавшийся большим авторитетом среди учащейся молодежи Казани.

Осенью 1887 года в кружок Богораз — Скворцова вошел и Владимир Ильич Ульянов.

В справках, составленных жандармскими чинами, сообщается, что В. И. Ульянов впервые обратил на себя внимание полиции «сношениями с известным Лазарем Богоразом».

Выявлен документ, в котором говорится:

«...Департамент придает особое значение сношениям Богораз и Скворцова с Воскресенским, Константином Выгорницким и Владимиром Ульяновым, в особенности же с последними двумя... К кружку Богораз и Скворцова могли принадлежать по преимуществу близкие товарищи их по месту родины и образованию, т. е. по Таганрогу, равно товарищи Выгорницкого, Воскресенского и Ульянова, а также лица, посещавшие во время пребывания в прошлом году в Казани известную Вам... Софью Николаевну Галкину»⁵.

Кружок собирался на квартире Богораз и Скворцова, в доме Агеева по Собачьему переулку. В своих воспоминаниях (они хранятся в Институте марксизма-ленинизма при ЦК КПСС) Скворцов писал: «Квартира была очень удобная, т. к. мы занимали весь чердак, куда вела отдельная лестница. В первой половине чердака помещалась кухня хозяйки с большой русской печкой, которая вдавлялась в нашу половину...»

Но кружок Богораз — Скворцова не был просто студенческим кружком саморазвития. Он имел связи с революционерами за пределами Казани. Об этом кружке полиция узнала только в 1888 году, перехватив письмо Скворцова к Кондоюнаки. Бывший одноклассник Скворцова и Богораз по Таганрогской гимназии Николай Кондоюнаки жил в то время в Париже. Парижская агентура сообщала департаменту полиции в Петербург о том, что Кондоюнаки «находится в постоянных сношениях с выдающимися представителями народолюбивой эмиграции»⁶.

Полиция в 1888 году при обыске у Василия Зелененко, студента Петербургского университета, близко знакомого с Александром и Анной Ульяновыми, обнаружила переписку Зелененко с Богоразом. О Василии Зелененко жандармские власти сообщали, что он «обратил на себя внимание преступной пропагандой между СПбургской учащейся молодежью, а также сношениями своими с кружками такой же молодежи в Казани при посредстве своего товарища, исключенного из Таганрогской гимназии Лазаря Богораз, брата известного Натана Богораз»⁷.

В архивах департамента полиции выявлен документ, который дает представление о политических взглядах участников кружка Зелененко. В своем заявлении полиции некий Антонов сообщает, что Зелененко, Тимофеев и Минский

«...настаивают на том, что для нашего отечества неуместна и непригодна либеральная программа, что ввиду невозможности надеяться на народную революцию вследствие преданности народа монархической идее, ввиду отсутствия среди интеллигенции сильного, влиятельного класса, подобного западноевропейскому третьему сословию, а также ввиду того, что в действительности не существует никакой организованной русской либеральной партии, единственная надежда остается на социально-револю-

³ ЦГИАМ. Фонд департамента полиции. 7-е делопроизводство. 1887 г. Дело № 47, т. 1, л. 204.

⁴ Там же. 3-е делопроизводство. 1887 г. Дело № 503, л. 2.

⁵ Там же. 3-е делопроизводство. 1886 г. Дело № 151, л. 96 (оборот) — 97.

⁶ Там же. 3-е делопроизводство. 1886 г. Дело № 93, л. 79 (оборот).

⁷ Там же. 3-е делопроизводство, нег. надзор. 1890 г. Дело № 39, л. 26.

ционную партию, которая имеет право бороться с существующим порядком всеми средствами и, пожалуй, единственно пригодным средством для борьбы может быть только террор, который исторически оправдал свою целесообразность...»⁸

Полиция всячески стремилась нащупать связь казанских революционных кружков с петербургскими. Департаменту полиции стало известно, что

«...какое-то лицо, проживающее в Казани и вращающееся в студенческой среде, ведет сношения с образовавшимся кружком студентов СП[етер]бургского Университета из уроженцев г. Таганрога, получая от членов оного корреспонденцию по адресу: «Аметисту Абрамовичу Иванову, студенту Университета, Казань»⁹.

Полиция установила, что студента с такой фамилией в Казанском университете нет. А осенью 1888 года, при обыске у Зелененко, были найдены письма с таким же адресом. Выяснилось, что автором их являлся Лазарь Богораз. Полицейский чиновник доносил, что

«...некто Лазарь писал из Казани на имя С.-Петербургского студента Зелененко, Таганрогского уроженца и сообщил ему для дальнейшей переписки... адрес: «А. А. Иванову, Университет. Казань»¹⁰.

Из переписки, перехваченной департаментом полиции, видна прямая связь кружков Богораза и Зелененко. Зелененко писал в Казань:

«Говорю Вам, разумеется, в пределах возможного. Жизнь наша пока не прерывается в мирном течении, а будущее в руках божьих. Пока, впрочем, нет оснований, что кто-либо из нас может отправиться колонизировать отдельные места... Относительно моих новых знакомств, круг которых довольно расширился, ничего не могу сказать. Планы широкие, но удастся ли их выполнить?»¹¹.

В свою очередь Богораз сообщал Зелененко о казанских событиях. К сожалению, до нас дошло лишь изложение одного из его писем, отобранных у Зелененко при обыске. В изложении говорится, что письмо это автор назвал: «История людей, думавших делать дело, рассказанная со слов одного из причисляющих себя к таковым»¹². В письме рассказывалось о студенческих волнениях в Казани в конце 1887 года, от участия в которых автор «не считал себя вправе уклониться, почему он делал то, что делали другие, и поддерживал криком и выражением одобрения ораторов из студентов»¹³. Четвертого декабря Богораз был на сходке в Казанском университете.

Читаем дальше:

«...автор пришел к следующему заключению: «нужно дело делать и делать можно, ибо, потолкавшись среди народа, можно подобрать в одно целое людей с такими же задатками и стремлениями», как у автора письма... Он сообщает, что «натолкнулся на одного... более других из остальных его знакомых подходившего к его убеждениям, с которым... он вел частые споры и дебаты о том же, «о чем спорили и наши отцы и, наверно, будут спорить те, которые займут наши места...»¹⁴.

Трудно судить о том, кого имел в виду Богораз; скорее всего это могли быть или Николай Мотовилов, с которым Богораз потом вместе организовал рабочие кружки в Ростове-на-Дону, или Владимир Ульянов, с которым Богораз быстро сошелся.

С именем Николая Мотовилова связан важный момент в истории казанского революционного кружка, участником которого был В. И. Ленин.

В 1889 году в Ростове-на-Дону полиция изъядла у Мотовилова письма, полученные им из Казани. Там находились и письма одного из первых пропагандистов марксизма в России — Николая Евграфовича Федосеева. (Они были опубликованы в «Историко-революционном сборнике», т. I за 1924 год. Приведенные ниже выдержки мы цитируем по оригиналу.) В полицейских документах указывалось, что переписка эта свидетельствовала «о выдающемся влиянии, которое имел Мотовилов на деятельность Николая Федосеева»¹⁵.

Николай Евграфович Федосеев писал о том, что богоразовский кружок, в котором был Мотовилов (и Владимир Ильич), не объединился с его, федосеевским, кружком по недоразумению.

«...Теперь мне хочется объяснить Вам, почему и для чего явился Петр Иванович (П. И. Стронин, член кружка Федосеева. — Г. Х.). У нас кружок образовался совершенно самостоятельно, для чтения требовался только подбор книг... В-в (Г. М. Волков, студент Казанского университета. — Г. Х.) обратился к Чир-ву (Евгений Чириков, студент Казанского университета, будущий писатель. — Г. Х.). Он указал Вас. Мы с В-м (В. В. Васильев, студент Казанского университета. — Г. Х.) явились к Вам только за

⁸ ЦГИАМ. Фонд департамента полиции. 3-е делопроизводство. 1888 г. Дело № 118, л. 27.

⁹ Там же. 3-е делопроизводство. 1886 г. Дело № 151, л. 78.

¹⁰ Там же. 3-е делопроизводство. 1886 г. Дело № 151, л. 78 (оборот) — 79.

¹¹ Там же. 3-е делопроизводство. 1886 г. Дело № 151, л. 99.

¹² Там же. 3-е делопроизводство, негл. надзор. 1890 г. Дело № 39, л. 10.

¹³ Там же. 3-е делопроизводство, негл. надзор. 1890 г. Дело № 39, л. 10 (оборот).

¹⁴ Там же. 3-е делопроизводство, негл. надзор. 1890 г. Дело № 39, л. 10 (оборот) — 11.

¹⁵ Там же. 3-е делопроизводство. 1892 г. Дело № 453, л. 1-в.

программой, как к человеку опытному. Оказалось, что В-я имел в виду Ваше присоединение к нам, я же ни о чем подобном не знал, а потому мне страшно не понравилось Ваше предложение участвовать в нашем кружке... Конечно, я употреблял все усилия, чтобы не соединяться с Вами... На следующем собрании все члены наши были против соединения. Через несколько дней Вы зашли ко мне, это был важный день, незначительный разговор с Вами о естествознании, кажется, потом о необходимости подготовки для практической деятельности, а главное, искренность Ваша положительно расположили меня к Вам. Я предложил еще одно свидание с Вами своим членам... А потом пошли наши чтения, и, конечно, я изменил благодаря Вам (только) свое мнение о кружковщине с посторонними лицами. К несчастью подвернулось в самом разгаре дело 4 декабря (студенческая сходка.— Г. Х.) и Вас не стало...»¹⁶.

Так и не произошло объединение двух кружков.

События 4 декабря нарушили планы и петербургского кружка Зелененко. Один из членов этого кружка сообщал Лазарю Богоразу в декабре 1887 года в Казань:

«...настроение у нас отчаянное, много у нас жуют, много серьезного... эти дни должны были быть первыми шагами, на почве чисто практического дела находились, а тут...»¹⁷.

По этому поводу в полицейских документах говорится, что кружок Богоразы — Скворцова

«...равно как кружок СПетербургский (имевший строго конспиративный характер.— Г. Х.) высказывал сожаление, что беспорядки среди учащейся молодежи помешали им проявить активную деятельность и тем доказать, что революционная партия снова возродилась»¹⁸.

О подробностях сходки в Казанском университете и Ветеринарном институте, сыгравшей значительную роль в студенческом движении конца 80-х годов, известно главным образом по официальным документам министерств и полиции. Воспоминания же участников этого события написаны лишь спустя десятилетия. Сейчас найдены собственноручные показания студентов, арестованных Казанским жандармским управлением за участие в сходке.

Среди вновь выявленных показаний участников сходки несомненный интерес представляют записки Василия Ладыгина, близко знавшего Владимира Ильича Ленина. Вот что он пишет:

«...Я списал отрывок письма московского студента, списал тоже с отрывка, ходившего в одной из аудиторий. Стали раздавать мнения, что казанскому студенчеству следует присоединиться к московскому. Получилось общее согласие. Я еще раньше решил выйти из университета, а потому присоединился к остальным и пошел на сходку одним из первых, призывая в свою очередь следовать другим...»¹⁹

Как отнеслись к сходке члены кружка Богоразы—Скворцова?

Напомним читателям следующую выдержку из списка студентов, исключенных из Казанского университета за участие в сходке 4 декабря (опубликована в «Ленинском сборнике», т. II, стр. 441—442):

«40. Ульянов Владимир... Еще дня за два до сходки подал повод подозревать его в подготовке чего-то нехорошего: проводил время в курительной, беседуя с Зегрждой (студентом физико-математического факультета, активным деятелем студенческого движения.— Г. Х.), Ладыгиным (товарищем Владимира Ильича по симбирскому землячеству. У него во время обыска найдены оригиналы ряда листовок, выпущенных во время сходки.— Г. Х.) и другими, уходил домой и снова возвращался, принося по просьбе других что-то с собой и вообще о чем-то шушукаясь; 4-го же декабря бросился в актовЫй зал в первой партии, и вместе с Полянским (симбиряком, окончившим Симбирскую гимназию в том же году, что и Александр Ильич Ульянов, из крестьян, председательствовал на сходке и был одним из ведущих деятелей нелегального студенческого суда.— Г. Х.) первыми несли по коридору 2-го этажа. В виду исключительных обстоятельств, в которых находится семья Ульянова, такое отношение его на сходке дало повод инспекции считать его вполне способным к различного рода противозаконным и даже преступным демонстрациям».

О том, что члены кружка Богоразы—Скворцова готовили сходку, свидетельствуют следующие факты: 3 декабря Сергей Полянский отправил письмом студенту Московского университета Всеволоду Житкову, в которое вложил напечатанное на гектографе стихотворение «Ода русскому царю», сочиненное казанскими студентами. На обороте листка рукой Полянского было написано: «...Жду от Вас описания, как московские студенты бунтовали. Я с своей стороны пришлю Вам описание бунта казанцев, у сих последних на днях тоже будет сходка»²⁰.

¹⁶ ЦГИАМ. Фонд департамента полиции. 7-е делопроизводство. 1890 г. Дело № 105, л. 116 (3).

¹⁷ Там же. 3-е делопроизводство. 1886 г. Дело № 151, л. 99.

¹⁸ Там же. 3-е делопроизводство. 1886 г. Дело № 151, л. 96 (оборот).

¹⁹ Там же. 5-е делопроизводство. 1887 г. Дело № 7317, т. 1, лист 98.

²⁰ Там же. 3-е делопроизводство. 1887 г. Дело № 848, л. 10 (оборот).

В фондах Центрального государственного архива Татарской АССР хранится докладная записка инспектора студентов Ветеринарного института директору этого института, датированная 7 декабря 1887 года. В ней сказано:

«...4-го декабря без четверти 12 в швейцарскую со стороны Грузинской улицы вошел какой-то студент университета и спрашивает Скворцова (одного из руководителей кружка, в котором участвовал Владимир Ильич Ульянов. — Г. Х.).

...На поданный университетским студентом какой-то знак Скворцов ответил «сейчас» и, быстро одевшись, вместе с ним вышел на Грузинскую улицу. Через непродолжительное время он (Скворцов. — Г. Х.) вернулся в институт... Четвертого декабря около сорока студентов во главе со Скворцовым, Выгорницким и Мотовиловым заняли 3-ю аудиторию... Я попросил арестовать в стенах института Скворцова, Мотовилова и др., надеясь, что арест этих лиц разогнал бы группу студентов, которая находилась под их влиянием... Затем толпа студентов явилась на заседание ученого совета, и Мотовилов, Скворцов и Выгорницкий подошли к столу. Выгорницкий и Мотовилов прямо заявили, что они пришли от имени всех студентов. В то же время Мотовилов предложил В[ашему] П[ревосходитель]ству вслух прочитать «Петицию»²¹.

В другом документе — докладной записке казанского губернатора — читаем об этом же событии:

«Затем (то есть после подачи петиции директору института. — Г. Х.) участвовавшие в подаче петиции и присутствовавшие при этом студенты, с Выгорницким во главе, отправились к зданию Унив[ерситета]»²².

Приведенные здесь, а также ряд других выявленных документов, позволяют сделать вывод, что кружок Богораза—Скворцова, в котором был В. И. Ленин, принимал самое деятельное участие в организации студенческих волнений в Казани.

Хочется ознакомить читателей с содержанием еще одного документа, хранящегося в Центральном государственном историческом архиве СССР (Москва). Это «Список лиц, находившихся в близком знакомстве и сношениях с состоявшим студентом Императорского Казанского Университета Владимиром Ильичем Ульяновым, исключенным из Университета за участие в беспорядках 4-го декабря 1887 года».

Здесь перечислено двадцать фамилий студентов Казанского университета и Ветеринарного института. Преимущественно это члены кружка Богораза—Скворцова.

Таким образом, казанский революционный кружок, в котором впервые в жизни участвовал В. И. Ленин, являлся одним из видных в России и по существу был как бы преемником кружка Александра Ульянова и его товарищей. Связи кружка Богораза—Скворцова с петербургскими кружками, с народовольческой эмиграцией, его влияние на студенческие волнения в декабре 1887 года в Казани говорят о том, что этот кружок был серьезной школой для молодых революционеров.

Репрессии, которым были подвергнуты члены кружка Богораза—Скворцова, рассеяли их по разным уголкам России. Но своей революционной деятельности они не прекратили. Лазарь Богораз и Николай Мотовилов создали нелегальные кружки среди рабочих в Ростове-на-Дону. Революционный кружок в Дерпте (ныне Тарту, Эстония) обязан своим появлением бывшим студентам Казанского ветеринарного института Константину Выгорницкому, Пантелеймону Дахно, Ивану Воскресенскому, приехавшим сюда в середине 1888 года.

Осенью 1888 года, возвратившись в Казань из деревни Кокушкино, куда он был сослан, восемнадцатилетний В. И. Ульянов вступает в один из марксистских кружков, организованных Федосеевым. Он глубоко изучает труды Маркса и Энгельса и становится убежденным марксистом. Пройдет еще немного времени, и Владимир Ильич, уже в Самаре, сам организует кружок самарских марксистов.

²¹ Центральный Государственный архив Татарской АССР. 1887 г. Фонд 534, опись 139. Дело № 16, лист 10.

²² ЦГИАМ. Фонд департамента полиции. 3-е делопроизводство. 1892 г. Дело № 989, л. 2 (оборот).

ИЗ ЗАПИСНЫХ КНИЖЕК А. П. ДОВЖЕНКО

Заметки и материалы к „Поэме о море“

Публикуя Записные книжки Александра Петровича Довженко, журнал «Новый мир» хочет ознакомить читателя с творческой лабораторией выдающегося, своеобразного мастера кино и литературы, с его методами отбора и осмысления жизненного материала.

Две особенности бросаются в глаза читающему эти Записные книжки — лиризм, романтическая приподнятость дневниковых заметок, перемежающихся с художественно цельными литературными, кинодраматургическими эпизодами, и, с другой стороны, гражданская действенность мыслей автора.

Среди строителей Каховской ГЭС А. П. Довженко не был человеком, приехавшим только понаблюдать, набраться впечатлений, — он был горячим участником великих процессов, происходивших и в пересоздаваемой природе и в людях, съехавшихся на небывалое строительство.

Записи показывают масштабность стремлений художника к деятельному вмешательству в жизнь, отвечают широте, масштабности его мироощущения.

Одна из записей воспроизводит «вопросы к молодым», сформулированные Довженко. Обдумывание ответов на эти вопросы, без сомнения, помогло многим молодым людям стройки лучше понять время, самих себя, свое место в жизни и в искусстве.

Знакомство с публикуемыми Записными книжками напомнит читателю мысль Н. С. Хрущева: «главная линия развития состоит в том, чтобы литература и искусство были всегда неразрывно связаны с жизнью народа, правдиво отображали богатство и многообразие нашей социалистической действительности, ярко и убедительно показывали великую преобразовательную деятельность советского народа, благородство его стремлений и целей, высокие моральные качества».

В этой личной «кладовой» большого писателя читатель найдет и мимолетные наблюдения, как бы лежащие в фундамент будущего произведения, и уже завершённые эпизоды «Поэмы о море», и раздумья автора о самом себе. Здесь жизненные наблюдения ведут художника к публицистическому выводу, а порой и к философскому обобщению.

ПЕРВАЯ ЗАПИСНАЯ КНИЖКА

1952 год

Играет оркестр. В большие открытые окна виден Днепр. На небе ни облачка. ...Зал переполнен комсомольцами: через десять минут у них начинается конференция. Танцуют пары. Прекрасные молодые лица. Наша умная, образованная молодежь — строители коммунизма. Кто распознает среди них инженеров, техников, геологов? Всё имеет свой абсолютно неповторимый, интеллигентный и новый облик. Тихие, сдержанные, спокойные и радостные. Я весь охвачен чувством, которое мне хотелось бы пронести через всю мою будущую картину. Аплодисменты в зале. Изби-

рается почетный президиум... Перед началом собрания присматривался к молодежи — очень радостное впечатление. На строительстве почти вся молодежь имеет образование в объеме семилетки, восьми[летки] и даже десяти[летки]¹. Есть много и с высшим образованием. Командир земснаряда инженер Н. выглядит совсем юным. А между тем у него уже стаж: два года на Волго-Доне. Немало других инженеров тоже комсомольцы, двадцать человек...

Н. С. сбежала из дому, на год переменяла имя, чтоб не нашли. Из-за трибуны ее и не видно. Говорит абсолютно литературно, свободно. Окончила тут десятилетку. Учится в институте. Бригадир штукатуров.

Умница необыкновенная...

Это образ. Хозяин новой жизни, строительница коммунизма.

И в то же время совсем еще девочка. Манера жестиковать, смотреть, полная свобода, независимость — удивительная. Сила в ней жизненная, и дисциплина, и воля, и страсть.

Кудряшки, бант. Маленькая. Лексикон весьма обширный.

Надо присмотреться и изучить эту девушку...

Встретил А., который назначил мне свидание на девять час[ов] вечера. Потом поехал на территорию будущей плотины, к земснарядам. Вечером снова был у А. Просидел у него час. Разговор был приятный. А. — тоже образ глубоко положительный и интересный. Очень метко сказал о П. «П. на меня обиделся за критику и мстит мне полным молчанием. Хочется сказать ему: «Ну, хорошо, ты рассердился, обиделся на меня, зачем же ты мстишь государству? Ты мсти мне, а не строительству коммунизма».

Жаловался на несовершенство очевидного порядка вещей. На прозу и будничную мелочность иных людей и обстоятельств. Очень охотно принял мои предложения по поводу оформления сооружений, каналов и плотины. Надо еще продолжить разговор на эту тему.

Побывал в Старой Каховке на сельскохозяйственной выставке. Хозяева павильонов абсолютно безразличны к посетителям, даже отворачивались. Чисто национальный признак нелюбви ко всему внешнему, показному. Прекрасные жеребцы ржали какими-то не своими голосами. Фантастические овощи и хлеб. Надо еще раз прийти и описать, записать фамилии. Описать так, как когда-то описывали ярмарки.

О фонах

9.IX.

Разработать целую «партитуру» фоновых черт, которые цепью шли бы через всю картину. Например, сегодня днем возле театра и магазина вдруг появились два пьяненьких дядьки (строители). Один из них пел «Кармелюка», размахивая руками. Или: идет озабоченная женщина, несет в одной руке ведро, другой, левой, держит ребенка, девочку чуть постарше года. Дитя очень славное, нарядное, повернутое всей фигуркой назад. «Какая чудесная «перебивка», — подумал я. Или в лодке: она вытирает ему полотенцем пот с лица.

Вчера вечером стояла, потом тронулась по общежитиям колонна автобусов и пятинонок с рабочими из села. В большинстве молодежь. Припомнить впечатление.

Надо предложить переделать крышу Дома культуры. Крышу следует сделать плоской, с садом и танцплощадкой. Тогда это будет излюбленное место молодежи с чарующими видами на Днепр, на остров Козачий, на плотину и водохранилище. Предложить также, чтобы три дома поставили, а не положили на главной ул[ице], средний — самый высокий, как ориентир.

На рабочем собрании строителей Дома культуры. Докладывает начальник участка. Молодой, небольшого роста, довольно худой, но явно здоровый человек с мощным голосом. Рабочие преимущественно молодого возраста. Преобладают мужчины. Среди них — известный бригадир каменщиков. Слушают без напряжения, но внимательно.

¹ В квадратные скобки заключены слова или части слов, не дописанные автором и восстановленные по смыслу редакцией.

«Мы допустили, кроме этого, перерасход на сто тысяч рублей» и т. д. Доклад без единого лишнего слова... Абсолютно конкретный, построенный на цифрах, то есть деловой. Доклад на тему о выполнении социалистических обязательств.

Критикует: «...наш коллектив не дает на объектах качественного выполнения. Щели, плохие плинтусы и т. д. Плохо организовано начало работы. Чтоб с гудком был слышен первый удар топора, перестук молотков. Дисциплина на низком уровне. Строителей своевременно не обеспечивают материалами».

В президиуме возле докладчика сидит работница... В платочке. Простое, серьезное лицо. Глаза деловые, глубокие, чуть грустные. Видно, что она серьезно относится к работе. Типичное лицо украинки. Молчит и думает что-то свое. Рядом со мной сидит в старой голубой майке пожилой каменщик...

Докладчик продолжает «чистить» рабочих с полным знанием дела. «Возмутительное отсутствие нарядов мешает правильному учету труда и зарплат». «Мы варварски относимся к строительным материалам. Гора загустевшего раствора».

«Мы строим ком[мунистической] общ[ество] своими собственными руками. Не занимая ничего ни в Америке, ни в Англии. Так почему же мы так не бережем себя, собственного, народного добра? Это государственные деньги, это деньги наши с вами. Главное, главнейшее — снижение себестоимости. Каждая мелочь — давай новую доску. Пятьсот пятьдесят шесть килограммов гвоздей перерасходовано. Пять процентов рассыпано в песке...»

Закончил самокритично, с обращением к бригадирам критиковать и его как руководителя. Выступать не хотят.

С великим трудом вышел молодой рабочий, говорил на невообразимой помеси русской и украинской речи. «Пять человек работают, а четверо ходят и мешают. Я плотник, иждивенец каменщиков и штукатуров». Здоровый, будто отлитый, в зеленой майке, медно-красные руки, грудь и шея, выгоревшие волосы. Говорит быстро, как из пулемета бьет. Абсолютно конкрет[но] и со знанием дела. В речи, простой, немало литературных слов, употребляемых, как и надлежит. Улыбка здоровая, молодая. Все, что он говорил, — о том, как надо работать. Во всем, как он говорил о работе, — человек, строитель коммунизма... Он весь в непокое. Его мир — мир коллективного, творческого выполнения великих задач. Прекрасные рабочие предложения, абсолютно деловые. Обвинял начальство в неумении планировать.

Вызывают крановщика Д. Выступал также с критикой руководства. Выцветшие светло-синие штаны, белая майка. Большие руки. Прекрасное тело, и сам красивый, молодой.

Никто не хочет выступать, если не попросят из президиума.

— Ч! Может, вы бы сказали о снабжении материалами.

— Пусть не воруют, — слышался из задних рядов тихий голос Ч.

Пауза.

— Может, прораб что-нибудь скажет?

— Нет.

— Может, нормировщик?

— Нет.

— А что там... Попался разве, что ли?

Вышла девушка К. Говорить не умеет. Но сказала много. «Раствор на руках носим. А траншею роем как? Вчера девушку чуть не засыпало, так там глубоко, и землю так высоко нужно кидать, что уже и из больницы приходили». Обиженная, пошла и села. Красивая, молодая... Ясно одно — рабочие хорошие, плохая организация руководства.

К. — бригадир, хлопец, конечно, прекрасный, каменщик известный. И тоже справедливо кроет начальство. И становится видно, что начальник участка просто демагог. Организация труда прескверная — ясно.

Бригадир — синяя сорочка, белобрысый, сероглазый, выгорел на ветру и на солнце. Обида у него, и возмущение, и гнев по поводу плохой организации работы.

Потом выступил парторг... Чем-то похожий на Д. Умный. Носит очки... Говорит свободно, ясно, культурно, как и полагается парторгу. Очевидно, он хороший коммунист. Молодой. С заключительным словом выступил докладчик. На этот раз речь его

была краткой, голос не таким уж звучным, самокритика торопливая, мелковатая, обещания все исправить в два дня неубедительные... Ф. сидел рядом со мной и смотрел на всех с ясным челом Диогена.

К.

Оказавшись возле президиума, она волновалась очень. Речь ее была неровной, с большими паузами, словно ей не раз уже хотелось оборвать. Во всей ее фигуре, в движениях, интонации чисто девичьего голоса, в грустных глазах чувствовались укор и обида, как будто именно ее лично обидели глубоко и грубо.

«Материал подают с опозданием на час, а то и на два, и мы тогда слоняемся и скучаем в простое. Нет ни работы, ни радости, и план не выполняем и не зарабатываем.

Думаете, нам легко не выполнять план? А потом бросают на другую работу и опять не продумают ее толком».

Я смотрел на нее и думал: что заставляет ее сердиться и страдать? И я перевел ее речь на свой язык, по-своему, то есть так, как оно и есть на самом деле.

«Я приехала сюда строить новый, коммунистический город и... вообще приехала строить коммунизм. Это — единственное, чему я с радостью хочу отдать всю свою жизнь. Поэтому прошу вас не мешать моему счастью. Зачем вы мешаете мне строить коммунизм глупой своей нераспорядительностью?»

Плотник П.

Из колхоза, откуда-то из-под Одессы, приехал на строительство плотник Андрей П. с пятью сыновьями. Все плотники. Средний, Семен, брал Берлин.

Когда вернулся из армии предпоследний, картина их жизни в строительстве коммунизма, очевидно, началась на манер Тараса Бульбы. Празднуя возвращение двух своих сыновей из армии и слегка по этому случаю выпив, а может, и песен попев, старый колхозный плотник Андрей услышал по радио правительственное сообщение о начале строительства Каховско-Крымского гидроузла и тут же решил, что нечего таким сынам сидеть в селе. Принимается твердое решение: завтра же ехать всем сыновьям. А потом — слово по слову, слово по слову — и закручинился. Лета, лета! Какие большие дела начинают делаться, сколько глубокого смысла, какие просторы открываются перед человеком! Повернуть Днепр, оросить степи бескрайние с их вечной жаждой воды, остановить ветры-суховей. Пересоздать безводные степи, где идет жестокая, непрерывная борьба за урожай... Неужто... Нет, дозвоьте. А я-то что ж? Вот так и прошусь с сыновьями, и завтра поедут они на веселую войну со степями...

Андрей огляделся так, словно после долгого далекого путешествия впервые как-то по-новому увидел вокруг себя позабытые предметы: так глубоко над чем-то задумался старик. Потом снова оглядел с удивлением свою хату, оконца, лавки.

— Так вот что, сыночки, чтоб вы знали: если уж так — еду и я с вами. А почему бы и не поехать? Старый? Кто скажет, что я старый? И даже если так, разве сравняется со мной кто в работе? Хоть бы из молодых?

Что говорила старуха, что говорили гости, мы не будем описывать. Не колотил старый П. посуду, как гоголевский Бульба перед отъездом в Сечь. Но когда на другой день, проснувшись, начал Андрей собираться и когда вышел он с сыновьями в степь, хоть и не верхом на красавцах конях, и сам сел не на Черта, а на обыкновенную трехтонку, и когда трехтонка выехала в степь, — мысли и чувства человеческие всколыхнулись до высокой патетики. Плакала мать, потому что, хоть и уезжали сыновья не на битву с врагом, не на смерть, а в труде во славу Отчизны проявить себя в запожском приволье, мать остается матерью. Ехали степью.

Описать степи, хлеба и т. д.

10.IX. Снова выставка.

...Написать раздел о сельскохозяйственной выставке. О людях и о том, что выставлено, о фотографиях, экспонатах, разговорах. Показатели. Особенно показать и описать колхозника Приходько, который очень напоминает мне старого волынца...

А какой арбуз мы съели в одном из павильонов у колхозника Степана Петровича Осипенко, об этом надо тоже написать, потому что таких арбузов, наверно, никто еще не едал в столицах, да вряд ли и есть будет...

На выставке особенно интересны были коневоды. Это запорожцы.

Один с картины Репина абсолютно. Описать молодого гиганта с роскошными усами и прекрасными глазами — зоотехника И. К. Как деликатно объяснял он, каким прекрасным укр[аинским] языком, с каким тактом, сколько мягкости, свойственной здоровым людям: «Вот отец, а вот это его детки, деточки, четверка, видите?» И правда. Вижу четверых деточек — Ястреба, Севера, Сокола и Красавчика. Деточки — жеребцы. На этих деточках уже можно ходить в атаку на врага или догонять ветер в полс..

11. IX.

Не знаю, стоило или нет, только я рассказал, как нужно бы оформить гидротехнические сооружения в каховско-запорожских степях.

- 1) Палеолит.
 - 2) Скифов-всадников.
 - 3) Святослава.
 - 4) Запорожцев-всадников.
 - 5) Красную Армию гражд[анской] войны.
 - 6) Героев Отечественной войны.
 - 7) Имена и фамилии строителей.
 - 8) Геральдику: быков, зубров, диких коней, чтобы все носило свой неповторимый характер.
 - 9) Как строительный материал ввести стекло и золото.
 - 10) Собрать отовсюду каменных баб и использовать как элемент оформления (призма времени). Особенно яркая «призма времени» — рисунок «каменной могилы».
 - 11) Барельефы знатных строителей.
 - 12) Планы канала в камне.
 - 13) ...Памятник Ленину: у подножия фриз — золотыми буквами, цитату из его произведений.
 - 14) Шлюз, перемышку и пьедесталы памятников великим вождям коммунизма покрыть именами, фамилиями и адресами десятков тысяч строителей.
- Требуется увековечение персонифицированного коллектива, а не молчаливые обезличенные сооружения. Надо представить себе сооружения, первые великие сооружения коммунизма. Через пятьсот лет, может быть через тысячу, как тогда нас будут читать! Люди хотят приобщиться к бессмертию. Когда-то их деды вымаливали его в церквах на коленях, отбивая поклоны, с копейной свечечкой в руках. Сегодня оно, бессмертье, само стучится в двери внуков.

Продумать к теме комсомольского собрания выступление одного комсомольца типа Р.

«Здесь немало говорилось неприятных вещей про нашего брата. Должны признаться — много печальной правды услышали мы тут. Конечно, не такие мы, как следовало бы и как бы хотелось. Какие-то, выходит, мы уж и некультурные, и ленивые, и будто бы без горячих, высоких интересов и те де и те пе. Так позволительно, между прочим, и нам спросить: зачем же вы допустили такое наше несовершенство? Почему вас воспитали, выходит, лучше, а вы нас вот таких? И не стыдно вам?»

Конечно, мы здесь в повседневной жизни не можем дать друг другу многого. Мы более или менее одинаковы. И возраст у нас такой одинаковый, и обстоятельства способствуют. Почему же, спрашивается, к нашей точке, которая, кстати, называется великой стройкой, так мало приложено духовных сил столицы? Разве не мог бы, допустим, Союз писателей Украины уделить нам от щедрот своих один литературный вечер в месяц? Или Союз художников или композиторов? Увидели бы вы тогда, какими стали бы мы за год.

Да и не только мы одни, а может быть, и те, из столичных союзов, набрались бы от нас, ну, не говорю, что неделикатного обхождения с девушками или чрезмерной склонности к футболу, а чего-то совсем противоположного и драгоценного, что имеем мы здесь и чего они не имеют... Да что там говорить: вот эти стройки гигантские, на

которые с надеждой смотрит весь передовой мир, ну, пусть еще плоховаты мы, — в скобках: К., к примеру, совсем терроризировал девчат в недостаточно трезвом состоянии, — пусть, говорю, такие уж мы, точь-в-точь как тут нам вынесен приговор в докладе, — стройка-то будет стронься нашими руками?! Или нет? Будет! И мы напишем на камнях, и на бетоне распишемся металлом, и сверлами на стенах сооружений: простите, потомки дорогие, такие-то, как говорится, мы были и такие. И под ручку ходить не научены, и к стихам не тянулись, и часом слова черт знает какие произносили.

Не нравимся мы докладчику, что тут выступал. Да мы и сами себе не очень нравимся. И сам докладчик, само руководство (пусть уж оно на этот раз простит) тоже не очень нравится. Однако нам жалко их. Мы не лишены жалости. Мне, например, особенно жалко нашего бывшего комсорга. Если бы его сделать бухгалтером, воображаю, какой бы хороший аппаратный человек из него вышел, сколько пользы он бы принес».

А. «Как чудесно: построить новый город. Новый, светлый... Не было ничего — степь, пески... И вот город». Он посмотрел в окно своими добрыми серыми глазами и на мгновение задумался. Большой выпуклый лоб, и весь он дородный не по летам и внутренне утонченный. На нем, уже как примета времени, налет утомления. Это от постоянного многоаспектного мышления. Он поэтичен, он инженер, реалист. Дирижер гигантского, многотысячного оркестра, где добрая половина трубачей еще перевирает ноты по молодости лет и неумению пребывать в гармоническом ритме. Где-то подвирают трубы, все время огорчая дирижера. Но симфония гремит для непосвященных величественно и прекрасно, волнуя и поднимая сердца и мысли миллионов. Гремит, шумит музыка на Днепре и на степных просторах Украины, разливаясь звучным гулом и высоким звоном по всему миру.

Разговаривает со мною, потом берется за телефонную трубку, говорит с Херсоном о материалах, выслушивает, спрашивает, требует. Вызывает секретаря, тихо отдает распоряжения, вызывает министра здравоохранения. Чего только он не делает зараз. «Ой, плохо как! Так. Так. Метан есть? А что б оттуда дать часть нашему заводу? Ага...»

...Его перебивали вопросами с места и из президиума, но он, очевидно совсем не замечая своей манеры, продолжал думать вслух. Его волновало множество вещей. И вот постепенно притих весь зал, и уже никому не хотелось смеяться. Чистый мир раскрылся перед слушателями в образах, сравнениях, в высоких стремлениях и кристальной рассудительности С. Когда начал он говорить о том, как будут оформлены гидротехнические сооружения, ссылаясь на исторические примеры, когда вдруг повел он весь зал в будущее, все ощутили себя теми, кем они, собственно, и были, именно счастливыми и гордыми строителями коммунизма.

В это выступление С. обязательно вставить его конкретные рабочие предложения, планы и тому подобное, чтоб было видно, насколько он сам реальный и отличный работник — юноша с головой философа и манерами неповторимыми, изысканными в чарующей своей простоте. А как он говорил об археологах и археологии! Он поступил учиться в 10-й класс вечерней школы. Вот таков каменщик С.

О колхозе. Тема

В колхозе на собрании, когда Т. закончил свою речь, в которой он сказал о большой исторической роли... одной колхозницы Надежды П., выступила сама Надежда с речью, если это можно так назвать.

Она говорила о том, что впервые услышала, кто она есть. «Спасибо вам, что обрадовали меня. Господи, какая я счастливая, что я вот такая, как вы говорите. Мне самой иногда думалось что-то похожее. Вот после работы, засыпая, иногда думаю что-то хорошее применительно к себе, но все-таки не так, как вы сказали. Думаю, не может же быть, чтобы все, что мы все творим на полях столько лет, чтобы не приблизило оно людей к счастью и т. д. А вы подтвердили мне меня самоё, спасибо. Великая вещь — доброе слово! Оно иногда дороже всего, всяких лекарств, всяких богатств и

нужно человеку, как хлеб и мед, как живая вода. Еще я заметила, что когда в добром настроении сеешь, лучше родит. Не смейтесь. Вот увидите, какой будет урожай в будущем году».

Потом, допустим, перейдем к беседе со Ск., стариком. И фиксируем его слова: «С того времени, как раскололся мир и Ленин стал во главе народа, не покладал я рук».

Прим[ечание]: колхозница Надежда П.— уже немолодая женщина. Она не героиня и не орденоска. Она одна из тех основ, из которых выходят героини. Вся жизнь ее, степнячки, — непрерывная работа, непрерывная борьба с природой, великий подвиг...

Микола Ф.

12.IX.

Он из Кицмани, что на Буковине. Жена осталась дома. Сам Микола — пожилой человек, прибыл в Каховку на стройку коммунизма из кицманского колхоза. Работает бригадиром плотников. Прибыл он сюда чуть ли не с молодежной бригадой.

Сложный путь прошел Ф. от Кицмани до Каховки. Проходил тот путь через океан, через Америку Южную и Северную, Ванкувер, Торонто, Виннипег. Работал на рубке леса, на дорогах, копал котлованы для электростанций, месил бетон, крыл крыши, настилал асфальт, носил шпалы. И часто блуждал без всякой работы по американскому «раю». «Гоняясь за лучшей долей, объездил я чуть не весь широкий свет: Соединенные Штаты, Канаду, Бразилию. Зацветают и там весной сады, родит пшеница, живут люди. Все как будто есть там, но нет самого дорогого и самого милого — земли нету простым бедным людям и нет им воли. Землю, о которой я мечтал, дала людям на всем свете одна только Советская власть, ее получили все, кто поливал ее своим потом, кто имел право на нее».

Окончил двухгодичную школу руководящих колхозных кадров, дочка — врач, другая — учительница, зять — директор МТС. Жена стала грамотной. «...Любуюсь с высоты шириною и быстротой Днепра и думаю о силе воли и отваге советских людей. Какая нужна сила, чтоб уgomонить двухкилометровое течение, победить природу, заставить реку отдать свои воды на миллионы гектаров сухой земли. Стою над великим Днепром, над великой славянской рекою и шепчу про себя трудовую клятву добровольца, что буду достойным этой стройки, что отдам все силы и весь свой опыт всенародному делу».

Что нужно Ф., если хата — полная чаша, в семье лад, любовь и покой и за плечами такой долгий тернистый путь? Что заставило его бросить свою хату-чашу? Зачем поехал он в Каховку? Строить коммунизм. Стремление к подвигу всего народа, чьей частью является он сам.

А как прощались! Как присели на минутку перед выходом из хаты! Какой это был великий момент в семье Ф.! Какой прекрасный!

Терраска, увитая диким виноградом. Под яблоней столик, скамьи. Из цветника веет запахами конвалии, мяты, матиолы.

«Находился я по белу свету. Видел богатую и бедную жизнь, знаю, что такое зло и добро, но нигде не встречал такого внимания человека к человеку и государства к человеку. Такого внимания, как в Каховке, к простому рабочему человеку я не видел..»

«Семь километров от Каховки — Ключевое. Вот тут и строим новый город, двухэтажный, на винограднике, что принадлежит колхозу «Победа батраков». Разве такое придумаешь? Посоветовал я вывеску колхоза отдать в музей. «Победа батраков» — пусть будет экспонат музея для потомков. Нету уже батраков. Поздравьте меня: работаю бригадиром. Шефствую над буковинскими хлопцами Иваном М. и Иваном Б. Сложили пятьдесят четыре дома».

«29 мая¹. Кончаем ночную смену. Иду с буковинскими хлопцами меж кустов винограда. Лоза, подвязанная на колышки, кладет на землю призрачные тени. Беседуем

¹ Дата 29 мая, выпадающая из общей хронологии Записных книжек, и обращение к «подруге» заставляют предположить, что автор приводит здесь отрывки из письма Микола Ф. к жене или, по крайней мере, тонко и точно воспроизводит стиль его подлинных писем. Микола Ф. был в дружеских отношениях с А. П. Довженко, интересовал его своим незаурядным характером и литературной одаренностью. В архивах А. П. Довженко сохранилась копия другого письма Микола Ф. — к матери, по стилю очень близкого вышеприведенным отрывкам. (Ред.)

про свои семьи, про колхоз, вспоминаем Сторожинец, Глубокое, Черногузы и будто летим через Днепр ночной в Карпаты, и обнимаем взором Буковину, и припадаем к темной земле детства нашего... Много работы и много красоты. Мыслей много, высоких и величественных. И чувствую покой великий в душе, подруга моя...

А Днепр безмятежно и тихо плывет в невыразимо прекрасном рассвете, среди степных просторов, ожидая, что принесут сюда завтра его волны: сколько пароходов, барж, сколько новых домов приплывет сюда, чтобы мы их ставили в своем новом городе!

Мне кажется, подруга моя, что я тихо плачу, чтобы не видели хлопцы. Все величие того, что мы делаем тут, раскрывается мне во всей неоглядности... Иду своим виноградником вдоль высокого берега моей реки, что похожа на жизнь, и чувствую себя вот тут, после ночной смены на рассвете, как на великой, многолюдной, всемирной демонстрации. Могучей — не окинешь глазом ни в ширину, ни в длину... Иду в будущее в первых рядах, и ничто не мешает моему счастью. Видимость ясная во все стороны света. Над великой рекой кончается предрассветная заря. Начинается утро. Каким же прекрасным будет наш день!»

Испанец

Хуан К. из Барселоны, каменщик. Участвовал в боях в Мадриде. Был интернирован во Франции. Был в Германии, в концлагере, как испанский республиканец, оттуда его и освободили наши советские воины. Вот какая судьба у каменщика-испанца. Тоже образ для фильма и для книги... Он носит над Днестром в мечтах свою гордую и прекрасную Испанию. Когда и что напоминает ему здесь далекую родину? Какие мелодии? «Когда увижу тебя, далекая моя земля, сирота? Доведется ли мне припасть к родному берегу Гвадалквивира и напиться твоей воды или хоть заснуть на твоих камнях, дыша тобою, припасть, как ребенку, к материнскому лону, измученному ребенку, что набегался за долгую жизнь по такой стерне и так исколол себе ноги?..»

Американец

Разговор с ним. Что интересует человека из страны без мечтаний и без надежд?
— Скажите, а можете вы мне рассказать откровенно, насколько это, конечно, возможно, о преступлениях в этом новом городе?

— О каких?

— Ну, обыкновенных: убийствах, грабежах, насилиях? Почему вы не отображаете этого в своих произведениях?

Его интересует эта тропическая сторона бытия. Он все же выходец из джунглей. Написать на эту тему длинную беседу-сцену. Он представитель старого мира. У нас есть недостатки, нарушения нравственных норм. Но они не вызывают у нас страха. Не в них у нас суть. Мы не считаем необходимым их отображать, хотя мы за конфликты самые острые. И самое главное: у нас тут никто никого не убил и не думает об этом. И никто никого не ограбил. Для нашего города характерно совсем иное. Но, кажется, есть и в нашем городе один убийца: это Н. Он убивал несколько раз архитектора К. и начальника гидроуправления, в чем сам признавался. Но это он делал в своем воображении. И мы поняли это как крайнюю меру его возмущения против К.

— Так. Вот видите. Значит, потенциально в Н. сидит убийца. Мне можно познакомиться с Н.?

— Пожалуйста. Вот он. Василий Тарасович, познакомьтесь. Это мистер Говард из Америки. Он интересуется убийцами.

— А почему вас это интересует?

— Просто я статистик. По последним данным нашего статистического бюро, мы убиваем за последние годы столько-то людей в час и производим столько-то ограблений и насилий в минуту.

— Многовато...

Американец среднего возраста, лет пятидесяти, Вдумчивый, говорит монотонно, не спеша. В лице, в манере, в суждениях глубокий пессимизм. Он из страны «без мечты

и надежд», живущей «вслепую». Он критически относится ко многому в Америке, в частности к «комиксам» и другому чтиву, а также к фильмам, в которых все направлено на то, чтобы научить молодежь убивать. Его кредо: «мир погибнет, земля истощится и превратится в мертвую пустыню, и в этой ее трагедии главная роль выпадает на долю человека...»

— Нет, не истощится земля. Не нужно этого бояться уже хотя бы потому, что кончается эра хищнического хозяйствования бизнесмена на земле. Не судите по своей Америке. И не обобщайте. Советская Россия и страны народной демократии,— увидите, что сделают они на земле...

Моцарт убивает Сальери

Вспомнить всю фабулу моей неосуществленной пьесы. Будет описано в этом разделе, как произошло убийство на Новой Каховке. Описать подробно. Причина: антагонизм между Моцартом и Сальери-хапугой. Высшая точка вражды. Как это ни удивительно, — крыша Дома культуры.

Тезисы.

— Вы напрасно думаете, что в барокко с хорошей стороны выявляется нечто национальное. Это не национальное, а архиерейское, монастырское, нечто архаичное, провинциальное, этнографическое, не принадлежащее искусству, из сфер искусства перешедшее в сферы этнографии. Благодаря вашей слепоте и поверхностности. Как могли вы поставить такую крышу на Доме культуры, на классическом ордере? Это недопустимая, позорная эклектика.

— Позвольте, а Киев?

— Киеву тысяча лет. А здесь же совсем нет архитектурного наследия, которое давило бы на вас и чего-то от вас требовало. Не назад должен был оглядываться ваш дворец, а смотреть вперед. Двойная ваша крыша — сосед церкви, и не какой-нибудь, а вполне отчетливый: заслоняет мне небо вдвойне. Смотри, мол, вниз, угнетенный человек. Земля еси и в землю отыдеши...

— Но вы же сами противоречите себе. Вы говорили, что...

— Я говорил и говорю, что архитектура Новой Каховки, одного из первых городов коммунизма, должна быть обращена вперед, а не назад. Кому же, как не архитекторам, думать об этом! Ведь мы фиксируем тут наиболее устоявшееся, многолетнее искусство.

— Это не искусство, а техническое сооружение!

— Молчите. Не расписывайтесь в убожестве своем, не дразните меня.

— Да никто вас не дразнит.

— Я говорю — помолчите, а то я вас ударю. Дайте мне закончить свою мысль.

— Пожалуйста.

— Давайте вспомним: наш город — это сегодняшнее, творимое нами тут на песках, обращенное в будущее.

Этот город — главная точка приложения всех материальных и духовных сил нашей страны. Почему не приложили тут свои силы архитекторы столицы? Где их следы здесь? Почему здесь утвердилось провинция?

Вы обсудили свой проект вот тут вот, с молодежью? Нет. Вам нечего было с нею обсуждать, не так ли? Милый мой, вам нечего было ей показывать, и вы пошли дорогой бумажек, утверждений и резолюций вышестоящих, игнорируя нижестоящих. И вы считаете это для себя более выгодным, более спокойным... Вы не архитектор, а барышня, которая перед зеркалом кокетливо перекальвает бантики, и пилястры, и колонки. Нет у вас мышления ни в пространстве, ни во времени. Нельзя дворцы создавать вслепую. А вы сотворили его вслепую, уставясь в чертежную доску и не побывав мысленно на крыше своего дворца, на крыше, где с единственной в городе [точки] люди столетиями любовались бы всем городом, Днепром, и плотиной, и Каховским морем — делом рук своих. Вы не сделали самого главного — и вы спокойны. У вас на красивом личике удовлетворение ловкого человека и «умельца».

Затем развернуть тему ненависти и убийства, расписать подробно, точно, с деталями, все как следует — и вдруг: что же это я наделал?.. А тут в двери — стук...

Минуточку не входите, одну минуточку... Схватив убитого Сальери, Моцарт втиснул его в шкаф и запер на ключ... Минуточку!.. Нет ли следов крови? Нету... Подошел к двери:

— Войдите.

Дверь открылась: на пороге — Сальери.

— ...Простите... это вы? Каким образом?..

— То есть?.. Ведь вы позвали меня.

— Да. Я вас...

— И я явился точно. Почему вы так побледнели, на вас лица нет... Почему вы так странно на меня смотрите?

— Я думаю. Перед вашим приходом я долго думал о вас.

Далее тема антагонизма повторяется еще раз. Только бесконечно измученный Моцарт отвечал уже нехотя, задавал вялые, неинтересные вопросы. Сальери держался крепко и вышел от него нахально и гордо, чувствуя себя победителем. Конечно, никакого убийства не было. Все, что читатель прочитал о страшном поступке Моцарта, было не чем иным, как грешной авторской попыткой изобразить его душевные страдания. Они есть и на стройках коммунизма. Противники не убивают друг друга, потому что им нечего друг у друга отнять. Никто не становится ни богаче, ни беднее от подобных вещей, да и давно уже мы вышли из джунглей капиталистического одиноличества. В общем и целом.

Однако страдания и страсти никогда не покинут нас. Не оставляют нас страсти человеческие, ничто человеческое нам не чуждо. Но направление и содержание страстей у нас иное. И самая высокая и благородная — этическая страсть царит среди нас... Когда двери за Сальери закрылись и снова стало тихо, Моцарт заплакал...

Плотник Кравчина

13.IX.

Кравчина потерял на войне четырех сыновей и дочку. Сам тоже был на обеих войнах с немцами как рядовой солдат. Его жизнь была богата событиями. В силу своего особого нрава он выдержал все: был бит, стрелян, пытаем, даже вешан на виселице, даже в землю уже был закопан, был в плену, а все-таки брал Берлин... «Счастье, счастье... Есть на свете немало вещей, часом поважнее, чем то счастье». Сила духа у Кравчины гигантская. Жизнелюб, носитель юмора, умный и мудрый человек. «Какая эпоха, такой и я полностью».

Тягнибеда Гриша

Его нет на строительстве. Однако сделать так, чтобы он ощущался во всем и шел незримый через все произведение. Его несет строитель Кравчина. Сам же Гриша, красавец, герой и мученик, умер в гитлеровском концлагере, после того как упал раненый с самолетом на вражескую территорию. Все расскажет о нем Кравчина. И хорошо сделает, потому что Гриша Тягнибеда — это образ всех, кто своей кровью и своей смертью спас Отечество наше, кто поставил нас вот на эти счастливые места над Днепром...

В эпопею вполне свободно и кстати входит полностью все, что записано в старых «Золотых воротах»¹. Оно войдет так же, как рассказ про Гришу Тягнибеду прекрасно, войдет, как вечерние рассказы Кравчины об обеих войнах, где он был рядовым солдатом. Боже, как это может быть прекрасно! Тогда Кравчина вырастет в эпопею в грандиозную фигуру рядом с П. Тот счастливый, у того все сыновья вернулись с войны. У Ф. — дочки и зять, а у Кравчины никого. Всех записал на Бранденбургских воротах, вечная им память. А дочки... горе, горе. «Земли козацкой украшение...» И вот, несмотря на все, что послала Кравчине жизнь, не пал духом Кравчина. Улыбается он,

¹ «Золотые ворота» — название задуманного А. П. Довженко романа (имевшего подзаголовок «Народная эпопея на Днепре»). Роман остался незавершенным. Часть материала из него вошла в «Поэму о море». (Примеч. ред.)

как и всю жизнь улыбался. Кравчина концентрирует в себе всю неумирающую мощь украинского характера, закаленного такой закалкой, какая и не снилась никому.

Итак, три фигуры старых плотников: П., Ф. и Кравчина — старая народная основа произведения...

14.IX.

Живет Кравчина в Британах у молодого шофера Ж., у которого четверо детей и очаровательная жена. Хата стоит над Днепром. Хата — с сенями — большая. Печь летняя в садике, напротив хаты хлев выбеленный и очень чистый, приспособленный (на лето) для Кравчины. Посреди двора стоит громадное дерево — волошский орех. Под тем родовым деревом над Днепром и ведет свои воспоминания Кравчина. Небудничную жизнь подарила судьба Кравчине, и рассказывает он о ней на фоне небудничного, торжественного, исторического пейзажа.

«Скучать, хоть я и прожил немало среди простых, ничем не знаменитых людей, не известных мне ничем, кроме разве работы и страданий, скучать, однако, братья мои, и ты, сестра, не довелось мне...» (Перенести сюда весь монолог).

«...Не покладал я рук».

Кроме Кравчины у Ж. живет еще каменщик-испанец Хуан К. Они дружат. У них «интернациональный двор».

Сегодня я так счастлив своими мыслями, что даже записываю: как мне радостно, что в сердце моем отражается жизнь так богато и глубоко и что именно тут, в реальных рабочих обстоятельствах, на ветру и на песке, под горячим солнцем, посреди недостроенного нового города, приходит и приплывает на днепровских волнах мое будущее произведение в таком синтезе.

У Кравчины на все свои мысли. Все вызывает в нем неожиданные сравнения, соображения. Когда разговор немного затих и К-ов начал, глядя на широкую серебряную ленту Днепра, петь «Реве та стогне», послышался густой бас Кравчины:

— Черта с два теперь поревешь и застонешь... Довольно уже, хватит реветь! Теперь, брат, потянешь тихонько, согласно партийной дисциплине. А то ревет, стонет, хаты сносит, выливает в море сколько народного добра... А потом хиреет целый год. Тьфу, телята переходят — черт знает что, не речка.

— Так это ж стихи!

— Я б про него не такие стихи написал. Вот загоним в водохранилища, тогда и будут стихи.

— Ох, какой же вы, дядько...

— Какой? Какая эпоха, такой и я вполне. Теперь ты мне будешь давать воду по плану, хватит реветь и стонать. Мы тоже тут настаивались возле тебя. — Кравчина смотрел на Днепр. Он разговаривал с Днепром.

Я не сводил с него глаз. И показалось мне на какой-то миг, что они ровесники и что в морщинах Кравчины отразилось все, что творилось на берегах днепровских тысячи лет.

— Шевченко... Шевченко хлебнул своего, мы — своего. И что он мог тогда? Тоже, видно, стонать... Довольно. Спойте мне лучше «Соловьи, соловьи, не тревожьте солдат...»

...Запел К-ов «Соловьев». Кравчина смотрел на ночной, торжественный и величественный Днепр, на великую реку своей жизни. Высокий и чистый, как у Ленина, лоб его был на фоне звездного неба прекрасен. Было что-то древнее в нем, общее человеческое. Он вспоминал сынов своих, что где-то в боях ушли вслед за водою. На глубокие глаза его навернулась слеза, но он и ее подавил: пошла слеза назад, потонула в бездонье великой его души.

А Днепр, синий, «ходит он плавным разливом и середь ночи, как середь дня, виден за столько вдаль, за сколько видеть может человецье око».

Дмитро Б.

В прошлом танкист. Его битвы: оборона Сталинграда, Курская дуга, Корсунь-Шевченковская битва и много других.

«Вы танкист? Хорошо. Пойдете на скрепер. Тут для вас открывается новый фронт». И Б. пошел. Всего несколько дней нужно было ему, чтобы целиком овладеть новой машиной... Так танкист превратился в скрепериста. Когда-то ходил на Паулюса, теперь его машина врезается в каховские пески. Честный, скромный, энергичный, его скоро все полюбили. Стал замсекретаря парторганизации.

«Знаете, я старый спортсмен. Еще в армии занимался футболом, волейболом, тяжелой и легкой атлетикой. Теперь насыпаю склоны для трибуны стадиона. Душа поет!»

Ему 26 лет. Если бы описать весь его жизненный путь, вышел бы роман о мужестве, выдержке и безграничной преданности простого советского человека Родине.

Подворье в Британах

Описать подробно хату с сенями посредине, с зеленоватыми пилястрами, белую, с голубыми наличниками окон, с большой соломенной, толстой, теплой крышей. А под крышей жердь с золотой кукурузой, связками мака, лука, укропа и ярко-огнисто-красными стручками перца. Куча тыквы, с экземплярами до двух пудов, роскошного теплого цвета. На зеленом фоне виноградных кустов летняя белая печь, очень живописная, с правой стороны — хлев, где жили Кравчина, Хуан и К-ов. А посредине двора, покрывая добрую его половину густой тенью, стоял старенький волошский орех. Дерево рода. Под деревом стол напротив сеней. На ветвях всегда что-нибудь висит из хозяйственного инвентаря. На одной из нижних ветвей — колыбель с ребенком. В колыбели невнятно лепетало дитя, а вокруг играло трое старших, все мальчики, из них двое голых, белокурых, розовых, золотых детей.

Возле хлева лежали три большие колоды. На этих колодах, собственно около них, умывались после работы, переодевались в чистую одежду, а поужинав, садились на колоды лицом к Днепру. С высокого берега им открывался величественный, торжественный вид. Козачий остров, что служил когда-то кладбищем, где схоронили в старину тысячу запорожцев. Покрыт лесом. Широкий и могучий Днепр, принявший в свое лоно все свои речки, тихо-тихо несет свои воды в просторных каменных берегах к морю. Описать небо глубокое и большой масштаб видимого. Цвет неба на закате солнца и после заката, когда начинается свою симфонию южная степная украинская ночь, когда выйдут на темное небо звезды.

Как прекрасно жить над большой водой! Можно любить моря, океаны, можно мечтать о них, но нельзя ничего на свете так любить, как великую реку, большую свою воду, что течет безостановочно меж родных берегов. И берега смотрятся в воду и не насмотрятся.

Описать реку ранним утром, когда из розового тумана начинают выплывать деревья, вербы, гуси, лодка, а где-то там и хата или белый песок. Какая прозрачная и мягкая в ней вода. Как живут на ее живописных берегах люди, как моются в ней, как слагают о ней свои песни, мелодии. И благословен тот, кто пьет родную воду. И не тоскует о ней всю жизнь. Когда думаю я о старых временах, давних-давних, еще скифско-старославянских, до запорожских включительно, размышляя, конечно, об истории своего народа, мне почему-то и Днепр и народ кажутся одинаково молодыми и похожими друг на друга в те времена. Ныне Днепро постарел, а народ вырос и пребывает в возрасте полного мужества...

15.IX.

Он, она и оно

Написать сцену, как они шли из родильного дома домой. Как она несла дитя, как оно впервые дышало вольным воздухом, а он шел немного впереди, гордый, бесконечно взволнованный этой необыкновенной историей: он — отец! Ай-ай-ай! Еще так недавно был он хлопцем. Ему немного как будто и страшновато: дитя — оно такое, словно бы сморщенное и слабое. Ничего подобного, что ты выдумал. Он здоровый. Небо, Днепр,

строят новый город, новую плотину через Днепр, каналы, новую жизнь. И вот оно, новое его дитя! Счастье. А она? Сияет, как солнце. Какое великое дело: родился ребенок в начале строительства нового города. Может быть, никто этого и не заметил вокруг, но ему казалось, что весь мир, который отныне изменился бесповоротно, смотрит на него. Описать подробно ее чувства и их разговор, их первые слова и мысли о ребенке. Почему у него такое личико красное? Скоро ли он будет смеяться? Говорить? И т. д. Потом они шли оба молча. Они молчали, и, казалось, мир по-новому говорил им такое, чего никогда еще не слышали они в своих сердцах. Это было их торжество, их волнующее ощущение счастья. Продумать все возможные варианты.

Повар

17.IX.

Повар столовой и директор.

Описать обоих. Повар страшно возмущался, когда на него заседали за работу, когда народ критиковал его ежедневные кулинарные произведения. Он был еще молодой и, очевидно, очень одаренный повар и потому ненавидел критику. Она, критика, повергала его в такой гнев, в такую злость, что блюда перекипали на плитах.

О нем очень удачно сказано у Гоголя. О его таланте и, так сказать, стиле работы. а талант его заключался в том, что никто не мог никогда догадаться, из чего сделаны его блюда. Если сравнить их с художественными произведениями, то окажется, что стихи его пахли прозой, проза на вкус походила на недожаренную рыбу. Его творческий метод был особо оригинальным и, очевидно, неповторимым. Одним словом, всякое блюдо и всякий продукт он понимал по-своему и обращался с ними особым, ему одному свойственным манером. Особенно отличался он в так называемых вторых блюдах. Тут уже не было ему соперников. Один лишь повар в «Мертвых душах» Гоголя мог бы сравняться с ним в богатстве творческих приемов... «А в окопах что ели!» Или: «А на войне страдали, на каких харчах! Неправда, хороши мои блюда. Нету у вас аппетита, вот вы и выдумываете, лишь бы посмеяться над человеком. Вы посмотрите вокруг, как едят. Переносица прогибается, на кого ни посмотрю». Действительно, оглянувшись вокруг, вы видите, что... и т. д.

Под стать повару и директор столовой — дебелиый, высококалорийный мужчина с таинственно-молчаливым выражением лица. Он любит молчать. А если вы попытаете завести с ним разговор, он сразу же начинает жаловаться на неправильную архитектуру столовой, в результате которой... и выходят у повара вот такие нестандартные блюда.

— А нельзя ли у вас достать творогу свежего?

— Как нельзя! Пожалуйста.

Через десять минут девушка приносит вам творог такой кислоты, какая вам еще и не снилась, после чего вы начинаете серьезно присматриваться к архитектуре столовой, которая действительно так таинственно окисляет, пережаривает, пересаливает, жует все, что в нее попадает...

...Я ушел с заседания в одиннадцать часов сорок минут ночи из-за усталости и боли в сердце. Заседанием необычайно доволен. Оно показало мне в обобщенном виде, насколько это строительство — дело сложное, трудное, сколько неполадок приходится преодолевать им (строителям) ежедневно и абсолютно во всем: это и нехватка строительных материалов, и несовершенство механизмов, и непригодность людей, и недостаточная квалификация рабочих, административно-тех[нических] и инженерных работников, и косность, которая еще есть в психике людей, уклоняющихся от трудностей, не понимающих нового, и отсутствие подчас чувства нового, то есть все то, что составляет, очевидно, природу внутренней борьбы в социалистическом обществе на пути к коммунизму. И если в каждом массовом деле рядом с прекрасными, чистыми людьми пока что шныряют и сомнительные люди, которым, казалось бы, давно уже нет и не должно быть места в нашем обществе, если у людей выявляются отдельные отвратительные черты, как бьются мертвые ветки на самом мощном дереве,— все это есть и тут и будет до самого конца строительства. Но какая бы пыль, какой бы щебень ни набивались под гусеницы гигантской машины, как бы ни скрипели отдельные ее детали, как бы ни скрежетали непритершиеся части, как порою не содрогался бы весь ее

гигантский организм, машина беспрерывно двигается вперед. Клубится пыль вокруг, застилая глаза, слышится скрежет, но среди хаоса песка и лома и туч мелкой пыли, разносимой ветрами, вырастают уже ясные контуры прекрасного будущего. Будет трудная осень и не менее трудная зима. И только лишь с будущей весны, когда основные силы людские осядут под своими ногами твердый, как гранит, бетон плиты, удесятерятся силы строителей и еще выше поднимется их могучий дух.

ВТОРАЯ ЗАПИСНАЯ КНИЖКА

1952 год

18.IX.

Выбирая песок при строительстве города Новой Каховки, рабочие нашли убитого красноармейца. Он весь уже высох и истлел. Был при оружии, даже, говорят, гранату держал в руке. И поза, в которой он лежал, свидетельствовала, что он собирался кидать эту гранату. Вся его фигура говорила о порыве вперед и большом напряжении. В таком положении он, очевидно, был убит и сразу же завален землей от взрыва большой бомбы или большого снаряда. На шее у него остался целым медальон с фамилией, именем и адресом. Был он русский юноша из Вологодской области.

Как покидать хату

Можно бросать ее весело, уйдя прочь с пустым сердцем. Можно плюнуть на ее обогие окна и крышу старую и, повернувшись к кинохроникерам, бодро усмехнуться, направляясь легким шагом к счастливой, зажиточной жизни, и можно вообще не бросать хату, а, прикинувшись не верящим в то, что вода может затопить твою хату навеки, всю, вместе с трубой, и с грушей, и с шелковицей, и с орехом, сидеть и смешить людей до той самой поры, пока не придет наконец вода. Но можно и плакать, покидая старую хату. А старенькая мать может тихонько целовать печь, возле которой трудилась она полстолетия, и косяки, и двери, и даже стены и, плача, тихо-тихо произносить: «Ох, хатонька моя, голубонька, покидаю тебя. Уйдешь ты на дно моря, покроют тебя воды навеки, а я пойду себе на гору высокую и уже с горы буду смотреть на ту воду до смерти, вспоминаячи тебя. Спасибо тебе, что грела нас, что давала приют и сон и родителям моим и дедам моим. И могилы их покидаю я, хата моя. Судила так новая моя доля. Прощай».

Над Днепром новые села высоко на буграх. Их далеко видно, и напоминают они стаи белых гусей или голубей, что слетелись и уселись парами подле великой реки. Какие огромные, торжественные просторы! Что-то утратит в своей красоте Днепр между Каховкой и Запорожьем. Уйдет под воду Великий Луг, что манил когда-то наших прапрадедов-запорожцев. Потонут навеки мужественные красоты вольностей запорожских, и новая красота, что приходит в результате нашей переделки природы, разовьется на берегах будущего великого водохранилища лет через тридцать. Будут стоять тогда на берегах новые леса, сады новые, новые деревья будут смотреться в воду, новые пышные берега, светлые, с чудесными дорогами, аллеями будут радовать мир.

19.IX.

На строительстве, на запруде, видел карту-схему водоканалов, цветную. Море написано в тональной перспективе. В воде отражаются облачка. Очень интересно. Использовать.

Отец мой, который приплывал на лодке из-за Чернигова в Каховку наниматься к Фальцфейну в чернорабочие, не знал, к какому народу он принадлежит, как не знали и все, с кем он дружил, с кем работал до революции.

Русские люди, однако, были у него особые. По Десне сплавливали плоты с Орловщины. «То русские». «А мы какие?» — спрашивали мы, тогда еще малые дети. «Мы какие?» — переспрашивал отец, не зная, что ответить, но смутно чувствуя какую-то тяжелую и горькую пелену на своих глазах. «Мы мужики... Хлеборобы мы, простые

себе люди, одним словом, мужики, и все тут». Мы замолкали. Молчал потом и отец. Он мог бы для нашей национальной осведомленности добавить, что мы «хохлы», но он не любил этого оскорбительного слова и, когда слышал его не раз от надзирателя, молчал. Мы были единственным народом в Европе, который не знал, кто мы. И я принадлежал к этому народу, чтоб вы знали...

Сегодня снова ветер и тучи. Я совсем разбит. Тяжко спал ночью и мало. Нет сил работать. Поехал на заправку с Л., но должен был сразу вернуться, так ослаб...

Дома рабочих над Днпром

Разработать досконально, поскольку в одном дворе будет происходить очень много разных сцен, особенно вечерних и ночных. Эстетическому смыслу кадров тут будет придаваться особое значение. Игра белого, теней на белом, вечерних и ночных. Сочетание цветов мела и зеленоватых наличников и пилястр. Глубокие тени под крышей. Перец и кукуруза: красное и золото. Стена белая, на ее фоне люди и их тени. Хлев можно сделать без соломенной крыши (с земляной, глиняной), а на ней, на этой земляной крыше, выросли растения или что-нибудь сушится. Хлев невысокий, вровень с человеком, чуть выше, чтобы в кадре, даже на средних планах, был низ белый, верх (небо) — синий, окна — черные, сорочка у Кравчины — белая.

Олена К.

Молодая, красивая и чистая. Бригадир разнорабочих. Физически и морально сильная. Описать ее лицо, стиль лица, лоб выпуклый, чистый и чистый пробор. Таких писал Рафаэль в своих матерях, пречистых девах. Было в ней что-то устойчивое, извечно женское. Была она печальной. И выражение ее лица и глаз было печальным. Печаль чувствовалась и в ее голосе. Не то чтобы она не любила хлопцев, она презирала их за распущенность и неуважительность. К коммунизму она стремилась с присущей ей страстностью. Это был ее подвиг во имя общечеловеческого добра. «Может, хоть тогда люди станут нежными». Сегодня она пришла с работы грустная, невеселая.

— Какой противный тип этот прораб!.. Так не уметь расставлять людей на работе! Сегодня протолкались, верите, может, часа два рабочего времени. Удивляюсь, почему его за это не выгонят. И что он за человек, я не знаю. Вот как взойдет на трибуну, поверх людей как глянет, да так горячо и красиво говорит, да так разумно — про будущий наш великий коммунистический день и про невиданную красоту вот тут, в степях Украины, — что я не могу глаз оторвать, и будто лечу я на крыльях над степями. Слезет с трибуны — волк. Ни подойти, ни поговорить, ни посоветоваться. Голос как труба, сам наполовину всегда отсутствует, и — абсолютное неуважение к человеку.

— Образование у него неправильное, дочка: и язык и голова у него с высшим образованием, сердце с низшим, а желудок, наверно, совсем без образования... темный.

— Сегодня послал нас в траншею землю выбрасывать. А вы видели глубину траншей? Там мужчина не всякий высыплет... Больница уже приходила: не бросайте, говорит, так высоко в гору. Надорветесь...

— Найдешь себе пару.

— А кто меня возьмет из этих ветрогонов? Большая я и слишком сильная. Таких теперь не любят. И обходят. Да мне и безразлично. Не глядели бы глаза мои на них. Хотя ребеночка мне страх как хотелось бы иметь. Ой, как бы я его любила... Так бы воспитывала, как куколку. Ни у кого бы не было такого.

И тут раскрылась будто совсем другая Олена. Описать ее.

— Вы заметили, дяденька, что почему-то слабенькие девчонки больше нравятся, чем сильные, вроде меня. Я всегда это замечаю. Может, мне уже сделать что-нибудь наперекор, я не знаю. Выйти замуж за маленького и слабого, вроде Р., так не хочется почему-то. Как-то нехорошо.

Не забыть сцену в автобусе, а еще лучше — в грузовике. Разъезд рабочих летом, осенью, зимой. Никто не разговаривает. А может быть, поют все, кроме, допустим, К. или Кравчины.

20.IX.

Под звездами

Спит Кравчина, а с ним и Куандрос, на лежаке под небом, возле бревен. Можно кровати ставить просто во дворе на живописном фоне белой стены дома, окон и теней от ореха. Тогда профильное направление будет чистое: кровати, Днепр где-то далеко светлеет внизу, а над головами трудовых людей торжественное небо. Тут разговоры о Марсе, о мире, о старине и переходы в сны...

Британский хор

Можно допустить, что в соседнем дворе, таком же, как и двор, где постояльцем Кравчина, собирается любительский хор, тоже, конечно, после работы. Поют прекрасно. Песня доносится до нашего двора. Ее иногда подхватывают, приостановив разговор, чтобы потом снова к нему вернуться, наши герои — шофер и его жена. Кравчина не поет. Он весь превращается в слух, и воспоминания летят, как птицы, обгоняя друг друга в великих просторах его сердца. Потом он просит, чтоб спели песню «Соловьи». И когда над Британами начинается эта песня, он как будто разговаривает с четырьмя своими сыновьями, что пали, освобождая Отчизну, и со своим незабвенным Гришей Тягнибедой...

Василь Р.

Комсорг Любимовского карьера. 25 лет, среднего роста, здоровый юноша из-под Овруча. Семь лет пробыл в армии, с 1944 года по 51 год. Отец убит на войне, мать умерла от горя и потрясения. Остались дед и младший брат. Учится в 9-м классе вечерами. Мечтает окончить школу и институт журналистики. Человек большой мечты, большой этической страсти... Углубленно изучает историю партии и Ленина. Службу отбывал за границей. Мечтает положить тут все силы, чтобы воцарилась наконец справедливость у нас на земле.

Настоящий массовик и настоящий комсорг. Любит коллектив, как воздух, как жизнь, и отдает ему всего себя, все свое время, все свои знания без остатка.

— Я согласен работать день и ночь, времени, к сожалению, не хватает.

Он ведет культурно-просветительную работу среди своих каменщиков, он любит [их], знает и морально поддерживает в повседневной работе.

Половина двенадцатого ночи. Слышу далекое радио. А где-то ближе какая-то русская девушка, проходя, распевает свои частушки звонким молодым голосом. Слышны голоса хлопцев. Стихли. Я думаю: как хорошо, что я приехал сюда и живу среди рабочих. Сколько высоких мыслей будит во мне ежедневно мое веселое трудовое окружение. Окружение молодое, призванное историческими судьбами на великие дела первых строек коммунизма. По радио поют где-то далеко «Интернационал». Он долетает сюда по Днепру из Москвы. Все тут молодое. Все обращено вперед. Играет гармонь...

О плавнях Великий Луг

Следовало бы уже теперь начать написание серии пейзажей, которые скроются навеки под водой большого водохранилища. Чтоб в новых селах, что вырастут около водохранилища, люди когда-нибудь узнали, как оно было в старину и какой вид имели старые села, где вековали их деды, прадеды и прапрадеды.

Как жаль, что со мною нет поэта, который умел бы писать стихи, поэмы... Я мог бы, мне кажется, натолкнуть его сегодня на богатые и великие темы. Поэт мне нужен был бы крупный, шестикрылый, который мог бы сложить книгу чувств людей первых великих строек коммунизма лет на двести вперед... Пусть бы это был чистый голос в будущее. Голос прапрадеда из далеких дней. Прапрадед пишет в 40 лет, в полном расцвете всех своих сил.

Памятник Святославу

Я попытаюсь поднять вопрос о сооружении памятника русскому князю — витязю Святославу, погибшему в битве с печенегами в 972 или третьем году. Памятник должен быть большим. На коне с мечом, в глубокой задумчивости. Это, можно ска-

зять, будет памятник нашему тысячелетию над Днестром. Он пал в битве, не посрамив земли русской, помня, что мертвые срама не имут. И мы вспоминали его неумирающие слова во время Великой Отечественной войны. Вот такой счет времени повести бы нам, строителям коммунизма, на великой славянской реке. Это был бы памятник глубокого всенационального нашего славянского содержания, в котором было бы все: политика, история, поэзия времени, и мудрость, и геройство.

Я бы воздвиг этот памятник не там, где лежит ныне камень, против порогов бывших, а возле самого Запорожья, на правом берегу Днестра, где, можно предположить, скорее всего и происходила битва, в районе переправы перед первым снизу порогом. А напротив, на другом берегу, при входе в «Золотые ворота» днестровские, — памятник Ленину...

Такой памятник будил бы у нас и у наших потомков великое чувство истории, нашего единства в глубине веков и завещал бы нам единство и братство.

Какой это был бы благородный воспитательный наш знак среди степей над Днестром, в тех как раз, прославленных местах, где потомки его, такие же чубатые запорожцы-витязи, как и сам он, обороняли отчизну от турецко-татарских орд. Как это вязалось бы в единый великий исторический комплекс с сооружениями нашего времени — шлюзами, электростанциями, плотинами и монументами великих гениев нашей эпохи.

Памятник Богдану Хмельницкому

Второй памятник, который я бы построил в Запорожье, — это памятник Богдану Хмельницкому. Отсюда начинал он великий свой подвиг воссоединения Украины и Руси.

В знак трехсотлетия поставить его где-то около входа в шлюзы, также на коне. Мне кажется, что такой памятник возле Запорожской ГЭС еще больше усилил бы впечатление от ГЭС, и без того величественное. Еще больше подчеркнул бы он в историческом аспекте славу нашей великой эпохи.

21.IX.

Откуда Кравчина?

Кравчина родом из села Низ, что стоит почти на самых плавнях Великого Луга. Село его опускается на дно водохранилища — Каховского моря. Я должен его подробно описать. Это то село, где первым председателем колхоза был Скидан, а самым знаменитым бригадиром — Мина Нечитайло, который был казнен немцами за гордое презрение к фашистам и нежелание склонить пред ними свою уже седую голову.

На строительстве плотины работает инженер Лаврин Нечитайло. Он с Кравчиной приехал в село забирать старенькую свою мать, уже известную мне с давних лет, — Ульяну. Ульяна прощается с хатой так, как записано. Прощаются все, каждый по-своему. На веки вечные исчезает село под весенней водою, и самый процесс исчезновения села являет картину большого символического содержания. Тут происходила жестокая классовая борьба на протяжении долгого времени. Я нарисовал ее в пьесе. Будет тут и жена Кравчины, и его обе дочери, и внуки. И тоже прощание с хатой. Одни будут рады и веселы, другие задумчивы, третьи испуганы и в слезах от грусти. Но все они будут, каждый по-своему, взволнованы. Утопает целая эпоха, породившая их, сотворившая их в соответствии со своей силой вещей, которую они одолели, противопоставив ей ленинскую силу вещей, новую, непобедимую и прекрасную, поднимающую их на такое почетное место в истории нового мира, о котором и не мечтали и понятия не имели их предшественники...

23.IX.

...Колоссальные планы строительства коммунизма не только не истощают сил нашего народа, отдающего стройкам всю свою жизнь и всю энергию, а наоборот — они, великие стройки коммунизма, увеличивают силы народа, поднимают его дух и историческую сознательность. Порождают в народе его чистую энергию, давая высокое наслаждение полноты и глубокого содержания жизни. От тяжкого, рабского труда когда-то говорили: «Ох, когда б уж мне скорее хоть умереть, что ли». Теперь не услышишь такого. Теперь слышишь совсем противоположное: «Сколько работы, сколь-

ко нужно еще переделать в природе! Хочется долго жить, чтобы увидеть, как оно будет потом...» Труд перестал быть тяжестью. Это наш свободный творческий труд: сама жизнь.

Памятник трем богатырям в Каховке. В Каховке Старой над Днепром поставить следует исторический памятник-монумент: Фрунзе, Буденный и Котовский — три конные фигуры рядом, как у Васнецова. Посмотрим на них в 2200 году. Запорожье — Каховка. Две плотины и электростанция, каналы, водохранилища и над ними на берегах — пять всадников, пять знамений тысячелетия и... монументы великим зодчим коммунизма.

Сижу над будущей плотинной. Перед глазами громадная равнина, которая заливается пульпой из земснаряда. Работает пять земснарядов. Все в звуках. Симфония шума. Моторы. Режут металл. Гудят машины, глухой рокот. Режущий звук пилы. Треск моторов машин и где-то мотокатеров. Все в симфонии звуков.

Самый низкий, что выходит словно из-под земли или воды, гул разрыхлителей. Они и в самом деле идут из-под воды, разрыхляют берега на глубине 8—12 метров. Свист проводов на ветру. Шум листвы волошского ореха, шелковицы. Вот стайка перелетных птиц защebetала, усевшись на вершину крыши. Слышен шум водопада трех пульп. Высоковольтные провода в три пары трещат, как миллионы стрекоз. Ветер в плетении проводов. Где-то сваривают тавровые балки на строительстве асфальтозавода, еще треск и рокот моторов. Впереди, на правом берегу, село Козачье, оттуда много строителей гидроузла. И совхоз. Ветер прямо в лицо, миллионы стрекоз. Кое-где изредка отдаленные голоса людей. А справа, за Днепром, дивные дали: белеют села над Днепром. Проложена дорога, спешат грузовые машины. Видно днепровские плавни.

Черные водопады пульп, выбрасывающие по тысяче тонн породы в час. А там даль — на огромном расстоянии, сколько охватывает человеческий глаз, — голубовато-синевато-зеленая даль луга, озера, сенокосы, и деревья, и сады — дно будущего водохранилища. Нет уже прежнего беззаботного любования тихим пейзажем, тишиной и т. п. Это — творчество людей на природе, ее пересоздателей. Передо мной величественная, зримая картина пересоздаваемой природы. А на высоком правом берегу огромные, до самого горизонта, виноградники. Богатейшие.

Нет уже реки Конки, которая текла передо мной еще совсем недавно, параллельно Днепру. Она засыпана земснарядом, песками, и по пескам, уже совсем в противоположную от погибшей Конки сторону, быстро текут мутные потоки из земснарядов. На много километров — трубы ржавые. Слышу гудки паровозов новой железной дороги. Все здесь новое. Все в стадии созидания.

Здесь же, на трассе будущей плотины, мы познакомились с новым буровым аппаратом новой, очень интересной конструкции.

Инженер, создавший эту машину, среднего возраста, с необычайно мужественным и энергичным лицом, с седыми висками, опрятно одетый, в форменной фуражке, очень интересно пояснял нам... как действует он, для чего, в чем его преимущество над кессонами и т. д. Словом, интересно бесконечно. Тут же упомянул Л. как бюрократа и труса и М. тоже. Ясно, что кое-кто в руководящем инженерно-техн[ическом] персонале главного штаба строительства не очень на высоте, без огонька, без особых знаний и чувства нового, ограничен властью бумаг, норм и прочего груза. Конечно, все, что касается Л. и М., должно где-то найти свое место.

Возвращаясь после обеда в столовой домой, я сел в трехтонку, в кабину шофера Н. Он немолодой уже человек и как будто не очень здоровый. Лицо у него худое, но не истощенное. Голос тихий, лицо тонкое, с каким-то особенно человеческим выражением. В профиль он чем-то напоминает мне Данте. В голосе его чувствовалась нота глубокой вдумчивости. Это был настоящий работяга. Он служит великому делу коммунизма всей душой, всеми своими помыслами. И чувствуется, что думает он много и что живет он глубокой духовной жизнью.

— Хорошо работает ваш автопарк,— начал я с ним разговор.

— Начальник хороший. Вот и работаем... Уж если и попал к нам какой-нибудь лодырь, приплывший сюда из-за денег или чего-нибудь такого, сбежал уже давно или

сами выгнали. Вы бы посмотрели на наш коллектив. А сколько было труда! Это теперь уже полегчало, а то ж пески были, не проедешь, что делалось. Да, тут просто так, за деньги, не наработаешь... и т. д. А я вот скоро уже два года гоняю машину каждый день, и все в порядке.

Это тот же образ шофера, о котором я мечтаю. Он есть. Живой. Я вижу его уже не впервые, начиная от рабочего собрания по сей день, вижу изо дня в день на строительстве.

Товарищ Сталин сказал, что великая энергия рождается лишь для великой цели. В правдивости этих слов можно убеждаться здесь ежедневно.

Только великая цель рождает великие характеры.

Я снова над будущей плотиной один. Мне лучше ходить одному. Снова та же музыка — симфония на ветру. Удары каких-то молотов, словно в далеких кузницах. Глухой шум пульпы, черного фонтана. Ветер еще теплый, и небо чистое. Перед собой справа я вижу дно будущего Каховского моря. Веселое это дно и прекрасное. По большому лугу стоят одинокие круглые вербы. Они раскинулись на большом пространстве, и где-то далеко-далеко, на высоких берегах, словно голубей стайки, белеют села. Рокочут моторы на разные лады, трещат перфораторы, гремят. Что-то нездоровится мне...

Есть новая великая красота в динамическом вторжении человеческого коллектива в природу. Уже не любитель, не эстет, не дачник, не пресмыкающийся хлебороб, — высокообразованный коллектив пришел на землю, хозяин земли и ее разумный врач — коммунист. Наиболее оптимистический пейзаж современности — пейзаж с людьми и современными нашими машинами. Должен скоро родиться новый Гоголь, певец нового Днепра.

Куда ни глянут мои глаза тут, в Каховке, — все люди повсюду моложе меня. Повечерел мой день. Недаром я утомляюсь так тяжело. День повечерел. Я вижу улыбки девчат и хлопцев на машинах, и динамичное движение вокруг, и детей, и руководителей стройки, — всем люблюсь и благословляю в добрый и светлый путь. Да, повечерез мой буревой долгий день. Ночу тяжелое сердце, будто ему уже за сто лет.

Новые каналы — это, в сущности говоря, реки большие.

Лесные полосы

Лесные полосы протянутся вдоль всех постоянных каналов. Они помогут дольше сохранять влагу в грунте орошаемых участков, оберегать их от суховея.

Полосы вырастут на берегах очень быстро и будут застрахованы от недостатка влаги. Вырастут плакучие ивы по три метра в диаметре. Будут посажены гигантские секвойи, достигающие 100 метров, эвкалипты, тутовые деревья, пробковые дубы, высококачественный строительный материал. Лесные полосы будут способствовать равномерному расселению птиц.

Засушливая безводная степь превратится в богатейшую плодородную лесостепь — изменится климат.

Навсегда избавится степь от суховея и неурожаев. В Северном Крыму станет больше садов в пятнадцать, двадцать раз.

27.IX.

...На фоне воспоминаний Кравчины должны проходить: песни разные, подобные «Рябине». Музыка гармошки, и щебет, и смех девчат и хлопцев. Это молодежь гуляет. Все везде должно быть пронизано духом молодости.

...На Днестре волна низовая, как на море. Ветер теплый и на диво приятный, сильный ветер.

Рядом громадная заводь, в ней земснаряды. «Онега» дымит, движется как-то странно вдоль берега, перпендикулярно ему, размывает берег, унося толстый слой многовекового ила далеко по трубам. Это делается котлован плотины. Передо мной Днепр с высокими каменными берегами. Вдоль берега вбиваются высокие металлические шпунты. Стоит высокие пять кранов.

Справа «Онега» и «Тысячный». Дальше нижняя пересыпь. Болото, через которое среди зарослей камыша и грязи проложена метрового диаметра труба. Потом идет так

называемая верхняя намытая перемычка, вдоль нее тянутся далеко куда-то, к левому берегу, две трубы для подачи земснарядами земли и воды. Ветер гонит дым от «Онеги» и пылью, мимо грохочут машины... Что можно думать по поводу «Онеги»? Вот передо мною морское небольшое судно с «вооружением». Какая сила творческая у этого судна? А сколько этих могучих суден с разрушительной силой?! Что можно сделать сегодня на земле! (Развить эту мысль. И развить другую мысль: о земснаряде — этой великой машине нашей эпохи.) Усиливается низовой ветер. Земснаряды, их незаметная, не кинематографическая, а «литературная» работа. Это машины своеобразного геологического плана, этими машинами мы переделаем землю, помирим навеки солнце, землю и воду.

Когда закончится работа в котловане и все предшествующие работы в болотах по перемычкам, выбрасыванию земли и откачке воды (и все это нередко без готовых законченных проектов на целых участках работ), когда на месте этого хаоса начнет вырастать и явно обозначится плотина, только тогда вспомнят строители, какой громадной сложности и трудности путь прошли они в этом котловане.

Нет. Неправильная мысль. Им некогда будет вспоминать эти трудности, некогда думать о них, гордиться покорением болот, где вместе боролись они.

На сооруженной бетонной плотине будут пылать свои страсти, потому что плотину также будут сооружать люди и также не ожидая, возможно, окончательных решений: все будет от начала до конца направлено на выигрыш в главном — во времени. И только когда на месте извечного хаоса и косности вырастет величайшая стройка эпохи и пережует ножницами шнур, тогда только радостно вздохнут строители коммунизма и, окинув ее глазами, может быть, подернутыми слезою, вспомнят горделиво, как много труда они вложили в грязь, болото, камень, воду, бетон, сколько труда, ума, изобретательности, как много они отдали сил и как умножились их силы, как изменились, выросли они и какими стали они могучими, коснувшись бессмертия в труде.

Сегодня был преинтересный день. Я знаю теперь: нужно сидеть на запруде. Она — главный пункт, главное звено всего строительства. Оттуда все видно... И сама обстановка необычайно интересна, дает много для воспоминаний, для фантазий.

...В Старой Каховке, на конференции комсомольской, городской. Общий вид комсомольцев очень хороший. Культурные, дисциплинированные. Девушки хорошо одеты, чистенькие, с хорошими, умными лицами. Это не далекая темная провинция парубков и девчат, это молодая советская интеллигенция решает свои дела. Чинно, организованно, с высоким знанием и осознанием своей исторической роли молодежи великих работ. Какой великий путь прошел наш народ за треть столетия!

Программа работ за пятилетку нацелена на переход к всеобщему среднему образованию всего народа — это самое высокое и самое великое из всего, что знала вообще история общества всех эпох и всех народов. В основе науки лежит наука или, вернее, ряд наук, которые формируют марксистско-ленинское мировоззрение.

28.IX.

— Вековой мечте суждено осуществиться сейчас в неслыханно великих делах. Перед нами стоит задача создать не что иное, как величайшую реку с притоками, плотинами, электростанциями, гидростанциями. Создать реку искусственную. Какое большое и гордое счастье! Какое могущество дают вам в руки партия и великий наш советский народ! Так вот, среди пустынных равнин, которые изнемогают от зноя, там, где солнце, вода и земля пребывают во вражде и дисгармонии миллионы лет, создайте реки. Пусть эти реки будут огромные и глубокие, как глубока наша любовь к жизни, как глубока наша мечта о коммунизме.

Изменим гармонию земли, чтобы правильно создать ее там, где ее, по сути, и не было никогда. Вы также, товарищ Д. Мы поручаем вам создать реку вот тут (показывает).

— А эту реку, вот взгляните, мы, возможно, через десяток лет подарим братскому китайскому народу. Вот здесь перекроем... Пускай себе течет в пустыню Гоби. Как это будет приятно и радостно китайскому народу! Народ народу подарил реку. Не города сжег, не юношей убил, не подчинил поганым своим страстям, нет. Народ народу пода-

рил реку. Ну, это потом. Так вот, товарищ Д. Вам суждено создать могучую реку в засушливых степях Украины. Взгляните, вот она... (показывает). Вот ее притоки. Вот и вот. Половину Днепра вы поворачиваете в Таврию и Крым.

Бульдозер

Бульдозер и стихи. Звучит парадоксально, однако я скажу: «С того времени, как нам приказано изменить землю и меня после танковых нелегких дел посадили на эту веселую машину, я стал, представьте себе, писать стихи. И, представьте, здорово выходит. Жена моя в восторге. Нечистая рифма, это факт. Какого черта в рифму тут приставишь? Для этой дьявольской машины и сам Тарас Шевченко едва ли нашел бы рифму... Три дня себе я голову ломал — ничего не подходит. Засыпал болото, передвинул пять тысяч кубометров горы (целую гору) — нету рифмы. От машина! Тогда я это слово пропускаю. Пускай, думаю, работает без рифмы, включаю мотор — пошел дальше. И, представьте, стихами начал крыть гору (болото)! И как! На двести процентов плана и стихов большущий ряд. Да еще какие стихи! Все рифмы как одна, кроме самого бульдозера, на котором все это у меня совершается. Жена в восторге и дети. «Ну, Василь, и змей же ты, чертяка. Чтоб на такой машине да так резать стихи, так строгать стихи!»

И правда, я змей. И как мне им не быть, когда бульдозер у меня, черт возьми! Вы только посмотрите, какое счастье у меня — бульдозер. А что в рифму ничего не клеится, так мы и не нуждаемся. Зато как нажму педаль и зареву — земля дрожит. Иду в атаку на болото — и нет болота.

1.X.

Сорок шостий рік ¹

Працюючи у полі, три вдови
да виорали череп.
Одна каже — поховаймо,
друга — обминаймо,
третя плаче, молода вдовиця:
— Сестри, заспіваймо.
Ой і перестали сестри молодії
корівками поле орати,
та й почали на кривавім полі,
повернувшись очима на Захід
і притулившись одна д'одноі,
пісню про долю солдата.
Одна каже: де ти, милий!
Друга — повернися,
третя голосно виводить-співає —
де ти забарився?
— Не вернемось, сестри,
удівоньки наші,
не вернемось...
Я стою в Берліні. В одній
руці у мене меч.
Меча тримаю у руках
і малу дитину,
голова до неба,
прощавай, голубко сива,
вже так було треба.
Пробачайте, сестри, голубоньки милі,
що може ми у свій час
вас не долюбили, не
доласкали, бо нам все

¹ Стихи везде — А. П. Довженко. (Примеч. ред.)

ніколи було і були ми
суворі часто, і щоб не
розслаблять себе в боях,
жалість проганяли...

І ось у бронзі стали ми
на сторожі поколінь
народів, звільнених
огнем і мечем од фашизму і
темряви, в якій блукали
вони довгі століття.
Один у Берліні,
другий в Будапешті,
третій, спалахнувши
в танку, високо
розвіявсь серед хмар,
і понесли вітри
гнівний його дим
понад всіма народами світу.

І гнівом його пропиталися
груди бійців до самого
далекого Сіаму.

— Звідки ж нам вас виглядати,
чи по степах
шукати, — заспівала
удова.

— Де ж, ой де ж нам шукати
утіхи?

— В роботі, голубоньки сиві, в роботі,
у поті, у дітях красивих,
в сонці золотому, в червоній
зорі.

— Не можемо так думати,
орли наші сизі,
ми маленькі жінки,
чи можемо перебувати
у власті великого?

— Маленькі ви собі зблизу,
коло своїх хатинок,
але для людства ви
не менші від нас.

Вы исторгли из грудей своих, от мышц своих и от сердец, от всех бездонных вольных и невольных щедрот и принесли народам такие богатства, каких еще никто не приносил с той поры, как свет стоит. Для нас, что стоим в бронзе над европейскими столицами, касаясь губами облаков, миновал уже бытовой расчет вещей. Над вами тяготее мелочность повседневная, и вам не видно, сестры наши, что бессмертные, которое вымалывали наши прадеды за копеечные свечки когда-то, само пришло к вам и уже стоит на вашем пороге.

Дальше должны идти стихи такого содержания: когда он сел на эту нескладную машину и начал работать на ней и поработал несколько дней, он весь целиком изменился. Эта могучая неуклюжая машина расшевелила его разум, разбудила в нем такие чувства, каких он и не подозревал в своей душе. Он засыпал болота, срезал горы, сглаживал, сравнивал. Он почувствовал в себе огромную, нечеловеческую силу

и динамику, и это наполняло его вдохновением, и чем больше он работал, тем, казалось, больше росли в нем силы и не было места усталости в его сознании. Ему стало радостно. Он почувствовал новую гармонию и себя в ней, как пересоздатель природы, и он начал подсознательно бормотать стихи от переизбытка сил. Они сами начали сыпаться.

Бульдозер разбудил его ум и облагородил эстетику. Оглядываясь по сторонам, он в полном недоумении замечал, как же несовершенно еще все вокруг.

— Черт возьми! Это ж сколько надо выровнять, срыть, засыпать, прорыть! Какая дикая земля! Это ж сплошной черновик.

Після роботи йду додому,
закурений, як чорт,
може, хтось думає про мене,
горепаку,
та ж я, товариші, геолог.
А я собі сміюсь:
у мене віршів повний рот,
який я багатир.
І жде мене мила,
і ждуть мене діти. Ви
гляньте, який я, коли я помиюсь
і ляжу на траві спиною
над Дніпром на
високому березі, щоб
бачити небо. Двох біля
себе посаджу.
А меншого візьму в
руки, підйму вгору
і буду гратися з ним
і сміятись. Мої
руки шершаві лоскотатимуть
його, воно сміятиметься,
і я теж. Сміятимусь
і я, його батько,
самий сильний
чоловік на землі.

За титанической работой по переделке нашей земли встает величественный образ самого пересоздателя — советского человека, хозяина своей земли, строителя коммунизма.

Переделка природы — одна из основных задач современности. И образ ее пересоздателя — основной образ нашей эпохи.

Козачий остров

Козачий остров с чудесным песчаным чистым пляжем, оттуда открывается широкий вид на Новую Каховку, на будущую плотину, где работают сейчас земснаряды. На острове озеро все в кувшинках, окруженное вербами и осоками. Поляны, покрытые травой, две долины с вербами, растущими так густо, словно сбежались они туда, спасаясь от какого-то незримого врага, и так и замерли в смятении и страхе навеки, будто зачарованные. Движение слоев коры, изгибы стволов, черные дупла, и суки, и ветки, что торчат в каком-то испуге, — удивительное дерево. Нет деревьев выразительнее, чем вербы. Стоят высокие серебристые тополя и кое-где осина, а в низовьях озер — камыш, очень высокий и густой. Таковы все плавни, весь, пожалуй, Великий Луг, который мы похороним вот-вот.

4.Х.

День начинается рано. Еще только восходит солнце, а радио уже словно будит всех и зовет на работу, наполняя утро музыкой, голосами дикторов. В эту музыку включается музыка моторов грузовых машин — это армия Д. Она начинает действовать раньше всех. Идут рабочие и работницы на работу, потом показываются дети, направляясь в школу. Ревут моторы, появляются машины с рабочим людом, что густо сидит в больших кузовах. Еще несколько минут, движение понемногу начинает ускоряться. Спешат мальчишки с книжками. Начинается трудовой день. Вчера еще стояла жара, на небе не было ни облачка, сегодня небо облачное, но тепло-претепло. Я вышел спозаранку из дому. Что-то такое чарующее в мягком теплом воздухе, такая бодрость ласковая и легкая. Первая моя мысль этим ранним утром: как хорошо тут, среди простых людей труженников, среди песков и виноградных нив, на берегу широкого и глубокого Днепра. И как будто никуда меня не тянет. Трудился бы тут над родной рекою до конца всех дней моих вместе с народом, строил бы плотины с ним, лечил бы Днепр, каналы б рыл, ставши за руль могучих и разумных машин, что дало мне мое государство. Радовался бы чужой молодости, любви юных, их работе, ссорам и согласию, любовался бы их красивыми детьми и плодами их великих дел. И сам бы слился с чистым потоком людских сил, творя свое посильное дело...

Сейчас откроется дверь, и девочка принесет мне чего-нибудь поесть на завтрак. Она приветливо улыбнется мне, как отцу своему, и спросит, прошла ли у меня уже боль и можно ли мне есть. Я скажу ей: «Можно все есть, ничего не болит, спасибо». Тогда она еще раз скажет мне певучим своим голосом, удивляясь, словно я что-то сделал совершенно для нее непонятное: «Ну зачем вы меня так часто благодарите? Что я для вас сделала? Покушать принесла, и все! А вы сразу — спасибо. Какой-то вы чудной человек, право. Кушайте на здоровье».

Она исчезает где-то за дверьми, а я смотрю ей вслед и усмехаюсь про себя: разве ей может в голову прийти, что я послал ей вслед нечто сходное с тем, что когда-то называлось благословением, и от этого сам весь словно добрее становлюсь.

Усиливается оркестр. Грейдеры пошли с тарыхтением. Лязгают и воют гусеницы тягачей. Гудок паровоза где-то совсем недалеко, и снова глухой рев машин.

Неожиданно совсем очистилось небо. День будет такой же теплый, как и все предыдущие дни. Девушки перед окном уже поливают молодые деревца парка и что-то молодое на грядках. Блестит на солнце серебряный дождь из их леек, девушки босые, молодые, и молодые деревца и дома вокруг молодые. И весь город молодой, он еще весь в процессе рождения, всё тут, куда ни глянет мой глаз, вся, так сказать, пластика, начиная с античных поливальщиц парка под моим окном, вся пластика людей здесь молодая. Я тут наиболее старый человек.

На небе уже ни облачка. А над Днепром такие образовались картины, что и описать трудно. Что-то в голубизне неба глубокое, и теплое, и безукоризненно чистое, как это может быть только на юге над большой рекой, и в голубой ленте Днепра, в песках и вербах Козачьего острова и в селе Козачьем, что виднеется где-то на том берегу, на горе, белея, словно стая голубей,— все слилось, все голубое, и синее, и зеленое, и белое, все одето туманом, легким и прозрачным, озаренным каким-то розовым светом, от которого хочется петь. А на этом чарующем фоне среди акаций и волошских орехов поднимается розовый Дворец культуры, на дворце виднеются уже каменщики, белые платочки, темные робы, маленькие фигурки на раннем небе. Строят Дворец культуры — как их не любить!

Посреди молоденького парка, которому еще всего один год, возле крана или фонтана стоят с ведрами поливальщицы. Вода льется в ведра серебряной струей, падает на землю, брызжет вверх фонтаном, четыре девушки стоят в картинных позах, все в белых платочках, стройные, тонконогие, босые. У одной подоткнута впереди юбочка до самых колен. Что-то в этом античное, ренессансное. Прекрасная тема для живописца. Симфонический оркестр усиливается. Начал действовать канавокопатель. Создается молодой город.

ТРЕТЬЯ ЗАПИСНАЯ КНИЖКА

1952 год

5.X.

Понедельник.

«Ревет та стогне Дніпр широкий»

Ревет и стонет Днепр широкий. Я самый старый человек на берегу великой реки моего народа. Белым цветом зацвела моя голова, и что-то мне грустно, и сердце болит. Что-то будто проплыло издалека-далека, с самой Десны, самой дорогой реки моего детства, где ходил когда-то по белым чистым берегам я босой и пил ее мягкую полесскую воду. Давно, давно...

На запруде. Нарисовать: болото, камыш. Трубы длинные, ржавые. Стояки, дорога и система водоснабжения...

Вечереет. Вечер. Солнце спряталось в тучах. Ветер. Волна берег омывает, и слышен безостановочный ритм. Волна за волной. Я под старым тополем присел, под столетним деревом моим, на мощных, скрученных и побитых временем корнях. И тополь будто что-то говорит мне. Я отвечаю ему: родное мое дерево, благословляю все твои ветви, и корни, и всю листву, что на тебе и вокруг тебя пожелтела на родном берегу. Ты дало мне приют и еще многое, только покоя не даешь. Я смотрю из-под тебя вниз на камни и волны, предо мной протекает вся река моей жизни...

6.X.

...На запруде, где пробыл я сегодня с самого утра, снова многое увидел и многое услышал.

Интересный ученый А. Средних лет, не очень солиден по внешнему виду и, безусловно, очень умен, во всяком случае в своей области. Его рассказы о роли кессона и о системе мероприятий и методов водоснижения были просто прекрасны. Со мной говорил ученый с абсолютно ясной эрудицией, с совершенно четким формулированием мысли. Он нарисовал мне картину приднепровской почвы, все ее особенности, все опасности, рассказал обо всем, что может угрожать в дальнейшем, и т. д. Поблагодарив, я пошел на шлюз, где повторилась беседа на эту тему с В. Я.

— Я его знаю со школьной скамьи. Мастер говорить и блистать эрудицией, а по сути, часто его разговоры для нас уже абстракция. Он как ученый опаздывает — то, что я вам говорил вчера. Подай он нам свои выводы полгода назад, все бы и решалось иначе. А сейчас — некогда. Сейчас нам, практикам, снова волей-неволей идти впереди науки. Да, может быть трудно. Но выход тут только один — идти вперед.

Во время обеденного перерыва беседую с рабочими. ...Рассказал им, кто они и что они в мире, в строительстве новой истории.

...Я думаю: почему мне тут так хорошо? Потому, что я живу среди людей новых, ежедневно встречаюсь с ними, потому, что все они и я с ними заняты и стремятся к одной цели. И потому, что цель эта высокая, прямая и яркая, я радуюсь каждый день, наблюдая драгоценные черты моих современников, и весь я с ними слился всем сердцем и мыслями.

Живу среди народа, а не в клетке и не на хуторе в лесочке, окруженный мешанством...

На совещании гидромеханизаторов

...Г. — очень интересная фигура, и лицо чернорабочего, цвет лица, ну все абсолютно. Это инженер. С прекрасным лексиконом и знанием дела. Научные термины, специальные, технические делают его исключительно интересным, оригинальным. Он простой, конкретный, в нем так и сохранился рабочий. Очень серьезный, сосредоточенный. Весь он в работе. Он все видит, весь он там. Это образ.

— Я думаю, что за смену разобью скалу, — отвечает он очень просто на вопрос Ш.

Удивительно ясный человек с большим будущим. Это человек с хорошим будущим. Его любит и ценит начальник Ш. Я вижу, как по-доброму, серьезно и задушевно с ним говорит. Еще раз — это образ.

С-ин — прораб по монтажу коллектора. Блондин, сильный, тоже тихий, спокойный человек. Докладывает спокойно, тихо, деловито. Одинаково спокойно о том, что

есть, чего нет. Говорит о коллективе. Потом он улыбнулся, так же тихо и красиво, продолжая говорить глубоким своим, сердечным, бархатным, приглушенным голосом. Это также образ удивительной красоты и благородства. В свитере и тужурке, как простой рабочий.

Я должен найти в книге, в сценарии и в фильме выражение этому необыкновенному тону делового тихого спокойствия в людях, которые меня буквально чаруют. Какой это прекрасный мир! Я вижу в них эту черту. Я не знаю, не слышал ее раньше...

Общее впечатление от совещания. Это высокоидейная семья, коллектив близких людей, которые тихо и упорно творят великое дело строительства коммунизма. Я не перестану об этом писать никогда...

Никополь

10.X.

Добрался на плохоньком «виллисе». Сто тридцать километров показали с пятьсот. С ног валуось, так разбило в дороге.

Очаровательная набережная. Такой красивой другой, может, и нет на Днепре. Все уйдет под воду, и Никополь, чтобы тоже не утонуть, будет спасаться с помощью высокой дамбы и будет стоять, таким образом, ниже водохранилища. А рядом пригородное село Павловка все целиком уйдет под воду, 600 дворов. Разговариваю с Н.

— Нет. Такой красоты уже не будет. Что водохранилище? Ну, много воды. Какая в нем красота?

...Не верят, не верят люди, не хотят верить, представить себе не могут, чтоб целый прекрасный мир их был залит, исчез под водой. «Не понимаю, что за смысл в такой пропорции воды».

Я слушал Н. и подумал: сколько будет драм, и слез, и глубоких волнений!

— Да как же так, во всем этом, при всем величии происходящего, есть что-то и катастрофическое. Какие места уйдут навеки под воду, какая красота, как раз вольности староказачьих, Великий Луг!

Это нужно обязательно разработать на граничащей силе борьбы старого и нового. Тут драма и пафос, как говорится, в обнимку...

С весны начинают строить уже дамбу. Нужно найти архитектора города, рассмотреть план реконструкции.

Сцена заполнения Великого Луга водой может быть вонистину потрясающей. Так ее и нужно делать. На огромных лесных пространствах возникает море. Сколько воспоминаний идет на дно! Сколько песен, могил прадедов, огородов, лугов, рыбацких просторов и красоты старой природы!

— Перестань, отец. Не такие жертвы приносили во имя Родины. Пойми ты...

— Все понимаю. Лучше уж ты пойми: погибли плавни?

— Нет, не погибли. Они позвали, подняли к жизни громадные наши жаждущие степи. Превратятся в рай такие земли, такие просторы...

— А что нам до этого?

— Убожество духовное говорит твоими устами. Душевная старость, заскорузлость. Молчи, мне стыдно слушать тебя.

— Понимаю, а мне, думаешь, не стыдно говорить тебе...

Три силы станут смотреть на возникновение моря — одна с тоской, с неверием, другая с захватывающим волнением, третья в глубоко проникновенном созерцании мира и собственной души.

— Подходит?

— Да. Идет!

— Поднимается! Заливает! В Чортомлык пошла! Чортомлык уже назад течет, эгей! Уже речка назад потекла!

— Не пойду из хаты, пусть заливает!.. Оставьте меня, пускай умру тут, утоплюсь, если уж на то пошло, не пойду никуда.

А вода поднимается.

— Уже в окна вода льется.

— Я на крышу залезу.

— Уже крыши сносит!

А в это же время в степях по огромным, сухим, бесконечно длинным каналам и каким-то невиданным геологическим рвам или линиям, словно сделанным для сигнализации марсианам, показывается вода. Река идет! Среди степи широкой река идет!

Люди встречают воду, благословляют, обнимают друг друга, плачут от радости, а потом песня грянула такая, что нельзя удержаться. Ревет и стонет Днепр. А возле канала, у памятников Ленину и Сталину, строители собрались. Великий день.

Пароход идет по шлюзу, на мокрой стене тысячи фамилий строителей. Весь Запорожский Низ до самого Крыма — великий исторический праздник.

11.X.

...Из-за угла вылетает грузовая машина — и звонкая молодая песня.

Соснові клепки, а дубове денце,
Не цурайсь мене, серце-е-е!

Пять девчушек в ватниках, веселых, высоко- и тонкоголосых, промчались так весело и с таким шиком, что я обрадовался и уже целый день буду радоваться. Господи, сколько красоты вокруг меня!

В Копыловке или в Покровке на собрании председатель колхоза докладывает обществу о сущности событий, которые должны произойти «согласно непобедимому закону нашего развития в создании первых строек послевоенных пятилеток».

...Снова проехали звонкие, как серебряные звоночки, те самые пять девчушек. С какой-то другой песней, молодой, чистой и ясной, как их молодые лета. Что-то они возят, нагружают, куда-то их возит громяющая машина. Ну. как не вставить в картину детскую их поэзию жизни? Как все напоминает мне далекое прошлое... лет за пятьдесят. Машин тогда не знали. Жизнь человеческая была совершенно иная. Но песня девичья, нежная весенняя ее мелодия, была та самая на Украине...

...Содержание речи председателя колхоза: наше село, колхоз наш имеет большую и давнюю, когда-то оборванную героическую историю. Еще в старые времена — тому, может, лет триста — наши прапрадеды вот тут тоже были для своего народа чем-то вроде колхоза. И уже тогда для всенародного дела не жалели ничего, даже своей жизни. Кормили комаров вот тут, в плавнях, стерегли врага народа нашего и не раз потрясали мир, показывая ему образцы высокой рыцарской доблести. Были у них и бригады, что куренями звались. Животноводческая, рыболовецкая, оружейная. Смеется... Дисциплина была неплохая. Кто что-нибудь украл общественное — на расправу: палками забивали вора всем обществом. Кто убил товарища и брата своего, сам должен был лечь с ним под гроб, в могилу. Кто пил и гулял в час опасности, того «як собаку за шкірку корунзували», так что не забывал до смерти ни позора, ни ремня...

Ну, это далекая давность. Мы, потомки запорожцев, сыны и дочери великого [народа], его сила и исполнители его великих заветов на благо всего человечества, не будем никого карать никакими карами. Мы выросли давно и вышли уже давно из детского возраста наших предков. И идею братства народов и товарищества мы несем по-своему. Хотя в чем-то так же, как несли деды наши...

...Сегодня у нас великий, незабываемый день. Такие дни жизнь посылает людям не часто. Бывает так, что целые поколения людей живут и умирают, не зная таких дней. Но когда история приносит их человеку, распаивается тогда будто какая-то завеса перед его глазами. Будто спадает пелена с его глаз, и видно ему становится тогда на все четыре стороны света. Душа тогда пребывает где-то на самых вершинах самоосознания и осознания мира. И, оглядываясь тогда в великих и устремив взгляд свой вперед, видит он свое будущее. Или, быть может, кажется ему, что видит где-то в далеких потомках он свою славу, завещая им славу свою как драгоценное знамя бытия, чтобы они когда-нибудь поклонились нести его дальше и выше, чтобы и у них заплыла очи и забились сердца высоким биением на красоту, на диво всему миру. Не знаю я народа, да и нет такого другого народа ныне на земле, который бы так много создал, такую великую дань принес всему человечеству, как наш советский народ, добывший сокровища под знаменем Ленина в великих трудах, в невиданных битвах, в проявлении гигантских духовных и физических сил, в щедрости, в готовности и в умении отдавать, в геройстве отдавания и творения...

Покровское

Вечереет. Председатель колхоза О. Совещание. Человек десять, правление колхоза. Люди молодые и среднего возраста. Обсуждают план вывоза овощей, распределения денег. Тут же счетоводы... Деловой порядок. Стиль разговора тот же, что и на строительстве в Каховке, а именно: тихо, дружно, спокойно. Я чувствую, как люди мыслят, подсчитывают, занимаются сложной бухгалтерией. Орудуют цифрами — 500.000, миллион и тому подобное...

— У нас за арбузы 300 тысяч, значит, на текущем счету. Из Риги 25 тысяч, из Бреста 42 тысячи, из Вольска 28, ну а 20 тысяч Конотоп.

Они вмонтированы работой в большие города Советского Союза. Это то, чего мне не хватало. Как работает правление колхоза? Это все решительно ново для меня. Но примерно такое, как я думал. Нет, еще выше. Вырос народ умственно, политически, морально, особенно после войны и, конечно, за войну, так, как ни один народ мира. И потому он, ощутив и познав в себе вот эту... силу духа, стал способным на такие дела, на какие не способен уже ни один народ мира. Мы первый народ в мире, первый, и лучший, и достойнейший. Того, что отдали мы человечеству усилиями всех своих моральных, материальных сил, трудом, и потом, и кровью, и нечеловеческой напористостью во благо и на обеспечение всемирного дела перестройки общества человеческого, — этого никто не мог сделать, ни один народ в мире.

Село прекрасное. Одно из красивейших сел, какие я видел на Украине вообще. Пятьсот дворов, то есть почти половина его, уйдет под воду.

Приехали мы уже под вечер. Встретился с председателем сельсовета, а потом поехал к председателю колхоза. У него лицо очень умного человека, относительно очень молодого, и это меня радовало. Отвели нам помещение в хате для приезжих. Я в хате. Вечер. Электролампа. Белые родные стены с расшитыми полотенцами у потолка с двумя темными балками. Чисто. У меня праздник на душе. Как давно не был я в хате! Как оторвался от народа! Кто оторвал меня? И что вообще можно создавать, оторвавшись от народа?

Можно утратить всякое понимание живой, правдивой жизни.

Воскресенье.

Заснул я в теплой хате в тишине. На душе у меня полнота, и покой, и мир. Я счастлив, что я дома. Все, что меня окружает здесь, дорого моему сердцу — любая вещь, любой звук. Это все из далекого детства, мое, моих отцов, дедов, прадедов, что слагали, каждый по-своему, основу нашей державы, стоя всю жизнь, каждый согласно силе вещей, которая его сотворила, с оружием в руках, или с плугом, или на тракторе, на поле чести, доблести, геройства, как боец возле кратера истории.

Проснулся очень рано на рассвете. И так же, как, засыпая, думал, что лежу возле самого сердца Отчизны моей, с такой же мыслью и чувством проснулся. Было еще темно. Рассвет. День хмурый, осенний. Поют петухи по дворам. «Ой, рано, рано кури запили» — вспомнил материнскую песню.

И понеслись воспоминания снова. Я весь в воспоминаниях. Поют петухи. Откуда-то издали послышался тоненький жалобный сиротский звон. И, долго прислушиваясь к тонкому, идущему из далеких давен звуку, я сообразил — это ж звонят в церковь. Еще и теперь. Только звону поубавилось соответственно уменьшению потребности в «храме божьем». Когда-то запорожцы правили службу в своей сечевой церкви, сами распевая в хоре басами и выводя верхние ноты не хуже Ивана Козловского. Думается, уж на что на что, а на войну, горилку и пенье таланту им занимать не доводилось.

...Хорошо говорил О. со своими колхозными бригадами. Умел он вовремя почувствовать в людях и распознать дорогие чувства и мысли. Раскрывая перед ними картины героического прошлого и величественные картины будущего, он этим самым, собственно каждым своим словом, рисовал народу современное, его всемирно-исторический смысл! Ибо что такое современное, как не прошлое, устремленное в ясное будущее руками гениев народа?

Не все еще знали, куда направляет свою необыкновенную речь О., но каждый по-своему понимал, что речь идет о чем-то небудничном, потому что так, кажется, О. и не говорил еще ни разу. И все ждали.

— Село наше, товарищи, должно пойти под воду. И станет оно дном великого водохранилища навеки.

Все замерли. Потом словно гул глухой или стон прогудел вокруг, и снова стало тихо.

— Под воду уйдет весь Великий Луг, все плавни, все леса, вся роскошь и краса, в которых купались и любились мы и предки наши, где слагала юность наша песни и думы когда-то. Исчезает все, и будет тут море. Будет море тут, братья мои, товарищи и сестры мои. Десять тысяч дворов наших исчезнет под водами моря.

— Десять тысяч!..— прогудело вокруг.

— Десять тысяч. Может, немного и больше. Примерно двенадцать, разницы мало.

— Одиннадцать! Я слышал.

— Пусть одиннадцать. — О. оглядел народ, и взгляд его остановился на кресте, что стоял на могиле кошевого Ивана Сирко. И будто что-то в этот миг перенеслось к нему из седой давности. Назвав число, он связал его с прошлыми делами. Далеким было воспоминание во времени и по смыслу, но было в той цифре и такое, что могло сознательность поддержать как-то снизу, а не только...

— Я мог бы сказать: есть директива. Согласно плану великой стройки на Днепре Южно-Украинского и Северо-Крымского каналов, все днепровские плавни, подпертые в Каховке плотной, превратятся в водохранилище в 14 миллиардов кубометров. Поэтому мы должны, начиная с сегодняшнего дня, запланировать работы по перенесению лучшей половины села на гору и ориентироваться в строительстве хозяйства нашего на отсутствие плавней. Но я этого так не сказал. Я хочу пока что напомнить один случай из бурной жизни кошевого Сирка, которого похоронили когда-то запорожцы тут на Сечи...

— Да, тут будет наше море...— О. глянул на плавни, что блистали справа как бы извечной, нетленной красотой. Только нет ничего в мире извечного, кроме движения человеческой мысли...— Тут будет наше море. И мы утопим в нем свою печаль и сожаление.

— И прошлую славу?..

— Товарищ мой, и море наше когда-нибудь будет прошлым. Кто хочет, чтоб я рассказал вам про одиннадцать тысяч дворов, но так, чтоб уже потом не забывать их никому и никогда?

— Рассказывай, О.

— Этому уже лет что-то около трехсот. И свершалось оно, начиналось, собственно, как раз тут, где происходит наш исторический митинг.

По какому-то случаю, нам это неизвестно, упилась Сечь и глубоко заснула. И случилось так, что почти ни одному казаку уже больше не суждено было проснуться. Орда с янычарами турецкими, ничего не опасаясь, бесшумно подкралась среди темной ночи и перерезала ятаганами всех сонных молодцов войска запорожского. Кошевого Сирка как раз тогда не было на Сечи. С несколькими куренями он где-то был в походе.

«Ты не рыцарь и не человек, хан татарский,— писал он гневное письмо врагу,— а злодей, недостойный звания воина, и поступил ты не по-кавалерски. Неверный пес, зачем забыл ты, что душа спящего принадлежит богу и что убивать спящее воинство великий грех и позор. Поплачешь, хан, ты за свое зверство, поплачут твои жены, дети и все твои господом проклятые потомки татарские и турки, все ногайцы твои и крымчаки».

Собравши войска восемь тысяч, двинулся Сирко на Крым, переправился, как Фрунзе, через Сиваш и, разделившись на четыре отряда, разрушил Козлов, Кафу, Бахчисарай. Сам хан насилу вырвался из огня и бежал в горы. И Сирко через четыре дня уже возвращался на Запорожье и, возвращаясь, освободил из неволи басурманской одиннадцать тысяч христиан-невольников.

Сечь Запорожская

Я на острове. Передо мной Запорожская Сечь против Копыловки. Напротив могилы Сирко. Вербы, тополи, груши, вяз. Так, как дома. Речка Подпольная в песках и Павлюк быстрый берег омывают. Шелестит пожелтевшая листва, лодка плывет ко мне.

Тут была когда-то плотина, по которой ездили казаки. Сушатся большие невода. Много змей и ужей. На месте Сечи кто-то немного копал. Конечно, что можно выкопать? Здесь, как и всюду, строились предки наши на песке. Деревянной была материальная культура и глиняной. Не класть, разрушать чужие стены, не ковать, а рвать вражеские кандалы судила нам история. Ничего нет. Никакого следа. Только могила Сирка, да несколько крестов каменных.

Но до чего же прекрасна Копыловка! Что за речка Подпольная, и Павлюк, и Скарбная, что за лирическое приволье! Лодок много. Женщины плывут в лодках. Сажу на берегу возле лодок у изгороди. Плещет вода. Слышны голоса и смех с того берега.

...Невольно здесь вспоминаются старые времена, дореволюционные. Ни одному негодяю из так называемого украинского панства и ни одному из потомков казацкой старшины или помещику, никому в голову глупую и убогую не пришло поставить где-нибудь в старинных местах памятник, материализовать свою мысль в камне или бронзе. Куда там! Не было ни мыслей, ни воспоминаний высоких, ни стремлений. Такими были последние предреволюционные и «революционные» кооператоры. Где-нибудь под копнами кашу варили да, выпив, пели пьяными голосами «староказацкие песни», сентиментально всхлипывая и вздыхая. «Славних прадідів великих правнуки погані», чтоб вас земля не принимала. И чтоб вам сгинуть бесследно. И в самом деле — исчезли вы, и не осталось следа от вашего никчемного бытия, от слабости и убогости, от жалобных вздохов или проклятого молчания, отступники, как не оставили вы знаков памяти великой исторической эпохи народа...

14 на 15.X.

Н. Каховка.

Половина четвертого ночи. Проснулся от головной боли и неимоверного шума в ушах и в затылке. Голова холодная. Мысль действует нормально. Что-то с сердцем. Страх и чувства опасности нет. Вчера начал писать сценарий. Но, написав несколько страничек, начал плакать от волнения и от наплыва высоких каких-то чувств; которых как бы уже не выдерживали мои нервы и сердце. Сердце болело от такого наплыва. И я подумал: что со мной? Не предвещает ли мне беды этот взрыв священных огней, отчего так вострепнулись все мои чувства? Откуда такая растроганность? Если до утра все будет хорошо, я, очевидно, не буду вставать, чтоб не случилось чего со мной. Думаю о Юле. Почему-то мне начало казаться, что она сейчас видит меня в тяжком, тревожном сне.

15.X.

Затопление Великого Луга

Должна быть одна из гигантских сцен в фильме.

Весна. Поднимаются воды. Исчезает Луг. Уже покинутые хаты, улицы утопают.

Люди, взволнованные бесконечно, прощаются с многосотлетней, с тысячелетней своей жизнью и видением привычного мира. Огромная эпическая драма, великая эпопея народа-творца. Прадедовские мельницы уже в воде. Уже потонули вербы, под которыми целовались, обнимали милый милую когда-то. Где песни слагали, справляли праздники. Где творилась героическая история народа в старые времена.

Птицы летят с юга. Кружатся тысячи птиц! В тревоге птичий народ над водой.

— Бедные мои пташечки! Уже негде вам и присесть, нету уже у вас гнездышка. Куда ж теперь понесете вы счастье?

— Где-нибудь да приткнутся. Хватит плакать... и т. д.

А по засушливым степям, по выкопанным громадным рекам-каналам... начинают идти воды днепровские.

...«Додолу верби гне високі, горами хвилю підійма». Что делается с людьми в степях Украины, с малымя, молодыми и старыми! Как рассказать, как обрисовать? Какими красками? И где найти слова? Приплывайте, слова дорогие, ко мне с водой из будущего коммунистического близкого мира, вдохновите мое сердце, чтоб мог я достойно сказать о счастье народа, счастливым сам бесконечно!..

Это должен быть гигантский фильм. Все, что есть во мне святого, весь опыт и талант, все мысли, и время, и мечты, и даже сны — все для него. Создать произведе-

ние, достойное величия моего народа,— вот единственная цель, единственный смысл моей жизни. «Благослови мої, боже, нетвердіі руки...»

Мы обедали с В. Я. и прибывшим из Москвы Н. Разговор шел о творчестве. О творчестве в самом широком понимании этого слова. И они, без сомнения и справедливо, имели в виду в первую очередь творчество свое, инженерское, на великих стройках. И я был внутренне весь с ними.

— Вот так. Закончим и поедем на Каму?!

— Возможно, будущая пятилетка, если не помешают внешнеполитические события, пойдет в основном по линии сооружений при перестройке Востока.

— Желаю вам счастья,— сказал я.— А я уж останусь на Днестре, пока не дадут ему высшее образование. Кончается анархическое бытие Волги и Днестра. Перестают они быть реками. Переделаем мы их в запланированные культурные бьефы. Создастся здесь новая эстетика, новая поэзия...

Мы о чем же, собственно, говорили? О счастье. После обеда я попрощался с ними до шести часов. А сам пошел к Днестру, сел под дорогим и любимым своим деревом, на его корни. Днестровские волны плещутся у моих ног. На серый песочек и на воду падает пожелтевшая листва моего тополя. Над головой шум. Это тополь говорит мне что-то ласковое и немного печальное, потому что уже осень и у него и у меня. Козачий остров светит еще песками на той стороне. А по Днестру идут волны, птицы летят на юг. А на волнах откуда-то плывут ко мне приветные марева. Я переполнен ощущением содержания жизни, добра и красоты моих современников, с которыми я живу вот тут и мечтаю... Вот желтый листочек упал мне на книжечку. Я взял его себе на добрую память. Приятно и светло на душе.словно кто-то прислал мне привет ласковый. Шумит мой тополь. Мимо меня проходят рабочие и работницы. А рядом под тополем сидит какой-то хлопчик — из Британов, наверно.

Я смотрю на серо-синий Днестр, слушаю плеск волн. Ничего дороже в мире нет для меня. Я уже не хочу и ни за что не разлучусь с моей рекой. И если суждено мне сделать еще что-то красивое и большое в жизни, то только на ее берегах, ласковых и чистых... Вот проходит мимо меня вдоль берега, возле самой воды, одетая уже по-осеннему пожилая женщина. Она, как парка, прядет, идучи, белую нитку, перед ней в воздухе сует веретено, она идет не спеша и немного согнувшись, а перед ней, как светлый символ, девочка чарующей красоты, лет четырех-пяти, со светлыми глазами и волосенками. Ну где такое увидеть за тысячу лет!

И тут же на берегу лодка просмоленная, и волны хлоп да хлоп, и ветви шумят, а на ветвях еще поют тихонько, словно во сне, какие-то пташки. И все словно сон. Я оглядываюсь: уже парка исчезла за тополями. Слышен еще далекий гул и рев моторов. Как остро все вижу и слышу! Никогда еще я не был таким, никогда так не чувствовал жизнь и не был так переполнен любовью к своему народу и не ощущал такого безгранично радостного слияния с ним...

...Река моя, жизнь моя... Почему так поздно пришел я к твоему берегу, теплому и чистому? На твои ясные воды, на торжественные звезды, что глядятся в тебя с неба? Люблю я воду твою ласковую, животворящую. И берега твои чистые, и всех людей простых, что трудятся, живя на твоих берегах. Кланяюсь тебе за ласку, за богатство, что дала ты моему сердцу. За то, что, глядя на тебя, делаюсь я добрым, человеческим и счастливым, что могу любить тебя всю жизнь, река моя, душа моего народа.

Старина

17X.

Показать старину где-нибудь через наплывы в Каховке, рынок батраков, о котором Ленин писал. Использовать в показе дикторский текст Владимира Ильича.

Рынок рабов, среди которых был и мой, тогда еще молодой отец Петро Довженко, этот рынок, где они продавались Фальцфейну, показать обязательно. Показать чумаков в стени, деда своего Семена Тарасовича, что ездил между Москвой и Крымом тридцать восемь лет. И непременно лирника слепого или бандуриста у дороги и песню такую, чтоб плакали люди.

Владимир Ильич в произведении «Развитие капитализма в России» так писал о батраках, что сосредоточивались тут, в Каховке: «В Таврической губернии особенно выдаётся рабочий рынок в местечке Каховке, где прежде собиралось до 40.000 рабочих...»¹

Нанимались «от Микола до Покрова», сходились и расходились пешком.

И вот идут домой трое степью, среди них мой отец. Босиком, торбы и свитки за плечами. Поют:

Ой бурлака молоденький
вийшов рано з дому,
гей і простяглася довга стежка
йому, молодому...

Творчество

— Так за творчество, инженеры, пересоздатели земли, за творчество! За самое дорогое в мире, что только несет народам грядущий коммунизм,— за свободу творчества. За ваше творчество, гидромеханизаторы и энергетики... и каменщики и плотники, монтажники, водители машин и повелители шпунтов, за богатырскую мощь земснарядчиков, и за тебя, С-ов, за твой беспримерный андибервибратор, от которого земля трепетала и болото, за покорителей болот и плавней, за тех, кто передвигает горы, засыпает болота, создает равнины и новые реки, за всех дерзновенных великих и малых, перед кем великая и древняя старославянская река, Днепр седой, сдерживает свои анархические воды и, покоряясь разумной воле партии и вашим трудам, переходит в высший класс, с высшим марксистско-ленинским образованием, в многотысячметровые каналы, чтоб украсить планету нашу. За вас, творцы новой истории человечества и новой географии! За то, чтобы не только народы на земле, но даже и с других планет разумные существа увидели бы в свои телескопы ваши первые знаменательные следы на земле!

О молодости

Как я люблю прозрачный молоденький парк под моими окнами. Ему еще всего один год. Все в нем маленькое — деревья, кустики, цветочки. Кто в нем самый высокий, в моем парке? Девушки, поливающие ежедневно его деревца и какие-то грядочки. Веселые и тихие труженицы молодые. Всякий день разносят воду от крана и поливают, а я, работая, люблюсь ими. Иногда они собираются втроем, вчетвером у крана набирать воду в лейки. И тогда они образуют живописную картину, ненаглядную и милую, напоминающую что-то античное. Я непременно введу это в картину с героиней и разговорами. А вокруг строится город и Днепр синее.

19.X.

Воскресенье.

Вопросы к молодым

- 1) Какую картину художественную о Каховско-Крымском строительстве вы хотели бы видеть?
- 2) Чтобы там было больше великих людей, в картине, наподобие А., или министров, или выдающихся инженеров, или, наоборот: чтобы в картине было больше людей простых профессий — каменщиков, плотников, водителей грузовых машин и т. д.?
- 3) О чем вы мечтаете, что стоит за пределами вашей непосредственной работы и выполнения государственных планов великой стройки?
- 4) Как вам рисуется ваш образ, образ вашей современницы-подруги в возможном фильме?
- 5) Что вам не нравится в фильмах в воплощении образов девушек и молодых женщин нашей эпохи? Не черствы ли они? Не схематичны ли? Не упрощены? И не снижены ли в чем-то их образ?

Нет ли у вас чувства, словно образ молодой нашей современницы-труженицы не поднят как-то в искусстве кино на должную высоту?

¹ В. И. Ленин. Сочинения, т. III, стр. 206.

6) Какие претензии вы могли бы предъявить нам в показе личных отношений, любви например?

Не кажется ли вам, что этих сцен мало и что они недостаточно тонки?

7) Может быть, они недостаточно глубоки?

Не заметили ли вы в картинах как бы недоразвитости эмоциональных человеческих отношений?

8) Укажите мне пример счастливой пары на строительстве.

9) Несчастной.

10) Комедийной ситуации.

11) Или наоборот — и, хотя уже спрятанной, глубоко драматической.

12) Что вам нравится в молодых людях, в тех, которые могли бы или могут быть вашими мужьями?

13) Что не нравится?

14) Каков ваш идеал, так сказать, что вас абсолютно, вас как сознательных, идейных строительниц коммунизма, устроило бы в молодом человеке?

15) Чего вы хотите для себя в будущем?

16) Кем стать?

17) Учиться или так себе жить?

20.X.

Ф. Г-ка

Пришло их вчера ко мне трое. Среди них выделялась молоденькая Ф. Г-ка. Она белокурая, с красивой, нежной фигуркой и нежным лицом. Глаза у нее серые, умные. Нрав веселый. Приятный молодой голос и очень хорошая простая речь. Она умна и морально чиста.

— Я него бы, во-первых, хотела...— Она посмотрела на меня с доверием, как на отца, не стесняясь ни подруг, ни А., и откровенно: — Во-первых, чего бы я хотела? Я раньше всего хотела б, конечно, выйти замуж... чтобы у меня был муж. Я не хочу и не думаю, чтобы он непременно был красивый или чем-то выдающийся. Не это меня могло бы привлекать и радовать в нем. Я б хотела только одного — пусть бы у него была хорошая и красивая душа. Чтоб душа у него была нежная и добрая. Чтоб он меня любил, был ласков со мною, и заботился, и берег бы меня.— Немного стыдливо или мечтательно: — Чтоб у нас были хорошие дети. И чтоб он помог мне еще немного подучиться и сам стремился к этому.

Я не сводил с нее глаз. Ловил каждое ее движение, каждый оттенок ее чувства. С улыбкой чуть лукавой или шутливой, как бы отвечая какой-то своей мысли, она сказала еще, посмотрев на подругу:

— За что любишь человека? Разве за простоту? Нет. Сама не знаешь за что. За то непонятное что-то... Сама не знаешь, за что любишь...

Она выразительна и абсолютна артистична. Она могла бы быть актрисой. Вот такая Ф.

Работать на строительство пришла сразу, с первого дня. Она и есть моя героиня.

Простилась с матерью. Отец убит на войне. И пришла из степей Украины, маленькая и нежная девочка, уже бригадир с хлопковых полей. Она записывает, ведет дневник.

— Вот недавно стала его читать. Ой, что вспомнилось мне! Сколько мы тут перенесли! Чего тут только не было!

У нее две сестры. Она средняя.

— Приходите к нам на работу. Только мы там такие замурзанные.— Засмеялась, подала мне маленькую ручку по-крестьянски, не стискивая, лопаточкой, и весело пошла с подругами.

...Она была вся переполнена желанием счастья и радости и, неся в себе, в своем сердце, безмерную силу нежности, была вся раскрыта для счастья. Вся в надеждах и предчувствиях. И были вместе с тем не в словах, а в какой-то спрятанной части подтекста не то печаль, не то страх, что хлопцы вокруг не совсем такие, что как будто мало она видит нежности.

— А женихов у меня! Вот такая куча писем!

Ночь в степях

В степях над Днепром ночь месячная, звездная... «Ніч така, господи, місячна, зоряна, видно, хоч голки збирай».

Ф. и Т. идут по степи. Высочайшая и нежнейшая торжественность украинской южной ночи.

— Меня спрашивает сегодня Довженко: «Что бы вы хотели видеть в наших фильмах, каких людей — великих или маленьких, и хотели ли бы вы видеть любовь?» И я сказала ему: «Хотела бы видеть в кино больше людей малых и простых, как вот я и ты». А он говорит мне: «Вы люди малые, Ф., и великие, вы творите великое мировое дело коммунизма. И государство наше, говорит, великое, потому что в нем великие маленькие люди». Такой смешной человек. Седой. Я хотела спросить его, почему вы такой седой, а он глянул на меня и, не успевшая я спросить, говорит мне: «Такое мне счастье и столько добра увидел среди вас, что скоро...— как-то он так удивительно сказал,— скоро, говорит, чувствую, птицы будут садиться мне на плечи и на голову белую...» Потом стал меня спрашивать про любовь.

— Ты сказала ему что-нибудь про меня?

— Не... не знаю еще точно. Ты сам это должен знать. Я сказала ему, что я б хотела видеть в картине любовь. Что хочу иметь мужа. Пусть, говорю, он будет не красивый и не знаменитый. Лишь бы, говорю, был добрый и душа у него чтоб была красивая. И нежная... Чтоб любил меня и берег. Трудился вместе со мной красиво и детей...

— И чтоб любил детей?

— Да... Он говорил, что он счастлив с нами. Я, говорит, такой счастливый, деточка. Оттого, что люблю вас всех, и ваших детей, и родителей, и великую реку народа нашего, и все, что вы творите тут. Иногда, говорит, я как будто улетаю в 2300-й год и оттуда смотрю на вас, или поселяюсь на другой планете и оттуда вас вижу. Вы первые создаете планетарные следы на земле. Я, говорит, преклоняюсь перед вами всеми.

— Ну, я не думаю, чтоб так уж он преклонялся перед Л.

— Не о том была речь.

— Прости.

— Как красиво! Как прекрасен наш мир...

— Как ты прекрасна.

— Ты любишь меня?

— Да.

— Скажи мне слово — люблю. Ну!

— Люблю. Я так люблю тебя!

— Еще говори, ну...

— Ну, зачем говорить? Ты ж знаешь.

— Я слышать хочу...

— А может, и в самом деле мы великие люди?

— Не думаю. Нельзя сказать: великий шофер самосвала или великая каменщица. Особенно когда ты в спечовке и лицо у тебя забрызгано известью, словно чайкино яичко.

— Кто знает? Он говорит, можно. Есть, говорит, разная мера людей. Великих, говорит, людей создает великая цель. А что на свете больше, чем наша цель?

П. С. В.— мать-героиня: девять сыночек и одна дочка с тридцать седьмого года. Двоих убили на войне, одного немцы повесили. Трое в армии. Один — капитан, на спецзадании неизвестно где, присылает письма, а где он, тот пароход,— ничего не известно. Двое в Москве в военном училище. Самому меньшому семь лет. А только дочке не повезло. Больна после воспаления мозга. Такова Степановна. Здоровая, красивая украинская мать. Приехала из Донбасса с сыновьями на строительство. Офицерская мать. Капитан, без сомнения, подводник. Где он? А сама работает в гостинице уборщицей. Приветливая и приятно солидная. Мне всегда приятно с ней разговаривать. Есть в ней что-то глубоко нормальное, ясное и внутренне богатое, в ее честных глазах труженицы скромной. Глядя на нее, я почему-то думаю: вот человек, которого мне так приятно уважать и думать, что он счастлив.

— Один мой был в партизанах у Федорова. Муж — каменщик на третьем участке. И в Донбассе муж был каменщиком, а я работала.

— У меня еще один в третьем классе. Тоже на круглых пятерках. Раз принес одну четверку, и то ему попало дома. И знаете какой — сам этажерочку сделал для книг и маленькую скамеечку для младшего. — Она смотрит на меня, как на брата. Лоб у нее низко повязан платком — по-крестьянски.

— А те, что в армии, тоже тут позаканчивали десятилетку. И в армии им теперь будет хорошо. Одного только и боюсь — все радио слушаю. Чтоб не было войны. А муж из Горностаевки. Еще как в восемнадцатом году кончил партизанство свое, так и пошел на Донбасс, бросил хозяйничать. Так-то.

— А как вы приехали сюда?

— А так и приехали. Услышали по радио да и приехали.

Если мне посчастливится написать сценарий в добром здоровье и я не утрачу работоспособности, я сделаю фильм свой на Киевской студии.

...Я должен, собравши все силы, творить для народа, молиться народу, идя с ним к великой цели построения коммунизма, и жить одним — картиной о великом строительстве на Днестре и в степях Украины.

23.X.

Хвала Жизни

...Не знаю, что со мной будет дальше. Тут переменится все через три года, таким неузнаваемым мы сделаем весь этот край, что и сами переменимся, как этот Днепр. И тогда действительно можно будет сказать: «редкая птица долетит до середины Днепра», получившего из наших рук высшее образование. Пройдет немного лет — Волга и Днепр перестанут быть реками, окончилась эра их анархического бытия.

И природа, облагороженная нами, очищенная от случайностей божьего хаоса и зарослей диких, пересозданная творчеством, предстанет перед народами мира в такой новой красоте, в какой предстал сегодня перед миром великий советский человек, творец жизни, поборник мира на земле.

24.X.

...Не пора ли мне податься на Запорожье? Пора, пора. Только как же я покину берег? Берег, тополя, остров Козачий. И молодой город. Каховку Новую...

Гуси уже перелетели из далекого края. Уже никто меня не зовет ночами. Хожу себе и пою:

— Ой бодай же ви, гуси,
З пір'ячком пропали.
— Ой налетіли гуси
З далекого краю,
Скаламутили воду
В тихому Дунаю.

27.X.

— Мина, опомнись. Да ты ж не хочешь той плотины.

— Не хочу, черт меня побери, а плотина пускай будет. И время уже к нехотению отнестись как-то критически. Мало чего я не хотел! Когда-то я не хотел учиться, а тут еще фамилия, как из комедии, — Нечитайло. Вот и остался неграмотный. Да еще, дурак, на тебе женился. А в колхоз я хотел? Тоже не хотел. Все за волов держался. С волами да конями дружил, товарищевал тысячу лет... и т. д. компанию водил, вспомнить стыдно, господи прости. Какая цена моему нехотению!

— Так пропадет же красота какая, ты только глянь на плавни.

— Не говори хоть про красоту. А что мне с красоты?

— Как что? А дрова, а корм для скота, а бахча в лозняке?

— Вот так бы и говорила. Любительница красоты.

Веселая машина

- Можно ли сказать так о машинах?
- Почему ж нет? Машины веселые.
- Ты сам веселый.
- Это другое дело. Из всех машин, какие знаю, самая веселая не «ЗИС», и не «ЗИМ», и не «Победа»...
- Бульдозер?
- Угадал. На «ЗИСы», «ЗИМы» и «Победы» уже и не смотрит никто. А вот когда я начинаю действовать бульдозером, всякий, кто только ни посмотрит, радуется, удивляется и каждому, я замечаю, даже старому зрителю будто хочется заняться гимнастикой, вот. Проворная, цепкая. А сила какая? А что на ней можно делать — чудеса! Потом он рассказал о ее возможностях, о силе мотора, о силе ножа.
- А маневренность! Вперед, назад. На месте кругом, вверх, вниз. А звуки, как звучит! Музыка, ей-богу. Вы только прислушайтесь к ее музыке.
- Вы правы. Это машина-труженица.
- Вчера мальчишку с собой взял. Слыхали б вы разговор. «Ты, тату, можешь гору сделать?» — «Да, говорю, конечно, могу». — «А еще что можешь?» — «Ну, все могу. Могу насыпать гору, если нужно. Речку перекрыть или, наоборот, сделать новую речку посреди степи». — «Врешь ты». — «Вот увидишь». — «Я тоже буду речки поворачивать». Говорю: «Пожалуйста, хоть моря». В каком «ЗИСе» вы услышите такие разговоры? «Ах ты, думаю, клоп! Что из тебя выйдет, когда вырастешь такой, как я? Где мы уже будем?» — «Не волнуйся, тату. Я решил взять тебя потом в свою бригаду техноруком». Вот какую семейственность начинает проявлять.

Микола Т.

- Вспомнить его любовь к Оксане. Как бегал он к ней вечерами на свидания из Борзны, за 30 верст. Да еще и Десну переплывал, а наутро назад, в Борзну.
- Сделать что-то похожее в степи. Может быть, не обязательно все пешком. Может быть, на грузовике. Но встреча: оба бегут навстречу друг другу. Обнялись и, взявшись за руки, пошли в степь.
- Вот они идут под звездным небом на торжественном просторе где-нибудь на высоком берегу Днепра.
- Говори мне, Иваночко, слова, скажи мне еще раз, что ты любишь меня.
- Я.. меня так тянет к тебе.
- Не говори: тянет. Скажи мне громко: люблю. Никто тут не услышит нас. Посмотри вокруг. Только мы да звезды в небе. Ну, хорошо, я первая скажу: «Я люблю тебя».
- И я.

25.X.

- ...Мы идем с тобой по дну моря. Все эти вербы, озеро, болота, камыши, кувшинки — все исчезнет.
- Как странно. В каком сказочном мире мы живем! (Смотрит вокруг.)
- Это будет наше море.
- Наше море. Такое большое и широкое, как моя любовь. Закроем глаза. Закрыв?
- Да.
- Плеск воды. Слышишь, как море шумит?
- Постояв друг против друга с закрытыми глазами и держась за руки, они тихо сблизились в объятии, словно две волны весенние, и (наплывом):
- ...их покрывает вода. Море заблестало на широком просторе, и музыка.
- Потом море исчезло, и они шли дальше.
- Скажи, при коммунизме будут люди страдать?
- А как же. Раз будут любить, будут и страдать.
- Я тоже так думаю. Вчера, когда ты не пришел, я так страдала, так страдала, такая была несчастная... А ты?
- Я не очень страдал. Мне было некогда.
- Как — ты не страдал?! Не говори мне так.

- Нет, я страдал, но только мало.
 — Почему?.. Как мало?
 — Кран засосало в болоте, часа четыре вытаскивали. Вымазался, как черт.
 — Иваночко, скажи, что ты меня любишь.
 — Да.
 — Громко скажи — люблю.
 — Да.
 — Громко — люблю! Ну!
 — Ну перестань, ей-богу. Мне это слово трудно говорить.
 — Почему?
 — Я некрасивый. Разве ты не видишь?
 — Нет. Не нужно мне красоты, Иваночко. И то, что ты невыдающийся, тоже пока что не беда. Мне лишь бы любил ты меня и жалел. Душа ж у тебя красивая, Иваночко.
 — Очень. Да, двумя тягачами вытаскивали. А потом еще трос оборвался... Так я подошел тогда к окошку — темно... Так я тогда запел тихонько, чтоб тебя уже не будить, да и пошел себе спать. И наворочался здорово с тем краном.
 — А что ты пел?
 — Ну, всякое...

Ой і підійду я
 Гей і до віконця,
 Гей, будь здорова,
 Мое сонце.
 Гей, будь щаслива,
 Мое сонце...

Поют оба. Степь, месяц, Днепр.

Воскресенье. Несказанно прекрасный солнечный день. Теплый ветер веет...
 ...По дороге встретил девушку. Она была в рабочей одежде. Синие штанишки, юбочка по колено и жакет. Она хорошенькая и стройная. Шла прямо, как на параде, любуясь собственной походкой. Так и я ходил когда-то. Она шла с наслаждением, словно хотелось ей танцевать или взлететь вот-вот. Сделать в фильме непременно. Это так чудесно можно развить!
 Еще только начало смеркаться. На синей улице возле молоденького парка стоит красивый парень-рабочий лет девятнадцати. А перед ним — три девушки, тоже работницы, молоденькие, стройные, с очаровательной пластикой фигурок в робах. Синие штанишки. Юбочки в мелких цветочках, платочки. Одна вся в синей робе, как мальчик, забрызганная известью и красками. И лицо тоже в крапинках мела и меловых красок, как ячико. Веселые все три и он. Одна держит его за руку, не пускает, куда-то тянет. А он упирается, не знает, на какой остановиться, и всем неловко, томно и радостно. Одна другой лучше. Ну что ты сделаешь с такими кокетками!
 Так их придется и подать всех трех: искушают все три чаровницы Иваночку, моего бульдозериста.

НН

...Сын кустаря. Учился при маменьке на папашины деньги. На войне не был, горя не знал. На Днепрострой как инженер попал под самый конец. Попал по счастливой случайности под награждение... И ты, вместо того чтобы проникнуться чувством ответственности, благодарности и долга, любви к народу, нос задрал! На людей кричишь, как панский приказчик, отгородился от живого дела бумагами, приказами, выговорами, криком, оскорблениями... Нету уже тебя среди народа.
 ...Что ты принес в коммунизм? С чем ты пришел на великую стройку, на которую смотрит целый свет? Одни с любовью, другие со скрежетом зубовым?
 Или, быть может, ты думаешь, что коммунизму нужна твоя жестокость и холод, которым веет от тебя на каждого человека?
 — Ну, знаете, я вижу, нам действительно с вами...
 — Ничего ты не видишь...

29.X.

Федорчук Федор Адамович, 1901 года, г. Херсон.

28.X. нашли труп при планировке площади перед Дворцом культуры.

Ой, в поле

Ой, в поле родила меня мать моя, в поле,
В поле — маленьким мальчиком — впервые поднялся я на ноги.
В поле вырос я и труд познал.
И в поле пал, идучи в атаку
Против врага моей Родины.

В поле лежал я долго, пока весь не истлел и не воссоединился с землей. Потемнели медали на моей груди, покрылись пылью, что ветер принес, и так лежал я, соединившись с землей. Очи мои провалились в темные ямы глазниц, только зубы белели еще долго, улыбались в вечность.

И вот, когда я весь уже потонул в природе, выкопали меня бульдозеристы веселые, а девушки все притихли около меня и, легонько вздыхая, меня схоронили. И там, где я лежу, — площадь. На площади — новый Дворец культуры нового города коммунизма, который защищал я когда-то от врага, пока не упал, разорванный снарядом.

Довженко говорит, что я теперь должен стоять в бронзе на этой веселой площади, и что площадь будет бы будет называться моим именем — Федорчука, и что теперь уже целые века в веселые праздники Первомая или Октября девушки будут класть веночки на мою голову днем, а вечерами ясными и ночами, освещенные звездами, будут клясться моим простым именем в верности друг другу и Отчизне. Ой, в поле родила меня мать моя, в каховском поле над прозрачными струями на родном берегу Великой реки.

Потемнели медали на груди моей за оборону Сталинграда, Москвы, за боевое отличие. Так и не довелось мне освободить свой дом, увидеть родителей своих. Уже недалеко было до дома. Уже Днепр синел передо мной.

Да упал я, братья и сестры...

В колхозе Малая Каховка

Вчера сильное впечатление произвел на меня М. Ф. Я просидел с ним до глубокой ночи, до двенадцати часов. Сидели за столом, выпили бутылку вина, чаю. Потом сели на диван и разговаривали, как братья, как пожилые люди, нагруженные и седые, о жизни, о коммунизме, о радости и счастье. Глядя на его старую античную голову, на глаза, умные, грустные и растроганные, я все время видел, какой большой путь, трудный и тяжелый, прошел этот человек. Два раза Америка, Южная и Северная, мытарства в Румынии, бедность, темнота, бесправие и сумасшедшие социальные драмы последних годов привели сюда Миколу, преждевременно состарившегося в шестьдесят лет.

Сердце у него чистое. Ум ясный. Душа высокая, измученная тяготами, омытая потом, а порою кровью и слезами.

— Теперь я успокоился. Теперь после работы я сплю себе на дворе, под небом звездным, и такой у меня покой на сердце и такое счастье, оттого что хоть в последние годы жизни пришел я к Днепру Великому, к берегу святому, на великое дело строительства коммунизма. Я знаю, кто я и из чего состоит мое естество физическое. Какая у меня химия. — Тут он ошупал свои руки жилистые и шершавые. — И как пойду я в землю и что выйдет из меня. Но я таким уже стал тут, что знаю — могу умереть в любой час, спокойно, благословляя жизнь и людей...

Его рассказы о гибели соседей и товарищей потрясающи. А рассказ о соседе, который не хотел колхоза так, что было повесился и его, вынуженого из пеглы, насилу откодили. Так теперь он кто, вы думаете? Герой Социалистического Труда — первый стахановец степей. Вот что делает с людьми жизнь, какими дорогами тернистыми идут люди к творчеству и счастью.

30.X.

Покидаю Н. Каховку

Как жаль мне покидать родной берег. И хоть знаю, что скоро вернусь сюда, потому что иначе не смогу уже ни творить, ни жить, но оттого и не хочется мне разлучаться с берегом, с античным пленэром и с людьми, которых я полюбил, которые принесли мне так много больших мыслей, переживаний, которые будили мою фантазию. Не хочется покидать красивых в работе людей. Что я должен еще записать сегодня? Если бы я не был кинороботник, если бы, например, я был писатель или поэт, я ни за что не покинул бы этого берега.

Меня провожают на пароход соседи, знакомые и незнакомые, человек восемь. Двенадцать часов ночи. Мы идем по берегу, поем тихонько. Почему-то хочется петь. Месяц в небе. Видно-видно — ночь ясная и теплая. Днепр тихий, непередаваемой, несказанной красоты, родные огни сотнями глубоких светлых ручьев проникают в водную бездну. Осокоры и тополя уже сбросили листву и стоят нежные и трогательные. И если посмотреть вверх через их тоненькие ветки на месяц, небо ощущается в неизмеримой вышине и величественности — какой прекрасный мир!..

Посадили меня, попрощались, как с отцом. Отходит мой непышный «Энгельс». Я смотрю — Новая Каховка отдалается от меня. Где-то в теплой темноте исчезают тополя. На берегу много огней. Вот запруда вся в огнях. На темном небе вспыхивают молнии электросварки. То шпунты паяют. Живет наша запруда днем и ночью. Я стою в кают-компании один у окна и люблюсь всем, что только есть драгоценного в нашей жизни. Мне хочется плакать, и я плачу. Я смотрю в окно на берега, и склоняю голову, и шепчу всем труженикам, строящим счастье миру:

— Пошли вам доля силу, ум, ясную мысль и долгие годы счастья. Спасибо за сокровища, которые вы мне подарили, за высокое вдохновение, за радость жизни, что познал я среди вас. До скорого свидания, радость моя. Примите мою любовь, река великая, народ мой родной, месяц ясный, берег мой чистый.

2 часа ночи.

ИЗ ПЯТОЙ ЗАПИСНОЙ КНИЖКИ

1954 год

12.IX.1954.

Сегодня мне шестьдесят минуло. Вчера целый вечер был взволнован, весь переполнен сложными мыслями: промелькнула моя буревая жизнь. А сейчас сижу у окна в Каховке. Прекрасное тихое утро. Передо мной совсем близко синее Днепр, за тихой днепровской водой белеет Козачий остров и село Козачье по ту сторону, а на осеннем небе ни облачка. Мне радостно и приятно, что свой осенний праздник я встречаю в новом, социалистическом городе, в Новой Каховке, возле плотины, создающей тут новое море и новую жизнь, что вокруг меня молодые люди...

ШЕСТАЯ ЗАПИСНАЯ КНИЖКА

1955—1956 годы

19.V.55.

В Новую Каховку прибыл пароход «Чернышевский» 19 мая в третьем часу ночи. По дороге из Киева два дня стояла пасмурная погода, и мы ничего не снимали, проплывая мимо очаровательных видов. Стояла высокая вода. Паводок мы обогнали где-то под Кременчугом.

Днепр прекрасен и в паводок. Но летом, когда он входит в свои берега, он красивее. Потому и снимать его лучше в летнее время.

Проплывая Никополь, наблюдал, какое впечатление производят разные обрубки в трясине: пенки в воде, бревна и тому подобное — издали, на первый взгляд, — будто лодки форсируют реку. Использовать непременно при съемке сцены форсирования Днепра. Можно заменить на заднем плане тысячи людей. Дешевле и безопасней. В трясине можно делать взрывы.

Детали к фильму

Там ли, где спадает вода весенняя, или, может быть, в новом море девочка гонит по воде уток.

Небо — море — зелень — девчонка. На берегу женщины — три мои героини — поют:

Ой, пливи, утко, тай по морю хутко.

Песня старинная. Чарующий народный мотив. Женщины глубоко задумчивы. Это жизнь. Это — ее движение, безграничность.

Припомнить: Кончу-Заспу весной — когда спадет вода, как в «Мичурине». Нежная зелень из-под воды, деревья, утки, обилие гусей. «Налетели гуси з далекого краю...»

Бродить по большому зеленому лугу. Кое-где вода. Аппарат низко. Может получиться чарующая картина...

22.V.

Приехав в Каховку, я сразу почувствовал, как у меня «упало» сердце. Боль, слабость и ощущение неумолимого груза. Наверно, каховский климат уже не для меня. А тут еще ветер, тучи и дождь. Изменилось давление. Все встало против меня. Сюда я опоздал на двадцать лет. Для великой картины тут надо иметь запорожское сердце и вот те мои, прежние, крылья.

Однако да здравствует дождь! Лучше я помучусь еще неделю, лишь бы был дождь. Сегодня дождь в жару много больше значит, чем мое собственное здоровье.

Отложили затопление котлована шлюза на пять часов, пока утихнет дождь...

27.V.

Суббота.

Около гидростанции. Вокруг музыка моторов. Проезжает грузовая машина. На машине две девушки поют, и песня их степная сливается с музыкой моторов. Стук железа, треск вибраторов, удары молотов, шум автомоторов — великолепная симфония. К этому еще лютое шипение пневматических устройств, а в небе гудение самолетов.

Сегодня торжественный день — последний перед затоплением котлованов. Динамика строительства достигнет сегодня своей кульминации...

Что я заметил в прошлом году и сейчас? Работа не очень тяжела, скорее она легкая. В основном это управление машинами. Так называемые чернорабочие тоже работают без надрыва. Нигде не видел я болезненного, нервного темпа кинематографии.

У работниц синие спортивные штанишки и легонький ситцевый халат без рукавов. Очень удобно, красиво. В этом свой девичий шарм и что-то выразительно характерное, современное.

Использовать прием показа великих строек через пространственные пейзажи с дикторскими текстами. (Использовать степь и море.)

31.V.

...Произошло затопление котлована главной Каховской плотины. 31.V. в шесть часов вечера. В нижнем котловане состоялся митинг. Народу было много и много знамен. Стояли грузовые машины с народом, много рабочих где-то наверху, на плотине. Картина была веселая и торжественная.

Потом поехали мы на верхний котлован, где бульдозерами был сделан довольно большой проран.

Когда вода начала прорываться к верхнему котловану, рабочий народ так обрадовался, что начал кричать «ура» и аплодировать воде, как артисту. Настроение было чудесное, приподнятое.

Вечером встреча штаба за столом.

Потом поехали на котлован и увидели чудо: он весь был в воде. Вода прорвала проран и затопила за два часа оба котлована — верхний и нижний. Ночь была необыкновенная: тревожная, торжественная и веселая.

1.VI.

Доработать село

Один из колхозников отказался переносить хату.

— Не хочу. Не нужно мне ни ваших денег, ни материалов. Моя соломенная крыша мне дороже, чем ваши шиферы и вся ваша черепица. И вообще не хочу. Оставьте меня в покое. Кстати, чтоб вы знали, мою хату море не зацепит: оно мимо пойдет, вон туда, по балкам.

— Но вы же можете очутиться на острове?

— Правда? Здорово! Всю жизнь мечтаю жить на острове. Старуха, слышишь? Будем жить на острове, как робинзоны.

— Но остров ваш может залить водой. Бурное море может затопить вашу хату.

— Оставьте меня в покое. Пускай заливаает. Я дам расписку, что никогда, даже утопая в морской пучине, не буду никого винить в своей смерти.

2.VI.

Тема строителей

Всегда в пути. Всегда в начинаниях. Приходят на пустырь и снова идут на пустырь, оставляя людям следы своих благородных пересоздающих усилий. Это немно- го грустно. Но это прекрасная судьба. У нее вечная молодость. Продолжение юности. Строители — самая романтическая профессия наших дней.

Записать подробно мое путешествие в село Васильевку на Конце. Семь неснесенных хат. Невыразимая красота. Все мои чувства, всю растроганность. Словно я приехал к желанной обители.

И беседа с пожилой женщиной, которая должна бросать свою хату, сад, двор. Описать ее внешность, ее грусть. Ее семейное положение. Муж третий год в больнице, сыновья убиты на войне, только один учится...

5.VI.

Максим Зарудный работает на строительстве Дома культуры. Ему не нравится проект: дом тесный, бедный, не по селу. В селе две десятилетки. Он представляет себе дом значительно большим и зал в доме, ну, хотя бы на 800—1200 человек. И кресла чтоб были мягкие, и чтоб было красиво и празднично, как в церкви когда-то или как в столичных театрах,— вот чего хочет старый.

— Четыреста мест. Разве это помещение? Да мы ж заплюем его семечками и окурками за один вечер.

— Но что же делать?

— А то делать, чтоб ни у кого не хватило духу бросить окурочек или плюнуть семечками,— красота нужна.

— Четыреста мест... скрипучих стульев! Это ж насмешка. Как же вы не уважаете нас. А спросите вот...— Тут старик показал широким жестом в сторону учителей, механиков, полеводов.— Вот тридцать два офицера запаса Отечественной войны. Сколько столиц прошли, сколько увидели!.. Уважать надо... Э-э! Ничего вы не понимаете!..

Вырисовывается обаятельная фигура пьяноватого К., любимца колхозниц, красивого и трогательного труженика и тихого критикана. Человека почтенного, прекрасно воспитанного и бедного. Ему хочется о многом спросить генерала. Он деликатно поднимает руку, как школьник, который хочет и боится задать вопрос. Вопрос у него один: «Почему?..»

— Ну, почему?

Вообще он перебрал пятьдесят граммов, и сам это чувствует.

3.IX.1955.

«Поэма о море»**Фильм о могуществе человеческого духа**

Федорченко и Зарудный — каждый несет в себе черты Моисея. Нужно, чтоб в каждом из них ощущалась гигантская сила разума, воли и нежности человека середины XX столетия. В них образ народа. Они его зеркало.

Нужно в некоторых по крайней мере эпизодах, если не во всей картине, стремиться к классической форме.

В трактовке женских образов помнить о мадоннах, кормящих младенцев.

Держат их на руках, сидя.

Или стоя, или идя (Сикстинская).

Пусть будут такими мои колхозницы и работницы...

О Катерине. Ей отказано в счастье. Она видит вокруг себя матерей и сама призвана к материнству. И надо было судьбе послать ей Голика...

Один из гостей в селе — китобоец-гарпунер. Можно показать его сцену.

И непременно разработать одну-две сцены, посвященные атомной проблематике или межпланетным сообщениям.

25.VII.1956.

Кременчуг.

В гостинице

Занесла меня судьба в Кременчуг. Был тут когда-то, снимая «Звенигору». Давно это происходило. Город разрушен и сожжен фашистами. Но жизнь есть жизнь. Теперь в нем населения больше, чем было до войны. А будет еще больше, хотя думается, что рядом вырастет новый город — Таборище, и жизнь района передвинется туда, как и в Каховке. Была не очень веселая погода, ветер и облачно.

Из Киева в Кременчуг 350 км. ехал на машине. Утомился здорово. Вокруг широкие поля — просторы. Почему-то невеселые и небогатые хлеба. И уборочная протекает вяло. Завтра еду в Таборище осматривать строительство плотины и в город Ново-Георгиевск, который уйдет под воду. По дороге в районе Градижска проезжал села с очаровательными хатами, двориками и садиками, и грушами посреди двора, как раз такими, какие нам нужны для фильма.

Детали

Не забыть аистов на хатах. Это очень красиво.

Некоторые хлева выкрашены терракотой почти под крышу. Тоже имеет очень живописный вид.

Непременно указать художникам — скопировать несколько небольших хлевчиков под соломенной крышей (для дворов).

Обратить внимание на типы обычные и под соломенной крышей.

Дворики зеленые. Все поросло зеленой спорыньей.

Особенное внимание обратить на ворота. Легкие и прозрачные.

Обратить внимание — хаты почти всюду имеют зеленое обрамление: вишни, груши и т. п. На стенах тень. Может дать чарующий эффект.

Трехлетний мальчонка везет в повозочке двухлетнего.

А как мило ездят и играют велосипедом!..

27.VII.

Запорожье.

Волею судеб я снова в Запорожье. Сделал от Кременчуга километров с 350 по очень тяжелой дороге. Прекрасно Новое Запорожье. Есть в нем уже не только что-то родное, наше, новое, но прекрасное новое. Есть уже новая эстетика в планировке, архитектуре, умение пользоваться зеленью. Величественна плотина Днепрогэса. А какие тополя выросли над теми шлюзовыми камерами, где я лазил когда-то в 31-м году, снимая «Ивана»! Это все сделано и выросло, просто думать не могу без волнения, — все в мое время. Много я уже прожил, много...

28.VII.

Каховка, 20 часов.

Прибыли в Новую Каховку. Остановились в том же коттедже, встретила меня работница Паша, с которой я расцеловался, как с родной сестрой. День сегодня необыкновенный. В Никополе, взойдя на дамбу, я увидел море, новое, наше, советское, бескрайнее, ярко-голубое. Впечатление громадное. Это было настоящее море. Что-то

кричащее, неожиданное, драматическое и что-то по-настоящему величественное. Может быть, мне надо было стоять одному и долго молчать, вслушиваясь в шум морских волн и голос своего сердца.

...От далекого голубого горизонта до самых ног раскинулось море, широкое, чистое, новое. И стало почему-то сразу так, как будто большинство хаток и хлевчиков убогих с убогими соломенными драными крышами стали ненужными. Создалась дисгармония. Воиющая для того, кто понимает природу и место человека на земле.

Старенькая женщина идет к морю. Волна берег омывает. Шумит.

— Ну, как вы тут? — Я хочу спросить ее про море.

— Вот как видите. Шумит, ревет день за днем... Ой-ой-ой!.. Если б сказал мне кто пять лет тому назад, что сгинут плавни вот так, глаза б выцарапала, не поверила. А теперь вот...— Женщина взглянула печально на волны и пошла прочь.

Хата, развалины, еще хата, подмытая волной, уже треснула стена. Говорят, придется еще перенести дворов полтора.

— А как же это начиналось? — спросил я парторга.

— Началось в ноябре прошлого года, и вода стала подниматься. Вода стала подниматься — стали гады из плавней бежать: змеи, ужи, полозы, жабы, крысы тысячами, батальонами. Страшно было смотреть. А тут возле берега уже льдина, так на льдине много замерзло, а много попряталось и по дворам...

Я представил себе картину исчезновения плавней. И почему-то показалась она мне невеселой, драматичной...

Море требует новой эстетики. Оно само по себе уже новая эстетика. Оно не принимает соломенной старой крыши, убогости, серости. Непременно надо поднять в пресе проблему переделки страны по периметру Каховского, Кременчугского, Днепродзержинского и Каневского морей.

Не в Каховке надо искать величие Каховского моря,— в Покровском, Копыловке, в селах и на самом море. Оттуда больше видно, что такое Каховская плотина.

31.VII.1956.

В самолете между Николаевом и Киевом. Возвращаюсь в Москву. Высота 1 500. Ничего, можно терпеть. В каком-то смысле не хуже авто. Обещают под Киевом небольшую болтанку...

За окном расстилается, плывет земля в легком мареве. Не видно ни городов, ни замков, ни других величественных сооружений на земле. Лишь поля и разбросанные по полям села.

Художник думает не только разумом, но и сердцем.

· 28.IX.

К сценарию о полете в космос

Один из трех пассажиров межпланетного корабля не верит в существование жизни на других планетах. «Современная история» еще даст огромную возможность построения драмы.

Он, этот неверящий, и погнб. Долетели верящие. Победили верящие...

Надо уже начинать писать.

*Перевела с украинского
Л. Михайлова.*

ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА

А. ГРОМОВА

★

ГЕРОИ НАШЕГО ВРЕМЕНИ

Все, кто внимательно следит за книгами и журналами, выходящими в наши дни хотя бы только в центральных издательствах, ясно видят, что советская литература создается писателями всех союзных и автономных республик, всех народов, входящих в состав великого социалистического государства.

Но, как и вообще в жизни, в советской литературе не на всех участках одновременно бывают одинаковые успехи. И в русской литературе и в литературах других братских народов — свои успехи и свои недостатки. И по-разному складывается облик той или иной литературы на различных этапах. Вот недавно порадовала читателей эстонская историческая проза — монументальные романы «Берег ветров» А. Хинта, «Сердца молодых» Э. Крустена, «Земля и народ» Р. Сирге, «Красные гвоздики» И. Семпера показали, как высок общий уровень эстонского романа, как основательно подготовлены эстонские прозаики к тому, чтобы решать стоящие перед ними важнейшие задачи современности. Прекрасные, полные революционной романтики произведения дала за последние годы украинская проза. Больших успехов достигла современная грузинская поэзия: и молодежь и поэты старшего поколения выступили с яркими произведениями, отмеченными смелой мыслью и тонким мастерством. Можно было бы назвать и другие участки нашего многонационального литературного фронта, попеременно выдвигавшиеся за эти годы вперед по тем или иным жанрам.

Однако особенно интересно рассмотреть, каких успехов достигла за последние годы советская литература в решающем — в создании образов наших современников, строителей коммунизма. От первых книг

советской прозы до произведений наших дней передается благородная эстафета образов героев битвы и труда, воплощающих мужество и смелость мысли, яркость чувств и волю к подвигу, — образов людей, которые активно пересоздают жизнь.

Многие произведения писателей братских литератур отмечены стремлением создать образ молодого человека нашей эпохи, с детства воспитывавшегося в условиях социалистического общества. Мы видели таких молодых строителей социализма и в «Белом пламени» В. Собко, и в «Апшероне» М. Гусейна, и в «Капитанах» Г. Леберехта, и в «Айсолтан из страны белого золота» Б. Кербабаева. И снова встают перед нами эти образы в произведениях последних лет.

Каждый из писателей решает большую задачу изображения истинного героя современности в меру своих сил, более или менее успешно и отчетливо воссоздавая отдельные черты характера этого героя и обстоятельства, в которых он действует. Но общее, родственное в героях различных книг распознается легко, несмотря на то, что окружающая их конкретная обстановка различна, и на то, что авторская манера тоже отмечена своими индивидуальными особенностями.

У Даши, с которой нас познакомила Галина Николаева в своем романе «Битва в пути», есть, так сказать, грузинская «родственница». Это молоденькая колхозница Манана, одна из героинь романа Тины Донжашвили «На Алазани». Характером Манана в сущности очень мало похожа на Дашу. «Я такая мнимая! Такая мнимая! — говорит о себе Даша. — Кто как на меня посмотрит, я уж сразу понимаю его мнение и сразу всю вину принимаю! Другие, что не так, — станут оправдываться, а я сразу вос-

принимаю на себя! И как начну думать, как начну, то просто нету мне покоя!» У Мананы, пожалуй, нет этой обостренной, несколько болезненной восприимчивости; нет и Дашиной гордой, чуть диковатой застенчивости. Манана — южанка, живая и яркая, словно пляшущее пламя, «светлячок», как ее называют. Она вся в движении, в любви, — еще не вполне осознанной, но уже рвущейся навстречу избраннику. И испытания, встречающие Манану, иные, чем у Даши, и выходит из них она иначе, чем Даша. И дело тут не только в мелодраматическом оттенке, присущем авторской манере Донжашвили; но и в различиях национального материала, в оттенках индивидуального характера. Но все же эти различия не могут помешать увидеть то общее, что роднит Манану с Дашей: то, что можно было бы назвать социалистической основой характера.

И Манана, и Даша, несмотря на свой юный возраст, отличаются незаурядной глубиной и тонкостью чувств. Духовный мир их действительно богат и сложен. И это — не преждевременная взрослость. Смешная девчонка, горько плачущая в цехе над тем, что стержни разваливаются («вредные очень потому что»), жалующаяся, что Люда ее не обучает («Стой, говорит, рядом да гляди... Я стою!.. Я гляжу!.. Разве за ней углядишь?! Руки-то у нее снуты, ровно стрижи... а там этой одной арматуры миллион»), — это все та же Даша, что спустя немногие месяцы, привыкнув к новой обстановке, поражает одинаково и производственными успехами, и проникновенностью, силой своей беззаветной и гордой любви. История Мананы воссоздана, на наш взгляд, с меньшей степенью литературного мастерства, чем история Даши, да и огорчения Мананы все же более случайны, менее серьезны и интересны. Манана не попадает в совершенно новую среду, как Даша, она не овладевает заново, уже привыкнув гордиться собой в труде, новыми производственными навыками и не терпит на первых порах таких обидных, позорных неудач, как Даша. И любовь Мананы изображена смутно, почти туманно, в романтических полунамеках: это не та живая, вполне реальная во всех своих неповторимых деталях и вместе с тем глубоко поэтическая любовь, которая возникает между Дашей и Сережей Сугробиним в романе Николаевой. Но и в облике Мананы ясно проступают те же черты, которые привлекают нас

в Даше: полнозвучность чувств, жизнерадостность, естественная гармония личного и общественного.

Даша и Манана по отношению к таким героям, как Сережа Сугробин, люди, можно сказать, рядовые. Они не находятся в таком постоянном горении, как этот юноша-изобретатель, для которого вся жизнь — непрерывное творчество, для которого творчество — синоним всякого движения, всякой жизни («Я так понимаю: если человек не двигается, то мертвый он человек. Если машина не двигается, то и машина мертвая! Я так понимаю: первый трактор сошел с конвейера, а конструкция уже мертва. Начинать думать! Он пашет, он будет пахать, но если ты думать не будешь, и он пропал и ты пропадешь»). Но они родственны Сереже по духу, потому что неумное изобретательство Сережи и ему подобных, все новаторские планы будут иметь успех только тогда, когда рядом будут стоять влюбленные в свое дело, инициативные, горячие люди вроде той же Даши и Мананы, которые радостно подхватят и разовьют то новое, что внесут в жизнь изобретатели и организаторы, Сугробины или Бахиревы.

В романе Донжашвили Манана — не главное действующее лицо. Гораздо больше места занимают в нем, как и в романе Николаевой, судьбы тех, кто зачастую очень далек от той светлой гармонии чувств, о которой мы говорили. Но и в этих судьбах видно влияние времени, видно тяготение к уже существующему, живому, конкретному идеалу; огонек «светлячка» Мананы светит и для них.

Серьезная и кроткая труженица Аника, стечением обстоятельств на время оторванная от работы в коллективе, — разве она не понимает всем своим существом, что находится в нелепом, ложном положении, разве не вырывается из него со вздохом облегчения, как только обстоятельства изменились, хотя изменение это само по себе вовсе не радостно и тут скорее можно бы сказать: «Не бывать бы счастьем, да несчастье помогло»... Конечно, характеру Аники не хватает активности, она слишком легко подчиняется воле любимого человека, — и все-таки этот, далеко не новый конфликт в романе Донжашвили тоже носит четкий отпечаток современности. Аника уступает мужу не потому, что у нее отсталые воззрения на семью и на место женщины в доме, не потому, что она признает превосходство Закро,

и даже не потому, что боится его потерять, остаться без материальной или моральной поддержки, а только из кротости любящей души, из-за того, что не хочет огорчать любимого. Да, это ошибка, и Аника за нее расплачивается; но и в этом временном, искусственном отъединении от коллектива она остается человеком, для которого смысл жизни в том, чтобы жить с людьми и для людей, для которого личное счастье без этого было бы неполным, ущербным. И Аника все время стремится восстановить нарушенную гармонию, тайно завидуя Манане, воплотившей в своей судьбе счастье естественной и живой связи с людьми. Поэтому именно Аника в тяжелые для Мананы дни скорее и лучше всех понимает, что может вернуть Манане прежнюю радость и звонкий смех, открыв перед нею новую возможность проявить свои силы, увлечь за собой коллектив.

Еще более далек от счастливой целостности Закро Сикмашвили — центральный герой романа Т. Донжашвили. Мятущаяся душа, наивный честолюбец, сбитый с толку недалекновидными друзьями и хитрыми врагами, — Закро, тяжело переживая то, что его не избрали председателем объединенного колхоза, бросает все дела, топит горе в вине... Какая уж тут целостность! Скорее приходят в голову старинные образы обанкротившихся честолюбцев. Есть тут и вина автора. Мы уже упоминали о том, что манере писательницы свойственен мелодраматизм: в обрисовке образа Закро (и еще более — его друга и покровителя Гедена Варамадзе) этот мелодраматизм сказывается особенно заметно и частенько ступшевывает реальные очертания образа. Но все же и сквозь эти наслоения выступают черты человека нашего времени — пусть обманутого, сбитого с толку, переживающего воображаемую обиду со всей страстностью, присущей его натуре, его «безмерно пылкому сердцу», подчас заглушающему голос рассудка. Ведь для Закро дни демонстративного бездействия так же не характерны, как для Бахирева — адюльтер, в который вырождается его чистая любовь к Тине. Это черты не присущие органически образу, но, напротив, спорящие с ним и тем самым отгняющие его подлинно новые качества.

Мехти Гусейн в своем новом романе «Черные скалы» тоже стремился показать наших современников — строителей коммунизма, людей цельных и ясных, простых и

мужественных. Замысел этот прежде всего реализуется в образе молодого нефтяника Таира Байрамлы. Студентка Лятифа, его будущая невеста, девушка серьезная и несколько склонная к резонерству, говорит: «Будущий советский человек должен быть создан из таких качеств, какие есть у тебя, Таир, и, может быть, это и будет идеальный человек...» Таира это высокопарное заявление, разумеется, смешит. Но все же в словах Лятифы есть доля истины, и продиктованы они вовсе не только девической влюбленностью. В облике Таира действительно можно уловить те черты, те качества, на основании которых формировались и будут формироваться характеры людей эпохи социализма. Нужно сказать сразу: пока далеко не все из того, что задумал автор, сумел он воплотить с достаточной убедительностью. Опубликована лишь первая часть романа, повествование не завершено, и характер Таира, видимо, еще обретет новые краски на страницах второй части. Но и по тому, что уже дано автором, можно судить о том, кто такой Таир Байрамлы.

Дело, конечно, не только в том, что буровой мастер Таир, несмотря на свою молодость, завоевал всеобщий почет и уважение, что его имя известно всей республике, что он любит свою работу и идет в жизни прямым и ясным путем. Важнее то, что Таир везде и всюду остается таким же, каким знают его товарищи по работе, — простым, глубоко честным, скромным и мужественным. Таков он в отношениях и с Лятифой, и с матерью, и в разговорах с председателем колхоза, где работает его мать и где прежде жил и работал он сам. Таков он и с ребятами из своей бригады, и со стариком Рамазаном, и с инженером Шейдой Имановым. Он держится с достоинством, но очень скромно; он деловит, но ничуть не сух; ласков, но не навязчив. Кстати сказать, конфликт, возникший между ним и Лятифой, выглядит надуманным именно потому, что Таир такой, каков он есть, и Лятифа его достаточно хорошо знает. Лятифа требует, чтоб Таир учился, шел на заочное отделение института, и, когда Таир откладывает это на будущий год, Лятифа всерьез ссорится с ним. Но ведь она прекрасно знает, что Таир сам убежден в необходимости дальше учиться, и вовсе не только из любви к ней; сама жизнь подсказывает ему этот шаг. Серьезная и вдумчивая Лятифа, восхищающаяся прямоотой и

мужеством Таира, не могла бы без всяких на то оснований подозревать своего любимого в нежелании учиться. Таир, в сущности, не тратя лишних слов, совершает подвиг: вместе с инженером Шейдой Имановым, которому Таир безгранично верит, он идет бурить нефть на опасный, заливаемый волнами при сильном шторме островок Черные скалы. Все знают, что Таир и его друзья рискуют жизнью,— одна Лятифа упрямо думает лишь о том, что Таир этой осенью не пойдет учиться. Вздорная причина ссоры явно не вяжется с характерами героев.

А Таир и на Черных скалах остается таким же простым, веселым, непритязательным парнем. Даже тяжело заболев, он больше всего досадует на то, что причиняет столько хлопот товарищам в трудные и ответственные для них дни,— впрочем, по правде говоря, он не понимает всей серьезности своего заболевания и считает его обыкновенной простудой. И он по-прежнему убежден, что помочь найти нефть в этих опасных местах — его почетная обязанность, что именно в этом для него гордость и честь.

Так же думают и ребята из его бригады — Эдик Симонян, Самед Байрамлы и другие. Они готовы, даже оставшись временно без бригадира, отказаться от помощи старого опытного мастера Рамазана, лишь бы никому не уступить по праву принадлежавшую им честь — пробурить первую скважину на Черных скалах.

Но такова не только молодежь. Инициатива всей смелой, рассчитанной на искренний энтузиазм участников, затеи с Черными скалами принадлежит не молодежи, а седеющему отцу семейства, инженеру Шейде Иманову. Он горит энтузиазмом и верит в успех дела ничуть не меньше, чем молодежь. И так же уверенно и горячо поддерживает его рискованные начинания заместитель управляющего Азнефти Кудрат Исмаилзаде,— хотя у проекта Иманова немало активных и влиятельных противников, а коварный Моллаев (за чьим зловещим образом мы легко угадываем реально существовавшего «деятеля», оставившего по себе в Азербайджане недобрую память) намекает, что если нефти на Черных скалах не окажется, то инициаторам этой затеи не сдобровать...

Конечно, принципиальность, любовь к делу, творческая инициатива являются отличительными признаками вовсе не только людей, скажем, пятидесятых годов. Это

вообще характерные свойства передовых советских людей, и без этой творческой закваски было бы немисливо самое существование советского общества с его дерзко гениальными планами, широким размахом, стремительным движением вперед, через все трудности и препятствия. Но в наши дни эти качества становятся все более массовым, повседневным явлением, приобретают значение реально действующей нормы поведения, некоего общего морального уровня наших людей.

Это вовсе не значит, что писатели умышленно сглаживают те реальные трудности, которые стоят перед советскими людьми в наши дни, что картина жизни в их произведениях предстает идиллически безмятежной. Ведь те же романы, о которых шла речь,— и «Битва в пути», и «На Алазани», и «Черные скалы»,— до предела насыщены борьбой, подчас жестокой, упорной, с сильными и опасными противниками. Моллаев и его приспешники в «Черных скалах», Корнелий Лоладзе и стоящие рядом с ним «деятели» в романе Донжашвили, как и Вальган у Николаевой (при всем его отличии от упомянутых ранее),— это люди опытные, наделенные незаурядной энергией и умом, трудно уязвимые уже по самому своему командному положению на том или ином участке жизни.

И когда мы говорим о героях нашего времени в широком смысле этого слова, как о тех людях, которые живут и работают в нашей стране, общими усилиями приближая коммунистическое завтра, то мы, безусловно, должны иметь в виду не только тех, кто, подобно Сереже, Даше, Таиру, Манане, уже сейчас воплощает в своем облике идеал цельного человека эпохи социализма, но и тех, кто идет к этому светлому идеалу, быть может, очень дальней и извилистой дорогой, идет, оступаясь, падая, с трудом и душевной мукой вырываясь из цепкого плена прошлого. Действительность наша чрезвычайно многообразна, и мы тяжело погрешили бы против истины и справедливости, сказав, что такие люди вовсе не характерны для нашей эпохи. Такой подход к делу неправомерно сузил бы и обеднил картину современной жизни нашей страны.

Вполне естественно, что жизни молодых наших республик — Литвы, Латвии, Эстонии, Молдавии — и западных областей Украины и Белоруссии присущи свои особенности. В литературе этих республик уде-

лено особенно большое внимание борьбе с пережитками прошлого. Правда, надо учитывать, что развитие социалистического уклада с самого начала идет там под влиянием уже существующего великого примера так быстро, что черты внутренней цельности, присущей человеку, воспитанному в условиях социализма, все явственнее проступают в облике и поведении людей этих республик и областей.

Ведь не случайно именно в этих краях силами трех народов — литовского, латышского и белорусского — осуществлено одно из весьма знаменательных дел эпохи социализма: постройка колхозной гидростанции «Дружба народов» на озере, которое расположено на стыке границ трех республик. Недаром это событие и связанные с ним новые интереснейшие сдвиги, происходившие в сознании людей, привлекли к себе внимание литераторов — об этом написал свою «Братскую поэму» литовский поэт Э. Межелайтис; этот материал лег и в основу романа, написанного белорусским поэтом П. Бровкой «Когда сливаются реки».

Петрусь Бровка не стремится воспринять этот материал как идиллию. Показывая, как жизнь в социалистическом государстве естественно приводит народы к братскому сотрудничеству, он вместе с тем не обходит того факта, что люди изменяются под влиянием нового не в одно и то же время и не одной и той же мерой. По-разному и в разной степени преодолевают они национальные, религиозные, бытовые предрассудки. Дело не только в том, что строителям колхозной гидростанции приходится бороться с активными врагами Советской власти, вроде Казюка Клышевского и его пособников — семейства Гумовских. Дело в том, что и в сознании честных трудовых людей подчас обнаруживаются пережитки прошлого, сковывающие их, мешающие им радостно и свободно жить. Но все заметнее, все сильнее преодолеваются пережитки национальной розни: латыш Каспар Круминь, овдовев, снова находит счастье с веселой, энергичной литовской женщиной Восилене; начальник строительства белорус Алезь женится на литовке Анежке.

Но счастье Алеся и Анежки складывается не сразу, на пути к нему немало препятствий, — и больше всего их в душе самой Анежки. Девушка скромная, искренняя и трудолюбивая, она, всей душой полюбив Алеся, все же не сразу отделяется от

националистических предрассудков, с детства внушенных ей священником. Конечно, жизнь берет свое, трагедии в этих условиях произойти не может, но немало пришлось передумать Анежке, от многого привычного, уже устоявшегося пришлось ей отречься, когда она решилась связать свою судьбу, вопреки воле отца, не с литовцем, не с католиком, а с белорусом-безбожником.

Иначе, гораздо более трагично и тяжело, складывается судьба латышской девушки Ильзы, героини романа Анны Броделе «Кровью сердца». Такая же искренняя, чистая, трудолюбивая, как Анежка, Ильза, обманутая ухаживаниями и лживыми уверениями, отдала свою первую любовь злобному врагу трудовых людей, кулацкому сынку, бандиту Руди Стемпу. Руди красив, умен, энергичен, ему долго удается обманывать не только простодушную и неопытную Ильзу, но и большинство колхозников. Еще бы, ведь парень порвал с отцом, женился на работящей беднячке Ильзе, вошел в ее семью. Как же теперь выходит — жену принимать в колхоз, а мужа нет? И хоть многие сомневаются и колеблются, Руди Стемпа большинством голосов принимают в члены колхоза. И Руди удается убедить многих, что, поверив ему, они не ошиблись — он человек образованный, инициативный, умеет и хочет работать, высказывает дельные мысли, придерживается вполне передовых взглядов.

Но дела Руди Стемпа слишком откровенно пахнут кровью. В ту ночь, когда он решительно и настойчиво заявил Ильзе, что жить без нее не может, что порвал с отцом и сейчас просто не уйдет из ее дома, некуда ему отсюда идти, — в эту ночь Ильза недаром слышала выстрел. Наутро в придорожной канаве нашли убитого парторга. И рядом с трупом лежала угрожающая записка: «Такая участь ожидает всех красных псов, которые хотят превратить Латвию в коммуно!» Идет ожесточенная классовая борьба, и никому не удастся стать в стороне от этой борьбы. Не удается это и Ильзе — пассивной и отсталой, при всей ее честности и трудолюбии. Ее мечты о тихом семейном рае разлетаются прахом под жестокими ударами действительности; вместо лица любимого она видит рядом с собой хищно оскалившуюся голову волка, готового кинуться на всех, кто ей дорог. Теперь Руди со своими пособниками замышляют убрать с дороги но-

вого парторга — Марту, замечательную, добрую, живую женщину, к которой Ильза уже успела привязаться.

Первое чувство, которое охватывает Ильзу при этом открытии, — ужас и стыд: «Я погибла. У меня нет выхода!». Я спала в одной постели с убийцей... Я с головы до ног облипла грязью, я противная... Я никогда не смогу смотреть кому-нибудь в глаза...» Но, задыхаясь от стыда и отчаяния, Ильза все же почти инстинктивно, не рассуждая, бежит предупредить Марту об опасности. Пусть ей, Ильзе, нет больше места среди людей — нового убийства она не допустит. И уже в этом, почти импульсивном поступке сказываются честность и душевная сила, присущие Ильзе. Эта молоденькая женщина, чья жизнь в самом начале была так грубо, безжалостно исковеркана, затоптана в грязь сапогами бандитов, найдет в себе силы с помощью старших, более опытных друзей преодолеть боль, стыд, растерянность, начать жить заново, по-настоящему трудиться и — кто знает! — может быть, впоследствии найти новое, настоящее, не обманное счастье.

Конечно, пассивная и тихая Ильза при всех ее хороших качествах, все же очень отстала в своем общественном развитии от таких людей, как Даша, Манана, Сережа Сугробин или Таир Байрамлы. Разумеется, и перед ней открыты дороги к завтрашнему ясному расцвету. Но пока она с трудом, в кровь разрывая сердце, тянется от мрачного жестокого прошлого к людям, жизнь и работа которых определяют собой будущее. В романе А. Броделе такой человек — прежде всего Марта Дока, парторг, потом председатель колхоза — боевая, веселая, горячо любящая людей и умеющая находить пути к их сердцу, что она блестяще доказала в истории с Ильзой. И хотя образ Марты очерчен несколько бегло, эскизно, все же эта живая и деятельная женщина предстает перед читателем как настоящий посланец партии, и недаром бандиты считают ее опасной: она работает с увлечением, отдавая людям всю свою душу и добываясь от них того всю огня живой любви.

Не так трагично, без выстрелов и смертей, идет борьба людей, воспитанных социализмом, против послышней старого, собственного мира в повести молодого удмуртского прозаика Геннадия Красильникова «Старый дом». Повесть эта интересна не только потому, что удмуртская

проза пока очень небогата произведениями, и не только потому, что для самого Геннадия Красильникова «Старый дом» — это очень удачный дебют в литературе. Нет, это вещь, интересная сама по себе, без всяких скидок на молодость национальной прозы и на молодость автора; четко сделанная, с ярко выраженным национальным колоритом, она привлекает не новыми по общей сути, но заново и оригинально разработанными характеристиками и конфликтами. Конечно, старики Кабышевы с их замкнутым, нелепо скопидомским бытом напоминают Ряшкиных из повести В. Тендрякова; однако удмурты Кабышевы существуют сами по себе, независимо от своих русских собратьев по духу, и характеры у них иные, и взаимоотношения строятся несколько иначе, чем в семье Ряшкиных.

Не любовь уводит из семьи медлительного, неповоротливого Олександра Кабышева; медленно, исподволь, шаг за шагом, в общении с товарищами находит свой путь этот паренек, основательно искалеченный домашним воспитанием. Он вырос в этом старом доме с его давящей, безжизненной атмосферой, в доме, где вещи не служат людям, а стали их хозяевами. Пол, по которому нельзя ходить; одежда, которую нельзя надевать; полный достаток — и скудная однообразная еда, унылая жизнь. Красильников изображает этот мелкобуржуазный мирок без всякой иронии; скорее горечью и болью окрашено его простое и точное повествование; однако «домашнее счастье» семьи Кабышевых — это, в сущности, злейшая карикатура на мешанское представление о радостях собственного бытия, она обнажает всю бессмыслицу этой жизни, лишенной света любви и радости, этого человеконенавистнического прозябания в «своем» доме. Это «мирное житие» погубило, иссушило душу Макара Кабышева, труженика, попавшего в цепкие лапы кулацкой паутины Зои; бессмысленно прошла его жизнь, и перед такой же бессмысленной гибелью ему нечего было даже вспомнить: оставалась лишь горечь, пустота и тупая тоска. Такая же участь ждала Олександра; но ему удалось глотнуть вольного воздуха, удалось почувствовать счастье общего труда, счастье дружбы — и с этого началось медленное его выздоровление, трудный, постепенный отход от «старого дома».

В повести Красильникова есть привлекающие, живые образы советской молоде-

жи — тех людей, чье влияние с каждым днем все сильнее сказывается на раздумьях и поступках Олександра Кабышева. Однако и трактористы Сабит и Андрей, и молодой агроном Галя все же заметно уступают по выразительности и драматическому напряжению образу самого Олександра, этого пробуждающегося богатыря, только начавшего расправлять свои могучие плечи.

В новой повести эстонского писателя Ганса Леберехта «Под одной крышей» соотношение образов иное. Здесь тоже очень важное место занимает образ «трудного» человека Мари Пыдер (хоть это человек совсем иного порядка, чем Олександр). Но не менее пластичен и выразителен в этой книге образ нового председателя колхоза Петера Арро, сменяющего Мари Пыдер.

Новая повесть Леберехта интересна и как еще одно доказательство того, как под пером опытного мастера, внимательно наблюдающего жизнь, ситуации и конфликты, ставшие уже привычными, вдруг обретают новые краски, и мы с подлинным интересом следим за жизнью людей, совершенно не думая о том, что такого рода события описаны уже во многих книгах: здесь они звучат по-иному.

Да, конечно, много книг написано о том, как в развалившийся колхоз (или на плохо работающий завод) приезжает новый человек, начинает все перестраивать и вскоре добивается успехов. В первые послевоенные годы таким героем обычно становились фронтовики, вернувшийся в родные места; позже это была молодежь, получившая специальное образование и смело спорящая с рутинерами. Что ж, все это ведь было не только в книгах, но и в жизни. Немало было написано и о том, что передовой муж уезжает из города работать в колхоз, и это приводит к разрыву с отсталой женой. Но ведь дело, как известно, часто не столько в том, какова общая основа конфликта, сколько в том, какое художественное воплощение он находит, какими изобразительными средствами он разрешается. А с этой точки зрения в повести Г. Леберехта немало интересно, просто по-человечески привлекательного.

Да, Мари Пыдер не справляется с работой, а у ее преемника, Петера Арро, дело сразу идет заметно лучше; и, конечно, районные власти правы, когда принимают решение рекомендовать нового председателя

колхоза взамен Пыдер: ведь ее уже предупреджали о том, что работой ее недовольны. Но не с легким сердцем решаются работники района на этот шаг. Мари Пыдер — не лодырь; это очень энергичный, инициативный работник, ее колхоз все время то по одним, то по другим показателям числится среди передовых, да и трудодни там оплачиваются не ниже, чем в лучших колхозах района. И все же каждому видно, что колхоз разваливается, что еще год — и наступит полный крах. Что же, Мари Пыдер — сознательный очковтираль, а может быть, и вредитель? Нет, это преданная коммунистка, в 1946 году она, не щадя жизни, участвовала в облавах на банды «лесных братьев», а муж ее погиб на фронте. Ее колхоз организовался одним из первых в районе, Мари Пыдер шесть лет председательствует. Она не отсталый человек, нет, — она училась, окончила школу колхозных председателей. И вдруг привозят какого-то городского мальчишку, заносчивого и неопытного, и она, Мари Пыдер, должна отдать ему свой колхоз! «Шесть лет моталась она на лошадях, потом на машине из колхоза в район, сделалась в нем своим человеком и вдруг не годится больше, ее выбрасывают, как старый башмак... «Да, дела шли не очень хорошо! — хотелось крикнуть Мари. — Но разве я шесть лет не тянула воз, как лошадь, разве я пьянствовала или воровала? Разве я не старалась выполнять все, что предписывал район? За что же меня хвалили? Давайте же разберемся, товарищи!..» Но недаром на бюро райкома, где слушали ее отчет, кто-то невесело пошутил: «Товарищ Пыдер надо бы в пример другим председателям поставить, только вот годовой баланс против нее...»

Судьба Мари Пыдер очень поучительна. Пожалуй, можно в ее облике найти некоторые общие черты с Вальганом. Конечно, Мари далеко не так сильна, умна, удачлива, как Вальган, но в районном масштабе и она фигура. А честолюбия у нее хватает, хоть отбавляй, и говорить она умеет складно, красиво, по-своему не хуже Вальгана. «Как только почувствует себя в центре внимания, зажигается», — говорит о ней бригадир Райд. Он же рассказывает и о том, какими методами Мари Пыдер поддерживала за последние годы свою славу: «Что ни кампания в районе, она всегда впереди... Скажем, выдумал район сажать сахарную свеклу — Пыдер, конечно, впер-

ди; посадила столько-то гектаров. Газеты хвалят, по радио ее имя называют. Ну, а потом из затен со свеклой ничего не вышло: нерентабельна у нас, да и сахарозавода поблизости нет. Что же в итоге? Слава осталась за Мари Пыдер, а убыток за колхозом. Приходит следующая весна; в районе снова ставят Пыдер в пример: решила осушить болото в пятьдесят гектаров. Ну, хорошо, пригоняют машины, они делают свое дело, а массив так и лежит неиспользованный; с трудом другие-то, прежние пахоты обрабатывали и засеяли. До массива руки не дошли. А ведь машинно-мелиоративной станции нужно платить, правда? Опять слава достается Мари Пыдер, а убыток — колхозу. Можно перечислять без конца. Какие бы, случилось, нереальные планы ни спускал район, уж Мари Пыдер, не посоветовавшись с правлением, спешит пробиться в первые ряды...» И щедрые трудодни в разваливающемся колхозе — это только подачки, которыми Мари Пыдер старается уgomонить недовольных, подачки, унижающие и развращающие людей, заглушающие в них чувство ответственности за судьбу колхоза. Нет, Мари Пыдер — это не наивный Закро из романа Донжашвили, у которого попросту закружилась голова от неумеренной лестии; она гораздо сложнее, труднее своего грузинского «товарища по несчастью», но зато она и умнее и опытнее, чем Закро. В ее падении, как и в ошибках Закро, вероятно, виноваты и работники района, кое в чем неверно ориентировавшие ее, проглядевшие ее недостатки, пока они не выросли в прямую угрозу судьбе колхоза. Но на отчаянные вопросы Мари, в чем ее вина, — ведь она выполняла все, что требовал прежний секретарь райкома Вассар, — новый секретарь Сеппель отвечает тоже правильно: «По-твоему, виноват Вассар?.. Плохо тобой руководил? Ну, знаешь, Вассар не бог, а человек... мог ошибиться. И, кроме твоего колхоза, были у него и другие. И среди этих других многие вышли в передовые. Выходит, твоя логика хромает».

Но Мари Пыдер не становится легче от ясной, трезвой и холодноватой логики Сеппеля. Больше помогает ей тот же Вассар. Он продолжает верить в Мари, несмотря на все ее просчеты и неудачи, и он предлагает ей трудный, но почетный путь реабилитации: стать председателем в отстающем колхозе и вытянуть его. Конечно, так и хочется возразить Вассару, что это порочная

практика: человек развалил один колхоз, как же можно давать ему теперь другой, почему именно Мари нужно доверять такое трудное и ответственное дело... Но старый коммунист Вассар — сердцевед, как всякий настоящий руководитель. Он видит, что делается с Мари, как глубоко она переживает свой позор, и не может бросить ее на произвол судьбы. И, пожалуй, он прав: уже то, что Мари так долго раздумывает, принимать ли ей колхоз, чуть совсем не отказывается от этого почетного выхода из своего трудного положения, — уже это говорит о том, что Мари научилась более серьезно и ответственно думать о своих поступках, проверять их общественный смысл.

Надо сказать, что ее антипод, Петер Арро, — вовсе не образец всех на свете добродетелей. И если уж говорить о той цельности, которая сказывается в мыслях, чувствах и действиях Даши, Сережи, Мананы, Таира и других подобных им героев, то Петер Арро при всех его хороших качествах как будто не может, на первый взгляд, служить образцом поведения, по крайней мере в семейной жизни. Он не очень-то чутко относится к жене; при всей любви к ней и к детям он не слишком старается обеспечить, так сказать, минимально приемлемые условия, для того чтобы Лайне, оторванная от привычной работы, привычной среды, принужденная жить на хуторе и превратиться в домашнюю работницу, не чувствовала себя при этом слишком несчастной. На ее жалобы Петер отвечает шутками или раздраженным непониманием. В конце концов дело доходит до разрыва — и, видимо, окончательного: Лайне, вероятно, вскоре заберет в город и старшего сына, а в деревню никогда больше не вернется, хоть продолжает восторгаться Петером, его энергией и добротой.

Но Петер и в самом деле очень деловой, простой и душевный парень. Он сам вызвался поехать в деревню, даже настоял на этом, не посоветовавшись с женой. Он родился и рос в деревне и, попав однажды снова на вольный воздух, поработав месяц в подшефной мастерской МТС, просто не мог дальше оставаться в городе. «Понимаешь, у меня просто не было времени посоветоваться с тобой», — виновато говорит он жене. Но Лайне его понимает: «Он так увлекательно расписывал все прелести жизни в деревне, так загорелся этим,

что ей и в голову не пришло отговаривать его. Она понимала: для него — двадцатисемилетнего молодого человека, рядового токаря, — занять место председателя большого колхоза — крупный и смелый шаг в жизни. В своих мечтах она уже видела мужа человеком, которого все уважают и ценят в районе».

Впрочем, вовсе не честолюбие — главный двигатель поступков Петра Арро. Он прежде всего труженик, простой рабочий парень, в избытке наделенный молодой энергией, интересом к людям, хорошей трудовой сметкой. Он работает с азартом, целиком отдаваясь делу, и радуется своим делам, радуется жизни, природе, детям, жене. Он ничуть не аскет и не сухарь, он гораздо больше, чем властная Мари Пыдер, ценит простые радости жизни, и работает во имя того, чтоб людям вокруг него были доступны эти радости. Он любит людей и всегда вспомнит про то, что обещал, например, дать дранку на крышу старухе Кай, или смонтировать радиоприемник для девушки-счетовода Вайке, или добыть для колхоза пилораму. Не успев появиться в колхозе, он сразу начинает ремонтировать давным-давно стоящий на покое старенький грузовичок: ему жаль машину — пропадает без дела. «Ты кто: новый шофер или слесарь?» — спрашивают его. «Могу и шофером и слесарем», — весело отвечает он, лежа под машиной.

Да, у него золотые рабочие руки и неумная энергия. Но ведь эти качества есть и у Мари Пыдер. А у Петра к этому органически присоединяется именно то доброе, заботливое отношение к людям, которое давно порастеряла Мари Пыдер и которое ей заново придется воспитывать в себе. «А знаешь, чем ты их взял?.. Рабочих... — говорит в романе Г. Николаевой Вальган Бахиреву в прощальной ночной беседе. — На рабочем месте постоял. Внушил, что они и есть соль земли. Хозяева! Что ты без них никуда».

В сущности, в этом же подходе к людям и кроется «секрет» Петра Арро. Только он моложе, проще, мягче, чем Бахирев, и у него, даже на время, не возникает чувства горького отчуждения от людей, одиночества, которое с таким трудом преодолевает в начале своей деятельности на заводе Бахирев. Для Петра Арро важнее всего, что его полюбили простые люди, что даже кузнец Ягуп, вначале казавшийся таким бесхребетным, всей душой потянулся к но-

вому председателю. Без людей, без их крепких надежных рук нет колхоза, и Петер это не то что просто понимает разумом, — он почти инстинктивно, органически исходит из этого в своих действиях. Тут сказываются и рабочая закалка и действенная, активная вера в народ, присущая истинному коммунисту. Таков Петер Арро — один из десятков и сотен тысяч наших современников, строящих своим трудом коммунизм, — и именно в этом сила его и ему подобных.

Разлад в семье Петра возник ведь тоже не потому, что он был равнодушен к трудностям, вставшим перед городской жительницей Лайне, или всерьез считал, что долг жены — обслуживать занятого мужа. По молодости и неопытности он принял согласие Лайне переехать в деревню как разрешение всех трудностей: они будут жить там вместе и делать общее дело. А того, что Лайне сразу же оказалась в стороне от общего дела, превратилась в няньку и стряпуху, преследуемую к тому же молчаливой ненавистью Мари Пыдер, живущей с семьей Арро под одной крышей, — этого он, занятый по горло делами, не успел толком понять и осознать до того, как произошла катастрофа.

Вспомним снова «Битву в пути». Даша сидит ночью рядом с Сережей Сугробиним на заснеженной скамейке под зимним ветром, слушает его горячие слова, смотрит на схемы резцов, которые он вычерчивает веткой на снегу. И она впервые по-настоящему понимает в эти минуты своего суженого. «Так вот ты какой будешь! — думала она. — Горячий. Нервный. Когда коснется до дела, обо всем будешь забывать». Она понимает, что не легкой будет ее жизнь с любимым. «Он будет любить Дашу и будет нежен, но часто станет и забывать о ней. Вот и сейчас ни разу не спросил, не застыли ли Дашины ноги под тонкой резиной, не продрогли ли плечи под жидким пальтишком. Не из эгоизма не спросил, а потому что голова перегружена. Он добрый и любит. Если б подумал о том, что она замерзла, свое бы пальто отдал, свои бы валенки скинул на снегу. Если б подумал!»

Даша не боится действительно неистового в своих исканиях Сережу Сугробина. Она равна ему — если не разумом, не полетом мысли, то сердцем и волей. Она сама выбирает себе тревожную судьбу. «И, уже не думая о своих озябших ногах, молча протянула руки, бережно застегнула ворот

Сережního пальто, закутала похудевшую шею». Этот естественный и вместе с тем почти символический жест уже определяет всю дальнейшую судьбу молодой четы. Рядом с беспокойным, горящим, как пламя, юношей, встала, как надежная опора, женщина-защитница, женщина-труженица и верная подруга. Мы уже достаточно знаем Дашу, чтоб понять: эта трудная задача будет ей по силам, она не сломается, не превратится в бессловесную тень мужа, но всегда поддержит и вдохновит его.

Мы не знаем, как выбирал себе подругу жизни Петер Арро. На первый взгляд, и он не ошибся в выборе: жизнерадостная, добрая, работающая Лайне вполне подходила ему в обычных условиях и мужественно старалась держаться в очень трудных для нее обстоятельствах. Но — не выдержала, уехала, сознавая, что дезертирует. Уехала, не обижаясь на Петера, но поняв, что он, с его жизнью, ей не по плечу, что она не будет с ним счастлива. Хотя, конечно, Петер по сравнению с тем же Сережей Сугробинным — человек куда более простой в общезитни, более спокойный, менее занятый своими мыслями. Но и Лайне — не Даша. Слишком откровенно, почти по-детски радуется она тому, что наконец вернулась в город, к привычному уюту, к «чистой» работе на телефонной станции, к завтракам в знакомом маленьком кафе. Все сразу отступило для нее куда-то далеко: и судьба детей и судьба любимого человека. Вот отойдут, побелеют руки, загрубевшие от бесконечной чистки картофеля и прочей грубой домашней работы, — и все станет чудесно. Не будем анализировать здесь недостатки Лайне — это иная тема. Такая, какова она есть, Лайне — это человек другого, не такого высокого полета, как простенькая стерженщица Даша. И Петеру

Арро, видимо, нужна была бы другая подруга...

Теми книгами, о которых шла речь в этой статье, конечно, никак не исчерпывается разработка образа положительного героя в нашей современной литературе. Можно было бы назвать еще не мало произведений, где намечены интересные характеры героев наших дней. Можно упомянуть хотя бы «Криницы» И. Шамякина и «За годом год» В. Карпова, вышедшие в Белоруссии, очень своеобразную документальную повесть эстонского писателя Эгона Раннета «Дорога сильных», и поэтическую «Весну Софиат» А. Шогенцукова — одно из немногочисленных пока произведений кабардинской прозы, и еще целый ряд произведений.

Но в задачу этой статьи не входил обзор произведений о современности. Речь тут шла о другом — о том, чтобы попробовать уловить в некоторых из этих произведений черты уже сложившегося в жизни облика человека эпохи социализма. Конечно, не во весь рост еще встал этот прекрасный облик в наших книгах, посвященных современности. Но некоторые важные черты его подмечены писателями различных народов нашей страны. Писателям нередко удается передать тот свет радостного вдохновения, то полнозвучие жизни, ту щедрость и богатство чувств, которые пленяют нас в характерах реальных героев нашего времени.

По свидетельствам современников изучают прошлые эпохи. Литература — одно из самых сильных и убедительных свидетельств об эпохе. И одной из главных задач советской литературы всегда было и будет создание образов своих современников, героев великих лет, тех, чья мысль и труд неустанно движут жизнь вперед, к коммунизму.

КНИЖНОЕ ОБОЗРЕНИЕ

СОДЕРЖАНИЕ

★

ЛИТЕРАТУРА И ИСКУССТВО

В. Коротеев. Счастье, добытое трудом. — **Л. Левицкий.** Страницы советской поэзии. — **Р. Мессер.** Сказание о народном герое. — **Л. Ерихонов.** «Дедушка» болгарской литературы. — **А. Таланов.** Улыбка до боли в щеках.

ПОЛИТИКА И НАУКА

Кандидат философских наук **В. Ливенцов.** В. И. Ленин об Украине. — Кандидат исторических наук **Ю. Шарапов.** Н. Крупская о библиотечном деле. — Кандидат исторических наук **Л. Зак.** Французский автор о русской революционерке. — **Ю. Анненнов.** Книга о великом единстве. — Кандидат исторических наук **М. Восленский.** Путь в Германию. — Кандидат биологических наук **И. Халифман.** Русский предшественник Дарвина.

Литература и искусство

Счастье, добытое трудом

Алексей Максимович Горький горячо агитировал писателей делать литературные записи рассказов «бывалых людей», людей большого жизненного опыта. Те немногие произведения в жанре литературной записи, что вышли в свет за последние годы, естественно, не одинаковы по своему содержанию и яркости, но одно несомненно: большинство из них привлекает читателя богатством и глубиной жизненных наблюдений.

К серии таких книг прибавилась еще одна: записки **И. Комзина** «Счастье строителя» (литературная запись **Михаила Шура**). Автор записок — начальник управления строительством Куйбышевской гидроэлектростанции. Он строил когда-то Магнитку, восстанавливал после войны Севастополь, Рижский порт. Записки его — не только художественная летопись великой волжской стройки, что длилась семь лет и завершилась замечательной трудовой победой. «Счастье строителя» — прежде всего достоверное повествование о людях социалистического общества, о наших современниках, об их успехах и ошибках, о дружбе строгой и верной.

И. Комзин. Счастье строителя. «Знамя» № 11. 1957.

Повествование **Комзина** увлекает с первых же страниц.

Ставрополь, где началась стройка, был в те дни передовой линией фронта, а за ним «жил, действовал, работал, думал, творил громадный тыл...» В проектных институтах и лабораториях Москвы, Ленинграда, Харькова, Урала тысячи умов и тысячи рук создавали смелые по своей новизне, неповторимые конструкции гидросооружений величайшей реки Европы, на заводах едва ли не всей страны ковалось механическое оснащение будущего гиганта. Говоря о технических новинках и находках на самой стройке, автор замечает, что они возникали не на пустом месте, они — плоды пятилеток, могучей индустрии страны.

О чем бы ни рассказывалось в записках — о сложной ли гидротехнической проблеме или об изменяющемся пейзаже, — главное для автора люди, строители. Здесь, на месте, нужно было создать громадный коллектив, подобрать людей, способных выполнить сложнейшую задачу. На ставропольскую почву обрушилась небывалая по масштабу корреспонденция — письма добровольцев, желавших участвовать в строительстве. «Люди, — рассказывает **И. Комзин**, — слетались на стройку отовсюду, и большей частью без всяких вызо-

вов, без выяснения условий, без переговоров о подъемных, об окладах и должностях. Приезжали, просили работы, да потрудней и поинтересней. Приезжали, как правило, из больших городов, где оставляли уютные квартиры, селились в хибарках, ходили в ужасную ставропольскую баню, столовались в чайной, но считали, что им повезло, что им привалила настоящая удача». Читаешь эти слова и с гордостью думаешь: вот какой он, наш советский человек!

Перед читателем записок Комзина проходит целая портретная галерея героев великой стройки на Волге.

Вот Павел Волков — «котлованный человек», удивительного, заразительного трудолюбия, всегда во власти изобретательских идей. Вот Олег Сомов, пришедший на стройку без профессии, но ставший электриком, а затем, после окончания вечернего института, инженером. В пургу, ночью, этот отчаянной души паренек лезет на 55-метровую высоту, чтобы наладить застрявшую тележку кабель-крана, подающую бетон.

Всего две странички написаны о Борисе Коваленко, но читатель уже может представить себе облик этого порывистого парня «с запалом», ловкача и хитреца. Он тщеславен, любит фотографироваться для газет и журналов. У него довольно короткая и не совсем безупречная трудовая биография, а на стройку он приехал с откровенной целью прославиться и с озорным намерением «обставить» знаменитых машинистов. Но при этом Коваленко работает на своем экскаваторе с артистическим проворством, всегда, постоянно что-то выдумывает, улучшает.

Главный землекоп стройки Карцев, старый инженер и старый коммунист, за свою жизнь перекопал, наверное, «Монбланы земли». На морях он прирожденный моряк, а на Волге стал заправским волгарем. Комсомолец Римма Кашникова — такая хрупкая, маленькая, что ее боязно было посылать в котлован: «одно крепкое ругательство, кажется, свалит ее с ног», — проявляет себя как человек с характером. Она строила стадион, затем становится проектировщиком и убеждается, что это живое, творческое, а не канцелярское дело.

Известный на всю страну экскаваторщик Василий Лямин, скромный инженер Инякин — изобретатель машины по разгрузке цемента, бригадир арматурщиков-сварщи-

ков Алексей Улесов, мастер «микрометаллургии», автор нескольких книжек по своей профессии, всегда подтянутый и ладный инженер Виталий Кан, активный упрямец, который настойчиво крушит, доказывает и добивается, — все эти люди — горячие энтузиасты, честные и преданные солдаты великой стройки.

И автор горячо любит их всех, вместе с ними он строит, вместе с ними переживает радости и неудачи.

И. Комзин рассказывает, как однажды пришли к нему «друзья-газетчики». «Я их спрашиваю: что же они, в самом деле, пишут и пишут корреспонденции из года в год и никак не размахнутся на роман, на повесть? Разве мало героев, разве мало сюжетов?

Один из газетчиков, бойкий и остроумный, — впрочем, никто из них за словом в карман не лезет, — объясняет мне так:

— Не получается романа, потому что нет конфликта.

— Это какой же такой конфликт, осмелюсь спросить, нужен вам?

— Видите ли, Иван Васильевич, самым лучшим конфликтом был бы конфликт с начальником строительства. Ну, а вы шесть лет работаете и ничего не случается с вами: голова цела, с работы не сняли, партийных выговоров нет, горькую не пьете.

— Типун вам на язык!

...Пусть не сетует на меня читатель за то, что в рассказе моем нет ни конфликтов с главным инженером, ни схваток с секретарем парткома, ни скандальных происшествий. Чего не было, того не было...»

Если бы записки Комзина не были достоверным повествованием, наверное, нашлись бы досужие критики, которые сразу бы выпалили: «Так в жизни не бывает!» Оказывается, бывает.

Но в записках Комзина есть конфликт. Это конфликт громадного многотысячного коллектива строителей с природой, со стихией.

Читаешь записки Комзина и понимаешь, какая это нелегкая должность — строить новое! Какой трудной была шестилетняя борьба со стихией! Не раз и у начальника стройки и у рядового строителя сердце наполнялось тревогой — и во время лютой зимней стужи, когда бетон замерзал в трубах, и весной, когда могучий паводок грозил разрушить намытую перемычку, и сухим знойным летом. В покорении Волги

у Жигулей было немало сложнейших технических проблем, с которыми дотоле не сталкивались самые знаменитые и зрелые гидростроители.

Автор нигде не выдвигает себя на первый план. Мало того, он не щадит себя, свое самолюбие, когда речь идет об ошибках. Со всеми подробностями рассказывает он, как его поправляли подчиненные, как поправлял его рабочий коллектив, как он научился прислушиваться к голосу рабочих, уважать критику.

На многих примерах И. Комзин раскрывает демократический характер взаимоотношений рабочих и руководителя. Вот он перед собранием шоферов держит речь о бесхозяйственном хранении ценных грузов. «Стою на трибуне и, насколько помню, доволен своей речью. Складно, громко, возвышенно... Но шоферы довольно холодно встретили мои пышные фразы. Иду с трибуны к столу президнума. И вдруг из зала раздается голос:

— А кто же все-таки плохо смотрел за этим?

С другого конца:

— Почему допустили такое безобразие?

Я сразу взмок. Иду обратно к трибуне, но уже не такой бодрой походкой...»

И когда начальник стройки признается, что и он виноват в этих упущениях, сразу же посыпались реплики, предложения, и уже не такие, чтобы уязвить, а чтобы помочь, выручить.

«Хозяйственники меня поймут, — замечает по этому поводу автор. — Очень тяжело стоять перед судом своих рабочих. Никакое единоначалие тебя тут не прикроет. Как бы ни были высоки твои права, они не выше нашей демократии. Следом за болью, которую причиняет критика, наступает большое чувство удовлетворения и по спокойном размышлении признаешь: ведь пошло на пользу».

Так предметно, на конкретных примерах раскрывает автор природу советской демократии.

Записки И. Комзина имеют еще одно достоинство. В них есть острота и страстность публициста, умеющего видеть широко, мыслить в пределах не только одной, хотя и самой крупной стройки, а в масштабе всей страны. Особенно примечательна в этом отношении глава «Благодатное лето».

В ней автор рассказывает, какое благотворное влияние оказала на хозяйство перестройка управления, произведенная летом

1957 года. Теперь уже не надо ездить за каждой мелочью в министерство и главки. Все стало возможно решить в местном совнархозе.

Внутренние перемены на стройке в одном коллективе неотделимы от большой реформы общегосударственного масштаба. Постепенно, не без нажима парткома и парторга, признается автор, он освободил подчиненных от мелкой опеки, поняв, что иначе работники будут расти пустоцветами, с вечным «совещательным» голосом. В результате теперь на совещании в директорском кабинете собираются уже не просто подчиненные, ждущие указаний, а разные товарищи по управлению стройкой, и обращаются они все больше не с вопросами, а с дополнениями, требованиями, возражениями и — что самое отрадное — с дельными и смелыми предложениями и встречными планами...

И вот уже досрочно пущена величайшая в мире гидроэлектростанция, гораздо более мощная, чем ДнепрогЭС!

Выросли, прошли свои университеты строители. Люди, исполнив свой долг у Жигулей, уже мечтают о новых гигантских стройках, одни видят по ночам «магнитные сны», другие мечтают строить чуть выше нынешнего гидроузла, на реке Усе, еще одну ГЭС, равную по мощности Куйбышевской.

Автор записок — человек, влюбленный в свою профессию. Четвертый десяток ездит Комзин со своими товарищами по всей стране, со стройки на стройку, каждые два-три года они меняют обжитое место на глушь, юг на север, запад на восток, мерзнут, иногда недоедают и чувствуют себя «счастливейшими на свете людьми». Все дело в том, как понимать счастье, говорит автор. Побывать в холодных котлованах с первыми строителями Магнитки — это счастье. А жить без тревог и волнений в тихом довольстве — жалкое прозябание.

«Счастье-то как раз в том, — пишет Комзин, — чтобы прийти в степь на пустынное поле, обосноваться в походном лагере, пивать чай у костра, а потом увидеть, как твоими руками и руками твоих друзей создан на радость тысячам и десяткам тысяч советских людей новый прекрасный город, город широких удобств и щедрого уюта для всех его обитателей... Это оно и есть, мое счастье, мое нелегкое, но зато настоящее счастье коммуниста».

В. КОРОТЕЕВ.

Страницы советской поэзии

Размышляя об истоках советской поэзии, ро годах ее роста и созревания, мы, естественно, обращаемся в первую очередь к Маяковскому и Демьяну Бедному, Блоку и Брюсову, Есенину и Багрицкому, — словом, к творчеству лучших советских поэтов, внесших наибольший вклад в развитие литературы. Гораздо реже мы вспоминаем об их соратниках, о тех, кто плечом к плечу с ними закладывал фундамент советской поэзии, кто принимал активное участие в создании художественной летописи Великого Октября.

В канун сорокалетия революции Гослитиздат выпустил небольшую книжку «Из поэзии 20-х годов», содержащую около ста стихотворений разных авторов.

Здесь представлены старейшие пролетарские поэты — Яков Бердников, Илья Садофьев, Егор Нечаев, Федор Шкулев, Павел Арский. Здесь мы находим первых советских крестьянских поэтов — Петра Орешина, Василия Наседкина и поэтов, если можно так выразиться, второго призыва — Григория Санникова, Николая Панова, Ивана Молчанова.

Иным из них порой не хватало мастерства, но их неокрепшими перьями водило чистое сердце, страстная убежденность, неистребимая вера в победу великого революционного дела.

В первые месяцы существования Республики Советов, когда страна была окружена кольцом врагов, когда кругом свирепствовали разруха и голод, Антон Пришелец писал:

Мы победим,—
 Ни капли колебаний!
 Мы победим,—
 Вся сила только в нас!
 Уже встает над мировым страданьем
 Великий день в предутреннем тумане.
 Его прихода —
 Близок, близок час!

Таким же оптимистическим пафосом, такой же горячей убежденностью в победе над всеми врагами, трудностями, лишениями, невзгодами проникнуты стихи Павла Арского, Василия Князева, Сергея Обradoвича.

В первые годы революции поэзия прежде всего утверждала общие задачи революции,

Из поэзии 20-х годов. Под редакцией А. Жарова. Составитель Н. Замотин. 296 стр. Гослитиздат. М. 1957.

ее великие цели, ее всемирный размах. Это часто приводило в стихах к риторике и декларативности, а иногда и к космизму, которые не были индивидуальными особенностями того или иного поэтического направления, а были в значительной мере присущи всей поэзии тех лет.

Но тогда, когда были отбиты яростные атаки врагов, когда были потушены очаги контрреволюции, когда социалистические преобразования стали реальным делом, поэзия все больше наполняется конкретным содержанием. Теперь поэты обращают свои взоры к скромным, внешне неприметным, но тем не менее значительным будням социалистической нови. Каждое изменение в городе и деревне, каждая победа на трудовом фронте привлекают теперь внимание поэтов.

О том, как рабочие, впервые в истории человечества ставшие хозяевами фабрик и заводов, обучаются сложному искусству управления производством, о трудностях и успехах на этом поприще писал молодой тогда поэт Николай Панов:

Пусть каждый, кто с историей знаком,
 Задержит мысль на той священной дате,
 Когда был создан первый фабзавком
 И первого завкома председатель!

О крестьянах, создающих на освобожденной земле новые формы общежития, об одном из первых совхозов писал Павел Радимов, радуясь тому,

...Что удался почин, и Ленина мечта
 Исполнилась и тут. Ведь литров всех
 не счастье,
 Какие развезут в далекие места.
 Успех в большом труде, как радостная
 весть
 По нашей родине пройдет из уст в уста.

Советским поэтам тех лет выпало счастье первым увидеть и рассказать о том, как меняется лицо страны, как растут города, осушаются болота, орошаются пустыни. Так, Г. Санников писал:

Там, где когда-то бесполезная,
 Бесплодная была земля,
 Машина поступью железною
 Открыла новые поля.
 И ныне там встают оазисы,
 И, славя первый водомет,
 Унылая пустыня Азии
 Сама себя не узнает.

Все главное, чем жили советские люди, чем жила страна в двадцатые годы, находило отклик в поэзии двадцатых годов.

Тесная связь со своим временем, идейное единство и общность цели не мешали творческой оригинальности, не приводили ни к однообразию, ни к нивелировке поэтических дарований. При всем желании невозможно спутать Василия Каменского с Александром Ширяевцем, Павла Дружинина с Дмитрием Семеновским, настолько у каждого из них своя характерная, хотя и порой еще не зрелая, поэтическая манера.

Несомненным достоинством сборника, выпущенного Гослитиздатом, является то, что в нем ожили стихи поэтов, по разным причинам выпавших из поля зрения читателей, например, П. Орешина, В. Кириллова, М. Герасимова.

В этом месте рецензенты обычно делают паузу и говорят традиционные слова: «отметив достоинства, нельзя не упомянуть и недостатков». Мы, к сожалению, вынуждены пойти по этой проторенной дорожке. И не потому, конечно, что нашему сердцу так уж мил примелькавшийся критический штамп, а потому, что в сборнике есть недостатки, и недостатки серьезные.

Самый большой из них — отсутствие единого, четкого и последовательно проведенного принципа отбора стихов и поэтов.

В самом деле, трудно понять, почему очень известный русский поэт Сергей Городецкий, без чьих стихов не обходилась почти ни одна антология поэзии двадцатого века, не представлен в сборнике.

Трудно понять, почему отсутствуют в книге имена А. Поморского или В. Александровского.

В сборнике нет ни одного произведения Г. Шенгели, из-под пера которого порой выходили хорошие стихи, как, например, стихотворение «Пять лет», опубликованное 7 ноября 1922 года в «Известиях». Несправедливо обойденным оказался и Сергей Третьяков.

Если же говорить об отдельных стихотворениях, то и они иногда отбирались случайно. В сборник, например, включено стихотворение Ивана Молчанова «Станция

Няндомы». А ведь в том же, 1928 году поэт создал более сильное стихотворение «Станция».

На все эти упреки составители могут возразить, что, как оговорено в предисловии, сборник не антологический. Такое возражение было бы мимо цели. Мы вовсе не ратуем за включение всех стихов, всех поэтов, печатавшихся в двадцатые годы. Речь идет о другом. О том, чтобы руководствоваться в отборе четкими и ясными принципами. И твердо их проводить.

В сборнике немало небрежностей. Под одними стихотворениями стоят даты их написания (а может быть, опубликования?). Под другими стихотворениями даты отсутствуют, под третьими они указаны ошибочно. Так, стихотворение Алексея Крайского «Декреты» датировано 1917 годом. Хотя в некоторых прижизненных сборниках поэта это стихотворение и помечено 1917 годом, оно на самом деле было написано позже и впервые опубликовано в журнале «Красная нива» за 1929 год. Составляя подобный сборник, недостаточно обращаться лишь к книгам поэтов. Необходимо «поднять» и периодику.

К сожалению, многие наши издания лишены самых элементарных примечаний. В больших сборниках, имеющих антологический характер, как «Сборник стихов» (1943), составленный В. Казиным и В. Перцовым, или «Русская советская поэзия» под редакцией А. Макарова, В. Перцова, С. Смирнова и С. Щипачева (1954), читатель не найдет не только никаких комментариев, но даже и основных биографических данных. Если читатель заинтересуется авторами стихов, представленными в рецензируемом сборнике, его любознательность останется неудовлетворенной. А ведь как просто было бы дать в конце книги хотя бы самые краткие сведения о жизни и творчестве представленных сорока двух поэтов!

И все же «Из поэзии 20-х годов», — книга интересная и полезная. Она вышла небольшим тиражом — двадцать пять тысяч экземпляров. Гослитиздату надо подумать о втором, дополненном и исправленном издании.

Л. ЛЕВИЦКИЙ.

Сказание о народном герое

В центре внимания белорусских прозаиков и поэтов, обращавшихся к прошлому своей родины, оказалась народная жизнь XVI века. Это обстоятельство не случайно. То было время, когда феодальный и католический гнет подвергал опасности уничтожения самую белорусскую нацию, опасности полного порабощения ее. Народ Белоруссии восставал против этого двойного закабаления, отстаивая свою политическую независимость и национальную самобытность. Это была пора пробуждения духовных сил народа, пора появления первых героев белорусской национальной культуры. Понятно, что именно эта эпоха надолго привлекла к себе творческое внимание писателей Белоруссии.

М. Садкович, автор большого романа «Георгий Скарина», герой которого — выдающийся деятель славянского Возрождения, ученый, переводчик, участник народного сопротивления угнетателям, в своей книге «Повесть о ясном Стахоре» вновь обратился к образам героев народной борьбы, участвующих в событиях, происходивших на рубеже XVI и XVII века.

В документах историков-летописцев, в королевских хрониках отмечены следы восстания 1606 года в Могилеве, превратившего город на четыре года в республику, руководимую Стахором Митковичем. Подвиги этого героя сохранены, по повести, в уцелевших обрывках более поздних записей монаха Иннокентия. Сама же повесть запечатлела юношеские годы Стахора, его боевое воспитание и духовное созревание в рядах восставшего народа. Это — преддверие будущих славных дел героя.

В то же время «Повесть о ясном Стахоре» — страница из истории страданий и подвигов белорусского народа. Она начинается в тот день, когда в замке надменного пана Ходкевича родилась благородная панночка, а у крепостной крестьянки Марии родился сын Стахор, которому уготована судьба холопа. И в тот же самый день в Москве у великого государя Ивана Четвертого и его жены Марии Нагой родился царевич Дмитрий. По-разному сложились эти начавшиеся в один день три человеческие судьбы.

Пути героев ведут нас в гущу сложных исторических событий. На маленького Стахора, мать которого была замучена паном, а отец, страшась расправы за свою месть погубителю жены, бежал с ребенком в Россию, в Углич, ложится мрачный ответ до сих пор полностью не разгаданной исторической тайны, связанной со смертью царевича Дмитрия.

На земли Белой Руси юный Стахор возвращается в ту пору, когда его народ в поисках воли уходит в леса и болота, чтобы спрятаться от шляхетского насилия. Рождается мечта о человеке «с русского боку», который поведет крестьян биться за волю. И беглец Савва, отец Стахора, решает, что судьба его — стать таким человеком...

Хороша сцена знакомства Саввы и Стахора со стариками нищими, тайно готовящими оружие для восстания. Полны драматизма картины осады замка Ходкевича, возглавленной народным героем Северином Наливайко, могилевского пожара, жестокой казни запорожских посланцев, схваченных королем Сигизмундом III, битвы под Белой Церковью, когда Савва и Наливайко выпускают на королевских жолнеров и гусар огромное стадо быков, обращая рыцарей в паническое бегство.

Заключительные главы повести посвящены трагической битве под Лубнами, где после семидневной кровавой сечи Наливайко и Савва решают отдаться в руки полякам — это цена спасения осажденного казачьего войска. Последний напутственный разговор Саввы с сыном, прощание с казаками, наказ жить в братстве — и вот на глазах Стахора связывают руки его отцу... Прорыв уцелевших казаков на волю, страшная казнь Наливайко и Саввы в Варшаве в чреве раскаленного медного быка, бегство Стахора в степь, его встреча с монахом Иннокентием заключают повесть.

Она воссоздает стиль легенды и обрамлена рассказом монаха-летописца о герое и днях его жизни. Было бы несправедливо упрекать автора «Повести о ясном Стахоре» в стилизации, ибо найденные М. Садковичем тон и речевые формы помогают

донести до читателя героику далекого прошлого, они прочно связаны с песнями, преданиями и сказаниями народа, с записями ранних летописцев — современников изображаемых событий. Книга написана со страстью, с любовью к нацио-

нально-героическим традициям белорусского народа. Она ждет своего продолжения — рассказа о днях расцвета деятельности ее героя, Стахора Митковича.

Р. МЕССЕР.

★

«Дедушка» болгарской литературы

Петко Славейков, видный болгарский педагог, публицист, этнограф, был прежде всего большим национальным поэтом, творчество которого открыло первые страницы новой болгарской литературы XIX века. Еще в порабощенной турками Болгарии, а затем в годы после Освобождения он в своем творчестве страстно отстаивал интересы народа и, хотя допускал при этом немало ошибок, за которые его справедливо критиковали представители революционного лагеря, был одним из тех, кто способствовал просвещению широких народных масс.

Десятки раз Славейкова заточали в тюрьмы; издаваемые им газеты и журналы закрывались; в огне пожаров погибали рукописи поэта и ученого, но все преследования, несчастья и материальные лишения не могли сломить его духа. Почти пятидесятилетняя деятельность поэта завоевала ему глубокую любовь и признательность родного народа, который зовет его почти трогательно-трогательным именем «Дядо» («Дедушка»).

Основатель Болгарской коммунистической партии Д. Благоев был в детстве учеником Славейкова и после его смерти писал: «Умер самый оригинальный и один из самых выдающихся болгарских деятелей, известный всем болгарам «дядо» Славейков... Он был наилучший знаток Болгарии, ее обычаев, ее языка, ее географии и нравственного склада болгарского народа».

О важной роли П. Р. Славейкова в истории общественной мысли и литературы писали и классик болгарской литературы Иван Вазов и многие другие исследователи. Все они, невзирая на различие в политических и эстетических взглядах, отмечали ту исключительную роль, которую

сыграла русская литература в формировании замечательного поэта. Специально этому важному и интересному вопросу посвящена и обстоятельная работа профессора С. Русакиева.

Автор этого исследования не пытается творческое формирование болгарского поэта объяснить, исходя лишь из фактов литературного порядка. Нет, он вскрывает основные начала — говорит о всей окружающей жизни. Это позволило ему убедительно представить духовное развитие крупного болгарского художника слова и раскрыть одну из важнейших глав в истории русско-болгарских литературных связей.

Славейков вступил на литературное поприще в 1843 году, когда болгарская поэзия делала только первые шаги. Ему предстояло решить многие вопросы, стоявшие перед болгарской литературой. Как справедливо указывает автор рецензируемой книги, два условия содействовали росту Славейкова как поэта: его активное участие в национально-освободительном движении болгарского народа и знакомство с русской литературой.

Русская литература явилась большой идейной и художественной школой для болгарского поэта, она помогла развернуться его творческой энергии, выразить стремление своего народа, она образовала его талант, его эстетический вкус. Если в начале своего творческого пути Славейков подражал греческой и турецкой сентиментально-эротической поэзии, то, работая над переводами Пушкина и Лермонтова, Некрасова и Шевченко, он создал лирические песни, в которых глубоко выразил свои душевные переживания. Переводы Славейкова из русской поэзии исчисляются десятками стихотворений. Он переводил на болгарский язык Крылова, Никитина, Кольцова, Плещеева, Батюшкова, Языкова. Болгария обязана ему и первым знакомством с творчеством Гоголя.

Симеон Русакиев. П. Р. Славейков и руската литература. Издание на Българската Академия на Науките. 273 стр. София. 1956. (Симеон Русакиев. П. Р. Славейков и руската литература. Издание Болгарската академия на наук. 273 стр. София. 1956).

В особую тетрадь Славейков любовно переписывал стихотворения Пушкина. Адресуясь к великому русскому поэту, Славейков писал:

Не бе ми брат,
По музе беше ми познат,
Но мил ми беше от брата по-много...

(Он не был мне братом, по музе лишь мы знакомы, но мне он милее брата).

Но влияние русской литературы на Славейкова не ограничивается поэзией. С. Русакиев указывает, что в формировании эстетических принципов поэта весьма существенную роль сыграла передовая русская критика. Славейков изучал взгляды Белинского и Чернышевского. «Их сочинения, — пишет автор книги, — привели его к представлению, что художественное творчество должно отражать глубоко и правдиво жизнь народа, что оно должно служить могучим оружием в освободительной борьбе».

В библиотеке Славейкова имелись не только книги, вышедшие в России, но и такие заграничные сборники, как «Потаенная русская литература в XIX веке», «Собрание свободных русских песен и стихотворений» и два тома сочинений Чернышевского, изданные в Женеве.

Пользуясь опытом русской художественной литературы, Славейков ввел в родную литературу разнообразные поэтические жанры — лирическую песню, оду, элегию, сатиру, бытовую и героическую поэму, басню. Но главное, что перенял Славейков от передового русского искусства, — это отражение в художественных произведениях

существенных, типичных явлений общественной жизни.

Говоря об отношении П. Р. Славейкова к России, нельзя не вспомнить его стихотворение, в котором он прославляет русский народ.

Кат Русия няма втора.
Тъй могъща на света.
Тя е нашата подпора,
Тя е нашата висота!
Руска сила, руска воля,
Руска кръв и руска пот,
Ще избавят от неволя
Наший падналий народ.

(Нет в мире второй такой могучей страны, как Россия; она наша опора, наша вершина! Русская сила, русская воля, русская кровь и русский пот избавят от неволи наш гибнущий народ).

К сожалению, последняя глава книги С. Русакиева, в которой подводятся итоги исследования, композиционно рыхла, выводы недостаточно аргументируются, многочисленные повторы отвлекают читателя. Есть недоработки и в других главах. Так, например, касаясь такого важного пункта в развитии поэта, как восприятие эстетических идей Белинского и Чернышевского, автор книги не привлекает к анализу статьи, рецензии и заметки Славейкова, которые весьма обстоятельно могли бы иллюстрировать эту мысль.

В целом же книга С. Русакиева — интересное и полезное исследование, раскрывающее одну из замечательных страниц в истории русско-болгарской дружбы.

Л. ЕРИХОНОВ.

г. Пенза.

★

Улыбка до боли в щеках

Прежде всего несколько слов об авторе. Уильям Сароян принадлежит к плеяде американских писателей, создавших наиболее значительные произведения в литературе США второй четверти двадцатого века. Имя Сарояна стоит в том же ряду, что и имена Хемингуэя, Стейнбека, Фолкнера, Колдуэлла.

Однако в отличие от писателей, названных выше, корни творчества Сарояна — не только в американской почве. Их питали и соки армянской земли — тот особый народный армянский юмор, в котором улыбка

так часто смягчала гримасу боли, причиненной народу драматическим ходом его истории, та склонность к философической притче, что так характерна для армянских народных сказок. Недаром одна из первых книг Сарояна называлась «Меня зовут Арам» и через семейные предания и рассказы уводила читателя ко второй родине автора.

Уильям Сароян родился в 1905 году в Калифорнии, в семье эмигрантов из Армении. Тринадцатилетним мальчиком начал он самостоятельную жизнь и, прежде чем стал профессиональным писателем, переменил много занятий: был рассыльным, батраком, конторщиком, почтальоном, сол-

У. Сароян. 60 миль в час. Рассказы. Перевод с английского Л. Шиффера. Редактор М. Лорие. 190 стр. Детгиз. М. 1958.

датом. Первый его рассказ, напечатанный в издававшемся в Америке армянском журнале, привлек внимание к автору, а вскоре маленькая повесть «Отважный юноша на летающей трапеции» принесла молодому писателю шумную славу.

Своей книге «48 рассказов», изданной в 1942 году, то есть во время второй мировой войны, Сароян предпослал следующее коротенькое авторское предисловие:

«Эта книга написана за и против:

Она — за безыменного человека, существующего во множестве, гонимого на смерть, запуганного, согнанного в толпы, униженного, дерущегося отчаянно, поневоле или равнодушно.

Она — против всех людей, которые умышленно или бессознательно, по своей вине или без вины, из благородных побуждений или по глупости, раскаиваясь или не раскаиваясь призывают к смертоубийству сегодняшний мир беспомощных человеческих созданий».

Эта краткая формула еще не позволяет нам вполне уяснить идейную позицию автора; его «за» и «против» не вызывают проникновения в существо совершающихся в мире трагических процессов истории. Но из этих скупых и взволнованных слов ясно по крайней мере одно: мир, ввергнутый в войну, Сароян разделил для себя надвое; он увидел людей угнетаемых, брошенных в битву помимо их воли, и поднял голос в их защиту, увидел поджигателей бойни и захотел отмежеваться от них.

Нельзя не отметить недостаточность и ограниченность такой позиции; однако при этом краткая декларация Сарояна, действительно вытекающая из всего его творчества, является свидетельством гуманистических устремлений писателя.

По-разному проявляется гуманизм художника. И высшей степенью его проявления является гуманизм воинствующий, открывающий людям перспективы исторического развития и пути действительной борьбы за торжество наивысшего гуманистического идеала, за создание справедливо устроенного коммунистического общества. Тщетно было бы искать у Сарояна проявления таких гуманистических черт, присущих творчеству Горького и позднего Роллана. Но и боль за трудную судьбу «маленького человека», живущего в обществе, устроенном несправедливо, стремление выразить свое сочувствие к нему хотя

бы доброй улыбкой — это тоже проявление гуманизма, и такое проявление присутствует едва ли не во всем, что написал Сароян. А написал он немало: перу его принадлежат шесть романов, двенадцать пьес, более полутора тысяч рассказов.

Из них на русский язык было до сих пор переведено весьма немного, и лишь теперь этот пробел несколько заполняется благодаря хорошей инициативе Детгиза, предлагающего вниманию нашего читателя сборник рассказов Сарояна.

Познакомимся с героями этих рассказов.

Вот один из них — мальчуган из бедной армянской семьи (он присутствует во всех рассказах сборника). Забавный, лукавый проказник, вечно попадающий в истории, он делится с нами своими первыми житейскими наблюдениями.

Жестокий мир окружает мальчика. Недаром один из героев рассказов восклицает: «Какой смысл жить, если все так гадко кругом и никто не знает, что делать?» Ему откликается другой голос: «Мир? Я знаю все о нашем земном мире. Злоба и скупость, ненависть и страх, порочность и гниль. Пусть так, но я его люблю, каков он есть». Мы можем понять и такую любовь, но мы знаем, как нелегка она и горька, и нас не обманывает улыбка, с которой и автор и его герои стремятся встретить любые невзгоды, которыми обитаемый ими капиталистический мир окружил человека.

Не правда ли, как весело настроены все одиннадцать членов семьи, о которой говорится в рассказе «Муравьи». Это удивительно веселые люди! Они сняли дом, но платить им за него нечем. Дела их идут из рук вон плохо, однако настроение всегда превосходное.

Старая бабушка подает всем пример жизнерадостности и умения довольствоваться самым малым. Большое семейство не умещается в арендованном доме, лишь некоторые обосновались в самом доме, другие — на воздухе, во дворе, а мой кузен Мерль поселился на крыше — оттуда, мол, гораздо лучше все видно».

И даже когда дом подвергается нашествию кусачих муравьев, никто в беззаботном семействе не унывает. Напротив, схватка с муравьями служит поводом для знакомства и затем счастливого брака кузины Вельмы с удалым морячком Джоном Тархилом. И с того дня «в нашем доме

стало подпрыгивать от муравьев уже не одиннадцать человек, а двенадцать».

Нет, не так она проста и беззаботна, эта улыбка.

Рассказ кончается так: «Поистине чудесные два месяца провели мы в новом доме: тут и муравьи, и пароход, на котором побывал Джон Тархил, и замужество Вельмы. Через два месяца у нас выключили воду, газ и свет, и неделю мы прожили без современных удобств, а через неделю явился квартирный агент и сказал, что мы должны уплатить за квартиру или выметаться на улицу».

У. Сароян отлично владеет диалогом с выразительным подтекстом. Диалог — основная форма его повествования. Очень характерен в этом смысле рассказ «Певчие пресвитерианской церкви», в котором ажурная легкость и непринужденность диалогов заставляют забыть, что перед нами литературное сочинение, а не стенографическая запись речи остроумного человека.

Трудно удержаться, чтобы хоть вкратце не передать сцену из этого рассказа, высмеивающего ханжество американцев. И тут повествование ведется от лица бойкого мальчугана. До тринадцати лет он не был крещен в церкви. Наконец, по настоянию священника, его крестили по католическому обряду. «Дело совершилось в субботу после полудня. Все заняло не больше пяти минут, и как я ни старался, а после крещения не чувствовал в себе никакой перемены», — говорит герой рассказа.

В жизни новообращенного католика все же происходит некоторое событие: старая дева мисс Балэйфол предложила ему и его юному приятелю Пандро петь в хоре пресвитерианской церкви.

«— У тебя на редкость христианский голос, — объяснила она. — Голос, в котором нуждается церковь. Ты в душе глубоко религиозен, хотя и не сознаешь этого. Я тебя очень прошу петь по воскресеньям для меня. Я буду тебе платить».

— Сколько? — спросил Пандро.

— Пятьдесят центов, — сказала мисс Балэйфол.

Ловкие ребята почуяли наживу и начали торговаться. Тогда старая ханжа пообещала доллар.

«— Накиньте до доллара с четвертью, — предложил Пандро».

— Доллар, и ни цента больше, — сказала леди.

— У него самый лучший голос во всем хоре, — сказал Пандро. — Один доллар? За такой замечательный голос дадут два в любой церкви».

— Я назвала свои условия, — сказала мисс Балэйфол.

— Есть и другие вероисповедания, — заметил Пандро.

Это вывело почтенную леди из себя.

— Его голос, — сказала она резко, — голос христианский и, более того, пресвитерианский».

— Баптисты были бы рады заполучить такой голос за два доллара, — сказал Пандро.

— Баптисты! — воскликнула мисс Балэйфол чуть ли не с презрением.

— Они ничем не хуже пресвитериан, — возразил Пандро.

— Один доллар, — сказала мисс Балэйфол. — Один доллар, и твоя фамилия в программе».

— Я не люблю петь, мисс Балэйфол, — сказала я.

— Нет, любишь, — возразила она. — Это тебе так только кажется, что не любишь. Если бы ты мог видеть свое лицо, когда поешь. Да ну, что там...

— У него голос ангельский, — сказал Пандро.

— Вот я тебе дам как следует, — сказал я Пандро по-армянски».

— Это не какой-нибудь там долларовый голосишко, — сказал Пандро.

— Ладно, ребята, — сказала мисс Балэйфол. — Доллар и пятнадцать центов, но не больше».

— Доллар с четвертью, — сказал Пандро, — или мы уходим к баптистам».

— Хорошо, — согласилась мисс Балэйфол. — Но я должна сказать, вы здорово торгуетесь».

В дальнейших перипетиях забавного торга все более выявляются ханжеская сущность старой девы, предприимчивость настойчивого Пандро и полное отвращение ко всякой религии его маленького приятеля. Весь рассказ пронизан юмором, рожденным не искусственными, надуманными ситуациями, а тонко подмеченными реальными явлениями жизни.

Герои У. Сарояна оптимистичны, и трудности жизни они пытаются встречать с улыбкой. Таков незадачливый фермер-мечтатель Мелик в рассказе «Гранатовая роща». Красота — вот к чему он стремится в своей жизни. «Он хотел бы сажать кра-

соту, как цветы, и любоваться ее ростом». Во имя увлекательной идеи Мелик насаждает гранаты в безводной пустыне. «Здесь,— говорит он,— в этом ужасном запустении, расцветет сад, прохладные ключи забьют из земли, и все творения красоты обретут бытие».

Ничего, что все насаждения Мелика погибают на бесплодной земле и сам фермер разоряется,— все же он сохраняет свою веру в красоту жизни.

Неизменно сохраняет улыбку и бедняк парикмахер, у дяди которого дрессированный тигр отгрыз голову (так своеобразно называется и рассказ). В грустных обстоятельствах своего существования стремятся быть веселыми и нищие герои рассказа «В горах мое сердце».

Однако совсем по-иному улыбается голодный мальчуган — продавец апельсинов, стоящий на улице («Апельсины»). Ему вовсе не до улыбки: он почти падает от

истощения. Но он пытается своей жалкой улыбкой завлечь покупателей. Люди, похвалившие его торговать, говорят: «Мы в Америке, а не где-нибудь». А в этой стране, чтобы не умереть с голоду, бедняк должен уметь угождать имеющим деньги.

...День кончался, становилось темно, а продавец апельсинов все еще не нашел покупателей. И ему представилось, «что для того он только и рожден, чтобы стоять здесь, на углу, до конца света, протягивать людям апельсины и улыбаться. Все так черно и пусто, а он стоит и улыбается им до боли в щеках и сердится на них за то, что они даже не улыбнутся в ответ...

Улыбка «до боли в щеках», улыбка, означающая уже не беззаботное приятие мира «таким, каков он есть», но превращающаяся в трагическую маску,— вот истинное лицо бедняка, героя многих рассказов Сарояна.

А. ТАЛАНОВ.

★

Политика и наука

В. И. Ленин об Украине

В сборник вошли произведения, письма, речи и другие документы В. И. Ленина об Украине за весь период его революционной деятельности. Аналогичные сборники ленинских произведений об Украине издавались и раньше. Однако первое издание (1924) включало лишь девятнадцать, а второе (1936)—восемьдесят два документа. Рецензируемый сборник является наиболее полным: в него вошли сто восемьдесят шесть документов, причем пятьдесят пять из них не были опубликованы ни в третьем, ни в четвертом изданиях Сочинений В. И. Ленина.

В произведениях и отрывках из произведений В. И. Ленина, представленных в сборнике, дается яркая характеристика экономической, политической и культурной жизни Украины, освещаются знаменательные факты освободительной борьбы украинских рабочих и крестьян против царизма и капитализма, за победу Октябрьской революции. Значительное место в сборнике занимают письма, телеграммы и записки Владимира Ильича, адресованные партийным и советским организациям Украины, от-

дельным руководящим деятелям Коммунистической партии и Советского правительства Украины.

Книгу открывает один из наиболее ранних трудов Ленина, дошедших до нас,— «Новые хозяйственные движения в крестьянской жизни». Статья эта написана весной 1893 года.

Опираясь на большой статистический материал, касающийся главным образом Таврической, Херсонской и Екатеринославской губерний, Ленин в своих произведениях показывает бурное развитие капитализма в России, а вместе с тем и на Украине, продолжающийся и усиливающийся процесс классового расслоения общества того времени.

По мере обострения классовой борьбы росла солидарность рабочих всей России, в том числе русских и украинских пролетариев, которые защищали свои интересы объединенными силами. Этому вопросу посвящен ряд трудов Ленина, опубликованных в сборнике. В предисловии к брошюре «Майские дни в Харькове» он пишет: «Харьковская маевка показывает, какой крупной политической демонстрацией способно стать празднование рабочего праздника и чего недостает нам для того, чтобы

В. И. Ленин про Україну. 732 стор. Державне видавництво політичної літератури УРСР. Київ. 1957.

это празднование действительно стало великой общерусской демонстрацией сознательного пролетариата».

В борьбе за создание единой революционной марксистской партии Владимир Ильич стремился к объединению украинских социал-демократов с РСДРП. В 1902 году в письме в редакцию газеты «Южный рабочий», издававшейся Екатеринославской нелегальной социал-демократической организацией, В. И. Ленин писал: «...Надо как можно скорее и немедленно нам объединиться в одну организацию общерусского характера, задающуюся целью подготовить идейное единство комитетов и практическое, организационное единство партии. Мы с своей стороны уже сделали довольно важные шаги в этом направлении... Если мы добьемся такой же полной солидарности и полного слияния с югом, то вопрос о фактическом объединении партии подвинется на $\frac{3}{4}$ к его осуществлению. Надо очень спешить с этим».

Возникновение боевой пролетарской партии способствовало еще большему сплочению рабочего класса Украины и России. Усилились связи украинских социал-демократических организаций с большевиками Москвы, Петербурга и других революционных центров российского пролетариата. В. И. Ленин проявил большую заботу об укреплении этих связей. В письмах Г. М. Кржижановскому и В. А. Носкову, Южному бюро Центрального Комитета, участникам конференции южных комитетов и Южному бюро, С. И. Гусеву, Одесскому комитету РСДРП, И. И. Шварцу он разоблачал подрывную деятельность меньшевиков, давал руководящие указания большевистским организациям Украины. Эти мудрые ленинские указания стали для украинских большевиков руководством к действию накануне и в годы первой русской революции, когда рука об руку с русским и другими народами нашей страны боролись против ненавистного царского режима и украинские трудящиеся.

В период 1907—1917 годов, готовя пролетариат к новым революционным битвам, Ленин уделяет огромное внимание разработке теоретической программы и политики партии по национальному вопросу. В ряде ленинских работ, включенных в сборник, дано глубокое научное обоснование программных требований партии о самоопределении наций вплоть до государственного отделения, о равноправии для всех наций,

об интернациональной солидарности трудящихся всех стран. В статье «О праве наций на самоопределение» Ленин писал: «Суждено ли, например, Украине составить самостоятельное государство, это зависит от 1000 факторов, неизвестных заранее. И, не пытаясь «гадать» попусту, мы твердо стоим на том, что несомненно: право Украины на такое государство. Мы уважаем это право, мы не поддерживаем привилегий великоросса над украинцами, мы воспитываем массы в духе признания этого права, в духе отрицания государственных привилегий какой бы то ни было нации».

В. И. Ленин был непримиримым врагом как великодержавного шовинизма, так и местного буржуазного национализма, являвшихся двумя сторонами одной и той же медали. Он заклеил позором национализм украинской буржуазии, которая пыталась расколоть единство трудящихся Украины и России. Призывным лозунгом прозвучали высказанные Лениным в 1913 году слова: «При едином действии пролетариев великорусских и украинских свободная Украина возможна, без такого единства о ней не может быть и речи». Эти слова свято хранит в своем сердце украинский народ.

Наиболее полно представлены в сборнике документы, характеризующие роль В. И. Ленина как руководителя и организатора трудящихся Украины в борьбе за Советскую власть. Ленин беспощадно разоблачил империалистическую, угнетательско-колониаторскую политику буржуазного Временного правительства, кадетов, меньшевиков и эсеров, которые, прикрываясь елейными фразами, грубо топтали законные права украинского народа, подверг уничтожающей критике «теорию» Пятакова, Бухарина и их сторонников, выступавших против лозунга Коммунистической партии о праве наций на самоопределение.

Центральный Комитет партии, Совет Народных Комиссаров РСФСР, возглавляемые Лениным, сорвали маску с буржуазно-националистической, петлюровско-винниченковской Центральной рады, которая в 1917 году обманным путем временно захватила в свои руки власть на Украине и пыталась разжечь братоубийственную войну между украинским и русским народами. 3 декабря 1917 года Совет Народных Комиссаров РСФСР по инициативе Ленина принял знаменитый «Манифест к украинскому народу»

с ультимативными требованиями к Центральной раде».

Ленин стоял у истоков создания Украинской Советской Социалистической Республики. Он организовал всестороннюю помощь — военную, хозяйственную, кадрами и всякую другую — русского и других братских народов украинскому народу. Ленинские письма и воззвания — «Все на борьбу с Деникиным», «Письмо к рабочим и крестьянам Украины по поводу побед над Деникиным» и ряд других — сыграли огромную роль в мобилизации трудящихся масс против контрреволюционных сил на Украине.

Государственное и хозяйственное строительство УССР всегда находилось в поле зрения Владимира Ильича. Еще в конце 1919 года, когда гражданская война была в полном разгаре, он разрабатывает «Проект резолюции ЦК РКП(б) о Советской власти на Украине», выступает по этому же вопросу на VIII Всероссийской партийной конференции. В этих и целом ряде других исторических для судеб украинского народа документах Ленин глубоко проанализировал конкретные условия, в которых тогда находилась Украина, дал характеристику особенностей и задач советского строительства в республике.

Многие письма, директивы, телеграммы, записки и другие документы В. И. Ленина периода гражданской войны, опубликованные в сборнике, посвящены положению дел на фронтах борьбы с белогвардейщиной и иностранными захватчиками на Украине. Значительное количество этих материалов

относится к Донбассу — одному из важнейших центров промышленности и революционного движения. «Абсолютно неизбежна гибель всей революции, — телеграфировал Ленин 29 мая 1919 года Совнаркому Украины, — без быстрой победы в Донбассе, для чего необходимо бросить рутину на Украине, работать революционно, поднять все и вся, следить лично за каждой воинской частью, за каждым шагом работы, все, все отложить в сторону, кроме Донбасса...»

После победоносного окончания гражданской войны по инициативе Ленина было организовано восстановление народного хозяйства Украинской республики, причем и в этот период предметом его особой заботы было возрождение Донбасса.

Теперь Советская Украина — могучая индустриально-колхозная республика с высококоразвитой промышленностью, с крупным механизированным сельским хозяйством. Она выросла в одно из наиболее мощных государств Европы. По целому ряду основных экономических показателей Украинская ССР далеко обогнала такие капиталистические страны, как Франция, Италия и другие.

Трудящиеся Советской Украины гордятся тем, что на знамени их республики красуется орден Ленина — знак признания больших заслуг украинского народа в государственном, хозяйственном и культурном строительстве.

Кандидат философских наук
В. ЛИВЕНЦОВ.

г. Киев.

★

Н. Крупская о библиотечном деле

Двадцать два года — с первых дней Октября и до самой смерти — Надежда Константиновна Крупская возглавляла советское библиотечное дело. Но еще в девяностых годах прошлого века юная учительница Надежда Крупская с книгой в руках пришла к питерским рабочим за Нарвской заставой.

Недавно вышел в свет сборник статей, докладов, выступлений Н. К. Крупской по библиотечным вопросам. В него включено 138 работ, некоторые из них публикуются

Н. К. Крупская. О библиотечном деле. Сборник. Издание Государственной ордена Ленина библиотеки СССР имени В. И. Ленина. 716 стр. М. 1957.

впервые, большинство же материалов, печатавшихся ранее, стало библиографической редкостью.

Правительственный комиссар по внешкольному образованию, председатель Главполитпросвета, заместитель наркома по просвещению... На всех этих постах Н. К. Крупская — организатор и руководитель советского библиотечного дела.

Один из основных разделов сборника посвящен теме, о которой Н. К. Крупская писала много и охотно и каждый раз с новым подъемом, — «Ленин и библиотеки». Хорошо известно, как умел и любил В. И. Ленин работать в библиотеках, как знал и ценил он библиографию. От первого

опыта по составлению списка книг для чтения в марксистском кружке Скляренко в Самаре до библиографии марксизма, приложенной к статье о К. Марксе в энциклопедическом словаре Гранат, Ленин все больше расширял круг своих обширных познаний по библиографии. Особым вниманием его пользовались печатные каталоги, списки книгоиздательства.

Н. К. Крупская настойчиво проводила и развивала ленинскую мысль о том, что в культурной революции библиотекам отводится одно из важнейших мест. Это, пишет она, «самый экономный, самый целесообразный способ приближения книги к массе. Библиотека — это коллективная форма пользования книгой. Вот почему, если мы понимаем, что стоим перед лицом культурной революции, мы должны сделать все возможное, чтобы поддержать коллективную форму пользования книгой».

В сборнике приводятся интересные данные о том огромном внимании, какое уделял советскому библиотечному делу Владимир Ильич. 17 июля 1918 года за подписью В. И. Ленина издается декрет Совнаркома «Об охране библиотек и книгохранилищ». В январе 1919 года Совет Народных Комиссаров, как отмечает Н. К. Крупская, «ставит на вид Наркомпросу недостаточность его забот о правильной постановке библиотечного дела, поручает Наркомпросу принять самые энергичные меры для централизации библиотечного дела России...» Ленин дает указание, как проводить соревнование работников библиотек, требует установления жесткого срока появления в библиотеках книжных новинок. В ноябре 1921 года в циркуляре ЦК партии подчеркивалась недопустимость введения платы за пользование библиотеками.

В результате этой повседневной ленинской заботы о библиотеках как важнейших очагах новой, социалистической культуры, советское библиотечное дело получило ясную перспективу развития, росло и крепло.

Материалы, помещенные в разделах «О библиотечном деле в первые годы Советской власти» и «Об участии масс в библиотечной работе», пронизаны убеждением Надежды Константиновны в необходимости все больше расширять круг читателей, прислушиваться к их голосу.

В двадцатых — тридцатых годах остро

ставился вопрос о популяризации библиотек, всемерной помощи им. Во многих статьях и речах Н. К. Крупской мы находим призыв: «Сделать пользование библиотекой, коллективное пользование книгой бытовым явлением — одна из чрезвычайно важных задач». В ее брошюре «В поход за библиотеку», напечатанной крупным шрифтом в расчете на только что овладевшего грамотой читателя, говорится, что надо, «чтобы библиотеку знали, как знают, где кооператив»; надо, чтобы создавались бригады библиотечных помощников.

Как порадовалась бы Надежда Константиновна сейчас, увидев завершение строительства библиотечного дворца — новых зданий Государственной библиотеки СССР имени В. И. Ленина, просторных помещений массовых библиотек в городах и селах всей нашей страны! Как горячо откликнулась бы она сегодня на почин комсомольцев московского завода имени Владимира Ильича, вызвавшихся распространить к сорокалетию Ленинского комсомола десять тысяч экземпляров книг на своем заводе, создать личные библиотеки у тех, у кого их нет, на инициативу сельских комсомольцев — довести книгу до каждой колхозной семьи!

«Объединить усилия по улучшению библиотек» — так называется статья Н. К. Крупской, в которой она всесторонне обосновывает и поныне актуальный вопрос о координации работы библиотек. В 1934 году было решено создать советы по библиотечному делу при наркомпросах союзных республик, и Крупская подробно останавливается на их задачах. Идея эта не устарела и в наши дни. В самом деле, библиотечное дело за эти двадцать с лишним лет приобрело у нас необыкновенный размах. В СССР насчитывается четыреста тысяч библиотек самых различных систем. Руководят ими Министерство культуры, ВЦСПС, Академия наук, Министерство просвещения, Министерство высшего образования и другие организации. Координация же работы в этой области в масштабах всей страны осуществляется слабо. Настало время подумать о создании единого государственного центра по руководству библиотечным делом, который должен планировать и контролировать все наше библиотечное хозяйство.

В сборнике помещены интересные критико-библиографические работы Н. К. Круп-

ской, статьи и заметки о детской книге и работе детских библиотек. Впервые публикуется список книг о религии для политпросветработников, составленный Крупской в 1922 году в результате бесед с Владимиром Ильичем. Мало кто знает, что Ленин использовал подготовленные Надеждой Константиновной данные об иностранной антирелигиозной литературе в своей статье «О значении воинствующего материализма».

В 1930 году Н. К. Крупская была избрана почетным членом Академии наук СССР, в 1936 году ей была присвоена ученая степень доктора педагогических наук. Десятки лет занималась она библиотечным делом. И все же то там, то тут в ее работах встречаются такого рода оговорки: «а я не библиотечарь-специалист», «конечно, в специально библиографических вопросах я недостаточно осведомлена» и т. д. Хороший пример подлинно ленинской скромности!

Образ Надежды Константиновны Крупской близок всем советским людям. Ее умный, дельный совет, ласковое слово, приветливую улыбку помнит каждый, кто общался с нею, видел ее в работе, получал ее письма.

Особенно дорого имя Крупской нам, советским библиотечным работникам. И думается, что далеко не все сделано нашими

органами культуры, чтобы увековечить память этого замечательного человека.

В феврале будущего года исполнится 90 лет со дня рождения Н. К. Крупской. Уже сейчас следует подумать о том, как достойно отметить эту дату. Нужна популярно написанная биография Н. К. Крупской. Надо бы учредить медаль Н. К. Крупской и ежегодно награждать ею лучших из лучших бойцов культурно-просветительного фронта, энтузиастов своего дела.

Имя Н. К. Крупской ныне носят Ленинградский библиотечный институт и Дом народного творчества в Москве. Хочется высказать пожелание: присвоить имя Н. К. Крупской Государственной публичной исторической библиотеке РСФСР, которая была открыта двадцать лет назад, в декабре 1938 года, при ближайшем участии Надежды Константиновны.

Сборник трудов Н. К. Крупской «О библиотечном деле» — отличный подарок советским библиотечарям, всем, кто интересуется историей советской культуры. Выпустив его в свет, научно-методический кабинет библиотекосведения Государственной библиотеки СССР имени В. И. Ленина сделал полезное, доброе дело.

Кандидат исторических наук
Ю. ШАРАПОВ.

★

Французский автор о русской революционерке

В когорте славных борцов Великого Октября есть имена, еще мало освещенные в исторической и мемуарной литературе. Люди чистых и прекрасных помыслов, негибемого мужества, безграничной скромности, они вместе с Лениным боролись за революцию, не жалея своих сил для будущего счастья народов.

Такова Инеса Арманд, чья жизнь была отдана без остатка революционной борьбе.

Образ Инесы не случайно взволновал французского писателя-коммуниста, историка и поэта Жана Фревиля. И. Арманд родилась в полуфранцузской семье в Париже. Судьба приводила ее во Францию и в тяжелые годы эмиграции, когда она — активный член парижской группы большевиков — работала среди французских рабочих,

и в период первой мировой войны. После Октябрьской революции она также была тесно связана с передовыми силами французского революционного движения.

Работая над исследованием русско-французских революционных связей, Жан Фревилль задумал написать об участниках революции ряд монографий. Первая из них увидела свет в Париже в декабре минувшего года.

«Инеса Арманд, вы уже давно обратились в прах,— мысленно обращается автор к героине этой книги.— Но ваш пламенный образ ведет нас по пути братства, надежды и освобождения.

Пусть же эта маленькая книга, с благоговением посвященная памяти великой революционерки, послужит тому, чтобы увековечить ее и привлечь к ней новых друзей!»

Дочь парижских артистов, Инеса после смерти отца в раннем детстве уехала с тет-

J e a n F r é v i l l e. Inessa Armand — une grande figure de la Révolution russe. Paris. 1957. (Жан Фревилль. Инеса Арманд — видный деятель русской революции. Париж. 1957).

кой-учительницей в Россию, где выросла, вышла замуж за одного из сыновей московского фабриканта Арманда.

Глубокая искренность, честность и сердечность, стремление служить народу приводят ее к борьбе против социальной несправедливости.

Книга написана в своеобразном жанре художественной публицистики. Жан Фревилль пытается показать внутренний, духовный мир Инесы. Он подчеркивает влияние русской литературы на формирование ее характера: Некрасов, Достоевский, Толстой, Чернышевский помогали Инесе острее видеть окружающее, шире мыслить, делать точные выводы и обобщения. Позднее произведение этих писателей войдут в список обязательных для чтения книг, который она составит для своих детей.

Жизненный путь выдающейся русской революционерки описан автором в неразрывном единстве с историей нашей Коммунистической партии и международного революционного движения.

Вступив в 1904 году в ряды РСДРП(б), Инеса становится убежденным коммунистом-ленинцем. Она принимает видное участие в первой русской революции, трижды арестовывается царским правительством и в 1907 году высылается в далекий Мезень Архангельской губернии. Затем мы видим Инесу в числе большевиков эмигрантов в Брюсселе и Париже; она пополняет свое образование, изучает Маркса, активно работает под непосредственным руководством В. И. Ленина. Летом 1911 года в ленинской партийной школе в Лонжюмо, под Парижем, она читает лекции для товарищей, прибывших из России, преподает политическую экономию.

На протяжении всей эмиграции ее связывает с В. И. Лениным и Н. К. Крупской большая, сердечная дружба. «Мы виделись каждый день. Инеса стала близким нам человеком... светлело в доме, когда Инеса приходила»,—рассказывала в своих воспоминаниях Н. К. Крупская.

Главы, рассказывающие об участии И. Арманд в борьбе большевиков против войны, по праву можно считать лучшими в книге. В эту трудную пору, находясь в Швейцарии и во Франции, Инеса, как пишет Фревилль, «в течение 30 месяцев помогала Ленину... переводила его труды на французский, немецкий, английский языки, собирала для него документы и книги, сопровождала его во время международных конфе-

ренций, от его имени вела переговоры». Через нее были завязаны широкие международные связи, она вела переписку с Кларой Цеткин, с французскими, швейцарскими, английскими и голландскими социалистами. Инеса принимала горячее участие в международных совещаниях женщин и молодежи, в Циммервальдской и Кинтальской конференциях. На конкретных и живых примерах автор раскрывает значение деятельности Инесы в разоблачении оппортунистов, предавших дело интернационализма.

В книге приводятся письма И. Арманд В. И. Ленину и Н. К. Крупской, очень ярко передающие картины трудового Парижа в дни войны. Неузнаваема толпа парижан, прежде таких жизнерадостных и беспечных; женщины в трауре, скорбь в глазах людей. Общее горе до слез потрясло Инесу. В одном из писем Ленину она подробно описывает настроение рабочих парижских фабрик и заводов, их глубокое разочарование социалистами, вставшими на путь шовинизма. «Социалистов больше нет»,—с горечью говорят рабочие. «Мы должны в массы нести добрую весть, что социалисты есть, и мы можем это сделать, только порвав окончательно с шовинистами»,—писала Инеса.

Автор сумел показать направляющее влияние В. И. Ленина в формировании мировоззрения Инесы Арманд. Внимательно, дружески, без менторских поучений, направлял Владимир Ильич ее ошибки и заблуждения. Письма Ленина к И. Арманд—настоящая школа идейной и политической борьбы. Читатель книги Фревилля вместе с Инесой как бы получает ленинский урок интернационализма, прибывая к пониманию важнейших вопросов марксизма.

Страстная борьба Инесы против империалистической войны, за ленинские лозунги интернационализма дала свои плоды. Недаром Морис Торез отмечал недавно в своей статье, что эта трудная борьба лучших элементов французского революционного движения в тот период проходила при благотворном и активном влиянии Инесы Арманд (см. журнал «Вопросы истории КПСС», № 3, 1957).

В Россию Инеса Арманд вернулась в апреле 1917 года вместе с Лениным и Крупской. В книге рассказывается о том, как Инеса становится активным строителем новой жизни, с головой уходит в партийную работу. Она—первый председатель

Московского губернского совнархоза, член Московского губкома партии и Мосгорисполкома, организатор отдела работниц в ЦК партии.

В то же время И. Арманд выступает одним из инициаторов создания французской коммунистической группы в Москве. Вместе с Жанной Лябурб, Жаком Садулем она участвует в издании газеты «La III Internationale», выпускает листовки, воззвания к солдатам интервенционистских армий. В книге приведены тексты этих редких изданий, анализируются интересные статьи Инесы во французской газете. Фревилль привлекает свидетельства ветеранов французского революционного движения Марселя Кашена, Жака Садуля, воспоминания которых дают новые ценные штрихи к портрету И. Арманд. Во время Второго конгресса Коминтерна именно она приняла посланцев Франции в Советскую Россию, беседовала с ними, переводила их речи.

Кропотливо собраны автором выступления Инесы в газете «Правда», где она редактировала «Страничку работницы» в 1919 году. Участие в журнале «Жизнь работницы», редактирование журнала «Коммунистка», брошюры для женщин, написанные предельно просто, сердечно и понятно даже для «самых серых», по выражению Н. К. Крупской, женщин, подготовка и проведение первого Международного коммунистического женского конгресса в июле 1920 года — вот огромный, неоценимый вклад Инесы в освободительное движение женщин всего мира.

Постоянно напряженная работа подорвала ее здоровье. По настоянию товарищей Инеса поехала лечиться на Кавказ. Но гражданская война еще продолжалась, белогвардейцы угрожали Кисловодску. «Инеса настаивала, чтобы в первую очередь были отправлены больные, женщины, дети; она решила уходить последней», — пишет Фревилль. Во время эвакуации Инеса заразилась холерой и умерла в расцвете сил, сорока пяти лет.

Опираясь на воспоминания ее друзей и соратников, Жан Фревилль сумел воссоздать живой образ женщины выдающейся,

талантливой, цельного человека с нежной и любящей душой матери, стойкостью и волей революционера и великолепным пренебрежением к собственному благополучию.

Писатель завершает свою книгу проникновенными словами: «Инеса Арманд будет жить в веках, как воплощение интеллигента, пришедшего от буржуазии к рабочему классу, чтобы служить делу трудящихся до последнего своего дыхания, как образ подлинного интернационалиста, борца-марксиста, которая не отступала перед самыми большими трудностями, борясь на стороне Ленина, связав свою жизнь с жизнью партии, и которую социалистическая революция подняла на гребень своих самых высоких волн и поглотила в своем прибое».

В своих стихах, посвященных Инесе, Фревилль пишет:

Твой угасшие дни
Горят в памяти нашей.
Твои слова сверкают на нашем пути.
Мы зажигаем огни в твою честь!
Твое прошлое несет
наш завтрашний день!..

Книгу Жана Фревиля тепло встретила французская прогрессивная печать. Газета «Юманите» посвятила целую страницу новой книге, дав наиболее интересные выдержки из нее. «Инеса Арманд — большой деятель русской революции и международного рабочего движения, — пишет газета. — Однако еще сегодня она почти совершенно неизвестна во Франции. Но завтра уже так не будет. Новая книга Жана Фревиля, горячая, волнующая, документированная, положит конец этому несправедливому забвению». И газета заверяет, что отныне Инеса не сможет «умереть вторично».

Появление этой книги говорит о том, сколь плодотворна идея нарисовать литературные и документальные портреты видных революционеров, славных деятелей международного рабочего движения. Создать такие портреты — благородная задача прогрессивных литераторов мира.

Кандидат исторических наук
Л. ЗАК.

Книга о великом единстве

По пыльному украинскому шляху брел польский солдат без оружия. А в трех шагах за ним шел солдат-китаец с красноармейской звездой на фуражке, с винтовкой-трехлинейкой наперевес. И вдруг пленный спросил:

— Китаец, тебе какое дело за Россию воевать?

Конвоир ответил:

— Мое дело — за рабочих воевать. В России рабочие царя — долой, буржуев — долой, сами хозяева. Разве это плохо?

Пленный подумал и сказал:

— Хорошо.

— А если у вас так сделать, разве тебе плохо будет?

— Хорошо будет...

— И у нас, в Китае, без буржуев хорошо будет. Но я сейчас не в Китае, я в России. И я помогаю русским рабочим. Потом, может быть, они нам помогут...

Этот разговор не придуман писателем. Он действительно происходил летом 1920 года на советско-польском фронте. И вспоминает о нем тот самый китаец — бывший боец Красной Армии Чи Ян-чи, который преподавал пленному белополяку первый урок политграмоты. Где-то рядом с Чи Ян-чи сражались с интервентами польские революционные части: полк Красной Варшавы, Западная дивизия польских стрелков и другие. Десятки тысяч китайцев, венгров, поляков, чехов, румын, югославов, австрийцев защищали бок о бок с советскими воинами завоевания великого Октября.

С первых дней Октябрьской революции начали формироваться интернациональные красногвардейские части, вошедшие потом в состав Красной Армии. Сбывались пророческие слова Карла Маркса о боевом союзе пролетариев всех стран. «Человеческое братство в их устах,— писал Маркс,— не фраза, а истина, и с их за рубежом от труда лиц на нас сияет человеческое благородство». Это благородство сияло на лицах Олеко Дундича и Матэ Залки, Тойво Антикайнена и Ярослава Гашека, Джона Рида и Жанны Лябурб, на лицах других

иностранцев, для которых русская революция была их собственным кровным делом.

«Дело трудящихся всего мира» — так называется сборник, выпущенный недавно Госполитиздатом. Он составлен по материалам ряда центральных архивных организаций и музеев СССР.

Читатель найдет в нем только факты: документы, сообщения советских и зарубежных газет, краткие воспоминания, небольшие очерки, скупое и строго излагающие то, что произошло в действительности. Люди, события, даты. Но такова сила этих фактов, что они — не облеченные ни в какие художественные образы — захватывают читателя, действуют не только на его разум, но и на чувства, заставляют испытать высокое волнение, гордость за свою страну и ее друзей, скорбь о погибших героях. Документы сборника еще и еще раз подтверждают силу и жизненность пролетарского интернационализма.

Бельгийский металлист Фредерик Легран штурмовал Зимний. Болгарин Сотир Черкезов охранял Смольный, а в декабре 1917 года, выполняя поручение Ленина, принимал участие в организации первой воздушной эскадрильи Красной гвардии. Иосип Броз, ныне президент Федеративной Народной Республики Югославии, участвовал в установлении Советской власти в Сибири. Жак Садуль, офицер из состава французской военной миссии, отказался возвратиться на родину и вступил в Красную Армию...

Здесь нет возможности даже просто перечислить части и соединения интернационалистов, сражавшихся в России в годы гражданской войны против контрреволюции. Интернациональные дивизии и бригады в Иркутске, Красноярске, Черемховз, французская батарея в Тирасполе, китайский отряд в Казани, рота итальянцев под Царицыном...

О славных делах этих частей рассказано в главе «Они сражались за власть Советов». Мы прочтем в ней о немецком солдате Гуго Кальгове, расстрелянном колчаковцами, и об индийском офицере Муртузалли, который командовал подразделением партизан в Дагестане; о командире «Золотого поезда» Матэ Залке и о китайской роте Фан-ина, громившей в Заполярье английских интервентов.

Дело трудящихся всего мира. Факты, документы, очерки о братской помощи и солидарности трудящихся зарубежных стран с народами Советского Союза. Редактор-составитель М. А. Вистинецкий. 388 стр. Госполитиздат. М. 1957.

В книге приведено высказывание Уинстона Черчилля, который сетовал об упущенной возможности «задушить большевизм в колыбели». Но Черчилль напрасно упрекал мировой капитализм — интервенты сделали все, что было в их силах. Они не жалели ни крови, ни денег. И все-таки Красная Армия, руководимая Коммунистической партией, разбила их наголову. Провалу интервенции в значительной мере способствовала солидарность международного пролетариата с Советской Россией. Она нашла свое выражение в восстании французских моряков на Черном море, в братании американских солдат с русскими на Северном фронте, в бунте английских оккупационных войск в Кандалякше. Американский президент Вильсон, выступая в верховном совете Антанты в январе 1919 года, не зря беспокоился по поводу падения боеспособности английских и американских войск.

Английские газеты того времени буквально пестрят сообщениями о политических демонстрациях и забастовках. «Ставим ультиматум правительству,— писал Ллойд Джорджу союз моряков Глазго,— мир за границей или война здесь!» В Италии, Франции и Германии с угрожающей силой нарастало сопротивление простых людей политике интервенционистов. «Руки прочь от России!» — требовали рабочие Сизтла и Ванкувера, Кремоны и Генуи, Рошфора и Ла-Паллиса. Докеры и железнодорожники срывали транспортировку военных грузов для интервентов и белогвардейцев. Протесты против войны с русскими, сбросившими оковы царизма, звучали в цехах предприятий и в аудиториях университетов, на улицах и площадях, и даже на заседаниях парламентов. В защиту Советской России открыто выступили всемирно известные писатели Анатоль Франс, Бернард Шоу, Ромэн Роллан, Анри Барбюс.

В годы между первой и второй мировыми войнами международная пролетарская солидарность продолжала усиливаться и укрепляться. Документы, приведенные в сборнике, рассказывают о помощи зарубежных друзей Советскому Союзу в трудные годы восстановительного периода, об участии иностранных рабочих в строительстве промышленных сооружений первых пятилеток.

Нападение гитлеровской Германии на нашу страну вызвало возмущение трудя-

щихся всего мира, горячее желание помочь Советской Армии в ее героической борьбе с фашизмом. В первые же дни Великой Отечественной войны движение Сопротивления в странах, поработанных гитлеровцами, приобрело невиданный дотоле размах.

Заключительная глава книги повествует о партизанской борьбе народов Югославии, Чехословакии и Болгарии, о разложении румынской армии, об отказе венгерских солдат воевать против Советского Союза. В самой Германии, в глубоком подполье, коммунистические организации вступали в связь с узниками концлагерей и готовили восстания против фашистского режима.

На территории Советского Союза формировались добровольческие соединения чешских и польских патриотов. «За вашу и нашу свободу!» — было вышито на национальном знамени 1-й Польской дивизии имени Костюшко. Это знамя дивизия принесла на улицы Берлина.

Читатель с волнением прочтет страницы, где говорится о сборе средств в помощь СССР в странах Азии и Америки, о письме немецких коммунистов-подпольщиков, о французских летчиках из полка «Нормандия — Неман», сражавшихся на советско-германском фронте, об отважных действиях итальянских партизан, о героической смерти лейтенанта Рубена Ибаррури под Сталинградом и о многих других фактах.

Хочется отметить лаконичные, подымающиеся до подлинного романтизма, очерки Л. Бороздиной «Товарищ Тойво Антикайнен», М. Вистинецкого «Летописец и боец революции», А. Дунаевского и Г. Новогрудского «Красный Дундич», Ф. Комаровой «Миссия Марселя Кашена», Н. Проиной «Рубен Ибаррури, сын Испании».

В наши дни, когда Советский Союз стоит во главе могучего лагеря социализма, международная солидарность трудящихся сильна, как никогда. Прошедшее в ноябре 1957 года в Москве Совещание представителей коммунистических и рабочих партий социалистических стран отметило в своей декларации: «Рабочий класс, демократические силы, трудящиеся всех стран заинтересованы в том, чтобы неустанно укреплять братские связи в интересах общего дела, заинтересованы в защите от всяких происков врагов социализма исторических, политических и социальных завоеваний, осущес-

ственных в Советском Союзе — первой и самой мощной социалистической державе, Китайской Народной Республике, во всех социалистических государствах, в расширении и укреплении этих завоеваний».

Книга «Дело трудящихся всего мира» служит наглядным подтверждением того, как в боях и победах складывалось это великое единство.

Ю. АННЕНКОВ.

★

Путь в Германию

Книга эта — не дорожные заметки, хотя автор и ведет нас из одной страны в другую: из Германии в Англию, отсюда во Францию, в Польшу, США, Гаити, Доминиканскую республику, Швейцарию, Голландию, Италию... Путь, который проделал барон Вольфганг цу Путлиц, пролегал через бурную историю Германии после первой мировой войны. И многое должен был увидеть и осознать на этом пути представитель прусского юнкерского рода, более древнего, чем Гогенцоллерны, чтобы в январский день 1952 года переехать через Шпрее в демократический сектор Берлина и стать гражданином Германской Демократической Республики.

Едва вырвавшись из душной атмосферы патриархального отцовского поместья, молодой Путлиц сразу же соприкоснулся с неприглядным миром хозяев капиталистической Германии. Крупнейший немецкий монополист двадцатых годов Стиннес берет его в свое пароходство в Гамбурге. Циничная спекуляция на катастрофической инфляции в Германии, нажива на оккупации Рура французами и другие грязные махинации Стиннеса заставили Путлица переменить место службы. Он становится личным секретарем одного из руководителей Центрального союза немецкой электротехнической промышленности. «Здесь велась настоящая война в джунглях, — вспоминает Путлиц. — ...Железодельная промышленность боролась против обрабатывающей, крупная торговля — против сельского хозяйства, машиностроительные предприятия — против автомобильных концернов... Я не мог долго оставаться в этой компании, опустившейся до уровня хищных зверей... Единственным занятием, которое еще казалось мне приличным, была государственная служба, министерство иностранных дел».

Вольфганг Ганс цу Путлиц. По пути в Германию. Воспоминания бывшего дипломата. Перевод с немецкого. Редактор З. С. Шейнис. 366 стр. Издательство иностранной литературы. М. 1957.

Дипломатическая каста веймарской Германии всячески афишировала свою обособленность и мнимую самостоятельность, но на деле была тысячью нитей связана с монополистическим капиталом и послушно выполняла его волю.

Путлиц красочно описывает приход к власти гитлеровцев. В книге приведены эпизоды, показывающие, как нацисты ни перед чем не останавливались в проведении своей преступной политики. В период фашистской интервенции в Испании гитлеровцы, например, всячески пытались для обмана мировой общественности обвинить Советский Союз во вмешательстве в испанские дела. «Не раз Риббентроп попросту произвольно выдумывал данные о выгрузке в Испании советских войск и военных материалов, — вспоминает Путлиц. — Помню случай, когда он собирался «выгрузить» в Валенсии двадцать тысяч советских солдат. Осторожный Верман (гитлеровский посланник в Лондоне. — М. В.) заметил: «Это слишком много. Никто не поверит». В конце концов сошлись на двух тысячах, после чего был составлен пламенный протест».

С сарказмом рассказывает автор об одном из бесчисленных жульнических трюков геббельсовской пропаганды. На Женевской конференции по разоружению Геббельс, недовольный отсутствием интереса к нему со стороны представителей зарубежной прессы, решил состряпать кинофальшивку, инсценировав интервью, даваемое иностранным корреспондентам. Роль последних была поручена... Путлицу, который должен был задавать Геббельсу заранее подготовленные вопросы по-французски и по-английски. «На берлинских экранах, — пишет автор, — фильм демонстрировался под названием: «Мировая печать упорно добивается интервью у имперского министра д-ра Геббельса».

Чем ближе надвигается война, тем острее становится перед Путлицем вопрос: что делать, когда она вспыхнет?

«Ни при каких обстоятельствах я не буду воевать за эту грязную шайку и помогать ей губить родину», — решает он. Когда немецкие империалисты развязали вторую мировую войну, Путлиц тайно перелетает в Англию.

Ненавидящий фашистскую клику, он оказывается наконец на земле страны, ведущей войну против Гитлера. Но с первых же дней своего пребывания в Англии Путлиц убеждается, что ее правящие круги отнюдь не горят желанием уничтожить преступный фашистский режим и пресечь агрессию германского империализма. «Как жаль, что сумасшедший Гитлер ведет войну против нас, вместо того, чтобы немцы и англичане объединились», — сокрушаются господа в Лондоне. Они по-прежнему считают, что следовало заключить англо-германский империалистический союз против СССР. «Гитлер пропустил автобус», — открыто заявляет британский премьер Невилль Чемберлен, подразумевая упущенную нацистами возможность такого сговора.

Путлиц перебирается в США. Он знакомится здесь с американской «демократией». Известный реакционный журналист Дон Левин, прочитав отрывки из воспоминаний Путлица, предлагает ему «переделать книгу на американский лад». Смысл этой переделки, как оказывается, состоит в том, чтобы написать полностью вымышленную сенсационную историю. Статей Путлица о гитлеровской Германии, написанных не на «американский лад», не берет ни одна ньюйоркская газета. Ему приходится перебиваться случайными заработками.

После того как Гитлер объявил войну Соединенным Штатам, в Нью-Йорке под руководством миллиардера Нелсона Рокфеллера была создана радиостанция, вещавшая на Европу. Путлиц выступает несколько раз у микрофона этой радиостанции. Однако, пишет он, «мой голос исчез из эфира уже через несколько недель. Однажды мне коротко и ясно заявили, что я должен перейти в так называемый «Голос Америки» и говорить то, что мне там предпишут».

Война окончена. Нацистский рейх рухнул под ударами Советского Союза и других держав антигитлеровской коалиции. Путлиц с радостью возвращается на родину. Перед ним снова Германия, но теперь уже

Германия без Гитлера, Германия, освобожденная от ига фашизма.

Но вскоре Путлиц, оказавшийся в западной части страны, начинает убеждаться в том, что это отнюдь не та свободная, миролюбивая Германия, которой он грезил столько лет. Да, Гитлера нет. Да, нацистская партия распущена. Но повсюду на ответственных постах в Западной Германии Путлиц встречает активных деятелей гитлеровского режима, с которыми ему приходилось столько раз сталкиваться в недоброе старое время.

Бывшие уполномоченные гестапо при Риббентропе — Шульц и Миттельхауз — заняли важные посты в полиции британской зоны. Эсэсовец Хансен стал приближенным обер-бургомистра Дюссельдорфа, впоследствии боннского министра внутренних дел Лера. Советником премьер-министра Земли Ганновер сделался фон Кампе, бывший перед войной гитлеровским генеральным консулом в Париже. «В министерстве иностранных дел Третьей империи он слыл одним из наиболее преданных Гитлеру чиновников», — замечает автор. — ...В секретариате зонального совета сидел мой старый коллега Герберт Бланкенхорн... Он был верным слугой нацистского режима до самого конца». Добавим, что после создания ФРГ Бланкенхорн возглавил Центральное ведомство по иностранным делам, затем был назначен начальником важнейшего — политического — отдела боннского министерства иностранных дел, а теперь является постоянным дипломатическим представителем ФРГ в НАТО.

Путлица вызывают в качестве свидетеля на Нюрнбергский процесс военных преступников. Здесь в числе сотрудников американского обвинителя находится главный юрист гитлеровского министерства иностранных дел Гаусс. «Гаусс верно служил Риббентропу до самого конца. Попирая международное право, Третья империя использовала юридическое искусство Гаусса, чтобы облечь свои деяния в юридически «безукоризненные» формулировки и параграфы», говорится в книге.

Все эти энигоны Третьей империи, как их метко называет Путлиц, не просто отсиживаются на тепленьких местечках, а активно проводят свою линию, наступают, преследуют своих противников. «Из того, что я наблюдал, я должен, к сожалению, заключить, что политика западных союзников... на руку только нацистам», — вынуж-

ден констатировать Путлиц в беседе с французским верховным комиссаром в Германии Франсуа Понсе.

Глубоко разочарованный всем увиденным в Западной Германии, Путлиц снова уезжает за границу. Но любовь к родине, тревога за ее судьбы не позволяют ему оторваться от своей страны. Он много раз навещает Германию и все чаще бывает в демократическом секторе Берлина.

Мысль о том, что именно с этим миром должен связать свою судьбу каждый, кто

искренне стремится к лучшему будущему Германии, все больше овладевает Путлицем. Его мемуары заканчиваются описанием радостного дня: Путлиц получает паспорт гражданина Германской Демократической Республики. Прусский аристократ и бывший нацистский дипломат, преодолев тяжелый груз прошлого, сумел найти путь к своему народу.

Кандидат исторических наук
М. ВОСЛЕНСКИЙ.

★

Русский предшественник Дарвина

В апреле этого года исполняется сто лет со дня кончины выдающегося русского ученого-натуралиста Карла Францевича Рулье.

Рулье умер в возрасте сорока четырех лет. Многие важные работы его до сих пор не разысканы, но уже и сегодня есть основания считать, что этот, как писали о нем его современники, «дорогой сердцу всех москвичей, всех русских» молодой профессор был ведущим биологом того поколения пятидесятников и шестидесятников, которое сыграло столь огромную роль в развитии русской общественной мысли.

В историю биологии Рулье вошел как создатель и глава первой в России действительно научной школы зоологов и в то же время первой в мире школы естествоиспытателей-эволюционистов. Глубокий мыслитель, блестящий трибун и пропагандист науки, он еще до Дарвина утверждал идею изменчивости биологических видов.

Первые русские дарвинисты — Н. Северцов, Н. Вагнер, Я. Борзенков, А. Богданов, С. Усов — были воспитанниками Рулье, вооружившего их научным подходом к изучению органического мира и подготовившего их к восприятию идей Дарвина.

Но Рулье был учителем и воспитателем не одних только зоологов. Известны крупные ботаники, по праву считавшие себя последователями Рулье. Именно его лекции разбудили в Сеченове интерес к вопросам физиологии мышления. Влияние Рулье сказалось на научных биографиях многих деятелей русского естествознания. Вместе с

ними самые широкие круги передовой интеллигенции середины прошлого века знали и любили ум, благородство души и знания Карла Францевича Рулье. За его выступлениями и статьями с пристальным вниманием и горячей симпатией следили Белинский, Герцен, Чернышевский, Налбандян, ученики Писарева, высоко ценившие значение трудов Рулье для разрушения идеологических основ самодержавия, для обоснования и пропаганды материалистического мировоззрения.

Не случайно так старательно замалчивалось во времена царизма имя этого ученого-демократа, ученого-просветителя, борца за прогресс, талантливого популяризатора науки. Многие в его учении оставались непонятым или неправильно воспринятым и после революции. Библиография работ о Рулье свидетельствует, что о нем почти не вспоминали всерьез. Лишь после 1948 года победа передовой биологической теории помогла по-новому раскрыть и оценить все богатство многогранного научного наследия Рулье, одна за другой вышли в свет книги и статьи, посвященные подробному изложению его биографии и анализу отдельных сторон деятельности.

Книга С. Р. Микулинского существенно дополняет литературу о Рулье. Это первая попытка систематического изложения его биологической теории. Автор показывает, что Рулье — дарвинист до Дарвина — может во многих отношениях считаться предвестником учения Мичурина и Павлова. Анализ взглядов Рулье дает достаточно оснований для такого заключения.

Располагая огромным богатством фактических данных, Рулье быстро разобрался в главных направлениях зоологической науки и бросил смелый вызов официальной науке

С. Р. Микулинский. К. Ф. Рулье и его учение о развитии органического мира. Ответственный редактор доктор биологических наук Л. Я. Бляхер. 356 стр. Издательство Академии наук СССР. М. 1957.

и ее авторитетам. Двадцатисемилетний ученый показал свой недюжинный кругозор и выступил как смелый новатор. «Сомнения в зоологии как науке» — так называлась напечатанная в «Отечественных записках» его статья, в которой доказывалась необоснованность принятых в то время принципов систематики и раскритикованы крайний формализм и созерцательность чисто описательной ботаники и зоологии. Рулье неустанно отстаивал ту точку зрения, что зоология как наука может успешно расти и развиваться не из голого описания морфологических признаков по случайным экземплярам, а только из глубокого изучения живых существ.

Обобщая аргументы в пользу признания изменчивости видов, Рулье задолго до Дарвина сделал принципиально важную попытку обосновать свои взгляды примерами, взятыми преимущественно с домашних животных, за которыми человек долее и легче наблюдал», утверждая на этих примерах принцип «взаимного переходения или изменяемости видов».

Мнение некоторых специалистов, считающих, что Рулье является только основоположником экологии животных, то есть изучения взаимоотношения организма с окружающей средой, и создателем экологического направления в зоологии, решительно опровергается в книге. Автор особо подчеркивает, что, согласно взглядам Рулье, историческое развитие всех органических форм от немногих некогда существовавших простейших проходит под определяющим воздействием соответствующих условий. В книге собраны многочисленные примеры и аргументы Рулье, приведшие ученого к следующему выводу: «зоолог, владея современной наукою, зная ход необходимого развития животных, подобно астроному, знающему течение светил небесных, может и отсчитывать назад и предсказывать вперед известные явления в животном царстве».

Именно в этой связи особое значение приобретают мысли Рулье о том, что само по себе доказательство факта изменяемости видов не может считаться достаточным и что наука обязана раскрывать конкретные причины изменчивости организмов, реаль-

ные факторы, определяющие их развитие. При этом Рулье настойчиво проводил мысль, что «существование всего естественного и каждое в нем явление возможно только на основании естественных же законов». Таким образом, он правильно намечает постановку проблем, решение которых признано ныне ведущей задачей современной биологии.

В книге интересно подобраны и изложены идеи Рулье о плодотворности слияния теории и практики, науки и производства. Он считал, что практическая деятельность человечества представляет главный источник знаний, что современная практика есть «приобретаемое к приобретенному», «начало к продолжению», «начальные страницы к необходимому за ним следующим в той крепко связанной книге», ведущейся «от начала труда человеческого». Это положение красной нитью проходит через ряд сочинений ученого. Точнее, чем кто-либо из его современников, оценивал Рулье огромное значение многовекового опыта земледельцев для познания биологических явлений, видел в сельскохозяйственной практике один из основных критериев правильности биологических теорий.

Следует отметить еще одну сторону исследования С. Микулинского. В книге приведено множество малоизвестных, а иногда и вовсе не известных прежде фактов, говорящих о том, как ненавидели и преследовали Рулье реакционеры, охранители официальной идеологии, их явные и тайные приспешники в науке. На фоне борьбы с консерватизмом еще более ярко рисуется встающий со страниц книги полный обаяния и моральной силы образ прогрессивного ученого, влюбленного в науку патриота.

Автор обстоятельно доказывает, что незаслуженно забытый в прошлом К. Ф. Рулье действительно «создал наиболее передовую в додарвиновское время материалистическую теорию развития органического мира, которая в своих основных чертах не утратила научного значения и в наши дни» и которая во многом обогащает наши представления о материалистической традиции отечественного естествознания.

Кандидат биологических наук
И. ХАЛИФМАН.

ОТГОЛОСКИ МИНУВШЕГО

В Москве, в небольшом особняке на Рождественском бульваре, в бывшей квартире Демьяна Бедного помещается библиотека Государственного Литературного музея.

В ней имеется большой раздел редких книг, среди которого особенно выделяется отдел книг с автографами. В подавляющем большинстве это автографы деятелей русской литературы и культуры.

Около двух третей всего количества автографов относится к дореволюционному времени. Конечно, не все они равноценны, но многие из них представляют значительный интерес. Одни свидетельствуют о дружеских отношениях между теми или иными писателями и общественными деятелями начиная с первой половины XVIII века и кончая 1917 годом, другие дают представление о жизни и взглядах лица, сделавшего свои заметки на принадлежащей ему книге. Это как бы живая история русской литературы и общественной мысли.

О некоторых наиболее интересных автографах этой коллекции мы и хотим сказать несколько слов.

* *

СОБРАНИЕ КНИГ С АВТОГРАФАМИ

Самый древний автограф собрания — надпись В. Тредиаковского на латинской книге, изданной в 1663 году, служившей свыше пятидесяти лет учебником для студентов Славяно-греко-латинской академии. На титульном листе стоит владельческая подпись В. Тредиаковского по-латыни: «Из книг Василия Тредиаковского», а оборот титульного листа раскрывает нам историю данного экземпляра. Наверху латинская надпись: «Было время, когда Филипп Краснопевцев владел этой книгой; теперь она находится во владении Василия Зепалова», а под ней тоже по-латыни: «Сейчас владеет студент философии Василь Тредиаковский». На последнем листе книги и на крышке переплета кем-то выписаны латинские тексты. Наверно, это учебные записи кого-либо из студентов.

Великая Французская революция произвела очень сильное впечатление на современное ей русское дворянство. Большинство поторопилось отречься от своих «вольтерьянских» убеждений и испуганно ожидало новых крестьянских волнений в России. Надпись на обороте переплета небольшой французской книжки конца XVIII века «Религия, поэма Луи Расина» раскрывает эти настроения. Она принадлежит другу Пушкина А. Н. Раевскому. «Милый мой внучок, в 1790-х годах, во время самого разгара французской революции, все опасались, что эти ужасы дойдут до нас, и

молодые люди того времени выбирали себе ремесло, чтобы иметь средство снискать себе пропитание. Покойный мой отец, а твой прадед, Николай Николаевич Раевский (после сделавшийся столь известный в войнах 1812, 1813 и 1814 годов) выбрал ремесло переплетчика, и эти книги им были переплетены для сестры моей матери — Екатерины Алексеевны Константиновой. Храни их как памятник давно минувших дней. 1863...» Действительно, на кожаных крышках двух томов Расина сделаны вставки из сафьяна в виде медальона с вытисненными золотом инициалами «С. К.» (Catherine Konstantinoff).

Отдельные представители русской аристократии внимательно и даже сочувственно следили за всеми перипетиями Французской революции. Какой-то оставшийся нам неизвестным русский аристократ собрал полный комплект газет Марата и, в частности, двадцать томов «Друга народа». Каждый том — с кожаным корешком, на котором оттиснуты имя издателя, название газеты, номер тома и количество номеров. На некоторых номерах владелец отмечал (по-французски) известные ему репрессии, которым подвергался Марат и его издания. На № 70 от 11 декабря 1789 года заметка: «Пропуск 12 номеров, автор подвергся преследованию, он скрылся; он взял газеты у Селло и не выпустил 12 №№...» Действительно, с начала октября до середины декабря 1789 года Марат был на нелегальном положении, и «Друг

народа» выходил крайне нерегулярно. На последней странице № 626 от 15 декабря 1791 года надпись: «...Марат прекратил выпуск своей газеты на № 626; он возобновил ее только 12 апреля 1792 г.», а на странице первой № 645 краткая запись: «Этот номер был задержан министром юстиции» и т. п.

Под впечатлением революционных событий во Франции Екатерина II усилила цензуру. При Павле цензурный гнет достиг своего апогея. Красный карандаш коснулся сочинений даже такого признанного двором поэта, как Державин. В 1798 г. они вышли с целым рядом белых мест.

Однако поэт не желал мириться с этим. Он рассылал авторские экземпляры, где стихи, изъятые цензурой, были вписаны от руки каким-то неизвестным нам лицом по просьбе самого Державина, который, очевидно, потом сам просматривал эти экземпляры. В экземпляре, ныне принадлежащем Литературному музею, на странице 262 внизу рукой Державина написан стих, по-видимому, первоначально пропущенный переписчиком: «В защиту правды устремися» (так! — М. К.).

В двадцатые годы XIX века выразителями свободолюбивых настроений становятся декабристские альманахи и журналы. Наиболее ярким из них была «Полярная Звезда» А. Бестужева и К. Рылеева. Очевидно, чтобы показать, что в ней нет ничего «преступного», один из издателей — адъютант герцога Вюртембергского А. Бестужев — подносит экземпляр только что вышедшего альманаха... министру духовных дел А. Голицыну!.. Это было официальное «подношение» — «Его сиятельству князю Александру Николаевичу Голицыну... от издателя».

Писатели-декабристы пользовались большим уважением среди передовых людей того времени. Это доказывает одна из сохранившихся книг библиотеки К. Рылеева. (В библиотеке музея их всего имеется пять.) В книгу «Стихотворения Ивана Ивановича Дмитриева», ч. I, вклеен лист с надписью, говорящей, что данная книга посылается издателю «Полярной Звезды» — «в знак признательности и уважения от безымянного. Москва. 1824. Января 22 дня».

После казни Рылеева эта книга, очевидно, сохранялась его женой как реликвия и была подарена дочери Настеньке в день совершеннолетия. На форзаце стоит ее подпись (по-французски): «Эта книга принадлежит Анастасии Рылеевой XX-е апреля 1841 года».

После трагедии 14 декабря 1825 года многие испугались своей близости с декабристами и старались по возможности скрыть ее следы. Так, некий Петр Алексеевич старательно соскоблил свою фамилию на экземпляре «Дум», подаренных ему Рылеевым, сохранив, однако, авторскую надпись.

Другие, наоборот, продолжали поддерживать связь с «изгнанниками». В числе таких людей был и В. Жуковский. В отделе редких книг Литературного музея хранится несколько экземпляров различных его произведений с владельческой надписью декабриста Н. Тургенева. Жуковский посылал ему не только свои произведения. В особенности выразителен экземпляр первого издания «Цыган» Пушкина, на обложке которого на одном углу рукой Вяземского надписано «Жуковскому», а на другом стоит подпись Н. Тургенева.

Полоса увлечения идеалистической философией в русской общественной мысли второй половины тридцатых годов XIX века также вспоминается, когда читаешь надписи на книгах, хранящихся в Литературном музее. Вот, например, дарственная надпись М. Бакунина его старшей сестре Вареньке на немецкой книге «Ангелус Силезиус и св. Мартин» (Берлин, 1834): «Вариньке — чтоб она вспоминала меня, когда она будет в Премухине, а мы — бог знает где? М. Бакунин. 1842. 23/11 апреля. Дрезден», или дарственная надпись Н. Станкевича И. Тургеневу, датированная 1839 годом, на «Божественной комедии» с гравюрами Флаксмена, изданной в Берлине.

В эти же годы Белинский после закрытия «Телескопа» в 1836 году должен был добывать себе средства к существованию составлением русской грамматики для первоначального обучения, которая и вышла в свет в 1837 году. На одном из экземпляров этой книги автограф В. Белинского младшему брату Н. Станкевича — Александру Владимировичу.

В 1842 году выходят «Сочинения Николая Гоголя» в четырех томах. На экземпляре четвертого тома, хранящегося в отделе книжных фондов Литературного музея, несколькими штрихами нарисован портрет автора и под ним шутовская подпись-автограф: «Это я Николай Васильев сын Гоголь-Яновский — четырнадцатого класса».

Во второй половине 1840-х годов возникает новое революционное общество петрашевцев, в числе членов которого было несколько писателей: Достоевский, Плещеев, Пальм и другие. Выданные провокатором Антонелли начальнику III отделения Дубельту, петрашевцы были арестованы и заключены в Петропавловскую крепость. Об этой трагической странице истории русской общественной мысли напоминает французская книга Ланци «История живописи в Италии», на которой друг петрашевца С. Дурова А. Малыгин сделал следующую надпись: «Другу моему Павлу Михайловичу Ковалевскому дарю эту книгу. На корешке нацарапано обугленную спичкой стихотворение общего нашего друга Сергея Федоровича Дурова, — им самим в 1849 г. в Алексеевском равелине...» И действительно, на обороте обеих крышек сохранились строфы, почти не поддающиеся прочтению. Судя по словам и строкам, которые удалось расшифровать, оно связано с евангельским мотивом борьбы фарисеев с Иисусом:

..Учителя и фарисеи
Так говорили про него:
«И как, взгляните, он живет!
Мирским весь преданный заботам,
Он ест, он бражничает, пьет,
Он исцеляет по субботам...»

Есть в коллекции и несколько автографов явных и тайных сотрудников III отделения. Так, начальник его Л. Дубельт записал на «Памятной книжке на 1848 г.»: «Будет любопытно посмотреть в 1948 г.». Автограф Липранди на экземпляре его работы «Война 1812 года» (1869), преподнесенном автором министру двора Адлербергу, красноречиво показывает связь автора с так называемыми «придворными кругами».

В 1850-е годы в Москве центром литературно-художественной жизни был дом М. Щепкина. Пятидесятилетие его сцени-

ческой деятельности стало праздником русской культуры. Представители литературы, науки и искусства преподнесли ему только что вышедшие шесть томов сочинений Пушкина в издании Анненкова. В каждый из этих шести томов вплетен лист с вытисненными золотом словами: «Михаилу Семеновичу Щепкину в воспоминание его артистической деятельности с ноября 1805 по ноябрь 1855». На особых листах, вплетенных в первый том, следуют подписи 91 человека — представителей русской литературы (А. Островского, С. Аксакова, К. Аксакова, С. Шевырева и других), науки (А. Афанасьева, А. Котляревского, астронома А. Драшусова и других), артистов (С. Васильева, В. Живокини, Н. Рыкаловой, Н. Медведевой и других), врача, лечившего Гоголя, А. Тарасенкова и т. д.

Великий русский драматург А. Н. Островский дарит оттиск своего лучшего произведения «Гроза» другу Белинского В. Боткину.

В пятидесятых—шестидесятых годах русские революционные демократы группировали вокруг «Современника» все лучшие литературные силы. Даже такой представитель «чистого» искусства, как А. Фет, в 1855—1856 годах является сотрудником этого журнала и дарит издание своих стихотворений (1856) одному из редакторов «Современника» — И. Панаеву. И том стихотворений Некрасова (издание 1861 года) с дарственной надписью автора М. Е. Салтыкову, и экземпляр «Сатир в прозе» (издание Серно-Соловьевича 1863 года), подаренный великим сатириком Н. Некрасову с надписью: «Николаю Алексеевичу Некрасову от автора в знак сердечного уважения и преданности», еще раз подтверждают, что революционные демократы были сплочены в тесную группу.

Одной из крупных фигур этой группы был вернувшийся из многолетней ссылки Тарас Шевченко. Ему удается наконец переиздать в 1860 году свой «Кобзарь». В Литературном музее имеются два очень интересных экземпляра этой книги: один — с дарственной надписью украиноведу А. Стороженко, другой, очень ветхий, на титульном листе которого значится: «Елисавете Григорьевне Крыловской на память Т. Шевченко». Это подарок Шевченко своей дальней родственнице — односельчанке.

Из десяти книг, побывавших в руках Н. Г. Чернышевского, особенно интересны две книги: «Стихотворения Н. Некрасова» (издание 1863 года) и Э. Гаскелл «Жизнь Шарлоты Бронте» (автора романа «Джен Эйр») на английском языке; обе — с надписью «Из равелина». Такая же надпись, сделанная рукой А. Пыпина, имеется еще на нескольких книгах: «Физиологические письма» Фохта в переводе на русский язык, «Сентиментальное путешествие по Франции и Италии» Л. Стерна (на английском) и других.

Исключительную ценность представляют три тома Беранже на французском языке (издание, иллюстрированное Гранвилем), принадлежавшие лучшему переводчику Беранже поэту В. Курочкину; в этих томах Курочкин сделал более сорока набросков переводов песен Беранже или отдельных строф из них.

Около первой строфы стихотворения «Народная память» Курочкин дает обозначение чередующихся мужских и женских рифм и набрасывает перевод конца первой строфы:

Ведь не мог он нашим быть врагом!
Мы растем, его благословляя,
Да, благословляя,
Расскажи нам, бабушка, об нем.
Расскажи, родная!

На следующей странице еще одна «проба пера» — перевод двух последних стихов четвертой строфы этого же стихотворения:

Как, бабушка, он здесь сидел?
Неужто здесь, родная?

На обороте иллюстрации к стихотворению «Девушки» и на следующих трех страницах набросан полный перевод этой песни.

Этот набросок так же, как и предыдущий, дает нам возможность судить о работе Курочкина над переводом песен Беранже.

По-видимому, Курочкин часто начинал переводы песен Беранже с рефрена. В ряде случаев поэт набрасывал переводы только рефренов. Это наиболее политически острые песни Беранже, такие, как «Моя масленица в 1829 году», «Наваррский принц», «Дочь народа». Очевидно, убежденный в том, что эти песни ни за что не пройдут через цензуру, Курочкин не стал их переводить целиком. Однако записанные тут же на полях переводы рефренов:

Ты мне заплатишь, государы!
(«Моя масленица в 1829 году»)
Ваша светлость,
Шейте сапоги.
(«Наваррский принц»)

и другие показывают интерес Курочкина к этим песням и его желание ввести их в русскую литературу.

О близости И. Тургенева с «людьми 40-х годов» еще раз свидетельствует его дарственная надпись Анненковым на первом издании «Отцов и детей» — «Супругам Анненковым от их старинного и неизменного друга Ив. Тургенева. Париж. Ноябрь 1862». Следует отметить также и второй том сочинений Пушкина издания Анненкова с пометками И. С. Тургенева, относящимися к 1882 году. Писатель раскрывает ряд имен, обозначенных у Анненкова только инициалами, и вписывает ряд стихов, не публиковавшихся ранее вообще или в легальной печати.

Уже старый, И. Гончаров дарит переизданного в 1883 году «Обломова» писательнице Н. Д. Зайончковской (псевдоним В. Крестовский). «Надежде Дмитриевне Зайончковской от искреннего давнишнего почитателя ее таланта и автора на доброе и снисходительное об оном воспоминание. 1 январь 1884». Тут же вклеена малоизвестная фотোগрафическая карточка Гончарова с его подписью: «И. Гончаров. 2-го февр. 1883». Вездетная Зайончковская «передарила» эту книгу своей младшей сестре и ниже подписи Гончарова написала: «Моей Верочке на память. Надя. 7 февраля 1884». Надписи на обороте рассказывают о дальнейшей жизни этого экземпляра: «Моей Марусе на память о тех, кому принадлежала эта книга. Верочка. 1 октября 1892 г.». «Дорогому Жоржику на память от мамы. 10.Х. 1917 г. Береги эту книгу». В 1936 году этот экземпляр поступил в библиотеку Литературного музея.

В том же году сыном И. Н. Крамского музею были подарены книги Достоевского «Дневник писателя за 1876 г.» и «Дневник писателя за 1877 г.» с надписью «От автора». Выше этих слов надпись отрезана. В книгу вклеено письмо А. Г. Достоевской на имя И. Н. Крамского, написанное в первые дни после смерти ее

мужа. «Я не в силах выразить Вам, многоуважаемый Иван Николаевич, мою глубокую благодарность за присланный Вами вчера портрет Федора Михайловича. Ни одно сочувствие, выказанное мне в это тяжелое время, не тронуло меня так глубоко, как Ваш подарок. Вы мне возвратили Федора Михайловича: он живой, он спит... Дай Вам бог как можно более счастья за Ваше истинно доброе дело. Если б когда-нибудь в моей жизни могла оказать Вам или Вашей семье хотя малейшую услугу, то сочла бы это величайшим для себя счастьем. Позвольте мне надеяться, что Вы согласитесь принять от меня на память сочинения Федора Михайловича. На двух из них (Дневниках) Федор Михайлович написал мне; я срезала мое имя и посылаю книги Вам как одну из драгоценных для меня вещей. Целую с благодарностью ту руку, которая нарисовала этот удивительный портрет и остаюсь навсегда преданная и благодарная Вам А. Достоевская. 7-го февраля 1881 г.»

Дарственные надписи А. Чехова отмечены тем же мягким юмором, как и его рассказы. Например, владельцу дома по Саловой-Кудринской улице, где ныне помещается Музей Чехова, доктору Я. Корнееву Чехов дарит первое издание своего сборника «В сумерках» со следующей надписью: «Земляку, домохозяину, collegae maioris, коллежскому советнику и целителю Якову Алексеичу Корнееву в знак глубокого уважения и в умилостивление домовладельческого гнева от несправного плательщика, collegae minoris и автора. А. Чехов. 1887 г. 9 сент.»

На экземпляре первого издания «Острова Сахалин» (1895), подаренного художнику И. Левитану, написано: «Милому Левиташе даю сию книгу на случай, если он совершит убийство из ревности и попадет на оный остров. А. Чехов».

Из многочисленных автографов на книгах Д. Мамина-Сибиряка представляет интерес надпись на его первом романе «В водвороте страстей», который автор выпустил в 1877 году под псевдонимом Е. Томский. Книга была подарена им десять лет спустя, в 1887 году, его будущей жене М. Алексеевой с надписью: «Этот роман — произведение зеленой юности; по нему вы, Мария Яковлевна, можете судить, подвинулся ли

автор вперед в своих следующих работах. Автор». Интересна шутливая надпись уральскому художнику А. Денисову на одном из поздних произведений Мамина-Сибиряка «Из далекого прошлого. Воспоминания» (1902). Сначала книга была подарена писателем его дочери. «Хвостик Аленке от папы. 1902 г. 25 янв. Петербург». Затем идет другая надпись: «Но по безграмотности передано мне наше сочинение Алексею Козмичу сыну Денисову от разночинца Д. Мамина. 1903 г., 9 мая. (Роду же имею 50 лет и 6 месяцев). Дано в Ц. Селе».

Останавливает внимание заметка В. Брюсова на принадлежавшем ему экземпляре «Цветов зла» Бодлера (1909). «Поэт творит прежде всего затем, чтобы самому лучше уяснить свои думы и волнения. В Брюсов». Брюсов дарит свои книги поэтам и художникам-символистам, например К. Сомову, Ф. Сологубу, пушкинистам, например Н. Лернеру. На оттиске из журнала «Русская Мысль» — «Великий ритор. Жизнь и сочинения Децима Магнуса Авсония» мы читаем: «Федору Кузьмичу Сологубу в знак давнего дружества и неизменной любви к его творчеству. Валерий Брюсов. 1913.»

Дореволюционные дарственные надписи А. Блока очень разнообразны. На «Стихах о прекрасной даме» (издание 1904 года), подаренных родственникам Гушиным, сделана надпись в связи с годовщиной смерти их маленькой дочери. В эту же книгу вклеено чисто деловое письмо А. Блока, в котором говорится о Д. И. Менделееве: «Милый Борис Петрович! Большое спасибо Вам за II-й том словаря и в частности за переписку четырех страниц. Словарь действительно оказывается нужным для меня. Я уже написал Бугаеву о книгах его отца. Об ответе его извещу Вас. «Слов[арь] Моск[овского] Ун[иверситета]» думаю спросить с С. Соловьева при личном свидании — лотом.

Люба говорила о Вашей книге (предполагаемой Вами для перевода) Дмитрию Ивановичу. Он не одобряет ее с химической стороны (не согласен с ней), но хвалит с математической и педагогической стороны. Приглашает Вас к себе вечером, обрадовался, что Вы играете в шахматы. Если пойдете, лучше часов в 7, в 8, потому что позже постоянно приходят другие. А так

Вы обеспечите себе вечер. Сначала Дм. Ив., пожалуй, не поймет, кто Вы и почему, но это произошло бы во всех случаях. Мне кажется даже, что без посторонних знакомств и разговоров Вам будет свободнее и приятнее, а потому и все дело наладится. А с шахматами пойдет и совсем хорошо... Любящий Вас Александр Блок. 9.IV. 1904. С. П. Б.». Вот дарственная надпись В. Княжину на редакторском экземпляре собрания стихотворений А. Григорьева с примечаниями А. Блока: «Владимиру Княжину в год страдный и памятный, на память о том, как мы вместе учились любить А. А. Григорьева, «нашего современника». Александр Блок. Рождество 1915 года». На нескольких вложенных листках бумаги заметки библиографического характера и варианты стихотворений Ап. Григорьева. В книге также много изменений текста стихотворений с указаниями, откуда взяты варианты. Этот экземпляр ясно свидетельствует о добросовестной, кропотливой работе Блока-редактора.

Многочисленные дарственные надписи И. Бунина обращены главным образом к членам литературного кружка «Среды», собиравшегося много лет у Н. Д. Телешева. На издании перевода «Песни о Гайавате» (1898) написано: «Его Высокоблагородию

Николаю Дмитриевичу г-ну Телешеву в собственные руки, очень нужное от И. Бунина. Москва 2.III.98». На сборнике рассказов «Суходол» (1912) — «Дорогому Сохозяину И. А. Белоусову Ив. Бунин. 28 сент. 1912 г.».

Разнообразны автографы В. Короленко. Во вторую книгу «Очерков и рассказов» (1893) вместо форзаца вклеено фото Короленко и прямо на титульном листе надпись: «Дорогому другу Михайле Алексеевичу Саблину от искренне любящего Вл. Короленко на память о многих хороших днях, проведенных вместе в Крыму, где души наши раскрылись для вечной дружбы. От беллетриста-художника — человеку, до преклонного возраста не утратившему способности благоговейно склоняться «перед святыней красоты». Лаконична и строга надпись Короленко на втором издании его книги «В голодный год» (1894) когда-то посланному с ним вместе в Вятскую губернию К. А. Вернеру: «Дорогому моему товарищу и другу К. А. Вернеру от искренне любящего В. Короленко».

Вести все эти богатства в оборот советского литературоведения является задачей Государственного Литературного музея.

М. КОСТРОВА.

ЕЩЕ РАЗ О РАЗГОВОРНОЙ РЕЧИ

В № 1 «Нового мира» за 1958 год была напечатана реплика Рины Зеленой «Кое-что о разговорной речи...», в которой подверглась критике различные неправильности и искажения языка, допускаемые некоторыми людьми в разговорной речи. Тема, поднятая Р. Зеленой, вызвала интерес. Ниже мы печатаем два отклика на это выступление.

1. Опасность не там...

Меня удивила Рина Зеленая. Веселая, любимая нами актриса, часто выступающая в концертах на милом детском «диалекте», вдруг заговорила строгим голосом проповедника, встревожившись за судьбы русского языка.

Тревога эта, конечно, серьезная. Язык наш, звучный, многокрасочный, мы не всегда обогащаем, но нередко портим, искажаем, обедняем. И не только в разговорной речи, но, к сожалению, и в ежедневных, ежечасных выступлениях по радио и в печати и даже в литературе, которую принято называть художественной.

Однако Рина Зеленая опасность порчи нашего живого языка увидела, на мой взгляд, не там, где эта опасность особенно ошутима.

Она упрекает в первую очередь нашу молодежь или, как она осторожно выражается, «какую-то часть молодежи» в неряшливом обращении со словом, в коверканье ударений, в комкании слов, в пропусках то подлежащих, то сказуемых, то вообще в недоговаривании половины слова или фразы. И приводит примеры. Но тут неожиданно выясняется, что одна из самых веселых наших актрис энергично протестует против... шуток. Ну, скажите, что тут опасного для нашего языка, если, взглянув на молодого человека, кто-то сказал, разумеется иронически, в шутку, «красивый мужик»?

Рине Васильевне это не нравится. Она, должно быть, не улавливает в этом выражении иронии. Или уж — что совсем невероятно — ей противна ирония? Тогда ей, может быть, более симпатичными покажутся люди, которые и в разговорной речи неизменно придерживаются официальности, говорят не «шапка», не «кепка», а «головной убор»? Таких людей у нас тоже много. И не только среди молодых.

В дверь кабинета председателя районного исполкома просовывается испуганное лицо.

— Вам что? — спрашивает председатель.

— Я к вам в отношении налога...

— Подождите.

Через некоторое время в кабинет заглядывает другая голова.

— А у вас что? — отрывается от своих бумаг председатель.

— Я хотел поговорить в части сена...

— А вы по какому вопросу? — спрашивает председатель третьего посетителя.

— Я по вопросу собаки. В отношении штрафа за собаку. И тоже в части сена, как они...

На днях на похоронах моего приятеля, замечательного человека, выступал известный профессор и, характеризуя покойного, все время говорил так:

— ...Это был выдающийся человек в части общественной работы, в части отношения к товарищам и в вопросе воспитания молодежи, а также в части своих преподавательских обязанностей и в части любви к своему делу...

Профессор этот наверняка поддержал бы Рину Зеленому в ее негодовании по поводу неряшливости разговорной речи молодых. Он тоже, может быть, за строгость произношения. Но я склонен думать, что наибольший вред нашему языку — и разговорному и литературному — приносит канцеляризм, этакая писарская псевдоученость и официальность. Попробуйте прочитайте некоторые наши популярные брошюры о вреде курения, алкоголя, о целебности меда или гимнастики, инструкции о пользовании фотоаппаратом или холодильником, электрической бритвой или чудокастрюлей. Сколько там нелепых канцеляризмов, затемняющих смысл, затрудняющих познание обыкновенных истин!

И канцеляризм эти, естественно, проникают в наш бытовой говор. Вот почему человек, желающий высказаться «покультурнее», не решается порой

назвать шапку шапкой, пиджак — пиджаком, а прозносит вместо этого строгие слова: головной убор или верхняя одежда.

Люди же, молодые или старые, заменяющие в бытовом разговоре три слова: «реакция зрительного зала» одним, может быть, не совсем удачным — «реагаж», способны в какой-то степени влиять на эволюцию разговорного языка. И в этом я не вижу ничего страшного.

Много выражений упрощено в нашем языке за сорок лет, протекших после Великой Октябрьской революции. Упрощено часто с пользой для дела, хотя сорок лет назад упрощения такие могли бы показаться странными.

Упрощения, разумеется, будут продолжаться и в будущем. И в этом, мне думается, нет опасности, если язык в разговорном обиходе не лишается своей изначальной образности, красоты и точной выразительности.

Рина Зеленая, конечно, совершенно права, когда ратует против неграмотностей, не извинительных и в разговорной речи. Тем более, что в нашей стране, где широко открыты двери школ — и дневных и вечерних, — никто не может найти оправдание своей неграмотности.

Она справедливо требует, чтобы ошибки речи выправлялись смолоду, с детства, чтобы не только учитель русского языка, но и преподаватели алгебры или геометрии не считали за труд указать ученику на речевую неправильность. Очень хорошо, хочется добавить, если и родители также будут озабочены этим.

Рина Зеленая права в главном — в том, что мы все должны бороться за чистоту нашего языка, наблюдать в этом смысле друг за другом, добиваться точности и красоты его звучания.

Произнесенное на нашем языке сегодня все сильнее, все призывнее звучит во всех концах земли. И это также повышает, должно повысить наши требования к нашему языку.

Павел НИЛИН.

2. Слова-калеки и слова-дистрофики

Реплика Рины Зеленой «Кое-что о разговорной речи...», несомненно, еще раз привлечет внимание читателей к вопросу, который неразрывно связан с общей культурой нашей жизни.

Один из тех лучших мастеров советской эстрады, которые в своей многолетней работе были всегда связаны творчеством и личной дружбой со многими виднейшими представителями нашей литературы, Рина Васильевна Зеленая со свойственным ей тонким ощущением слова подметила в повседневной разговорной речи немало грубых огрехов, мусорных выражений, вулгаризмов, неправильно произносимых или нарочито инверсированных фраз.

Несомненно, список их можно было бы значительно дополнить. И можно только приветствовать, что все эти дурные, засоряющие язык речения убедительно разоблачены и высмеяны. Однако, мне думается, что, ведя необходимую и справедливую борьбу против грубости, вулгаризмов и

всевозможных сорных словечек, часто портящих нашу разговорную речь, мы с такой же нетерпимостью должны отнестись и к другим, не менее обидным, внешне как будто правильным, но по существу убивающим живое звучание слова и, к сожалению, порой входящим в привычку языковым построениям...

Я имею в виду оказывание, бюрократизацию, канцелярскую выхолощенность тех выражений, которые уже навязли на зубах у всех, но — надо не надо — изо дня в день звучат и с трибун наших общественных собраний, и с институтской кафедры, и в обиходной речи, которую слышишь вдруг в общежитии студентов или молодых рабочих: «на данный момент мы имеем», «целиком и полностью», «хочется отметить за истекший период», «суммируя и приплюсовывая» и т. п. А такие тирады, как: «в обстановке неслыханного подъема», «с огромным энтузиазмом» и другие, часто механически и не к месту повторяемые, уже стираются в своем звучании, теряют свой глубокий первичный смысл, становятся недопустимо ходовыми: для них уже у стенографисток имеются заготовленные знаки — один на целую фразу...

А мне думается, что действие подобного рода гладеньких, обкатанных уже в десятках или сотнях стандартных докладов, вписанных во все лекторские шпаргалки фраз не менее зловредно, чем влияние слишком уж лихих оборотов речи, на которые так падки некоторые наши молодые люди. Ибо такие готовенькие тирады, трескучие словесные формулы, вьезшиеся

в общественный язык, порой заслоняют истинный смысл самых святых, самых заветных для нас понятий, идей, мыслей, чувств.

Хочется заметить еще, что в несомненно важной борьбе за чистоту языка дело иной раз передоверяется людям скучным, лишенным радости вслушивания в новый народный язык и несколько туговатым на ухо. И вот эти люди, будь то некоторые литературные критики или педагоги, начинают подчеркивать красным карандашом в книгах писателей, в сочинениях учащихся все, что, как кажется квазиграмотеям, не укладывается в рамки привычного, среднестатистического речевого канона. Они обрушиваются на всякое крепкое, сочное, живое слово, таящее в себе какой-нибудь новый, лишь недавно в нашем просторечии возникший смысл.

Я говорю здесь об этом потому, чтоб в очень своевременной и верной реплике Р. Зеленой, кроме очень хорошо подмеченных и требующих решительного осмеяния пошлых, нарочито огрубленных или попросту неграмотных выражений, попадают под удар уже и такие, которые, как мне кажется, ничего плохого в себе не таят. Не вижу, например, ничего обидного в радушном, подбадривающем и шутивно-простецком возгласе кондуктора троллейбуса:

— А ну, давай, заходи веселее!

Ничего неуважительного не слышу я в этом добродушном и очень по-русски, по-народному, зазывном, в самом лучшем смысле этого слова, приглашении, которое вдруг весело прозвучит в деловой сердитой спешке, с какой люди толкнутся у дверей троллейбуса или трамвая. Неужели и здесь необходимо говорить официальным языком:

— Будьте добры, входите, пожалуйста, в вагон, не задерживаясь, более быстрым темпом?..

Ведь так, чего доброго, можно потребовать и от шофера, скажем, чтобы он вместо краткого, энергичного «эй, друг, подай назад чуток» говорил бы соседу непременно: « Попрошу вас отъехать задним ходом метра на полтора »...

Не надо также забывать, что порой некоторое шутовское опрошение и легкая грубоватость фразы помогают скрыть застенчивость просьбы, как бы подчеркивают ее необязательность. Поэтому, прося приятеля подвезти на машине до какого-нибудь места, люди вместо громоздкой просьбы: «Пожалуйста, отвезите меня, если это вам по дороге, до метро», говорят кратко и дружески: «подбросьте меня до метро», «подкните до вокзала». И никто не думает при этом, что его выбросят на ходу из машины или оставят подкидывшем у дверей вокзала...

Плохо и противно, конечно, если везде и при самых неподходящих обстоятель-

ствах станут говорить вместо «какая красавица» или «симпатичная женщина» — «хорошая баба»... Но ничего зазорного не слышу я, скажем, в несколько игривом дружеском диалоге: «А славная ты у нас девка!» — «Да и ты у нас парень не вредный!».

Язык многообразен, многозвучен, разнотонен. У него тысячи оттенков, интонаций, нюансов. «Ох ты, старая чертовка!» — сказал как-то при мне Алексей Максимович Горький одной очень уж неугомонной и пристающей девушке, которая теребила его за рукав во время беседы с пионерами, пришедшими в гости к писателю... Представляю себе, как раскалились бы добела красные карандаши некоторых ревнителей чистоты языка, если бы им попала такая фраза в описании этой встречи и если бы они не знали, что произнес эти слова сам Горький, произнес своим теплым, глуховатым басом, со всей чудесной теплотой, которая обычно звучала в его обращении к детям.

Словом, я что хочу сказать всем этим?.. Отстаивая культуру, чистоту, живую прелесть, полновесность языка, мы должны вести борьбу, как говорится, на два фронта: и против эсэсорения его словами-калеками жаргонного пошиба, и против излишней гладкости словднстрофности, обструганности и риторического художничья.

Лев КАССИЛЬ.

МЕЖДУ ПРОЧИМ...

МИНИН И ПОЖАРСКИЙ ЛИ?

«Минин и Пожарский» называется книга П. Березова, выпущенная в 1957 году издательством «Московский рабочий». Нашим заголовком мы позволяем себе выразить кое-какие сомнения, одолевавшие нас при чтении книги.

На страницах 14—15 мы узнаем, что маленький князь Пожарский любил слушать рассказы отца, умершего, когда мальчику было девять лет. Ребенок «гордился тем, что его предки принимали боевое участие в героической борьбе русского народа за создание могучего Русского государства... Всмотриваясь в историческую даль, Дмитрий Михайлович живо представлял, как его родители — князя Стародубские-Пожарские стойко охраняли русские рубежи... беспощадно истребляли всех, кто с оружием в руках вторгнулся в пределы русской земли, кто покушался на свободу и независимость русского народа».

Образ мальчика, зорко всматривающегося в исторические дали, не может не потрясти читателя. А лексикон, которым мыслит дитя, проживавшее в XVI веке, заставляет читателя прямо-таки вздрогнуть.

Но это только начало, перейдем к биографии Пожарского. На странице 311 читаем: «В 1634 году По-

жарский служил в Можайске полковым воеводой», а на странице 334 видим: «В 1634—1637 гг. Д. М. Пожарский служил начальником Судного приказа».

«В одном и том же году?» — вновь поражается читатель и, привыкнув к слогу книги, ищет слов: «Работая по совместительству, князь...» Но этих слов читатель не находит. Дело в том, что автор и сам не заметил, что его герой в одно и то же время служил в разных местах.

На странице 331 узнаем, что в 1604 году (когда на престоле сидел Борис Годунов), князь Пожарский получил звание стольника. Но, заглянув в указанный автором источник (Н. Чичагов. «Жизнь князя Пожарского, келаря Палицына и гражданина Минина». СПб, 1848), на странице 48 читаем: «Прямодушный царедворец (Пожарский. — С. Л., Н. И.) оставался без особых знаков высшего внимания до самой кончины Бориса... При новом царе (Лжедмитрии. — С. Л., Н. И.) пожалован князю чин Стольника».

На странице 44 автор сообщает, что польский король Сигизмунд «у нас следовать этот (шведский. — С. Л., Н. И.) престол не смог: после смерти Иоанна шведским королем провозгласили Карла, дядю Сигизмунда III». Но один беглый взгляд в библиографию, опять же указанную самим автором, разрушает и это историческое построение П. Березова. На странице 222 «Истории Польши», том I, 1954 год (под редакцией В. Д. Королюка и др), ясно написано: «Не оправдал Сигизмунд надежд шляхты и после того, как

занял в 1592 году шведский престол...»

По сравнению с этим уже мелочью кажется такое, например, рассуждение Лжедмитрия (стр. 54): «Я очень рад, что мое венчание на московское царство состоялось в праздник святого Игнатия Лойолы». Очевидно, Лжедмитрий, по мнению автора, был пророком, так как Игнатий Лойола был канонизирован в качестве святого римским папой Григорием XV только в 1622 году, то есть ровно через шестнадцать лет после смерти Лжедмитрия.

На странице 303 автор, не моргнув глазом, упоминает об околичьем — князе Федоре Головине, который в числе других был оставлен в 1615 году царским наместником в Москве. Но дело в том, что никаких князей Головиных на Руси никогда не было...

Таких, мягко выражаясь, небрежностей и неточностей немало можно найти в книге П. Березова «Минин и Пожарский».

Автору, видимо, было недосуг ознакомиться с источниками, им же перечисленными. Оставалось надеяться на редактора Г. Коренева. Но и ему было, по-видимому, не до того. Но так как кому-то все же надо познакомиться с источниками, то этот труд мы, нижеподписавшиеся, взяли на себя...

С. ЛУРЬЕ,
Н. ИЛЬИНА.

★

КОЕ-ЧТО О ПЕРЕВОДАХ...

1. «Античное сено»

Общезвестно, что О. Генри дал своему произведению название «Короли и ка-

пуста» лишь потому, что в нем нет... ни королей, ни капусты. Этот случай было принято считать уникальным. Однако не так давно благодаря открытию О. В. Волкова — переводчика книги А. Л. Мортон «Английская утопия» — мы узнали еще об одном романе, где заголовок никак не соответствует содержанию. Это роман Олдоса Хаксли «Античное сено», отрывки из которого воспроизведены на 224 и 257 страницах перевода.

Позвольте, скажет, вероятно, читатель, прочтя приведенные строки из Хаксли, это что-то знакомое. Гамбриль, Вивиш... Конечно, это Хаксли, я его читал много лет назад. Но там нет ни греков, ни римлян, одни англичане, и, помнится, ни один из них не озабочен проблемой заготовки сена...

И читатель этот окажется прав. Знает он этот роман. Только вот заглавие его с толку сбивает. А заглавие это действительно изобретено переводчиком и подарено английскому писателю. Прочтя в книге Мортон «Aldous Huxley. Antic hay» и не подозревая, что названием послужили слова, взятые из пьесы современника Шекспира — К. Марло, переводчик с легкостью начертил «Олдус Хаксли. Античное сено». Действительно, «hay» в современном английском языке — «сено», а «antic»... впрочем, здесь ему память изменила, и он спутал «antic» (гротескный, шутовской) с «antique» (древний, античный). Сочетание слов «antic hay» означает «шутовской хоро-вод».

Так известный роман Хаксли «Шутовской хоро-

вод» и превратился по воле переводчика в «Античное сено».

И. К-ИИ

2. Не верь глазам своим

Недавно Гослитиздат выпустил первые три тома собрания сочинений Генриха Манна. Всячески приветствуя это начинание, мы считаем необходимым предостеречь работников издательства от большой опасности.

Нередко бывает, что при переиздании тех или иных переводных произведений пользуются переводами, опубликованными ранее. В этом нет ничего дурного (конечно, если перевод хорош), так как достигается значительная экономия времени, труда и средств.

И вот нас обуяла тревога. А что, если работники Гослитиздата, готовя к выпуску один из очередных томов сочинений Г. Манна, решат воспользоваться переводом романа «Юность короля Генриха IV», который был выпущен в 1956 году Свердловским книжным издательством солидным тиражом в семьдесят пять тысяч экземпляров? Перевод этот принадлежит перу Е. Садовского. Впрочем, о переводчике тут следует говорить скорее как о соавторе книги. Разве мог бы Генрих Манн, не приди ему на помощь Е. Садовский, уже в первом абзаце романа написать: «Дышать, омы-вать тело изнутри и снаружи теплым, легким воздухом! Вот были первые заботы и радости мальчика, его звали Генрих». Или, создавая литературный портрет матери юного Ген-

риха, Жанна д'Альбре, прибе-гнуть к помощи таких фраз: «Она была только честолюбива. Страсть эта делала из нежной женщины непреклонный характер... Жанна д'Альбре об-няла адмирала. Ей как раз недоставало только его, чтобы изойти в экстазе».

А вот живописная пейзажная зарисовка: «Горы тянулись сплошной цепью, как больше нигде».

Надеемся, читатели по достоинству оценят и следующую длинную цитату, где описывается встреча Генриха с таинственным Нострадамусом: «Незна-комец спрашивает: — Где принц? — Останавливается от него в пяти шагах и не видит его, хотя он совершенно голый!.. Мальчиком овладевает странное ощущение, он совершенно один, раздет, целиком ви-ден, и все недостатки, и все плохое... Давно уже видит его человек; изучает фигуру и маленькое чело-веческое лицо; но этого не знает никто, его взор по-крыт пеленой и идет изда-лека, дальше, чем с пяти шагов расстояния... И они стоят близко друг против друга: худой человек гля-дит сверху, мальчик на-пряженно поднимает ли-цо — тщетно; неуловимый взор этого существа лежит на нем завесой до самых щек и до шеи, остается лишь остов без головы, вместо головы пелена».

Густой пеленой покрыт смысл этого отрывка. Под-обных криптограмм, име-ющих, очевидно, целью пробудить в читателе дух пытливости, в книге немало. Вот описание выхода эригерцинии Ели-заветы: «Она сама ступала своими туфлями, и они

были не маленькие. У нее могли оказаться длинные и крепкие ноги, если бы кто отважился на столь безрассудную мысль. Весьма возможно, что иные сквозь панцырь ее имени и славы добирались до ее ног и не без усмешки прикидывали вес этих редкостных экземпляров. И сама она была занята целиком ходьбой...»

Новаторские стилистические приемы мы находим почти на всех страницах книги. Приведем лишь малую их часть.

«Когда, наконец, явились испанцы, то это оказалась молодая женщина, Елизавета Французская... и во главе ее свиты герцог Альба». «Этот принес жертву свей жизни». «На свои руки он теперь не подумал, и никто из них не думал на свои или вообще на какие-либо человеческие руки». (Оборот «подумать на что-нибудь» не является случайной опиской. Переводчик-соавтор остается верен ему и дальше: «Так бы я никогда не подумал на столь отважного офицера».) «Генрих хотел незаметно смешаться с этой толпой, был, однако, окликнут самим величеством. Последнее представляло плачевное зрелище. Не будь Генрих так же расстроен, он узнал бы нечистую совесть». «Имелся в виду укус в щеку, данный Генрихом и принятый шутом».

«Он перехватил предателя за воротами в момент их закрытия, сорвал с его лица маску и оставил с его позором. Так, по крайней мере, воображает этот Агриппа, когда подобный Фервак не находит ответа и тупо молчит». «Он сделал к ней один шаг, взял его тотчас назад и переночевал здесь же, в кресле». «Как он хотел бы помочь этому королю, а не быть вынужден его колебать, его и его королевство!». «Король Наваррский ждал назади» и т. д. и т. д.

Но не будем больше злоупотреблять терпением читателя. Если ему доведется прочитать эту книгу от начала до конца, то о нем, пользуясь одним из выражений Е. Садовского, с полным правом можно будет сказать: «Он уходил, склонив голову, и перед ним падали его слезы».

Как же могло случиться, что в советском издательстве, где рождение каждой новой книги окружено заботливым вниманием многих людей, мог выйти в свет столь косноязычный перевод, гораздо более смахивающий на подстрочник? Как могло случиться, что ни редактор книги Т. Раздьяконова, ни главный редактор, ни директор, ни, наконец, корректоры не обратили внимания на подлинное издевательство над русским языком, допущен-

ное при переводе? В каком свете предстает перед читателем этой редкостной, неповторимой книги творчество Генриха Манна? Почему Свердловское издательство не использовало какой-либо из печатавшихся ранее переводов романа?

И мы решили для сравнения обратиться к прежним изданиям той же книги. Тут нас ожидала еще одна, пожалуй самая крупная, неожиданность.

Оказалось, что заинтриговавшая нас книга является перепечаткой «Юности короля Генриха IV», выпущенной еще в 1939 году... Гослитиздатом в переводе того же Е. Садовского! (Мы не позволим себе сказать ничего плохого о редакторе гослитиздатовского издания Р. Гальпериной, поскольку за давностью лет подобные прегрешения, пожалуй, не наказуются.) Итак, Гослитиздату грозит опасность, так сказать, не извне, а изнутри.

«Вот видите,— могут сказать работники Свердловского издательства,— мы не так уж виновны. Конечно, отсутствие критического подхода, излишняя доверчивость к столичной марке...»

В ответ можно привести бессмертный афоризм Козьмы Пруткина: «Если на клетке слона прочтешь надпись: «буйвол», не верь глазам своим».

А. ИГЛИЦКИЙ.

КОРОТКО О КНИГАХ

★

О ЛЮДЯХ С ГОРЯЩИМИ СЕРДЦАМИ. Издательство «Правда», М. 1958. 46 стр. Цена 55 к.

Эта небольшая книжка — первый номер новой «библиотеки «Комсомольской правды» — посвящена «людям с горящими сердцами», тем, кто сорок лет назад вместе с Лениным и под его руководством свершал величайшую революцию. Сборник знакомит молодого читателя с Камо, Артемом (Сергеевым), Яном Фабрициусом, с первым наркомом по морским делам Павлом Дыбенко с Александрой Коллонтай.

Документальные очерки ярко раскрывают характерные черты каждого из этих беззаветно преданных революции героев-ленинцев.

«Перед нами партийная анкета Симона Аршаковича Тер-Петросяна, известного под овечьим именем Камо. «Подвергались ли репрессиям?» — спрашивает анкета. И тут же лаконичная фраза, написанная Камо: «Арестован шесть раз, бежал три раза, приговорен четыре раза к смертной казни с заменой двадцатью годами каторжных работ».

Героическая борьба Камо с царской полицией; глубокое, убеждающее каждого большевистское слово вожака украинских рабочих Артема; захватывающая борьба Павла Дыбенко во вражеском стане за души крестьян в солдатских шинелях; история четырех боевых орденов бывшего батрака, ставшего одним из лучших красных командиров, — Яна Фабрициуса; высокий гуманизм первого наркома социального обеспечения Александры Михайловны Коллонтай — обо всем этом тепло рассказано в книжке, которая даст молодому читателю замечательные примеры мужества, принципиальности, беззаветной преданности Родине.

А. ЕЛИСТРАТОВА. Роберт Бернс. Критико-биографический очерк. Гослитиздат. М. 1957. 158 стр. Цена 3 р. 40 к.

Великий поэт Шотландии Роберт Бернс давно любим и почитаем нашим народом. Его переводил Лермонтов, о нем писал Шевченко, поэзией Бернса восхищались Некрасов и Тургенев; новые переводы его стихотворений, сделанные Маршаком, создали поэту огромную аудиторию среди русских читателей.

А. Елистратова рассматривает творчество и жизненный путь шотландского барда в хронологической последовательности. Она

подробно анализирует народный характер поэзии Бернса, влияние, которое оказывает на него общественная и политическая обстановка второй половины XVIII века и его личная тяжелая, полная нужды жизнь.

«Могучее жизнелюбие Бернса было поистине взято с бою, — не только в единоборстве с личными невзгодами, омрачавшими всю его недолгую жизнь, но в борьбе с тройным — общественным, политическим и национальным — угнетением, во власти которого находился его народ», — справедливо пишет автор книги.

Все те, кто любит поэзию Бернса, и те, кто мало знает его творчество, с интересом и пользой для себя прочтут небольшой по объему, но богатый по содержанию очерк А. Елистратовой.

ПАВЕЛ ВЕЖИНОВ. Следы остаются. Повесть. Перевод с болгарского. Детгиз. М. 1957. 160 стр. Цена 3 р. 65 к.

Сюжет этой книги, вероятно, уже знаком многим нашим читателям. Прежде чем появился ее перевод, на советских экранах демонстрировался болгарский фильм, сценарий которого был создан по этой повести. Тем не менее всегда интересно познакомиться с первоисточником, ибо он оказывается, как правило, полнее, да и почерк автора проявляется в нем ярче.

«Следы остаются» — не первая повесть писателя-коммуниста П. Вежинова. Он начал печататься в Болгарии еще в тридцатых годах, выражая в своих произведениях протест против капиталистических порядков. После войны вышли его повесть «Златан», сборник военных рассказов «Вторая рота» и два романа для юношества — «За честь родины» и «Знамена стадиона».

В приключенческой повести «Следы остаются» автор рассказывает о бесстрашных болгарских ребятах, которые благодаря своей энергии, находчивости, а главное, горячему патриотизму помогли взрослым разоблачить диверсантов, действовавших на болгарской земле.

ПРЕМЕНДРО МИТРО. Ганг встречается с морем и другие рассказы. Перевод с бенгали. Издательство иностранной литературы. Москва. 1957. 146 стр. Цена 3 р. 75 к.

Литература на языке бенгали знакома русскому читателю главным образом по произведениям Рабиндраната Тагора. Премендро Митро — наш современник. Он внес большой вклад в бенгальскую литературу. П. Митро известен прежде всего как новел-

лист, хотя выступал и как романист, поэт, переводчик, сценарист и даже как детский писатель. Но в каком бы жанре Митро ни выступал, он был всегда певцом родного народа, художником, глубоко понимающим его интересы, глубоко сочувствующим его бедам, верящим в человека. Рассказы П. Митро посвящены простым людям — городской бедноте, мелким служащим, крестьянам. Они рисуют правдивые картины жизни Индии периода колониализма, жизни, большей частью жестокой и мрачной, полной пережитков феодализма. Таковы рассказы «Большой город», «Ганг встречается с морем», «Позор», «Последний день» и многие другие новеллы, вошедшие в этот сборник.

ЭРНСТ ТЕЛЬМАН. Избранные статьи и речи к истории германского рабочего движения. Том I (июнь 1919—ноябрь 1928). Перевод с немецкого. Издательство иностранной литературы. М. 1957. 472 стр. Цена 19 р. 60 к.

Избранные статьи и речи Эрнста Тельмана были изданы на немецком языке по решению Центрального комитета Социалистической единой партии Германии. Подготовку издания осуществил Институт марксизма-ленинизма при ЦК СЕПГ.

Вышедший в русском переводе первый том содержит большой материал по истории германского рабочего движения в первое десятилетие после войны 1914—1918 годов.

Книга дает яркое представление об упорной борьбе Тельмана против империалистической реакции, с одной стороны, и против всякого рода раскольников — от «ультра-левых» до правых — с другой.

В. П. ЧЕРТКОВ. Неантагонистические противоречия при социализме. Госполитиздат. М. 1957. 232 стр. Цена 4 р. 50 к.

«Ядром диалектики» называл В. И. Ленин закон единства и борьбы противоположностей. В книге В. Черткова рассматриваются специфические особенности действия этого закона в условиях социализма.

Автор ставит перед собой задачу «раскрыть в свете превосходства социализма перед капитализмом природу неантагонистических противоречий и тем самым осветить некоторые вопросы диалектики социалистического общества».

Привлекая большой теоретический и фактический материал, автор доказывает, что борьба нового со старым совершается у нас стихийно, а через сознательную деятельность строителей коммунизма. В этом одно из важнейших условий успешного движения вперед советского общества.

И. И. РОСТУНОВ. Петр Иванович Багратион. Очерк полководческой деятельности. Воениздат. М. 1957. 252 стр. Цена 5 р. 25 к.

Багратион. Со школьной скамьи памятно каждому имя этого героя Отечественной войны 1812 года, «наотличнейшего генерала», по слову Суворова.

Багратиону Л. Н. Толстой посвятил одни из лучших «военных» страниц в «Войне и мире», — недаром эти страницы так высоко

оценивал известный военный писатель генерал Драгомиров.

В книге И. Ростунова сделана попытка осветить все основные этапы полководческой деятельности Багратиона. Автор стремится опровергнуть мнение о Багратионе как только о храбром генерале, которому якобы не вполне были доступны «высшие соображения войны».

Особенно подробно автор разбирает участие Багратиона в альпийском походе Суворова, его роль в знаменитом марш-маневре Кутузова от Браунау к Ольмюцу в 1807 году, деятельность Багратиона в качестве командующего молдавской армией в 1809—1810 годах и его участие в Отечественной войне.

Книга дает отчетливое и цельное представление о Багратионе как о талантливом полководце суворовской школы, достойном соратнике и последователе своего великого учителя.

ЛЮ ГО-ЦЗЮНЬ. Рассказ о китайской книге. «Искусство». М. 1957. 92 стр. Цена 2 р. 5 к.

Великий китайский народ подарил человечеству много ценнейших изобретений. Среди них одно из первых мест занимает книгопечатание. Самая древняя китайская печатная книга появилась в 868 году. Научно-популярная брошюра профессора Пекинского государственного университета Лю Го-цзюня — первая переведенная на русский язык работа по истории китайской книги.

Хорошо иллюстрированная брошюра знакомит читателя со старинными иероглифическими надписями, относящимися ко второму тысячелетию до нашей эры, с первыми книгами на бамбуковых пластинках и на шелке, с изобретением бумаги. Шаг за шагом мы узнаем о дальнейших успехах книгопечатания в Китае — изобретении ксилографии и развитии печатания подвижными литерами.

Последняя глава посвящена книгоиздательскому делу в народном Китае. Чтобы проводить политическое, идеологическое и культурное просвещение широких масс рабочих, крестьян и солдат, только в одном 1953 году было издано 7300 тысяч экземпляров популярных иллюстрированных книг. Это в четыре раза больше рекордного общего тиража книг, изданных в 1936 году в гоминдановском Китае. Какой стремительный прогресс! — пишет в заключение автор.

РАЗВИТИЕ ЭКОНОМИКИ СТРАН НАРОДНОЙ ДЕМОКРАТИИ АЗИИ. Обзор за 1956 г. Внешторгиздат. М. 1957. 320 стр. Цена 12 р. 70 к.

...Пущен в эксплуатацию первый в стране автомобильный завод; вступил в строй первый в стране современный завод радиоламп, явившийся основой для развития здесь радиотехнической промышленности; освоено производство семидесяти пяти типов металлорежущих станков; завершены в основном социалистические преобразования в сельском хозяйстве, кустарной промышленности, в торговле... Вот что, в частности, означал

для китайского народа всего лишь один 1956 год.

Для Корейской Народно-Демократической Республики это был последний год трехлетнего плана восстановления и развития народного хозяйства. В 1956 году валовая продукция, например, машиностроительной и металлообрабатывающей промышленности в четыре раза превысила довоенный уровень. За тот же период в Монгольской Народной Республике посевные площади увеличились на 40 процентов, число сельскохозяйственных производственных объединений возросло в два раза по сравнению с 1955 годом. Для Демократической Республики Вьетнам 1956 год был знаменателен тем, что в стране было окончательно ликвидировано помещичье землевладение и миллионы крестьян получили землю; промышленность впервые работала на основе заданий государственного плана.

Книга, подготовленная к печати научно-исследовательским конъюнктурным институтом Министерства внешней торговли СССР, содержит много ценных сведений, иллюстрирующих развитие экономики стран народной демократии Азии.

Т. Н. ШЕГЛОВА. Вьетнам. Физико-географическая характеристика. Географгиз. М. 1957. 82 стр. Цена 4 р. 90 к.

Своеобразна и богата природа Демократической Республики Вьетнам. Живописные горы, тающие в свих недрах богатейшие месторождения полезных ископаемых, и плодородные низменности; пышная и разнообразная растительность. Почти треть всей площади страны покрыта тропическими и субтропическими лесами.

Книга Т. Шегловой — одна из первых попыток русского автора дать научное описание природы Вьетнама.

И. И. ПУЗАНОВ. В Швейцарских Альпах, Между Нилом и Красным морем. Географгиз. М. 1957. 280 стр. Цена 4 р. 45 к.

В книгу профессора И. И. Пузанова, зоолога и географа, вошли воспоминания о первых двух путешествиях, совершенных им еще в студенческие годы. Написанные в живой форме путевых заметок, очерки содержат материал, не утративший познавательного интереса.

Книга начинается с рассказа об экскурсии студентов Гейдельбергского университета (Южная Германия) по Швейцарии в 1907 году.

Во втором, более обширном очерке И. Пузанов описывает свою поездку в Египет и Судан в 1910 году для работы на коралловых рифах Красного моря. Автор рисует широкую картину жизни Северо-Восточной Африки, рассказывает о ее исторических памятниках, древнейшей культуре, своеобразных нравах египтян, суданцев, негров, не утративших своей самобытности в период английского владычества.

В книге дано довольно много фотоснимков, сделанных автором во время его путешествий.

КЭРОЛАЙН МАЙТИНГЕР. Охота за головами на Соломоновых островах. Географгиз. М. 1957. 312 стр. Цена 5 р. 90 к.

«В один прекрасный день наша экспедиция запросто отправилась писать портреты первобытных негроидов, живущих в юго-западной части Тихого океана», — так начинается свой рассказ молодая американская художница Кэролайн Майтингер. Вместе со своей спутницей, «мастерицей на все руки», без достаточных средств и снаряжения, но с большим запасом энтузиазма, отправилась она в малоизвестные районы Мелонезии. Автор живо и остроумно рассказывает о быте и нравах людей, живущих в этих местах, красочно описывает фауну и флору этого сказочного уголка земного шара. Бесчисленные приключения, порою грозящие гибелью, но не охлаждающие любознательности отважных путешественниц, заполняют главы этой увлекательной книги.

Оригинальные зарисовки, эскизы и портреты, сделанные автором, хорошо дополняют текст.

И. И. ВАХРАМЕЕВ. Во имя революции. Воспоминания. Воениздат. М. 1957. 92 стр. Цена 1 р. 45 к.

Военные моряки в Великой Октябрьской социалистической революции — таково в нескольких словах содержание этой книжки. На скрижалях Октября навечно записаны славные боевые дела военных моряков, беззаветно дравшихся за победу пролетарской революции, стойко охранявших ее от многочисленных и коварных врагов. Рассказывая об этих делах, автор — активный участник исторических событий октября 1917 года, бывший председатель Военно-Морского революционного комитета — делится с читателями своими воспоминаниями о встречах с В. И. Лениным и Я. М. Свердловым.

КНИЖНЫЕ НОВИНКИ

★

ГОСПОЛИТИЗДАТ

К. Маркс, Ф. Энгельс. Манифест Коммунистической партии. 72 стр. Цена 80 к.

Ф. Энгельс. Наброски к критике политической экономии. 40 стр. Цена 40 к.

В. И. Ленин. О VI («Пражской») Всероссийской конференции РСДРП. 120 стр. Цена 1 р. 40 к.

В. И. Ленин. Проект Устава РСДРП. Доклад об уставе партии на II съезде РСДРП 29 июля (11 августа) 1903 г. К партии. 128 стр. Цена 1 р. 35 к.

Ленин и Красная Армия. 88 стр. Цена 1 р.

Об итогах выполнения государственного плана развития народного хозяйства СССР в 1957 году. Сообщение Центрального статистического управления при Совете Министров СССР. 32 стр. Цена 40 к.

Декларации, заявления и коммюнике Советского правительства с правительствами иностранных государств. 1954—1957 гг. 328 стр. Цена 6 р.

В. Я. Аварин. Распад колониальной системы. 460 стр. Цена 10 р.

Генрих Боровик. Репортаж из новой Бирмы. 80 стр. Цена 1 р.

Клемент Готвальд. Избранные произведения. Том II (1939—1953 годы). 500 стр. Цена 10 р. 50 к.

Х съезд Коммунистической партии Чили. (Апрель 1956 год), 248 стр. Цена 5 р.

Донесения комиссаров Петроградского ВРК. 352 стр. Цена 7 р.

Е. Драбкина. Где роботы вытесняют людей. Заметки об интенсификации труда и внедрении автоматики в странах капитала. 128 стр. Цена 1 р. 45 к.

С. В. Кафтанов. СССР — страна передовой культуры. 64 стр. Цена 90 к.

А. Кладт, Г. Фавстов. Четыре ордена. 56 стр. Цена 65 к.

П. Моисеев, Ю. Розалиев. К истории советско-турецких отношений. 84 стр. Цена 1 р.

Народы Чехословакии в борьбе за социализм. 256 стр. Цена 7 р.

И. Петров. Стратегия и тактика партии большевиков в Октябрьской революции. 528 стр. Цена 9 р.

Пленум ЦК Коммунистической партии Испании. Август. 1956 год. 272 стр. Цена 5 р. 50 к.

По поводу так называемого «народного капитализма». 104 стр. Цена 1 р. 20 к.

В. Родионов. Американская политика «с позиции силы» — угроза миру. 128 стр. Цена 1 р. 60 к.

И. Рождественский. Абаканский железный рудник. 32 стр. Цена 35 к.

П. С. Ромашкин. Власть монополий. 132 стр. Цена 1 р. 75 к.

Федор Селиванов. Панфиловцы. 144 стр. Цена 1 р. 65 к.

Г. Слуцкий. Организация социалистического соревнования на промышленном предприятии. 64 стр. Цена 90 к.

В. С. Соминский. О техническом прогрессе промышленности СССР. 228 стр. Цена 3 р. 80 к.

О. В. Трахтенберг. Очерки по истории западноевропейской средневековой философии. 256 стр. Цена 6 р.

Успехи восстановления народного хозяйства Демократической Республики Вьетнам. (1955—1956 гг.) 272 стр. Цена 3 р. 50 к.

Конрад Фарнер. Рабочий класс Швейцарии до и после Великой Октябрьской социалистической революции (1914—1921 годы). 56 стр. Цена 60 к.

П. Федосеев. Социализм и гуманизм. 48 стр. Цена 60 к.

Клара Цеткин. Заветы Ленина женщинам всего мира. 48 стр. Цена 50 к.

Экономическое соревнование двух мировых систем. Сборник статей, 384 стр. Цена 9 р.

ИЗДАНИЕ ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР

Заседания Верховного Совета СССР пятого созыва. Первая сессия (27—31 марта 1958 г.). Стенографический отчет, 444 стр. Цена 8 р. 50 к.

Стенографический отчет издается на языках: русском, украинском, белорусском, узбекском, казахском, грузинском, азербайджанском, литовском, молдавском, латышском, киргизском, таджикском, армянском, туркменском и эстонском.

ИЗДАНИЕ ВЕРХОВНОГО СОВЕТА РСФСР

Заседания Верховного Совета РСФСР четвертого созыва. Пятая сессия (28—30 января 1958 г.) Стенографический отчет. 280 стр. Цена 6 р.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ИЗВЕСТИЯ СОВЕТОВ ДЕПУТАТОВ ТРУДЯЩИХСЯ СССР»

СССР. Справочник «Административно-территориальное деление союзных республик». 630 стр. Цена 25 р.

«СОВЕТСКИЙ ПИСАТЕЛЬ»

М. Алигер. Из записной книжки. Стихи. 156 стр. Цена 2 р. 60 к.

Л. Белинский. Бой и любовь. Стихи. 156 стр. Цена 1 р. 90 к.

Ф. Белкин. Деревня. Стихи. 132 стр. Цена 2 р. 90 к.

К. Бобохидзе. Лирика. Перевод с грузинского. 112 стр. Цена 1 р. 20 к.

Г. Бударов. Золотой перстень. Рассказ. 252 стр. Цена 5 р.

К. Буйло. У лесного озера. Стихи. Перевод с белорусского. 80 стр. Цена 1 р. 30 к.

А. Громова. Линия фронта — на Востоке. Повесть. 384 стр. Цена 6 р. 60 к.

А. Ионов. Душа шахтера. Повесть и рассказы. 204 стр. Цена 3 р. 65 к.

В. Канторович. Источник силы. Очерки. 480 стр. Цена 8 р. 40 к.

М. Кахана. Костя Гынгаш. Роман. Перевод с молдавского. 480 стр. Цена 9 р.

К. Некрасова. А земля наша прекрасна! Стихи. 132 стр. Цена 2 р. 90 к.

Г. Рыклин. Правдивые рассказы. 272 стр. Цена 3 р. 80 к.

Ф. Самойлов. Земляки. Рассказы. 192 стр. Цена 4 р. 10 к.

А. Тевзадзе. Ветер родных гор. Стихи. Перевод с грузинского. 92 стр. Цена 1 р.

М. Тейф. Избранное. Перевод с еврейского. 156 стр. Цена 3 р. 85 к.

Х. Турумбетов. Весна долгожданная. Стихи. Перевод с кара-калпакского. 100 стр. Цена 1 р. 20 к.

А. Ференчук. Кубанские рассказы. 236 стр. Цена 4 р. 45 к.

М. Шагинян. Об искусстве и литературе. 608 стр. Цена 13 р. 60 к.

ГОСЛИТИЗДАТ

Вэй Вэй. Самые любимые. Очерки. Перевод с китайского. 131 стр. Цена 3 р. 35 к.

Джером К. Джером. Избранные произведения. В двух томах. Перевод с английского. Том I. 503 стр. Цена 7 р. 50 к. Том II. 495 стр. Цена 7 р. 45 к.

Джеордже Кошбук. Избранные стихи. Переводы с румынского. 254 стр. Цена 5 р. 15 к.

Лион Фейхтвангер. Успех. Перевод с немецкого. 826 стр. Цена 14 р. 65 к.

Леонгард Франк. Избранное. Перевод с немецкого. 655 стр. Цена 14 р.

Хан Сер Я. Сумерки. Роман. Авторизованный перевод с корейского. 191 стр. Цена 4 р. 50 к.

Гильберт Кийт Честертон. Рассказы. Перевод с английского. 263 стр. Цена 3 р. 50 к.

Эсхил. Орестея. Перевод с древнегреческого. 175 стр. Цена 3 р.

«МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ»

П. Березов. Валериан Владимирович Куйбышев (1888—1935). 288 стр. Цена 6 р. 30 к.

В. Васильев. Познакомьтесь с шестой спортивной! 111 стр. Цена 1 р. 50 к.

Всегда всем весело. Сборник. 352 стр. Цена 12 р. 80 к.

Б. Егоров. Вчера, сегодня, завтра (публицистика). 128 стр. Цена 1 р. 90 к.

Н. Ершов. В лесном поселке. Рассказы и повести. 152 стр. Цена 2 р. 25 к.

М. Ефетов. Ключ дружбы. 224 стр. Цена 4 р. 70 к.

Леонид Иванов. Сибирские встречи. 104 стр. Цена 1 р. 60 к.

Лидия Компус. Даша Нечаева. 272 стр. Цена 5 р. 55 к.

Б. Кремнев. Вольфганг Амадей Моцарт. 288 стр. Цена 6 р. 20 к.

Вл. Львов. Жизнь Альберта Эйнштейна. 320 стр. Цена 6 р. 55 к.

И. Осипов. Искатели сокровищ. 112 стр. Цена 95 к.

В. Рапков, В. Пекелис. Юный киномеханик. 320 стр. Цена 6 р. 35 к.

Н. Тиханов. Развеселый Дунай. Повесть. 144 стр. Цена 1 р. 20 к.

П. Тронько. Бессмертие юных. 168 стр. Цена 2 р. 40 к.

А. Туницкий. Камни падают в море. Рассказы. 192 стр. Цена 4 р. 30 к.

Фридон Халваши. Белый апрель. Стихи. 112 стр. Цена 2 р. 35 к.

Григорий Ходжер. Первые сдвиги. Рассказы. 176 стр. Цена 2 р. 60 к.

Дм. Шостакович. Знать и любить музыку. 16 стр. Цена 20 к.

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР

П. М. Аламиев. Ликвидация экономического неравенства народов Советского Востока. 451 стр. Цена 19 р. 20 к.

Б. И. Бухаров. Политика США в отношении Китайской Народной Республики (1949—1953 гг.). 239 стр. Цена 8 р. 25 к.

Б. Д. Зотов. Внешняя торговля европейских стран народной демократии на службе строительства социализма. 195 стр. Цена 7 р.

История Северо-Осетинской АССР. 326 стр. Цена 13 р. 70 к.

В. Д. Королук. Древнепольское государство. 216 стр. Цена 7 р. 80 к.

Б. Г. Кузнецов. Принципы классической физики. 323 стр. Цена 13 р. 20 к.

Б. Р. Лазаренко, Н. И. Лазаренко. Электронская обработка токопроводящих материалов. 184 стр. Цена 2 р. 70 к.

Легкие сплавы. Металловедение, термическая обработка, литье и обработка давлением. 498 стр. Цена 28 р. 90 к.

С. М. Лисичкин. Очерки развития нефтедобывающей промышленности СССР. 428 стр. Цена 17 р. 80 к.

В. И. Пичета. Аграрная реформа Сигизмунда Августа в литовско-русском государстве. 547 стр. Цена 22 р. 20 к.

Применение вакуума в металлургии. Труды совещания по применению вакуума в черной металлургии. 166 стр. Цена 8 р. 80 к.

Сельскохозяйственная эрозия и новые методы ее изучения. 230 стр. Цена 15 р. 30 к.

М. И. Сидоров, Г. В. Плеханов и вопросы истории русской революционно-демократической мысли XIX в. 148 стр. Цена 4 р. 70 к.

С. М. Успенский. Птицы советской Арктики. 166 стр. Цена 3 р.

ВОЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

Ю. Бессонов. Восстание. Роман. 814 стр. Цена 15 р. 50 к.

С. Борзенко. Жизнь на войне. Записки военного корреспондента. 334 стр. Цена 6 р. 65 к.

С. М. Буденный. Пройденный путь. 446 стр. Цена 9 р. 50 к.

Я. Власов. На берегах Исети. Повесть. 396 стр. Цена 7 р. 60 к.

М. И. Калинин. О коммунистическом воспитании и воинском долге. Сборник статей и речей. 622 стр. Цена 9 р. 50 к.

Г. В. Кузьмин. Гражданская война и военная интервенция в СССР. Военно-политический очерк. 360 стр. Цена 7 р. 15 к.

И. С. Кутяков. Василий Иванович Чапаев. 86 стр. Цена 1 р. 40 к.

И. Левченко. Надежда. Рассказы. 124 стр. Цена 2 р. 60 к.

Иржи Марек. Бойцы идут ночами. Повесть. Перевод с чешского. 144 стр. Цена 4 р. 90 к.

И. С. Прочко. Артиллерия в боях за Родину. 326 стр. Цена 6 р. 60 к.

Сверхсрочники. Сборник очерков. 238 стр. Цена 4 р. 90 к.

Б. Л. Симаков, И. Ф. Шпилов. Воздушный Флот страны Советов. Краткий очерк истории авиации нашей Родины. 484 стр. Цена 10 р. 35 к.

ИЗДАТЕЛЬСТВО ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Кристина Е. Андрессон. Современная исландская литература. 1918—1948. Перевод с исландского. 211 стр. Цена 11 р. 65 к.

Гуннар Бенедиктссон. Исландия в борьбе за независимость (1940—1955). Перевод с исландского. 416 стр. Цена 15 р. 40 к.

Отто Гельстед. Стихи. Перевод с датского. 80 стр. Цена 1 р. 10 к.

Гильберт Грин. Забытый враг. Перевод с английского. 411 стр. Цена 9 р. 55 к.

М. Р. Дайо. Индонезийские сказки и легенды. Перевод с индонезийского. 219 стр. Цена 7 р. 70 к.

Ахмед Керума. Восставшие арабы в битве за Порт-Саид. Перевод с арабского. 149 стр. Цена 2 р. 90 к.

Ю. Кучинский. Положение рабочего класса в Англии (1832—1956 гг.). Перевод с немецкого. 381 стр. Цена 13 р. 60 к.

Лю Ши-ци. География сельского хозяйства Китая. Перевод с китайского. 403 стр. Цена 17 р.

Хосе Мансисдор. Заря над бездной. Перевод с испанского. 206 стр. Цена 5 р. 60 к.

В. Сомерсет Моэм. Подводя итоги. Перевод с английского. 227 стр. Цена 8 р. 50 к.

Ана Новак. Семья Ковач. Драма. Перевод с румынского. 95 стр. Цена 1 р. 75 к.

Ласло Немет. Галилей. Пьеса. Перевод с венгерского. 140 стр. Цена 2 р. 80 к.

Жорж Садуль. История киноискусства от его зарождения до наших дней. Перевод с французского. 463 стр. Цена 26 р.

Сказки народов банту. Перевод с английского. 104 стр. Цена 2 р. 15 к.

Дж. Стейнбек. Жемчужина. Перевод с английского. 74 стр. Цена 1 р. 90 к.

Лион Фейхтвангер. Испанская баллада. Роман. Перевод с немецкого. 448 стр. Цена 13 р. 60 к.

П. С. Флоренс. Структура промышленности и управление предприятиями Британии и США. Перевод с английского. 574 стр. Цена 20 р.

К. П. Шивашанкара-Менон. Древней тропею. Путевые заметки. Перевод с английского. 216 стр. Цена 6 р. 20 к.

МЕДГИЗ

Ф. И. Карамышев. Трудоспособность после инфаркта миокарда (по наблюдениям на производстве). 88 стр. Цена 2 р. 40 к.

А. С. Пипко. Рентгенодиагностика ранних осложнений после резекции желудка. 188 стр. Цена 9 р. 85 к.

А. А. Смородинцев. Грипп и борьба с ним. 16 стр. Цена 25 к.

В. Тошовский, О. Вихитил. Острые процессы в брюшной полости при врожденных аномалиях у детей. Перевод с чешского. 164 стр. Цена 8 р. 25 к.

МУЗГИЗ

Н. Бачинская. П. И. Чайковский. 230 стр. Цена 4 р. 60 к.

Музыкальный календарь на 1958 год. 198 стр. Цена 4 р. 30 к.

В. Стасов. Письма к родным. 546 стр. Цена 20 р. 90 к.

«СОВЕТСКАЯ РОССИЯ»

Маркс, Энгельс, Ленин об искусстве. 152 стр. Цена 2 р. 55 к.

Боевое содружество трудящихся зарубежных стран с народами Советской России (1917—1922). Документы и материалы. Сборник I. 574 стр. Цена 8 р. 90 к.

К. П. Горшенин. Беседы о Советской Конституции. 78 стр. Цена 70 к.

С. К. Жегалова. Русская деревянная резьба. Труды Государственного Исторического музея. 36 стр. Цена 3 р. 85 к.

М. И. Калинин. Выборы и советская демократия. Статьи и речи. 160 стр. Цена 3 р. 45 к.

П. А. Курочкин. Наша Советская Армия. 40 стр. Цена 45 к.

Рассказы пропагандистов. 88 стр. Цена 90 к.

РСФСР за 40 лет. Статистический сборник. 224 стр. Цена 10 р. 50 к.

ЮРИДИЧЕСКОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

Кодекс законов о браке, семье и опеке РСФСР. Официальный текст с изменениями на 1 апреля 1957 г. и с приложением статей систематизированных материалов. 156 стр. Цена 1 р. 25 к.

С. Г. Новиков. Постоянные комиссии Верховного Совета СССР. 48 стр. Цена 55 к.

Ю. К. Филонович. Советский депутат. 64 стр. Цена 90 к.

Главный редактор **К. М. Симонов**

Редакционная коллегия:

Б. Н. Агапов, С. Н. Голубов, А. Ю. Кривицкий (зам. главного редактора),
Б. А. Лавренев, М. К. Луконин, А. М. Марьямов, Е. Успенская, К. А. Федин

Редакция: Москва-Центр, Пушкинская площадь, 5 (почтовый адрес).
Вход с улицы Чехова, 1. Тел. К 5-76-97.

Сдано в набор 7/III-58 г.

Подписано к печати 17/IV-58 г.

А 03816. Формат бумаги 70×108¹/₁₆. 9 бум. л.— 24,66 печ. л. Тираж 140 000. Заказ 535.

Типография «Известий Советов депутатов трудящихся СССР»
имени И. И. Скворцова-Степанова, Москва, Пушкинская пл., 5.

Цена 9 руб.